СБОРНИК

Штамм Андромеды

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

4

ШТАММ «АНДРОМЕДА»

СБОРНИК НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

МОСКВА
«МИР»
1991

ББК 84(0)9
Ш28

Составитель *В. П. Кирчев*

Ш28 **Штамм «Андромеда»**: Сб. научно-фант. произведений; Пер. с англ./Сост. В. П. Кирчев.— М.: Мир, 1991.— 551 с.— (Зарубежная фантастика: Т. 4.)
ISBN 5-03-002746-7

В сборник включены романы американских писателей-фантастов М. Крайтона «Штамм „Андромеда“» и К. Вильгельма «Клон», а также английских авторов К. Педлера и Дж. Дэвиса «Мутант-59»».

Романы объединены общей темой экологических последствий научных открытий и ответственности ученых перед человечеством.

ББК 84(0)9

ISBN 5-03-002746-7

© Состав., Кирчев В. П., 1991
© Художественное оформление, Мир В. Ф., 1991

К. ПЕДЛЕР, Дж. ДЭВИС

МУТАНТ-59

Перевод О. Битова

I

Переключатель этот стоил 18 долларов 43 цента. Назначение его было точно таким же, как и у любого другого переключателя на прилавке магазина хозяйственных товаров, но с одной лишь разницей, мало существенной для обывателя, однако жизненно важной для Хансена. В техническом описании значилось: «Вероятность отказа = 0,0001», иначе говоря, она была бесконечно мала. За 18 долларов 43 цента вам гарантировалась практически абсолютная надежность. Щелчок в одну сторону — коррекция траектории производится вручную, щелчок в другую — это делается автоматически.

Командир космического корабля перевел переключатель в положение «вручную» и с этой секунды обрек себя на гибель.

Движение командира должно было послать мгновенный электрический импульс в хитросплетение микроцепей, спрятанных позади контрольной панели. Но ток достиг лишь крохотной проволочки, некогда надежно изолированной, а теперь — невидимо для глаз — мерцавшей оголенным металлом. На панели тотчас, мигнув, ровным светом загорелся красный тревожный огонек.

Лицо командира осталось бесстрастным. Быть может, лишь слегка расширились зрачки да чуть дрогнули веки. Он вернул переключатель в прежнее положение, затем опять щелкнул им — тревожный огонек послушно погас, но тут же вспыхнул снова.

Оба других члена экипажа сосредоточенно следили за его действиями. Их лица также ничего не отражали. Люди смертельно устали. Нечеловеческое напряжение темными тенями легло вокруг глаз.

Воля всех троих была направлена только на одно — выжить во что бы то ни стало, выжить: этому учили их долгие годы тренировок.

Командир глубже втиснул свое певесомое тело в кресло. Он молчал. Двое других тоже не проронили ни слова. Внезапно кабину наполнил невыразительный, искаженный помехами голос — их вызывал центр управления полетом в Хьюстоне.

— Хэлло, Кондор, до последней коррекции остается одна минута сорок пять секунд. Даем сигнал...

Вслед за голосом коротко мяукнул зуммер. Командир ответил самым обыденным тоном:

— Внимание, Хьюстон, вышел из строя переключа-

тель, компьютер не срабатывает, сами отделить посадочную ступень не сможем, повторяю, отделить посадочную ступень не сможем. Прием...

Снова зуммер.

— Кондор, вас понял. Проводим наземную проверку, прием...

— Спасибо, Хьюстон...

Корабль — ничтожная частичка в пустоте и мраке пространства — быстрее любого снаряда мчался по изогнутой траектории навстречу Земле, не оставляя за собой ни следа, ни звука.

— Кондор, наземная проверка подтверждает неисправность на борту. Переключитесь на автоматику, повторяю, передайте контроль автоматике...

— Вас понял, Хьюстон. Прошу повторить время коррекции...

Командир тронул переключатель, и тревожный огонек погас.

— До запуска двигателей остается одна минута пятнадцать. Даем сигнал...

Зуммер мяукнул снова.

В биомедицинском отделе центра управления полетом врачи озабоченно следили за скачками самописцев, фиксирующих состояние экипажа. Один из них сделал пометку в своем дневнике: «Первый пилот — тахикардия, пульс 110, частота дыхания 30».

А в командном отсеке корабля, позади контрольной панели, шел процесс, не предусмотренный конструкторами,— с каждой секундой неумолимо приближался конец...

Неожиданно отказали еще два микроэлемента. По цепям счетно-решающих устройств пронесся целый шквал импульсов. Последовала беззвучная вспышка — и в тесноту кабины ворвался дым. Трое космонавтов, задыхаясь, отчаянно старались сохранить контроль над кораблем, но корабль, уже совершенно не управляемый, стремительно приближался к границам атмосферы...

Пассажиры рейса 122, летевшие над Атлантикой в Нью-Йорк, дремали — в салоне горел неяркий синий свет. Только мальчонка в кресле у окна беспокойно ерзал, то и дело прижимаясь носом к стеклу, и вдруг, отпрянув от иллюминатора, вцепился в руку матери:

— Мама, смотри скорее, мама!..

Он показывал пальцем за окно. Мать, очнувшись,

наклонилась над малышом и посмотрела вслед за ним в ночь.

Поперек ясного звездного неба пролегла пламенеющая оранжевая дуга; было видно, что начало ей дает какое-то движущееся тело. Некоторое время оно росло на глазах, а потом распалось на три огненных комка, которые рассыпались в темноте, словно искры гигантского фейерверка в День независимости. Мать откинулась в кресле и ласково прижала сынишку к себе.

— Это звезда упала, милый. Не бойся, она никому не причинит вреда...

Миссис Гаррис сложила книги мужа на чердаке, прикрыла за собой люк и, тяжело дыша, спустилась по приставной лестнице. В больнице обещали, что он протянет месяца два, а на самом деле все кончилось за три недели...

В гостиной ей на глаза попалась их свадебная фотография в широкой рамке, и, всплакнув, она подумала: а не убрать ли и фотографию на чердак вместе с другими его вещами? Но потом женщина вспомнила о своем высоком давлении и больных ногах и, сняв фотографию со стены, положила ее на каминную доску.

Это спасло ей жизнь.

Командир самолета, следовавшего рейсом 510 из Парижа в лондонский аэропорт Хитроу, был в прекрасном настроении. Впереди не предвиделось никаких особых осложнений, разве что легкая дымка в Хитроу. Дверь за спиной отворилась, и в кабине появился второй пилот. Привычно проскользнув между откинутым сиденьем и пультом и не задев ни одного из бесчисленных рычажков и приборов, он опустился на свое место. Командир встретил его с ухмылкой:

— Думаешь, не знаю, где ты пропадал? Мне казалось, правда, что она помолвлена...

— Все члены экипажа,— ответил второй пилот, потирая руки,— обязаны беспрекословно выполнять распоряжения старших по рангу...

— Ну, положим, только в профессиональных вопросах...

Второй пилот поспешил сменить тему:

— Какое у нас расчетное время прибытия?

— Семнадцать десять, если над полосой не продержат...

Капли дождя скользили по стеклам кабины. Сливаясь

в ручейки, они почти скрывали плотную пелену облаков, расстилавшуюся над самолетом.

Командир вышел на связь с диспетчером в Хитроу, стараясь выделить его голос из заполнявшей эфир беспорядочной болтовни.

— Альфа Чарли вызывает борт 510. Вам разрешается войти в зону. В квадрате 82 выполняйте правый разворот...

— Благодарю, Альфа Чарли, разворачиваюсь направо...

Пока командир вел переговоры, бортинженер снимал показания приборов, контролирующих работу каждого из четырех двигателей: температуру, тяговое усилие, давление масла. Свои наблюдения он заносил в бортовой журнал, привязанный к приборному щитку,— а самолет тем временем накренялся, ложась в последний вираж. Вот уже он вошел в конус радиосигналов, которые должны привести его на посадочную дорожку. Второй пилот отметил, что машина идет совершенно точно и по направлению и по углу снижения. Они миновали первый вертикальный маркер...

Эна Гаррис приготовила на кухне чай и теперь, мрачно уставившись в окно, не торопясь, прихлебывала его из обжигающе горячей чашки.

В левом крыле лайнера, выполнявшего рейс 510, пряталась маленькая серая коробочка, начиненная пластинками с замысловатыми узорами печатных схем. Блестящее дюралевое крыло скрывало в себе целую сеть сосудов, почти не уступающую по сложности живому организму, а коробочка призвана была контролировать подачу топлива в двигатель номер два. Именно отсюда на пульт бортинженера поступали данные о питании двигателя, а также о температуре огненного вихря, ревущего в его турбовентиляторном сердце.

Но вот внутри серой коробочки от одной пластинки стал медленно отделяться двухмиллиметровый проводничок.

А в кабине командир корабля уже обменивался с наземным диспетчером последними репликами:

— Альфа Чарли вызывает борт 510. Вам разрешается посадка на полосу четыре. До свидания.

— Спасибо, Альфа Чарли. До свидания.

И командир выключил передатчик.

Именно в этот момент спрятанная в крыле коробочка окончательно вышла из строя. В двигатель номер два хлынуло горючее из центрального бака, расположенного в нижней части фюзеляжа, хлынуло так, как если бы топливопровод от бака левого крыла был предварительно перекрыт.

Но топливопровод перекрыт не был...

Двигатель захлебнулся, последовал внезапный короткий взрыв, одна из лопаток турбинного вала отломилась и со скоростью пули отлетела вверх. Как нож масло взрезав листовой металл, она прошила плоскость крыла, вспорола герметизированные патрубки и наконец застряла в плотном переплетении трубопроводов между щитком поперечного управления и закрылками. Из разорванных сосудов хлынула «кровь»— красная гидравлическая жидкость. Мгновенно раскрылись внутренние и внешние элероны, и их тут же заклинило. Сорвавшись с подвески, развалился двигатель. Крыло рывком опустилось вниз — и раненую машину неудержимо потянуло в сторону, все дальше от конуса радиосигналов, гарантирующего безопасность...

Миссис Гаррис безрадостно допила свой чай и отправилась в сад, чтобы снять с веревок белье. Едва она сложила первые простыни, серые от дождя и тумана, как до нее донесся гул приближающегося самолета.

Она прожила здесь, в Айлуорте, всего в нескольких километрах от главного аэропорта столицы, целых двадцать лет и обычно не обращала на этот гул внимания. Но на сей раз звук был каким-то особенным, и женщина невольно стала вглядываться во мглу. Надсадный рев достиг немыслимой силы, и тогда над верхушками яблонь в в дальнем углу сада вдруг показался исполинский фантастически накрененный крылатый силуэт.

Эна Гаррис остолбенела, не веря собственным глазам, а потом бросилась к дому. Она уже добежала до двери, когда гигантская тень самолета заслонила небо. Последнее, что она запомнила, прежде чем потерять сознание, был черный кокон колеса и блестящие стойки шасси, мелькнувшие над самой ее головой.

С этого мгновения лайнер, выполнявший рейс 510, как летательный аппарат прекратил свое существование. Колесо, расшвыряв черепицу и аккуратные стопки книг, врезалось в чердак, стропила взвились в воздух, словно

спички, а самолет перевернулся и начал разваливаться. Одно из крыльев снесло постройки по другую сторону улицы, а фюзеляж, будто вырвавшаяся на волю исполинская торпеда, распахал середину мостовой и, опрокидывая людей и автомашины, проложил по ней страшную дорогу смерти. Оторвавшийся двигатель правого крыла, все еще продолжая работать, пробил витрину переполненного магазина самообслуживания и взорвался внутри его. Хвостовой отсек, кувыркаясь подобно чудовищному бумерангу, вонзился в стену лотерейного агентства и исчез в облаках кирпичной пыли. Отделившаяся носовая часть, докатившись до конца улицы, подпрыгнула на прощание и закончила свой последний прыжок в сплошном нагромождении домишек, круша их стены и потолки. Остатки фюзеляжа просто рассыпались и завертелись в воздухе кусками рваного металла.

Жизнь сорока восьми пассажиров и членов экипажа оборвалась почти мгновенно — смятые переборки, лопнувшие стойки и панели располосовали их тела на куски и разбросали кошмарным дождем на всем протяжении улицы.

Шел сильный косой дождь, и Анну Креймер слегка знобило. Она подняла капюшон плаща и, напрягая слух, старалась разобрать, что говорит офицер, расположившийся с мегафоном на молу.

С мостика небольшого конвойного миноносца, где она стояла, была хорошо видна носовая палуба атомной подводной лодки «Ринаун», вооруженной шестнадцатью ракетами класса «Поларис А-3». На черной овальной палубе ее китообразного корпуса, открытые всем дождям, зияли шестнадцать люков, ведущих к пусковым установкам. У одного из люков, задрав кверху головы, стояли двое матросов. Со стрелы крана к ним лениво спускался темно-серый цилиндр ракеты. Матросы осторожно направили ее хвост точно в отверстие люка, и ракета медленно исчезла в нем. Затем они принялись задраивать люк круглой пластмассовой мембраной.

Анна и ее коллеги — небольшая группа журналистов — жались к стене рубки, пытаясь хоть как-то укрыться от дождя. Усиленный мегафоном голос отдавал металлом:

— При запуске давление газов, созданное обычным пороховым взрывом, выталкивает ракету вверх. Мембра-

на прорывается, и ракета покидает подлодку, направляемая на цель с помощью компьютеров...

Голос трескуче продолжал в том же духе. И Анна подумала, что вряд ли в будущей статье ей удастся воспроизвести этот рассказ, разве что официальный текст, предназначенный для печати, окажется достаточно подробным. Следовало бы как-нибудь ухитриться и набросать черновик.

За окнами кают-компании завывал шторм, пеленой дождя маскируя огромные эллинги под горой на берегу залива. Внутри царил мягкий полумрак, было тепло. Приглушенные разговоры у стойки бара стали громче и непринужденнее. Группу подобрали явно наспех. Рядом с журналистами, на лацканах которых красовались оранжевые жетоны «Пресса», офицеры в форме казались невероятно холеными и изысканно воспитанными.

— Леди и джентльмены! Минуточку внимания!..— возвысил голос старший офицер. Разговоры смолкли.— Благодарю вас. Прежде всего позвольте мне приветствовать вас от имени командования базы Герлох. Надеюсь, вы повидали здесь все, что хотели...

Журналисты откликнулись на это заявление добродушным гиканьем. Офицер ответил им улыбкой:

— Уверяю вас, леди и джентльмены, что закон о сохранении государственной тайны не имеет отношения к системам, дислоцированным в нашем баре, так что прошу вас — не стесняйтесь!

— Благослови вас бог, начальник,— насмешливо воскликнул один из гостей, приподняв свой стакан.

— Теперь о программе на завтра,— продолжал офицер.— С утра мы предлагаем вам посетить учебные классы, где готовят персонал для работы с ракетами «Поларис»,— боюсь только, там придется воздержаться от фотографирования. Затем мы с вами планировали подняться на борт «Тритона», первый из подлодок ее величества, вооруженных ракетами «Посейдон». Как вам известно, завтра «Тритон» должен был отшвартоваться на нашей базе, однако вследствие непредвиденных обстоятельств произошла некоторая задержка, поэтому мы поведем вас в сухой док, где в настоящее время стоит на ремонте подлодка «Резолюшн». Да, и еще вот что: обед будет подан в семнадцать тридцать. Благодарю за внимание.

— Что случилось? — обратилась Анна к стоявшему

рядом с ней журналисту.— До сих пор они были точны как часы.

Обычно веселый и разговорчивый, сейчас Мэтт был серьезен, его глаза рыскали вокруг в поисках намека на разгадку.

— Ты права, они никогда не меняют расписания без чертовски уважительных причин.— Он пристально посмотрел на Анну.— У них определенно что-то стряслось...

Доктор Лайонел Слейтер специализировался в области теории связи. Еще в студенческие годы его отмечали как очень одаренного математика. Правда, кто-то из преподавателей однажды заметил, что, кроме склонности к математике, у него есть еще и прискорбная склонность к выводам, которые выходят за рамки строгой научности. Завершив диссертацию, Слейтер воспользовался субсидией, чтобы совершить поездку по научным учреждениям Северной Америки, а затем возвратился в Англию и в поисках работы принялся изучать объявления в специальных журналах. Его американское турне не было ни особенно интересным, ни особенно успешным, если не считать одного происшествия, которое само по себе тоже отнюдь не выглядело значительным.

Хотя поездка обошлась молодому ученому гораздо дороже, чем он предполагал, Слейтер позволил себе добраться от аэропорта Кеннеди до Манхэттена вертолетом: ему очень хотелось посмотреть на город с высоты.

Глядя с птичьего полета на забитые автомобилями улочки и перекрестки Бруклина, он представил себе все это как единую систему. Движение блестящих цветных точек подчинялось определенному ритму, они не просто повиновались сигналам светофоров, а каким-то неведомым образом влияли друг на друга. Слейтер даже набросал в записной книжке приближенные математические зависимости и к тому моменту, когда вертолет приземлился, был уже целиком во власти того особого возбуждения, с которым неизменно связано возникновение хорошей новой идеи.

Вернувшись в Англию, Слейтер после долгих и тягостных поисков нашел себе работу в исследовательском центре при министерстве транспорта и с помощью инженеров-автодорожников и специалистов по электронике стал «доводить» свою идею до уровня практической осуществимости.

Он придумал и название для своего проекта: «Самообучающаяся дорожная система».

Упрощенно его идея сводилась к тому, чтобы, взяв замкнутую сеть улиц, превратить ее в подобие биологического целого. Снабдить ее «органами чувств»— пневматическими счетчиками, помещенными под поверхностью мостовых, и телевизионными камерами, а всю информацию, поступающую от этих органов чувств, передавать на компьютер, способный корректировать свои решения на основании накопленного опыта, иначе говоря, «самообучаться». И, наконец, связать этот компьютер обратной связью со светофорами и с полицией, регулирующей движение.

Отличие системы Слейтера от других подобных систем заключалось именно в способности компьютера «самообучаться». Изучая транспортные потоки на переданных под его контроль улицах, он мог максимально увеличить интенсивность движения на каждый отдельный день, неделю или месяц. Категорически возражали против этого проекта лишь полиция да некто Эзертон.

Недовольство полиции, по мнению Слейтера, было вызвано чисто эмоциональными соображениями — они, мол, люди и не должны попадать в рабскую зависимость от машины. Это-де унизит их человеческое достоинство.

Эзертон входил в состав комитета, который в конце концов одобрил предложенную систему. Тем не менее он остался убежденным противником самой идеи, утверждая, что последствия в достаточной мере не взвешены и что эксплуатационные качества самообучающегося компьютера не могут быть определены с полной научной достоверностью.

Для эксперимента был выбран район, ограниченный четырьмя улицами: Нейтсбридж с севера, Кромвел-роуд с юга, Глочестер-роуд с запада и Слоун-стрит с востока. Потребовалось четырнадцать месяцев, чтобы установить необходимое оборудование и проложить кабели, связывающие его с компьютером и с постом управления в расположенном поблизости Имперском колледже.

Прежде чем начать эксперимент, были собраны исчерпывающие данные о транспортных потоках в районе, чтобы сопоставить скорости движения до и после пуска системы. Пришлось соединить систему с контрольными постами на магистралях, ведущих в этот район, и на выходе из него: принятые компьютером решения надлежало учитывать и в соседних кварталах.

Еще три месяца ушло на то, чтобы «преподать» машине нужный курс: она должна была полностью осознать свои жизненные функции. И только после многократных проверок ей было доверено управлять своими нервами и мышцами — сигналами светофоров и действиями полисменов в шлемах с антеннами.

Слейтеру вспомнилось, с какой тревогой он впервые передал машине контроль за движением. Данные о транспортных потоках на каждом отдельном участке поместили возле счетчиков, которые должны были регистрировать те же потоки, но уже управляемые компьютером. Несколько долгих мучительных минут счетчики не показывали никаких перемен, но вот медленно, очень медленно начались улучшения. Машина словно бы сердилась за то, что на нее взвалили столь высокую ответственность. В последующие часы вплоть до позднего вечера скорость движения продолжала возрастать. Торжествующие ученые, оставив систему под наблюдением ассистентов, отметили победу приличествующим случаю возлиянием.

С тех пор пропускная способность системы неуклонно возрастала, пока не достигла расчетной величины. Но сегодня Слейтер опять не находил себе места. Он нервно мерил комнату шагами, перекладывал папки, что-то поправлял и передвигал.

Перед ним в боевом порядке выстроились сорок восемь телевизионных экранов. Возле каждого из них освещенный счетчик показывал интенсивность транспортных потоков на данном перекрестке. Рядом со счетчиком на специальной карточке значилась контрольная цифра, полученная до ввода системы в действие. Окинув взглядом экраны, на которых бесконечной вереницей двигались лимузины и автобусы, Слейтер утешил себя надеждой, что все и впредь будет в порядке. Потом он посмотрел на часы — оставалось десять минут. Черт его знает, как полагается разговаривать с министрами — непрерывно кланяться и повторять через каждое слово «сэр»?

На посту управления сегодня был образцовый порядок. Слейтер едва удержал секретаршу от того, чтобы водрузить на пульт горшок с цветами. Наконец, она просунула голову в дверь и сообщила:

— Идут!

Из коридора послышались приближающиеся голоса, дверь распахнулась, и вошли директор исследовательского центра, министр, два его помощника и... Эзертон. Ди-

ректор представил Слейтера; сегодня он так и светился профессиональным обаянием.

— Ну, а теперь, Слейтер, расскажите нам вкратце, как поживает ваше дитя. Мне докладывали, что все в полном порядке.

— Совершенно верно, сэр, пропускная способность удерживается на одном уровне. Скорость движения возросла почти повсеместно на восемь и четыре десятых процента.

Министр, для которого это был уже третий деловой визит за день, считал своим долгом проявить хотя бы некоторый интерес.

— Скорость движения,— повторил он.— Да, да, разумеется. Однако не расскажете ли вы мне все так, словно... словно перед вами ребенок лет трех от роду.

И он улыбнулся, показав желтые от табака зубы.

Слейтеру ничего не оставалось, как приступить к очередному, по собственному его выражению, «разжевыванию для кретинов». Директор покровительственно улыбался, а министр время от времени кивал. Если же он вдруг действительно понимал, о чем идет речь, кивки становились короче и чаще.

Компьютер в соседней компате работал почти беззвучно — слышались лишь отрывистые щелчки, когда записывающие головки меняли свое положение. Ничто не указывало на то, какой интенсивный поток информации устремляется сюда с соседних перекрестков. Счетно-решающее устройство за доли секунды обрабатывало ее, производя сложнейшие вычисления, а логические схемы — душа компьютера — выносили правильные решения. Все компоненты работали безупречно.

Но вот один из них, названный конструкторами логической ячейкой М-13, выдал два неверных решения, а потом и вовсе отказал.

Слейтер уже благополучно заканчивал свое сообщение, а тем временем последствия отказа этой ячейки множились, расходясь как круги по воде, от центра к периферии подчиненной машине дорожной сети.

Заговорил министр:

— Замечательно, Слейтер. Очень-очень интересно. Поздравляю вас. Мне известно, что до сих пор ваши идеи не пользовались всеобщей поддержкой,— Эзертон переминался с ноги на ногу,— но заверяю вас, отныне вы не будете испытывать никаких... гм, никаких финансовых затруднений.

Он подошел поближе к телеэкранам.

— Где же это мы? Ну, конечно, как же я сразу не узнал — Музей естественной истории, не правда ли? А вон и Музей королевы Виктории и принца Альберта...— Он был похож на ребенка, получившего новую игрушку.— Замечательно, чувствуешь себя будто в центре исполинского мозга...

Но тут голос министра сорвался, маленькие голубые экраны приковали к себе общее внимание.

Отказ одного-единственного компонента до основания сотрясал теперь всю систему. На перекрестке Эгзибишн-роуд и Кромвел-роуд светофор переключался с красного на зеленый и тут же снова на красный. Такси, успевшее выскочить на перекресток, сразу же столкнулось с автобусом.

На перекрестке Найтсбридж и Слоун-стрит светофоры совсем потухли, чтобы через минуту совершенно сойти с ума. Машины, двигавшиеся на запад от Пикадилли, в мгновение ока сбились в грандиозную чадящую пробку.

Показания счетчиков с Принс-Консорт-роуд вдруг сразу возросли на два порядка, в результате на Куинс-гейт у перекрестка с Кромвел-роуд включился постоянный зеленый. Прошло каких-то четыре минуты, и движение во всем районе оказалось полностью парализованным. В общей неразберихе то и дело происходили несчастные случаи, но кареты скорой помощи не могли пробиться по задыхающимся улицам — в ранних сумерках беспомощно мигали их синие огоньки.

На посту управления стояла полная тишина — никто не решался заговорить первым. Наконец директор не выдержал:

— Бога ради, Слейтер, что случилось?

Слейтер был ошеломлен.

— Боюсь... Нет, не знаю. Просто не знаю...

Ему хотелось расплакаться.

Министр посмотрел на своих помощников и сказал подчеркнуто твердо:

— Извините, джентльмены, но... гм... нам пора возвращаться в министерство. Не забудьте,— обратился он к директору,— представить мне обо всем этом подробный доклад...

Директор ответил мрачным кивком. Министр вспомнил про Слейтера:

— Весьма сожалею, поверьте, весьма и весьма сожалею...

Когда они выходили из комнаты, лицо Эзертона ничего не выражало, он только пристально посмотрел на Слейтера через плечо.

II

Исподволь наблюдая за своими коллегами, Люк Джеррард в десятый раз за день задавал себе один и тот же вопрос: за каким, собственно, чертом его сюда занесло?

Большую часть времени они, сотрудники агентства Креймера, проводили, слоняясь по комнате в тщетной надежде найти решение проблемы бутылочного горлышка. Джеррарда давно уже тошнило и от бессмысленности их усилий, и от самих его коллег.

За окном был серый декабрьский день. Часы показывали половину пятого, постепенно темнело. В сумерках комната казалась Джеррарду еще более мрачной, чем обычно. Кирпичные, в викторианском духе стены школьного здания, которое агентство приспособило для своих нужд, упорно противились всяким попыткам обновления. Здание, как непреклонная старая дева, меняться не желало. Комната оставалась сырой, темной, промозглой и неуютной — возвышение для кафедры в одном углу, огромная доска на роликах размером чуть не во всю стену — в другом. Доску почти сплошь покрывала паутина формул; на стульях, на столах, на полу — повсюду валялись скомканные блокнотные листки. Десятидневные усилия завели группу в совершеннейший тупик.

Виной тому отчасти был сам состав четверки: Креймер подобрал ее на удивление плохо. Десять дней подряд шотландец Бьюкен — редкое терпение и склонность к самоанализу — словно машина, выкидывающая тарелочки для стрельбы, выдавал идеи, а англичанин Райт только и делал, что с первого выстрела разносил эти идеи вдребезги. Джеррарду осточертели и тот и другой. Они были как числитель и знаменатель, сокращающиеся без остатка, а проблема — ни с места.

Все, что в обычных условиях могло бы стать отправной точкой для творческой мысли, здесь сводилось на нет, а то и превращалось в новый источник напряженности. Оставалось только диву даваться: на что в сущности рассчитывал Креймер, когда нанимал на работу людей, столь разных по темпераменту, мировоззрению и научной подготовке! Пока они преуспели только в одном более или

менее значительном начинании — изобрели самораспадающуюся пластмассовую бутылку; шеренга таких бутылок украшала дальнюю стену комнаты, дабы поразить воображение посетителей, если таковые удостоятся чести быть приглашенными сюда, в святая святых фирмы.

Джеррарду представлялось истинным чудом, что они придумали хотя бы эту бутылку. Он перевел взгляд на третьего из своих соратников — Джима Скэнлона.

Скэнлон был моложе других — бодренький, чересчур услужливый и довольно безликий технарь, из тех, кому природа не отмерила склонности к творчеству. «Вот продавец из него был бы неплохой»,— подумалось Джеррарду. А пока что Скэнлон получал, по-видимому, удовольствие от того, что сеял рознь между Бьюкеном и Райтом, натравливая их друг на друга. Впрочем, Скэнлону следовало отдать должное — если ему поручали конкретную лабораторную задачу, он выполнял ее точно и добросовестно.

Вошла секретарша Бетти с чаем. Водрузив поднос на стол, она задала свой коронный вопрос:

— Кому пирожных?

Вопрос этот, как уже успел усвоить Джеррард, был чисто риторическим. Райт, казалось, вовсе ничего не ел; он весьма скрупулезно следил за собственным весом и ни при каких обстоятельствах не притронулся бы к клейкому крему, неизбежно венчавшему любое из купленных Бетти пирожных. А гурман Бьюкен никогда не опустился бы до того, чтобы перебить себе аппетит незадолго до обеда.

Пока Бетти разливала чай, мужчины с сумрачным видом молчали.

— Сегодня мы все равно не придумаем ничего путного, давайте закругляться,— сказал наконец Райт и прищурясь, глянул из-под очков на Бьюкена, будто вызывая его на спор.

Но Бьюкен ответил усталым согласным кивком:

— Вы правы...

Бетти подала Джеррарду его чашку, и он отошел к окну. Внизу на улице мерцали желтые фонари, снова моросил дождь, и Джеррарду с мимолетной тоской подумалось, что в Канаде, в его родном городишке, улицы, наверное, уже выбелены первым снегом. Память вернула его на два года назад, к той минуте, когда ему довелось познакомиться с Арнольдом Креймером, который прише-

тел в Канаду провести серию исследований, выбрав для этой цели университет, где работал Джеррард.

В течение трех месяцев они сотрудничали бок о бок. Темой своих экспериментов Креймер избрал самопроизвольное разрушение пластмасс, а в результате — в результате в жизни Джеррарда произошел непредвиденный поворот. Он позволил себе углубиться в воспоминания, пытаясь разобраться в собственном душевном состоянии тогда и потом.

До университета он был врачом со скромной практикой на рудниках в северной части провинции Онтарио. Там он встретил Шарон, женился на ней и, заразившись ее неугомонной энергией, в тридцать лет решил попробовать свои силы на новом поприще — в экспериментальной биологии. Однако университетская жизнь на поверку оказалась пустой и нудной, и к тому времени, когда на горизонте появился Креймер, Джеррард начал понимать, что попал на дорогу, ведущую в никуда.

Креймер учился в Гарварде, у лучших ученых Америки. Человек недюжинного ума, он отличался также поразительной активностью и редким даром критического анализа. Поначалу Джеррард принимал его с большим трудом. Ярость творческих сил, бушевавших в этом человеке, попросту пугала канадца, и ему отнюдь не сразу удалось наладить с Креймером нормальные отношения. Но когда отношения наладились, соприкосновение с могучим интеллектом Креймера послужило для Джеррарда огромным стимулом в работе.

Креймер жил в доме Джеррарда, и Шарон присматривала за ними обоими. Это было время великих надежд, и, когда Креймер в конце концов вернулся в Англию, чтобы основать там свое научное агентство, Джеррард бесповоротно понял, что никогда не сумеет приспособиться к затхлой атмосфере провинциального университета с его незыблемой табелью о рангах.

Между Джеррардом и Шарон возникли трения, постепенно обострившиеся до взаимных измен и мучительного по своей пошлости развода. Джеррард остался в университете еще на год, но все более замыкался в себе и все решительнее возмущался системой авторитарной власти, навязанной старыми профессорами.

Бунт увенчался успехом, но, как нередко случается с бунтовщиками, и противники, и сторонники отвернулись от него. Именно в эти тяжелые дни раздался телефонный звонок из Лондона, и Креймер предложил ему перей-

ти в агентство. Решение было мгновенным: Джеррард подал в отставку, продал дом, машину, мебель и, сократив свое имущество до двух чемоданов, перелетел океан, чтобы занять предложенное место.

Внешне начинание Креймера выглядело необычным, но многообещающим: группа специалистов, объединив свои способности и знания с организационным гением Креймера, по заказу предугадывает и решает любые проблемы научно-технического характера.

Постепенно группа вышла за рамки чужих проблем и по собственной инициативе сделала несколько крайне прибыльных изобретений.

Одно из таких изобретений разработал химик Райт. Он создал пластик под названием аминостирен — новый износоустойчивый изоляционный материал, нашедший широкое применение в промышленности. Другое изобретение было в сущности попыткой внести вклад в дело борьбы за охрану окружающей среды: пластмассовая бутылка, под воздействием света рассыпающаяся в мелкую пыль. Сама идея представлялась Джеррарду блестящей — именно такие плоды и должны были произрастать в столь замечательной теплице, но прошло какое-то время, и он понял: в деятельности агентства безвозвратно исчезло что-то, совершенно необходимое им всем как ученым. Пожалуй, эта метаморфоза была определенным образом связана с личностью самого Арнольда Креймера.

Креймер внушал всеобщее благоговение. Он был человеком крепкого, почти богатырского сложения и имел привычку никогда не смотреть прямо на собеседника. Его голубые глаза, прикрытые тяжелыми веками, обычно казались устремленными поверх вашей головы. Когда же он, наконец, опускал свой взгляд, эти глаза излучали прямо-таки магнетическую силу. Блестящий собеседник, он знал все или почти все и обладал таким безошибочным чувством слова, что временами это граничило с поэзией.

Однако со времени совместных исследований в Канаде в Креймере произошла перемена. А может, Джеррард тогда не знал его как следует?

Креймер канадского образца был само вдохновение. Вся его эрудиция, весь интеллект были подчинены поиску, точнее, радости поиска (правда, не всякий рискнул бы употребить эти слова применительно к Креймеру). Он с восторгом проводил часы и даже дни в размышлениях,

строя различного рода догадки и развивая на их основе необычные теории.

Теперь все это куда-то ушло. Человек, которого Джеррард видел перед собой, был совсем другим Арнольдом Креймером, резко отличным от того, былого. Прежде полноводный, искрящийся поток его речи теперь был сжат в эклектичную, отрывистую, а порой и грубую скороговорку бизнесмена. Каждое его замечание, каждое задание, каждая мысль подчинялись теперь одной цели — выгоде. Единственный критерий при любой оценке — можно ли сделать на этом деньги.

Если прежний Креймер подавлял своим интеллектом, то этот новый Креймер просто пугал — его энергия жгла, как луч лазера. Создавалось впечатление, что он с трудом сдерживается, чтобы не напасть на вас. Раньше Джеррард ощущал определенную близость этого человека, дружеское влечение к нему; теперь положение босса отделило Креймера от Джеррарда, как и от всех остальных. Став хозяином, Креймер не щадил никого и в первую очередь — самого себя. Он не утратил известного обаяния, но эта привлекательность была привлекательностью одержимого. Теперь он думал только об одном — об успехе, успехе любой ценой.

Смеркалось. Внезапно в комнате вспыхнул свет — вошел Креймер. Осмотрелся.

— Ну как? Надумали что-нибудь?

Все четверо подняли глаза. Креймер самим своим присутствием заставил их выпрямиться, несмотря на усталость. Высокого роста, с крупной головой на могучих, слегка сутулых плечах, в свои сорок пять лет он прекрасно владел искусством моментально становиться центром внимания всюду, где бы ни появился.

— Опять вернулись к тому, с чего начали,— ответил Райт, поближе подойдя к хозяину.

— Так я и думал,— сказал Креймер.— Ничего другого я и не ожидал.

Бьюкен вытянул ноги и с обреченным видом заложил руки за голову.

— Так, значит, все, чем мы занимались последние дни, было ни к чему?

— Говорят, на каждую толковую мысль обязательно приходится семь никчемных,— отозвался Креймер.— Эти семь у вас уже были, так что сейчас, с вашего разрешения, я хотел бы провести совещание по существу...

— Сейчас? — простонал Бьюкен.

Креймер кивнул:

— Именно сейчас. Знаю, что вы устали, но часто именно усталость рождает самые перспективные идеи. Давайте рассмотрим заново все предпосылки и подумаем, почему они не сработали. Может, мы ничего и не надумаем, но, вероятно, натолкнемся на идею-другую, над которыми вы потом поразмыслите на досуге, в субботу и воскресенье.— Он окинул взглядом своих измученных подчиненных.— Бетти, принесите нам бутылку виски, настоящего, шотландского.— Кивок в сторону Бьюкена:— Самого настоящего, без обмана. Правда, появилась еще одна забота, требующая нашего внимания...

Он снова осмотрелся и, казалось, только сейчас заметил Джеррарда.

— Люк, вы, наверное, с этим справитесь. Придется немного прогуляться...

Джеррард постарался не слишком явно обнаружить свою радость. Что угодно, лишь бы вырваться из этих гнетущих стен! Он почти не участвовал в спорах последних дней, сознавая себя не достаточно компетентным в тонкостях химии высокомолекулярных соединений.

— Вы знаете, что такое Баррет в Кенсингтоне? — спросил Креймер.

— Большой универмаг?

— Он самый. У них там какие-то неприятности в отделе игрушек...

— Без шуток,— приподнял брови Джеррард.

— Похоже, что неприятности связаны с аминостирепом.

Райт тут же оторвался от бумаг, которые перебирал у себя на столе.

— Быть может, лучше мне?..

Аминостирен Райта принес им первый большой коммерческий успех. Остроумная формула, основанная на сочетании молекулярных структур протеина и полистирола, да к тому же, как выяснилось, дешевизна и несложность в изготовлении. Крупные фирмы незамедлительно развернули массовое производство, получив неплохие барыши. Аминостирен не только явился химической основой следующего их изобретения — самораспадающейся бутылки, но и нашел применение буквально в сотнях изделий — от ракет до игрушек.

— Я предпочел бы видеть вас здесь,— холодно сказал Креймер Райту и обернулся к Джеррарду.— Анна уже там. Я не склонен придавать этому большого значе-

ния. Просто нежелательно, чтобы эта история попала в прессу. Там должен быть еще и кто-то из нас...— Он перехватил вопросительный взгляд канадца.— То ли на выставке игрушек, то ли на рождественском базаре расплавилась какая-то аминостиреновая деталь. Парень, который за это отвечает, никак не разберется, в чем дело. Может, виновата жара, а может, какой-то шутник брызнул ацетоном. Мы же не давали гарантий, что аминостирен противостоит любым воздействиям. Словом, посмотрите, в чем там дело, и привезите нам образец для проверки...

Джеррард поднялся и направился к двери.

— Вы на машине? Анна будет очень вам признательна, если вы потом подбросите ее домой...

В дверях Джеррарду встретилась Бетти с подносом в руках — на подносе стояла бутылка и несколько стаканов. Он отступил на шаг, чтобы дать ей пройти. А Бьюкен поднялся с места — в первый раз с самого завтрака — и поспешил принять у Бетти поднос, не в силах отвести глаз от узкого темного горлышка. «Ладно, обойдусь без вашей выпивки,— подумал Джеррард.— Все равно водка лучше». Пройдя по коридору, он вышел из здания под дождь.

По дороге, еле двигаясь в предрождественском потоке машин, Джеррард думал об Анне Креймер.

Он видел ее дважды. В первый раз вместе с мужем у них дома, в тот самый вечер, когда прилетел в Лондон, и вторично — в агентстве, несколько недель спустя. Двух встреч оказалось достаточно, чтобы он понял — Анна привлекает его, как уже многие годы не привлекала ни одна другая женщина.

Джеррард резко нажал на тормоз, машину занесло, но она успела остановиться, едва не задев такси, которое внезапно вынырнуло откуда-то сбоку. Такси как ни в чем не бывало поехало дальше, и Джеррард, теперь уже вполне привыкший к чаду и хаосу лондонских улиц, тут же выкинул это происшествие из головы, продолжая думать о своем. Анна волновала его.

Она была красива по самым строгим меркам: высокая шатенка с большими карими глазами и кожей чуть смуглее обычного. Отличала ее и элегантно-непринужденная манера держаться, манера, которую он никак не мог забыть и которая, по его мнению, являлась следствием аристократического британского воспитания. Уголки губ у Анны неизменно складывались в едва заметную улыб-

ку, а глаза смотрели на вас со скрытым вызовом. Нетрудно было догадаться, с каким успехом она брала интервью, хотя из этого вовсе не следовало, что ей удастся добиться признания как научному обозревателю.

Она, бесспорно, умела обходиться с мужчинами. Каждый, с кем ей приходилось соприкасаться, воображал, что она заинтересована именно им. Возможно, это был профессиональный трюк, но если даже и трюк, решил Джеррард, то чертовски действенный.

Вообще-то Джеррард относился к женщинам с изрядной долей цинизма. Развалившийся брак и все, что за ним последовало, а также несколько мимолетных, не принесших радости встреч побудили его остерегаться серьезных увлечений. Но, может статься, после развода он слишком явно искал этих встреч; может статься, смотрел на женщин слишком голодными глазами и в его поведении сквозила излишняя озабоченность. Так или иначе, все его попытки по-настоящему сблизиться с женщиной заканчивались безрезультатно. Быстренько утешить его — на это еще соглашались, но разве к этому он стремился! Природа не обидела его ростом, он был привлекателен, хотя и не красив в традиционном смысле слова, и на лице у него читалась та мужская сила, которая всегда нравится женщинам. Но, похоже, ни одна из них не желала вступать с ним в сколько-нибудь продолжительные отношения.

К своему удивлению, он обнаружил, что добрался до места назначения — небольшой, окаймленной деревцами площадки позади универмага Баррета. И чей-то «бентли», словно по заказу, выезжал с одной из немногих платных стоянок.

Вознамерившись втиснуть свой «ситроен» на освободившееся место, он не заметил нахальной малолитражки, которая кралась следом и сейчас пыталась обойти его, чтобы прошмыгнуть на стоянку. Малолитражку вела длинноволосая блондинка с ослепительной улыбкой. Джеррард подумал, что она хочет просто проехать мимо, и сделал знак рукой, что подождет, но она начала заворачивать на стоянку, и он молниеносно дал задний ход. Секундная схватка двух самолюбий — машины двигались друг на друга, на таран, но тут девица нажала на тормоз и испуганно подала свою малолитражку назад. Джеррард занял стоянку, бросил в прорезь счетчика пару монет и отправился через площадку к Баррету.

Универмаг был набит покупателями. Когда-то Джер-

рард любил эту предрождественскую суету. В студенческие годы он, случалось, вставал за прилавок сам, чтобы подработать за каникулярные дни. Ему доводилось помогать в крупных универмагах Торонто и Монреаля, но здесь, у Баррета, обстановка была совершенно иной.

В Канаде крупные магазины, невзирая на крикливые призывы покупать никому не нужные вещи, сверкали весельем, простодушной радостью рождества. А здесь все казались утомленными, были раздражены и никто не получал ни малейшего удовольствия. Это был ритуал, исполняемый истово, как полагается, но без тени радости и надежд. Впрочем, заметил про себя Джеррард, поднимаясь по экскалатору к отделу игрушек, делать покупки и вправду невелика радость.

В отделе игрушек суматоха, если уж применять это слово, была еще большей, а уровень шума он оценил не менее чем в семьдесят децибел. Дети кричали, визжали, били в барабаны, дудели в жестяные трубы; на маленьких проигрывателях хрипели прошлогодние шлягеры, слышалось металлическое поскрипывание музыкальных шкатулок. На высоких нотах выли заводные машинки и моторчики — и все это вперемешку с жужжанием часовых механизмов и беспорядочным клацаньем железных лап и копыт сотен зверушек, скачущих как попало по поверхности огромного круглого стола.

В дальнем конце отдела располагалась традиционная рождественская пещера, где стояла длинная очередь к Санта-Клаусу. Возле пещеры была фанерная перегородка, над которой красовалась вывеска «Прогулка по Луне», а рядом Джеррард увидел Анну Креймер.

— Привет,— сказал она и представила канадцу энергичного молодого человека в толстой твидовой куртке.— Мистер Эспайнел — доктор Джеррард...

Они обменялись рукопожатием. Долговязый Эспайнел был еще очень юн, и рука у него оказалась вялой и влажной от пота.

— Ну, что ж, пошли,— предложил Джеррард, и Эспайнел повел их к закрытой сегодня от публики панораме.

Своим аттракционом Баррет ухитрился поразить даже лондонцев. «Обошлось ему это, надо полагать, недешево»— подумал Джеррард. Фирма действительно не поскупилась: точная копия лунного модуля, широкая полоса серебристой лунной пыли и, главное, три фигуры в космических скафандрах в натуральную величину. Одна

из фигур, как объяснил Эспайнел, время от времени наклонялась, подбирала с поверхности осколок породы, относила его за пять метров назад к кораблю, загружала в контейнер и возвращалась на прежнее место. Неполадки произошли, по-видимому, именно с этим роботом.

Первоначально он был сконструирован в одном из американских университетов как демонстрационная модель для какой-то кибернетической конференции. Потом его в частично разобранном виде приобрела компания, которую представлял Эспайнел, и тот с несколькими помощниками воссоздал все заново, использовав, в частности, зубчатые передачи из аминостирена. Неделю назад робота установили в магазине, и Анна Креймер сочинила заметку, прославляющую панораму, а равно аминостирен и другие новейшие сорта пластмасс.

Торжественное открытие панорамы прошло с успехом, и первые два-три дня, несмотря на внушительную входную плату, она привлекала толпы и взрослых и детей. Но потом начались поломки, и вот уже пять дней панорама была закрыта. Причина поломок крылась, очевидно, в пороках самой пластмассы.

Эспайнел подвел их к низенькому верстаку, установленному позади лунного модуля; здесь были разложены шестеренки, крепежные пластины и другие детали робота. Отчего-то размягчившись, они потеряли форму и странно перекосились.

— Какая там температура?

Джеррард кивком показал на пылающие дуговые лампы — их отражение на серебристой пыли имитировало солнечный свет.

— Примерно двадцать четыре по Цельсию,— ответил Эспайнел.— Никак не хватит, чтобы все это расплавить. Впрочем, вы в таких делах специалист, вам виднее...

Джеррард отнюдь не чувствовал себя специалистом, однако кивнул снова. Анна подошла поближе к верстаку, взяла одну из деталей и внимательно осмотрела.

— Может, все-таки какой-нибудь растворитель? — предположила она.

— Это, конечно, было бы объяснением,— ответил Эспайнел,— но, насколько я могу судить, тут и близко ничем таким не пахло.

— Но вы же не сидели здесь неотлучно? — вмешался Джеррард.— Может быть, уборщица?..

Это нерешительное предположение смутило прежде всего его самого.

— Совершенно исключено,— заявил Эспайнел.— Мы чистим здесь все сами, и только спиртом. Остальным даны строгие инструкции сюда не лазить. А это тем не менее случается снова и снова. Я уже три раза менял шестеренки, и каждый раз одна и та же история. Сюда, пожалуйста...

Он повел их к центру панорамы. Они прикрыли глаза ладонями, защищаясь от блеска дуговых ламп.

— Сегодня,— продолжал он,— я пустил в ход последний запасной набор шестеренок, покрыв их защитным лаком. Так что если ацетон или любой другой растворитель каким-то образом попал внутрь робота, он не сразу доберется да самой пластмассы. Я поставил термометр — вот,— чтобы мы могли следить за температурой. Посмотрим, что будет. Пожалуйста, отойдите немного...

Он залез на подмостки — передний план панорамы — и направился к тонкой фанерной перегородке, отделяющей панораму от прилавков отдела. Пыль скрипела у него под ногами. Анна задержалась на середине, лицом к лицу с роботом.

— Идите сюда, не то окажетесь у него на дороге,— поманил ее Эспайнел. Осмотревшись, он поднял портативный передатчик вроде тех, какие прилагаются к радиоуправляемым катерам и автомобильчикам.— Начали!..

Он включил передатчик и повернул ручку. Они не сводили с робота глаз. Зашумел сервопривод, голова медленно приподнялась, руки согнулись, одна нога сдвинулась назад, и робот накренился набок. Потом его движения обрели целеустремленность, и он пошел.

— Работает! — воскликнул Эспайнел.

— Быть может, вы отыскали решение,— заметила Анна.

Робот тяжелым шагом водолаза приближался к кораблю. Руки его были вытянуты вперед — поддерживали воображаемую находку.

— Сейчас он положит образец в контейнер,— сказал Эспайнел.

— И что дальше? — осведомился Джеррард.

— Повернется и направится за новым образцом.

— Захватывающее зрелище! — Джеррард старался быть не слишком саркастичным.

— По мнению ребятишек, да,— отозвался Эспайнел не без обиды в голосе.— Прошу меня извинить...

Он отошел к лунному модулю. Робот как раз добрался до входного люка и, грузно наклонившись, укладывал

воображаемый образец в контейнер. Эспайнел проскользнул мимо и скрылся в недрах корабля. Робот не спеша повернулся и нетвердой походкой двинулся обратно.

Анна, полуослепленная блеском ламп, обратилась к Джеррарду:

— Я набрала пыли в туфлю. Не поможете ли?..

Джеррард подхватил ее руку, и она, нагнувшись, принялась стаскивать туфельку. Сейчас он был ближе к ней, чем когда бы то ни было, и ощущал тонкий аромат ее духов. Роскошь ее темных, ниспадающих на плечи волос заставила сжаться что-то внутри; как медик, он отдавал себе отчет в учащенном сердцебиении — такого он не помнил годами. Крепко держась за него, она склонилась еще ниже и вытрясла пыль. Ее стройные ноги в телесного цвета колготках отчетливо вырисовывались на фоне белого лунного грунта.

Чья-то длинная тень упала между ними. Он оглянулся. Прямо над ее головой нависла огромная фигура робота с ручищами, поднятыми почти вертикально, словно изготовленными к удару каратэ.

— Осторожно! — крикнул Джеррард.

Стремительно схватив Анну за талию, он рванул ее к себе; в тот же момент руки робота обрушились вниз. Одна из них все же задела Анну, опрокинув их обоих. А робот продолжал шагать прямо к фанерной перегородке. Руки его вновь поднялись, готовые принять новые образцы пород. Чем ближе к перегородке, тем быстрее двигались его негнущиеся ноги. На какой-то миг он, казалось, задумался и вдруг всей своей массой ударил в фанерную стену.

Перегородка рухнула; Джеррард увидел изумленные лица детей и родителей, ожидавших своей очереди на прием к Санта-Клаусу. Еще мгновение — и робот очутился в зале.

Люди с криком бросились врассыпную: очередь тут же рассеялась. Какая-то женщина с девочкой на руках споткнулась и упала. Быстро вскочив, Джеррард подбежал к оставленному Эспайнелом передатчику. Робот неумолимо надвигался на потерявшую сознание женщину и ребенка, который оцепенел от ужаса.

Джеррард повернул выключатель. Робот издал короткое гудение, и уже приподнявшаяся нога, лязгнув, остановилась. Однако равновесие робот сохранял только на ходу; теперь он медленно осел набок и с грохотом опрокинулся.

Джеррард подошел к Анне.

— Вы не ранены? — появился откуда-то Эспайнел.

— С нами все в порядке. Займитесь своим уродом,— Джеррард показал на робота и обратился к Анне.— Идемте. Вам надо ехать домой.

— Нет, нет,— возразила она,— со мной все в порядке...

— А плечо? — Он коснулся разорванного рукава пальто. Анна поморщилась.

— Оставьте, это просто ушиб. Должна же я узнать, что случилось с этим чучелом...

Она подошла к Эспайнелу, который, нагнувшись над распростертой фигурой, открывал крышку у нее на спине.

— Мы еще вернемся,— не отступал Джеррард.— Полагаю, капля спиртного вам не повредит...

— Нет, нет,— повторила Анна твердо и вдруг слегка покачнулась. Джеррард поддержал ее. Она подняла руку ко лбу.— Быть может, вы и правы...

Они не без труда пробрались сквозь толпу.

— Ну, как, помогает? — спросил Джеррард некоторое время спустя. Они сидели с большими рюмками виски в шумной и безвкусно обставленной кенсингтонской пивной неподалеку от универмага.

— Еще бы! — ответила Анна и осторожно потрогала плечо.— Только вот побаливает сильнее, чем раньше...

— Где вы живете?

— Рядом, буквально за углом— Она подняла на него глаза.— Да вы же у нас были!..

— Совсем запамятовал. Ладно, отвезу вас домой.

— Право же, мне совсем не так плохо.

— Судить об этом буду я, договорились? — улыбнулся Джеррард.— Ведь я врач,— добавил он притворно напыщенным тоном.

— Ах, доктор, прошу меня извинить. Тогда пойдем?

Она поднялась, и они направились к выходу.

— Машина на стоянке через дорогу,— сказал Джеррард.

Миновав вереницу узких улочек, они затормозили у большого ультрасовременного жилого дома на Кромвел-роуд.

— Все эти новые кварталы для меня на одно лицо,— заметил Джеррард.

— Благодарю покорно...

Ее квартира выглядела теперь иной, чем прежде. Когда Джеррард был здесь в первый раз, еще не опомнившись после перелета, обстановка показалась ему распола-

гающей и уютной. Теперь впечатление изменилось. «Должно быть, все зависит от настроения»,— подумал Джеррард. Тогда ему хотелось ощутить в этом доме тепло. А теперь и кожаная кушетка, и мозаичный кофейный столик у камина будто выросли в размерах, став какими-то громоздкими и претенциозными. И кладка самого камина выпирала в стороны куда больше чем нужно. Все было слишком богатым, сделанным напоказ и лишенным изысканности.

— Разрешите, я вас осмотрю.

Она принялась расстегивать пуговицы жакета.

Плечи у Анны были у́же и тоньше, чем казались под одеждой. На левом плече багровел солидный синяк, но кожа осталась неповрежденной. Он осторожно ощупал ее плечо и руку.

— Так не больно?

Он поднял ей руку вверх до уровня плеча.

— Нет,— ответила она,— не больно.

Он поднял руку еще выше.

— А так?

Она вздрогнула.

— Больно. Вы думаете, трещина?

— Нет, не думаю, хоть и не могу утверждать с полной уверенностью. Советую сделать снимок, просто ради собственного спокойствия.— Он встал.— Ладно, с профессиональными обязанностями покончено. Можете одеваться.

Анна, не скрывая улыбки, набросила жакет на плечи. К своему смущению, он заметил, что она вовсе не носит лифчика. Заметил он и красную метку на шее. Она перехватила его взгляд и поспешно застегнула жакет.

— А это откуда? — спросил он.

Анна смутилась. Завязав шейный платок, она даже заправила его под воротник.

— Старые раны...

— Ну, не такие уж старые,— не согласился Джеррард. Внезапно до него дошло, что́ это может значить, и он обругал себя за наивность. След поцелуя, и довольно свежий. «Дисквалифицировался ты во всех отношениях»,— сказал он себе и порывисто поднялся с дивана.

— Поеду-ка я обратно к Баррету и узнаю, что там обнаружил Эспайнел. Надо забрать эти шестеренки в лабораторию. Я в них не разбираюсь, ведь я же не химик...

— А может быть, вы задержитесь еще чуть-чуть,

выпьете рюмочку? — Она взглянула на него в упор.— Право же, я очень вам признательна... доктор.

— Нельзя же оставлять бедного парня в неведении о том, что с вами приключилось. Он, верно, решил уже, что вы в больнице. Я лучше поеду.

— Я тоже хочу узнать, что там такое. Сообщите мне, не сочтите за труд, как только сами узнаете.

— Разумеется, сообщу, но разве... Вы же узнаете и без меня...

— Вы имеете в виду — от мужа? — уточнила Анна.— Он слишком занят... Пожалуйста, не забудьте позвонить мне.

— Ну, что ж, пожалуй, тут действительно есть о чем написать.

— «Взбесившийся робот в переполненном торговом зале»,— усмехнулась Анна.— Это не мое амплуа. Нет, я хочу знать подробности из-за того, к чему мы причастны,— из-за аминостирена...

Джеррард замялся на пороге.

— Я позвоню. Всего доброго...

По пути к лифту он старался понять, откуда берется в ней такая сила, что он заикается и чувствует себя дураком. Ему стало досадно, а тут еще и лифт никак не приходил, и он сбежал по лестнице бегом, вымещая эту досаду на себе.

Когда он вновь добрался до отдела игрушек, универмаг уже закрывался, последних покупателей вежливо, а иногда и не очень вежливо выпроваживали вон. Продавцы, подсчитывали выручку, толпились у касс. Эспайнела он нашел в помещении панорамы; неподалеку на козлах распростерлась фигура робота.

— Вещественное доказательство номер один,— объявил Эспайнел, указывая на извлеченные из поверженного робота детали.

Джеррард с интересом взглянул на них. Пластмасса несомненно размягчилась по краям, а в одном месте ее поверхность казалась липкой.

— Это лучше отправить в лабораторию.

Джеррард достал из портфеля коробочку и пинцетом собрал в нее шестеренки. Положив коробочку обратно в портфель, он поинтересовался:

— Что же вы теперь намерены делать?

— Придется, наверное, опять перейти на металлические шестерни. Чертовское невезение! Их надо вытачивать на заказ — а это займет уйму времени...

— Видели вы когда-нибудь раньше подобное размягчение?

— Как вам сказать,— ответил Эспайнел,— я ведь здесь не работаю, но я спрашивал у местных ремонтников. Они такого не встречали.

Джеррард кивнул и взял свой портфель, собираясь уйти. Эспайнел тронул его за локоть.

— Передайте, пожалуйста, мои извинения Анне. То есть миссис Креймер...

— Хорошо, передам. Вы давно с ней знакомы?

Джеррард опять почувствовал смутное раздражение. Что за беда с такими женщинами: их обаяние никого не минует, как грипп в январе.

— Она была на открытии нашей панорамы. Я читал, что она написала. Для женщины это, знаете ли, совсем неплохо...

— Да, мне говорили,— ответил Джеррард.— Мы с вами еще свяжемся...

Он шел по опустевшим отделам, преследуемый гудением пылесосов — начиналась уборка. На прилавки были уже наброшены чехлы, и универмаг походил на гигантскую обшарпанную пепельницу.

III

Лайонел Слейтер проснулся как от толчка и тут же натянул поверх головы одеяло, чтобы спрятаться от холодного воздуха спальни. Он хотел еще минутку понежиться в постели, но им уже овладело смутное беспокойство: предстоящий день сулил что-то неприятное, что-то скверное, словно продолжение какого-то дурного сна... Внезапно он вспомнил.

Следственная комиссия. Кровь прилила к вискам.

Такая гигантская работа! И идея была верна, несомненно верна. И каждая мелочь при проектировании и сборке системы была проверена и перепроверена — такого чудовищного срыва произойти просто не могло. Все основные узлы дублировали, сигналы шли параллельно по независимым каналам, перед пуском были проведены все мыслимые испытания.

Стряхнув с себя уныние, он попытался предугадать, как поведут себя члены комиссии.

Эзертон. Ну, от этого помощи не дождешься: они прямо-таки ненавидят друг друга и в науке неизменно выступают антагонистами. Первоклассный ум — в этом

сомневаться не приходится,— но начисто лишен оригинальности. Честолюбивый, жестокий, не ведающий сострадания, Эзертон всегда умудрялся делать то что надо и тогда когда надо и удачливо избегал опасностей и ошибок. К общему неудовольствию, со временем он, надо думать, займет в министерстве один из самых высоких постов. Негодяй! Минуту-другую Слейтер тешил себя, выискивая нелестные эпитеты в адрес Эзертона.

Кто там еще? Профессор Старр — с ним Слейтер виделся лишь однажды, после лекции в Королевском обществе. Вспоминался внушительного вида старик с ежиком непослушных седых волос на голове, спокойный, обходительный, но весьма настойчивый и, видимо, честный. Этот по крайней мере выслушает.

Холланд, директор исследовательского центра. Тут предсказать что-либо довольно трудно. Озабоченный человечек с лицом язвенника. Правда, в конце концов Холланд оказал проекту полную поддержку, так что, вероятно, до поры до времени будет его защищать, но, почувствовав, что дела плохи, станет искать козла отпущения. Если вдруг обнаружится какая-нибудь ошибка при проектировании, тогда ему, Слейтеру, крышка — и Эзертон с удовольствием вобьет в эту крышку последний гвоздь.

Хинтон, специалист по вычислительной технике. С этим Слейтер тоже встречался не впервые. Добросовестный делец, заинтересованный только в том, чтобы защитить продукцию своей компании — компьютеры ДПФ-6. Подняться над ведомственными барьерами неспособен, будет отстаивать честь мундира любой ценой. Тут Слейтера пронзило чувство страха: а сохранил ли он все спецификации? Любой намек на ошибку электроники или на конструктивный дефект заставит Хинтона вытащить на свет божий характеристики всех печатных схем до единой. Ничего не попишешь, профессионал...

Слейтер выбрался из постели, покачнулся — и только тут вспомнил о таблетках. Врач предупреждал — не больше двух; он принял три, и это дало ему несколько часов забвения, зато теперь обернулось головокружением и тошнотой. Мелькнула мысль, что сегодня ему нипочем не дожить до вечера.

Он подошел к окну, поскреб ногтем иней и глянул на улицу; хмурое декабрьское утро только усугубило его уныние. Каким может быть заключение комиссии? Только таким: очень сожалеем, Слейтер, поверьте, мы самого высокого мнения о ваших способностях, но ошибка обо-

шлась слишком дорого и как должностные лица мы обязаны сказать «нет». Это значит снова листать журналы в поисках вакансии, снова примкнуть к армии безработных с учеными степенями и закончить свои дни в какой-нибудь кустарной прачечной, как Мэтьюз.

Когда он добрался автобусом до Уайтхолла, начался снегопад; крупные мокрые хлопья, падая на землю, тут же превращались в бурую грязь. Достигнув цели своего путешествия — главного подъезда министерства внутренних дел, Слейтер почувствовал, что в ботинке хлюпает вода. Подметка прохудилась насквозь.

Действие таблеток кончилось, и он вновь поддался панике. Занавес упал. Ему не придется больше бывать в профессиональной среде: «Глядите, вон идет старина Слейтер. Помните, какую кашу он заварил у транспортников? Вот к чему приводят фантастические прожекты». Ни приглашений читать лекции, ничего. Самая малая неудача, и эти ученые сукины дети с удовольствием примутся пинать тебя ногами...

Сводчатые коридоры, пропахшие отсыревшей бумагой и кислым табаком, пробудили в нем почти непреодолимое желание бежать, бежать без оглядки. Вернуться домой, притвориться больным — что угодно, лишь бы избегнуть унизительной процедуры. К горлу опять подступила тошнота.

От тревожных мыслей его отвлек голос Холланда:

— Доброе утро, Лайонел.— Унылый вид Слейтера заставил директора добавить: — Ну веселее, не так все плохо, как вам кажется...

— Куда уж хуже,— пробормотал Слейтер.— Осталось только подписать заключение — и тут мне конец...

— Лайонел,— сказал директор твердо,— я возглавляю комиссию и намерен вести расследование на основе фактических данных, а не личных мнений. Наша задача — выяснить, что случилось, а не кто виноват.

— Но рано или поздно вы доберетесь и до меня, не так ли?

— Не обязательно. Все зависит от того, что именно мы выясним.

— Хиптон будет защищать свой компьютер до посинения, Старр отсидится в сторонке, а Эзертон без промедления пустит мне кровь. Какой же, в самом деле, смысл...

Холланд выпрямился, в голосе его зазвучали официальные нотки:

— Учтите, Слейтер,— обращение по фамилии резану-

ло слух,— я председатель комиссии, и мне вовсе не нравится, что наша деятельность представляется вам фарсом. Мы не собираемся никого обвинять до тех пор, пока не сумеем доказать вину, уж в этом вы можете быть уверены...— Вид у Слейтера был настолько убитый, что он смягчился: — Я знаю Эзертона семь лет и — строго между нами — полагаю, что он дерьмо. Разумеется, Хинтон будет защищать свою машину. Но и я в своем деле тоже не новичок...— Он взглянул на часы и взял Слейтера под руку.— Пожалуй, нам пора.

В комнате, выделенной для заседаний комиссии, стоял длинный полированный стол красного дерева, благоухающий воском. Из-под высокого потолка на вошедших неодобрительно взирали портреты давно почивших в бозе слуг общества. Холланд обратился к повестке дня:

— Мне представляется, что сегодня мы вряд ли сумеем выработать окончательное решение. Предлагаю для начала сравнить заключения каждого члена комиссии, с которыми вы все успели предварительно ознакомиться, не так ли?

Он обвел собравшихся взглядом, и каждый кивком выразил свое согласие.

— Если позволите, я резюмирую эти точки зрения,— продолжал директор.— Доктор Слейтер заявляет с полной определенностью, что отказало вычислительное устройство и что катастрофа произошла по этой причине. Вы, мистер Хинтон, придерживаетесь противоположной точки зрения, а именно что отказ одного узла не мог привести к столь серьезным последствиям и что, по вашему мнению,— он посмотрел в текст и процитировал,— «при разработке системы в целом не было... мм... предусмотрено достаточных гарантий безопасности».

Хинтон сверил текст по своему экземпляру и вновь кивнул.

— Ваша, мистер Эзертон, точка зрения, насколько я могу судить, аналогична точке зрения мистера Хинтона...

— Ничего подобного,— вмешался Эзертон.— По-видимому, я выразился не вполне ясно, но я придерживаюсь того мнения, что сама идея проекта не подверглась необходимой проверке, даже в исходных данных проект был чрезвычайно, непозволительно рискованным...

Эзертон говорил темпераментно, со страстью, за толстыми стеклами очков угадывалась недвусмысленная враждебность. И хотя лицо его оставалось спокойным, внимательный наблюдатель не мог не почувствовать, что

стереть молодого ученого в порошок доставило бы Эзертону буквально чувственное наслаждение.

Холланд ответил мягко, без нажима:

— Совершенно верно, в вашем заключении, мистер Эзертон, именно так и сказано. Ну, а вы, профессор Старр, насколько я понимаю, пришли к выводу, что отказ одного узла повлек за собой, так сказать, цепную реакцию, связанную с неустойчивостью, присущей системе доктора Слейтера в целом. Правильно я формулирую?

Старр заговорил отрывисто, тщательно взвешивая слова. Глаза его при этом приняли сосредоточенное, созерцательное выражение.

— Да, в определенной степени так. Но в деле еще слишком много неизвестных. Я довольно подробно беседовал с доктором Слейтером, и, насколько могу судить, на данном этапе он принял достаточные меры предосторожности против локальных повреждений. Во многих звеньях системы отказ любого элемента вызвал бы автоматическое переключение на дублирующую цепь...

— Но в данном случае этого не произошло,— вновь вмешался Эзертон.— Отказала одна логическая ячейка, а в результате полнейший хаос и, смею добавить, семь смертей.

— Что вы скажете на это, доктор Слейтер? — осведомился Холланд.

— Мистер Эзертон прав. Дублирование этой ячейки предусмотрено не было.

Эзертон не замедлил воспользоваться благоприятной возможностью:

— Интересно, почему же?

— Потому что нас в письменной форме заверили, что вероятность отказа данного компонента бесконечно мала; мы попросту не могли дублировать все цепи до единой — это было бы немыслимо дорого.

— Мистер Хинтон, далеко ли продвинулась экспертиза?

— Компьютер доставлен на испытательный стенд. К настоящему времени установлена неисправность одного логического звена.

— Стало быть, неисправность обнаружена в самом компьютере?

— Да, одна из цепей оказалась замкнутой, однако...

— Но вы уверяли,— прервал его Слейтер,— что этого произойти не может!

— Нет, это вы уверяли, что отказы отдельных блоков для вас несущественны, даже если они произойдут.

— Неправда! Я говорил лишь, что эта цепь резервируется, но только на непродолжительное время...

Вспыхнув от ярости, Хинтон выдернул из своей папки письмо:

— Вот! Вы сами пишите здесь — письмо от десятого августа,— что соглашаетесь на предложенные нами характеристики вычислительного устройства и что — я цитирую — «внесете соответствующие изменения в систему контроля»!

— Разве вы не помните,— взорвался Слейтер,— что мы обсуждали этот вопрос значительно позже и что именно вы уговаривали меня согласиться на компромисс? Вам хотелось тогда одного, чтобы...

— Господа,— строго произнес Холланд,— так мы с вами никогда не сдвинемся с места...— Слейтер и Хинтон пожирали друг друга глазами.— Предлагаю придерживаться точно установленных фактов. Продолжайте, профессор Старр.

— Мы моделируем самообучающуюся систему доктора Слейтера на нашем собственном компьютере. В программу намеренно вводятся разного рода ошибки с целью выяснить, какое воздействие это окажет на систему в целом. Через несколько дней я смогу представить вам более исчерпывающие сведения.

— Не понимаю,— проворчал Эзертон,— зачем это нужно, если вся идея зиждется на абстрактном теоретизировании.

Старр ответил спокойно, глядя куда-то вдаль; казалось, он обращается к самому себе:

— Полагаю, следует все же придерживаться цифр и фактов.

Эзертон покраснел и отвел глаза. Холланд обратился к Хинтону:

— Вы говорили, что одна из цепей оказалась замкнутой. Быть может, вы поясните?..

— Мы уже демонтировали часть цепей. Дефект обнаружился только в одной из них. По неизвестным пока причинам на ограниченном участке полностью разрушена изоляция...

Тем временем неподалеку, у себя в офисе, инспектор Том Майерс редактировал черновик доклада о несчастье в Айлуорте. Фразу «Первопричина катастро-

фы — потеря эталонного напряжения» он заменил более развернутой: «Первопричина катастрофы — потеря эталонного напряжения вследствие разрушения изоляции в контрольном блоке топливного насоса».

Ближе к вечеру в баре «Красный лев» возле Уайтхолла собралась, как всегда, шумная орава чиновников, похожих друг на друга, словно капли воды. Они толкались у стойки, торопясь проглотить свои две порции виски перед броском на вокзал Ватерлоо и долгой поездкой домой к нудным женам — хозяйкам дорогих и унылых коттеджей и интерьеров, дурно скопированных с очередного номера журнала «Обсервер».

Холланд сидел в одиночестве, тупо глядя в кружку с пивом и прикидывая, как убить предстоящий вечер. Давала себя знать язва. Подумалось, что свору экспертов, каждый из которых не хочет знать ничего, кроме собственных соображений, никакими средствами в узде не удержишь. День выдался на редкость утомительный — а все из-за этого извращенца Эзертона, только и мечтающего, как бы прижать к ногтю беднягу Слейтера.

— Напиваться в одиночку — вернейший способ ускорить собственную кончину...

Он поднял глаза и встретил дружелюбный и насмешливый взгляд Тома Майерса.

— Том! Рад тебя видеть, присаживайся, что будешь пить?

— Спасибо, я уже пропустил одну, а ты как?

— Мне хватит.

— Куда подевался твой неизменный оптимизм?

— Во всем виновата эта треклятая светофорная история.

— Ах да, я и забыл, ты же возглавляешь следственную комиссию!

— Угу.

— Так в чем же загвоздка?

— В экспертах.

Майерс сочувственно хмыкнул.

— На них надеешься,— продолжал Холланд,— что они проанализируют факты, а они ускользают, как тараканы. Ждешь от них каких-то разумных выводов, а они виляют, выжидают да время от времени каркают на своем фантастическом жаргоне — звучит ах как солидно, но на деле каждый печется только о себе...

— Знакомая картина,— засмеялся Майерс.— Для начала они заявляют: «С одной стороны...» Можешь не сомневаться — ровно через две минуты последует: «С другой стороны», а в конце концов: «Кто его знает...»

— Точно.

— А о чем спор? Кто он, злодей?

— Ты более или менее в курсе дела?

— Какое там, видел по телевидению, и только.

— Понимаешь, создатель системы считает, что подвел компьютер, специалист по компьютерам считает, что подвела система, а ученый-теоретик старается раздать всем сестрам по серьгам...

— А ты сам что думаешь?

— Отказал компьютер, это факт, по крайней мере отказал один из его узлов.

— Почему?

— Короткое замыкание в логической ячейке. Если верить технической характеристике, то эта ячейка вообще не могла отказать, а вот отказала. Разрушение изоляции. Странная история...

Майерс медленно опустил свою кружку на стол. На секунду задумался, потом повторил:

— Разрушение изоляции. Действительно странно, очень странно...

— Ты о чем?

— О разрушении изоляции. Тебе известно, что я сейчас расследую катастрофу в Айлуорте?

— Слышал.

— Мы еще не пришли к окончательным выводам — знаем, что загорелся двигатель, возможно, сорвалась лопатка турбинного вала,— но дело не в том. Контрольный блок, регулировавший питание одного из двигателей...

— При чем тут контрольный блок?

— А при том — блок взяли на завод для экспертизы и обнаружили, что его металлический корпус подвергся температурному воздействию порядка ста пятидесяти по Цельсию,— Майерс замолчал, видно было, что он напряженно о чем-то думает,— а на проводах внутри не осталось никаких следов изоляции!

— Сгорела?

— Да нет, для этого температура была недостаточно высока. Изоляция-то аминостиреновая, он теплоустойчивее тефлона. Чтобы аминостирен испарился, нужна температура не ниже трехсот...

Холланд нахмурился.

— Разница существенная. Давай при случае потолкуем об этом поподробнее..

Майерс поднял кружку с пивом.

— С удовольствием. Будь здоров!..

IV

«Ну и педант»,— подумал Джеррард. Райт напоминал ему английских офицеров, какими их изображают в голливудских фильмах,— то же чопорное беспокойство по пустякам. Превосходный исполнитель, но не больше. Джеррард положительно не переваривал его.

— В высшей степени возможно,— разглагольствовал Райт,— что это произошло от воздействия какого-либо растворителя. Повышение температуры не могло вызвать столь сильной деформации. Жара скорее привела бы к обугливанию по краям. Есть у нас полная уверенность, что никто не проливал никаких летучих жидкостей — ацетона или еще чего-нибудь — в непосредственной близости к роботу?

— Могу сослаться лишь на ручательство Эспайнела,— ответил Джеррард.— Человек он вполне толковый. Никому, кроме него, приближаться к роботу не разрешалось.

Райт улыбнулся слабой недоверчивой улыбкой.

— Может быть, и так, но это еще надо доказать...

Он собрал шестеренки, положил их снова в коробочку, сунул ее в металлический контейнер и, вытащив листок бумаги, принялся писать.

— Что вы будете с ними делать? — спросил Джеррард.

— Произведу исследование. Но не сейчас — сначала надо покончить с заданием. Потом проверим жесткость, проницаемость, ну и тому подобное...

Утреннее солнце щедро светило сквозь высокие стрельчатые окна превращенного в лабораторию класса — окна, по мнению Джеррарда, были единственной выгодой, какую приносил им этот бредовый викторианский стиль. Цветные витражи в верхней части окон отбрасывали на стол Райта яркие красные, синие и желтые пятна.

— А если выяснится, что никакой случайности тут нет? — поинтересовался Джеррард.

— То есть как это? — не понял Райт.

— Я не химик, но не может ли быть, что какое-то непредвиденное свойство пластмассы делает ее подверженной воздействию извне? Какое-то изменение молекулярной структуры — и она становится чувствительной к азоту или кислороду воздуха?

Райт глянул на него поверх очков.

— Компания «Политад» относится к своему делу с исключительной скрупулезностью. Да будет вам известно, что они работают по нашей лицензии, и я утверждаю с полной уверенностью, что каждая партия пластмассы проходит комплексный контроль. А кроме того, мы просили другую фирму провести контроль независимо от них. Полученные данные неоспоримы, да и какой же смысл этой фирме лгать — за ложь им не платят...

— Я никого ни в чем не обвиняю,— отозвался Джеррард.

— Надеюсь, мой ответ рассеял ваши опасения, доктор Джеррард,— заявил Райт. Взяв коробочку с образцами, он сунул ее поглубже в холодильник. Посмотрев на Джеррарда еще раз, Райт громко хлопнул дверцей и добавил: — Закончим позже.

— Я полагал, что бюрократизм и волокита в этой стране свойственны только правительственным учреждениям,— заметил Джеррард в ответ.

— Никоим образом, дорогой коллега,— возразил Райт.— Вы встретитесь с ними повсюду, но есть и другие понятия, которые вам, несомненно, знакомы: последовательность и очередность...

И он с улыбкой вышел из лаборатории.

Джеррард медленно вернулся на свое место и сел. Может, есть смысл пойти к Креймеру? Он был уверен, что в размягчении пластмассы повинен какой-то иной, еще не известный фактор. Что будет, если, к примеру, расплавится пластмассовая изоляция?.. Стоп, стоп — изоляция! Слово задело в памяти какую-то струну. Он совсем недавно читал что-то о расплавившейся изоляции... Вот только в какой связи? Он поразмыслил и вдруг щелкнул пальцами.

— Нашел! — произнес он вслух.— Самолет, разбившийся в Айлуорте. В сообщении говорилось, что виною тому разрушившаяся изоляция. Не связаны ли эти происшествия между собой? Изоляция... пластмасса... ну, конечно! Черт возьми, в какой же это было газете?

Он поднялся на ноги и схватил телефонную трубку.

— Бетти, вы не могли бы принести мне газеты за последние десять дней?

— Все?...

В ее голосе слышалось сомнение. Он отметил про себя, что снискать расположение секретарши — задача куда более тяжкая, чем завоевать доверие любого делового компаньона.

— Вот именно, все до последней, и побыстрее!

Он положил трубку и снова сел,— а мысли бежали, обгоняя друг друга...

Взгляд его упал на витрину, занимавшую почти всю стену. Здесь были собраны образцы изделий из аминостирена: телефонные кабели, газовые трубы, электрические провода. Предположим, в пластмассе действительно скрыт какой-то дефект и при определенных условиях она начнет разрушаться. Система связи тут же обратится в немыслимый хаос. Он опять поднялся, не в силах избавиться от подозрений, однако взял себя в руки. Слишком мало времени еще он здесь работает! Разумеется, ему пока не доверили ничего важного, отчасти этим и вызвана его неприязнь к Райту. Ему поневоле кажется, что его не используют, не признают, не ценят. Не делает ли он сейчас все это из чувства соперничества, не пытается ли исподволь внушить коллегам, что он, Джеррард, как ученый глубже и полезнее Райта?

И что сказал бы Креймер, если бы Джеррард и вправду установил, что аминостирен — красугольный камень в прибылях фирмы — далек от совершенства и его производство необходимо прекратить? Вряд ли это повысило бы престиж самого Джеррарда.

Финансовое благополучие фирмы почти целиком зависело от одного особенно впечатляющего достижения — от самораспадающейся дегроновой бутылки.

Райт вскоре после своего появления здесь провел с сотрудниками семинар на свою излюбленную тему — пластмассы, сочетающие в себе несовместимые доселе свойства: высокую прочность на разрыв, значительную упругость, необыкновенную дешевизну. Отталкиваясь от своего первоначального изобретения, аминостирена, Райт создал ряд других полимеров — соединений, отличающихся тесными перекрестными связями молекулярных цепей и все точнее и точнее отвечающих заданной программе.

Одно из соединений оказалось, пожалуй, почти совершенным, если не считать весьма существенного и при-

скорбного недостатка. Под действием кислорода и видимого света оно стремительно распадалось и за несколько часов превращалось в серенький волокнистый порошок. Райт посетовал, что пока не видит способа обойти это затруднение.

Но едва Райт закончил, не на шутку взволнованный Бьюкен с торжествующим воплем бросился к доске и в мгновение ока трансформировал изъяны, присущие соединению, в достоинства, как он выразился тогда, «саморазрушающихся емкостей». Он показал, что пластмассу совсем несложно предохранить как от света, так и от кислорода (при этом она сохранит все свои свойства), зато достаточно снять защиту — и она дезинтегрирует по вашей воле.

Креймер пришел в чрезвычайное возбуждение, на какой-то миг в нем проснулся прежний Креймер с его удивительной способностью генерировать творческую энергию. Он уточнил недостающие детали: пластмассовые сосуды можно производить методом шприцевания в машинах, где пластмасса защищена от воздействия света и воздуха, таким же образом на них можно наносить сверху слой другой пластмассы, непрозрачной и непроницаемой для газов. В этот внешний непрозрачный слой достаточно впаять отрывную полоску — потянете за нее, и сосуд откроется. Эта же полоска откроет доступ свету и воздуху и вызовет дезинтеграцию.

Остроумная идея почти всегда вызывает отрицательную реакцию со стороны тех, кто не дошел до нее собственным умом, и саморазрушающиеся сосуды не составили исключения. Но, отвергнув все и всякие нападки, группа лихорадочно взялась за работу.

В лаборатории была установлена приобретенная по случаю нужная машина для литья, тут же на прессе штамповались формы, а Райт принялся за синтез смеси для небольшой опытной партии сосудов. Воздух сразу прогрелся и пропитался тяжелыми запахами «сырья», необходимого для «выпечки» пластмассы.

Тем временем Креймер оформил предварительный патент и заручился поддержкой Национальной научно-исследовательской корпорации.

Однако пришлось одолеть еще немало трудностей, прежде чем идея начала приносить плоды. Главное — молекулярную структуру пластмассы следовало продумать таким образом, чтобы процесс саморазрушения

охватывал не только ограниченный участок под отрывной полоской, но и весь сосуд целиком.

Покрытие само по себе тоже представляло известную проблему. Оно не подвергалось самопроизвольному разрушению, как основная масса сосуда. Поэтому в последнюю добавили вещество, которое, вступая в реакцию с остатком, выпадавшим после распада, выделяло определенное количество растворителя, действующего на непрозрачную оболочку. Оболочка превращалась в летучую жидкость и попросту испарялась, не оставляя на месте сосуда ничего, кроме частичек угля, благодаря которым и достигалась прежняя непрозрачность.

Оставалось решить последний вопрос — продолжительность самораспада. В конце концов постановили, что оптимальным будет двухчасовой цикл, а на бутылки станут наклеивать предписание — сразу после вскрытия перелить содержимое в другую посуду.

В течение всех этих безумных дней рвение сотрудников доходило до фанатизма. Работали не за страх, а за совесть, зачастую ночи напролет. Все жили предвкушением, все были радостно возбуждены. Никто не щадил себя. Бетти стала им матерью, кухаркой и посыльной, снабжающей всех едой, кофе и виски. И однажды вечером, на исходе круглосуточных беспрерывных опытов, долгожданную бутылку пустили по рукам, а Креймер начал забавляться у доски, подбирая для новой пластмассы название. По мере того как хмель горячил лица и развязывал языки, предложения становились все более легкомысленными, а то и полуприличными. Кто-то предложил «Аминостервин»— и тут же получил в ответ «Разложенка» и «ККК» (Красотка, которая крошится»). В конце концов сошлись на нейтральном названии «Дегрон».

Потом в конторе, снятой Креймером в центре Лондона под торговое представительство, была созвана пресс-конференция; спиртное лилось рекой, журналистам разрешалось задавать любые вопросы, но организовано все было так, чтобы никто не сумел невзначай утащить с собой даже мельчайший образец.

Затем настал черед телевизионных интервью и научно-популярных программ, и, наконец, в контору потекли предприниматели, жаждущие начать массовое производство дегроновых сосудов по лицензии агентства.

Креймер провел среди конкурирующих фирм аукцион, который посрамил бы даже самого отпетого барышника,

и заключил сделку с известным на всю страну владельцем фирмы безалкогольных напитков — тому как раз приспичило выдумать какой-нибудь новый трюк, чтобы всучить покупателям смесь винной и лимонной кислот, сахарина и краски с бесстыдной этикеткой «Тропический экстаз».

Фирма развернула широкую рекламную кампанию. Сотни афишных тумб, стены в метро, телепередачи, страницы газет призывали всех, всех, всех покупать «Тропический экстаз».

«Помогайте делу охраны природы — пейте „Тропический экстаз"! Опорожните бутылку — и она на ваших глазах рассыплется в прах! Поставьте ее на подоконник — и она окропит ваш сад, ваши любимые цветы с каждой бутылкой будут распускаться все пышнее! А если у вас нет сада, не долго думая, спустите пустую бутылку в канализацию!»

«За каждые десять отрывных полосок вам полагается премиальный купон! Десять купонов — и в любом из магазинов „Тропический экстаз" вы получите любой из подготовленных фирмой прекрасных подарков! Система премиальных купонов действует только до конца месяца! Не упустите случая!»

И люди покупали, покупали то же химическое пойло в новой упаковке, которая была привлекательной с виду и открывалась на невиданный манер.

По всей стране сотни тысяч рук обрекали пластмассу на распад, возвращали ее земле, бездумно спуская воду в миллионах уборных.

Дегрон стал обиходным словом, и промышленники чуть ли не в очередь выстраивались, чтобы приобрести лицензию на его производство.

Это был весьма заманчивый бизнес — предложить миру, страждущему от загрязнения, род упаковки, не оставляющий никаких отходов. За первые же девять месяцев агентство Креймера подписало сорок семь независимых контрактов с фабрикантами банок и бутылок. Другие безалкогольные напитки, нареченные не менее лживо, чем «Тропический экстаз», также начали выпускаться в самораспадающейся посуде. Кончилось тем, что на сцену выступило министерство, ведающее охраной окружающей среды, и обратилось к агентству с просьбой продать технологию производства правительству.

Все были довольны. Министры дарили милостивые улыбки, а по лабиринтам сточных труб, под гулкими сво-

дами коллекторов сотен городов текли потоки дегрона. Бутылки из обычной пластмассы теперь не застревали в сетках станций очистки. Муниципальные советы не помнили себя от радости.

Прибыль да еще ореол славы! Креймер тоже был доволен.

«Итак,— сказал себе Джеррард,— Креймер нашел свою золотую жилу, но что она с ним сделала, вот вопрос...» Где его прежний научный размах? Неужели его горизонты сузились до небезвыгодных, но убогих с научной точки зрения побрякушек? Предположим, установят, что аминостирену свойственны органические пороки,— что тогда? Иссякнет ли жила? На что направит Креймер усилия своих подчиненных? Или агентство просто-напросто лопнет?

Джеррарду вспомнилось, как глубоко тревожился прежний Креймер о будущем человечества, как обрушивался на тех, кто исповедовал науку ради науки, как горячо желал переключить внимание ученых на решение социальных проблем. Канадец все время сравнивал того, былого Креймера с нынешним. Почему же, почему он так переродился?

Вошла Бетти с кипой газет и швырнула их Джеррарду на стол.

— Вот вам основные газеты,— заявила она.— Тех, где печатают голых танцовщиц, я не брала...

— Вот уж не знал, что вы пуританка,— улыбнулся Джеррард.

Бетти оставила шутку без ответа.

— В агентстве никого, кроме вас,— сказала она.— Вы ведь не станете пить кофе в одиночестве, без компании?

Ей откровенно не хотелось варить кофе для одного человека, тем более для новичка в лаборатории.

— Хорошо, хорошо,— согласился он, хотя улыбался уже не так искренне.— Не беспокойтесь,

Она вышла.

Он принялся листать газеты, обиженный и раздраженный. Черт ее подери, кофе был бы кстати! Через минуту-другую он позвонит ей и скажет, что передумал. Пусть приподнимет свою толстую задницу!.. С тем он и углубился в чтение.

Катастрофа с самолетом произошла неделю назад. Он просматривал страницу за страницей в поисках подробностей. Ничего определенного насчет расплавленной изоляции он не встретил. Авторы заметок строили всевоз-

можные догадки просто ради большего числа строк. Ведется расследование, опрашиваются свидетели... Он огорченно сложил газету и собирался уже отодвинуть всю кипу в сторону, когда его внимание привлек заголовок совсем иного свойства. Этот заголовок относился к небывалому срыву уличного движения, который произошел в центре Лондона.

Он внимательно прочитал всю статью, затем проглядел газеты за следующие два дня. Нашел отчет о пресс-конференции некоего Слейтера, создателя новой системы дорожного контроля, который заявил, что виной всему, по его мнению, разрушение изоляции в одном из компьютеров.

Опять изоляция! Интересно, что за изоляцию они применяли? Джеррард еще раз окинул взглядом стенд. Одна из разновидностей аминостирена широко использовалась в качестве изоляционного материала. Пожалуй, вполне вероятно, что в обоих случаях изоляция была именно такого рода. А может, и с роботом произошла та же беда? Аминостирен и дегрон — надо бы выяснить, насколько отличается их структура...

Так что же все-таки делать? Позвонить Креймеру? Но этому новому Креймеру звонить не хотелось. Не исключено, что и он примет сомнения своего рядового сотрудника точно так же, как Райт. У агентства есть задачи поважнее, чем, возвращаясь вспять, проверять и перепроверять давно отработанное. Нет, сначала он, Джеррард, должен увериться во всем сам, совершенно увериться. Он еще раз заглянул в газету. Этот самый Слейтер, разумеется, отстранен от дел, но числится пока по-прежнему в министерстве транспорта. И Джеррард потянулся за телефонной книгой.

Слейтер запаздывал. Они договорились встретиться в пивной на задворках Сент-Джеймс-стрит, неподалеку от министерства. По телефону Слейтер отвечал уклончиво, очевидно заподозрив по заокеанскому акценту Джеррарда, что это какой-нибудь очередной репортер. Да и самому Джеррарду тоже не слишком хотелось излагать свои подозрения телефонной трубке. Вдруг он ошибается, а сотруднику Креймера вовсе не к лицу сомневаться в достоинствах продукции своего агентства. Лучше вначале послушать, что скажет Слейтер, а самому постараться не болтать лишнего.

Вид у Слейтера был какой-то взвинченный — обычно так выглядит человек, задавленный обстоятельствами. Джеррард предложил ему большую рюмку виски. Тот, не медля, долил виски до краев содовой и принялся прихлебывать, словно пиво.

— Думаю, вам это отнюдь не повредит,— заметил Джеррард. Сам он также посасывал виски, только рюмка у него была поменьше. Ему хотелось подпоить Слейтера, но сделать это незаметно. Возьми он себе просто пива — это сразу же бросилось бы в глаза.

— Никогда не связывайтесь со службой в крупном ведомстве,— сказал Слейтер, помолчав.— Слишком много там разных... перепуганных людишек.

Допив свое виски, он заказал еще по рюмке и, пожалуй, стал понемногу успокаиваться. Перед Джеррардом сидел невысокий, плотный, с виду довольно сильный человек с чисто выбритым открытым лицом. Этот человек ему нравился, и не совсем понятно было, как такой человек может прижиться на правительственной службе с ее канцелярщиной и нивелированием личности. Скорее всего, Слейтер с его нервозностью, нетерпимостью и прямотой не сумеет долго продержаться на официальном посту. Говорил Слейтер энергичными рублеными фразами, да и думал, очевидно, напряженно и быстро. Временная отставка и дамоклов меч над головой не могли не наложить на его поведение свой отпечаток — всюду ему мерещились враги, поэтому и ответы его звучали уклончиво.

— Ну, а все-таки, чего вы добиваетесь? — спросил он наконец.— Я предпочел бы знать, с кем говорю и во имя чего.

— Мне казалось, я объяснил вам по телефону...

— Вы сказали, у кого вы работаете и кем, но не объяснили ровным счетом ничего...— У Джеррарда, наверное, изменилось лицо, потому что Слейтер продолжал: — Простите меня, но я сейчас словно лиса, за которой гонится свора голодных собак. Очень мило, что кто-то интересуется моими делами, но прежде всего я хотел бы убедиться, что этот кто-то — друг...

Джеррард решил открыть карты. Он вкратце рассказал о себе и о поведении робота в отделе игрушек у Баррета.

Слейтер внимательно слушал, потом в свою очередь схематично изложил то, что стало известно комиссии. Опять-таки не было никаких прямых доказательств, что

пластмассе присущ какой-то внутренний порок. Авария могла быть вызвана множеством причин. Но новая информация чего-нибудь да стоила.

— Попытаюсь для начала позвонить Холланду,— сказал Слейтер.— Он председатель комиссии.— Слейтер поднялся и посмотрел на часы.— Он завтракает всегда у себя в кабинете. Вы не откажетесь подождать?

— Подожду, конечно.

Однако, когда Слейтер отошел, Джеррарда опять одолели сомнения, стоило ли затевать весь этот разговор. Словно швырнул в озеро камень — и кто теперь знает, как далеко пойдут по воде круги и что именно вынесут волны на берег.

Вернулся Слейтер уже менее смятенным, чем прежде.

— Он сказал, что проверит.

— И больше ничего? — осведомился Джеррард.

Слейтер пожал плечами.

— Больше ничего. Он продолжит расследование. С его стороны это, видимо, большая уступка.

— А если серьезно, способен он сделать что-нибудь?

— Вообще-то, полагаю, да. Вероятно, привлечет Тома Майерса. Мне кажется, мы сдвинули телегу с мертвой точки, а там поживем — увидим...

«Вот так,— подумал Джеррард, допивая виски,— так в этой стране все и делается. Никаких заявлений на публику. Избави бог обращаться в газеты — просто найдите нужного человека, шепните ему в подходящий момент словечко, и, если вам повезет, глядишь, чего-то вы и добьетесь...»

V

Майерс подтолкнул миниатюрную модель вагончика на воздушной подушке, и та прокатилась по столу, насколько позволяла длина пути. Посмотрев на Холланда, ожидавшего ответа у телефона, он обвел глазами захламленную комнату. На одной из стен висела поблекшая литография с изображением первого поезда подземки — паровозик изрыгал под своды тоннеля клубы дыма. Другую стену занимала многокрасочная карта Англии, почти вся покрытая сетью авиатрасс.

На полках стояли ряды книг с мудреными названиями: «Аналитический обзор тенденций метростроения», «Теория противосвязи и циркуляция подвижного состава». Майерс пристальнее присмотрелся к Холланду,

Бедняга Бернард, выглядит он совершенно измученным, видно, бумажки заели, не остается времени сосредоточиться, заняться чем-нибудь для души... Кажется, еще и жена у него заболела — только этого ему не хватало...

Майерс прислушался — Холланд раздраженно говорил в трубку:

— Да, да, жду... Нет, нет, не нужен мне отдел сбыта... Я просил мистера Хинтона из научно-исследовательского отдела. Да, жду. Благодарю вас...

Он с нетерпением махнул рукой. Майерс откликнулся с улыбкой:

— Надо бы кому-нибудь написать статью о бессмысленности крупных организаций, где невозможно связаться с людьми...

Холланд поднял было взгляд:

— Помню, однажды... Алло, Хинтон? Говорит Бернард Холланд. Да, да, совершенно верно... Меня интересует, удалось ли вам выяснить что-нибудь насчет причин замыкания? Прекрасно, и что же вы нашли? Очень интересно. Вы уверены в этом? Понимаю. Скажите, а вам известно, кто выпускает такие провода? Да, разумеется...— Он прикрыл рукой микрофон и сообщил Майерсу односложно: — Ищут... Алло! Да, да... так! Теперь скажите, это была изоляция нового типа — аминостиреновая?..— Кивок в сторону Майерса.— Весьма вам признателен. Извините, что побеспокоил. Следующее заседание во вторник. Хорошо. Вот именно. Всего доброго...— Он положил трубку.— Ты угадал: изоляция была из аминостирена.

Майерс с силой щелкнул по вагончику — лязгнули буфера.

— Все точно! Один и один равнятся... может статься, трем. Кто изготовитель?

Холланд на миг задержался с ответом.

— Компания «Политад» из Эссекса, волшебники по части пластмасс.

— Они-то мне знакомы,— нахмурился Майерс,— но, увы, в технологии этого дела я не силен, а ты как?

— Да тоже не слишком. Знаю только, что аминостирен дешев, не горит, не теряет пластичности со временем, насыщен азотом. Хороший изоляционный материал...

— Вспомнил! — прервал его Майерс.— Это же детище Гарольда Райта. Помнишь такого?

— Смутно. Высокий, суровый, с репутацией совершеннейшего аскета...

— Шутишь! Я сталкивался с ним в Шеффилде. Он бегал там за каждой встречной юбкой. А сегодня посмотришь на него — целомудрен, как монах, вроде бы и женщин в жизни не видел. Впрочем, химик он хороший. Кажется, он поступил к этому профессиональному умнику, который обосновался в Митчэме?

— Верно. Агентство Креймера, заведение калифорнийского образца. Нанимаешь дюжину-другую аспирантов, создаешь компанию, овладеваешь рынком в какой-то узкой области, а потом по баснословной цене даешь консультации...

— В данном конкретном случае — насчет самораспадающихся бутылок.

— «Тропический экстаз». И не напоминай, просто зависть берет. Какой куш сорвали! А теперь рыщут, чем бы еще поживиться...

— Ну, с патентом на аминостирен да еще с этой самораспадающейся бутылкой они вряд ли нуждаются в новой поживе.

— Интересно, скоро ли «Политад» догадается переадресовать претензии Креймеру? — Холланд задумался.— Иногда, знаешь, в моей работе тоже обнаруживаются привлекательные черты...

Креймер был вне себя.

— Теперь «Политад» не отвяжется. Вы, мол, виноваты, вам и выход искать...

Райт, прищурившись, безучастно наблюдал за хлопьями снега, скользившими за стеклами высокого окна.

— В сущности, в чем нас обвиняют?

— Пока ничего определенного. Но вам известно о катастрофе в Айлуорте?

— Читал.

— А о светопреставлении на улице Найтсбридж?

— Должен сказать, я всегда утверждал, что рано или поздно...

— Не тратьте лишних слов. В районе, где уличным движением управлял компьютер, произошло крупное крушение, так?

— Не вижу связи...

— Мне звонил человек, который расследует дело в Айлуорте. Он связался с теми, кто занимается улицей Найтсбридж, и они пришли к выводу, что возможной причиной обеих катастроф является разрушение изоляции...

Райт как ни в чем не бывало продолжал рисовать узоры на стекле.

— Не уверяйте меня, что не понимаете! — взорвался Креймер.— Слишком отчетлива цепочка: аминостирен — изоляция — замыкание — смерть! Разрушение изоляции вызвало короткое замыкание, и они утверждают, что виноват пластик! А изоляция была аминостиреновая...

Райт, наконец, обернулся:

— Тут понадобится кое-что поточнее подозрений. Насколько я понял из ваших слов, все пока сводится к тому, что две кучки людей, отчаявшись найти разумное объяснение, принялись искать общий фактор — хоть какой-нибудь общий фактор, лишь бы уложиться в срок и не осрамиться перед собственным начальством...

— Гарольд,— голос Креймера стал ледяным,— это непорядочно. Я вытащил вас из «Политада», я вас субсидировал, создал вам условия — вы в ответ предложили мне этот пластик. Состоялась сделка, и мы оба на ней заработали.

— Я предпочел бы другие выражения!

— Ладно — мы оба выиграли. Мы получили совместный патент. «Политад» скулил, что это гангстеризм и тому подобное, но сделать с нами они ничего не могли и понимали, что не могут.— Райт помрачнел.— Зато теперь — теперь они того и гляди смогут! Кто вас знает, всю ли правду вы нам сказали? А эти подлецы из министерства встанут в позу и заявят, что мы провели испытания кое-как и надули их с аминостиреном. Гарольд, они просто утопят вас, если недостанет каких-нибудь данных, если вы не предъявите им дневники испытаний по всей форме — изменение удельного сопротивления со временем, влияние насыщения азотом на эластичность, да мало ли что еще!..

— Вы что, сомневаетесь во мне? Вы видели дневники своими глазами. Все, что в них содержится,— истинная правда!

— Надеюсь, ради вашего же блага, что это так.

Райт смерил Краймера взглядом:

— Вы беситесь и ищете жертву! Вам известно все не хуже, чем мне. Я не халтурил, да в том и не было нужды.

Креймер смотрел на химика, поджав губы, в каждом его движении сквозила скрытая угроза.

— Не пробуйте одурачить меня, Гарольд. Вы думаете, что говорите?

Райт молчал, лицо у него застыло, глаза впились в физиономию патрона:

— Это вы, а не я не могли ждать,— резко проговорил он.— «Наплевать, довольно проверок, хватит, я продаю!» Вы непрестанно подстегивали меня, подстегивали сильнее, чем кто бы то ни было за всю мою жизнь. Что мне оставалось делать? Калькулировать таблицы отклонений по каждой идиотской позиции? Разумеется, я спешил. Вы же не могли ждать!..

Он насупился и замолк, недовольный собственной вспышкой. Креймер заглянул ему в глаза, затем коротко расхохотался.

— Именно это я и пытаюсь вам втолковать. Тут наши дорожки сходятся.

Райт подозрительно посмотрел на Креймера, ожидая новой атаки. Но, не дождавшись, натянуто улыбнулся. Напряженность начала понемногу ослабевать.

— Преследовать нас по суду они не смогут — не за что. Первая партия, которую сделали мы сами, превосходила все наши обещания. Не было даже намека на распад. Ни деполимеризации, ничего. Правда, кое-какие срывы в первой серии опытов на насыщение указывали на пониженную эластичность, но это не имеет отношения к молекулярному строению, тут все железно...

— Вы уверены в этом? — вставил Креймер.

Вошел Бьюкен и, поудобнее разместив на лабораторной скамье свое длинное костлявое тело, стал прислушиваться к спору.

— Могли бы и не спрашивать,— продолжал Райт.— Вас отделывали на фабрике, именуемой Массачусетским технологическим? А я прошел такую же обработку в Шеффилде. К лучшему или нет, может быть, это и не делает мне чести, я не умею подделывать данные испытаний. Не потому, что меня могут уличить, и не потому, что нахожу это невозможным по моральным соображениям, а просто оттого, что любая подтасовка лишила бы меня определенного комфорта. Я техническая скотинка, безмозглая, если хотите, но по мне плохо лишь то, что технически неосуществимо!..

— Когда-нибудь я вам это припомню,— заявил Бьюкен.

— Да, да, только не сейчас, старина,— отмахнулся от него Креймер.— Вы вообще-то в курсе дела?

Бьюкен кивнул.

— Я выяснял общее число контрактов на аминости-

рен. Их больше трехсот. Этот пластик теперь повсюду.

— К чему вы клоните? — насторожился Креймер.

— Видите ли, если материалу присущ какой-то органический порок,— неторопливо ответил Бьюкен,— то мы, несомненно, несем огромную ответственность.

— Какую ответственность? — встрепенулся Райт.— Мы изобретаем пластик с определенными свойствами, разрабатываем методику его производства и продаем эту методику и материал, в точности соответствующий характеристике...

— Да, но если материал действительно старится, старится каким-то иным образом, которого мы не распознали? Разрушение изоляции — вы только подумайте! Вам известно, как широко применяется аминостирен — возникнет чудовищная опасность. Катастрофы, гибель людей, и если мы упустили что-то, то не можем не нести ответственности...

Креймер встал.

— Что вы хотите этим сказать? Это были коммерческие сделки, и покупатели предварительно знакомились с тем, что покупают. Мы ничего не скрыли, сообщили им все данные, какими располагали сами. Чем же еще мы можем им помочь?

— И все-таки,— настаивал Бьюкен,— по-моему, наш долг пристально проверить все заново.

— Долг? — рассмеялся Креймер.— Что такое долг? По отношению к кому? Может, мы будем именовать вас впредь не Бьюкеном, а Бухманом *?

Насмешка заставила Бьюкена вспыхнуть от гнева:

— Это недостойно...

— Ладно, прошу прощения, но вы сами напросились. Я собирался сказать, что мы не в состоянии позволить себе — подчеркиваю: не в состоянии — вести текущую исследовательскую работу за всех и каждого. Мы продали им методику, какой она рисовалась нам в тот конкретный момент, мы действовали открыто, ничего не утаивая и не давая никому никаких гарантий, за исключением реально установленных.

— Разрешите мне тем не менее встретиться и побеседовать с этими людьми.

---

* Фрэнк Бухман — американский ученый идеалист, основатель движения за так называемое моральное перевооружение, получившего известное распространение на Западе в 20—30-е годы нашего века.— *Прим. перев.*

— Вам? Нет, старина, не обижайтесь, только не вам. Вы придете к ним, в раскаянии заламывая руки, и нас пригвоздят к позорному столбу раньше, чем вы успеете раскрыть рот...

Бьюкен пытался протестовать, но Креймер уже отвернулся к селектору и нажал клавишу. Послышался голос Бетти.

— Доктор Джеррард здесь?

— Я его не видела.

— Будьте любезны, соедините меня с ним по домашнему телефону...

Когда зазвонил телефон, Джеррард, сидя над электрической кофемолкой, наслаждался острым ароматом свежемолотых зерен.

В квартире царил изысканный, созданный собственными руками комфорт. Расположенная в Кенсингтоне над гаражом, где торговали дорогими гоночными машинами, она состояла из одной просторной низкой комнаты, ванной и крохотной кухоньки.

Лакированный светлый паркет в жилой комнате был полуприкрыт большим ворсистым белым ковром. Вдоль одной из стен шли полки грубого дерева, подпертые кирпичными столбиками. На полках лежали стопки книг, куски обточенной морем древесины, темно-зеленый прозрачный поплавок от рыбацкой сети, там же располагался угрожающего вида магнитофон. Корпус его был выполнен из плексигласа с пробитыми там и сям дырами, сквозь которые виднелись многоцветные узоры печатных схем. Самому Джеррарду это зрелище представлялось прекрасным.

Убранство дополняли два огромных динамика на противоположной стене, разбросанные по полу кубики пенопласта, кустарно задрапированные грубой шерстяной тканью. Во всей комнате был лишь один настоящий стул — выполненная из черной кожи копия выставочного немецкого оригинала, которая стоила хозяину кучу денег. Повернутые к стене самодельные алюминиевые светильники, напоминающие миниатюрные прожекторы, давали мягкий рассеянный свет. В кухне красовались груды блестящих медных кастрюль, банки со специями, а к стене была прилажена грозная коллекция кухонных ножей. Ощущался слабый запах черного перца и чеснока.

Отставив кофемолку. Джеррард подошел к телефону и снял трубку. Он услышал торопливый голос Креймера:

— Да, да, вот именно... Поезжайте и постарайтесь выведать, что у них там есть за душой, но не связывайте себя обязательствами. Их двое: одного зовут Холланд, я его не знаю, он из министерства транспорта, а другой — Том Майерс. Этого типа, Люк, советую остерегаться, он из тех, кого вы называете «старой гвардией»— любитель пива с бульдожьей мордой. Вот-вот... Но с головой. Умен, очень умен, так что не спешите поддакивать. Где? Постойте-ка... Комната 242, министерство промышленности.

VI

Воздух в вагоне метро был гнилой и спертый; от толпы усталых, спешащих домой пассажиров исходили запахи несвежих лосьонов и дезодорантов и сырой одежды. Поезд гремел, подскакивая на стыках, и владельцы сезонных билетов качались из стороны в сторону, словно куклы, стоймя упакованные в коробку. Упасть они не могли — для этого им не хватило бы места, к тому же кое-кто опирался на тех счастливцев, которым удалось ухватиться за ременные петли.

Неровный шум колес почти заглушал любые слова, взгляды тупо упирались в плечи соседей.

Какой-то высокий мужчина, прижав к груди подбородок — крыша мешала ему выпрямиться,— тщетно пытался читать газету, которую приладил на ближайшей спине. Дородная тетка, хрипло дыша, нависла над лохматым бородатым юнцом, развалившимся на сиденье, и свирепо ела его глазами, но тот и ухом не вел. В дальнем конце вагона молодая мать старалась успокоить напуганного шумом младенца.

Замедлив ход, поезд со скрежетом остановился. Едва оборвался гипнотический ритм колес, голоса, сплывшиеся перекрыть гул, сразу стихли до растерянного шепота. Внезапный толчок — вагоны снова пришли в движение, но тут же с лязгом остановились опять.

В вагоне повисла острая, тревожная тишина.

Минуты шли за минутами, пассажиры принялись ерзать и шаркать ногами. Две молоденькие конторщицы, втиснутые в угол у двери, по какому-то только им одним известному поводу глупо захихикали.

Высокий, с хрустом свернув свою газету, принялся

изучать рекламные щиты над головами сидящих. Его внимание особенно привлек один из них — о выгодах вынесения деловых контор за черту города. Мужчина иронически улыбнулся.

Под полом вдруг заработал компрессор, его дребезжащий гул на мгновение внес надежду в напряженную тишину. Но и он оборвался; теперь время от времени слышалось лишь легкое потрескивание — вагон постепенно остывал.

Прошло минут пятнадцать, пассажиры стали поглядывать на часы, им уже мерещились подгоревшие супы и подозрительные взгляды жен. Тощий человек с птичьим лицом, вынув из кармана религиозный трактат, принялся вполголоса его читать. Обстановка накалялась. Юнец достал сигарету и закурил. Дородная тетка злобно ткнула пальцем в надпись «Не курить» на оконном стекле. Тогда юнец, не сводя с тетки глаз, не спеша стряхнул горячий пепел ей на подол.

Но тут стеклянные двери между вагонами распахнулись, и в толпу втиснулся бодрый, румяный машинист в синей хлопчатобумажной форме. Тишина разом лопнула, со всех сторон посыпались вопросы:

— Что случилось?

— Долго так будет продолжаться?

— Может, подтолкнуть?

Машинист усмиряюще поднял руки:

— Уверяю вас, леди и джентльмены, оснований для тревоги нет. Нелады с сигнализацией, только и всего...— Чтобы перекрыть общий стон, ему пришлось повысить голос: — Вам предстоит сойти с поезда и по тоннелю проследовать на следующую станцию...

— Но ведь там рельсы! Нас убьет током!

— А это далеко?

— Спокойнее, спокойнее,— выступать в роли командира доставляло ему явное удовольствие,— оснований для тревоги нет, ток выключен. Маленькая прогулка, только и всего. Там, правда, немного пыльно, но, кроме пыли, вам ничто не угрожает. А теперь живее, переходите по одному в передний вагон, и все будет в порядке...

Слегка подтолкнув ближайших пассажиров к открытым дверям позади себя, он принялся пробираться дальше по составу, а люди, недовольно ворча, уже потянулись гуськом в соседний вагон. Переступая через щель между вагонами, они беспокойно вглядывались во тьму под ногами. Казалось рискованным даже на миг рас-

статься с безопасностью вагонов. Воздух тоннеля пропах сыростью, плесенью и нагретой изоляцией.

Спустившись на рельсы, пассажиры смятенно всматривались во мглу, рассекаемую грубыми полосами света от редких, ничем не прикрытых ламп. Теперь лишь черные округлые ребра тюбингов отделяли их бренные тела от чудовищной массы земли, и этого ощущения было достаточно, чтобы оборвать всякие разговоры.

Кто-то коротко свистнул, проверяя, будет ли эхо. Звук мгновенно угас, растворившись в затхлом безмолвии. Люди осторожно побрели в сторону яркого пятна станционных огней, и высокий, ни к кому не обращаясь, изрек: «На третий день пути они обнаружили воду». Вокруг раздались нервные смешки, напряжение ослабло — уже видно было, как первые пассажиры неуклюже карабкаются на платформу. Юнец вприпрыжку припустился к станции — дородная тетка проводила его убийственным взглядом.

А позади них, в тоннеле, машинист в синей форме говорил в трубку телефона, спрятанного над светофором:

— Да нет, был зеленый. И тем не менее автомат включил тормоза... Нет, тормоза тоже в порядке. Что? Разумеется, я приеду...

Он положил трубку на рычаг и направился по шпалам к станции, ругаясь про себя и скользя взглядом по толстым кабелям, слегка провисающим от кронштейна к кронштейну. Потом он остановился, принюхался, и лицо его сморщилось от отвращения. Он еще раз глянул на толстые узловатые пучки кабелей — и отвращение на его лице сменилось полным недоумением.

Прямо перед ним влажно поблескивал кусок кабеля, покрытый густой разноцветной слизью, которая капля за каплей падала вниз на рельсы. В ряде мест из-под слизи уже проглядывала красная тускло блестящая медь проводов, а кое-где на слизи была заметна пленка жидкой пены, которая колыхалась и пучилась; вздуваясь, лопались пузырьки...

С минуту он простоял, остолбенев, затем бросился назад к телефону.

Холланд сидел у себя в кабинете, то и дело хватаясь за живот. На столе перед ним красовалась бутылочка с белой желудочной микстурой и стакан воды. Отсчитав в стакан несколько капель из бутылочки, он размешал смесь карандашом и выпил одним брезгливым глотком.

Спустя несколько секунд он рыгнул и пугливо покосился на распахнутую дверь: не слышала ли секретарша.

Раздался телефонный звонок. Холланд снял трубку.

— Да. Алло, Слейтер! Как поживаете? Да, да. Бернард Холланд. Послушайте, тут всплыло еще кое-что, и, по-моему, это имеет отношение к нашей проблеме. Отказ светофора в метро. Да нет, объясню позже. Интересно... Что? Неужели? Где? Да ну, кто же это успел вам передать? А вы не могли бы сюда приехать? Да, я буду у себя... А почему бы и нет? В любом случае берите его с собой. Да, да, как можно быстрее. Жду вас через пятнадцать минут...

Не опуская трубки, он дал отбой и сразу же набрал новый номер.

Теперь в кабинете Холланда было темно от табачного дыма, на полке громоздились пустые кофейные чашки. Майерс сидел на подоконнике, посасывая незажженную трубку. Слейтер и Холланд сосредоточенно слушали Джеррарда.

— Давайте подытожим, что у нас есть.— Люк подчеркивал каждый свой тезис, легонько ударяя пальцем по ладони другой руки.— Во-первых, катастрофа в Хигроу: отказал контрольный блок топливного насоса, внутри блока обнаружено разрушение изоляции, а температура была отнюдь не так высока, чтобы она могла расплавиться и тем более сгореть. Правильно?

Слушатели осторожно закивали.

— Во-вторых,— Джеррард обратился к Слейтеру,— вы рассказали нам, что в вашей системе контроля за уличным движением отказала одна из цепей компьютера, и опять-таки имело место необъяснимое разрушение изоляции...

— Но мы не знаем,— вмешался Холланд,— это ли было причиной несчастья?

— Несущественно,— заявил Майерс.— Согласен, мы не знаем, почему заварилась такая каша. Но что отказала цепь, мы знаем наверняка, не правда ли?

Джеррард продолжал возбужденно:

— Совершенно верно. Мы знаем, что цепь отказала. Разные устройства, разные фирмы, а дефект один...

— Э нет,— взмахнул трубкой Майерс,— думаю, что так мы далеко не уедем. Вы позволяете себе увлекаться софистикой. Не можете же вы предполагать?..

— Могу попытаться,— улыбнулся Джеррард.

Холланд нетерпеливо нахмурился:

— Давайте уж я прямо скажу, к чему вы клоните. Аминостирен — ведь именно он объединяет неполадки, не так ли?

— Да,— кивнул Джеррард,— есть шансы, и немалые...

— Ровным счетом никаких,— фыркнул Майерс.— Случайное совпадение, и только. Кто и когда слышал, чтобы пластики разрушались подобным образом? Возможны усталостные трещины вследствие испарения пластификаторов, но чтобы материал просто-напросто исчезал...

— Но если изменилась внутренняя структура? — настаивал Джеррард.— Потерпите, выслушайте меня: допустим, вследствие изменения структуры аминостирен стал более чувствителен к температуре...

— Компьютер отказал вне всякой связи с температурой,— прервал его Слейтер,— это вам не авиакатастрофа...

Майерс с шумом поднялся, в раздражении он похрустывал пальцами рук:

— Разумеется! Доктор Джеррард, не примите за обиду, но мы никогда не сдвинемся с мертвой точки, если будем играть в шерлоков холмсов. Нам нужны хоть какие-то факты. Вы говорили, у вас в агентстве исследуют робота. Скоро ли можно ждать результатов?

— Я сейчас возвращаюсь к себе,— ответил Джеррард.— Через день-два что-нибудь...

Он запнулся — зазвонил телефон. Холланд поднял трубку:

— Алло! Да, я Холланд. Кто? Да, припоминаю, действительно, мы встречались... Да, да. Нет, я не один. Майерс из министерства торговли, мм... Слейтер из министерства транспорта и еще доктор Джеррард. Что? Да, доктор Джеррард, он представляет частное предприятие — агентство Креймера...

Наступило долгое молчание — Холланд внимательно слушал, лицо у него мрачнело. Остальные сидели не шевелясь, тщетно пытаясь догадаться, в чем дело.

— Можно ли сообщить им содержание нашего разговора? — спросил, наконец, Холланд.— Понимаю.— Он посмотрел на Джеррарда.— Ну, с этой-то задачей я справлюсь. Разумеется. До свидания.

Холланд положил трубку; нельзя было не заметить, что он смущен. Скороговоркой он произнес:

— Доктор Джеррард, произошло нечто очень серьезное. Боюсь, что нашу беседу придется отложить...

Джеррард взглянул на часы.

— Хорошо, я ухожу. Как только мы придем к каким-нибудь результатам, дам вам знать...

— Что стряслось? — начал Майерс. Холланд жестом призвал его к молчанию.

— Спасибо, что вы уделили нам столько времени, доктор Джеррард. Мы, несомненно, свяжемся с вами в ближайшие дни...

Джеррард хотел было что-то сказать, но раздумал и, попрощавшись с каждым за руку, вышел. Холланд только того и ждал:

— Звонил Уайтинг... гм... Сначала я должен выяснить одно обстоятельство. Вы, очевидно, давали подписку о неразглашении государственной тайны? — Оба дружно кивнули.— Впрочем, наши допуски в настоящее время уже высланы в адмиралтейство. Чистая формальность, по правде говоря... Мы им нужны, и притом незамедлительно.

— А вы не могли бы нам сказать, за каким дьяволом?..— раздраженно осведомился Слейтер.

— Знаю не больше того, что мне сказано. Похоже на то, что подводная лодка ее величества «Тритон»— первая английская подлодка, вооруженная ракетами «Посейдон»,— пропала без вести вместе с экипажем где-то к западу от Аррана...

Если вы пройдете под аркой адмиралтейства и направитесь в сторону Бэкингемского дворца, то, придерживаясь середины улицы, шагов через сто окажетесь прямо над одним из самых секретных помещений во всей Великобритании. Только не подумайте, что при этом вы будете попирать ногами его потолок,— помещение это находится в двадцати шести метрах под поверхностью земли.

Чтобы попасть туда, прежде необходимо посетить безвкусно заставленную бронзой и красным деревом комнату в близлежащем адмиралтействе и предъявить хорошенькой, но какой-то бесполой секретарше пластмассовый прямоугольник. Она попросит вас подождать, а сама проследует с пластинкой в соседнюю комнату к анализатору, с помощью которого расположенный где-то в от-

далении компьютер проверит вашу личность по ферромагнитной записи, впечатанной в пластмассу. Через несколько секунд телетайп, установленный рядом с анализатором, защелкав, выбросит полоску цифр. Секретарша сравнит эти цифры с теми, которые мерцают на зеленом экране над анализатором, и решит: пустить вас дальше или отослать восвояси. Надо думать, ей очень нравится такое занятие.

Но если компьютер прикажет пустить вас, секретарша все с тем же безжизненным обаянием проводит вас к двери темного дерева и нажмет кнопку подле нее; рядом с кнопкой зажжется лампочка, и дверь отворится. За дверью вы обнаружите двух представителей военно-морской полиции при оружии и с полной выкладкой, в их заплечных ранцах, к немалому своему изумлению, вы увидите противогазы. Они поведут вас дальше, и, как только вы переступите порог, старомодная прелесть конторы сменится серым бетоном военного образца. Впереди вы увидите клетку лифта.

А пока вы ждете лифт, вас ослепит беззвучная вспышка, и высунувшаяся из стены фотокамера навечно зафиксирует факт вашего появления.

Холланда, Майерса и Слейтера проводил вниз лично коммодор Уайтинг, по распоряжению которого допуски всем троим проверили еще до их приезда.

Внизу в коридоре с белыми стенами блестящая резиновая дорожка совершенно заглушала шаги. Крупные буквы предупреждали: «Вход только по удостоверениям формы А». За плечами перегородившей дорогу охраны гости успели заметить лишь контуры вычислительных машин и пультов управления да огромную карту.

Уайтинг вежливо отвлек внимание гостей и привел их к себе в кабинет. Они внимательно слушали его объяснения:

— Как вам известно, для кораблей, вооруженных ракетами классов «Поларис» и «Посейдон», установлены строгие ограничения в пользовании радиосвязью в открытом море. Практически связь сведена к обмену приветствиями между моряками и семьями раз в неделю и к отдельным оперативным сообщениям...

— Например? — поинтересовался Майерс.

— Извините,— Уайтинг покачал головой,— мы исходим из принципа «каждый знает лишь то, что ему необходимо». Собственно, характер сообщений и не имеет отношения к делу.— Он сбился, слегка обескураженный

резкостью собственных слов.— Вы, наверное, мне не поверите, но в данной операции есть детали, о которых даже я не имею ни малейшего представления,— посвящать меня в них не сочли необходимым...

— Чтобы коварный враг под пыткой не заставил вас проболтаться,— Майерс решил свести все к шутке.

— Похоже на то,— в тон ему ответил Уайтинг, но не улыбнулся.— Итак, продолжим: «Тритон» внезапно включил передатчик низкочастотной связи, используемый исключительно для...

— При определенных оперативных условиях,— мягко вставил Слейтер.

— Гм... Совершенно верно. «Тритон» сообщил свое местонахождение — в глубоких водах к западу от Аррана. Они заканчивали пятидесятидневный поход, шли на базу Герлох,— по правде говоря, наутро должны были уже стать в док,— и тут мы приняли от них серию радиограмм. Не стану докучать вам деталями, но в общих словах — они докладывали о каскаде аварий. Сначала вышли из строя рули глубины, затем автоматика наведения ракет и, наконец, центральный пост управления в целом. Видимо, на главном пульте навигационного контроля возник пожар...

— Что-то я не совсем понимаю...— произнес Холланд.

— Сейчас поймете,— продолжал Уайтинг.— Старший дежурный по радиоотсеку обязан докладывать береговой базе о любых поломках или авариях. Так вот, немного ранее в тот же день он доложил об отказе инерционной навигационной системы, который произошел — я цитирую рапорт — в результате короткого замыкания одновременно нескольких цепей...

Майерс сгорбился в кресле:

— В результате короткого замыкания... Да, действительно... Значит, изоляция или переключатели...

— Почти наверняка,— ответил Уайтинг.— Он коротко доложил нам также о повреждении рулей глубины и компьютеров, контролирующих дальность запуска,— все отказы носили аналогичный характер. Конец передачи был просто удручающим, на борту царили... гм... замешательство и паника, а потом, потом они замолчали...

Закончил он не совсем твердо и обвел всех глазами, словно молил о помощи. Воображение рисовало им внезапную смерть 183 матросов и офицеров — лопается корпус, в трещины рвется вода, и стальная громадина — доселе почти совершенный, теплый и безопасный ми-

рок — стремительно погружается в темные, холодные глубины. И взрыв — атомный котел, шестнадцать ракет, каждая со множеством боеголовок...

Наступила долгая пауза. Майерс первым нарушил молчание:

— Все системы одна за другой...

— Взорвались? — перебил Холланд.

— Не обязательно. Мы выслали в этот район три спасательных судна, но там слишком большие глубины — бортовые спасательные устройства все равно не сработают, да еще и восьмибалльный шторм... Все, что нам остается,— ждать да спустить под воду радиационные счетчики.

— А добраться до них никак нельзя? — снова спросил Холланд.

— Только с помощью батискафа, и то если погода улучшится.

— Так что надежды нет?

— Почти никакой. Вернее, совсем никакой...— Уайтинг отвернулся.— Там капитаном Тони Марсден — мы вместе учились в Дартмуте...— Он немного оправился и закончил: — Как мне докладывали, нечто подобное случилось с системой управления движением и с самолетом, разбившимся в Хитроу.

Кивок в сторону Майерса. Тот немедля вспылил:

— Какого черта вы лезете!..

Уайтинг уже полностью взял себя в руки.

— Мистер Майерс, речь идет об интересах государства. Заверяю вас, мы пользуемся самыми законными способами получения информации. Мне представляется, что разрушения изоляции на улице Найтсбридж, в Хитроу и на борту «Тритона», вероятно, носят сходный характер.

Анна Креймер понимала, что даже сейчас, на восьмом году брака испытывает благоговейный страх перед мужем. В дни ухаживания и в первые годы после свадьбы он был для нее как бы другом-великаном. Во многих отношениях муж напоминал ей отца, сурового человека с незаурядным, но высохшим в хлопотах колониальной службы умом.

Креймер с первой встречи внушал ей такой же трепет, а то, что этот выдающийся человек любит ее и хочет на ней жениться, казалось ей своего рода компенсацией за смерть отца, гасило неосознанную тоску по нему.

Поначалу они были бесконечно счастливы. Всю свою энергию Креймер направил на их семейные дела, освещая своим воображением каждый уголок ее души, целиком заполняя ее жизнь. Затем последовала его поездка в Канаду, а сразу вслед за возвращением — создание агентства в Лондоне.

Перемена в нем происходила исподволь. Агентство требовало полной отдачи сил, и Анна была горда разделить с ним его ношу. Он, со своей стороны, гордился ее заинтересованностью и был признателен ей за помощь. Они вместе разрабатывали структуру предприятия. Она присутствовала на всех организационных заседаниях, сама варила кофе, печатала стенограммы.

Копаясь в воспоминаниях, Анна пыталась установить: когда, с какой минуты все изменилось?

Она была в постели. Ушибленное плечо уже не болело, лишь слегка саднило. С семи часов она ждала возвращения Креймера. Пробило два пополуночи, а он даже не позвонил, хотя обещал вернуться пораньше. Они намечали тихо пообедать в новом яванском ресторанчике, а потом заглянуть в театр...

Так случилось далеко не в первый раз. Пожалуй, за последние два года это стало скорее нормой их совместной жизни, чем исключением. Но сегодня день был особый — годовщина их первой встречи. Они встретились при довольно памятных обстоятельствах в зале старой Лиги Наций в Женеве, куда оба приезжали на какую-то научную конференцию.

Она заранее знала: когда он вернется, то и не подумает ничего объяснять и даже не извинится. Работа для него всегда шла на первом месте и была вне подозрений, равно как и он сам.

Она пыталась нащупать ту роковую минуту, когда идея агентства и — хотя она не могла признаться в этом даже себе — ее брак с Креймером начали терять первоначальный блеск. Вероятно, это произошло после того, как на сцене появился Райт с его пластиками. До той поры они рисовали себе совсем иное будущее, увлекательное, но бесприбыльное — будущее группки ученых, решающих мировые проблемы.

Их всех тогда захватывала мысль, что наука — не замкнутая интеллектуальная сфера, что она должна служить людям. Вера в такое предназначение науки исходила главным образом от Креймера, опиралась на его глубокую эрудицию и философскую мудрость.

Потом почти внезапно представилась возможность превратить агентство в прибыльное, процветающее предприятие. К ним присоединился Райт со своим аминостиреном. Креймер ухватился за него как за случай подвести под все другие начинания крепкую финансовую базу, но постепенно исследования в области пластмасс оттеснили на задний план, а вскоре и вовсе свели на нет всякую другую работу. Сегодня же помыслы Креймера стали чисто коммерческими. От идеи служения науке и человечеству, которая когда-то так вдохновляла их, не осталось ровным счетом ничего.

В этот вечер, поджидая Креймера, борясь со сном и усталостью, Анна отважилась на поступок, какого раньше и представить себе не смела. Она прошла в кабинет мужа, открыла стол — святая святых, к которой прислуге и прикасаться не разрешалось,— и достала из верхнего ящика письмо. Оно лежало теперь у нее под подушкой, и вот уже добрых три часа Анна пыталась собраться с духом, чтобы вскрыть его.

Почерк был ей знаком. Вслед за поездкой Креймера в Канаду к нему хлынул поток заокеанской корреспонденции от деловых партнеров, друзей и просто знакомых.

Но шли месяцы, и поток истощался, пока не остался лишь один настойчивый отправитель — им была женщина. Женщина с завидной регулярностью продолжала слать письма все эти два года, и однажды Анна отважилась даже спросить у Креймера, кто она. Расхохотавшись в ответ, он сказал, что это весьма мужеподобная профессорша-химик из университета Южного Саскачевана. Типично американская дама с могучими плечами и голосом, как у племенного быка. Анна улыбнулась и приняла его слова на веру. Он, со своей стороны, никогда не выказывал любопытства: кому писала? где была?

Однако вскоре письма стали приходить уже не из Канады, а из европейских столиц, сегодня же утром, едва Креймер ушел из дому, появилось еще одно, со штемпелем «Кембридж». И вечером, испытывая брезгливость к себе самой, Анна принесла письмо на кухню, осторожно подержала конверт над паром и положила открытым на стол, решившись прочесть. Прочесть его тем не менее она не смогла, хотя не сводила с письма глаз; она вскакивала, ходила по комнате, но чувство вины было по-прежнему слишком сильным. В конце концов она сунула письмо под подушку. «Если Креймер не явится до полуночи,— твердила она себе,— непременно прочту...» Но

пробило двенадцать, затем час, а ультиматум выполнен не был. Минуло два — письмо все еще оставалось непрочитанным.

Внизу, в гостиной, послышался легкий шум, и она так и подскочила в постели, неловко дернув при этом плечом. Затаив дыхание, вслушивалась она в полумрак, но шум не повторился.

У них был огромный перекормленный кот по кличке Архимед, который считал себе изящным юным котенком и постоянно опрокидывал всякие безделушки и украшения, стараясь втиснуться в щели, слишком узкие для его солидного торса.

Наверное, это кот.

Анна вновь откинулась на подушки — плечо опять заболело сильнее. На глаза навернулись невольные слезы — одолела острая жалость к себе. Она чувствовала себя одинокой, покинутой в этой широченной постели, в огромной пустой квартире...

На смену жалости пришел неистовый гнев. Потянувшись к выключателю, она зажгла свет, вытащила из-под подушки письмо и развернула его. Письмо было длинное, написанное мелким, типично женским, довольно неразборчивым почерком. Прочитав несколько строк, Анна выскочила из постели и, налив себе в соседней комнате джина, поставила стакан на столик возле кровати.

Это было не просто любовное письмо. Местами оно казалось почти семейным. Более того, между отправителем и адресатом прослеживалась еще и интеллектуальная близость. Письмо было полно шуточек по разным поводам, намеков на знаменитости ученого мира. Шарон — этим именем было подписано письмо,— по-видимому, предприняла большую поездку по Европе на средства Канадского исследовательского совета и извлекла из этой поездки немалую пользу. Она была — и тут Анна ощутила такой укол ревности, что мгновенно позабыла об ушибленном плече,— несомненно, умна и незаурядна. Анна дочитывала последнюю страницу, когда раздался телефонный звонок, заставивший ее вздрогнуть. Вопреки всякой логике, прежде чем поднять трубку, она засунула письмо под подушку.

Звонил Креймер:

— Это ты, дорогая? Мне страшно жаль, что ты потеряла вечер...— Ответом ему служило молчание.— Ты меня слышишь?..

До него донесся тихий, сдавленный голос Анны:

— Слышу.

— Ну, так что там произошло в магазине? — Креймер не дал ей времени для ответа.— Нет, нет, дорогая, ты, должно быть, устала. Я тебя, наверное, разбудил. Прости, пожалуйста. Три часа утра — не самое подходящее время для ученых бесед.— Голос его звучал фальшиво, с шутовскими нотками и вовсе не походил на тот, какой она знала.— Боюсь, что я окончательно завяз здесь. Только что закончил совещание. Попасть сегодня домой уже не смогу. Увидимся завтра к вечеру. Договорились?..

Наконец она выдавила из себя:

— Где ты?

— Разве я не сказал? В Кембридже. Ну, не буду больше мешать тебе спать. Спокойной ночи, дорогая. Благослови тебя бог...

— Спокойной ночи,— отозвалась Анна, и он положил трубку прежде, чем она успела докончить фразу.

Она откинулась в постели, внезапно ослабевшая и обессиленная, посмотрела на конверт — письмо было отправлено накануне, отправительница предупреждала, что позвонит Креймеру на работу. Вывод был очевиден, и тем не менее теперь, когда худшее осталось позади, она ощутила даже известное облегчение. Анна взяла конверт, повертела его в руках и только тут прочла: доктор Шарон Джеррард. Джеррард?.. Ну, конечно, фамилия та же, что и у высокого чуть застенчивого канадца, с которым она встретилась в отделе игрушек несколько часов назад...

Она вспомнила, как бережно он осматривал ее плечо и как откровенно восхищался ею. Что-то знакомое чудилось ей в его лице, в этих широких покатых плечах, поджаром теле. Ив Монтан, вот оно что! В канадце было что-то от Ива Монтана, не слишком близкое сходство — волосы у Джеррарда заметно светлее,— но достаточное для того, чтобы вы заподозрили, что видели его где-то раньше.

Ей доводилось слышать, что он разошелся с женой. Креймер был очень дружен с ним в Канаде, а потом пригласил его к себе. Внезапно она выпрямилась, словно поражепная громом. Письма начали приходить с того самого дня, когда Креймер вернулся из Канады. Постой, постой — так ведь он и жил-то те три месяца, что был там, у Джеррардов!

Наконец-то Анна поняла, что такое муки уязвленной гордости. Хотя они неуклонно отдалялись друг от друга

вот уже целых два года, ей и в голову не приходило, что он мог изменять ей еще в те давние, безоблачные времена. Это было ужасно. Значит, он предал все: их планы, идеалы, будущее — совершенно все.

А Джеррард? Выходит, это Креймер разбил его семью? А потом нанял его на работу? Мысли путались, обгоняя друг друга. Большая порция джина, которую она выпила, да и переутомление давали себя знать. Она забылась неглубоким не приносящим отдыха сном.

Проснулась Анна в девять утра, одновременно разбитая и возбужденная. Рука не слушалась, но боль поутихла, и синяк на плече стал желтеть. Пока она одевалась, сомнения предыдущей ночи уступили место твердой решимости. Она все с ним выяснит, и не далее чем сегодня вечером. Любой исход лучше, чем постылая тюрьма последних двух лет. Как ни странно, тот факт, что он ей неверен, казался Анне почти утешительным. Соперница из плоти и крови все же куда лучше, чем сознание, что к тебе попросту потеряли интерес, как к какой-нибудь покупной безделушке...

А как быть с Джеррардом? Сказать ему? Но что это даст? Интересно, развелись ли они? Безусловно, расстались, и притом достаточно давно. Она снова с теплым чувством вспомнила его. Одурачили человека точно так же, как одурачили и ее. И впервые за много часов улыбка тронула губы молодой женщины: если уж придется объединять усилия, то рослый, привлекательный ученый отнюдь не самый худший союзник.

Немного позже она позвонила Джеррарду, чтобы узнать о результатах исследования пластмассовых шестеренок. Канадец сообщил ей о решении Райта отложить проверку. Попутно он рассказал об отказе светофора в метро и о том, что собирается на следующее утро побывать на месте происшествия. Она попросила взять ее с собой, Джеррард был удивлен, но после недолгих колебаний согласился.

Люк и сам не вполне понимал, что заставило его сказать «да»; может быть, он рассчитывал, что его позиции в агентстве упрочатся, если жена босса отправится вместе с ним. Никому из своих коллег он и словом не обмолвился о том, куда идет,— вот вернется с подлинными образцами дефектной изоляции, тогда другое дело. А может, ему просто захотелось вновь увидеться с Анной?

Вечером Анна, собрав все свои силы, приготовилась к очной ставке, поставила поближе бутылку джина, на-

дела свой лучший шелковый костюм и стала поджидать Креймера.

Прошло три часа. Она совершенно опьянела от джина, переоделась в пеньюар и мрачно расхохоталась над мелодраматичностью сцены: она ждет мужа, а перед ней на столе — обличающее письмо. Еще позже, протрезвев, она почувствовала, что замерзла, и надела ночную рубашку и халат. К одиннадцати часам голова стала раскалываться от боли, мучила тошнота.

В половине двенадцатого зазвонил телефон. Это был Креймер. Сегодня голос его звучал сухо, едва ли не грубо:

— Прости, дорогая, вернуться никак не сумею.— Он притворялся, что утомлен до изнеможения.— Придется тебе извинить меня. Нас тут замело, снег чуть не до крыш. Возвратиться до завтра просто невозможно. Представляешь?

— Представляю,— тихо ответила Анна. Позвони он пораньше, она еще нашла бы какой-то ответ, какие-то слова, но сейчас ее только бил озноб.

— Ну то-то,— сказал Креймер.— Увидимся завтра. Сегодня, малышка, уж как-нибудь обойдись без меня!

Он дал отбой.

О многом еще надо было позаботиться, многое сообразить. Анна легла спать и вопреки советам врача приняла пару таблеток снотворного. Последнее, о чем она подумала, засыпая,— не забыть бы завтра надеть что-то подходящее для метро...

Наутро она проснулась рано. Сон привел разбежавшиеся мысли в порядок. Она оделась, прошла в гостиную, присела к столу и написала Креймеру письмо.

Как всегда, ее воспитание и привычка всей жизни скрывать свои чувства дали о себе знать. Письмо получилось лаконичным. Чувства не нашли, вернее, почти не нашли в нем выражения. Ей стало известно, что он изменяет ей на протяжении многих лет. Она расценивает это как предательство. Она не желает продолжать подобную жизнь. Она уверена, что он без труда найдет себе утешение с другой,— только эта последняя фраза отчасти выдала ее подлинные переживания.

Прежде чем запечатать, она наскоро перечитала письмо. С горечью подумалось, что, если Креймер захочет использовать письмо при разводе, оно послужит отличным доказательством холодности и бесчувственности прежней жены. Но переделывать что-либо не оставалось

времени. Анна заклеила конверт и положила его на камин.

Выйдя из дому, она остановила такси и поехала на встречу с Джеррардом и Слейтером.

VII

— Спустимся здесь...

Холден, генеральный директор ремонтных служб лондонской подземки, легко спрыгнул с платформы и обернулся, чтобы предложить руку Анне Креймер. Остальные, последовав за ней, выстроились вдоль силового рельса. Холден бросил взгляд на часы:

— Линия вспомогательная, используется только в часы пик. Поездов больше не будет, не так ли?

Вопрос был адресован начальнику станции, приземистому пожилому человечку в форменной фуражке. Красные пятна на его лице говорили о повышенном давлении и хроническом бронхите. От напряжения начальник дышал с присвистом:

— Последний прошел в десять десять, сэр...

— Хорошо,— Холден повернулся к остальным.— Тогда отправляемся...

В руках у генерального директора был тяжелый электрический фонарь, и он показал им на зияющее жерло тоннеля. Начальник станции включил ремонтное освещение — рубильник находился у края платформы,— в тот же момент перед ними чередой высвеченных мертвенно-бледным светом ребер зловеще изогнулся тоннель.

— Линия еще под током...— бросил через плечо Холден.

Слейтер поднял на него глаза.

— Разве это не опасно?

— Ну, если вы ухитритесь упасть между этими двумя рельсами...

Анна нервно вцепилась в руку Джеррарда.

Холден зашагал по путям, за ним следовали Слейтер, Джеррард и Анна, начальник станции замыкал шествие. Несколько шагов — и они оставили выложенную белым кафелем, успокаивающе знакомую станцию с ее рекламными щитами и очутились в гнетущей тьме тоннеля. Здесь было довольно прохладно, холоднее, чем ожидал Джеррард. Ведь он читал где-то, что в подземных сооружениях круглый год сохраняется постоянная температура, что там прохладно летом и тепло зимой. Воздух ка-

зался затхло-влажным. Чувствовался сильный устойчивый сквозняк.

Холден, шагая впереди, время от времени указывал на препятствия и освещал их своим фонарем. Наконец он огляделся и сказал:

— Вот мы, по-моему, и пришли. Верно, начальник?

Тот кивнул, совершенно запыхавшись.

— Верно. Вот там, наверху...

И показал на противоположную стену тоннеля.

Они вышли на пересечение двух линий метро. Одна из них, видимо, давно уже не эксплуатировалась. Ее преграждал толстый стальной щит. В отличие от блестящих рельсов действующей линии ее рельсы были покрыты ржавчиной. Откуда-то тянуло запахом тления, заставившим Анну вздрогнуть.

— Вот, пожалуйста...

Холден повел их через рельсы к наглухо закрытой двери. Подле нее виднелись густая сеть кабелей и несколько распределительных щитов, похороненных под толстым слоем пыли. Экспедиция пересекла пути, и начальник станции включил еще одну лампочку над блоком предохранителей.

Слейтер вышел вперед и кончиком карандаша осторожно тронул изоляцию верхних кабелей. Она отваливалась сырыми липкими комьями. Он поднес карандаш к носу: пахло гниющим мясом с примесью аммиака.

Джеррард, сняв с плеча сумку и распаковав ее, принялся аккуратно собирать шпателем образчики размягченного пластика в специальные баночки.

— Велик ли участок поражения? — обратился он к Холдену.

— Трудно сказать. Мы отрядили бригаду проверить весь район. Пока что дело как будто ограничивается этим скрещением, но ручаться нельзя...

— Слышите? — встрепенулась Анна. Откуда-то издалека доносилось глухое громыханье, которое с каждой секундой становилось все отчетливее. Анна беспокойно отступила.

— Не беспокойтесь, все в порядке, мисс, вы здесь в полной безопасности, состав идет по другому тоннелю...

Громыханье нарастало; в главном тоннеле показались огни быстро приближающегося поезда. В следующее мгновение, расколов воздух, он пронесся мимо. По лицам замелькали огни вагонов. Тоннель задрожал от перестука

колес по рельсам. Затем внезапно все кончилось, шум утих вдали, их снова окружал мрак.

— Как вы думаете, это явление не будет распространяться? — спросил Слейтер.— Ведь если изоляция начнет отваливаться, короткое замыкание неминуемо, ну и...

— Вы меня спрашиваете? — резко отозвался Холден.— Вы, специалист?..

Слейтер замолк, и они с Холденом устремили взгляды на Джеррарда. Тому стало не по себе. Какого черта, надо было предоставить Райту самому выпутываться из неприятностей. А теперь от него ждут суждений о том, о чем он не имеет ни малейшего представления...

— Прежде всего следует доставить образцы в лабораторию и установить скорость реакции...— он запнулся,— скорость реакции, вызывающей процесс разрушения. Полагаю, что непосредственной опасности нет.

Он продолжал аккуратно, слой за слоем отделять размякший пластик, раскладывая его по баночкам, которые, тщательно завинтив, прятал обратно в сумку.

Анна достала миниатюрную фотокамеру со вспышкой и сделала несколько снимков нарушенной изоляции и всего тоннеля.

— Имейте в виду, без нашего разрешения эти снимки использовать нельзя,— заявил Холден.

— А мы и не собираемся их публиковать,— сухо ответила Анна,— мы помогаем вам по вашей же просьбе.— Она приладила к камере объектив для съемки крупным планом и сделала снимок того участка кабеля, где изоляция была повреждена особенно сильно и из-под нее проступала медная жила.— Снимки нам понадобятся, чтобы установить, откуда взят тот или иной образец.

— Вы еще долго? — осведомился начальник станции, обращаясь к Джеррарду.

— Я кончил.

Начальник повернулся к Холдену.

— С вашего разрешения, сэр, нам пора...

— Вы удовлетворены осмотром? — осведомился Холден у Слейтера.

— Да, вполне, благодарю вас.

— Хорошо, тогда поспешим...

Начальник станции, уже проявлявший признаки беспокойства, повел их с фонарем в руке в обратный путь. Они цепочкой последовали за ним.

И вдруг совершенно неожиданно тоннель, казалось, поднялся дыбом. Бетонное основание пути тряхнуло их

и швырнуло навзничь. За ударом последовал нарастающий грохот. Затем несколько сильных взрывов еще и еще сотрясли стены тоннеля, перекашивая бетонные и стальные крепи, сверху сыпался дождь обломков. Ребра тюбингов сгибались и разгибались, как резиновые.

Едва люди в облаках пыли поднялись на ноги, раздалось еще несколько более отдаленных взрывов. И наконец наступила тишина, нарушаемая лишь клацаньем осыпавшихся со свода мелких чешуек.

— Господи, что это? — спросил Слейтер. Ответом ему был еще один взрыв, пожалуй, чуть более отдаленный. Тоннель вновь покачнулся, и глубоко под ногами они ощутили какую-то неровную дрожь.

— Быстрее,— крикнул Холден,— на станцию! Бегом!

Он бросился в сторону платформы. Все последовали его примеру, но тут, мигнув, погасло освещение. Впереди, на станции, автоматически включились тусклые мерцающие аварийные огни. Поезд еще не ушел, они видели его хвост и слышали возбужденные голоса и крики.

Когда они подбежали ближе, послышалось шипение сжатого воздуха, двери вагонов открылись, и на платформу высыпали встревоженные пассажиры. В отдалении опять дважды прозвучали взрывы, и станцию, как и тоннель, снова встряхнуло и выпрямило.

Закричала женщина. Пассажиры начали протискиваться по переходам к эскалаторам.

— Придется нам лезть через состав,— сказал Холден.

Он вскочил на ступеньку и принялся открывать дверь в кабину машиниста. Но едва Холден справился со своей задачей, ударил новый громовой раскат, и воздушная волна едва не сбросила состав с рельсов.

На смену полутьме пришел ослепительный свет. Дальний конец поезда и большая часть самой станции в мгновение ока оказались охваченными яростным пламенем.

Холден рывком распахнул вторую дверь и через вагон выбрался на платформу, остальные поспешили за ним. Тут царила полная паника. Пассажиры в отчаянии метались, цепляясь друг за друга в тщетных попытках ускользнуть от струй огня, бивших из разверстого жерла тоннеля на противоположном конце станции. Слепая от страха толпа валила с ног детей и стариков, тут же затаптывая их насмерть. Какая-то женщина, прикованная ужасом к месту, оцепенело смотрела, как прямо на ней сначала затлело, а потом факелом вспыхнуло ее долгополое пальто. В руках пожилого мужчины взорвалась

полиэтиленовая канистра, и он в мгновение ока обратился в огненный шар. Какой-то делец, растеряв всю свою привычную сдержанность, лягался и выл, раскидывая встречных, а его костюм пылал у него на спине.

Иссохшие деревянные рамы стареньких, образца девятисотых годов, вагонов полыхали как спички; трескаясь от жары, рассыпались со звоном стекла. Люди на глазах чернели, падали, как только пламя накрывало их. Корчась, словно облитые бензином муравьи, они, наконец, застывали в жутком обугленном покое.

Внезапно на фоне полыхающего пламени показались еще две гротескно высвеченные фигуры, одежда на них пылала, они с трудом держались на ногах.

Прикрывая лицо от невыносимого жара, Джеррард и Слейтер кинулись им навстречу. Джеррард протянул руку к тому, кто, шатаясь, брел первым,— и тут же отпрянул в ужасе. Едва он коснулся пальцев этого человека, кожа вместе с мясом снялась с них, как ветхая перчатка. Человек посмотрел на Джеррарда невидящими глазами, согнулся и упал лицом вниз.

Второй не успел подойти близко — его догнал новый порыв пламени. Слейтер отскочил, опалив себе волосы и брови.

Еще несколько секунд Джеррард тащил останки своего подопечного по платформе, не сознавая, что это уже бесполезно, а потом вместе со Слейтером присоединился к остальным.

Одним прыжком они вернулись в хвостовой вагон. Там теперь командовал незнакомый высокий мужчина. Он наклонился к своей спутнице — молодой блондинке.

— Ты можешь встать, Вэнди?

Блондинка открыла глаза и слабо кивнула.

— Тогда давай выбираться отсюда.— Он обратил свое внимание на Анну.— Пожалуйста, помогите мне.

Дородный и властный, он, видимо, больше привык повелевать, чем просить. Вдвоем они спустили блондинку со ступенек на рельсы, остальные не замедлили последовать за ними. Только начальник станции все еще нерешительно мялся в дверях вагона, а поезд за его спиной яростно пылал.

— Да спускайтесь же, ради бога! — поторопил его Холден.

Начальник обернулся.

— Право, не знаю. Там такая уйма народу...

Он показал на огненную преисподнюю.

— Мы им ничем не поможем,— нетерпеливо сказал Холден.— Спускайтесь!

Начальник все колебался.

— Есть еще один путь наверх,— сказал он наконец.

— Какой? — отозвался Холден.

— Под эскалатором.

— Ничего не выйдет,— возразил Холден.— Ступеньки эскалатора тоже деревянные. Там сейчас такое же пекло.— Он протянул руку и поддержал начальника станции, пока тот неуклюже слезал со ступенек.— У нас остался единственный шанс — по путям до следующей станции. Далеко это, Билл?

— Нет, не очень,— ответил начальник.— Метров восемьсот...

Порывы горячего ветра налетали на них сквозь дверь, пока Холден с трудом не затворил ее. Остальные беспокойно переминались с ноги на ногу.

— А следующий поезд,— обеспокоился Слейтер,— нас не...?

Он замолк, не окончив фразу.

— Поезда не будет,— сухо сказал Холден,— сеть обесточена.

— Допустим,— не унимался Слейтер,— но путь идет под уклон. Что если этот поезд покатится следом за нами?

— Он на тормозах. Его-то бояться нечего...

И они двинулись по тоннелю обратно. Воздух, прежде прохладный, быстро нагревался, нагоняя и обтекая их. По тоннелю эхом перекатывался треск и рев огня у них за спиной. Хвостовой вагон тоже занялся, разбрасывая искры, и длинные языки пламени тянулись за ними вдогонку, резко вычерчивая их тени на ребрах тюбингов. Наконец они одолели поворот и вышли к пересечению, где недавно рассматривали поврежденые кабели. И блондинка Вэнди, и начальник станции задыхались. Остановившись, Холден осмотрелся вокруг.

— Подождите немного,— сказал он.— А я разведаю, что впереди.

— Я с вами,— вызвался Слейтер.

Холден покачал головой.

— Пожалуйста, оставайтесь здесь.

С этими словами он направился вдоль главной линии.

Остальные присели на кучу запыленных шпал. Огня они теперь не видели, однако воздух в тоннеле все бо-

лее накалялся. Начальник станции, который дышал все тяжелее, зашелся в кашле.

Дородный мужчина вдруг решил обратиться ко всем сразу:

— Моя фамилия Первис. Кто-нибудь может мне объяснить, что происходит?

В нем была какая-то нетерпеливая надменность, производившая не слишком приятное впечатление. Слейтер пожал плечами.

— Сами знаем не больше вашего...— Резко обернувшись, он подхватил фонарь из рук начальника станции, который начал оседать, видимо теряя сознание.— Эй,— позвал Слейтер Джеррарда,— посмотрите-ка, что с ним!

Джеррард склонился над начальником, съезжавшим все ниже по стене тоннеля: лицо у того побагровело, он судорожно ловил ртом воздух, полузакрыв глаза. Джеррард распустил ему галстук и приложил ухо к его груди.

Слейтер решил все же отправиться следом за Холденом.

— Послушайте, не вздумайте забрать его,— сказал Первис, имея в виду фонарь.— Он же у нас единственный.

С минуту Слейтер задумчиво смотрел на фонарь, потом пожал плечами:

— Наверное, вы правы...

Он передал фонарь Первису, повернулся и на ощупь побрел по тоннелю в ту сторону, куда ушел Холден.

VIII

Район, примыкающий к вокзалу Кингз-кросс, представляет собой, надо думать, один из самых сложных транспортных узлов в мире.

На поверхности раскинулся большой и причудливый комплекс дорог с никогда не прекращающимся движением. Грузовики со стоном заворачивают вверх по Йорквэй, направляясь к Грейт-Норт-роуд; густые потоки фургонов и лимузинов текут на запад по Юстон-роуд к центру города, и там, где эти потоки встречаются, создается почти немыслимый хаос. Всего здесь, в непосредственной близости к вокзалу, сходятся шесть крупных улиц, и к этому еще следует добавить транспорт, движущийся к расположенному чуть дальше на запад вокзалу Сент-Панкрас.

Шум, грохот, зловоние выхлопных газов — таков удел этих улиц с раннего утра до поздней ночи. Пешеходы, которые рискнули попасть в это царство гула, лязга и скрежета тормозов, с трудом увертываются от напирающих на них чудовищ и стараются как можно скорее нырнуть в дезинфицированную атмосферу подземки или лезут наверх, навстречу свисткам и толчее железнодорожных платформ. Либо вниз, либо вверх — других путей спасения отсюда попросту нет.

Под запруженными тротуарами и содрогающимися мостовыми расположен еще один запутанный узел: тоннели, переходы, эскалаторы, пути — станция метро Кингз-кросс. Те, кто проносится по ярко освещенной паутине ее тоннелей, никогда не задумываются, что их окружает еще и хитросплетение городских артерий — водопроводных, газовых и сводчатых канализационных труб, а также кабелей и коллекторов, пронизывающих все вокруг. Одних только труб, стань они видимы, хватило бы, чтобы вызвать у пассажиров острый приступ клаустрофобии, а если еще представить себе давление, оказываемое на них толщей земли...

В сутках есть, быть может, всего два часа, когда на земле и под землей воцаряется относительный покой. От половины второго ночи до половины четвертого утра движение, наконец, сокращается, и опустевшие туманные улицы мрачно блестят в резком свете натриевых ламп. А внизу, по гулким окоченевшим тоннелям движется тем временем небольшая армия уборщиков, обходчиков и техников-ремонтников, которая методически очищает сверкающие рельсы от масляных натеков и осматривает переплетение линий связи и силовых кабелей, подвешенных прямо к ребрам чугунных колец.

Те, кто передвигается по земле, и те, кто идет или едет под землей, никогда не видят друг друга, хотя кое-где их разделяет всего лишь метровое пространство, только оно и препятствует невообразимому смешению.

В районе Кингз-кросс пересекается пять уровней рельсовых путей. Прежде всего это проложенные по поверхности линии Британских железных дорог, затем, сразу под поверхностью, выстроенная еще в прошлом веке компанией «Метрополитен» линия Иннер-серкл — внутренняя кольцевая. Чуть ниже кольцевой недавно пробита так называемая Сэмсоновская линия — от станции Виктория к кварталам Хорнси и Айлингтон, затем, еще

ниже, лежат тоннели линии Пикадилли и, наконец, самая глубокая из всех — Северная линия.

Каждая из этих линий построена своим, отличным от других способом. Стены тоннелей Иннер-серкл, к примеру, сложены из кирпича, а пути здесь покоятся прямо на голой земле. Сэмсоновская линия, напротив, собрана из бетонных секций. Поскольку она вклинилась между кольцевой и Пикадилли, то во время ее строительства лишенные поддержки пути старинной Иннер-серкл пришлось кое-где специально укреплять стальными плитами и во избежание обвала подводить под них гигантские гидравлические опоры.

Прежде чем Лондон был сплошь покрыт безобразной каменной и бетонной коркой, с Северных холмов к Темзе стекали несколько вольных речушек. Но когда человек, неуемный строитель, разбросал плоды своих трудов по всей округе, речки эти выпрямили, сузили и в конце концов загнали под землю и заперли в трехметровых трубах. Так, речка Флит, некогда открытая солнцу и небу, а теперь превращенная в сточную канаву, протекает буквально за стеной одного из подземных кассовых залов метро.

В путаницу тоннелей вплелись еще и две крупные параллельные водопроводные магистрали, газовые магистрали полуметрового диаметра, а также обводной канализационный капал, сооруженный еще в 1842 году.

Жизнь современного города — в сущности, баланс на острие ножа: она зависит от равновесия между отдельными перегруженными системами и от отсутствия нежелательных взаимодействий между ними. А подобное взаимодействие может возникнуть буквально от тысячи причин.

Именно такое незначительное происшествие привело в конце концов к катастрофе в тоннеле Сэмсоновской линии неподалеку от станции Кингз-кросс.

В действительности все началось несколькими неделями ранее, когда сквозь дефектный стык меж двумя секциями Сэмсоновской линии просочилась никем не замеченная капелька воды. Заурядная эта капелька сама по себе не составила бы ни малейшей опасности. Но в данном случае вода оказалась из протекающей по соседству бывшей речки Флит.

Опять-таки и этот факт остался бы без последствий, если бы просочившаяся вода не содержала в себе двух необычных ингредиентов и если бы кабели, висящие на

стенке тоннеля, не были покрыты оболочкой из пластика. Злому случаю было угодно, чтобы внешняя оболочка кабеля была именно пластмассовой, в то время как собранные в нем провода в большинстве своем несли на себе изоляцию из синтетического каучука.

В течение последующих недель пластмассовая оболочка, понемногу размягчаясь и разлагаясь, отваливалась влажными клейкими кусочками с дурным запахом. Однако каучук все еще предохранял жилы проводов, так что электрические цепи продолжали работать и системы связи оставались нетронутыми; ни к инженерам, ни к диспетчерам никаких тревожных сигналов не поступало.

Реакция нарастала медленно, если не считать легкого шипения вздувающихся и лопающихся на поверхности изоляции пузырьков. Пузырек за пузырьком — и тоннель постепенно стал заполняться газом. Частично он рассеивался, частично отсасывался вентиляционными устройствами, но какое-то его количество все же задерживалось в путевых «карманах», накапливалось во вспомогательных помещениях и между поперечинами тоннельного свода.

На улице толпы служащих спешили домой, закрывая лица воротниками пальто от пронизывающего декабрьского тумана. Входы метро, как разверстые пасти гигантских доисторических чудовищ, заглатывали людские потоки, и те стекали по ступенькам и эскалаторам вниз, навстречу яркому свету и теплу. Едкая мгла замедлила уличное движение едва ли не до скорости пешехода, машины нетерпеливо рычали и чадили, повинуясь жестам полисменов в надетых поверх шинелей светящихся оранжевых жакетах.

А под землей, в заполненном газом тоннеле Сэмсоновской линии, реакция наконец-то оголила две медные жилы. Они располагались одна над другой, и верхняя, под напряжением 170 вольт, провисла над нижней, которая была заземлена. Они соприкоснулись. Мгновенная искра — и ток, питавший линию, оборвался.

В диспетчерской на Кобург-стрит дежурный инженер в изумлении поднял брови: перед ним загорелся невиданный прежде сигнал. В ту же секунду в тоннеле раздался первый взрыв — вспыхнул пойманный в ловушку газ. Произошло это в промежутке меж двумя поездами, движущимися на север, и ударная волна оказалась, таким образом, стиснутой цилиндрическим пространством между ними.

Стремительная стена пламени ударила в хвост первого поезда и разнесла стекла в кабине машиниста второго. Когда сила взрыва достигла апогея, крепление секций тоннеля не выдержало, и они разошлись, потянув за собой стальные и бетонные конструкции расположенной выше линии Иппер-серкл. Между линиями проходила шестидесятисантиметровая газовая труба — она лопнула, и вниз, в тоннель, хлынул еще и поток бытового газа. Он заполнял пространство между двумя поездами, а на стенах искореженного тоннеля еще тлели недогоревшие провода. Достигнув определенной концентрации, смесь бытового газа с воздухом тоннеля тоже взорвалась.

С ревом, слышным на километры вокруг, тоннель Сэмсоновской линии взлетел вверх, пробив кирпичный свод Иннер-серкл и метровый слой грунта, отделявший его от поверхности. Именно в этот момент Джеррарда и его спутников глубоко под землей швырнуло навзничь на рельсы.

Мостовая вдруг стала постепенно, как при замедленной съемке, вспучиваться, а потом лопнула, словно волдырь, и из-под земли к небесам вырвался, как при ядерном взрыве, желто-оранжевый огненный шар. Ударная волна, всколыхнув туман, разорвала его на кривые полосы и понесла сквозь плотные ряды машин.

Движение прекратилось: машины сталкивались, переворачивались, вылетали на тротуары, сбивая пешеходов. Огромный грузовик с прицепом, груженный стальными трубами, развернувшись юзом, сшиб две другие машины, а его кабина, отделившись, перевернулась и съехала в зияющую дыру. Трубы свалились и покатились на онемевшую от ужаса толпу, круша и подминая ее под себя, подобно чудовищному рольгангу.

На линии Иннер-серкл машинист тщетно пытался остановить переполненный состав, мчавшийся в сторону взрыва. Но это ему не удалось, и головной вагон вылетел на участок, лишенный опоры, пошел под уклон и спикировал вниз, на Сэмсоновскую линию. Вагоны смяли друг друга, обратившись в кровавое месиво пополам со стеклом и щепой.

Лопнувшая газовая магистраль, еще недавно замурованная в бетон меж двумя тоннелями, теперь извергала ввысь десятиметровый столб огня. Гигантский факел плясал на обломках вагонов, и высохшая от времени древесина превращала их в кошмарный погребальный костер.

Из желтой мглы показались пронзительные синие

«мигалки» полицейских машин, тревожно взвыли сирены карет скорой помощи. В фургонах прибыли люди в форме, которые быстро и умело оттеснили толпу и перекрыли подъезды к району бедствия. Пожарные боролись с пламенем, извергавшимся из кратера.

Джеррард обвел спутников взглядом. Анна кивком показала на начальника станции:

— Что с ним?

— Вероятно, выкарабкается, если мы не застрянем здесь уж очень надолго,— ответил Джеррард.— Левосторонний отек легкого...

— Этого нам только не хватало,— буркнул Первис и отвернулся. Посмотрев в тоннель, он добавил: — Долго они там собираются возиться? — По тоннелю уже начал просачиваться дым.— Здесь мы скоро попросту задохнемся...

— Но мы все еще не знаем, что произошло,— откликнулся Джеррард.

Первис посмотрел на него с раздражением.

— Черт с ней, с причиной, но не бросать же здесь этого бедолагу!

Тут Джеррард обратил внимание на третьего из компании Первиса: это был тощий человек с темными волосами и каким-то птичьим лицом. За все время он не проронил ни слова.

— Ладно,— сказал канадец,— только помогите мне оба...

Первис кивнул в сторону тощего:

— Это Харди, секретарь нашей фирмы...

Джеррард вновь подумал, что представляться в подобных обстоятельствах — совершеннейший абсурд.

Дым уже вился вокруг них, начальник станции дышал, широко раскрывая рот и время от времени надрывно кашляя. Джеррард рывком поднял его на ноги. Харди подобрался с другой стороны и подсунул руку под плечо больного, однако сдвинуть обвисшее тело ему оказалось не по силам.

— Извините, у меня что-то не получается,— начал он.

Первис бесцеремонно оттолкнул его.

— Дайте-ка я.

Он положил руку начальника себе на плечи и, ухватившись за нее, оторвал его тело от земли.

Бледная как полотно Вэнди прижимала к носу плато-

чек. Анна прикрыла рот шарфом. Все двинулись дальше — Харди, взяв фонарь, освещал дорогу.

Пошатываясь, они брели по дымному тоннелю, перекресток уже скрылся за спиной. Анна шла следом за Джеррардом, которому не без труда удавалось удерживать на ногах начальника.

— Люк,— тронула она его за руку.

— Да?

— А что если поезд, который позади, покатится на нас?

Джеррард слегка повернул к ней голову.

— Я тут видел какие-то соединительные проходы. Кажется, Холден называет их сквозными норами. Спрячемся в одну из них...

— Да куда же, черт возьми, подевались эти двое? — ворчал Первис.

В самом деле, они уже прошагали по изгибающемуся тоннелю метров триста, а Слейтера или Холдена не было и в помине.

— Должно быть, мы уже недалеко от следующей станции,— предположил Джеррард.

Но тут Харди сдавленно вскрикнул и, остановившись, направил луч фонаря на что-то впереди. В мутном свете все не сразу разобрали, что это ползущий на четвереньках человек. Когда человек поднял голову, они узнали Слейтера. Невидящими глазами он секунду смотрел на них, а потом упал на рельсы.

Джеррад и Первис, быстро прислонив начальника к стенке, бросились вперед. Джеррард выхватил у оцепеневшего Харди фонарь и склонился над Слейтером. Тот казался мертвым.

— Скорее,— воскликнул канадец,— искусственное дыхание!..

Он ловко перекатил Слейтера на спину и, пощупав пульс, начал ритмически разводить и прижимать его руки к груди. Прошло с полминуты, Джеррард, опять склонившись к лицу Слейтера, уловил первые чуть слышные вздохи. Потом канадец вновь принялся за работу, и наконец минуты через четыре грудная клетка Слейтера судорожно поднялась и ритмично задвигалась.

Джеррард откинулся к стенке. Он и сам дышал тяжелее обычного.

Первис подошел и протянул ему что-то:

— Дайте, вдруг поможет...

Джеррард взял фляжку в кожаной с серебром оплетке и поднес ее к губам Слейтера. Сначала тот никак не реагировал, а потом закашлялся и раскрыл глаза. Он даже попытался подняться, но скривился от боли.

— Вы можете говорить? — Джеррард бережно приподнял его, помогая сесть.— Что случилось?

Слейтер ответил ему усталым взглядом.

— Не знаю. Путь впереди... завален... частично завален.

— А где Холден?

— Хотел пролезть через завал, потерял сознание. Я старался его вытащить, но... не смог.

Слейтер вновь закрыл глаза, тяжело дыша.

— Пойду посмотрю,— сказал Джеррард.

— И я с вами,— торопливо поднялся вслед за ним Первис.

Уклон впереди оказался неожиданно крутым. Свет фонаря осветил лежащие поперек пути искореженные металлические конструкции и груды обвалившейся земли. Путь был перекрыт, только в одном месте между обломками виднелся лаз. Из-под обвала сочилась вода. Все это не могло не действовать на нервы.

— Бог мой! — воскликнул Первис.— На какой мы глубине?

— По словам Холдена, глубина здесь метров восемнадцать. Над нами всего одна линия, Иннер-серкл. Взрыв, наверное, был где-нибудь там...

Не хватало воздуха. Оба начали задыхаться. Джеррард посветил фонарем в узкий лаз.

— Он, должно быть, полез в эту дыру...

Первис шарил по карманам. В тусклом свете фонаря они увидели торчащую из-под обломков ногу. Услышав за собой чирканье спички, Джеррард в ярости обернулся:

— Идиот, погасите сейчас же! Газ!

Но пламя спички, коротко мигнув, погасло.

— Не горит. Видно, здесь двуокись углерода...

Дышать стало совсем тяжело. Джеррард почувствовал легкое головокружение — это был первый симптом отравления углекислым газом. Он попытался подобраться к Холдену поближе, но силы изменяли ему. Первиса тоже покачивало. Джеррард заставил себя выпрямиться: он уже едва держался на ногах.

— Скорее отсюда! Да двигайтесь же, ради бога!..— выдохнул он, и они вдвоем, шатаясь как во хмелю и поддерживая друг друга, с трудом выбрались из-под уклона

наверх. Добравшись до остальных, оба рухнули наземь.

— Что с вами? — встревоженно вскрикнула Анна.

— Газ...— только и ответил Джеррард. Язык не повиновался ему.

Слейтер сидел с фляжкой в руке. Он уже почти пришел в себя.

— А что с Холденом? — поинтересовался он.

Джеррард слабо покачал головой.

— К нему не пролезть. Никаких шансов. Он, по-видимому, давно умер.

Все помолчали, потом Первис спросил:

— Откуда взялся этот газ?

— Не знаю,— ответил Джеррард.— Ясно только, что нам надо выбираться отсюда, и побыстрей.

— Но здесь-то этот газ на нас не действует?

Голос Харди слегка дрожал.

— Углекислый газ тяжелее воздуха и держится внизу,— ответил Джеррард.— Может, он и поднимается к нам, но постепенно...

С другой стороны тоннеля огонь швырял в них пушистые облака дыма.

— Куда же мы теперь? — спросил Слейтер.

— Кажется, я видел соединительный проход,— заметил Первис,— метрах в пятидесяти отсюда...

— Но мы же не знаем, куда он ведет,— отозвался Слейтер. Он оглянулся на начальника станции, который дышал теперь немного ровнее, но глаз так и не открывал.— Надо выяснить. Растолкайте его!

Первис приблизился к начальнику и потряс того за плечо.

— Эй! — позвал он громко.— Эй!..

Джеррард оттолкнул руку Первиса.

— Дайте мне бренди.

Слейтер протянул фляжку, и Джеррард слегка смочил губы больного. Веки начальника затрепетали, и он открыл глаза. Джеррард склонился над ним, осветив фонарем его лицо.

— Вы меня слышите?

Начальник станции медленно кивнул.

— Нам придется искать другой путь наверх. Тут есть сквозная нора, куда она ведет?

Начальник хлебнул ртом воздух и попытался что-то сказать. Джеррард дал ему еще глоток бренди.

— Там лестница...— проговорил он отрывисто, борясь

с удушьем.— Лестница... вниз... на линию... Пикадилли.

— А не вверх?

— Нет... вниз.

— Не станем же мы спускаться еще глубже! — возмутился Первис.

Джеррард в раздражении выпрямился.

— А что еще вы можете предложить? Оставаться здесь? — Дым клубился все гуще. Канадец повернулся к Слейтеру.— Вы в состоянии идти?

Слейтер осторожно пощупал ноги.

— Думаю, что да. Я не подведу!

Джеррард бросил вопросительный взгляд на женщин. Обе кивнули. Тогда он вручил фонарь Слейтеру:

— Мы за вами...

Он подозвал Первиса, и они подняли на ноги начальника станции. Когда они втроем достигли бокового прохода, остальные уже пробрались внутрь. Кое-как им удалось затащить туда и начальника. К немалому общему облегчению, тут было не так дымно и явно ощущался приток прохладного свежего воздуха.

Немного отдохнув, Джеррард с Первисом волоком протащили начальника сквозь небольшой квадратный люк в дальнем конце прохода. За ним оказалось довольно просторное помещение. Спутники их стояли вокруг темного колодца в полу, куда вела старая ржавая лестница.

Харди посветил фонарем вниз. Из отверстия тянуло свежим чистым ветерком. Джеррард решился на риск.

— Есть у вас еще спички? — обернулся он к Первису.

Тот достал из кармана коробок и чиркнул. Спичка загорелась ярким пламенем.

— Газа тут нет,— сделал вывод Джеррард.— Считайте, у нас появился шанс...

— А что делать с этим? — Первис показал на начальника станции, который, опять потеряв сознание, откинулся к стене.— По такой лесенке нам его не спустить...

— Выберемся, тогда возвратимся за ним,— сказал Джеррард.— Пожар ему здесь не страшен, да и дым, пока снизу дует, сюда не доберется.

— Неужели вы его здесь бросите?! — воскликнула Анна.

— Ничего не поделаешь,— ответил Джеррард и заглянул вниз.— Слишком уж он тяжел, без веревок тут с ним не справиться.

— У меня и у вас есть пояса,— продолжала Анна и, посмотрев на начальника станции, добавила: — у него,

смотрите, тоже есть. Разве нельзя связать их все вместе?..

— Но в нем без малого сто килограммов! Никакие пояса не выдержат.

В этот момент Вэнди, отвернувшись, залилась слезами, и Анна, к облегчению Джеррарда, оставила спор и принялась ее успокаивать.

— Вот где пригодился бы второй фонарь,— сказал Джеррард.

— Что? — переспросил Первис.— А куда же он делся?

Слейтер пожал плечами.

— Он был у Холдена...

— Почему же вы не забрали его?

Первис был резок и зол. Слейтер ответил просто:

— Я старался спасти человека, а не фонарь!..

Первис бросил на него яростный взгляд, потом направился к лестнице.

— Я на разведку,— заявил он и, перешагнув через край, начал спускаться. Когда его голова была уже на уровне пола, он вдруг остановился.— Дайте мне свой фонарь!

— Он нам самим нужен.

Джеррарду пришлось отвлечься от больного начальника станции. Былое достоинство Первиса испарялось на глазах.

— Не стану я туда спускаться без света! Дайте мне его!

И он властно протянул руку.

— Я вам посвечу,— предложил Джеррард.

Двое мужчин неприязненно уставились друг на друга.

— Постойте, у меня ведь тоже есть фонарик,— вспомнила Анна и открыла сумочку.— Правда, он совсем маленький, но, может быть, пригодится...

Она вытащила крошечный фонарик для подсветки замочных скважин, прикрепленный к колечку с ключами, и включила его. Фонарик послал во мрак тусклый желтенький лучик. Но Первис, не сказав ни слова, взял его и исчез в колодце.

Джеррард обвел взглядом остальных. Потом кивнул Харди:

— Вы следующий.— Харди перелез через край и отправился следом за Первисом.— Теперь вы двое...

Это относилось к женщинам, затем настала очередь Слейтера. Джеррард бросил последний взгляд на начальника станции и, сняв с себя плащ, укутал им бесчувственного толстяка.

— Вы меня слышите? — спросил канадец. Ответом ему было едва заметное дрожание век.— Тогда запомните.— Он говорил почти в самое ухо больного.— Мы пошли за помощью. Понимаете? — Последовал слабый кивок.— Как только сможем, непременно за вами вернемся. А пока вы побудете здесь в полной безопасности.

На этот раз ответного кивка не последовало, только подрагивание век говорило, что больной слышит. Джеррард круто повернулся, посветил фонарем в колодец, затем перекинул ноги на лестницу и начал спускаться. Стены колодца были серыми и липкими, на потемневших от старости кирпичах виднелись патеки известп. Казалось, что находишься внутри печной трубы. До слуха Джеррарда эхом донесся крик Первиса:

— Я внизу!.. Тут вроде бы все спокойно...

Все стали спускаться резвее, подошвы скрипели на древних скобах, хлопья ржавчины сыпались в глаза.

Добравшись донизу, они очутились в невысоком сводчатом помещении с кирпичными стенами. В дальней стене была тяжелая стальная дверь с массивными засовами. Посреди комнаты на козлах лежали какие-то доски, а на них тяжелые гаечные ключи и разной длины трубы. Возле сварочного аппарата валялись две кирки и лом. На полу стоял чайник, а рядом — две кружки и пакетик чаю. Слейтер принялся рассматривать инструмент, а Анна взяла в руки чайник.

— Теплый! — воскликнула она.

— Слава богу,— отозвался Слейтер.— Значит, кто-то был здесь совсем недавно. Вопрос только в том, каким путем он отсюда ушел?

Джеррард направил луч фонаря сначала в самый конец помещения, а потом осветил стальную дверь.

— Вот именно,— Слейтер первым высказал то, что сразу же пришло в голову обоим.— Вероятно, он или они вышли через эту дверь и... закрыли ее за собой. Наверное, так положено, если рядом пожар...

— От того, что мы будем здесь торчать, ничего не изменится, — раздраженно перебил его Первис.— Попробуем выйти другим путем...

Он первым направился в противоположный конец помещения. Тут был спуск. По лицам вновь заструился устойчивый ветерок.

— Воздух-то теплый,— шепнула Анна Джеррарду. Тот мрачно кивнул.— Значит, тут не выйти. Значит...

— Значит,— подхватил Джеррард,— одно из двух:

или это просто спертый воздух с линии на другом, более глубоком уровне, или там тоже пожар.

С этими словами он поднял свой мощный фонарь так, чтобы осветить пространство впереди. Там оказался короткий и узкий лаз. В дальнем его конце луч фонаря высветил квадратный железный люк — выход. Тем временем Первис опустил свой фонарик вниз. Свет отразился в большой луже на полу.

— Придется нам лезть в эту лужу,— констатировал он.

— Подождите! — вмешался Джеррард. Первис застыл на месте.— Ну-ка, отойдите немного!

Первис неохотно подвинулся в сторону; Джеррард склонился к лазу и осветил одну из его стенок. По ней шла толстая связка кабелей, едва державшаяся на ржавых кронштейнах. В одном месте провода почти касались поверхности воды. Пролезть под ними было практически невозможно.

— Ну! — сказал Первис нетерпеливо.— Давайте же!

— Легче на поворотах,— огрызнулся Джеррард.— Потерпите.— Он еще раз медленно провел лучом по стене.— А вы что думаете? — осведомился он у Слейтера.

— Чертовски рискованно.

— Почему? — поинтересовался Первис.

— А потому,— ответил Слейтер,— что если эти провода под током и кто-нибудь заденет их, стоя в воде, из него получится неплохо зажаренный бифштекс.

— Какой здесь может быть ток? Мы видели десятки лампочек, и ни одна не горела...

— Их могли просто выключить. А выключатель, допустим, по ту сторону двери.

— Все равно я полезу,— сказал Первис в раздражении и уже наклонился, чтобы втиснуться в узкую горловину.

— А я нет,— голос Слейтера казался особенно спокойным после упрямых и безапелляционных реплик Первиса.— Вам не пробраться на ту сторону, не задев проводов.

Теперь, когда глаза попривыкли к темноте, они стали различать слабый свет, исходивший с противоположной стороны лаза.

— Там что-то светится,— заметил Первис.

— Вот именно,— сухо отозвался Слейтер.— Потому-то я и не советую вам лезть туда.

— А вы можете предложить что-нибудь другое? —

осведомился Первис.— Возражать вы мастак, а где ваши предложения?

Слейтер еще более понизил голос и заговорил сдержанно, почти шепотом:

— Будут и предложения, только соблаговолите выслушать.— Первис угрюмо уставился на него.— Пойдемте, я вам кое-что покажу.— Слейтер повел их обратно и осветил фонарем сварочный аппарат.— Вот, извольте. Все в полном комплекте.— Он бросил взгляд на дверь.— Держу пари, мы сумеем выжечь все эти замки и взрезать запоры...

Подняв фонарь, он поднес его к двери и вдруг издал торжествующий возглас. На стене была небольшая распределительная коробка.

— Вот это повезло,— сказал Слейтер. Шагнув вперед, он открыл коробку и опустил вниз рубильник. Тотчас же комнату залил яркий свет, и все, как по команде, инстинктивно прикрыли глаза руками.— По-моему, мы ухватили судьбу за хвост. В нашем распоряжении есть средства пройти через запертую дверь. Надо думать, эта дверь ведет наружу, иначе рабочие торчали бы здесь до сих пор. Разумеется, они ушли только этим путем. И...— он осмотрелся еще раз,— кажется,— он наклонился,— здесь есть даже еда!

— Еда? — переспросила Анна.— Где еда?

Слейтер показал на маленький деревянный ящичек.

— Они оставили нам завтрак.

Анна раскрыла ящичек и извлекла из него немного сыра, сухое молоко, сахар и жестянку, в которой оказались бисквиты. Первис тем временем обследовал дверь.

— Листовая сталь. Толщина не менее сантиметра. Нам никогда с ней не справиться...

Слейтер вдруг, вспыхнув от ярости, резко обернулся и оттолкнул бизнесмена к стенке.

— Да заткнешься ли ты, наконец? Осточертел...

Первис секунду помедлил, потом глаза у него сузились, и он ринулся на Слейтера с поднятыми кулаками. Джеррард встал между ними:

— Вам не кажется, что у нас хватает забот и без матчей по боксу? Только силы попусту тратите, прекратите!..

Какое-то мгновение казалось, что они оттолкнут Джеррарда и схватятся. Но боевого задора у спорщиков не хватило. Первис попуро отошел и сел на доски рядом с Вэнди, а Слейтер припялся за осмотр сварочного оборудования.

Минуту спустя Первис вытащил свою фляжку, встряхнул ее, проверяя, много ли там осталось, затем долил из чайника теплой водой и, навинтив колпачок, еще раз встряхнул, чтобы получше перемешать содержимое.

— Тут немного, но, надеюсь, поможет,— сказал он, предлагая фляжку Анне.

Анна сделала глоток и пустила спиртное по кругу. Последним оказался Слейтер — он перевернул фляжку вверх дном и опустошил ее.

С четверть часа они просто сидели в ожидании, пока благодатное тепло не разольется по усталым конечностям. Лица их давно почернели от сажи. Безупречный деловой костюм Первиса был помят, а кое-где и разорван. Когда хмель взял свое, завязался разговор.

Джеррард неожиданно для себя увлекся беседой с Харди, который по рождению тоже оказался канадцем, просто его акцент за десять лет жизни в Лондоне сгладился. Харди был дипломированным социологом, он специализировался на изучении рынков сбыта и работал на Первиса. Джеррард не удивился, когда узнал, что фирма Первиса выпускает снаряжение для бульдозеров.

Но вот Слейтер, посмотрев на часы, поднялся на ноги.

— Пора начинать! Помогите мне, пожалуйста,— обратился он к Джеррарду.

Вдвоем они кое-как перетащили тяжелые баллоны поближе к двери. Слейтер отвернул главный вентиль и отрегулировал давление.

— Как вы думаете, сколько это займет времени? — спросил Джеррард, кивнув на дверь.

— Не знаю,— ответил Слейтер.— Я давненько не имел дела с этими штуками, но не менее двух-трех часов, все зависит от структуры металла. Дай нам бог, чтобы в баллонах хватило газа.

Оба они хрипло дышали, на лбу у Слейтера выступили капельки пота.

— Вы заметили...— начал Джеррард.

— Да,— перебил Слейтер,— с каждой минутой здесь становится жарче, видно, и содержание кислорода в воздухе падает...

— Точно,— согласился Джеррард.— Не говорите только другим.— Он многозначительно щелкнул по баллону с газом.— Что-что, а дышать нам эта штука не поможет...

— Мы теряем время,— отрывисто бросил Слейтер.— Не могли бы вы отвести всех отсюда подальше? Иногда

пламя горелки создает обратный удар, и баллоны взрываются, словно бомбы. Не стоит лишним болтаться рядом.

Слейтер надел защитные очки и открыл вентиль, регулируя подачу кислорода: пламя ударило жесткой свистящей синей струей. Анна решила подняться проведать начальника станции. Джеррард подошел к остальным:

— Придется податься немного назад, просто на всякий случай.

— Что вы имеете в виду? — осведомился подозрительный Первис.

Джеррард кивком показал на пылающий ацетиленокислородный резак.

— Бывает, они взрываются. Лучше отойти...

Они оттащили тяжелые скамьи в самый дальний угол. Здесь стало заметно теплее, перед ними поблескивал железный квадрат лаза, в глубине которого тускло мерцала вода.

Джеррард возвратился к лестнице. Подняв фонарь, он посветил вверх. Анна уже спускалась. Он опять обратил внимание на ее длинные изящные ноги. «Забавно, пятьдесят на пятьдесят, что мы не выберемся отсюда живьем, а она и сейчас волнует меня...» — подумал он.

Спустившись, Анна заглянула канадцу в лицо:

— Недаром меня учили, что женщина должна избегать крутых лестниц,— сказала она. Джеррард пожал плечами и, ощутив смущение, отвел глаза. Тогда она улыбнулась.— А ему значительно лучше...

— Настолько, что он может спуститься к нам?

— Не знаю,— заколебалась Анна,— посмотрите на него сами.

Джеррард стал карабкаться вверх. С каждой ступенькой воздух становился все горячее, так что, добравшись до верха лестницы, он буквально взмок. Дыма тут по-прежнему было немного, но появился едкий химический запах, от которого першило в горле.

Начальник станции расположился подле лампочки у входа в шахту. Склонившись, он что-то писал. Канадец потрепал его по плечу — вдрогнув, он вскинул глаза. Джеррард едва сдержал улыбку, когда увидел, что больной занят разгадыванием кроссворда из захватанного номера «Дейли миррор».

— Значит, вам лучше? — спросил канадец.

— Много лучше, благодарю вас, сэр,— ответил начальник. Лихорадочный румянец исчез с его лица, да и

дышал он, пожалуй, гораздо свободнее. Скатав свою форменную тужурку, он облокотился о нее.— Мне здесь вполне удобно. Да и кроссворд нашелся. Не беспокойтесь обо мне, шеф!

Наклонившись, Джеррард пощупал его пульс.

— Осилите вы спуск?

Начальник станции покачал головой.

— Не думаю. И уж если доберусь донизу, то назад взобраться точно не смогу. Кроме того,— добавил он,— пожар, наверное, скоро погасят, придут спасательные команды. Я думаю, мне лучше остаться здесь.

Джеррард отнюдь не разделял подобного оптимизма, но спорить не стал.

— Воистину вы самый хладнокровный человек в нашей компании,— покривил он душой. Потом бросил взгляд в сторону тоннеля: — Пойду посмотрю, что там.

Он двинулся по уже знакомому пути вдоль заплесневелых кирпичных стен к главному тоннелю. Стены были теплыми на ощупь. В отдалении опять послышался хруст и треск бушующего огня. Волна удушливого горячего воздуха заставила его повернуть обратно к толстяку-начальнику.

— Мы там внизу пытаемся открыть дверь. Когда вылезем, снова взберемся за вами и захватим с собой, договорились?

Начальник станции кивнул и с усмешкой бросил:

— Только не задерживайтесь слишком, а то моя хозяйка распилит меня на части...

— На какое-то время тут может стать еще жарче, но имейте в виду, как только мы откроем ту дверь, циркуляция воздуха сразу улучшится. Тогда у вас здесь будет настоящий сквозняк. Он мигом все остудит.

«Интересно, сознает ли этот человек опасность? — подумал Джеррард.— Может, и сознает, но не подает виду... Пристроился к свету, разложил себе кроссвордик. И ни о чем не хочет беспокоиться, пока в том нет прямой нужды». Джеррард улыбнулся ему еще раз и полез обратно в колодец.

Внизу, заслонив глаза от блеска пламени, он сразу же подошел к Слейтеру. Горелка едва прожгла в металле жалкую полукруглую дырочку. Слейтер на секунду прекратил работу, отбросил с глаз очки, вытер лоб. Он давно уже снял пальто и галстук, пот ручейками струился у него по шее.

— Право, не знаю, горелка ли виновата, металл или

я,— сказал он,— только боюсь, что дело движется чертовски медленно. А что там?

Он жестом показал вверх. Джеррард рассказал.

— Значит, это единственный выход,— подвел итог Слейтер,— если только наши спутницы не протиснутся сквозь ту ловушку.

Он подразумевал лаз. Джеррард покачал головой.

— Слишком рискованно. Одно неверное движение — и...

Не договорив, канадец выразительно повел плечом. Слейтер кивнул и, снова напялив свои очки, занялся дверью. Джеррард присоединился к остальным. Вэнди, совершенно измучившись, прикорнула на груди у Харди. Для того это послужило поводом, чтобы сказать Джеррарду:

— У меня у самого дочка. Только не здесь — я отослал ее домой в Канаду. Ходит в школу в Торонто...

Говорил он, слегка запинаясь, дыша чаще и глубже обычного.

Анна тем временем раскладывала на маленькие аккуратные порции еду. Она встретила Джеррарда улыбкой и показала на два бисквита:

— Это вам...

— Все мне?

— Не валяйте дурака, иначе заберу обратно.

— Ну, разумеется, вам к этому не привыкать,— ответил Джеррард с усмешкой.

— Не люблю вспоминать,— вновь улыбнулась Анна,— но в детстве я ходила в походы со скаутами. Знаете их девиз: «Будь начеку!»? Беда лишь в том, что я так и не научилась ему следовать...

Джеррард поискал глазами Первиса. Тот стащил с себя уже не только пиджак, но и рубашку и расхаживал взад и вперед возле лаза.

— Тарзана заперли в клетку,— заметила Анна.

— Хоть бы сидел спокойно,— отозвался Джеррард.— А то только понапрасну кислород тратит. Что, если мы немного отдохнем? Устраивайтесь,— похлопал он себя по колену.

Анна не заставила себя упрашивать, легла на скамейку и положила голову на колени Джеррарда, который, откинувшись к стене, закрыл глаза и попытался забыться.

Однако сразу заснуть он не смог. То и дело он поглядывал на ее блестящие змеистые волосы, на смугловатое

лицо с высокими скулами и длинными темными ресницами. Ему подумалось, что она — едва ли не точное воплощение его идеала женской красоты. «Твое лицо одно из всех» — это Шекспир или «Целуй меня, Кэт»?

Однажды, много лет назад, он повстречал девушку, которая была очень похожа... лицо у нее было почти таким же. Но Анна чем-то ближе к его идеалу. И, подумать только, она замужем за Арнольдом Креймером!.. Он постарался отогнать эту мысль и сосредоточиться на том грандиозном бедствии, какое, видимо, разразилось там, над их головами,— там могло выйти из строя все: связь, освещение, газо- и водоснабжение, транспорт...

Широко ли распространилось это явление? Разрушаются ли пластмассы повсеместно, по всему городу, или только в районе Кингз-кросс? Видение полупарализованного Лондона оказалось непосильным для его утомленного мозга. Мысли становились все более вялыми, и он провалился в глубокий сон.

IX

Кемптон-стрит к востоку от Эджвар-роуд почти круглосуточно запружена транспортом. По обеим сторонам мостовой теснятся стоянки для легковых автомобилей и грузовиков, ограничивающие движение в каждом направлении до одного-единственного нервозного ряда.

В центре мостовой выделяется островок, который сулит временное спасение пешеходам, пытающимся увернуться от нетерпеливых, раздраженных водителей. На этом островке возвышается еще один островок — торец громадной бетонной трубы, отверстие которой прикрыто литой чугунной решеткой. Здесь на поверхность выходит вентиляционная шахта линии метро Бейкерлоо. Обычно из-под решетки в промозглую атмосферу улицы вырывается устойчивый поток теплого несвежего воздуха с запахом гудрона и хлорки.

В тот момент, когда взорвалась станция Кингз-кросс, Кемптон-стрит была заполнена прохожими. Энергично работая локтями, люди прокладывали себе путь к автобусным остановкам или машинам, притиснутым к счетчикам платных стоянок.

А в шахте, что вела к решетке, беззвучно и неумолимо поднималась к поверхности дурно пахнущая жидкая масса. Она пенилась и росла, росла словно на дрожжах... Каждая ее клетка делилась и распадалась надвое. Две

тут же превращались в четыре, четыре — в восемь. Не ведая недостатка в питательных веществах, они бесконечно и неуклонно следовали своей единственной цели — делиться и расти, чтобы снова делиться.

Час за часом, день за днем выходящая на Кемптон-стрит шахта заполнялась вспухающей пеной, которая добралась почти до решетки.

Безвестный прохожий, остановившись на островке посреди улицы, закурил сигарету и бросил спичку. Она провалилась в решетку.

Последовала короткая вспышка, сильный глухой удар, и бетонная шахта раскололась, будто картонка для шляп, разметав незадачливого прохожего в пыль. Чугунная решетка взлетела в воздух, ударилась о тротуар и прокатилась по нему, давя пешеходов, словно обруч дитяти-великана, пока не пробила стену магазина полуфабрикатов и не улеглась на ложе из расплющенных коробок и битого стекла.

В центральной диспетчерской лондонского метро на Кобург-стрит царила паника. Все высшие чиновники собрались здесь в большой овальной комнате, смятенно вглядываясь в схему подземных магистралей.

Дежурные у пультов тщетно пытались помочь поездам, красными точками отмеченным на схеме. Было очевидно, что масштабы катастрофы стремительно разрастаются, угрожая охватить все сто двенадцать километров тоннелей.

Десятки поездов со скрежетом останавливались на перегонах. Орды перепуганных пассажиров совершали вынужденные прогулки, устремляясь по затхлым темным тоннелям к спасительному свету ближайших станций. Все это сопровождалось еще и мелкими взрывами, пожарами, из строя вышли практически почти все провода и кабели. По мере разрушения пластмасс, которое приобретало все больший размах, стройный порядок подземной системы превратился в совершеннейший ералаш. И в конце концов главный инженер системы отдал приказ, единственно возможный в создавшихся обстоятельствах,— закрыть метро.

Над землей, в стылом декабрьском воздухе, навис запах разлагающейся пластмассы. Отвратительный сладковатый запах, подобный запаху гниющего мяса. Он заполнил улицы и дома, мастерские и подвалы.

Огни светофоров погасли, напрочь парализовав движение. На центральной телефонной станции полетела изоляция в главном зале релейных искателей. Разрушение пластмасс не миновало и радиовещание. Из эфира ушли первая, а за ней и четвертая программы. Попробовали ввести дублирующее оборудование, но и оно отказало. На Уордор-стрит вспыхнула газовая магистраль: оказалось, что регуляторы давления герметизированы полипропиленом.

На Грик-стрит на верхнем этаже гравировальной фабрики помещался пластмассовый резервуар с концентрированной азотной кислотой; разложение коснулось и его, он деформировался, лопнул, и поток кислоты хлынул сквозь потолок в расположенную ниже контору. Юные секретарши и клерки с воплями выбегали из помещения, подгоняемые обжигающим дождем, от которого на коже вздувались огромные волдыри.

Распухали и расползались пластмассовые водопроводные трубы, вода затопляла жилые дома, магазины, рестораны.

Темп разрушений неумолимо нарастал, аварии множились. Спустя буквально двое суток центр Лондона превратился в замерзающий содом, лишенный света, отопления и транспорта.

В агентстве Креймера Бьюкен с возмущением бросил телефонную трубку.

— Ни от кого ничего не добьешься. Такое впечатление, что никто и понятия не имеет, что с ними случилось.

— Сколько времени прошло с тех пор, как они спустились? — спросил Райт.

Бьюкен посмотрел на часы.

— Часов восемь, не меньше.

— Но должен же кто-то в управлении хотя бы знать, с кем они полезли в тоннель? Разговор-то был о Сэмсоновской линии?

— Да,— ответил Бьюкен,— только с управлением теперь тоже не свяжешься. Я уже пробовал. Все, чего я добился в последний раз, это записанного на магнитофон совета позвонить по другому номеру.

— Ну, и вы звонили?

— Звонил, разумеется. Но номер не отвечает.

— Может, съездить к ним на машине? Тогда уж...

— Минуточку,— вмешался Скэнлон. Подойдя к телевизору, он повернул ручку регулятора громкости.

Диктор с экрана вещал с явно наигранным спокойствием:

— Вам, несомненно, уже стало известно о весьма серьезных происшествиях в центре Лондона. Следующие передачи пойдут одновременно по второй программе Би-би-си и по системе промышленного телевидения. Мы настоятельно рекомендуем вам не выключать свои телевизионные приемники, особенно если вы проживаете в центре Лондона...

Изображение диктора уступило место тщательно подобранным цветам в вазе на сверкающем полировкой столе. Затем камера отъехала назад, и перед зрителями предстал угрюмый, насупленный лик министра внутренних дел. Голос диктора представил его:

— Слово имеет мистер Джастин Бредбери...

Лицо министра оставалось неподвижным чуть дольше, чем следовало бы, должно быть, он ждал сигнала оператора,— но вот он заговорил:

— Добрый вечер! Я выступаю перед вами, чтобы сообщить о некоторых решениях, принятых сегодня на чрезвычайном заседании кабинета министров. Все вы уже знаете о катастрофах, которые произошли в центре Лондона. В результате их трагически погибли или пострадали многие наши соотечественники. Большинство из вас, наверное, слышали, что эти события вызваны неизвестным до сих пор процессом, который охватывает и разрушает многие виды пластмасс. К сожалению, я со всей прямотой должен сказать, что попытки сдержать и тем более остановить распространение этого грозного процесса пока не увенчались полным успехом...

— Почему он не скажет просто, что они провалились? — вставил Бьюкен.

— ...и, несмотря на принятые нами решительные меры, наши советники по вопросам науки пришли к выводу, что многие городские службы могут полностью выйти из строя, поскольку процесс распространяется все с большей скоростью. Я сознаю, что с этим нелегко смириться, однако мы располагаем неоспоримыми фактами. Вместе с тем должен вам сообщить...

Камера слегка переместилась, чтобы зрители видели его нервно подрагивающие пальцы.

— ...что сегодня в полдень ее величество королева подписала вердикт о чрезвычайном положении, который

дает правительству неограниченные полномочия предпринимать любые шаги, чтобы как можно быстрее и эффективнее справиться с создавшейся ситуацией.

В настоящее время с помощью вооруженных сил в зоне поражения устанавливаются специальные посты. Поскольку телефонные станции там практически не работают, связь будет осуществляться по временным линиям, которые сейчас прокладываются. Каждый, кто заметит какие бы то ни было признаки разрушения пластмасс, должен немедленно сообщить об этом на ближайший пост. На место поражения будут высланы специальные дезинфекционные команды, которые примут соответствующие меры.

Ученым еще не удалось выяснить, чем вызвано разрушение пластмасс, однако установлено, что оно распространяется, подобно острой инфекции. Обращаться с пораженной пластмассой следует с такой же осторожностью, как если бы она была инфицирована.

Теперь мне придется перейти к самой сложной части моей задачи. Я вынужден уведомить вас, что, опираясь на полномочия, предоставленные нам вердиктом о чрезвычайном положении, правительство приняло решение закрыть пострадавший район.

Это решение уже проводится в жизнь. Вокруг упомянутого района сосредоточиваются войска, задача которых перекрыть все возможные входы и выходы. Начиная с этой минуты все, кто находится в районе бедствия, не вправе покинуть его, за исключением некоторых особых случаев...

Скэнлон встал и выключил приемник, сосредоточенно уставившись в одну точку, он заговорил:

— Милосердный боже, вы только подумайте! Уберите из современного города все пластмассы, и что останется — сплошная разруха. Мы все, оказывается, полностью зависим от них.— Он повернулся к Райту.— Страшно подумать, но если это наша продукция...

— Едва ли нас можно в чем-нибудь обвинить.

Если Райт и был напуган, то он твердо решил этого не показывать. Бьюкен хладнокровно перевел взгляд с одного на другого.

— Еще как можно! И не только вас, всех нас...

— Нашли время бить себя кулаком в грудь,— откликнулся Райт.

Бьюкен хлопнул ладонью по газетам, разложенным на столе, и вскочил на ноги.

— Мой бог, ну что за народ теоретики! Можно подумать, что вы обсуждаете какой-то отвлеченный вопрос теоретической химии. Вы что, в самом деле не понимаете, что все это прямо связано с вами? Рассыпается самая основа, на которой держится город, и мы, возможно, несем за это полную ответственность!..

Райт внезапно вспылил:

— А что мы можем сделать? Разумеется, я обеспокоен...

— Но вы не желаете признавать свою вину!

— Я признáю ее, если и когда возникнет такая необходимость, но нельзя же отрываться от земли! В нашем распоряжении нет достаточных фактов. Мы разработали аминостирен, мы продали его со всеми экспериментальными данными, мы ни от кого ничего не скрывали. Вы знаете это ничуть не хуже, чем я!

Бьюкен отвернулся с негодованием. Скэнлон слабо двинул рукой, словно пытаясь примирить враждующие стороны.

— Больше всего меня поражает,— сказал он,— что, судя по всему, процесс затронул все виды пластмасс. Если бы только аминостирен, тогда да, тогда, наверное, можно было бы найти химические причины. Например, разрушение под воздействием света — распадается же наш дегрон под влиянием света и кислорода воздуха...

— Не пойдет,— заявил Райт.— Концы с концами не сходятся. Да, действительно, мы придумали самораспадающуюся бутылку: потяните за отрывную полоску, откройте доступ свету и кислороду к внутренней отливке — и она начнет разрушаться. Удобряйте себе на здоровье свой садик или спустите остатки в сортир. Только это еще ничего не доказывает. Нет никаких оснований считать, что то же самое может происходить с другими пластмассами. Они же, по крайней мере многие из них, имеют совсем иную молекулярную структуру — с чего бы им реагировать на свет?..

— Но предположим,— не унимался Скэнлон,— что дегрон обладает еще и свойством передавать свои особенности другим материалам. Предположим, что существует некий фактор икс, переносчик этих особенностей от одного вида пластмассы к другому, что тогда?

— Чтобы это могло произойти,— заявил Райт,— ваш таинственный икс должен был бы располагать накопленной информацией. Можно было бы допустить лишь одно

из двух: или некий универсальный реактив, или, скажем, живая клетка...

— Клетка? — воскликнул Скэнлон.— А вдруг? Согласен, химического соединения, реагирующего со всеми видами пластмасс, быть не может, но клетка, живая клетка — она подошла бы вполне. Крохотная убогая козявка — животных таких, разумеется, нет, а вот у бактерий бывают самые странные вкусы. Ведь есть бактерии, которые поедают ржавчину.

— Честно говоря,— перебил Бьюкеп,— в данный момент меня больше интересует судьба Анны. Куда к черту запропастился Креймер, хотел бы я знать?..

Скэнлон ответил многозначительным взглядом.

— Он все еще в Кембридже.

— Надо разыскать его!

— Совершенно непонятно, почему он до сих пор не вернулся сам,— сказал Бьюкен.— Если бы моя жена вот так застряла под землей...

— Но он-то,— вставил Райт,— он-то об этом знает или нет?

X

Просыпался Джеррард мучительно. Ему снилось, что на лицо и грудь навалился какой-то большой мохнатый зверь. Под тяжестью зверя дышать становилось все труднее, а тот давил все сильнее и сильнее...

Под конец привиделось, что зверь, неторопливо повернув морду, уставился на него круглыми блестящими желтыми глазами. Джеррард разом очнулся и вскочил, едва не сбросив Анну на пол. Она, вскрикнув, тоже проснулась.

Канадец окончательно пришел в себя и осмотрелся.

— А где остальные? — спросил он.

Скамья рядом с ними была пуста. Рубашка на Джеррарде взмокла от пота, хоть выжимай; воздух в каморке сгустился, подернулся дымкой и невыносимо прогрелся. Чтобы сказать хоть что-нибудь, приходилось ловить его широко раскрытым ртом. Сколько они ни всматривались в темноту, им удавалось разглядеть лишь силуэт Слейтера в ореоле искр, летящих от горелки. И никаких следов другой троицы.

Внезапно в той стороне, где был лаз, что-то ярко вспыхнуло, раздалось не то громкое шипение, не то треск, сопровождаемый протяжным криком.

Джеррард поспешно включил фонарь и осветил лаз.

У входного отверстия, по колено в воде, стояла Вэнди. Ее била неудержимая крупная дрожь, перед ее платья был порван и обожжен. Анна кинулась на помощь Вэнди, но Джеррард успел схватить ее за руку.

— Назад!..

Он направил луч чуть дальше. Показалось еще одно тело. Оно распласталось по стене в неправдоподобной позе распятия, с широко раскинутыми руками, лицо было перекошено от боли, язык вывалился. Очень медленно тело сползало вниз, к воде. Джеррард посветил фонарем ниже. Обнаженные провода теперь лежали поперек входа, одна из провисших петель скрылась под водой. Он снова бросил луч на лицо и узнал Харди.

Первис бесследно исчез.

Джеррард передал фонарь Анне, а сам отбежал назад. Там, возле кучи инструмента, лежал свернутый резиновый шланг. Он потащил этот шланг к лазу. Слейтер, увлекшись своим делом, по-видимому, до сих пор ничего не заметил.

Джеррард ухитрился быстро размотать бухту и, захлестнув шланг вокруг талии пострадавшей, выволок ее из воды на бетонный пол. Вэнди была смертельно бледна, но еще сумела сделать несколько коротких, неуверенных вздохов. Вдруг она судорожно дернулась, веки ее задрожали, и короткое трепетное дыхание оборвалось. Тело сразу обмякло.

Не теряя ни секунды, Джеррард наклонился над девушкой и принялся ритмично поднимать и опускать ей руки. Реакции не последовало. Он наклонился еще ниже и, оттянув ей нижнюю челюсть и закинув назад голову, попробовал применить прием, который врачи называют «поцелуем жизни»: выдыхание воздуха изо рта в рот. На мгновение подняв взгляд, канадец увидел, что Слейтер стоит рядом и Анна объясняет ему, что произошло.

Безмолвно и беспомощно они следили, как Джеррард пытается вдохнуть жизнь в тело погибшей. Тянулись долгие минуты, а он все так же продолжал глубоко заглатывать сырой горячий воздух и вдувать его в раскрытый рот Вэнди, через каждые два-три вдоха безуспешно пытаясь нащупать пульс у нее на шее.

Наконец он сложил ей руки крестом одна на другую и стал часто и сильно нажимать через них на грудную клетку. Опять попробовал пульс. Прошло уже с четверть часа. Тогда он выпрямился. Пот градом катил у него по лицу.

Он посмотрел на товарищей, но никто не нарушил молчания. Джеррард бережно поднял хрупкое тело девушки, перенес его на козлы и прикрыл своим плащом.

Анну била дрожь, она спрятала лицо в ладонях. Джеррард бережно обнял ее за плечи.

— Я больше не в силах ничего сделать, Анна. Тут слишком спертый воздух, слишком мало кислорода...

— А что с Харди? — осведомился Слейтер.

— Харди досталось еще сильнее,— ответил Джеррард.— Он мертв.— Канадец показал на тело Вэнди, распростертое на досках.— Должно быть, Харди сыграл роль сопротивления, и ее ударило током через него...

С этими словами он направился к стальной двери. Слейтер сумел проделать вокруг замка восьмисантиметровый разрез.

— Что у вас? — спросил Джеррард.— Как давление?

Он бросил взгляд на вентили баллонов. Слейтер кивком подтвердил его догадку:

— Быстро падает. Буду продолжать до последней возможности, но...

Безнадежно пожав плечами, Слейтер отвернулся к двери и вновь натянул очки. Пламя горелки отбрасывало на замшелые кирпичи свода гигантские танцующие тени.

В конце концов разрез в листовой стали охватил замок с двух сторон. Пожалуй, теперь можно было попробовать просунуть туда острие лома. Джеррард подал Слейтеру знак отойти. Тот выключил ацетиленовую горелку и снял очки.

— Ну что ж,— одобрил Слейтер,— давайте попробуем. Газа уже все равно почти не осталось...

Вдвоем они вставили острый конец лома в прорезанную щель. Лом едва входил, и Джеррард принес молоток. Слейтер поддерживал лом на весу, а канадец наотмашь бил по другому его концу, пока острие не заклинилось надежно в щели. Затем они вдвоем навалились на лом, как на рычаг. Металл начал слегка подаваться.

— А ну еще!

Двое мужчин буквально повисли на своем орудии, Анна уперлась им в спины, пытаясь помочь, но все усилия были тщетны. Лом, когда его отпустили, остался торчать в двери, словно индейская стрела в борту переселенческого фургона. Изнуренные, они прислонились к противоположной стене.

Тогда Анна обратила внимание на тяжелую скамью.

— Может быть, использовать ее как таран?

Джеррард медленно покачал головой. Все трое хрипели и задыхались, рубашки были насквозь пропитаны потом. У Анны блузка, обтянув грудь, прилипла к коже.

— А может, ударить этой скамейкой по лому? — предложила она.

Джеррард обменялся взглядом со Слейтером.

— Давайте,— устало пожал тот плечами.

— Ладно,— согласился Джеррард. Он первым подошел к массивной скамье, и они втроем подняли ее, слегка покачнувшись под тяжестью ноши.— Если мы разбежимся отсюда и не промажем, то, может, что-нибудь и получится...

Они оттащили скамью еще дальше назад, стали поверже на ноги, а потом неуклюже бросились к цели. Но просчитались и врезались в дверь. Удар заставил их выронить скамью и сбил с ног. Падая, скамья задела Слейтера по ноге, и он вскрикнул от боли.

— Попробуем еще раз,— сказал Джеррард.— Я стану направляющим.

Он наклонился над тем концом скамьи, что был ближе к двери, и приподнял его. Слейтер, чуть прихрамывая, занял позицию в хвосте, Анна осталась в середине. На этот раз они выбрали более короткую дистанцию. Джеррард, чувствуя, что грудь его вот-вот разорвется от напряжения, смерил расстояние глазами.

— По-моему, точно,— выдохнул он.— Ну!..

Они снова рванулись вперед, наискось через каморку. Торец скамьи пришелся как раз на лом. Раздался громкий треск, и, отступив на шаг, они увидели, что дверь, наконец, отошла, приоткрыв один из клепаных швов. Зазор между дверью и косяком был, пожалуй, достаточен, чтобы просунуть руку.

Джеррард так и сделал и нащупал пальцами длинный засов. Упершись в стенку, он медленно отжал его вверх. Заскрежетали болты, и дверь со скрипом отворилась.

Они были слишком утомлены, чтобы по-настоящему обрадоваться. Сквозь распахнутую дверь повеяло прохладой, и все трое облегченно расстегнули воротнички, освежая разгоряченное тело. Впереди лежал короткий, едва различимый в темноте коридорчик, а за ним лестничный марш: ступеньки вели куда-то вверх, а куда — пока не было видно.

Джеррард прошел до самых ступенек и посветил фонарем. Лестница заканчивалась дверью. Еще одной дверью, и эта дверь была затворена точно так же, как и предыдущая.

— Нет, только не это,— взмолилась Анна.— Пожалуйста, пусть она откроется...

Джеррард взлетел по ступенькам, забыв о том, что у него садпит каждая мышца. Потрогал ручку, потом резко потянул ее на себя. Дверь была заперта! Слейтер, прихрамывая, поднялся следом.

— Но должен же быть у нас какой-нибудь выход! — воскликнул канадец, наваливаясь на дверь.

— Если он и есть, то не здесь,— покачал головой Слейтер.

— А наша горелка?

— Там не осталось газа.

— Может быть, есть еще баллоны?

— Ни одного. Я уже смотрел.

Слейтер отвернулся и, ссутуля плечи, поплелся назад по коридорчику; Джеррард тяжело опустился на ступеньки, не в силах отвести взгляд от двери, которая так жестоко отрезала их от надежды на спасение. В самом сердце огромного города их заперли, как в ловушке, в этих подземных лабиринтах. До сих пор у них были свет, вода, даже немного пищи. Долго ли они еще смогут продержаться? И что творится там, на поверхности?

На мгновение Джеррард прикрыл глаза и представил себе Лондон, каким он видел его в кадрах старой кинохроники времен фашистских бомбежек: остовы зданий, выпотрошенных взрывами и пожарами, перегороженные дороги, залитые водой из лопнувших магистралей, факелы газа, рвущиеся сквозь битый камень... Он напряг всю силу воли, чтобы отогнать от себя это видение, и тут ощутил мягкое прикосновение к своему плечу.

— Очнитесь, Люк. Очнитесь!— звала Анна, склонившись над ним и опустив ему на плечо руку.

— Где Слейтер?

— Растянулся на одной из скамеек. Идите к нам!

— Не пойду,— ответил Джеррард.— Здесь прохладнее.

Анна вздрогнула.

— Там сейчас как в печке,— согласилась она.— Скажите, мы действительно можем задохнуться от недостатка кислорода?

— Огонь пожирает кислорода столько, сколько захо-

чет...— ответил Джеррард — и запнулся. «Если уж ты не можешь не думать об этом,— обругал он себя,— то делай это про себя».

Анна взглянула на него с любопытством.

— Продолжайте!

— Право, это неважно...— неуверенно отозвался Джеррард.

Она вспыхнула.

— Не надо обращаться со мной, как с глупенькой пустышкой! Будьте добры, договаривайте...

— Да я ничего особенного не сказал.

— Ладно, пусть будет так,— и она отвернулась, покусывая пальцы. Джеррард уставился в темноту, передернув плечами. Анна беспокойно пошевелилась.— Вы как хотите, а я возвращаюсь. Здесь дует.

У Джеррарда не было сил спорить. Она выпрямилась и пошла обратно в комнатушку.

«Надо же,— подумал Джеррард,— пока мы все активно действовали, она держалась молодцом. А сейчас, когда вся задача — сидеть и ждать, обижается по любому поводу... Она сказала — дует? Откуда же?..»

Он оглядел стены коридорчика. Да, откуда-то дуло. Его руку обвевал чуть заметный ветерок. Казалось, он исходит от стены. Джеррард, подобрав фонарь, старался разглядеть ее повнимательнее. Кирпичи были равномерно серыми, раствор между ними раскрошился и напоминал порошковый мел. Он повел фонарем вдоль стены, высматривая трещину.

Раньше здесь определенно была какая-то дверь: кирпичи явно отличались. Очевидно, ими заделали еще один давний проход. У самого пола одного кирпича недоставало. Наклонившись пониже, Джеррард всматривался в дыру, подсвечивая себе фонарем. Кирпичи шли в один слой, и по ту сторону, хотя он едва различал его, действительно был проход! Воздух, проникавший оттуда, казался холодным и свежим. Пробить эти кирпичи не составит большого труда, и кто знает...

Он почувствовал, что Анна сидит на корточках рядом с ним.

— Я дура,— сказала она.— Извините меня, это все из-за...

Джеррард отмахнулся:

— Не стоит разговоров. Смотрите-ка!

Анна нагнулась ниже и прильнула к расщелине.

— А как мы туда пролезем?

— Там, в комнатушке, есть две кирки. Что, Слейтер все еще спит?

— Спит.

— И давно он спит? — Джеррард посмотрел на часы.— Минут двадцать?

— Что-нибудь в этом роде.

— Дадим ему еще четверть часа, а потом разбудим. А я пока начну сам...

Джеррард сбегал за кирками и приволок их к заложенному проходу. Поплевал на руки, невольно поглядев на ладони. Немало времени минуло с тех пор, как он последний раз орудовал киркой и лопатой. Поднял кирку — одна рука плотно охватила конец черенка, другая ушла под самый корень стальной насадки — и размахнулся.

Первый удар поднял облако пыли, которая тут же засорила Джеррарду глаза. Разозлившись, он размахнулся и ударил по кладке с новой силой. На этот раз стена отозвалась сладостным грохотом — пяток кирпичей, оторвавшись от своих собратьев, обрушились внутрь. Анна, расположившись чуть позади, уже приготовилась атаковать соседний участок стены и занесла кирку над головой, но Джеррард остановил ее.

— Мне не хотелось бы тащить вас дальше на себе.— Он решительно отобрал у нее кирку и положил на пол.— Отойдите-ка лучше в сторонку и полюбуйтесь моими мускулами...

— Да ну вас!..

Анна рассерженно отступила, а он вновь набросился на стену. Пересохший раствор не удержал кладку, и теперь из нее выпал такой солидный кусок, что Джеррард едва не пролетел насквозь. Анна расхохоталась.

— Расшумелись, мерзавцы!— Возле них стоял Слейтер.— Ну, как тут к дьяволу выспишься, когда вы подняли такой грохот?

Джеррард выкарабкался из кучи битого кирпича и встал на ноги.

— Взгляните!

Слейтер поднял с полу фонарь и посветил в пролом. Они увидели еще один сводчатый коридор.

— Целый лабиринт,— заметила Анна.

Слейтер взял вторую кирку, и они вдвоем расширили пролом так, что без труда пролезли в него. Холодный свежий воздух моментально восстановил их силы.

— Тут почти можно дышать,— сказал Слейтер, вбирая его полной грудью.

— Пахнет плесенью,— содрогнулась Анна,— будто в могиле.

— А как прикажете тут пахнуть? — отозвался Слейтер.— Проход был заперт целую вечность,— он осмотрел кирпичи на изломе,— может, даже с довоенных времен...

— А безопасно ли здесь дышать? Я где-то читала, что в таких случаях иногда накапливаются вредные газы...

— У нас нет выбора,— вмешался Джеррард.— Давайте собирать имущество.

Они возвратились в комнатушку. У стены стояла корзина, вероятно принадлежавшая сварщику, и Анна положила туда банку с водой и остатки еды. Слейтер взял большую отвертку, гаечный ключ, что-то еще из инструмента и сунул все это себе за пояс. Джеррард решил на прощание еще раз проведать начальника станции.

Добравшись до верха лестницы, он увидел, что тот забылся в глубоком сне. Больной дышал тяжело, с присвистом, по лицу его стекали ручейки пота. Пожар на этом горизонте, по-видимому, продолжал свирепствовать до сих пор, но Джеррард обратил внимание, что дым почти рассеялся. Торопливо пощупав больному пульс, он спустился вниз к остальным.

Анна со Слейтером уже поджидали его у пролома. Мимоходом он бросил взгляд на тело Вэнди. Труп был по-прежнему прикрыт, но теперь не плащом, а куском ветхого брезента. Плащ оказался в руках у Анны, и она, не говоря ни слова, протянула его Джаррарду, как только тот подошел. Это тронуло канадца. Вернуться к мертвой и снять с нее плащ, должно быть, стоило Анне немалых усилий, но она рассудила, что сам он вряд ли совершит подобный поступок, а плащ ему необходим.

Джеррард включил фонарь, и они двинулись вперед по сводчатому коридору, который уперся в обычный узкий лаз. Пробравшись сквозь него, они очутились в большом перегонном тоннеле. В свете потускневшего фонаря были видны старые пропыленные шпалы без рельсов. Воздух здесь, казалось, был недвижим годами.

— Куда теперь? — спросила Анна.

— Тут есть ветерок. Слабенький, но есть. Пошли в ту сторону,— сказал Джеррард.

Они повернули навстречу ветерку. Сначала тоннель вел прямо, круто падая вниз, потом начал изгибаться. В конце концов они уперлись в погнутую и проржавев-

шую железную решетку. Джеррард рванул один из прутьев на себя. Прут сломался, развалившись на несколько частей. Канадец быстро выломал еще три прута и направил луч фонаря вперед, во тьму.

— Ничего не вижу,— пожаловался он, и голос его отозвался эхом, словно от стен большого зала.— Эй! — крикнул он,— и опять эхо.

Канадец протиснулся между прутьев и зашагал дальше, осторожно пробуя дорогу ногой.

— Что это значит? — прошептала Анна, и даже шепот разбудил эхо.

Луч фонаря рассказал им, что они попали на станцию метро. Но станция эта оказалась давно заброшенной. На секунду они представили себе былые потоки пассажиров, лязг и перестук поездов. Теперь же все покрывал толстый ковер пыли. Обстановка внушала безотчетный страх, и они пробирались вперед в полном молчании.

— Может, здесь тоже есть выключатели? — вслух подумала Анна.

— Попробуем узнать, что это за станция,— предложил Слейтер.

Джеррард повел фонарем, и луч, миновав вереницу плакатов, уперся в надпись: «Грейс-Инн». Когда-то буквы покрывал никель, теперь они обросли ржавчиной.

— Грейс-Инн! — воскликнул Слейтер.

— Разве есть станция с таким названием? — удивилась Анна.

— Была до войны,— ответил Слейтер.— С тех самых пор ею и не пользуются. Вот почему в тоннеле нет рельсов. Их давным-давно сняли.

Они нерешительно двинулись вдоль платформы и чуть дальше вновь наткнулись на ряд плакатов. Первый из них опознать было нетрудно, хотя он сильно пожелтел, был испачкан и надорван с угла. Это, несомненно, была карикатура Дэвида Лэнгдона из серии о Билли Брауне. Опрятный человечек в котелке останавливал своего соседа по вагону, который порывался отогнуть тряпицу, приклеенную изнутри к оконному стеклу. Сохранилась и подпись: «Прошу меня извинить, но материя может вам жизнь сохранить». Некий безвестный остряк добавил от себя жирным черным карандашом: «Спасибо за ценное указание, я приму его во внимание, но прежде чем приставать к соседу, скажите мне лучше, куда я еду».

«В другой ситуации,— подумал Джеррард,— это, пожалуй, могло бы показаться смешным». Сейчас же эти отзвуки далекого прошлого, напоминающие о войне и бомбежках, произвели на них скорее удручающее впечатление. Джеррард посветил на нижний край карикатуры: «По заказу Министерства информации».

— Плакат военных лет,— проронил Слейтер.— Мне доводилось читать об этом: окна вагонов заклеивали материей, чтобы их при бомбежке не выбило воздушной волной.

— Так что, по-вашему, эта станция не действует с тех самых времен? — спросила Анна.

— А не разыгралась ли в годы войны в метро какая-то трагедия? — в свою очередь спросил Слейтер.— Я припоминаю, что на одной из станций, служившей бомбоубежищем, погибли сотни людей...

Анна вздрогнула:

— Вы думаете, это та самая?

— Не исключено. Кажется, бомба угодила тогда точно в вентиляционную шахту, все входы и выходы оказались забаррикадированными. Дайте-ка мне фонарь на минутку,— обратился Слейтер к канадцу.

Джеррард передал ему фонарь, и Слейтер направился к дальнему концу платформы, время от времени выхватывая из темноты участки стен. Запомнился еще один плакат: толпа в вагоне, двое экспансивно ведут беседу, а третий сидит, прикрывшись газетой, из-за которой виднеются усики и челка а ля Гитлер. И подпись: «Легкомысленная болтовня обходится в тысячи жизней».

Они добрались до конца платформы; вот и надпись «Выход в город», и ступеньки, ведущие вверх. Но едва они начали подниматься по ним, путь преградила гора обвалившейся кладки.

— Вот куда пришлось ваше прямое попадание,— сказал Джеррард.— Должно быть, бомба провалилась в шахту и взорвалась над самым перекрытием...

— А тоннель? — откликнулась Анна.— Он же тоже ведет куда-то...

Слейтер осветил черный вход в тоннель; отлогая куча песка поднималась от шпал до арки свода.

— Песчаный буфер! — проговорил Джеррард.— Неужели не помните? А ведь начальник станции нам рассказывал. В конце линии тоннель перекрывают песком, чтобы остановить почему-либо не затормозившие поезда...

Анну била дрожь.

— Нельзя ли отдохнуть хоть немного? Я совсем замерзла.

Мужчины посмотрели друг на друга.

— Там, подальше, навалена уйма всяких деревяшек,— Слейтер показал, где именно.— Можно бы развести костер...

— Костер! — воскликнула Анна.— А он не... ведь газ!..

Джеррард задумался на минуту, затем вынул зажигалку и, прищурившись, высек искру. Язычок пламени слегка качнулся в направлении сквозняка. Слейтер бросил на канадца осуждающий взгляд.

— Это был непростительный риск.

— Н-да,— ответил Джеррард.— Зато теперь можно зажечь костер.

— Но от него загорится все вокруг,— беспокоилась Анна.

— Не загорится,— успокоил ее Джеррард.— Вокруг лишь бетон да камень. Чистый воздух, сквозняк... Нет, это славная идея! Давайте собирать дерево. Да и старые газеты тут тоже есть.

Всего несколько минут понадобилось им, чтобы собрать обломки дерева и свалить их кучей поверх ветхих газет, разбросанных в пыли перрона. Анна подняла одну из газет и при свете фонаря прочла заголовок:

— Великая победа русских под Сталинградом.— Она пробежала глазами первую страницу.— Шестнадцатое января тысяча девятьсот сорок третьего года. Если бы не такой чертовский холод, меня бы все это очень заинтересовало...

Вскоре на платформе, взметая под станционные своды клубы дыма и фонтаны искр, разгорелся веселый огонь. Настроение у всех тут же поднялось. Люди сидели, уставившись на пламя, а от их отсыревшей одежды поднимался пар. По выгнутому потолку станции плясали исполинские тени.

И как только по телу стало разливаться тепло, всех одолела страшная усталость. Слейтер сдался первым. Он сидел у самой стены, прижав колени к груди. Постепенно его голова стала склоняться вперед, пока не опустилась на колени, рука, безвольно свесившись, коснулась пола.

Анна подтащила к костру грязное рваное брезентовое полотнище и принялась натягивать его на какие-то

досочки, чтобы заслониться от непрекращающегося знобкого сквозняка.

Она расстегнула молнию на юбке, ловкими движениями выскользнула из нее, пальто и блузки, развесила все это на деревяшках вокруг, а сама склонилась над костром. «Наверное, не сознает,— решил канадец,— что белье у нее, в сущности, совсем прозрачное». В ярких отсветах огня он без труда различал контуры ее тела.

Потом она подняла на Джеррарда глаза и вдруг подошла к нему вплотную. Он обнял ее одной рукой. Тогда она повернулась к нему лицом. Он поцеловал ее и не без удивления почувствовал, что она со страстью отвечает ему. Волосы у нее рассыпались, лицо при свете костра казалось бледной маской, а тело — темным золотом, по которому чередой метались тени.

И тут он расхохотался; она шепотом осведомилась, в чем дело.

— Сам не знаю,— отвечал он.— Просто мы сейчас в самом центре города, а сидим подле огня полуголые, ну, совсем как наши обезьяньи предки...

— Не надо,— взмолилась она, а сама уже начала хохотать вместе с ним.— Пожалуйста, не смешите меня! Мы же разбудим Слейтера...

— Ничего не могу с собой поделать,— смеялся Джеррард, отодвигаясь от нее все дальше и дальше.

Анна почти сложилась надвое, пытаясь подавить приступ смеха.

— Негодяй! — выдохнула она, улучив мгновение между двумя взрывами хохота.— До чего же неромантичный негодяй!..

Слейтер пошевелился и выпрямился, изумленный.

— Боже,— воскликнул он,— этого нам только не хватало! — Выражение его лица заставило их закатиться с новой силой, но и Слейтер, несмотря на недоумение, спустя секунду-другую хохотал уже вместе с ними.— Да скажите же, ради всего святого, что вас тут так забавляет?..

— Ему захотелось поиграть в пещерных людей,— сказала Анна, отвернулась и принялась одеваться, натягивая на себя подсохшую одежду.

— Неплохая идея,— заметил Слейтер.— Дайте мне знать, когда придет моя очередь включиться в игру.

— Пора выбираться отсюда,— заявил Джеррард.

— Тише! — призвала Анна.— Погодите, я что-то слышу...

— Что?!

Они замерли. По спине Джеррарда поползли мурашки. Но все, что им удалось расслышать,— это лишь шипение и потрескивание сырого дерева на огне.

— Да нет, не то,— сказала Анна.— Что-то еще...— Внезапно, распластавшись на полу, она прильнула ухом к платформе.— Точно, это здесь. Послушайте сами!..

Джеррард встал на колени и припал ухом к бетонной плите. Он различил шум, который, как он понял теперь, присутствовал здесь с самого начала, просто они были раньше слишком измотаны, чтобы уловить его. Тихое с присвистом бульканье. Оно неслось откуда-то из-под платформы.

— Наверное, тут где-нибудь есть трещина, попробуем туда заглянуть,— предложил Джеррард.

Он взял фонарь. Слейтер вытащил из костра пылающую головешку и двинулся следом. Шаг за шагом они обыскали все подземелье и в конце концов нашли смотровой колодец с разбитой чугунной крышкой.

Джеррард нагнулся, приблизил лицо к зияющей щели и вдруг, отшатнувшись, закашлялся.

— Ну и зловоние!

Слейтер, последовав его примеру, понюхал и тоже отпрянул, борясь с приступом тошноты.

— Что это? — вымолвила Анна.

Слейтер на секунду задумался.

— Почему мы не ощущали этого запаха на том конце платформы?

— Наверное, сквозняк относил его,— предположил Джеррард. Он посветил фонарем в колодец.— Да там целый поток! Вся масса движется в одном направлении, взгляните сами!..

Слейтер и Анна уставились вниз, зажав ладонями носы. Еле видимая в тусклом свете, под ними текла, булькала, пузырилась коричневатая слизь. И она действительно перемещалась в одном направлении.

— Выходит, платформа внутри полая? — удивился Слейтер.

— Разумеется,— подтвердил Джеррард.— Но этот запах — где-то я его уже слышал. Где? Черт побери! — ударил он кулаком по ладони, помогая себе сосредоточиться.— Ну конечно! Пластмасса — гниющие провода в метро, шестеренки робота...

— Вы правы,— вполголоса сказала Анна,— вы абсолютно правы...— Она отбежала к оставленному костру и

подобрала пустую банку из-под воды. Смерив взглядом обоих мужчин, Анна выбрала Слейтера.— Ваш пояс, пожалуйста...

Слейтер снял с себя пояс. Она обвязала им горловину банки и спустила ее в колодец. Как только банка коснулась пенящейся жидкости, Анна ослабила ремень, позволив ей погрузиться, а потом вытащила. Содержимое банки беспрестанно шевелилось, булькало и шипело. Анна отнесла свой трофей к огню, достала из сумочки флакон с одеколоном и, перевернув его, вытрясла оттуда все до капли. Потом она протерла флакон изнутри намотанным на карандаш платком и осторожно наполнила его жидкостью из банки. При свете костра жидкость казалась мутно-желтой и даже теперь, в крохотном сосуде, продолжала шипеть и пениться. Анна тщательно вытерла флакончик снаружи и завернула металлическую пробку.

Джеррард взял его у Анны.

— А не поставить ли нам опыт? — вслух подумал он.— Интересно, что будет...

Он полез в карман и, вынув дешевую пластмассовую ручку, опустил ее в банку — только самый кончик торчал над бурлящей поверхностью. Слейтер все так же сидел на корточках возле колодца и, когда Анна и Джеррард вернулись к нему, озадаченно произнес:

— Поток идет куда-то за пределы платформы. И течение очень сильное.

— А, может, он связан с одной из подземных рек,— предположила Анна.— Кажется, как раз в этом районе протекает подземная речка Флит...

— Возможно, и так,— нерешительно отозвался Слейтер.— А, возможно, просто где-то неподалеку лопнула канализационная труба. Пахнет, во всяком случае, подходяще.

Джеррард возвратился к костру и, заглянув в банку, вскрикнул. Остальные бросились к нему. Он медленно извлек авторучку из банки. Даже торчавшая наружу верхушка ее слегка размягчилась — пальцы оставляли на пластмассе след, а нижняя часть почти расплавилась, стекая с металлического стержня каплями, словно влажная краска.

— Ничего не понимаю,— сказала Анна.

— Я и сам еще не понимаю,— ответил Джеррард.— Но что бы это ни было, в банке содержится реагент, разъедающий пластмассу. Вероятно, он и есть причина всех бед...

Внезапно он окунул в жидкость кисть руки.

— Вы с ума сошли! Что вы делаете? — закричала Анна.— Вы же сами не знаете, что там.

— Ну что же, теперь узнаю,— отозвался Джеррард.

Он подержал руку в банке еще секунду-другую, потом вынул ее и внимательно осмотрел. Вытер руку носовым платком и выбросил его.

— Как будто все в порядке. Можно спуститься вниз.

— Что? Под платформу? — переспросила Анна.— Вы не знаете даже, глубоко ли там...

— Очень глубоко там быть не может. До уровня путей меньше метра. Прав ли я, мы сейчас увидим.

И он широкими шагами двинулся в сторону люка, Анна и Слейтер следовали за ним.

— Но хоть скажите, что у вас на уме? — осведомился Слейтер.

— Надеюсь, через минуту вам все станет ясно.

Он перебросил свое тело через край колодца и осторожно опустил ноги в бурлящий поток. Глубина оказалась чуть выше пояса. Вонь выворачивала желудок наизнанку, течение было ровным и сильным. Он принял от Слейтера фонарь.

Как только Джеррард, пригнувшись, подсунул голову под платформу, бульканье и присвистыванье охватили его со всех сторон, ударили прямо в лицо. Он начал медленно продвигаться вперед, вздрагивая каждый раз, когда нога задевала о какой-нибудь затонувший предмет.

Пройдя, как ему казалось, примерно половину длины перрона, он наконец обнаружил то, что надеялся найти. В стену была вделана частая решетка, бурлящий поток устремлялся сквозь нее. У решетки собралось изрядное количество всякого мусора и обломков; жижа, шипя, обтекала их и проваливалась в черноту. Джеррард встал покрепче и, опустив руку в жидкость по самое плечо, принялся обшаривать ячеи решетки.

Следующие несколько минут канадцу представились самыми долгими во всей жизни. Вынимая из-под поверхности размокший мусор и разглядывая его при свете фонаря, он огромными усилиями воли старался сдержать непрестанные позывы к рвоте. Желудок словно сжимала чья-то большая рука.

Но все же он нашел то, что искал, и побрел обратно. Уровень жижи, казалось, повысился и теперь доходил до нагрудного кармана пиджака. Добравшись почти до са-

мого колодца, он различил голос Анны. Она звала его, и под платформой гуляло эхо:

— Люк. Люк!..

Кошмарный, обволакивающий запах довел его почти до обморочного состояния. Он еще сумел кое-как перевалиться через край — и в полном изнеможении распластался на бетоне. Анна наклонилась над ним, протянула руку, но он бессильно оттолкнул эту руку подальше.

— Не надо. Я сейчас вроде как неприкасаемый. Зато я добыл их. Целых два...

Он вяло покопался в кармане пиджака, достал оттуда два маленьких кружка и предъявил их Анне и Слейтеру на раскрытой ладони.

— Я что-то не совсем...— начала она.

Слейтер вытянул шею. Анна тоже всмотрелась пристальнее.

— Горлышко бутылок! Горлышки самораспадающихся бутылок... Ну конечно! У первых, кто купил лицензию,— у них в пластмассу заделывались металлические вкладыши. Они... ну, да, это они и есть.

Она указала на выбитую в металле витую монограмму.

— А, может, это и не горлышки вовсе,— заявил Слейтер.

— Маловероятно,— ответила Анна и, смерив Джеррарда взглядом, добавила: — Значит, именно их вы и искали?

— Да,— подтвердил кападец.

— Значит, вы с самого начала думали, что это они?

— Логически рассуждая, другого объяснения просто не было. Известно, что самораспадающиеся бутылки под воздействием света и воздуха разлагаются и превращаются в вещество, съедобное для бактерий. Это вещество по своей структуре находится как раз на полпути между пластмассой и протеином, не так ли? Вот я и подумал, что бактерии, способные питаться этим веществом, мутировали и стали потреблять и другие виды пластмасс. Каждое новое их поколение становилось все более приспособленным и всеядным...

— Но что это за невиданные бактерии? — спросил Слейтер.

— По-моему, ответ у нас под ногами. Эти бактерии развились в канализационных трубах. Самораспадающиеся бутылки, как и полагается, спускали в канализацию,

и бактерии, которые там живут, привыкли к питанию такого рода. Ну, а потом они сами принялись искать новую пищу и мутировали до тех пор, пока не обрели способность пожирать все прочие пластмассы. Подумайте,— обратился Джеррард к Анне,— не слышали ли вы о каких-либо новых микроорганизмах, выведенных, скажем, для обеззараживания нечистот?

Анна кивнула.

— Что-то такое было, не помню, правда, точного названия. А года два назад я даже собиралась писать о бактерии *Bacillus accelerens*. Ее специально вывели на очистной станции в Рединге. Говорили, что она разрушает нечистоты быстрее, чем любая другая бактерия, да и размножается с необычайной скоростью. Но пластмассу она не трогала. Это безусловно исключено. К тому же они там давно прекратили эксперименты. И как могло разрушение,— она помедлила,— перекинуться на пластмассовые провода?

— Да это же очевидно,— ответил Джеррард.— Не знаю, где раньше лежал канализационный сток, но только не под самой платформой. Стало быть, он пробил себе новое русло. Разумеется, это все догадки, но где-то по дороге жижа коснулась одного из кабелей. Едва зараза въелась в пластмассу, скорость размножения бактерий чудовищно возросла, и разрушение в мгновение ока распространилось по всей длине кабеля, покинуло канализацию и перебралось в метро. Под землей есть, наверное, сотни точек утечки. Никто их не считал, никто и не догадывается, где они...

— А вслед за электрическими кабелями,— продолжил Слейтер,— стали разрушаться газовые и водопроводные пластмассовые трубы, и в конце концов процесс достиг компьютера, управляющего моей дорожной сетью..,

— Точно.

— Мой бог,— воскликнул Слейтер,— но если это так, то я вообще не вижу способа остановить бедствие!

— Не знаю, есть ли такой способ,— заметил Джеррард,— и в настоящее время не чувствую в себе способности рассуждать дальше. Наша задача — доставить добытые образцы на поверхность земли, и как можно скорее. Одному всевышнему известно, что там сейчас делается...

— Но как нам туда выбраться? — грустно промолвила Анна.

— Сквозняк,— ответил Джеррард.— Он должен подсказать нам путь. Он ведь откуда-то возникает. Вот и надо выяснить, откуда.

XI

В своих рассуждениях Джеррард был почти прав — и в то же время жестоко ошибался. Не ведая того, он открыл бациллу Эйнсли.

Вполне обычная в среде бактериологов практика — тот, кому посчастливится обнаружть новый штамм, нарекает его своим именем. Такая забавная и немного грустная форма бессмертия — зачастую единственное средство поддержать иссохшее самолюбие этих лабораторных червей.

Бацилла Эйнсли не удостоилась описания на страницах учебников. Точнее говоря, до поры до времени она не была известна никому, кроме самого Эйнсли.

Эйнсли начал свою работу за два с половиной года до того, как Джеррард и его спутники попали в ловушку. Впервые за всю его деятельность доктору Саймону Эйнсли посчастливилось натолкнуться на воистину плодотворную идею. Осенило его после того, как в один прекрасный день намертво засорилась выходящая из его домика фановая труба; он шлепал по залитым водой полам в резиновых сапогах, тщетно пытаясь прочистить систему с помощью гибкого прута, и в конце концов нашел причину бедствия — скомканный кусок полиэтиленовой пленки, вероятно нечаянно смытый в уборную кем-то из его детей.

Доктор Эйнсли был бактериологом. Человек по натуре мягкий, он никогда не прилагал особых усилий к тому, чтобы вскарабкаться повыше по академической лестнице, и в свои уже отнюдь не молодые годы застрял на должности старшего преподавателя кафедры микробиологии в Кенсингтонской больнице — учебном центре для всех практикантов Лондона.

Деля свое время между трафаретными больничными анализами и довольно скучными лекциями для студентов-медиков, которых он, признаться, начинал побаиваться — уж очень они были молоды и напористы, Эйнсли частенько ставил еще и какие-нибудь причудливые опыты в смутной надежде набрать достаточно материала для статьи.

И вот, пока он вытаскивал из трубы кусок полиэтилена, его вдруг осенило, что этот самый кусок мог бы сохраняться в канализации тысячелетиями, что пластмасса никогда не подвергнется, подобно сточным водам, разрушительному действию бактерий.

Никогда не подвергнется?..

Так родилась идея. А что если заставить бактерии разрушать бросовую пластмассу? Что если специально изменить их природу подбором последовательных питательных сред, создать генетическую мутацию с помощью соответственно подобранных нуклеиновых кислот? Какое замечательное решение проблемы уничтожения отходов! А быть может, и решение всей грандиозной проблемы отравления окружающей среды в мировом масштабе... Фантазии его разрастались — но воспитанная с годами способность мыслить здраво взяла верх.

Сколько поколений микроорганизмов должно сменить-ся? Как достать необходимое оборудование? Какие тут потребуются ДНК и РНК?

К моменту, когда он с лязгом поставил заглушку фановой трубы на место, мимолетное возбуждение уже улеглось. Однако ближе к вечеру, едва он выпил традиционный стаканчик сухого черри, идея вернулась — и на сей раз пустила корни. Раскрепощенный алкоголем, он налил себе второй стаканчик, побольше, и принялся писать. Сперва несмело, но потом все скорее и скорее Эйнсли излагал свой проект на бумаге. Идея была стоящей и могла оправдаться!

Пробило полночь, а он все сидел у стола. Наконец он поставил точку и расслабился, предаваясь блаженным мечтам о членстве в Королевском обществе и даже о Нобелевской премии.

Прошла неделя — он не сказал никому ни слова, но безоговорочно поверил в свою правоту. Он решил, что не поделится своей идеей ни с кем. Если она воплотится в жизнь, его, наконец, ждет научное признание.

Мало-помалу Эйнсли начал таскать домой оборудование из больницы. У себя в кабинете он монтировал добытую аппаратуру, устанавливал термостаты и штативы для пробирок, пока не создал настоящую бактериологическую лабораторию — несколько уменьшенную копию своей лаборатории в больнице.

А затем он яростно набросился на работу. Сократив число своих лекций, он стал уходить из больницы все раньше и раньше. Глядя на его торопливую походку и

вечно озабоченный вид, коллеги решили, что Эйнсли, должно быть, завел себе любовницу. На самом деле он спешил домой с первым же поездом, на какой только мог успеть, и, обменявшись двумя-тремя словами с женой, запирался у себя в кабинете-лаборатории и углублялся в опыты. Взяв для начала несколько колоний хорошо известного микроба *Bacillus prodigiosus*, он стал последовательно переделывать его природу.

Сначала он выращивал микробов на нормальной питательной среде, потом менял отдельные ее составляющие, с тем чтобы сами бактерии на протяжении поколений менялись в нужную экспериментатору сторону. Он лишал микроорганизмы их нормальной белковой пищи, замещая протеин различными веществами, сходными по структуре с длинными молекулярными цепочками пластмасс.

Раз в несколько дней Эйнсли втайне ото всех брал одну из пробирок с подопытными бактериями с собой в больницу и подвергал ее облучению радиоактивным кобальтом, который хранился в лаборатории для совершенно других целей. Облученные бактерии он опять приносил домой и перемещал на новую питательную среду, уповая, что хоть одна из мутаций, вызванных радиацией, может приспособиться к потреблению пластмассы.

Как все, кому довелось повенчаться с самобытной идеей — с идеей, на которую возлагается много личных надежд,— он постепенно начал принимать желаемое за действительное. Нет, о заведомой подтасовке результатов, разумеется, не было и речи; но как не подправить цифирку, как не перестроить слегка ход опыта с тем, чтобы результат лучше отвечал заданной заранее цели!

Месяцы шли за месяцами, а он, все меньше и меньше внимания уделяя работе в больнице, жил только своей маленькой домашней лабораторией. Он не сознавал, что его мозг и тело находятся в постоянном перенапряжении. Да и мог ли он думать, к примеру, что его левосторонняя мозговая артерия на большом участке сужена отложениями холестерина — атеросклероз, сказали бы коллеги Эйнсли. В постоянной спешке он не отдавал себе отчета и в том, что участившиеся головные боли — признак грозного повышения кровяного давления.

Однажды вечером, часов в одиннадцать, он уже почти закончил изучать под микроскопом пятьдесят девятую по счету разновидность *Bacillus prodigiosus*. У него было шесть пробирок с этой культурой. Внимательно рассмот-

рев содержимое каждой пробирки, он аккуратно ставил ее в стакан с сильнейшим дезинфицирующим раствором.

Это вошло в привычку — Эйнсли был добросовестным и квалифицированным исследователем и не хотел рисковать, нечаянно выпустив мутировавшие бактерии на свободу. Результаты опытов сегодня обнадеживали более обычного, по крайней мере так казалось его пристрастному взгляду. Обнаруживались явные признаки того, что заботливо выведенные микроорганизмы поглощают пластмассу.

Он взял последнюю из пробирок — и издал торжествующий крик. Сомнений не было — бактерии поглотили заметное количество подобного пластмассе вещества.

Эйнсли пришел в сильное волнение — но, как только он резко поднялся на ноги, перенапряженная артерия лопнула, залив кровью мозговую ткань. Еще какое-то мгновение он стоял неподвижно. Последнее, что смутно осознал его гаснущий разум, была страшная боль в голове.

Эйнсли покачнулся, теряя равновесие, и тяжело опрокинулся назад, на лабораторный стол. Пробирка с бактериями, вылетев из его безжизненных пальцев, разбилась о край раковины, и тонкая струйка мутной желтоватой жидкости, пробежав по фаянсу, устремилась в сливную трубу. А тело съехало со стола и рухнуло на пол с таким грохотом, что жена Эйнсли опрометью выскочила из гостиной. Пока она добежала до дверей кабинета, мутант-59, потомок *Bacillus prodigiosus*, уже попал из сливной трубы в фановую, ту самую, в которой когда-то произошло засорение, а оттуда в магистральный коллектор. И потоки сточных вод в своем неудержимом беге к насосной станции принялись дробить сотни миллионов бактерий, выплеснувшихся из пробирки, на все более и более мелкие колонии.

Смерть Эйнсли отметили короткими сухими некрологами в журнале, издаваемом Кенсингтонской больницей, и в «Бритиш медикал джорнел»; в обоих случаях рядом с некрологом поместили фотографии, на которых покойный выглядел неправдоподобно молодо. Вскоре о нем забыли. Мутант-59, просуществовав какое-то время в канализационных трубах, тоже начал исчезать. Не в силах найти специфическую пищу, созданную для него Эйнсли, мутант потерял способность к делению и погиб. Однако не все микробы были уничтожены — некоторые из них образовали споры.

Спора — особая стадия покоя, в которую переходит бактерия, попав в неблагоприятные условия. Она подобна семени. Когда условия вновь становятся благоприятными, спора возвращается к жизни и опять образует бактерию, которая затем делится на две, на четыре, на восемь и так далее, давая начало целому роду. Обладая удивительной устойчивостью к обезвоживанию, к высоким и низким температурам, споры могут сохраняться сотни лет.

Глубоко под землей, неподалеку от станции метро Кингз-кросс, к стенке коллектора прилипла высохшая капелька сточных вод — и в ней около сотни спор. Каждая спора была диаметром в две тысячные миллиметра и каждая содержала в себе точнейший биологический чертеж мутанта-59, потомка *Bacillus prodigiosus*. Безмолвные микроскопические свидетели единственного оригинального замысла Саймона Эйнсли, они покоились в высохшей капельке, с бесконечным долготерпением дожидаясь своего часа. Дожидаясь привычной пищи, которая, возможно, никогда и не появится. Дожидаясь бесконечно малой вероятности того, что какая-то иная молекула, по размерам и структуре сходная с их пищей, найдет себе путь по мрачным зловонным трубам и даст им энергию, чтобы начать новую жизнь.

Но вот спустя два года после того, как доктор Эйнсли канул в небытие, всеобщее распространение получили самораспадающиеся бутылки, изобретенные в агентстве Креймера. В канализацию полетело то, что от них оставалось. По торопливым подземным речкам из миллионов стоков потекли специфические молекулы дегрона.

Случилось так, что однажды под вечер после проливного дождя вода в коллекторе возле станции Кингз-кросс поднялась до небывалого уровня. И молекулы дегрона, очень похожие на те, которые использовал Эйнсли, создавая свои питательные среды, выплеснулись на засохшие споры.

Прошло еще без малого двадцать четыре часа, прежде чем споры убедились в достоинствах вещества, окружающего их заскорузлые оболочки. Оболочки лопнули, и мутант-59, наследник *Bacillus prodigiosus*, пробудился к жизни.

Условия пришлись микробам по вкусу. Они множились и распространялись. Куда бы их ни занесло, везде они без труда находили пищу. Дегрон был теперь повсюду. С каждым новым поколением микробы становились

все более подвижными и всеядными. Человек оказался добр к мутанту-59. Он обеспечил бактерии пищей на тысячи лет вперед.

В лаборатории Креймера было темно, светились только неоновые индикаторные огоньки, разбросанные по пультам электронной аппаратуры. Тишину нарушало лишь урчание мотора холодильной установки. Бьюкен подошел к выключателям и разом опустил их головки вниз. Заливший комнату свет помог рассеять ощущение неестественности происходящего.

— Ну, так где же они? — осведомился Скэнлон.

Бьюкен молча приоткрыл дверцу термостата и достал оттуда штатив со стеклянными колбочками, маркированными фломастером. Он был утомлен, говорил запинаясь:

— Может, они... может, я их еще не выдержал, сколько нужно. Делать-то все пришлось в спешке...

— Скажите лучше, что именно вы сделали? Да, между прочим, а где Райт?

— Неважно где. Будете работать со мной.

Бьюкен выпимал колбу за колбой, поворачивал их к свету и делал беглые заметки в блокноте. Казалось, он вообще забыл о присутствии Скэнлона.

— Старина! — взмолился тот.— Ведь два часа ночи! Вы попросили — я приехал, так объясните по крайней мере, что вы затеяли?

— М-да, я не слишком-то с вами вежлив, но слишком многое я поставил на карту! Разрешите, я сейчас все вам объясню.— Он указал на первую колбу.— Здесь водная суспензия той дряни, которую Джеррард соскоблил с деталей робота. В соседней колбе то же самое, но с одной существенной разницей: она прошла стерилизацию в автоклаве.

— Зачем?

— Сейчас узнаете. Под номером три — стандартный питательный бульон, я капнул туда из колбы номер один нестерилизованной взвеси. Номер четыре — тот же бульон, но добавленная взвесь стерилизована. Теперь взгляните...

Он поднял штатив к свету. В первых двух колбах жидкость была чуть желтоватой, в третьей она приобрела мутно-коричневый цвет и покрылась тонким слоем пены. Содержимое четвертой колбы оказалось коричневатым, но совершенно прозрачным.

— Вы запомнили, номер три — добавка нестерилизованная, номер четыре — стерилизованная, так?

— Так.

— Сами видите, взвесь в колбе номер три проявляет тенденцию к росту.

— Просто эксперимент не был чистым. Вместе со своими образцами Джеррард неизбежно прихватил множество самых разнообразных бактерий. Расти может буквально любой из сотен видов.

— Хорошо, допустим.

Бьюкен снова подошел к термостату и вытащил стопку круглых чашек Петри. Чашки напоминали пепельницы с плотно притертыми крышками, под которыми прятались кусочки окрашенного желе. Бьюкен расставил их перед собой рядком. Каждая крышка была помечена красным стеклографом.

Вы, разумеется, правы. Поэтому я подготовил еще и эти чашки. Умения у меня, правда, поубавилось — ничего не попишешь, с университетских времен много воды утекло...

Бьюкен приподнял крышечку с первой чашки. Всмотревшись, Скэнлон сумел различить десятки крохотных округлых колоний. Колонии были всевозможных видов, размеров и цветов.

— Сюда я пересеял первоначальную культуру,— продолжал Бьюкен.— Перед вами по крайней мере четыре типа колоний.— Он показал их платиновой петелькой, заплавленной в торец стеклянного стерженька.— Это колибактерии, это, видимо, стафилококки, эти похожи на дифтерийные палочки, а вот эти,— он помедлил,— эти представляют интерес...

— А что я вам говорю,— упорствовал Скэнлон.— Из первоначального препарата получился чуть не весь микробиологический спектр.

— Именно так, но пересев для того и делается, чтобы разделить бактерии по типам. А раз это удалось, то остается взять частичку каждой колонии и идентифицировать ее на предметном стекле под микроскопом.

— Что, просто на глаз?

— Вовсе нет. Окрашивая культуру по Граму, используя разные избирательные методы и питательные среды — вообще-то это настоящая головоломка, но в конце концов можно отождествить каждый вид с абсолютной точностью! — Он пришел в возбуждение, описывать проведенное расследование было для него удовольствием.— Взгляните, я покажу вам. Мне удалось выделить вот эту колонию...— Он вынул из ряда одну из чашек — на слое

желе виднелась кучка сморщенных поблескивающих дисков.— Вот они, те, за кем я охотился...

— Старина, время очень позднее, я теряю нить...

— Погодите, сейчас все поймете. Присмотритесь повнимательнее — по краям колонии идут как бы высохшие крапинки...

— Ну и что?

— А то, что нашим маленьким друзьям вовсе не нравится та среда, на которую их поместили. Среда эта — кровяной агар.

— Им не нравится кровяная среда?

— Разным микробам нравится разная пища, только и всего. Как бы то ни было, я идентифицировал все колонии, кроме этой единственной — она не желала расти ни на одной из общеупотребительных сред: ни на чистом, ни на кровяном агаре, ни на среде Маккоючи и ни на какой другой...

— И что же дальше?

— Я составил среду по собственному рецепту.

Бьюкен опять направился к термостату и достал оттуда большой лабораторный стакан, внутри которого стояла толстая коническая колба, заткнутая ватой. Верх стакана был запечатан металлической фольгой. Медленно, осторожно Бьюкен опустил все это на стол, поближе к свету. Скэнлон замер в изумлении. Между краем колбы и ватой образовался шевелящийся ободок пены; она вздувалась, лениво сползала по внешней поверхности конуса и растекалась лужицей по дну стакана.

— Боже, что за рецепт вы выбрали?

Прежде чем ответить, Бьюкен помолчал.

— Я измельчил немного дегрона и растер его в пасту, добавив некоторые соли и аминокислоты, главным образом тирозин...

— Черт знает что! Этому должно быть какое-то иное объяснение.

— Например?

— Ну,— замялся Скэнлон, отчаянно пытаясь удержаться в рамках логики и в то же время обойти очевидное.— Хорошо, вы вырастили бактерии, одним из них нравится кровь, другим — сахар...

— Скэнлон, когда необходимы доказательства, ставят решающий эксперимент. Если в каком-то случае — в клинической практике, скажем,— возникло подозрение, что возбудитель болезни — микроб, надо вырастить его чистую культуру на здоровой ткани, взятой у пациента.

В данном случае больна пластмасса. Ладно, ладно, вы мне не верите, но это так. Я взял капельку вон той дрянн из пробирки и поместил эту капельку на здоровую пластмассу.— Бьюкен открыл последнюю из чашек Петри.— Вот, полюбуйтесь.— И он указал на поверхность геля в чашке. Она была вся облеплена сырой клейкой пеной.— На сей раз я использовал просто кусочки дегрона и даже самый обычный полистирол. Взгляните, что с ними сталось,— все видно и невооруженным глазом...

— Но с чего вы решили, что это бактерии? Разве не может это быть каким-то химикатом... каким-то веществом, которое вы нечаянно перенесли?..

Скэнлон, по-видимому, понял всю зыбкость своего предположения и замолчал, не закончив фразы.

— Допустим. Значит, нужен еще один эксперимент. Вот мы и проведем его, если вы мне поможете.

— Какой эксперимент?

— С помощью электронного микроскопа. Пошли!

Он встал и направился к двери, на которой красовались клеверный лист — международный знак радиационной опасности — и табличка: «Высокое напряжение. Опасно для жизни. Посторонним вход воспрещен».

За дверью в тусклом желтом свете над ними нависла уходящая под потолок колонна электронного микроскопа. С ее верха свешивался толстый высоковольтный кабель, который вел к двухметровому шкафу, набитому электронной аппаратурой. Слышалось мягкое хлюпанье и посапыванье вакуумных насосов: они поддерживали разрежение, недостижимое даже в космическом пространстве.

Бьюкен принялся манипулировать ручками управления. Огоньки на контрольных пультах стали ярче, а шум насосов назойливее. Потом шотландец поднялся.

— Пусть пока покачает, а мы тем временем подготовим препарат для исследования.

Вернувшись в лабораторию, он положил на стол стеклянную пластинку и водрузил на нее чашку Петри с пластмассовой питательной средой. Взяв предметное стеклышко, он помахал им в пламени бунзеновской горелки и крошечной пипеткой нанес на него капельку дистиллированной воды. Раскалив на огне, а затем остудив платиновую петельку, Бьюкен осторожно отодвинул крышку с чашки Петри и захватил петелькой частицу ее содержимого. Тщательно смешав эту частицу с дистиллированной водой на стеклышке, он вновь провел проволочкой

сквозь пламя. Работа не мешала ему разговаривать. Скэнлон завороженно следил за всеми этими священнодействиями.

— Итак, мы получили суспензию той культуры, которая была в чашке. Теперь смешиваем ее с фосфорно-вольфрамовой кислотой. Получаем препарат, взвешенный в кислотном растворе. Берем вот эту медную сеточку. Малюсенькую сеточку трех миллиметров в диаметре — она как раз подходит к микроскопу. А сейчас помещаем на эту сеточку капельку полученной взвеси...

Он встал, бережно держа сеточку на фильтровальной бумаге. Открыл стеклянный колпак, подсоединенный к насосам, положил фильтровальную бумагу вместе с сеточкой под стекло, загерметизировал шов и включил насосы, внимательно следя за вакуумным манометром, указывающим величину атмосферного давления под колпаком.

— В вакууме вода из нашей капельки испарится. Как только это произойдет, фосфорно-вольфрамовая кислота осядет пленкой на любых материальных телах, какие есть в препарате. Дело в том, что для электронного микроскопа все биологические объекты почти прозрачны, зато вещества, содержащие тяжелые металлы, выглядят на экране абсолютно черными.

— Значит, все имеющее биологическую природу должно казаться — дайте подумать — чистым пятнышком в окружении темного ореола?

— Вот именно, вы хорошо себе это представили, Джим. Думаю, что наш препарат готов.

Открыв клапан, Бьюкен впустил воздух обратно под колпак. Раздавшийся было резкий свист постепенно стих. Приподняв колпак на противовесах, шотландец вынул из-под него фильтровальную бумагу с сеточкой и не спеша двинулся к микроскопу. Скэнлон последовал за ним и притворил за собой легкую, отменно пригнанную дверь.

Бьюкен открыл замок и поместил сеточку в препаратодержатель. Уверенно вращая ручки управления, он перевел микроскоп на рабочий режим. Экран под непроницаемым для излучения стеклом загорелся зеленым светом, отбрасывая снизу тени на сосредоточенные лица ученых. Бьюкен тронул тумблер дистанционного управления препаратом. Линии на экране колыхнулись и исчезли, затем появились вновь и замерли в неподвижности. Оба с минуту просидели не шевелясь и не произнося ни слова.

На экране виднелись тысячи прозрачных прямоуголь-

ников, и каждый прямоугольник был окружен темным ореолом. Не оставалось сомнений — это были электронные изображения бактерий.

— Лучше бы позвать Райта,— сказал Скэнлон.

Бьюкен потянулся за телефонной трубкой.

XII

Чрезвычайный контрольный пост построили в 1945 году. Расположен он под плац-парадом конной гвардии на глубине примерно двадцати метров и входит в большой подземный комплекс тоннелей, центров связи и жилых помещений, простирающийся на север до самой Трафальгар-сквер, а на восток под улицей Уайтхолл до военного министерства. Целый подземный город, откуда можно управлять всей страной, не поднимаясь на поверхность.

Стены чрезвычайного поста усилены армированными бетонными брусьями, выкрашенными в белый цвет, а пол застлан зеленым линолеумом казенного образца. Одну из стен почти полностью занимает проекционный экран, а перед ним — мешанина пультов с разноцветными телефонами, микрофонами оповещения ПВО, телевизионными устройствами. Оставшееся пространство наскоро заставлено рядами разнокалиберных стульев.

В комнате темно от табачного дыма, она заполнена беспокойным гулом голосов — здесь собралось человек пятьдесят, есть люди и в военной форме, есть и в безликом цивильном платье. Атмосфера сдержанно напряженная. Большинству присутствующих давно перевалило за пятьдесят. Их лица отражают привычку к власти, сознание собственной значимости. Это лица людей, которые не станут уклоняться от ответственных решений, будь они правильными или нет.

В первом ряду с места поднялся коренастый мужчина в форме бригадного генерала. Посмотрев вокруг, он постучал костяшками пальцев по крышке соседнего пульта, требуя внимания. Разговоры словно бы нехотя смолкли. Со спокойной уверенностью человека, привыкшего повелевать, генерал произнес:

— Господа,— он бросил мимолетный взгляд на часы,— думаю, нам пора начинать...

Генерал подошел к пульту перед экраном.

— Многие из вас, вероятно, более или менее в курсе дела, но прежде всего я хотел бы представить вас друг

другу. Вас привезли сюда в большой спешке, и я приношу вам за это свои извинения, но мы постарались сделать все, что могли, чтобы обеспечить всех временным жильем. Мистер Риггс,— генерал кивком показал на человека в штатском, стоящего возле дверей,— передаст вам карточки с номерами ваших комнат и указаниями, как до них добраться. Система тоннелей весьма разветвлена, и я просил бы вас строго придерживаться направлений, предписанных в карточках, поскольку сотрудники службы безопасности... гм... очень ревностно относятся к исполнению своих обязанностей.— Он холодно улыбнулся.— Всем вам будут розданы опознавательные жетоны, так что я без промедления перейду к существу вопроса. Медицинской стороной операции руководит сэр Фрэнк Дейл...

Он указал на седовласого, аскетического вида мужчину во втором ряду, который сделал неловкую попытку приподняться и поклониться. Генерал отмечал рукой каждого, о ком шла речь.

— Полицейской службой и уличным движением ведает заместитель комиссара полиции. Подземным транспортом — мистер Холланд. Передвижения войск происходят под командой присутствующего здесь генерала Фенвика, помогать ему буду я. Деятельностью дезинфекционных центров руководит доктор Фэннинг, главный врач муниципалитета Большого Лондона... Вы, видимо, уже обратили внимание на принятые нами меры предосторожности — все они необходимы и взаимосвязаны и исходят из правил, действующих в районе местопребывания правительства. Соответствующий документ, я надеюсь, вы уже читали...

Он обвел взглядом слушателей, которые согласно кивали.

— Теперь, с вашего позволения, сэр,— он слегка повернулся в сторону генерала Фенвика, который небрежно помахал пухлой ручкой,— рассмотрим проблему на местности...

Генерал нажал на кнопку, и за его спиной на проекционном экране зелеными линиями вспыхнула карта центра Лондона.

— Наши данные указывают на то, что поражения, какова бы ни была их природа, в основном сосредоточены на довольно узком участке.— Он взял белую указку.— С северной стороны они ограничены улицей Юстон-роуд, на западе до перекрестка с Портленд-плейс и на востоке — с Уоберн-плейс. Границы эти, разумеется, только

приблизительны. В южном направлении граница идет по Саутгемптон-роу и затем по улице Олдвич выходит к Темзе, которая замыкает периметр с юга. Площадь пораженного района составляет в целом около четырех квадратных километров. Встречаются, правда, отдельные вспышки и за пределами этой территории, но их немного, они весьма отдалены друг от друга, и мы надеемся, что с ними удастся справиться без серьезного риска.

Однако в границах района, о котором я говорил, процесс стремительно расширяется и сдержать его стало совершенно неотложной задачей. До некоторой степени нам еще помогает погода, поскольку холод, как выясняется, снижает скорость... мм... реакции, как только она выходит из-под земли на поверхность.

Генерал помедлил, в поисках поддержки метнув быстрый взгляд на желтое пергаментное лицо сэра Фрэнка Дейла, потом продолжал:

— Наша цель,— подчеркивая значимость своих слов, он ударил рукой по пульту,— полностью изолировать означенный район — на земле, над землей и под землей. Вряд ли нужно разъяснять вам, что, если процесс, разрушающий пластмассу, распространится по всему миру, это может привести к полной катастрофе. К району поражения следует относиться как к зачумленной, смертельно опасной зоне...

Два слова о передвижениях войск. Поскольку сегодня в полдень ее величество подписала вердикт о чрезвычайном положении, мы начали стягивать части к границам района. Первый батальон шотландской гвардии уже изолировал северо-западный сектор — вот здесь — во взаимодействии с тремя ротами бронедивизиона конной гвардии, дислоцирующимися на северо-востоке — вот здесь...

Теперь он стучал уже прямо по экрану.

— Контроль за южным сектором осуществляется под общей командой полковника Сетбриджа, который в настоящий момент вводит сюда подвижные части парашютного полка. Приблизительно к двадцати трем ноль-ноль изоляция пораженной зоны будет закончена, и мы сможем начать мероприятия по ее эвакуации. Вспомогательные операции поручено осуществлять ремонтному корпусу и королевскому корпусу связи.

На секунду он замолчал и вновь сбвел аудиторию взглядом, желая убедиться, что владеет ее вниманием.

— Как вам известно, электро- и газоснабжение в ряде секторов полностью прекратилось, поэтому мы уста-

навливаем по периметру аварийные генераторы и тянем кабели внутрь зоны с тем, чтобы обеспечить ее энергией хотя бы для отопления. Как только сумеем, установим также турбины для обогрева воздуха. В районе поражения проживает много стариков, которым сейчас угрожает смерть от холода. Такова в общих чертах ситуация, а теперь, с вашего разрешения, передаю слово сэру Фрэнку Дейлу. Он объяснит вам причины происходящего. Прошу вас, сэр Фрэнк!..

Дейл, неуклюже поднявшись, вышел к экрану. Он молча осмотрел слушателей, и на лице его отразилось некоторое неудовольствие оттого, что столь тонкие вопросы науки приходится обсуждать с непосвященными. Заговорил он монотонно и нудно, без какого бы то ни было предисловия:

— До настоящего времени в нашем распоряжении почти нет точной информации ни об организме, вызывающем разрушения, ни об его действии. С практической точки зрения известно, что, оттолкнувшись от промежуточных веществ белковоподобного характера, имеющихся в канализационной системе, организм выработал в себе все более универсальное свойство поглощать самые разнообразные пластмассы...

Слушатели беспокойно заерзали.

— Обычно скорость роста бактерий относительно низка, но в данном случае как латентная фаза, так и фаза угасания... м... замещены фазой ускоренного экспоненциального роста.

Из аудитории донесся раздраженный голос:

— Сэр Фрэнк, извините, но я не понял ни единого слова. Не могли бы вы спизойти к нам, невеждам?

Остальные поддержали это заявление приглушенным ропотом.

— Мм? — удивился сэр Фрэнк.— Н-да, конечно... В общем, это значит, что произошло как изменение скорости роста, так и поистине удивительное увеличение скорости воспроизводства. Более того, с появлением каждого нового поколения организм обретает способность разрушать новые и новые виды пластических материалов. Питаясь пластмассой, бактерии высвобождают значительные количества газа — огнеопасной и взрывоопасной смеси, в основном сероводорода и метана; в этом и кроется причина серии взрывов, которым мы были свидетелями.

Я уже известил министра внутренних дел, что мои сотрудники заняли две пустые палаты в больнице святого

Томаса — как раз через реку от южной границы зоны поражения — и переоборудуют их в исследовательские лаборатории. Мы работаем по двадцать четыре часа в сутки, чтобы изыскать средства борьбы с этим необыкновенным организмом.

Обычные приемы иммунологии, сыворотки и прививки нам, очевидно, не помогут; ни человека, ни животных организм — по крайней мере пока — не поражает, или не заражает, как вам больше нравится. Быть может, нам следует сделать ставку на широкое использование распыленных антибиотиков, но до сих пор не удалось обнаружить антибиотик, к которому организм проявил бы достаточную чувствительность. Пока продолжаются поиски, лучшим, по нашему мнению, средством приостановить подземные разрушения было бы заполнение тоннелей метро и коллекторов инертным газом. Мы обнаружили также, что в атмосфере, состоящей из азота и углекислого газа, скорость воспроизводства бактерий уменьшается и, насколько я знаю,— он посмотрел на бригадного генерала,— уже организуется доставка этих газов ко всем главным входам в метро и люкам канализации. Должен заметить, что в своих действиях мы руководствуемся чисто эмпирическими поисками, поскольку какие-либо прецеденты отсутствуют. Надеюсь, через день-другой у меня появятся для вас более приятные новости.— Он повернулся к генералу.— Пожалуй, у меня все, благодарю за внимание.

Генерал снова встал.

— Спасибо, сэр Фрэнк. А теперь, комиссар, не откажите проинформировать нас вкратце о мерах, принятых вами.

Заместитель комиссара полиции, грузный и нерасторопный, медленно вышел вперед с пачкой бумаг в руке. Он не старался сгладить свой акцент истинного кокни, и завистники поговаривали даже, что этот акцент становится все заметнее по мере того, как ранг его обладателя — все выше. Утверждали, что он глотает слова специально — для того, чтобы напомнить всем: я начинал простым констеблем на участке Хэкни...

— Главная наша задача — эвакуировать население из района поражения в самый короткий срок. Действовать мы будем в соответствии с планами эвакуации, разработанными на случай войны, и, по-моему, у вас эти планы есть.— Он посмотрел на слушателей, которые снова согласно закивали, и принялся рыться в своих бумагах.—

Вы видите, что основных дезинфекционных центров три — на вокзалах Черинг-кросс, Юстон и Сент-Панкрас. Доктор Фэннинг чуть позже расскажет вам о них подробнее. А я уж ограничусь тем, как мы планируем выселять людей из района.

Если коротко, все они делятся на постоянных жителей и приезжих. Как только вокруг появятся заставы, всякие там покупатели, провинциалы, туристы и так далее выйти сами уже не смогут, и о них мы решили позаботиться в первую очередь. Чрезвычайное положение дает нам право реквизировать собственность, и мы предписываем владельцам отелей в этом районе, чтобы они установили как можно больше кроватей и приютили всех, кто не живет постоянно в зоне, до тех пор пока мы не сумеем их вывезти.

Еще более срочное дело — освободить места в двух крупных больницах: Юниверсити Колледж и Черинг-кросс. В зону посланы кареты скорой помощи, и мы надеемся вывезти всех больных, которых можно транспортировать, уже сегодня к полуночи. Здесь на Риджентс-Парк-сквер,— он показал на карте, где именно,— создается специальный дезинфекционный центр, так что больных можно будет обрабатывать отдельно от здоровых. Все это даст нам, считая по нормам военного времени, примерно двести тридцать вакантных больничных коек. Ведь если чрезвычайное положение затянется надолго, мы наверняка столкнемся с разного рода заболеваниями...

А как только мы вывезем больных и приезжих, очередь дойдет и до постоянных жителей района. Разумеется, каждый, прежде чем покинуть зону, должен будет пройти полный цикл дезинфекционных процедур; машины с громкоговорителями уже патрулируют по улицам, оповещая всех, что им делать, и распространяя листовки с инструкциями. Но боюсь, на это понадобится еще часов шестнадцать-восемнадцать, и поначалу не избежать определенного замешательства.

Весьма существенно, и этого мы можем добиться уже сейчас, чтобы все оставались на своих местах. Если надо, пусть обратятся на ближайший пост, получат крышу над головой, а потом пусть сидят и не рыпаются. Сэр Фрэнк еще раньше сообщил мне, что, чем больше люди будут слоняться по улицам, тем скорее они разнесут эту заразу, какова бы она ни была, так что я дал распоряжение очистить весь район. Кому действительно надо передвигать-

ся — врачам и так далее,— тем мы выдадим удостоверения особой формы.

Боюсь, однако, что обстановка складывается весьма благоприятно для уголовного элемента и вполне вероятен рост всякого рода преступлений. Что же касается толпы как таковой, мы не предвидим больших забот, но на всякий случай, так сказать, договорились с генералом Пауэллом о поставках специального снаряжения для борьбы с бунтовщиками. Приняты меры к тому, чтобы вооружить до зубов полицейских окрестных районов, да и сами мы ввозим в зону защитные экраны, ружья для стрельбы резиновыми пулями, баллоны с газом «Си-Эс». Все это будет храниться на каждом из наших постов. А теперь, доктор Фэннинг, не хотите ли вы поделиться с нами сведениями о системе дезинфекции?

Едва комиссар сел на место, раздался общий возбужденный гомон — специалисты спешили сравнить свои заметки и документы.

Фэннинг, высокий, спортивного сложения человек лет тридцати с небольшим, легко вспрыгнул на возвышение, прочистил горло, пытаясь привлечь к себе внимание, и с трудом дождался, пока умолкнет шум. Говорил он быстро и как-то легковесно:

— Видите ли, дезинфекция, в сущности, очень простая штука. Нужно убить всех микробов, каких можно,— только и всего.

Проблемы, возникающие при дезинфекции, вполне аналогичны тем, с какими сталкиваются при лечении инфекционных больных в стационаре. Каждое из звеньев системы подобно клапану. Люди, движущиеся сквозь него, должны снять с себя одежду, принять душ, а затем надеть все новое. Впрочем, в отличие от клапана процесс обратим. Те, кто выходит, обязаны раздеться догола, опять-таки вымыться под душем и подождать, пока их одежда стерилизуется в автоклаве, то есть обрабатывается паром под высоким давлением. В данном случае мы не справимся с обработкой одежды вовремя, поэтому просим всех надевать старое платье — его пометят и стерилизуют, а после душа, перед выходом из зоны, людям выдадут новую одежду, то есть новую для них лично, а на самом-то деле тоже старую. Мы обратились к тем, кто живет вокруг района поражения, с просьбой принести ненужную одежду, и фирма «Оксфэм» также заверила нас, что окажет нам в этом отношении определенную помощь...

Железнодорожные вокзалы выбраны для размещения

дезинфекционных центров не случайно: это позволяет строго контролировать выезд людей из зоны. К тому же железные дороги меньше, нежели остальные виды транспорта, соприкасаются с другими, не пострадавшими районами города. Теперь, если вы разрешите, я расскажу более подробно о том, как мы думаем...

Бригадный генерал нетерпеливо посмотрел на часы и твердо сказал:

— Благодарю вас, доктор Фэннинг. Благодарю вас, вы нам несомненно очень помогли. Однако время не ждет.— Он мельком заглянул в список присутствующих и спросил: — Мистер Холланд, что вы можете добавить от лица транспортников?

Холланд нервно теребил себя за палец и старался не думать о нарастающей боли в желудке.

— Ничего особенного, пожалуй,— ответил он.— Могу только сказать, что принятые меры оказывают самое серьезное влияние на движение во всем городе. У нас есть данные, что пробки возникли уже в сорока пяти километрах отсюда... —Он помолчал.— Это и понятно: из радиальной системы движения выключен центр, и хотя мы вводим объездные маршруты, расчеты показывают, что они возьмут на себя лишь четырнадцать процентов нагрузки. Ничего другого мы в настоящее время не в состоянии предпринять. Разумеется, в районе поражения закрыты все станции метро, и нам остается только налаживать подвоз пассажиров к окраинам по неповрежденным участкам.

Взгляните на схему,— он нажал кнопку, и на экране вспыхнула карта столичной подземки,— и вы убедитесь, что зона перерезает все основные линии метро, за исключением восточного плеча Северной линии до станции Бэпк. Правда, источники инфекции сосредоточиваются как будто в неиспользуемых отрезках тоннелей, но тем не менее мы предпочли закрыть всю систему, кроме периферии.

Военные, насколько я понимаю, дают нам солдат, и те будут двигаться по тоннелям к центру, стерилизуя их с помощью огнеметов. Но на отдельных участках эти меры исключены: там накопился взрывоопасный газ, риск слишком велик. У меня, видимо, пока все...

Он сел. Генерал вновь заглянул в список.

— А сейчас мистер Хэптри из санитарного управления муниципалитета поделится с нами соображениями относительно канализационной сети.

Маленький подвижный человечек, сидевший позади Холланда, ловко вскочил на ноги и начал скороговоркой еще на полпути к возвышению:

— Самые существенные факты. Зона поражения перекрывает коллектор среднего уровня, идущий с запада на северо-восток к насосной станции Эбби-Миллс в Стрэтфорде. Вам уже сообщали, что откачка сточных вод непосредственно из центра будет прекращена. Всем жителям в черте оцепления уже объявлено, чтобы они не пользовались уборными и не выливали ничего в раковины. Тем не менее мы по-прежнему откачиваем нечистоты из районов к западу от зоны по направлению к Бектону, к северному водоотводу.

По сигналу Хэнтри на экране появилась карта дренажной сети Лондона — фантастически сложное переплетение линий, почти столь же густое, как уличная сеть. Завладев указкой, Хэнтри продолжал:

— В зону попадает всего один коллектор, ведущий с севера на юг,— коллектор Сэвой-стрит. Он не из главных, и его легко перекрыть со стороны Юстон-роуд. Главная проблема в другом: куда направить сток с запада? Сначала мы думали использовать русло подземной речки Флит и Северный коллектор верхнего уровня, но это невыполнимо — слишком мала мощность насосов на станции Лотс-роуд. Другая возможность — магистральный коллектор Пикадилли и русло подземной речки Рейнлей, но и тут мы опять-таки сталкиваемся с проблемой: не удается полностью перекрыть ответвления, ведущие из зоны поражения.

Хэнтри выждал паузу, едва ли не наслаждаясь предвкушением того эффекта, какой произведут его заключительные слова:

— Исходя из этого, мы пришли к выводу: уверенности в том, что никто во всей зоне не спустит в канализацию новой заразы, быть все равно не может; значит, остается одно — закрыть магистральную систему среднего уровня целиком. А это, в свою очередь, означает, что весь сток с севера и с запада придется направить в ливневую канализацию и, следовательно, прямиком в Темзу...

Аудитория немедленно взорвалась гулом, сквозь который прорвался протестующий возглас сэра Фрэнка Дейла:

— Но послушайте, боже мой, вы просто не имеете права!.. Это опасно для здоровья, вы что, не соображаете? Десятки инфекционных болезней! Эпидемии!..

— Сэр Фрэнк,— терпеливо повторил Хэнтри,— у нас нет выбора. Направить сток больше просто некуда.

— Разве у вас нет отстойных резервуаров или как там они называются?

— Есть, но они не вместят и десятой доли сброса. Мы вынуждены направить сток в Темзу, другого выхода у нас нет.

— Предупреждаю,— продолжал раздраженно сэр Фрэнк,— мы сразу столкнемся с серьезными вспышками...

Бригадный генерал поспешно поднялся с места и проговорил примирительным тоном:

— Благодарю вас, мистер Хэнтри, вы нам тоже очень помогли. Сэр Фрэнк, я думаю, будет лучше, если вы продолжите ваш спор после перерыва. Нам нужны дополнительные факты, и, как я понимаю,— он бросил взгляд в сторону одного из своих помощников, который ответил кивком,— сейчас сюда прибудет уполномоченный Лондонского порта, чтобы сообщить нам о прогнозе приливов и отливов и еще кое о чем. Быть может, вы примете такое предложение?

Сэр Фрэнк нехотя согласился.

— А пока я, с вашего позволения, расскажу вам чуть-чуть подробнее об особенностях данного подземного комплекса...

Пока бригадный генерал в ярком свете и тепле подземелья держал свою речь перед избранными, по земле далеко над их головами резкий северный ветер швырялся редким снежком и нес его вдоль улицы Портленд-плейс к зданию Би-би-си. Полицейский фургон, вставший посреди мостовой на углу Ленгхэмплейс, через громкоговоритель на крыше хрипло инструктировал собравшихся вокруг пешеходов:

— Лицам, постоянно проживающим в данном районе, настоятельно рекомендуется вернуться домой и больше на улицу не выходить. Проживающие в других районах должны незамедлительно прибыть в один из пунктов, отмеченных на плане, откуда они в минимально короткий срок будут выпущены за пределы зоны. Планы, на которых указано размещение подобных пунктов, можно получить здесь, а также у любого встречного констебля. На случай возможной задержки и во избежание трудностей проживающим в других районах рекомендуем также по-

лучить список реквизированных отелей, где им бесплатно будет предоставлено временное жилье и питание...

Пожилая женщина в твидовом пальто не по росту, взяв из рук полисмена грубо напечатанный план, досадливо проворчала:

— А как, скажите на милость, я туда доберусь? Мне на моих ногах и сотни метров не одолеть...

Полисмен, крупный мужчина с дружелюбным лицом крестьянина, глядя на нее сверху, ухмыльнулся:

— Не беспокойся, дорогуша, я подтолкну тебя пониже спины...

Какую-то секунду она свирепо ела его глазами, потом с одышкой прокаркала:

— Ну что ж, я не возражаю...

Двое элегантно одетых дельцов выслушали все, что сообщил им громкоговоритель, и один повернулся к другому:

— Не кажется ли тебе, что это звучит как приглашение распить рюмочку-другую?

— В баре «Савиль»? — осклабился второй.

— Совершенно верно.

И оба, круто повернувшись, удалились.

Полицейские двигались сквозь толпу, раздавая планы и инструкции. В этот момент, перекрывая надсадный вой ветра, с северного конца улицы послышался нарастающий грохот. Из-за поворота, с полукруга площади Парк-сквер, вылетела, резко выделившись на снегу, длинная черная колонна армейских грузовиков. Вдоль колонны взад и вперед, словно хлопотливые насекомые, сновали мотоциклисты.

Как только головной грузовик достиг Ленгхэмплейс, вся вереница машин со скрежетом остановилась. Тотчас же упали задние откидные борта, и на землю попрыгали солдаты, которые стали выгружать деревянные рогатки и мотки колючей проволоки.

Чины военной полиции в красных фуражках, покинув свой грузовик, быстро рассредоточились вдоль западной стороны улицы и принялись останавливать транспорт, выруливающий из боковых проездов. Водителям коротко приказывали дать задний ход и убираться, откуда приехали.

То тут, то там вспыхивали яростные споры — водители не хотели ничего знать и не желали выполнять приказания военных. Солдаты работали с неистовой скоростью, воздвигая заграждения на крестообразных под-

порках. Боковые проулки в мгновение ока были забарикадированы все до одного.

С юга Темза, бегущая вдоль гигантской излучины набережной, образовала естественный барьер — пришлось закрыть один-единственный крупный мост, Ватерлоо. Два полугусеничных броневика встали поперек дороги на южном берегу, как раз на уровне яйцевидного купола концертного зала Фестивал Холл. Полицейский вездеход приткнулся между ними, и патрульные дорожной полиции установили мигающие предупредительные сигналы и знаки «Проезда нет». Тех, кто в сердцах предпринимал попытки перебраться на северный берег по пешеходному мосту Хангерфорд, задерживали у подножия длинного марша каменных ступеней, ведущих к мосту от Вильерс-стрит.

Мало-помалу, по мере того как армия и полиция со своими рогатками и прочим снаряжением продвигались вперед, значительная часть улиц, площадей и магазинов оказалась отрезанной от остального города, подобно какому-то древнему гетто. По Юстон-роуд и Саутгемптон-роу рогатки перерезали все поперечные улицы. Машины, лихорадочно пытаясь выбраться из кольца, лишь создавали бесконечные пробки. Множилось число несчастных случаев, вспыхивали драки.

Но постепенно, едва машины исчезли с улиц, на район спустилась тишина. На смену привычному гулу движения пришли звуки шагов; пешеходы, сбиваясь в испуганные кучки, сообща изучали планы и инструкции, выданные полицией, и торопились к ближайшему убежищу.

Воздух был сухой и стылый, все так же падал снег, и у бровки тротуаров начали вырастать небольшие сугробы.

В своей роскошной квартире, выходящей окнами на неопрятную космополитическую Олд-Комптон-стрит в квартале Сохо, Гарри Мензелос сосредоточенно слушал очередную сводку о чрезвычайном положении. Дослушав, он выключил приемник, подошел к окну и задумчиво уставился на магазинчики и закусочные, расположенные напротив. Так он простоял довольно долго, барабаня пальцами по стеклу, его унылое лицо ровным счетом ничего не выражало. Потом он отошел от окна и достал из золотой коробочки длинную сигарету.

Мензелос был профессионал.

Чего стоят жизнь и смерть, он усвоил еще будучи ротным старшиной при британской военной миссии в Салониках. Воюя в горах Хортиатис на севере Греции, он быстро заработал себе репутацию — и в среде своих, и в стане врагов — умелого убийцы. Подчиненные почитали в нем начальника, способного добиться успеха и требующего от них только одного — беспрекословного повиновения.

После войны он оставил свой родной Пирей и перебрался в Англию, где дрейфовал от преступления к преступлению, не получая больших барышей, но и не попадаясь. Первым его значительным успехом было ограбление в Хэттон Гарденс, когда он захватил партию мелких легко реализуемых бриллиантов на кругленькую сумму в десять тысяч фунтов.

От природы неглупый и восприимчивый, он задумал и совершил еще несколько крупных краж, а свои доходы вкладывал во вполне легальные деловые предприятия. К настоящему времени он был владельцем двух ночных клубов в Пэддингтоне и сети обувных магазинчиков как в самом Лондоне, так и в окрестных графствах.

Он неукоснительно платил подоходный налог.

Сейчас Гарри Мензелос налил себе в стакан на два пальца выдержанного французского коньяку, затем подошел к телефону и набрал номер, в ожидании ответа наблюдая за тем, как нарастает столбик пепла на кончике сигареты.

— Солли? Да, это я, Гарри. Радио слушал? Скверное дело, правда?..— Он издал короткий смешок.— В общем, мне все это подсказало одну прекрасную мысль. Участвуешь, Солли? Ладно, тогда почему бы тебе не подъехать сюда?.. Вот именно. Поторапливайся, Солли, теперь или никогда... Точно. Захватил бы с собой и Олфорда... Да, совершенно верно. Где он держит свой грузовик? Здорово, это в пределах зоны, не так ли? Заберите его и поставьте на задворках... Да, да. До встречи...

Положив трубку, он прошествовал в спальню и, откатив в сторону широкую двуспальную кровать, отогнул ковер. Вынув из гнезд три узкие паркетные планки, он достал из-под них увесистый ком промасленных тряпок. Развернул.

Свет настенных бра упал на тусклую сталь пистолета системы Стэн и двух револьверов армейского образца и на обоймы с патронами.

На улице внизу магазинчики закрывались один за другим. Торговцы прятали банки с огурцами и консервированной рыбой и приводили в порядок опустевшие прилавки.

На Брюер-стрит было темно и пустынно; трое, притаившись у самых дверей, прислушались. Снег уже покрыл тонким слоем весь тротуар, и гангстеры с тревогой вглядывались в путаные цепочки собственных следов, которые, казалось, нарочно указывали, где они спрятались.

Наконец, удостоверившись, что вокруг никого, Солли Экермен вынул из сумки миниатюрную дрель на батареях, ввинтил в нее длинное сверло с карбидным наконечником и начал высверливать дырку рядом со скважиной главного дверного замка. Над его головой красовались крупные чеканные, слегка припорошенные снежком буквы: «А. Боннингтон. Ювелирные изделия».

Яростное завывание дрели в тишине безлюдной улицы казалось до безумия громким. Но вот Солли остановил дрель и засунул в просверленное отверстие длинный нарезной прут. На конце его была закреплена массивная поперечина, и, как только прут прошел насквозь, поперечина выскочила из гнезда — теперь вынуть инструмент с наружной стороны было невозможно.

На внешний нарезной конец прута Солли навинтил тяжелую однозубую фрезу, очень напоминавшую школьный циркуль, затем приладил к ней коловорот с храповым механизмом. Он вращал коловорот, а фреза рывками вгрызалась в металл, и вокруг замка появлялся полукруглый разрез. Остальные нетерпеливо следили за его работой, потея на холодном ветру. Поблескивающие синеватые завитки раскаленной стальной стружки с коротким шипением падали в снег.

А в трех метрах ниже поверхности улицы, под кирпичным сводом коллектора давней викторианской постройки, мутант-59 неуклонно следовал предначертанным ему путем. Жадно поглощая дегрон самораспадающихся бутылок, поколения бактерий росли, делились и погибали, и каждая из них выделяла частичку газа. Газ заполнял сырые канализационные тоннели, медленно поднимался по фановым трубам, проникал в подвалы и дома...

Экермен повел их за собой через торговый зал, мимо пустых стеклянных витрин и вниз по лестнице, крытой ворсистым ковром. Луч фонаря выхватывал из темноты то

мягкую мебель, то ряды эстампов на изогнутой лестничной стенке. Наконец луч уперся в коробку с предохранителями и шеренгу литых выключателей. Не говоря ни слова, Солли передал фонарь третьему в компании, Олфорду, и тот опытной рукой направил луч так, чтобы как можно лучше осветить выключатели. Экермен вскрыл один из них, предварительно сорвав свинцовые фирменные пломбы. Затем вынул из сумки маленький прибор с торчащими из него проволочками и прикоснулся ими к сверкающим медью пластинам. Стрелка прибора осталась на нуле.

— Все в порядке, тока нет,— шепнул он.

— Тогда приступим,— также шепотом откликнулся Мензелос.

И они, крадучись, двинулись дальше. Олфорд проворчал:

— Должно быть, здесь кто-то нагадил. Боже, ну и вонища!

— Давай, давай,— раздраженно заявил Мензелос, выхватывая у Олфорда фонарь и шаря лучом по комнате.— Вот он, вон там!..

Луч метнулся в угол и осветил тяжелый черный сейф. В полутьме никто из них не заметил, что над раковиной, притулившейся в противоположном углу, вздымается небольшая шапка пены. Олфорд сосредоточенно осматривал сейф, приговаривая:

— Автогеном тут не возьмешь, это же Паркстоун, высший сорт. Вы только взгляните, четыре засова, два со стороны замка, два со стороны петель. Придется его, голубчика, шпаклевочкой, уж она-то с ним справится, не сомневайтесь...

Потребовалось двадцать минут, чтобы Экермен просверлил в оболочке сейфа четыре глубокие дыры как можно ближе к каждому из засовов. Мензелос распутывал провода, ведущие к цилиндрической горке высокоразрядных никелево-кадмиевых батарей, а Олфорд снял с лестницы ковер и бросил его на полу перед сейфом.

Затем Экермен достал из своей сумки жестянку из-под какао и принялся выгребать оттуда «шпаклевку»— пластичную взрывчатку, раскатывать ее на тоненькие колбаски и запихивать их в просверленные отверстия. Покончив с этим, он воткнул в «шпаклевку», выступающую из дыр, четыре крохотные медные трубочки — детонаторы. С каждого детонатора свисала наружу пара проволочек. И наконец, вытащив шарик модельной глины, он раз-

делил ее на четыре равные части и осторожно, пальцами, обмазал детонаторы так, чтобы из-под глины выглядывали только эти проволочки.

Тогда за дело взялся Мензелос: он подсоединил концы к грубо сделанной разветвительной коробке и, подхватив батареи, повел провода прямо по голым ступеням обратно наверх. Олфорд бережно обмотал сейф лестничным ковром, приперев его для верности двумя стульями.

А пена, выплескивающаяся из сливной трубы, уже разлилась по всей раковине.

— А ну-ка, выметайтесь оттуда! — позвал сверху Мензелос. Олфорд и Экермен, бросив вокруг последний взгляд, поспешили к своему шефу. Все трое встали в углу торгового зала, и Мензелос распорядился: — Выгляни на улицу, Ленни. Чтоб там ни души...

Олфорд приблизился к окну, посмотрел в одну сторону, в другую, убедился, что на улице по-прежнему пусто, и вернулся:

— Все в порядке, никого нет...

Мензелос аккуратно подсоединил один провод к батареям, а другой — к ключу, привязанному сбоку черной тесьмой. Закрыл глаза — и решительно повернул ключ.

Внизу, в подвале, четыре заряда взорвались одновременно. Раздался гулкий грохот, ковер и стулья отлетели на другой конец комнаты, и четыре дыры выбросили четыре огненных язычка. Гангстеры ринулись по лестнице вниз — и тут воспламенился собравшийся в раковине газ.

Пламя распространилось вниз по сливной трубе и через ее подземные разветвления переместнулось в главный коллектор. Весь газ, накопившийся под его сводами, с чудовищным гулом взорвался. Тяжелая чугунная решетка, замурованная в мостовую, волчком взлетела в воздух и с резким звуком грохнулась на тротуар.

Гангстеры уставились на разрушения, открывшиеся им в подвале. Они задыхались от пыли, луч фонаря едва проникал во мглу. Вокруг был совершенный хаос. Штукатурка обвалилась, кое-где за нею последовала и кирпичная кладка. На месте раковины в полу разверзлась зияющая брешь. Искореженная дверца сейфа болталась на одной-единственной петле.

— Ну и ну! — прошептал Олфорд.— Что за взрывчатку ты заложил?

Экермен был в полном недоумении.

— Обычную шпаклевку, только и всего...

— Давайте сматываться,— запаниковал Олфорд.— Моргнуть не успеем, сюда заявятся легавые...

Он двинулся назад к лестнице, но Мензелос схватил его за руку.

— Мы забыли камушки, Ленни...

Экермен уже выгребал из сейфа закопченные бумаги и коробки с драгоценностями. В конце концов он извлек из металлического ящичка три бархатных мешочка с этикетками.

— Вот они, теперь в темпе...

Он перебросил один мешочек Мензелосу, а два других опустил себе в карман.

Где-то над их головами, на улице, заскрежетали шины, лязгнули автомобильные дверцы, раздались приглушенные голоса. Все трое напряглись, силясь разобрать слова. Наверху послышался скрип шагов. Мензелос поспешно погасил фонарь.

— Ни звука, ни звука!..

— Чертова дверь! — шепнул Олфорд.— Они же заметят дырку в двери...

— Заткнись! — отозвался шепотом Экермен.

Гангстеры замерли в полном молчании. Тихо звякнула сталь — Мензелос поставил на боевой взвод свой пистолет. Прошла, казалось, вечность, прежде чем голоса и шаги начали удаляться; снова лязгнули дверцы, зарокотал мотор — и затих за поворотом.

— Подождем еще немного,— сказал Мензелос, вновь включая фонарь.— Переждем здесь, потом выйдем как ни в чем не бывало и вернемся ко мне в берлогу.

— Непохоже, чтобы мы кого-нибудь встретили, Гарри,— заявил Экермен.

— Все хотят дать тягу из зоны, вот почему надо было действовать сегодня. Дальше мы вообще станем здесь полными хозяевами. Даже солдаты на улицу носа не высунут!..

XIII

Мутант-59 сжал центр Лондона мертвой хваткой.

Леденящая декабрьская стужа не останавливала его — он эволюционировал, приспосабливался, делился,— и новые его поколения обучались нападать на новые молекулярные структуры и разрушать их. В поисках пропитания бактерии набрасывались на любые сорта пластмасс, и те размягчались и пузырились, добавляя к общей эпидемии

еще одну вспышку. И повсюду, где бактерии попадали в замкнутое пространство, довольно было искорки или огонька, чтобы газ, достигнув оптимальной концентрации, неизбежно взрывался.

Вся гигантской сложности система — сосуды и нервы, необходимые для нормальной жизни города,— попросту развалилась. Все подземные газовые и водопроводные магистрали, все электрические кабели рассыпались прахом. Повсеместно были хоть какие-нибудь пластмассовые детали, и повсеместно проникали прилипчивые споры или взрослые бактерии, и повсеместно происходили новые и новые разрушения.

Ветер переносил клочья заразной пены с места на место, и они вызывали новые несчастья. И сами люди, не ведая о том, становились переносчиками пластмассовой эпидемии — частички инфицированных веществ приставали к их рукам и одежде.

Вспышки разрастались в строгой геометрической прогрессии.

Как только по радио передали вердикт о чрезвычайном положении, люди кинулись в продовольственные магазины. У каждой лавочки выстраивались очереди. Закусочные в Сохо в мгновение ока оказались опустошенными — те, кто прежде и на дух не выносил маринованную сельдь или чесночную колбасу, теперь закупали их килограммами.

Без всяких видимых причин, словно мина, взлетела в воздух подземная магистраль под улицей Олдвич, вызвав пожар в одной из старинных таверн и обрушив фасад здания телевизионной компании.

На глазах хирурга, который вел срочную ортопедическую операцию в больнице Юниверсити Колледж, пластмассовая трубка, вставленная в вену пациента, обмякла и лопнула под напором жидкости из капельницы, а он, хирург, не в силах был ничем помочь.

В центральной диспетчерской лондонского метро на Кобург-стрит вышла из строя и погасла настенная схема линий. Диспетчеры сидели над чашками с остывшим кофе, тупо уставившись на безжизненные пульты.

В Скотланд-ярде замолк центр радиосвязи с патрульными машинами — разрушилась изоляция в релейном зале.

И хотя большинство серьезных аварий происходило в оцепленной зоне, те, кто покинул ее до начала обяза-

тельной дезинфекции, подчас выносили заразу с собой во внешний мир.

В аэропорту Хитроу диспетчер с ужасом увидел, как одна из кнопок пульта управления отвалилась, приклеившись к его пальцу.

В кузове грузовика, с ревом мчавшегося на север по автостраде М-1, стояли полиэтиленовые бутыли с жидким промышленным цианидом. У самого донышка одной из них, там, где ее коснулся лондонский грузчик, образовалась крошечная выпуклость. Под тяжестью залитой в бутыль смертельно опасной жидкости выпуклость медленно росла, росла — и вдруг лопнула. И из отверстия в кузов, а из-под заднего борта на дорогу капля за каплей начал сочиться яд...

Вдали от столицы на реке Уай некий предприниматель по колено в воде спокойно удил рыбу, как вдруг в изумлении почувствовал, что его болотные сапоги расползаются прямо на нем.

В тишине почти вымерших улиц Джек Бейли устало тащился по снегу домой. Уткнув лицо в воротник старой флотской шинели и напялив поглубже островерхую фуражку — свидетельство его принадлежности к артели бывших военнослужащих, он нес в руках два бумажных пакета со снедью. Повернув с Шафтсбери-авеню на Ньюпорт-стрит, он подумал, что Мэри, быть может, и не сумеет готовить на керосинке. Обогнув автостоянку, заполненную белыми сугробами брошенных на произвол судьбы машин, он ввалился в двери своей полуподвальной квартирки.

Здесь было заметно теплее, но стояла резкая вонь от керосинки. Две свечи на дешевеньком лакированном буфете позволили ему разглядеть жену, которая сидела, обхватив руками грелку и закутавшись в одеяло.

— По радио сейчас передали, что и на улицу выходить нельзя,— сказала она жалобно.

— Знаю. В пивной объявляли перед закрытием. У меня есть инструкция, там сказано, что делать. Чаю нет? Я совсем окочепел.

Она встала, не спуская с плеч одеяло, и, взяв одну из свечей, отправилась на кухню. Потом окликнула мужа.

— Газ поступает еле-еле, но радио говорили, что взорвалась какая-то там труба на Черинг-кросс-роуд. Какое-то там пластмассовое уплотнение. Врут, наверное...

— Все равно не выключай пока. Потеплее будет...

— А монетки для счетчика у тебя есть?

— Да с дюжину наберется.

Она вернулась с подносом в руках — на нем стояли две чашки и свеча.

— Затвори за мной дверь, я пока тут все расставлю...

А позади нее, в полутемной кухне, в раковине вокруг сливного отверстия появился тонкий ободок пены. Мутант-59 поднялся из коллектора, проходящего под квартиркой Бейли, но в стылом воздухе кухни деление клеток замедлилось. Пена стала было подсыхать, и тут вялое пламя газовых горелок слегка подогрело воздух.

Джек и Мэри тихо отдыхали, держа в ладонях чашки с чаем. Мэри покачивалась в кресле, а Джек поглядывал на стопку журналов и брошюр из серии «Умелые руки» и «Сделай сам».

Чем бы еще заняться? Сделать полки в кладовой или потолок в спальне? Мало-помалу он согрелся, веки его смежились, голова упала на грудь. Мэри наблюдала за мужем, улыбаясь своим мыслям. Когда он начал мягко посапывать, она сняла с себя одеяло и бережно накрыла ему колени. Потом она, завернувшись в его пальто, откинулась в кресле, подобрала зачитанную книжку в бумажной обложке и повернулась так, чтобы отблеск оплывающей свечи падал на страницы.

А на кухне пятнышко пены зашевелилось и стало понемногу расширяться.

Почуявший тепло мутант-59 проснулся.

Сложные биохимические сигналы побудили неподвижную протоплазму клеток вновь начать пульсировать и делиться. Бросая вызов законам Дарвина, каждое новое поколение не только наследовало успехи предыдущего, но и находило собственные способы вспарывать молекулы пластмасс, добывая энергию для дальнейшего существования. Мутант научился все шире обращать себе на пользу творения рук человеческих. Проснувшиеся клетки усвоили остатки недоеденной пищи вокруг себя, в раковине образовались пузырьки газа. Один из пузырьков беззвучно лопнул, и несколько мельчайших капелек брызнуло на сушильную доску, которую Джек собственноручно покрыл самоклеящимся пластиком.

В то же мгновение капельки как бы впитались в пластик и исчезли.

Очнувшись в полумраке гостиной, Джек заметил одеяло на коленях.

— Спасибо. А тебе-то тепло?

Она кивнула.

— Как ты думаешь, это надолго?

— Откуда я знаю! Наверное, наведут порядок. В больнице святого Томаса целую кучу ученых старикашек собрали...

— Словно во время бомбежек, верно?

— Ну нет, ведь тогда это длилось целых два года...

— Не знаю, как мы протянем. Керосина у нас литров десять, не больше.

— Все будет хорошо, родная. Я немного позже схожу на этот, как его там, пост и выясню, что творится. Они, похоже, все продумали. У меня тут где-то была инструкция...— Он вытащил сложенный вчетверо листок коричневатой бумаги, по которому бежали жирные черные строчки. К листку была приколота крупномасштабная схема центра города.

— Вот она, я тебе сейчас прочту.

Он принялся разбирать слово за словом. От свечи на бумагу ложились блики, тяжеловесные фразы звучали в его устах нелепо и неестественно.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Провозглашено сегодня в соответствии с законом о чрезвычайных полномочиях от 1920 г., часть I, пункт А. Настоящим удостоверяется, что закон вступил в силу, скрепленный подписью Ее Величества по рекомендации Тайного Государственного совета.

Нижеследующая инструкция составлена ради вашей собственной безопасности. Весьма желательно, чтобы вы отнеслись к ней со всем вниманием и неукоснительно выполняли все ее требования. Эти требования касаются тех и только тех, кто находится в пределах зоны, показанной на прилагаемой схеме.

В связи с введением чрезвычайного положения правительство намерено полностью эвакуировать данный район; это означает, что вы должны будете явиться в один из дезинфекционных центров, обозначенных на схеме. Другой возможности покинуть зону не существует.

Не обременяйте себя багажом и личным имуществом. Оденьтесь как можно теплее, предпочтительно в старое платье, и не берите с собой никаких вещей, сделанных из пластических материалов. Проверьте самым внимательным образом, не осталось ли на вас или при вас каких бы то ни было пластмассовых изделий. Обнаружив таковые, без колебаний оставьте их.

(К примеру, если вы носите зубные протезы, вам придется их снять. Аналогичным образом придется отложить обувь, если ее подошва или верх выполнены из пластика).

В дезинфекционном центре вас попросят снять с себя

всю одежду и пройти через специальную душевую камеру. Ваша одежда тем временем подвергнется обработке паром и будет вам возвращена перед выходом из центра. В отдельных случаях может возникнуть необходимость задержать вашу одежду для дальнейшего исследования. Тогда центр предоставит вам запасное платье взамен изъятого. По выходе из центра вы свободны следовать в любом направлении, но возвращаться в зону категорически воспрещается.

К иногородним

Если вы случайно оказались в зоне, следуйте в один из отелей, перечисленных в приложении А, где вам предоставят пищу и постель. Вам выдадут также номерной нагрудный знак с указанием, в каком из центров вам надлежит пройти дезинфекцию. Следуйте в ближайший из перечисленных отелей без промедления, нигде не задерживаясь и никуда не заходя по дороге.

Эти предписания касаются в равной степени как британских граждан, так и иностранцев.

К жителям района

Если вы постоянно проживаете в пределах зоны, НЕ ВЫХОДИТЕ ИЗ СВОЕЙ КВАРТИРЫ.

Не беспокойтесь о продовольствии: полиция и армейские подразделения доставляют его в район оцепления, и вплоть до эвакуации оно будет распределяться бесплатно.

Внимательно изучите схему и найдите ближайший к вашему дому специальный полицейский пост. С улицы его местоположение нетрудно определить по мигающему красно-белому фонарю, напоминающему по расцветке столбик у дверей парикмахерской.

Что делать с зараженной пластмассой

Если вы заметили признаки разрушения пластмассы, прежде всего НЕ ТРОГАЙТЕ НИЧЕГО поблизости от нее. Пластмасса, подвергшаяся заражению, чаще всего сначала размягчается, потом плавится, а затем на ее поверхности образуются пузырьки, и это сопровождается неприятным запахом, похожим на запах тухлых яиц. Газ, выделяемый пузырьками, взрывоопасен — не пользуйтесь открытым огнем. Если, к примеру, процесс начался у вас на кухне, немедленно выключите все горелки газовой плиты. Если отопление в вашем доме действует от угольной или газовой печи, погасите их.

Вслед за тем сразу же отправляйтесь на ближайший полицейский пост и доложите о случившемся. Инцидентом займется специально обученный персонал.

ЗАПОМНИТЕ:

Ни к чему не прикасайтесь.
Не пытайтесь справиться с инцидентами собственными силами. Немедленно докладывайте о них.

Публичные заведения

Все публичные заведения обязаны прекратить свою деятельность. Это относится к магазинам, распивочным, ресторанам, театрам, кинотеатрам, клубам и к любым другим учреждениям, где собирается много народа.

Средства передвижения

В пределах зоны не разрешается пользоваться какими средствами передвижения, за исключением тех случаев, когда эти средства понадобятся полиции или уполномоченным на то военным и гражданским лицам. Однако, если к вам обратились с подобной просьбой и вы ведете машину по официальному делу, от вас не потребуется ни справки об уплате дорожного налога, ни страхового свидетельства.

Общественный транспорт

Движение общественного транспорта в пределах зоны прекращено до особого распоряжения. Особенно важно, чтобы никто не приближался к станциям и сооружениям метрополитена. Они закрыты, поскольку метро — один из главных источников заражения. Его следует всячески избегать.

Водопровод и канализация

Канализационные магистрали подверглись особо сильному заражению, поэтому их пришлось закрыть.

Независимо от того, живете вы в зоне постоянно или нет, чрезвычайно важно, чтобы вы впредь не сливали что бы то ни было ни в раковины, ни в унитазы. Заполните ванну холодной водой и применяйте эту воду исключительно для питья. Если все же вы будете пользоваться водой для умывания, собирайте ее после этого и храните в степах квартиры. Выливать воду на улицу ни при каких обстоятельствах не разрешается.

Категорически воспрещается пользоваться уборными.

Для отбросов вам будут выданы бумажные мешки, и вы сможете освободить мусорные ящики, залить на дно дезин-

фицирующую жидкость и употреблять их для туалетных нужд.

Особенно важно, чтобы вы никоим образом не смешивали воду для питья, которую обязательно следует кипятить, с водой для умывания. Пренебрежение этим правилом может привести к распространению опасных заболеваний.

Если вы заболели

Если вы или кто-либо из членов вашей семьи все-таки заболели, обращайтесь на ближайший специальный пост, отмеченный на схеме,— вам окажут медицинскую помощь. Тяжелобольные в тех случаях, если их не удастся вылечить в больницах Юниверсити Колледж или Черинг-кросс, будут эвакуированы через дезинфекционный центр «М» на Портлонд-сквер.

Средства связи

Поскольку телефонная сеть полностью вышла из строя, настройте свои радиоприемники на третью программу, по которой ежечасно передаются специальные бюллетени и инструкции.

Ответственность при неповиновении

С введением чрезвычайного положения полиции и другим должностным лицам предоставлены широкие полномочия. Выражая надежду, что в применении карательных санкций нужды не будет, правительство тем не менее настоятельно просит граждан строго придерживаться вышеуказанных рекомендаций. В противном случае их ожидает суровое наказание.

На кухне мутант-59 уже развернулся в полную силу. Пятнышко на сушильной доске пузырилось вовсю, разбрасывая капельки по виниловой поверхности обоев и по лежащим поверх слоя войлока плиткам пластика на полу. Каждая капелька тут же впитывалась, и все вокруг нее размягчалось и шло пузырями.

Потом эти новые пузыри в свою очередь взрывались, рассеивая новые и новые капли. Мгновение за мгновением мутант пожирал кухню Бейли. Прозрачная пластмассовая банка с надписью «Кофе»— на самом деле в ней хранился сахар — вдруг размякла, потеряв всякую форму. Полиэтиленовая миска осела, выгнулась и переверну-

лась, выплеснув заготовленную для омлета яично-молочную смесь. Блестящая клеенка на кухонном столе зашевелилась как живая, и нарисованные на ней цветочки приняли сюрреалистический вид. И наконец, черное мусорное ведро, стоявшее под раковиной, вдруг раздулось и лопнуло, и по полу поползла густая клейкая масса.

По мере того как скорость деления бактерий нарастала, дурно пахнущий газ стал просачиваться из-под двери в гостиную. Джек с отвращением повел носом и кивнул в сторону кухни.

— Какую дрянь ты там держишь?

Секунду-другую он смотрел на жену, потом перевел глаза на листок с инструкцией. Мэри в свою очередь не сводила с мужа расширенных от испуга глаз.

— Господи, неужели ты думаешь?..— начала она.

Они оба поднялись на ноги и одновременно потянулись за свечкой. Джек распахнул дверь в кухню, Мэри, вздрагивая, жалась у него за спиной. Им показалось в полумраке, что вся кухня движется, словно предметы в ней стали одушевленными. Очертания знакомых вещей расплывались, окутанные тихо шипящей пеной.

— О господи, господи!

Она вцепилась ему в рукав, ее трясло.

— А ну, давай отсюда...

Он втолкнул ее обратно в гостиную и заставил сесть.

— А газ, про газ ты забыл? Выключи его скорее...

Бейли бросился в кухню. Погасив обе горелки, он захлопнул за собой дверь и взял жену за плечи.

— Тут сказано — об этом надо докладывать. Я пойду...

— Джек, умоляю, ради бога, не оставляй меня наедине с этим... Не оставляй меня одну!..

— Ничего не поделаешь, надо. Успокойся, все будет в порядке.

— Если ты уйдешь, я здесь одна не останусь, ни за что не останусь!

Она попыталась встать.

— Да я вернусь через две минуты. Ближайший к нам пост — на Кембридж-серкс.— Он показал на кухонную дверь и добавил: — Только не ходи туда, и все будет в порядке.

— Джек, я здесь не останусь...

— Так надо. Я вернусь — оглянуться не успеешь.— И он решительно усадил жену обратно в кресло. Бросил взгляд на дверь, затем на керосинку.— Ее придется поту-

шить тоже. Ведь сказано потушить, верно? — Он прикрутил фитиль и подождал, пока, мигнув, погас голубенький огонек.— Я скоро вернусь!

Она еще раз посмотрела на мужа снизу вверх, из кресла, и плотнее закутавшись в одеяло, как завороженная уставилась на кухонную дверь. Он осмотрелся в последний раз, почти в полной темноте, и вышел.

Она ждала его, дрожа от страха, целых двадцать минут, потом Бейли вернулся, стряхнул с ботинок налипший снег, защелкнул за собою замок и прислонился к стенке, стараясь отдышаться.

— Ну, и что теперь будет? — спросила Мэри.

— Пришлют дезинфекционную команду. Я дал им адрес. Сказали — прибудут скоро, не задержатся...

Еще полчаса они просидели в полутьме, поджидая. Внезапно снаружи, из каменного коридорчика, донесся скрип шагов, а затем громкий повелительный стук.

— Кто там? — первпо отозвался Бейли.

— Дезинфекция. Откройте, пожалуйста!

Бейли встал, отодвинул тяжелый засов, снял цепочку и распахнул двери. Мэри вскрикнула.

За дверями высились три огромные фигуры с громоздкими, как у горноспасателей, фонарями в руках. Все трое были одеты в защитные костюмы с капюшонами и прозрачными щитками, прикрывавшими лица. У каждого поперек груди красовалась черная надпись «Бистон — подразделение химической защиты». У одного был распылитель с баллоном, прикрепленным к спине, второй нес инструменты — лопату, ломики, топор на длинной рукоятке. Третий держал какой-то электронный прибор — на боковой крышке висели моточки проводов со штырьками на концах. Несколько секунд они стояли в дверях неподвижно, и смутные их силуэты в сиянии фонарей напоминали пришельцев из космоса.

Наконец Джек Бейли оправился от изумления:

— Напугали вы нас, черт вас побери...

— Извини, старина, мы этого не хотели,— ответил старший по команде. Голос его за щитком звучал приглушенно.

Они вошли в комнату, осветив ее лучами своих фонарей. Мэри съежилась в кресле. Один из пришельцев заметил это и сказал:

— Да не бойтесь, мамаша, мы вас долго не задержим.— И, обернувшись к Джеку, спросил односложно: — Где?..

— Вон там, на кухне,— кивком показал ему Бейли.

Старший, с сержантскими нашивками на рукаве, подал знак рукой, и они втроем принялись распаковывать свое имущество и раскладывать его при свете фонарей на полу.

— Что вы собираетесь делать? — озабоченно спросил Джек.

Сержант смерил его из-под щитка пристальным взглядом.

— Боюсь, придется устроить тут у вас небольшой кавардак.

— То есть?

— Прежде всего давайте посмотрим...

Сержант осторожно приоткрыл кухонную дверь и посветил фонарем во тьму. Вся кухня, казалось, была в движении, ее заполняли вздымающиеся и опадающие тени. В гостиную потек сырой тошнотворный запах.

— Чтоб мне лопнуть, скверное дело! — высказался сержант и снял с плеча сумку. Из сумки он достал три пары огромных бот, и каждый из троих, прежде чем перешагнуть порог, напялил эти боты поверх ботинок. Сумку они захватили с собой и поставили посреди кухни.

Джек вознамерился было последовать за ними, но сержант круто повернулся и бросил:

— Не входить! Теперь вам сюда дороги нет, оставайтесь в комнате...

Джек отошел ворча, а команда умело и решительно взялась за дело. Один ручной пилой отпиливал провисшую раковину, второй сгребал в кучу искореженные миски и банки, а третий, сжав выступающую рукоять распылителя, принялся качать, свободной рукой направляя струю жидкости из длинного тонкого шланга на пораженные участки. Острая химическая вонь тут же проникла в гостиную.

Мэри сидела, испуганно раскрыв глаза, кашляла, задыхаясь от едкого запаха. Объединенными усилиями трое учинили в кухне совершенный погром. Выдергивая и кромсая поделки Джека одну за другой, они подчистую выскребли из комнатушки всю поврежденную, а заодно и нетронутую пластмассу. А Джек, онемев от потрясения, лишь наблюдал из-за порога, как обращаются в прах плоды его многомесячного труда.

Все свои трофеи команда сразу же складывала в сумку. Виниловая пленка была отделена от стен, клеенка

снята со стола вместе с верхней доской, плитки пластика безжалостно сорваны с пола.

Наконец они закончили. Распухшую сумку переставили поближе к двери, и, прежде чем вернуться в гостиную, каждый стащил с себя боты. Достав из кармана флакон с аэрозолем и потянув за рычажок сбоку, сержант опустил его на пол. Флакон тут же начал яростно шипеть. Сержант, прикрыв за собой дверь, запечатал ее куском клейкой ленты и повернулся к обескураженным супругам. Мэри беззвучно плакала.

— Будет вам, хозяйка,— сказал сержант.— Получите компенсацию, может, даже на шубу хватит...— Он коротко хохотнул из-под маски, потом посоветовал Джеку: — Лучше оденьтесь потеплее...

— Зачем?

— Вы же не можете оставаться здесь, или как?

— Куда мы пойдем? Да и не хочу я никуда идти. Слушайте, что все это значит?

— Вам надо пройти дезинфекцию, вот что. В общем собирайтесь. До вокзала Черинг-кросс рукой подать. Всего-то десять минут ходьбы. Я дам вам пропуск, чтобы вас никто не задерживал.

— Но почему,— воскликнула Мэри,— почему мы должны куда-то идти? О господи!..

Она залилась горькими слезами.

— Послушайте, дорогая моя,— сержант начал терять терпение,— против вас лично никто ничего не имеет. Вы подверглись инфекции, так? Значит, вас надо дезинфицировать, так? Давайте двигайтесь, у нас еще десять вызовов, мы не можем торчать тут с вами всю ночь...

Пока он увещевал ее, двое других ловко складывали свое снаряжение. Верх сумки был накрепко перевязан, команда приготовилась уходить. Сержант, достав из внутреннего кармана карточку, черкнул на ней два слова восковым карандашом и вручил Джеку.

— Вот вам пропуск. Собирайтесь, и чем скорее, тем лучше. Извините, хозяйка,— добавил он, адресуясь к Мэри.— Доброй вам ночи...

Все трое разом повернулись и, тяжело ступая, вышли из квартиры.

Супруги Бейли молча глядели им вслед. Свечка оплыла и едва горела. Почти не отдавая себе в том отчета, Джек обнял Мэри за плечи.

XIV

Бьюкен опустил телефонную трубку на рычаг.

— Звонили из лаборатории в больнице святого Томаса,— сказал он.— Они подтверждают наши выводы. Получили микроснимки и сейчас пытаются идентифицировать эти самые бактерии. Ничего не получается: бактерии не похожи ни на один из знакомых науке видов. Меня это не удивляет...

Бетти сунула голову в дверь и объявила:

— Я опросила все больницы.— Она была бледна.— Все, куда сумела дозвониться, кое-где телефоны просто не работают. Их нигде нет, никаких следов. И в списках жертв их имена тоже не значатся. Даже не знаю, что еще можно предпринять...

Тут она подняла глаза и заметила стоящего неподалеку от двери Креймера. Она попыталась сказать что-то еще, но Креймер остановил ее взмахом руки:

— Ладно, Бетти, я слышал — новостей у вас нет.

Он тяжело опустился в кресло. Телефон зазвонил снова, и Бетти ответила:

— Да, да... Да, он здесь. Хорошо, сейчас позову.— Она передала трубку Креймеру.— Вас вызывает НАСА, Нью-Йорк.

— Креймер слушает,— отрывисто бросил он.— Кто? Ах, это вы, Маркер,— как поживаете? И что же вы хотите? Понимаю, ну что ж, вам надо быть в курсе дела. Да, мы уже выяснили. Нет, аминостирен тут ни при чем. Откуда я знаю? У нас есть доказательства. Послушайте, Маркер, материал ни в чем не виноват, причина совершенно иная... нет же, нет!.. разумеется, я могу это доказать. Это бактерия, микроб! Нет, я не шучу, действительно микроб. У нас уже собраны все данные. Считайте, что вам будет угодно, а материалы у нас первоклассные. Ну что ж, придется поверить. Когда? Завтра, в десять тридцать? — Он бросил взгляд на часы.— Минус шесть поясных часов, значит, как раз успею, если сейчас же вылететь. Что? Допустим, но если они не поверят вам на слово, я привезу им эти чертовы доказательства сам! Сказал — буду, значит, буду. Хорошо, до свидания...

Он швырнул трубку на аппарат и откинулся в кресле.

— Честно говоря, их трудно винить...

— В чем дело? — поинтересовалась Бетти.

— Завтра в десять тридцать по местному времени в Нью-Йорке состоится заседание закупочной комиссии

НАСА. На повестке дня вопрос об аминостирене — безопасен он или нет. В случае отрицательного решения мы потеряем контракт и отчисления на сумму полтора миллиона долларов. Закажите мне билет до аэропорта Кеннеди.

— Но как же...— начала, но тут же осеклась Бетти.— А что будет с Анной? Ведь так и не известно, где она...

Ответ прозвучал подчеркнуто сухо:

— Будьте любезны заказать мне билет на ближайший самолет, следующий в аэропорт Кеннеди. Я пойду уложу вещи.— Он широкими шагами направился к двери и вдруг обернулся к Райту.— Приготовьте мне препараты бактериальных культур, такие же, как те, что мы использовали здесь. Препараты поместите в металлическую коробку, стерилизуйте ее снаружи и запечатайте в парафин, понятно? Я возьму эту коробку с собой. Да, и еще присовокупите парочку микроснимков из той серии, что вы сделали. Придется пустить в ход все доказательства, какими мы только располагаем...

И он вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Напрягая зрение, Джеррард всматривался в глубину платформы. Пламя костра неожиданно поднялось и разогнало мрак ровно настолько, чтобы он различил вдалеке деревянную будку блокпоста. На секунду ему почудилось, что там, в будке, что-то движется, но тут пламя некстати опало.

Превозмогая боль, он поднялся на ноги и подошел к своей одежде. Она высохла и торчала колом, но, как только он натянул ее, ему стало тепло и уютно.

— Осторожнее,— шепнула Анна.

Он вытащил из костра тлеющую головешку, раздул из угольков огонь и, подняв факел высоко над головой, направился в сторону блокпоста.

В будке было запыленное стекляннное окошечко. Дощатая дверь оказалась приоткрытой и без труда повернулась на петлях; он еще раз дунул на головешку, чтобы огонь разгорелся поярче, и шагнул внутрь.

Большую часть механизмов давным-давно разобрали и увезли, но в полу до сих пор торчали массивные железные рычаги с захватами для проводов, а на дальней кирпичной стене висела выцветшая схема путей. В той же стене была утоплена и другая дверь, крест-накрест забитая досками и запертая на висячий замок. Дверная рама держалась на болтах, прочно вогнанных в кладку.

Джеррард ощутил прилив сил. Это выход!

В одном месте доска слегка отошла. Приблизив лицо к щели, он услышал тонкий пронзительный свист: снаружи била струя свежего холодного воздуха. Джеррард отступил на шаг, приглядываясь к замку. Ну, это будет несложно: сорвать его, и... Сзади раздался какой-то звук, словно кто-то резко вздохнул. Он обернулся, вглядываясь во мглу, но тут у него под черепом разом взорвалась тысяча разноцветных огней.

Пошатнувшись, Джеррард выронил головешку. И сразу же на него обрушился новый удар. Он соскользнул по стене и потерял сознание.

Очнулся он от вкуса крови во рту и тупой боли в затылке. Открыв глаза, он обнаружил, что, в сущности, ничего не видит. Прошло какое-то время, прежде чем он осознал, что над ним озабоченно склонилась Анна.

Он был опять у костра и лежал на брезенте. Попытался было приподнять голову, но боль нестерпимо усилилась. Поднял руку — и нащупал в волосах коросту запекшейся крови.

— Что случилось? — едва шевеля губами, спросил он и, собравшись с силами, повторил более отчетливо: — Что случилось?

— Не знаю,— ответила Анна озадаченно.— Вероятно, вы упали и ударились...

Джеррард покачал головой и поморщился от нового приступа боли.

— Ничего подобного,— сказал он.— Не я ударился, а меня ударили.

— Откуда вы знаете?

— Вы все время были здесь? — медленно выговорил Джеррард.— Вы ничего и никого не видели?

— Ничего,— ответила Анна.— Да разве тут есть кто-нибудь, кроме нас?

Джеррард поднес руку с часами к самому лицу, пытаясь разглядеть стрелки. Было семь — значит, он провел в беспамятстве без малого два часа.

— Думаю, что там можно выбраться,— Джеррард встал, слегка покачнувшись. Анна хотела поддержать его, но он отмахнулся и, повернувшись спиной к костру, показал на дальний конец платформы.— Там есть дверь. Дверь деревянная, она забита, но, по-моему, мы пройдем...

— У нас нет инструмента,— возразил Слейтер.— Я оставил его в том тоннеле...

— Думается, мы сумеем выбраться другим способом,— ответил канадец и снова ткнул пальцем куда-то вдаль.— Там, у самого блокпоста, свалены старые банки с краской. Ее, наверное, можно поджечь...

— А это не опасно? — осведомилась Анна.

— У вас есть какие-нибудь другие предложения? — Джеррард сам не ожидал, что окажется столь нелюбезным.— Голыми руками нам дверь не высадить. Но будка деревянная, она сгорит быстро. А кроме того,— добавил он,— у меня есть свои причины на то, чтобы именно поджечь ее...

Спутники не без любопытства посмотрели на Джеррарда, но мешать не стали, и он принялся сгребать обломки древесины, пинками сгоняя их по платформе к блокпосту.

Собрав у стен будки изрядную кучу дерева, он не стал больше открывать дверь, а взял старую ржавую жестянку, вышиб каблуком дно и обильно полил всю кучу влажной поблескивающей краской. Наконец, вытащив из костра новую пылающую головню, подошел к будке вплотную.

— А теперь,— сказал он нарочито громко,— теперь я все это подожгу. Полыхнет, как бомба...

Он поднял головню, покрутил ею в воздухе, чтобы пламя разгорелось как следует, и отступил на шаг.

И тут раздался вопль. Из будки на перрон вывалилась страшная, потерявшая человеческий облик фигура. Первис!

Лицо бывшего бизнесмена почернело от сажи, волосы спутались и покрылись грязью, костюм превратился в лохмотья. В одной руке Первис сжимал увесистую, больше метра длиной, палку, в другой — фонарь Джеррарда. Анна сдавленно вскрикнула. Слейтер бросился вперед. Первис дико глянул на них и замахнулся палкой.

— Уходите,— рявкнул он.— Все уходите! Прочь от меня, прочь!..

— Первис! — позвал Слейтер.— Какого черта вы там прятались?

Джеррард схватил его за руку и оттолкнул в сторону.

— Держитесь от него подальше. Он свихнулся...

Первис медленно опустил палку. Он сверкал глазами, словно загравленный зверь, а губы его по-прежнему лепетали:

— Прочь... прочь!.. Уходите, все уходите!.. Не трогайте меня... уходите... убирайтесь вон!..

— Ну-ка, бросьте свою дурацкую палку,— приказал, выступив вперед и протянув руку, Слейтер.— Отдайте ее мне!

— Осторожнее! — предупредил Джеррард.

Не успел он договорить, как Первис кинулся на Слейтера. Одной рукой схватив его за отвороты пальто, он ухитрился поставить Слейтера на колени, а другой — занес палку над его головой.

— Берегитесь! — закричала Анна.

Джеррард стремительно поднял факел, который так и не выпускал из рук, и метнул его в кучу пропитанного краской дерева. Досочки шевельнулись от толчка и тут же вспыхнули яростным пламенем. Первис отшатнулся, потерял равновесие и неуклюже, спиной, грохнулся с перрона на шпалы. Придя в себя, он затряс шевелюрой, как раненое животное, и начал шарить в пыли в поисках оброненной палки.

Джеррард поднял фонарь и посветил вниз. Первис дико дернул головой, заслонил рукой глаза от света, а потом повернулся и побрел, прихрамывая, подальше от людей, в тоннель. Несколько секунд — и он исчез в темноте. Все трое еще долго слышали его тяжелые шаги.

Тогда кападец отвел своих спутников от края платформы.

— Пусть идет, куда хочет. Далеко в таком состоянии ему не уйти.

Они обратили свои взоры на пылающую коробку блокпоста. Доски, которыми была заколочена дверь, уже начали коробиться от жары, отваливаясь от рамы.

— Как же мы справимся с огнем? — беспокойно спросила Анна.

— Я видел там несколько старых пожарных ведер,— ответил Джеррард.— Остались, видимо, со времен войны...

И они снова двинулись вдоль перрона. У самого замурованного выхода стояло с полдюжины красных, сильно поржавевших ведер, давно не ведавших воды.

— Откуда же мы возьмем воду? — осведомился Слейтер.

Джеррард показал на смотровой колодец в центре платформы.

— Придется использовать эту дрянь.

Анна скорчила гримасу, но другого выхода не было. Привязав к дужке ведра пояс Слейтера, они опустили ведро с краями в густую пенистую жидкость. Вскоре все ведра были наполнены. Но прошло еще не менее получаса, прежде чем древесина выгорела и они смогли приблизиться к пожарищу. От блокпоста уцелела лишь закопченная черная рама. Она еще была раскалена, зато доски двери прогорели почти насквозь. Сильный сквозняк швырял им в лица снопы искр и пепел.

Джеррард, кое-как подобравшись к заветной цели, ударил в дверь ногой и выбил несколько обуглепных досок. Еще два удара — и дыра расширилась настолько, что могла свободно их пропустить. С наружной стороны тянуло ветром, который в сравнении с дымным воздухом станции казался холодным и чистым.

Канадец огляпулся. Слейтер старательно раздирал на полосы брезент, обматывал ими концы полуобгоревших досок и окунал в жестянку с краской, сооружая примитивные факелы.

— Не мог смириться, что все идеи до сих пор были вашими,— подмигнул он Джеррарду.— На какое-то время этого хватит...

— А потом? — спросила Анна.

— Сделаем про запас,— ответил Слейтер.

Джеррард выбрал один из факелов и ткнул им в огонь; факел загорелся, и канадец поднял его высоко над головой. Краска пылала, с треском разбрасывая вокруг огненные капли. Одна из капель обожгла Джеррарду щеку.

И снова он — в который раз — не мог не подивиться неправдоподобности ситуации. Они были замурованы в чреве огромного города, они выпили последнюю воду, съели последнюю пищу, и в довершение всех бед у них за спиной прятался безумец, жаждущий убить их по какой-то своей парапондальной прихоти.

В голове пульсировала тупая боль. В свете факелов на платформу падали резкие тени. На дальней стене виднелись изъеденные временем рекламные плакаты: какие-то консервы, сигареты «Крейвен Эй»— таких он при всем желании не мог и припомнить,— какао «Бурнвиль», два младенца на автоматических весах и под ними подпись «В здоровом теле здоровый дух»...

— Нарисовать бы на стенке парочку антилоп и еще какую-нибудь охотничью сцену,— пошутил Джеррард.

Слейтер ответил кривой усмешкой;

— Если мы не выкарабкаемся отсюда, единственное, что появится на стенке, будет традиционное «Покойтесь с миром»...

— Уж это вряд ли,— улыбнулся Джеррард. Он сделал несколько шагов и обернулся: — Не спускайте с меня глаз. Как-то не хочется снова получить по затылку...

И он переступил через обгорелый дверной остов. За дверью был недлинный кирпичный коридорчик, и вот он оказался на дне круглой вертикальной шахты метров пяти в диаметре. Воздух здесь был просто ледяным. Дно выстилали потрескавшиеся бетонные плиты, сквозь трещины просвечивала вода. Стены были сложены из кирпича, кое-где выступали железные каркасные ребра. Метрах в семи-восьми над головой располагались два выступа, соединенные частоколом железных прутьев,— Джеррарду припомнились старые зарисовки Ньюгейтской тюрьмы.

Подошла Анна и принесла еще один зажженный факел. За ней следовал Слейтер, один факел в руке, остальные в свертке под мышкой.

Свет трех факелов, залив основание шахты, проник до самого верха. Шахта тянулась в высоту, казалось, метров на тридцать, и там, наверху, едва виднелись два круглых отверстия.

— Вот откуда свежий воздух,— сказал Слейтер.— Это выход — если, конечно, сначала забраться наверх...

— Но как? — удивилась Анна.

— Вскарабкаться по стене,— предложил Джеррард.

— В жизни не сумею,— заявила Анна.

— Я тоже,— поддержал ее Слейтер.— Я боюсь высоты.

Джеррард приблизился к стене вплотную и внимательно осмотрел ее. По обеим сторонам вертикальной каркасной балки шли ряды крупных заклепок, сантиметров пяти в диаметре, они выступали над поверхностью сантиметра на три-четыре. Взобраться по ним будет нелегко.

— Попробую. Надеюсь, что влезу,— произнес он.— Достать бы веревку, тогда и вас втяну следом...

Он начал подъем. Мышцы болели и не желали слушаться. В неверных отблесках факелов разнородные железки, за которые он хватался и на которые опирался ногами, сначала, казалось, вырастали в размерах, а потом словно съеживались. Тени вытягивались и сжима-

лись, ему чудилось, что он карабкается в каком-то сюрреалистическом кошмаре, где все лишено надежности и даже самый металл колышется, словно море, — то прилив, то отлив...

И все же Джеррард взбирался все выше и выше, приближаясь к округлым жерлам, темнеющим над головой.

Свет факелов едва доходил сюда, но его все-таки хватило, чтобы разглядеть два круглых отверстия — нижние срезы двух более узких шахт. Они имели метра по полтора в поперечнике.

Как Джеррард и ожидал, узкие жерла оказались изнутри совершенно гладкими, если не считать полоски очень мелких заклепок. Опоры ни для рук, ни для ног здесь не было никакой. Подняться по этому стволу можно было только так, как поднимаются по трещинам в скалах альпинисты: упираясь плечами и подошвами в противоположные стенки и сантиметр за сантиметром перемещаясь вверх.

Но сначала надо было еще забраться внутрь ствола. Единственный способ сделать это — подняться в рост и, оттолкнувшись от последнего из поперечных ребер, одним движением бросить свое тело в пустоту так, чтобы руки уперлись в дальний от него край узкой шахты. Тогда он окажется распят, подвешен наискось между стенкой основной шахты и краем верхнего ствола. Росту в нем хватит — сто восемьдесят восемь,— но любая ошибка, и он тут же окажется на дне, рядом с Анной и Слейтером.

Потом ему предстоит перенести в узкую шахту ноги — одну, а за ней и вторую, ни на секунду не ослабляя рук, прижатых к противоположной стене, но если даже это удастся, пути назад больше не будет. Останется только дорога вверх. И в случае малейшего промаха — падение с тридцатиметровой высоты.

А что ждет его наверху? Что если ствол приведет к железной решетке, сквозь которую он не сможет пробиться? Он будет тогда висеть на этой решетке, не в силах привлечь внимания прохожих, висеть, пока руки не разожмутся и тело не рухнет вниз...

А если шахту венчает характерная для вентиляционных колодцев коническая крышка? Тогда схватиться будет просто не за что,— тогда выхода вообще не будет, вернее, путь будет только один — вниз...

Лучшее, на что он мог рассчитывать,— где-нибудь

выше ему встретится изгиб, и если удастся заползти в горизонтальную часть ствола, то можно попытаться и пробить его. Металл проржавел и был не слишком прочен. Но что это даст? И если уж задумываться о толщине металла: не случится ли так, что вертикальная секция, не выдержав его веса, проломится, когда он вынужден будет давить на нее изо всех сил?

Он посмотрел вниз. К горлу подкатила тошнота.

Анна и Слейтер теперь сидели, привалившись друг к другу, свои факелы они сунули в трещины бетонного дна. Долго им так не продержаться. А если даже и продержатся, то кто и когда их найдет здесь? Нет, выбора у него не было — вверх, только вверх! Джеррард приготовился к самому рискованному броску в своей жизни.

Трижды он напрягался и трижды его охватывала волна слабости и нерешительности. Он понимал, что в таком состоянии его ноги просто не сообщат ему необходимого толчка. Он скорчился, припав к стене, его била дрожь, он ощущал себя таким бессильным, таким усталым — и вдруг лицо ему опалило чувство стыда, а на смену стыду пришел яростный гнев.

Все, что он помнил, все, о чем мог рассказать потом,— это то, что тело его вдруг словно само по себе напряглось, изготовилось и, будто пружина, распрямилось спиной вперед в пространство. Вытянутые за головой руки уперлись в края ствола, плечи глухо ударились о дальнюю его стенку, и ноги рванулись вверх. Какую-то долю секунды, он, казалось, висел в пустоте, но вот его подошвы коснулись противоположной стены, он выпрямил ноги и замер.

Еще мгновение он отдыхал. Снизу до него донесся сдавленный крик, но он не мог себе позволить взглянуть туда. Даже мимолетный взгляд вниз — и он мог бы сорваться. Теперь он уже буквально не мог остановиться, он должен был двигаться беспрерывно, расклинивая собой стены ствола и сантиметр за сантиметром продвигаясь вверх, как альпинист в расщелине. Назад пути не было, и он собрал последние силы.

Несколько долгих минут он ничего не видел, не слышал, не воспринимал. Напряжение было таким, что он просто ослеп от пота. В ушах барабанным боем стучала кровь, рот и горло пересохли до окостенения. Как зверь, который отчаянно рвется на волю, к свету, он полз вверх, вверх и вверх, беспрерывно шаря руками по стенам в поисках вожделенной опоры.

Наконец он остановился — тело наотрез отказывалось двинуться дальше. Он конвульсивно хватал ртом воздух, непроизвольно коротко всхлипывая. Стены ствола усиливали этот звук. Хоть на секунду расслабиться бы — но тогда, как мешок картошки, он со свистом рухнет на далекое дно. Он осторожно глянул из-под локтя вниз. Все, что он мог различить там,— тусклое мерцающее пятнышко света. Наверху все по-прежнему было черно, словно заткано темным саваном.

Он сжал волю в комок и сделал еще одно усилие. Но едва он пошевелился, как тут же оскользнулся и чуть не упал, притормозив лишь в последнюю долю секунды.

И вдруг, к вящему его ужасу, спина словно потеряла опору; стенка, казалось, утратила свою прочность, он забился в безотчетной панике, вновь едва не потеряв ненадежного равновесия, пока до него не дошло, что это значает изгиб ствола. Тогда он выжал себя еще дальше вверх и в сторону, за поворот, и в конце концов почувствовал, что лежит на спине, подняв ноги над головой. Теперь он опирался на стену ствола всем своим весом и мог не давить на нее больше ни ногами, ни руками.

Облегчение было несказанным, и он лежал так, не двигаясь, целых пять минут. Воздух здесь, казалось, был еще свежее и чище, чем в шахте. Джеррард осторожно перевернулся на четвереньки и пополз. Потом достал из кармана фонарь. Луч совсем ослабел, но он сумел различить впереди новый поворот под прямым углом и еще одну вертикальную секцию. Как только он дополз до поворота, он понял, что сверху просачивается бледный, голубоватый дневной свет. Он выключил фонарь, медленно перевалился на спину и поднял глаза. Метрах в трех над его головой была решетка, и сквозь нее... сквозь нее виднелось небо!

Самообладание вдруг изменило ему. Несколько минут он просто лежал, глядя на решетку, и по лицу его текли слезы. Одолеть последний участок оказалось относительно несложно; Джеррард вцепился в прутья решетки и прислушался. Где он? Снаружи была полная тишина. Он тряхнул головой, чтобы прочистить уши,— и вновь ни звука. В какой же это район Лондона он попал, если здесь только небо и тишина? Лондон никогда не знает безмолвия. В душу закрался страх: что случилось? почему тишина?

Все, что он мог увидеть из-под решетки, была какая-то глухая стена. Он попытался крикнуть, сглотнув слю-

ну, но из горла вырвалось лишь сухое блеяние. Вцепившиеся в решетку руки ныли от напряжения. Он осмотрел края решетки в надежде установить, как она открывается. Может быть, какая-нибудь щеколда, болт? Ровным счетом ничего. Он кричал, кричал снова и снова, пока не затрясся всем телом в неудержимых рыданиях. Никто не отзывался.

Он прилип к решетке, как обезьяна, непристойно ругался, плакал навзрыд, но в ответ — ни звука. Наконец, в припадке бессильной ярости, чувствуя окончательное крушение всех надежд, он с размаху пнул ногой по стенке ствола. И нога... провалилась. В испуге он стиснул прутья мертвой хваткой и закачался на вытянутых руках. Потом снова поднял ногу и опасливо ощупал стену подошвой. Рискуя жизнью, отпустил одну руку и вытащил из кармана фонарь.

Ему удалось выбить кусок обшивки! И там, за обшивкой ствола, проглядывала какая-то полость. Он посветил тусклым лучом в пробоину и различил еще одну стену и ступеньку под ней. С лихорадочной быстротой он спрятал фонарь, поднял обе ноги и, согнув, ударил ими по расшатанной обшивке.

Он раскачивался словно маятник. Один удар, второй, третий — на третий раз обшивка не выдержала. Он забросил ноги в рваную дыру, сделал еще рывок — и мешком рухнул вниз, на ступеньки. Ступеньки вели к деревянной двери. Он исчерпал свои силы до дна. Подняться по этим ступенькам стоило ему громадных трудов. Он одолевал каждую ступеньку, как дряхлый старик.

Когда он вытянул руку и коснулся замочной скважины, дверь поплыла перед его глазами. Окажись она запертой, у него ни за что не хватило бы сил ее выломать. Он повернул ручку. Безуспешно. Повернул опять, потянул к себе. Дверь неожиданно подалась, и резкий порыв ледяного зимнего ветра швырнул ему в лицо облачко морозной пыли.

Джеррард вывалился на волю.

XV

Маленький дворик занесло снегом чуть не по щиколетку. За свой долгий подъем Джеррард пропотел на столько, что теперь на ледяном ветру его одежда сразу же одеревенела.

Кругом стояла полная тишина. В крохотный, обнесенный стенами прямоугольник не проникало ни шума уличного движения, ни скрипа шагов по снегу.

В дальней стене виднелась еще одна дверь, он подошел к ней — заперта. Он выругался и тут же улыбнулся. После всего, что он одолел при подъеме, такое препятствие не должно казаться серьезным. Осмотревшись, он заметил у стены лестницу, полузаметенную снегом. Оставалось лишь приставить ее к стене, взобраться и перекинуть тело на другую сторону. Тяжело плюхнувшись на землю, он очутился среди темных вечнозеленых кустов. Какой-то садик, но какой и где?

Продравшись сквозь кусты, он вышел к чугунной ограде, отделяющей садик от улицы. Сначала Джеррард просто не поверил своим глазам. Улица казалась знакомой. Широкая мостовая, разделенная посередине полоской платных автостоянок с их непременными счетчиками. Чуть дальше она делилась надвое, огибая островки кустарника.

Словно какая-то защелка в памяти стала на место — он неожиданно понял, что это Портленд-плейс. Вон там, немного дальше, здание Би-би-си, а с другой стороны — Риджентс-парк. Но что-то было неладно, очень неладно. Джеррард бросил взгляд на часы — ровно пять.

Пять часов пополудни, семнадцать ноль-ноль, пять вечера. Куда же делся весь транспорт? Да нет, сейчас не может быть пяти. В пять уже совсем темно. Сейчас, должно быть, гораздо меньше, и все-же... и все же нигде ни одной машины. Никакого движения, никаких признаков движения, только откуда-то издалека чуть доносится слабый рокот. Ни в конторах, ни в жилых домах не видно огней. И насколько хватает глаз — ни одного прохожего!

Он перелез через ограду и упал. Снег на тротуаре лежал почти совершенно нетронутый — ни следа ног, лишь на мостовой, по всей ее ширине, две-три колеи, оставленные тяжелыми ребристыми покрышками.

Он пустился по Портленд-плейс к центру, держась между двумя рядами стояночных счетчиков и инстинктивно избегая опустевшей мостовой. Охватив себя руками, чтобы как-то сберечь тепло, он трусил по направлению к Оксфорд-серкс. Вокруг одни незрячие фасады — ни проблеска света. Вся улица вымерла, замкнулась в себе, словно разразилась атомная война. Стылый воздух жалил тело сквозь одежду, и с каждым шагом оно все

глубже утопало в безвольной слабости полного изнеможения.

Кое-как, едва передвигая ноги, он доплелся до Аппер-Риджент-стрит; город представлялся покинутым. Жалюзи на окнах были опущены, двери заперты и забраны засовами.

Он прошел мимо музыкального магазина, мимо кинотеатра, рекламирующего фильм под пророческим названием «Паника на улицах», и добрался до ресторанчика. Здесь он задержался, с надеждой заглянув внутрь, но за стеклянными витринами не оказалось никакой еды. Ни обычных здесь пирожных, ни ромовых баб, ни ломтей шоколадных тортов. Полки из нержавеющей стали блистали совершеннейшей пустотой. Над всем висело тяжкое зловоние.

Внезапно краешком измученного разума он уловил какое-то движение за спиной — что-то отразилось в зеркальной витрине. Джеррард обернулся. На противоположной стороне улицы, чуть подальше в сторону центра, была открыта дверь, возле нее молча копошился человек. Джеррард на негнущихся ногах бросился к нему.

Толстый ковер снега скрадывал шаги, и Экермен увидел канадца только тогда, когда тот едва не толкнул его. Тут он обернулся, машинально приняв защитную стойку и сунув руку в карман за пистолетом.

Мензелос и Олфорд вышли из двери за спиной Экермена в тот самый миг, когда подбежал Джеррард.

Канадец задыхался, он совершенно выбился из сил. Чтобы не упасть, он схватил Экермена за руку, не замечая, что его отнюдь не торопятся поддержать; вся троица замерла в странной неподвижности, пристально вглядываясь в лицо нежелательного свидетеля.

— Я... нас завалило... их надо вытащить... они все еще там...

Волна непреодолимого головокружения накрыла Джеррарда, колени у него подогнулись. Олфорд едва успел поймать его и поддержать, чтобы он не упал.

— Он видел, как мы выходили отсюда...

Экермен показал на ювелирный магазин у них за спиной.

— Да он и так почти окочурился,— отозвался Олфорд.— Оставим его тут, он загнется — и концы в воду...

— Ну уж нет,— Мензелос быстро принял решение.— Возьмем его ко мне.

— К тебе? Как это?

— Слышали, что я сказал? Он нам пригодится. Взваливайте его на спину и пошли!..

Немного позже Джеррард очнулся в квартире Мензелоса; он сидел ссутулясь в кресле и в руке у него была большая рюмка бренди. Гангстеры расположились вокруг и с каменными лицами следили за каждым его движением. Потом Мензелос разложил на колене карту и махнул рукой в сторону бутылок, выстроившихся на полках бара в углу.

— Если хотите, налейте себе еще...

Джеррард кивнул и направился к бару. Он отогрелся, но в то же время чувствовал невероятную усталость; спиртное ударило в голову, и возвращаясь к креслу, он слегка пошатнулся. Мимоходом, почти безотчетно он заметил рукоятку пистолета, торчащую из кармана Экермена. Мензелос перехватил этот взгляд. Канадец поставил рюмку на стол и нетвердо поднялся на ноги.

— Мне надо идти. Надо доставить образцы в больницу святого Томаса.

Он двинулся к двери и, в сущности, совсем не удивился, когда Олфорд поспешно загородил ему путь, сунув руку в карман.

— Не выйдет, доктор...

— Доктор? Откуда вы знаете, что я доктор?

— Пока вы не оклемались, мы успели немножко пошарить у вас за пазухой.

— Послушайте! Но вы не можете не отпустить меня. Там, внизу, остались люди. Я должен им...

— Доктор Джеррард,— спокойно перебил его Мензелос,— Солли, вот этот, подле меня, полагает, что вас следовало бы убить...

— А я-то думал — вы спасли мне жизнь...

— Не люблю убивать, рискованное это дело, но вам придется нам помочь...

— А если я не захочу?

Экермен подался вперед. Мензелос продолжал:

— Вы хотите доставить свои образцы в больницу, вы хотите помочь своим друзьям. Мы тоже хотим выбраться отсюда, вот и давайте поможем друг другу. Позвольте-ка мне, док, взглянуть на эти ваши образцы.

Он протянул руку. Джеррард нехотя достал из кармана металлическую коробочку. В коробочке лежали флакон и пробки, выловленные под платформой метро.

Мензелос тут же выхватил все это у канадца. Джеррард попытался протестовать.

— Вы получите свои сокровища обратно, док,— Мензелос приподнял крышку коробочки.— А ну-ка, Солли...— Экермен вынул мешочки с бриллиантами.— Они прекраснейшим образом войдут сюда же, только заверни их во что-нибудь еще, чтобы смотрелись по-врачебному...

Экермен принялся втискивать мешочки рядом с добычей Джерарда, а Мензелос расстелил карту на полу. Потом он поднял взгляд на канадца и начал:

— Ну, так вот...

Вчетвером они быстро вышли пустынными улочками к Пикадилли, пересекли ее и направились к вымершей, нереальной Трафальгар-сквер. Надвигались сумерки. Пройдя через площадь, они остановились на углу улицы Уайтхолл и опасливо осмотрелись. Щебетали птицы — больше нигде ни звука. В дальнем конце улицы, у памятника жертвам первой мировой войны, на снежном фоне резко выделялось протянутое поперек заграждение из колючей проволоки. За ним нелепо приткнулись три автомобиля: большой военный грузовик, броневичок и длинный оливкового цвета фургон. Гангстеры замешкались.

— А ты ручаешься?..— Экермен не докончил фразы.

— У нас нет выбора,— заявил Мензелос.

Экермен вынул пистолет из кармана и пихнул им Джерарда в спину. Тот не пошевелился. Мензелос покачал головой, наклонился и отобрал оружие. Затем, вытащив носовой платок, он тщательно обтер пистолет и опустил его в решетку канализации.

— Эй! — воскликнул Олфорд.— Какого черта?..

— Он нам ни к чему,— ответил Мензелос.— Что с него проку, они нас все равно разденут догола. Надо иногда шевелить мозгами...

— А с ним как?— Экермен кивком показал на Джерарда.— Заложит нас этот сукин сын, как пить дать, заложит, пока мы будем там валандаться...

Мензелос медленно приблизился к канадцу.

— Солли прав. Когда мы доберемся туда,— он махнул рукой вдоль улицы,— вас уже не остановишь. Пересечете кордон и тут же преспокойненько нас заложите. Что вы мне на это скажете, док?

Экермен высунулся из-за плеча своего шефа:

— Попробуй только выкинуть такой номер, гад, я из тебя омлет сделаю...

— Я не знаю, что у вас в мешочках,— начал Джеррард,— и, повторяю, не хочу знать. Все, что мне надо,— это перейти через реку и попасть в больницу. Даю вам слово...

— Доверьтесь чести джентльмена,— ухмыльнулся Олфорд.

Мензелос устремил на Джеррарда пристальный взгляд, безмолвно изучая его лицо, и вдруг, протянув руку, ловко выхватил коробочку с образцами у него из кармана.

— А теперь передайте мне свои документы, док!

— То есть как?...

— Документы, живо, они у вас в кармане. Не отпирайтесь, мы их видели собственными глазами.

Джеррард нерешительно залез во внутренний карман пиджака и вытащил бумажник. Мензелос тут же взял его.

— Говорю вам, я и знать не знаю, чем вы занимаетесь. Я...

— Напрасно вы полагаете, док,— сказал Мензелос,— что я безмерно доверчив. Слушайте меня внимательно. Ваши образцы у меня, документы тоже. Я доктор Джеррард, а вы — никто. Они там,— он показал пальцем вдоль улицы,— людей не задерживают, выпускают в темпе. Вам надо доставить ее,— он помахал коробочкой,— в больницу, вам надо выручить своих друзей из подземки. Мы в вас больше не нуждаемся, это вы нуждаетесь в нас. Так что давайте-ка выберемся все вчетвером наружу спокойно и без шума, и тогда вы получите свое имущество, а мы — свое. Договорились?

— Откуда я знаю, что вы действительно отдадите ее мне обратно?

— Вы правы. Ниоткуда.

— А почему бы в самом деле не пристукнуть его прямо здесь? — вставил Олфорд.

— Ни к чему,— отмахнулся Мензелос.— Теперь, док, помалкивайте, теперь вы самый заурядный обыватель. Они ведь никого не задерживают. Они заинтересованы, чтобы в зоне не осталось ни души...

— Но должен же я сказать им, что мои друзья в ловушке! — Джеррард почти сорвался на крик.

— А разве для того, чтобы сказать, обязательно нужно быть доктором? — Мензелос повернулся и двинулся через пустую улицу к памятнику, бросив уже на ходу: — Пошевеливайтесь, мы теряем время...

Едва они подошли к проволочному заграждению, перед ними выросли двое солдат с автоматами наизготовку. Солдаты были в защитной форме: на лицах шлемы с прозрачными щитками, резиновые костюмы, толстые перчатки, громоздкие ботинки. Один из часовых повелительно указал на короткую очередь у ступеней, ведущих в оливковый фургон.

Немного потоптавшись на пронизывающем ветру, все четверо поднялись во влажное теплое нутро дезинфекционного фургона. Мензелос предъявил документы Джеррарда и стал втолковывать усталому сержанту медицинской службы, приставленному к душевым кабинкам, что коробочку с образцами стерилизовать никоим образом нельзя. Сержант не замедлил засыпать Мензелоса недоверчивыми вопросами и в конце концов вынудил его раскрыть коробочку, но увидев внутри флаконы, удовлетворительно хмыкнул и, подхватив ее щипцами, распорядился протереть снаружи дезинфицирующим составом.

За последующие полчаса вся четверка совершила все, что предписывалось процедурой: разделась, передала свою одежду солдату, который разложил ее по проволочным сеткам, и вымылась в горячей воде с каким-то сильным запахом. Потом, растершись грубыми желтыми армейскими полотенцами, они получили сетки со своими костюмами из стерилизатора и наконец были выпущены на волю. После изнуряющей, как в турецкой бане, жары наружный воздух показался вдвое холоднее. Вскоре они вышли на Парламент-сквер.

Здесь на тротуарах толпились кучками молчаливые люди. У входа в Палату общин стояли два автобуса телекомпаний. Рабочие возились с юпитерами и камерами. Комментатор бормотал что-то в микрофон, спрятанный в рукаве. На крышах полицейских патрульных машин, развернутых поперек тротуара, беззвучно вращались синие «мигалки», а по Вестминстерскому мосту медленно удалялась карета скорой помощи, и выхлопные газы позади нее казались на морозе струйками пара.

Над головами, с надрывным воем перемалывая винтами воздух, пролетел вертолет. Мензелос обернулся к Джеррарду:

— Вот теперь разделим наши образцы.

Он достал мешочки, обернутые поверх бархата в алюминиевую фольгу, закрыл коробочку и вручил ее канадцу вместе с бумажником.

— Простите за любопытство,— произнес Джеррад,— но все-таки: что вы там прятали?

— Фантики, приятель,— без улыбки ответил Экермен.

Перейти Вестминстерский мост и по набережной дотащиться до больницы святого Томаса стоило Джеррарду последних остатков сил.

Много часов спустя он очнулся в маленькой госпитальной палате. Постепенно, по мере того как прояснялось сознание, он припомнил всех, кто собрался вокруг, едва он переступил порог больницы, и прежде всего Бьюкена. Потом им овладел панический страх: а сказал ли он, где и как оставил Анну и Слейтера?

Прошла еще минута, он воспринимал окружающее все яснее и, наконец, вспомнил еще одно лицо. Здоровенного полицейского инспектора — ну да, конечно! Полисмен говорил что-то про веревки, спасательное снаряжение, Риджентс-парк,— должно быть, все уже сделано. С огромным трудом он заставил себя оторвать голову от подушки и посмотреть на часы. Соображал он туго, но все-таки вычислил, что проспал не меньше восьми часов. Джеррард уронил голову обратно на подушку и в который раз попытался преодолеть состояние счастливого изнеможения. Наверное, ему тут дали чего-нибудь...

Прежде чем сон окончательно сморил его, он вновь подумал об Анне.

XVI

Огромный беспорядочный комплекс строений и переходов Лондонского аэропорта постепенно впадал в оцепенение. Один за другим пустели залы, и обычные запахи кофе, керосина и других духов сменялись влажной аммиачной вонью мутанта-59.

Наконец из всех вокзалов порта остался в действии только один. В комнате для транзитных пассажиров был организован дезинфекционный пункт, обслуживающий тех, кто имел специальные пропуска на вылет с какой-то из немногих машин, которым разрешалось подняться в воздух.

Только что началась посадка на рейс 1224, следующий в Нью-Йорк. Пассажиры, все еще морщась от едких ароматов дезинфекционного центра, предъявляли

свои документы полицейским и иммиграционным чиновникам, сидящим за стеклянной перегородкой. Никто не нарушал молчания — вездесущий смрад мутанта напоминал всем и каждому об оставшемся позади умирающем городе.

Рабочие в защитных костюмах и масках обрызгивали фюзеляж дезинфицирующим раствором, и над гигантским реактивным самолетом висело облачко тумана; вокруг трапа раскатывали армейские патрульные джипы.

В предотъездной спешке Креймер едва не забыл свою инкрустированную золотую авторучку, в последнюю секунду сунув ее в портфель.

Затягивая привязной ремень, он в пол-уха прислушивался к безлично-ласковому голосу бортпроводницы:

— ...и воздержитесь от курения. Через несколько минут мы вылетаем в Нью-Йорк беспосадочным рейсом по маршруту Шеннон — Гандер — Кеннеди. От имени компании «Метро Эрлайнз» командир корабля Говард и весь экипаж приветствуют вас на борту нашего самолета. Благодарю за внимание...

В пассажирском салоне зазвучала варварская магнитофонная запись. В кабине экипажа командир вместе со вторым и третьим пилотами и бортинженером начали предполетную проверку аппаратуры.

В кухонном отсеке позади пассажирских кресел старший стюард и три стюардессы принялись раскладывать на аккуратные кучки стандартные пакеты с питанием и громоздить друг на друга штампованные пластмассовые подносы: порция сыра в изящной оберточке — в одной ямке, укутанный в целлофан бисквитик — в другой, пока каждый поднос не стал походить на продовольственную лавку в миниатюре.

Креймер устроился поудобнее в кресле, тщательно осмотрел препараты, убедился, что они запечатаны, как полагается, не теряя времени, он достал из портфеля приготовленный для НАСА доклад и, вооружившись авторучкой, углубился в чтение.

Никакое обостренное осязание не помогло бы ему почувствовать, чего именно коснулись его пальцы, охватившие металлический корпус ручки. Самый острый глаз не приметил бы мельчайшей высохшей капельки студенистого вещества всего-то в одну десятую миллиметра в поперечнике.

Химический анализ, наверное, обнаружил бы в этой капельке микрограммы белка, воды, некоторых фосфор-

ных и магниевых солей. Более тонкие исследования могли бы показать следы сложных молекул ДНК и навести на мысль о какой-то жизни на микроскопическом уровне. Ведь ДНК и их неизменные спутницы — РНК — являются носителями генетического кода. В их спиралевидных молекулах незыблемо запечатлены чертежи строения целого организма, сверхмикроскопический план его поведения.

ДНК на ручке Креймера вовсе не была свободным химическим веществом, а входила в состав спор и их оболочек — в состав мутанта-59, угнездившегося в засохшей капельке. Каждый организм занимал в длину едва одну семитысячную долю миллиметра. Каждый был слеп и бесчувствен, но каждый при всей своей хрупкости располагал законченной программой поведения в короткий отрезок времени, определенный ему от рождения до смерти. От разделения родительской клетки на две до разделения этих двух на четыре, четырех на восемь — и так до бесконечности с прекрасной, хотя и вечно недооцениваемой нами математической точностью.

Обычно скорость деления бактерий не остается постоянной: законы их собственного микромира диктуют им, что на смену изначальному быстрому размножению должна прийти фаза замедленного развития, которая в конце концов, ведет к угасанию и смерти.

Если бы определенные факторы не противодействовали математической неотвратимости их размножения в прогрессии 1—2—4—8 и так далее, то, по расчетам, потомство двух бактерий, делящихся раз в секунду, через двадцать два часа покрыло бы всю поверхность земного шара.

Бактерии не замедлят скорости своего роста лишь в двух случаях. Во-первых, если будут регулярно получать все новую и новую пищу, и, во-вторых, если они мутируют, чтобы лучше приспособиться к окружающей среде. Тогда клетки начинают делиться чаще. Насколько чаще — это нередко зависит от адекватности среды и ни в малейшей степени не связано с нормальной скоростью развития. На ранних стадиях деления каждое поколение бактерий живет считанные минуты, а при особо благоприятных условиях — секунды.

Покойный доктор Эйнсли, никем давно не оплакиваемый, мастерски воспользовался этим. Мутант-59 не знал замедлений роста, не знал фазы угасания.

Для бактерий, очутившихся на золотой авторучке Креймера, обстоятельства сложились неблагоприятно. Бактерии почти высохли и, не коснись он их, погибли бы. Но едва он задел умирающие микроорганизмы влажным от пота пальцем, их оболочки впитали малую толику воды. Исчезающе малую — но все же достаточную, чтобы напоить обезвоженный клеточный механизм.

Поток невидимых сигналов пронизал клетки, они расправились, приготовившись вновь выполнять единственную свою задачу: жить, питаться и размножаться.

Креймер потянулся к спинке расположенного впереди кресла и опустил откидной столик; пальцы его задели пластмассовую рамку, поддерживающую прямоугольник из меламина.

Командир корабля Говард тем временем получил от диспетчера разрешение на запуск двигателей. Бортинженер провел последнюю предстартовую проверку, с особым вниманием проконтролировав герметичность дверей. Техник в противошумовом шлеме, оставшийся внизу на дорожке, убедившись, что их наружные замки стали на место, в знак подтверждения поднял вверх большие пальцы обеих рук.

Бортинженер по очереди включил все четыре системы топливных насосов. Из баков, расположенных в крыльях и фюзеляже, топливо стало поступать к четырем гигантским турбовентиляторным двигателям, подвешенным в гондолах под плоскостями, словно бомбы.

Говард привел в действие стартеры, начиная с двигателя номер четыре правого крыла.

Медленно и неохотно, утробным голосом взвыла турбина. Очень скоро вой перешел в надрывный визг. Двигатель номер три добавил к стенаниям исполинской машины свою ноту, за ним затянули свои партии двигатели номер два и номер один, и вот уже весь фюзеляж затрясся в низкочастотной вибрации.

Бортинженер сделал нужные пометки в журнале, а третий пилот проверил рули и закрылки. Наземный тягач отвел самолет задним ходом от посадочной галереи, и двигатели тихо запели в предвкушении полета.

Водитель тягача — тоже в противошумовом шлеме да еще и в куртке с капюшоном — в свою очередь поднял вверх оба больших пальца и, отсоединив от передней стойки шасси буксировочную штангу, укатил восвояси.

Крошечным — пятнадцати сантиметров в поперечнике — штурвальчиком Говард направил неуклюжую громади-

ну самолета по высвеченным темно-синими огоньками дорожкам. Бортинженер, вслух считывая показания приборов, произвел еще одну проверку.

Креймер, на мгновение прервав работу, посмотрел в иллюминатор на проплывающую мимо панораму освещенного аэропорта. «Интересно,— подумал он,— будут ли эти огни еще гореть, когда я вернусь?..»

В буфетной обслуживающий персонал прекратил, наконец, возню с подносами, и стюардессы, усевшись по своим местам, пристегнулись; хотя они уже разучились сознавать опасность своей профессии, их лица под слоем косметики явно побледнели.

Получив разрешение на взлет, воздушный корабль развернулся, и нос его нацелился туда, где на поверхности взлетной дорожки во множестве чернели следы авиационных шин.

Командир Говард послал рычаги управления двигателями от себя, и расслабленное пение турбин вновь сменилось басовым громом. Приборные доски затряслись, задрожали, и вся машина слегка подалась вперед — бешеная тяга двигателей боролась с силой тормозов. И как только Говард отпустил тормозную педаль, самолет устремился вдоль осевой линии. Громыхая и подпрыгивая на стыках бетонных плит, он разгонялся с ускорением куда большим, чем у любого спортивного автомобиля. Он покачивался из стороны в сторону, он вгрызался в морозный воздух.

По мере нарастания скорости рули начали реагировать на упругость воздушных потоков, и на смену наземной неповоротливости пришла плавная стремительность полета. Нос машины приподнялся, она подпрыгнула, опираясь на струи копоти, бьющие из сопел, и одним скачком оторвалась от бугристого бетона полосы.

Бортинженер крикнул невразумительно: «Вторая!..» Это слово тут же снижает частоту пульса у любого летчика гражданской авиации, поскольку означает, что достигнута вторая критическая скорость, достаточная для безопасного взлета с полной загрузкой.

Снова глянув в окно, Креймер увидел, что кромка облаков надвигается все ближе и ближе; он бросил последний взгляд на залитую желтым электрическим светом паутину лондонских улиц и откинулся в кресле — облака закрыли всякую перспективу.

В хвосте самолета стюардессы, расстегнув ремни, вновь принялись за подготовку стандартной трапезы.

Напряженная озабоченность, царившая в кабине экипажа перед взлетом, сразу спала. Командир Говард вызвал первый путевой радиомаяк в Фальмуте для сверки времени и уточнений курса.

Пассажиры в свою очередь отстегнулись от кресел и с наслаждением вдыхали сигаретный дымок. Стюардессы засновали взад-вперед по наклонному полу — самолет продолжал набирать высоту.

Креймер с головой ушел в свой доклад, торопливо набрасывая заметки на листке блокнота. Он не сразу понял, что стюардесса, перегнувшись через незанятое кресло у прохода, обращается именно к нему.

— Чай или кофе, сэр?

— Да? Что? Кофе, пожалуйста...

Девушка вставила пустую пластмассовую чашечку в углубление на подносе.

— Сейчас принесу.

Он опять склонился над блокнотом. Стюардесса, держа поднос с такими же чашечками в одной руке, попробовала, хорошо ли закреплен столик, и перешла к следующему ряду кресел.

Экипаж окончательно успокоился — теперь предстояли шесть часов относительно безопасного полета над Атлантикой. Позади отворилась дверь, и стюардесса спросила:

— Вам что-нибудь нужно, ребята?

— Кофе. Только не того, которым наша компания потчует пассажиров. Настоящего...

— Хочешь, я помогу тебе помыть посуду?..

Реплики были непринужденными, привычно-шутливыми. Девушка улыбнулась и, записав заказы пилотов, вышла.

Креймер по-прежнему яростно писал на откидном столике, даже не подозревая о роковой активности микроскопического пятнышка у самого его края.

По пути назад стюардесса увидела над одним из кресел зажженную лампочку и, наклонившись к разодетой девице, пославшей вызов, между делом позавидовала ее сверхмодному пластиковому плащу.

А тем временем остальные стюардессы уже начали разносить подносы с едой; старший стюард шествовал впереди, толкая перед собой тележку с напитками. По желанию пассажиров он вручал им бокальчики поддель-

ного хрусталя — в действительности они тоже были пластмассовыми — и миниатюрные бутылочки спиртного.

К тому моменту, когда в девяти километрах под крылом самолета проплыл остров Уайт, пассажиры и экипаж словно бы заключили с гигантским реактивным лайнером безмолвное соглашение, и, по условиям сделки, все системы корабля и люди на борту стали единым целым ради решения общей задачи.

Третий пилот вышел к пассажирам и ревностно заметил про себя, наверное, в сотый раз в своей жизни, что уровень шума здесь гораздо ниже, чем в кабине. На полпути через салон первого класса он обратил внимание на пассажира, который, развалясь в кресле, заснул с безвольно открытым ртом; годы излишеств избороздили лицо этого человека прожилками и грубыми складками.

Последние лучи заходящего солнца окрашивали передние кромки крыльев в ярко-оранжевый цвет. Самолет несся над серым холодным морем все дальше и дальше на запад. Мало-помалу солнечный свет стал угасать, уступив место вначале густой лиловатой синеве, а затем полной темноте с леденящими точками звезд.

Температура воздуха за бортом была минус сорок три; а здесь, в этом теплом, светлом коконе никто и не задумывался о беспощадной враждебности стратосферы, простирающейся сразу за панелями внешней обшивки. Воздух в салон нагнетали два компрессора, расположенных в носовом отсеке, он тут же пропитывался привычными запахами сигарет и виски. Пассажиры оживленно переговаривались между собой и лишь мельком поглядывали на забортную темень, защищенную от ярости наружных штормов герметическими пластмассовыми прокладками иллюминаторов.

Экипаж в кабине спокойно расправился с кофе и в ожидании, пока кто-нибудь явится за чашками, сложил их на полочку.

Креймер на секунду прервал работу, чтобы получше закрепить свой столик — самолет слегка накренился. При этом он вновь коснулся рукой злополучного края. Потом он встал и направился вперед по проходу в туалет.

В кухонном отсеке стюардесса разбирала свободные пластмассовые чашки. Сняв одну из них с подноса, она обратила внимание, что та покрыты чем-то неприятным и липким. Девушка посмотрела на свои пальцы — на

них был тонкий серо-белый налет. Понюхав его, она скорчила гримаску и поставила чашку обратно на стол.

В кабине на глазах у бортинженера стрелка главного вольтметра внезапно качнулась вниз. И хотя она тут же выпрямилась, он протянул руку вверх, открутил два винта и выдвинул ящичек с наклейкой «Дроссели стабилизатора напряжения». Из другого ящичка, на котором значилось «Контрольные клеммы», он достал две проволочки и подсоединил их к первому ящичку, о чем, разумеется, сделал соответствующую пометку у себя в журнале.

Говард запустил бортовой метеолокатор, включил развертку и всматривался в оранжевый экран, по которому металась полоска света, отмечая впереди по курсу скопления наэлектризованных воздушных масс. Затем командир отвернулся, вызвал радиомаяк в Шенноне и подождал, пока в громкоговорителе над головой не прозвучала морзянка — их опознали. Покончив с этим, он вытянулся в кресле и заложил руки за шею.

Второй пилот взялся за штурвал и скорректировал курс по указаниям из Шеннона, после чего передал управление автоматике. Отняв руки от штурвальной колонки, он на мгновение замер, глядя на них в безмолвном недоумении.

На одной из ладоней осталось черное клейкое пятно. А на штурвале, там, где лежала его рука, черная пластмассовая поверхность казалась влажной и блестящей. Явственно были видны вмятины от пальцев.

— Что за черт!..

Командир пока ничего не заметил.

— Что там еще?

— Вон на колонке, погляди сам.

— Какой-то растяпа пролил растворитель. Оберни ее бумагой или чем-нибудь еще...

— Растворитель, как же, посмотри хорошенько!..

Второй пилот сунул руку прямо под нос командиру; тот поморщился, но понюхал.

— Пахнет обыкновенным дерьмом. Бенни, не забудь отметить это в своем журнале.

Бортинженер ухмыльнулся:

— Что прикажете отметить — что мы пилотируем ассенизационную бочку?

— Тут еще и другой запах. Какой же? Ну конечно! Аммиак...

Второй пилот продолжал принюхиваться.

— Хватит,— бросил командир повелительно.— Обмотай чем-нибудь колонку и вымой руки.

Креймер кончил писать, спрятал доклад в портфель, а авторучку в карман и расслабился, намереваясь поспать.

За окнами среди облаков мелькали голубоватые вспышки — где-то внизу бушевала гроза.

Стюардесса в кухонном отсеке стерла с пальцев липкий налет и случайно еще раз взглянула на стол. Глаза у нее округлились, она не могла им поверить.

Чашка постепенно меняла форму. Она прогнулась с одного края и оплывала каплями на стол. Затем, словно находясь в пылающей печи, обмякла и превратилась в вязкую лужицу. Несколько долгих секунд девушка смотрела на эту лужицу, потом выскочила в салон и кивком подозвала старшего стюарда, который все еще возил по проходу свою тележку с напитками. Тот поднял глаза и, уловив на лице девушки испуг, быстро вошел в буфетную.

— Она... она расплавилась! — взволнованно сказала девушка.— Прямо у меня на глазах, я ничего с ней не делала. Можете убедиться...

Старший стюард на миг задумался, всматриваясь в осклизлое озерцо на столе.

— А ты, часом, лак с ногтей ацетоном не снимала?

— Да нет, говорю вам, это случилось только что. Расплавилась, и все...

Старший стюард дотронулся до озерца пальцем.

— А другие чашки целы?

— По моему, да...

— Ладно, не расстраивайся. Не стоит того...

Бортинженер поставил стабилизатор напряжения на место и сделал в журнале запись о его неисправности. Мутант-59 нашел себе в этом устройстве подходящую пищу.

Пожилая женщина, вернувшись из туалета, потянулась за сумочкой, оставленной под креслом. Нащупала ручку, попыталась поднять ее — но ручка вдруг растянулась, точно дряблая эластичная лента, и оборвалась. Женщина чертыхнулась, вытащила сумочку за верх и вызвала стюарда. Тот незамедлительно явился.

— Что прикажете, мадам?

— У вас там под креслом что, радиатор?

Женщина продемонстрировала ему оторванную ручку.

— Простите, мадам?

— Смотрите сами! — Она всучила ручку стюарду.— Я поставила сумочку под кресло, и вот, полюбуйтесь, она сгорела.

— Извините, мадам, у нас в салоне нет радиаторов. Должно быть, сумочка была старая. Пластик, к сожалению, не так долговечен, как кожа.

— Никакая она не старая, дочка подарила мне ее две недели назад!

— Я постараюсь договориться с компанией, мадам, чтобы вам преподнесли одну из наших фирменных сумок. Вы получите ее сразу после приземления...

Он подкрепил свои слова профессиональной улыбкой. Женщина, смягчившись, откинулась в кресле.

— С вашего разрешения, мадам, я выброшу эту ручку,— сказал стюард и с задумчивым видом направился в свой отсек.

Бортинженер в очередной раз глянул на приборы-близнецы, под шкалами которых протянулась надпись: «Распределение подводимой мощности». Сняв показания, он сел посвободнее и вынул зачитанный детектив. А над его головой, в лабиринте разноцветных проводов стабилизатора, питался, набирал силу, делился мутант...

Изоляция расползлась, обнажилась жила, сверкнуло короткое замыкание, и добрая сотня ампер обрушилась на проволочки, рассчитанные от силы на два ампера. Последовал мгновенный взрыв, в кабину вплыло облачко едкого дыма. Бортинженер подскочил как ужаленный и с маху ткнулся в спину второго пилота, склонившегося над колонкой управления.

И в ту же секунду самолет начал входить в пике, и пассажиры пережили тошнотворное ощущение, что пол проваливается у них под ногами.

Быстро оправившись, второй пилот потянул колонку на себя — нос самолета задрался вверх, а пассажиров вдавило в кресла. Командир приоткрыл ящичек на панели и достал специальные противодымные очки. Дыма из поврежденного узла сочилось столько, что вытяжную вентиляцию пришлось включить на полную мощность, чтобы избавиться от удушья.

Говард наклонил к себе микрофон внутреннего оповещения и произнес по возможности спокойно и бодро:

— Говорит командир корабля Говард. Мы летим на высоте девять тысяч пятьсот метров при встречном ветре, который задержит наше прибытие в порт назначения примерно на тридцать пять минут. Вскоре мы войдем

в зону турбулентных потоков, поэтому прошу вас пристегнуть ремни и не вставать со своих мест. Благодарю за внимание...

Как только он умолк, в салонах вновь загорелись красные предупредительные табло.

Креймер, разбуженный внезапным нырком самолета, заворочался в кресле, стараясь устроиться поудобнее, и его колени уперлись в столик, который свисал со спинки расположенного впереди сиденья. Он решил убрать этот столик, выпрямился и тут, наконец, увидел, что краешек стола уже совсем размягчился и вязкой струйкой стекает ему на брюки — под коленом образовалось серое, с молочным отливом пятно. Бросив исподтишка взгляд в сторону соседа и убедившись, что тот ни на что не обращает внимания, Креймер наклонился пониже и принюхался. Потом медленно, осторожно отодвинулся и поднял было правую руку к кнопке вызова — но передумал, отдернул руку и положил ее на подлокотник кресла ладонью вверх. Пошарив вокруг глазами, он левой рукой поднял карандаш, тыльным его концом надавил на кнопку и принялся ждать, больше не шевелясь.

Подошедший стюард обратил внимание на напряженную позу Креймера:

— Вы звали, сэр? Принести вам что-нибудь?

— Я хотел бы поговорить с командиром корабля.

— Вы не могли бы сообщить мне, о чем, сэр?

— Пока не могу. Тут случи...— Креймер снова удостоверился, что его сосед по креслу спит глубоким сном, но тем не менее понизил голос: — Случилось непредвиденное, самолету угрожает опасность. Я хочу поговорить с командиром. Пожалуйста, позовите его, и без лишних слов!

Стюард, исподволь вглядываясь в лицо Креймера, подумал: наверное, сумасшедший или пьяный.

— Прошу вас пройти вперед, в салон первого класса, сэр. Я вызову кого-нибудь из членов экипажа.

— Слушайте меня внимательно. Быть может, вам трудно в это поверить, но я не вправе встать с этого кресла. Я должен оставаться на том самом месте, где нахожусь сейчас!

«О боже,— подумал стюард,— не хватало нам только психа. А если у него еще и бомба за пазухой?..»

Вслух он сказал умиротворяюще:

— Хорошо, сэр, я понял вас, оставайтесь здесь, а я пройду в кабину и поговорю с командиром.

Он удалился. Креймер, уловивший в тоне стюарда некую снисходительность, свирепо глядел ему вслед. За переборкой, разделяющей два салона, стюарду пришлось протиснуться сквозь небольшую толпу — пассажиры ждали очереди в туалет.

Стюард докладывал, не теряя хладнокровия:

— Выглядит он странно, сидит съежившись, словно боится к чему-нибудь прикоснуться...

— И что он, по-вашему, намерен сделать? — спросил Говард.

— Трудно сказать. Угроз никаких не было, по крайней мере пока...

— Ладно, пойду взгляну на него.

Креймер ждал в нетерпении. Командир бросил сдержанно:

— Добрый вечер, сэр. Стюард сообщил мне, что у вас что-то случилось...

Креймер показал на своего спящего соседа:

— Уберите его...— он запнулся и взял себя в руки.— Хорошо. Прежде всего я не сумасшедший и не собираюсь похищать самолет, хотя то, что я собираюсь вам сказать, вероятно, покажется в высшей степени неправдоподобным...

— А именно?

— Моя фамилия Креймер, доктор Креймер. Я ученый.— Командир и стюард безмолвно слушали.— Каким-то не совсем понятным мне самому образом я пронес с собой на борт самолета микроорганизмы, и это опасно.

— Микроорганизмы? Нельзя ли яснее?

— Командир, вы несомненно знаете о событиях в центре Лондона...

— Знаю.

— Я являюсь членом правительственной комиссии, расследующей причины этих событий. В настоящий момент я направляюсь в Нью-Йорк, в НАСА, для срочного доклада о природе происходящего.

— Вы можете удостоверить это, сэр?

— Что? Да, конечно, могу.— Креймер потянулся за портфелем, но, остановившись на полпути, сказал: — Командир, я достану свои документы и предъявлю их вам, но вынужден просить вас не брать их у меня из рук, а прочесть, не прикасаясь...

Стюард и командир обменялись взглядами, а Крей-

мер вынул из портфеля доклад, предназначенный для НАСА, и личные документы и раскрыл их, не выпуская из рук. Спящий пассажир заворочался и перевернулся на другой бок. Командир и стюард пробежали документы глазами и кивнули Креймеру, чтобы он продолжал.

— Командир, у нас есть серьезные доказательства, что катастрофа в Лондоне вызвана единственным в своем роде микроорганизмом. Проще говоря, микробом...

Говард припоминал, чему его в свое время учили; он старался восстановить в памяти лекцию психиатра о ранних симптомах параноидной шизофрении, о том, как распознать, кто из пассажиров потенциально опасен.

— Простите, мистер Креймер,— произнес он,— что, вы сказали, делает этот микроб?

Креймер пристально посмотрел на них и ответил уныло:

— Он пожирает пластмассу.

— Мистер Креймер,— выговорил Говард суровее, чем прежде,— я, безусловно, обязан принимать близко к сердцу все, что касается безопасности полета, но, по-моему, вы злоупотребляете моим временем. Прошу вас больше никого не беспокоить, иначе...

— А что вы скажете об этом? — Креймер ткнул пальцем в край столика и в пятно у себя на колене. Командир наклонился и присмотрелся внимательнее.— Не трогайте руками! Понюхайте — вы ощущаете запах?

— Мистер Креймер, подобный эффект может быть вызван десятком разных причин. Вы могли плеснуть сюда растворителем, могли прижечь зажигалкой...

— Он не обуглен. Да вы что, не верите своим глазам?

— Командир,— нервно вмешался стюард,— могу я попросить вас на два слова? Я хотел бы вам кое-что показать.

Он поманил Говарда знаками в кухонный отсек. Вязкое озерцо на том месте, где раньше стояла чашка, теперь вспенилось, и над ним колыхалась круглая шапочка из пузырей.

— А потом еще сумочка у той женщины. Взгляните на ручку, я выбросил ее вот сюда...

Стюард нагнулся к баку для отбросов. Но едва он откинул крышку, они оба оцепенели от неожиданности. Из квадратной горловины вывалился грязноватый ком клейкой пены, переполз через край и беззвучно распластался на полу. И там, где пена касалась синей блестя-

щей виниловой поверхности, она почти мгновенно впитывалась в пластмассу, подобно тому как масло впитывается в поржавевший металл.

— Так! — заявил Говард решительным тоном.— Соседа этого, как его зовут? — Креймера... Пересадите-ка соседа на другое место.

Вернувшись к себе в кабину, Говард первым делом понюхал перебинтованную штурвальную колонку. Затем обратился к бортинженеру:

— Сделал ты что-нибудь с этим стабилизатором напряжения?

— Я его отключил. Обойдемся и без него.

— Но ты хоть вскрывал его, чтобы найти неисправность?

— Ни к чему. Все равно в полете мне его не починить. Доберемся до Кеннеди, его просто заменят.

— Бенни, я прошу тебя вскрыть его.

— Стабилизатор-то? Да мы спокойно и без него проживем. Согласен, есть какой-то риск, что генератор вдруг даст пиковый импульс, но...

— Вскрой его, Бенни.

Видя озабоченность командира, бортинженер молча встал и отвинтил панель стабилизатора. Выдвинул его на себя — и вытаращил глаза.

— Боже праведный, что же это такое?..

С шасси прибора свисал многокрасочный шевелящийся волдырь. Пока они сидели, словно громом пораженные, волдырь вытянулся, оторвался и шлепнулся на пол. Инженер двинул было рукой, норовя потрогать клейкую массу.

— Не прикасаться! — крикнул Говард.

— Почему? В чем дело?

— Поставь стабилизатор на место и ничего больше не трогай!..

В дверь просунулась голова стюарда.

— Все в порядке, я его пересадил.

— Хорошо. А теперь попросите доктора Креймера сюда в кабину.

— Слушаюсь, сэр.

— Потом возвращайтесь к себе в отсек. Девочкам расскажите только то, что совершенно необходимо, и не уходите оттуда, поняли?

— Слушаюсь, сэр.

Оба пилота и бортинженер заговорили разом:

— Послушайте, шкипер, что это значит?

— Что, собственно, случилось?..

— Кто такой Креймер?..

Говард пристально посмотрел на каждого из них, прежде чем ответить:

— Я хочу, чтобы вы услышали все собственными ушами.

Вошел Креймер.

— Садитесь, пожалуйста.— Говард показал на пустое кресло, предназначенное для стажеров.— Будьте любезны повторить моим ребятам то, что вы рассказывали мне там...

Он махнул рукой в сторону пассажирских салонов. Креймер неловко сел, все еще стараясь ни к чему не касаться. Пятно у него на брюках рассосалось, оставив на ткани темный след.

— Как я уже сказал командиру,— поспешно начал он,— я состою в следственной комиссии, созданной Британским правительством для выявления причин катастрофы в центре Лондона...

Сжато, в немногих словах он поведал им всю историю.

Оборудование пассажирских салонов реактивного лайнера конструируется исходя из трех основных требований. Во-первых, оно должно быть легким, во-вторых, не должно требовать сложного ухода и, в-третьих, не должно быстро изнашиваться, а равно подвергаться коррозии. Практически это привело к тому, что салон едва ли не на 80 процентов состоит из пластмасс. Потолки, стены и отделка сидений выполнены из виниловой пленки. Багажные полки штампуются из полистирола. Панели с кнопками над каждым креслом отформованы в вакууме из полипропилена, а иллюминаторы заделаны в специальные высокосортные пластмассовые ободки. В общем тут хватило бы пищи на миллион поколений мутанта-59.

Тем временем постепенно, зачастую почти невидимо, мутант становился в самолете полноправным хозяином. Табличка «Для использованных полотенец», висевшая в туалете, вдруг начала выгибаться, и буквально неузнаваемо вытянулась в высоту. Пассажир, вернувшийся из туалета, сел к окну — и герметический ободок стал растягиваться и коробиться. А пластмассовая подметка на ботинке пассажира вдруг расплющилась под его весом...

Креймер в пилотской кабине закончил свое повествование. Экипаж хранил молчание; что касается второго

пилота, он, казалось, не интересовался ничем — он вел самолет, не отрывая взгляда от приборной доски.

Наконец Говард, постукивая ногтем большого пальца по зубам, промолвил:

— Если я задержу всех на своих местах, если никто не шелохнется — тогда мы, может, и сможем сесть в Кеннеди...

— Только не в Кеннеди,— нахмурился Креймер.— На это мы не имеем права. Разве вы не понимаете: мы сейчас вроде прокаженных...

— И нас будут изолировать?— спросил третий пилот.

— Разумеется. Нам придется пройти полный круг дезинфекционных процедур...

— Пожалуй,— вмешался Говард,— можно использовать Тейор Крик.

— А что это такое?

— Аварийная полоса примерно километрах в шестидесяти к югу от Бостона, на атлантическом побережье.

— Нам понадобится полная обработка. Каждый пассажир должен будет раздеться, вымыться под душем, отдать одежду на стерилизацию,— по мере перечисления Креймер загибал пальцы.— Самолет придется оцепить...

— Но кто, к дьяволу, возьмется за это? — вслух подумал Говард.— Медицинская служба аэропорта и снаряжения-то такого не имеет...

— Свяжитесь с Дагуэем.

— А это что такое?

— Испытательный полигон для микробиологического оружия. Они вполне могут перебросить в Тейор Крик несколько человек вертолетом — защитные костюмы и все, что полагается.— Креймер мрачно усмехнулся.— Хоть однажды поставьте перед ними позитивную задачу!..

Герметическая прокладка иллюминатора, ближайшего к женщине с сумочкой, капля за каплей вытекла на боковую отделочную панель — все происходило беззвучно.

Иллюминаторы в реактивной машине,— в сущности, уступка пассажирам со стороны конструкторов; конструкторы охотно обошлись бы вовсе без окон, поскольку те увеличивают стоимость и снижают прочность фюзеляжа. Каждый иллюминатор состоит из трех-четырех слоев прозрачной пластмассы, и каждый слой в отдельности герметически закреплен в соответствующем слое корпуса. В пространство между внутренними слоями воздух нагнетается бортовыми компрессорами, расположен-

ными под пилотской кабиной. Делается это во избежание конденсации водяных паров; воздушная прослойка за внутренней обшивкой поддерживается при этом же давлении, что и воздух в салоне. Зато между внешними слоями корпуса давление и температура воздуха те же, что и за бортом.

В безмозглой своей решимости микроскопическая капелька мутанта-59 перебросилась через двухсантиметровый зазор между слоями внутренней гермопрокладки. Клетки выделяли ферменты, и те разрушали хитросплетения созданных человеком молекул.

Молодая особа в пластиковом плаще спала, пока какой-то пассажир, шествуя по проходу, не задел ее за плечо. Это разбудило девицу, она попыталась пошевелиться, но, словно в дурном кошмаре, никак не могла оторвать голову от спинки кресла. Наконец, ей удалось чуть приподнять голову, высвободив ее, как мокрый леденец из обертки: между щекой, воротником и сиденьем образовалось хлюпающее полужидкое месиво. Достаточно было пошевельнуться — и месиво тянулось длинными сырыми язычками. Девица в панике повернулась и увидела, что ее новомодный плащ расползся на плече, как ветхое рубище. Она сидела, словно парализованная, с застывшим лицом, потом вскрикнула. На крик прибежала стюардесса.

В салоне первого класса дородный багровощекий пассажир по-прежнему сладко похрапывал — он так и не просыпался с самого начала полета. Безразличный ко всему на свете, благоухающий парами бренди, он, разумеется, не мог заметить, как меняется форма его очков. Сначала размягчилась рыжая пластмассовая дужка на переносице, и очки под весом линз карикатурно съехали к скулам. Затем одно стекло выскочило из перекошенной оправы и скатилось хозяину на колени. По изборожденному складками лицу, прямо к раскрытому рту потекла шоколадная струйка. По мере ее движения лицо непроизвольно подергивалось, но пассажир не просыпался.

Девица в пластиковом плаще немного успокоилась; стюардесса беседовала с ней, прилагая все усилия, чтобы она не поднялась с места и не пошла умываться.

Из динамиков донесся голос командира:

— Говорит командир экипажа Говард. Вследствие небольшой неисправности в электропроводке мы немного не долетим до нью-йоркского аэропорта Кеннеди. Посадка будет произведена на одном из аэродромов южнее

Бостона. Вследствие... вследствие неисправности должен просить вас оставаться на своих местах и не расстегивать ремней. Прошу извинить за небольшое неудобство. Обслуживающий персонал постарается создать вам максимально возможный комфорт, но попрошу вас воздержаться от курения...

Говард отключил микрофон.

— Но ведь перед посадкой придется сказать им правду,— заметил Креймер.

— Безусловно, но если я скажу ее сразу, поднимется паника. Лучше уж по частям...— Говард обернулся ко второму пилоту: — Есть успехи?

— Да, они уже вызывают Тейор.

— Хорошо.— И снова к Креймеру: — А теперь, доктор...

Дверь позади них внезапно открылась и тут же захлопнулась. Послышалась какая-то возня. Когда дверь распахнулась снова, в ней показался пассажир из салона первого класса с лицом, измазанным рыжими полосами. Глаза его метали молнии.

— Где командир? — заорал он.— Что происходит на вашей чертовой посудине?..

Он ринулся вперед. Но Бенни, бортинженер, стремительно повернулся в кресле и схватил незваного гостя в охапку прежде, чем он успел коснуться Говарда.

— А ну, давайте назад, на место!

— Послушайте, я владелец акций вашей паршивой компании. Я знаю ваших директоров. И даю вам гарантию, что я...

Бортинженер, вскочив на ноги, навис над пришельцем, с грохотом прижав его к двери. Все тревоги Бенни нашли выход в этом акте насилия.

— Молчи и слушай!— крикнул Бенни.— Самолет в опасности, а ты, явившись сюда, увеличиваешь эту опасность. Ты слышал приказ командира? Возвращайся в салон, сядь, привяжись и молчи! И если ты еще раз попадешься мне на глаза, я вобью тебе голову в живот, понял?..

Пассажир сверкал глазами, но молчал, и на лице его отражалась борьба между гневом и страхом.

— А ну, выметайся отсюда!

Гнева как не бывало: теперь акционера била дрожь. Наконец, он в полном изнеможении прислонился к двери, и у него от ужаса отвисла челюсть.

— Что вы делаете?— Он вытирал лицо, размазывая

рыжие пятна по щекам.— Что... что происходит? Я хочу знать — мы... мы разобьемся?

Бортинженер, не отвечая, вытянул руку и отворил дверь у него за спиной. Потом отвел своего недавнего противника на место и собственноручно застегнул ему ремень.

Теперь во власти бактерий был уже почти весь самолет. В сотнях различных точек отделочные пластиковые пленки, багажные полки, материал под ногами беззвучно преображались — вспучивались, приобретали влажный блеск и в конце концов покрывались пузырьками зловонной пены. Вентиляционная панель над головой одного из пассажиров медленно прогнулась и провисла до его затылка, словно протянула к нему послушную конечность.

Голос командира, звучащий по системе внутренней связи, был теперь неузнаваем. Привычная учтивость и доверительная озабоченность уступили место суровой бесприкословности приказа:

— Происходящее сейчас на борту непосредственной опасности для жизни не представляет. Разрушению подвергаются лишь пластмассовые детали самолета. Как я уже сообщил, мы приземлимся на одном из аэродромов близ Бостона, и вплоть до посадки вставать со своих мест категорически запрещается. Вы не должны ходить по самолету — это особенно важно: иначе вы будете переносить инфекцию на все новые и новые детали и предметы и неизбежно поставите под угрозу благополучное завершение полета.

Старший стюард попытался задержать человека, потерявшего голову от страха и выскочившего в проход. Поскользнувшись, они вместе рухнули на мокрый блестящий пол, разукрасив свою одежду цветными кляксами.

Женщина с сумочкой сидела, объятая ужасом: клокочущая шапка черной пены вырастала у нее прямо из-под ног.

Стюардессы стайкой пятились прочь из кухонного отсека, не отрывая глаз от происходящих там жутких перемен. Груды подносов оплывали, чашки лежали в лужах пенящейся слизи, а аккуратные пакетики с ножами и вилками срастались вместе, принимая безумные, сверхъестественные очертания.

Смрадная пена с десятков пораженных участков ручейками сбегала в главный проход. Некогда расфранченная девица еле ворочалась в пухлом облаке, которое еще недавно было ее плащом.

Большинство пассажиров хранили гробовое молчание, кто-то молился, кто-то плакал. Стюарду поминутно приходилось усаживать обратно тех, кто порывался встать. Воздух становился все тяжелее — возрастала концентрация газа...

В пилотной кабине также никто не произносил ни слова. Креймер сгорбился в своем кресле. Говард вел самолет, а оба других пилота вместе с бортинженером сосредоточенно наблюдали за приборами.

Конец наступил быстро. Над головами, за потолочной панелью, соприкоснулись два обнаженных проводника, и газовая смесь, порожденная мутантом-59, воспламенилась и взорвалась.

Далеко внизу, во льдах восточнее острова Нантукит, капитан маленькой рыболовной шхуны услышал где-то над собой гул и слабый грохот взрыва. Взглянув вверх, он увидел лишь вереницу огненных точек, перечеркнувшую ночное небо.

И вызвал по радио береговую охрану.

XVII

Анна пришла в себя в отдельной палате больницы святого Томаса. Около изголовья терпеливо сидел Бьюкен — несмотря на все уговоры врачей и сестер, он упорно отказывался сдвинуться с места.

Только что стало известно о гибели Креймера, и Бьюкен хотел сообщить ей печальную новость сам и раньше, чем она услышит об этом по радио. Джеррард все еще спал в другом крыле больницы и, конечно, ни о чем не догадывался.

Увидев Бьюкена, Анна протянула ему руку. В этом худом шотландце с его застегнутым на все пуговицы твидовым костюмом и копной седых волос на голове было что-то солидное и надежное.

Мало-помалу она узнала о событиях последних часов. Команда солдат взрезала решетку, спустилась в старую шахту на Портленд-плейс со спасательным снаряжением и вызволила ее и Слейтера. Вся операция при содействии специалистов-транспортников заняла не более получаса. Начальника станции тоже вытащили и отправили в больницу. А Первиса нашли в заброшенном тоннеле мертвым.

Она осведомилась об обстоятельствах катастрофы, и Бьюкен сообщил ей последние сведения. Тогда она за-

беспокоилась о Креймере. Она все-таки ожидала, что он окажется рядом. Почему его нет?

Бьюкен помедлил, прежде чем ответить:

— Случилось несчастье...

— Несчастье?

— В воздухе,— уточнил Бьюкен.— Он вчера вылетел в Штаты, и самолет пропал без вести. Искренне вам сочувствую...

Анна села в постели.

— Ничего не понимаю...

Бьюкен, помедлив, стал объяснять. Сказал ей, что Креймер решил выступить перед комиссией НАСА лично. Анна немного изменилась в лице и отвела глаза, силясь совладать с собой.

— Он что, разве не знал, что я?..

Она не закончила фразы.

— Он думал, что ничем не может вам помочь,— ответил Бьюкен.— Надеялся вернуться к тому времени, когда вас спасут.

— Но откуда он знал, что меня спасут? Откуда он знал, что я не погибла где-нибудь в тоннеле?..

Она была разъярена. Бьюкен попытался взять ее за руку, но Анна гневно отдернула руку. Шотландец помолчал. Анна на минуту задумалась.

— Разве так уж важно было явиться туда лично?

— Он полагал, что да. Вы же его знаете, уж если он что-то решил...

— Но ведь он знал, что я в беде!..

— Он поехал не просто защищать свое агентство,— сказал Бьюкен.— Он искренне считал, что если эти микробы когда-нибудь попадут в космос, скажем, на другую планету, тогда они могут стать — как бы это поточнее выразиться? — бомбой замедленного действия, нацеленной в будущих астронавтов.

Анна откинулась на спинку кровати. Слезы подступили к глазам. Внезапно ошеломляющий факт его смерти дошел до ее сознания. Она забилась в рыданиях.

Выплакавшись, она обессилела. Слишком много противоречивых чувств обрушилось на нее, сейчас она хотела только одного — покоя, убежища от всего и от всех. Она повернулась к Бьюкену и протянула ему обе руки.

— Дружище,— произнесла она,— я очень вам благодарна. Спасибо вам!

— За что, девочка? Я не сделал ничего особенного.

— А теперь я хочу домой.

— Не уверен, что вам следует спешить с выпиской.

— Я здорова. Правда, мне очень нужно домой.

— Я позову сестру,— сказал Бьюкен с сомнением в голосе.— Если они действительно разрешат вам выписаться, тогда я отвезу вас.

— Не стоит,— ответила Анна.— Пожалуйста, не надо, вы и так столько для меня сделали. Вас, наверное, ждут в лаборатории. Оставьте меня,— правда, так будет гораздо лучше. И еще раз спасибо...

Бьюкен вышел. И только когда она кончила одеваться и приготовилась к встрече с сестрой — только тогда она вспомнила про письмо.

Повлияло ли письмо на решение Креймера? На восьмом году замужества Анна знала его не больше, чем в самом начале. Предсказать его поступки было трудно. Быть может, он прочел письмо и тогда уехал?

Она отвергла эту мысль. Разумеется, все было не так. Откуда он мог знать, что самолет разобьется? Такое уж никак не в его характере. А вот умыть руки, выкинуть кого-то из памяти — это очень на него похоже. Анна ощутила мгновенный озноб, припомнив, что письмо не оставляло места примирению. Креймеру оно наверняка показалось бесповоротным, и вовсе не удивительно, что он оставил столь холодную и бесчувственную жену на произвол судьбы.

Имеет ли она право порицать его? В ее распоряжении было множество способов справиться с возникшей перед ней задачей. А что если — обожгла ее нечаянная догадка — она вообще все придумала?

Что если поездка в Кембридж никак не была связана с той женщиной? Что если она возвела всю постройку на песке?

Ну нет, письмо Шарон служило доказательством их близости. Но что из того? Может, это было чисто плотское увлечение? Может, женщина вкладывала в эту интрижку много больше чувства, чем Креймер? Ведь Анне не доводилось видеть ни одного письма Креймера к Шарон. И на таких-то, с позволения сказать, основаниях она сломала собственную жизнь и, похоже, послала мужа на смерть?..

Врач долго не соглашался выписать Анну домой и взял с нее подписку, что она отказывается от лечения по доброй воле. Честно говоря, в больнице были рады-радешеньки получить лишнюю койку для более тяжелых пациентов. Ей посоветовали хорошенько отдохнуть

и на следующий день обязательно показаться своему постоянному доктору, потом вызвали такси и отпустили.

У себя в квартире Анна без сил рухнула в одно из исполинских кресел. Знакомая обстановка, знакомые запахи успокоили ее. В сущности, здесь сейчас все в большей степени соответствовало ее привычкам, чем привычкам Креймера. Это было ее убежище, едва ли не ее монашеская келья. О муже, по правде сказать, ничто и не напоминало.

Ей вдруг пришло на ум, что квартира и раньше никогда не носила на себе отпечатка его личности. Словно бы он пользовался ею, как комнатой в отеле,— проездом. Неизменно проездом: мимолетный поцелуй — извини, дорогая, вечером мне надо быть в Женеве... извини, дорогая, поужинать с тобой сегодня не смогу... извини, дорогая... извини... извини.. извини...

Слова эхом отразились от стен — Анна слегка вздремнула в кресле, затем неторопливо открыла глаза. Ей так не хватало дружеской поддержки и заботы! Родители давно умерли, и, невзирая на уйму деловых знакомств, друзей оказалось совсем немного. Она обвела комнату взглядом — что-то привлекло ее внимание. Вскочила на ноги.

Нет, ей не померещилось — вот оно, письмо, на камине. Анна подбежала, взяла конверт в руки. Его никто не вскрывал.

Небольшая — десять метров от форштевня до юта — океанская яхта Мензелоса лежала на якоре в гавани Чичестера, качаясь на легкой волне; ее бело-золотые обтекаемые контуры отчетливо отражались в темной воде.

Сам Мензелос возился в машинном отделении, готовя мощный двухрядный двигатель к долгому рейсу в Бордо. Экерман мрачно следил за боссом с бутылкой виски в руках, а Кэрол Мензелос набивала шкафчики камбуза жестянками с провизией, доставая их по одной из сумки.

До побережья они добрались без осложнений. Олфорд отстал, поскольку принял решение отсидеться с дружками в черте города, а таможенники с должным пониманием отнеслись к намерению владельцев яхты отдохнуть два-три дня во Франции: ведь в Лондоне им пришлось несладко. По правде говоря, Мензелос хотел отправиться в путь вдвоем с женой, но Экермен в припадке подозрительности настоял на том, чтобы отплыть вместе с ними.

Сейчас он вдруг решил проверить, не исчезли ли драгоценности. Они висели на нейлоновом шнурке в поли-

этиленовых мешочках, опущенных в главный топливный бак. Самый ревностный таможенный чиновник никогда не нашел бы их здесь: крюк, к которому цеплялся шнурок, был впаян внутри бака, подальше от наливного отверстия.

Навинтив крышку горловины на место, Экермен ни с того, ни с сего решил испытать прочность медных соединительных муфт, взялся за пластмассовый бензопровод от бака к двигателю и слегка потянул его на себя.

Мутант-59 получил новую пищу.

Девять часов спустя по левому борту показался мыс Рошель. Гладкий фибергласовый корпус рассекал крепнущую бискайскую волну. Все трое то и дело подремывали под гипнотический рокот мотора.

Бензопровод, подводящий топливо к правому ряду цилиндров, стал прогибаться.

Экермен сидел в каюте, злился и пил. Кэрол Мензелос пыталась читать роман в бумажной обложке, а сам Мензелос поднялся в рубку, силясь разглядеть хоть что-нибудь впереди, за волной.

Скорость деления мутанта-59 все возрастала, пока он не проел бензопровод насквозь. В конце концов тот лопнул, и поток высокооктанового бензина хлынул прямо на пол запертого машинного отделения. Уровни поплавков в обоих карбюраторах вмиг упали, двигатель кашлянул и смолк.

Мензелос посмотрел на приборы перед собой и раздраженно нажал на красную кнопку стартера.

Протестующе взвыл электромотор, воюя с мертвым весом обескровленного двигателя, с обмоток якоря слетело облачко искр.

Бензиновые пары, скопившиеся в машинном отделении, мгновенно воспламенились. Главный топливный бак со страшным грохотом раскололся, и гигантский огненный шар поглотил Мензелоса, рубку, трап и ворвался в каюту.

Удар взрывной волны пробил днище, вода фонтаном хлынула внутрь и смыла обугленные останки Гарри Мензелоса в океан.

Экермен с опаленным, искаженным болью лицом попытался прорваться сквозь потоки ледяной воды к дверям каюты. Но в этот момент яхта резко накренилась и начала тонуть.

Вода стремительно поднималась, прижимая его к потолку каюты, и последнее, что он успел еще сделать в

жизни,— тщетно потянуться к одному из мешочков с бриллиантами, который пронесся мимо, прежде чем кануть в пучине.

В бактериологических лабораториях день и ночь шла неистовая работа.

Лаборанты высевали культуру мутанта-59 в плоские чашки, дно которых покрывал тонкий слой застывшего питательного бульона. Работать им было крайне неудобно — попробуйте повозиться с чашками и препаратами в резиновых перчатках, намертво вшитых в стенки герметического шкафа. Изнутри шкафы заливал резкий свет ультрафиолетовых ламп. Чашки с высеянной культурой складывали стопками. Раз в несколько минут приходил еще один лаборант, открывал сбоку шкафа особую дверцу, вынимал очередную стопку и перемещал ее в термостат, после чего неизменно делал пометку в блокноте, подвешенном подле термостата.

Усталые и небритые ученые сосредоточенно таращились в бинокулярные микроскопы. Осмотр очередного стеклышка, запись в блокноте, и стеклышко отправлялось в ведро с дезинфицирующим раствором.

Тут же проводились опыты на чувствительность бактерий к антибиотикам. Чашки, используемые для этой цели, отличались тем, что поверх ровного слоя желе с выращенными в термостате бактериями накладывались кружочки из фильтровальной бумаги. На каждый кружочек наносилась капля какого-то определенного антибиотика, так что любое замедление роста бактерий, вызванное антибиотиком, выглядело бы как прозрачное колечко вокруг накладки.

В иммунологическом отделении три женщины в белых халатах сидели у вытяжных шкафов, за самодельными экранными фильтрами, и разносили по сотням стеклянных пробирочек, установленных на штативы, капельки чистой сыворотки. Как только штативы наполнялись, их забирали в расположенную по соседству водяную баню, где они медленно подогревались до температуры человеческого тела.

Надо всей этой кипучей деятельностью висел несвежий суповой запах питательных сред. Воздух был пропитан сыростью — в соседней комнате располагались паровые стерилизационные печи. По запотевшим окнам струйками сбегала влага.

В углу главной лаборатории стеклянными стенами был отгорожен отсек. Здесь было сухо и прохладно, сюда

не проникало тропическое лабораторное зловоние. За столом сидел профессор Кенделл. Он был худ и похож на птицу, голову его покрывали мягкие седые волосики. Пока он присматривался к остальным, предоставляя им возможность оживленно спорить.

Райт присел на краешке стола. Джеррард тяжело опустился в кресло. Потом вошел и Скэплон — он оседлал жесткий стул рядом с Кенделлом.

— Если быть совершенно честными,— произнес профессор, дотошно выговаривая каждый звук,— то мы потерпели почти полное фиаско. Учтите — мы уже перепробовали все известные антибиотики. Из всех из них бактерии сколько-нибудь чувствительны лишь к одному — к неомицину «Д».

— Так почему же мы его не используем? — вмешался Райт.

— Потому что, дорогой мой доктор Райт, в целом мире неомицина хватит лишь на то, чтобы стерилизовать несколько квадратных метров. Боюсь, от нас потребуется куда бóльшая изобретательность. Нет, нет, здесь мы потерпели неудачу и, увы, должны это признать.

— Уверен, что развитие мутанта связано с полимером, который был использован для самораспадающихся бутылок,— сказал Джеррард.— На заброшенной станции метро мы убедились в этом своими глазами; вокруг каждого кусочка бутылки наблюдалась повышенная активность микробов. Я доставил вам образцы, вы их видели.

— Ну, и что из того? — ответил Райт.— Если мутанту нравятся наши бутылки, это еще не значит, что в них и есть причина всех зол...

— Я этого и не утверждал,— парировал Джеррард.— Я сказал лишь, что тут есть какая-то связь.

— Что вы предлагаете? — мягко спросил Кенделл.

— Мне еще самому неясно,— ответил Джеррард рассеянно.— Есть какая-то смутная догадка, что-то такое бродит в голове, но что? — Он задумался.— Почему, собственно, не помогают обычные дезинфицирующие препараты?

— До известной степени помогают,— ответил Кенделл.— Дезинфекционные команды в настоящее время ничем другим и не пользуются. Беда в том, что все эти препараты оказывают лишь поверхностное воздействие. А нам нужно что-то более радикальное. Нужен метод, добирающийся до корней проблемы. Чтобы добиться успеха с помощью лишь дезинфицирующих препаратов,

пришлось бы буквально залить центр Лондона лизолем или чем-то в этом роде. Нет, надо найти специфический метод, который исходил бы из свойств самого мутанта...

— Предположим, что я прав,— продолжал Джеррард.— Предположим, что в пластмассе, использованной при изготовлении бутылок, действительно есть что-то особенное.— Он повернулся к Райту: — Когда вы впервые задумались над строением молекулы дегрона, каковы были ваши посылки? Каким путем вы пришли к окончательному решению?

— Главное требование,— ответил Райт,— заключалось в том, чтобы создать длинную полимерную цепь с нестабильными связями. Использовать светочувствительность отдельных звеньев таким образом, чтобы воздействие света размыкало прежние связи и связывало оставшиеся валентности с кислородом...

— Извините, я что-то не совсем понимаю,— вставил Кенделл.

Джеррард пояснил:

— Длинные молекулярные цепи дегрона под воздействием света и кислорода распадаются.

— Весьма изобретательно,— пробормотал профессор.

— А вы могли бы нарисовать нам эту молекулу? — обратился Джеррард к Райту.

— Разумеется.— Райт взял фломастер и начал быстро водить им по листу бумаги.— Основная цепь выглядит вот так. Здесь расположены аминокислотные остатки,— на листе росла сеть линий, точек и символов,— здесь оксифепил, а здесь хинонное кольцо. Вот эти связи, как видите, нестабильны, и если часть цепи разрывается, это сразу же приводит к образованию чрезвычайно активных радикалов. Достаточно буквально нескольких квантов света...

— И что тогда? — спросил Джеррард.

Райт не сдержал удивления:

— Ну, неужели вы не понимаете? Тогда молекула распадается на четыре составляющие. Вот, вот, вот и вот.— Он указал на рисунок.— Затем эти составляющие становятся добычей обыкновенных бактерий.

— Но почему? — упорствовал Джеррард.

Райт начал терять терпение.

— Послушайте, мы с вами обсуждали это добрую сотню раз...

— Прекрасно! И все-таки, пожалуйста, объясните еще раз. Где-то тут и таится то самое, в чем я пытаюсь

разобраться. Расскажите мне снова, какие свойства молекул делают их добычей обыкновенных бактерий.

— Но это отнюдь не обыкновенные бактерии! — прервал его Кенделл.— На всей планете нет больше ничего подобного. Это совершенно новый вид...

— Ну хорошо,— согласился Райт.— Получив молекулу, которая под воздействием света распадается на более мелкие части, мы постарались придать этим частям возможно большее сходство с полипептидами...

— С полипептидами? Извините, я опять не...— начал Кенделл.

Джеррарду пришлось вмешаться снова:

— Полипептиды — молекулы среднего размера, которые составляют основу белков.

— Ясно! — отозвался профессор.— Вы хотели, чтобы остаток пластмассы был похож на белок.

— Совершенно верно,— согласился Райт.— Нашей целью было создать пластмассу, половинчатую по своей структуре: вначале вполне надежный материал для отливки сосудов, но как только отрывной полоски не стало и на пластмассу попал свет, она превращается в вещество, разлагающееся самым естественным образом, в нечто такое, что можно бросить в кучу удобрений...

— Действительно, остроумная идея,— заявил Кенделл.— Но вы не приняли во внимание мутанта, так, что ли?

— А как мы могли принять его во внимание? Его же никогда не существовало! Согласно всем учебникам, этого треклятого мутанта не было и нет...

— Откуда нам знать, быть может, именно наши бутылки и помогли ему развиться? — заметил Джеррард.

— Какие у вас доказательства? — воскликнул Райт.

— Но ведь такая возможность не исключается.

— Ради бога!— взмолился Райт.— Не исключается и возможность, что мутант свалился с Луны!..— Он бросил на Джеррарда насмешливый взгляд.— Давайте лучше придерживаться твердо установленных фактов.

— Уверен, что между мутантом и нашей пластмассой существует прямая связь,— настаивал Джеррард.— Я же говорил вам: вокруг каждого обнаруженного огрызка бутылки бактерии росли прямо-таки с удвоенной скоростью!

— Это ровным счетом ничего не доказывает!

Райт уже не скрывал своей враждебности. Джеррард окинул его пристальным взглядом.

— Вы попросту не хотите вовлекать агентство в эту историю, только и всего. Хотите во что бы то ни стало реабилитировать нашу бутылку, и чтобы нас никто ни в чем не обвинил...

— Даже если в ваших утверждениях есть капля здравого смысла, в чем я лично очень сомневаюсь, мы все равно никакой ответственности не несем. Корень вопроса в мутанте, отнюдь не в свойствах пластмассы!

— Ничего подобного! Если ответственность за все это бедствие хоть отчасти на нашей совести, мы обязаны признать свою вину...

Райт неприязненно расхохотался.

— Совершенно не понимаю вашей логики. Допустим, мы выпускаем горючее. Потом мы его продаем, и кто-то на нем подрывается и сгорает заживо. Что же, по-вашему, мы в ответе за эту смерть лишь потому, что выпускаем горючее?

— Тут огромная разница,— возразил Джеррард.— Прежде всего мы знали, что выпускаем вещество, распадающееся под действием бактерий, что тем самым передразниваем естественный процесс. Мы знали также, что...

— Ради бога!..— воскликнул Райт.— Ничего мы об этом мутанте не знали и знать не могли. Что же, по-вашему, мы должны были сказать себе: нет, мы не станем пускать бутылки в обращение, потому что вдруг появится новый штамм, а потом, быть может, возникнут мутации... И ведь вся идея ваша чисто умозрительна, у вас нет абсолютно никаких доказательств, и тем не менее вы требуете от нас, чтобы мы смиренно вышли на улицу и воскликнули: *mea culpa**! Знаете, мне, кажется, вы просто жаждете признать себя виновным. Вы жертва, ищущая повода, чтобы быть обезглавленной...

Кенделл, встревоженный ссорой, вставил:

— Джентльмены, по-моему, мы могли бы...

Джеррард жестом попросил его помолчать.

— Согласен, меня захлестывает чувство вины, ну, и что из того? Вы же пальцем не хотите пошевелить...

— Докажите мне необходимость каких-то действий, и я буду действовать,— опять парировал Райт.

— Хорошо. Во-первых, мы имеем микроорганизм, пожирающий пластмассу. Во-вторых, мы имеем пластмассу, которая под влиянием света и кислорода разлагается на белковоподобные вещества. Оставим на время

* Моя вина (*лат.*).

вопрос, откуда взялись эти бактерии, но мы знаем, что они взаимодействуют...

— Ничего мы не знаем. Вы гадаете, не имея никаких доказательств.

— Пусть даже так. Но если они взаимодействуют, почему бы не воспользоваться этим?

— Не понимаю,— снова начал Кенделл.

Джеррард выступал с каждым словом все увереннее.

— Да, вот именно, почему бы и нет? — Он опять обратился к Райту: — Можно ли видоизменить молекулярную структуру дегрона?

— Зависит от того, что именно вы хотите с ней сделать,— ответил химик осмотрительно.

— Ничего сверхъестественного. Сложно ли, скажем, заместить в ней один из аминокислотных остатков?

— Легче легкого. Подвергните вещество гидролизу, и...

— Методика неважна,— возбужденно перебил Джеррард.— Важно, быстро ли это произойдет.

— Да. Я сказал бы, да,— Райт снова начал раздражаться.— Но я не вижу...

— Можно ли ввести в состав цепи дегрона азидную или цианидную группу?

— Разумеется, можно. Я пробовал это в одном из ранних экспериментов. Ничего не вышло — пластмасса стала дьявольски ядовитой.

— Вот именно! — воскликнул Джеррард.

Кенделл так и подпрыгнул.

— Понял! Изменить строение пластмассы с тем расчетом, чтобы она...

— ...стала ядовитой,— докончил Джеррард, дрожа от возбуждения.— И подкинуть ее бактериям, как крысиную отраву. Они поглотят ее и погибнут...

— Боже праведный! — взорвался Кенделл.— Блистательная идея! Положительно, она мне нравится. Хотя что выйдет дальше?..

— Да ничего не выйдет. Пустая трата времени,— заявил Райт.

Джеррард игнорировал его заявление.

— Опытная установка у вас в лаборатории? Она не демонтирована? — Райт опять попытался что-то возразить.— Да или нет?!

Канадец двинулся на Райта едва ли не с кулаками. Химик поднял глаза — Джеррард возвышался над ним как башня.

— Да, она в лаборатории и в общем-то на ходу. Еще

на прошлой неделе на ней работал Скэнлон. Он хотел...

— Вы можете запустить ее?

— Могу, только это, повторяю, потеря времени. Кроме того...

— Вы запустите установку?

Джеррард почти кричал. Райт уставился на него с откровенной неприязнью. Потом он вдруг отвел взгляд в сторону.

— Ладно,— произнес он безжизненно.— Я это сделаю.

Морозный зимний воздух над опустевшими улицами был пропитан стойким смрадом бациллы Эйнсли. Густо падал снег, и тишину нарушали лишь дезинфекционные команды — солдаты в своем защитном обмундировании шагали по вымершим улицам, как космонавты, исследующие незнакомую планету. Тяжелые их ботинки с хрустом давили снег.

Вокруг зоны оцепления, у выходов и дизенфекционных станций, сгрудились фургоны передвижных телепередатчиков. Пылали дуговые лампы, репортеры приставали к ошалевшим людям, которые вываливались из зоны, одетые в какие-то немыслимые халаты, в платье с чужого плеча.

Озабоченные родственники топтались у выходов в надежде узнать что-то о своих близких.

По пустынной Трафальгар-сквер юзом скользнула карета скорой помощи и, мигая синим фонарем на крыше, умчалась вверх по Черинг-кросс-роуд. Нетропутый снег вздымался из-под колес нарядными белыми облачками.

Невысоко над крышами прошел вертолет. Кинооператор с риском для жизни свесился из раскрытой двери, запечатлевая на пленку уникальные кадры.

Мутант-59, созданный Эйнсли, в поисках пищи осваивал все новые и новые районы. Одни колонии погибали на металлических и каменных плоскостях, другие находили возможности продолжения рода в пластмассовых кабелях и проводах под землей. Медленно и неуклонно бактерии выедали у города его сердце.

С лицом, посеревшим от усталости, Джеррард стоял у доски, исписанной многоэтажными формулами, и проверял их на настольной счетной машине, которая, жужжа, выстукивала свои ответы по мере того, как заглатывала перфорированную ленту с заданием. Было три часа утра. Райт, Скэнлон и Бьюкен склонились над гро-

моздким аппаратом, который состоял из переплетения стеклянных трубок, опирающихся на ненадежные металлические подпорки. По трубам и сочленениям переливались цветные струйки, и в конце концов получалась тягучая бурая жидкость, медленно капавшая в коническую колбу. Райт завернул стеклянную втулку, взял колбу, перенес ее на стол к Джеррарду и изнуренно опустился на стул. Потом сказал вяло и небрежно:

— Должно быть, это он. Полиаминостирен с ядовитыми клыками...

Джеррард оторвался от счетной машины:

— Вы совершенно уверены?

— Конечно, уверен. Впрочем, мы проведем проверку на хроматографе. Должно было произойти замещение нитрозаминной группы в четвертой боковой цепочке радикалом циана.

— А будет он действовать? Вы случайно не сгладили его свойства?

— Химия у нас на высоте, не беспокойтесь,— раздраженно ответил Райт.— А уж проводить испытания — ваша забота...

Джеррард устремил на противника долгий пристальный взгляд, затем ответил:

— Когда мы пришли сюда, в лабораторию, я поместил культуры мутанта в термостат. Вероятно, они уже чуть не ключом кипят. Сейчас я их достану...

Подойдя к термостату, он вынул оттуда три больших открытых стакана. На дно каждого из стаканов была опущена плоская чашечка Петри. Канадец бережно перенес их в главную лабораторию; Райт следовал за ним, не выпуская из рук коническую колбу с отравленной пластмассой. Джеррард взял квадратное фарфоровое блюдо, вытер его досуха, положил на стол и налил с краю немного тягучей бурой жидкости из колбы. Слегка покачал блюдо, пока жидкость не растеклась тонким слоем и не заняла половину его поверхности. Затем извлек из одного стакана чашку Петри и осторожно поднес ее к свету, ни на йоту не отклоняя от горизонтали.

На свету было ясно видно, что чашка заполнена густой пузырящейся кашицей. Сняв с чашки крышечку, Джеррард не спеша вылил пенистое ее содержимое на другой конец блюда, подальше от пластмассы, сдобренной цианидом вслед за тем он вновь пошевелил блюдо, чтобы край бактериальной культуры лишь чуть-чуть не дошел до края расплеснутой пластмассы. Трое осталь-

ных без особого восторга ощутили сырой аммиачный запах. Наконец Джеррард накрыл блюдо стеклом, пустил секундомер, придвинул вплотную настольную лампу и стал ждать.

Минуты шли за минутами. Все четверо сидели без движения и ели глазами линию пузырьков, которая очень медленно приближалась к границе бурой жидкости. Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем они соприкоснулись. Джеррард так и подался вперед, напрягшись всем телом. Но ничего не случилось: мутант попрежнему рос, пузыри продолжали распространяться по пластмассе, не выказывая никаких признаков недомогания.

Райт бросил мимолетный взгляд на канадца, и в уголках его тонкого рта мелькнула тень улыбки. Скэплоп молчал, сосредоточенно поджав губы. Бьюкен с неизменно непроницаемым видом посасывал свою трубочку.

Пена захватывала все новые участки, скорость ее движения словно бы даже нарастала. Джеррард чуть слышно выругался. Каждый из них отдавал себе отчет в том, что под стеклом перед ними решается судьба города, быть может, всего цивилизованного мира. Стекло под блюдом отбрасывало на их лица блики света, вокруг было полутемно, и это делало их похожими на средневековых алхимиков.

И вдруг Джеррард воскликнул:

— Замедляется! Да, да, я уверен, замедляется!..

Остальные вслед за ним стали приглядываться еще пристальнее. Пузырьки на переднем крае наступления бактерий стали мельче, само наступление затормозилось. И, наконец, к их восхищению, прямо на их глазах оно прекратилось совсем. Пузырьки лопались — а новых на том же месте не возникало.

Мутант-59, попав на блюдо, объелся до смерти. В слепом своем движении, в безмозглых поисках новой пищи он поглощал молекулы полиаминостирена, всасывал их каждой клеткой. Но результат был иным, чем прежде. Как только молекулы проникали во внутреннюю структуру клетки, за дело принимался цианид и нарушал ее жизненные функции одна за другой. Биохимическое совершенство — мутант, заботливо выведенный Эйнсли,— потерпело крах.

— Но у нас всего десять граммов,— сказал Райт.—

А там целый город. Понадобятся тонны и тонны...

Джеррард был вне себя от радости.

— Это понятно. Засадим «Политад» за массовое производство. У них есть все необходимое оборудование. А потом разбросаем такую пластмассу по всему району. В тоннелях, в коллекторах — точно крысиный яд...

Он упал на стул, чувствуя, как полное изнеможение овладевает каждой мышцей его тела. Скэнлон озабоченно посмотрел на него.

— Надо еще провести полевые испытания. Поехать туда, где только что произошла вспышка...

— Ну что ж,— согласился Джеррард,— согласен. Сколько вы сможете сделать такой же отравы, скажем, за шесть часов? — осведомился он у Райта.

Тот подумал минуту-другую и ответил:

— На этой аппаратуре примерно граммов триста.

— Трехсот граммов ни на что серьезное не хватит,— объявил Скэнлон.

— Ну, положим, если развести их растворителем, а потом распылить...— возразил Джеррард.— Растворитель улетучится, а остаток — мутанту. Свяжитесь с «Политадом»,— отдал он распоряжение Скэнлону,— предупредите, чтобы готовились запустить оборудование на предельную мощность.— И к Райту: — Нам понадобится все, что вы сделаете, до последнего грамма. Пожалуй, можно сообщить в центр, что мы этого мутанта прихлопнули. Только стоило бы проверить, хватит ли у нас растворителя — толуола, например,— чтобы суспензия лучше распылялась.

Он на мгновение замолк и снова заглянул в блюдо, будто хотел удостовериться, что успех ему не померещился. Пузырьки исчезли с поверхности.

— Черт возьми! А ведь и вправду получилось!..

Бьюкен заговорил впервые за всю ночь:

— Ну, и что прикажете по этому случаю? Дать вам Нобелевскую премию?

XVIII

Воздух в подземном контрольном центре был теперь гнилым и спертым. Три из четырех гигантских вентиляторов, обслуживающих весь комплекс тоннелей и бетонных спален, пришлось отключить, поскольку их заборные устройства располагались в зоне поражения и вполне могли разнести инфекцию во взвешенном состоя-

нии по всей системе. Четвертый вентилятор, в зарешеченной башенке за пределами опасной зоны, крутился изо всех сил, но свежего воздуха, который он нагнетал, хватало лишь на то, чтобы кое-как дышать, но вовсе не на то, чтобы рассеять зловоние мутанта-59, уже проникшее сюда. Запах — аммиак с сероводородом — вызывал у всех такие приступы тошноты, что консервированная пища в столовых оставалась почти нетронутой. Кроме того, этот запах намертво пропитывал одежду и мягкую мебель.

Наверху, на улицах, зловоние висело в морозном безветрии, как похоронный звон.

Слейтер расположился за одним из столов, заляпанных пролитым кофе, делая вид, что заинтересованно слушает человека, который сидел напротив. Тот разглагольствовал о системе водоснабжения в районе — как она спланирована и как управляется. Слейтера это не занимало, мысли его были далеко отсюда, в тоннелях метро. Внезапно он уловил по тону собеседника, что тот закончил свое выступление, и понял, что вообще ничего не понял.

Пришлось идти на риск.

— Действительно, кто бы мог подумать! — сказал он, надеясь, что не попал впросак.

К большому его облегчению, на лице собеседника не возникло недоуменной усмешки.

— Да, представьте себе,— подхватил тот,— и ведь до сих пор не составлено даже полной подземной карты района. Это, право же...

Слейтер вздрогнул и поднял глаза — в комнату ворвался Бьюкен.

— Доктор Бьюкен! Вот уж не ждал! Как вы сюда попали?

— Не имеет значения. Я должен с вами поговорить.— Высокий худой шотландец был просто не в состоянии сдержать себя.— Поздравьте меня, я нашел его!..

— Кого, что?

— Связующее звено, общий фактор, корень зла!

— Успокойтесь! — Слейтер показал на стул рядом.— Садитесь. Между прочим, это мистер Паркин, из исследовательской группы при управлении водоснабжением. Мистер Паркин, позвольте представить вам доктора Бьюкена из агентства Креймера...— Мужчины обменя-

лись короткими кивками.— А теперь рассказывайте, в чем дело.

— Так вот,— сказал Бьюкен,— помните ли вы, что в компьютере, который управлял вашей дорожной сетью, обнаружился неисправный узел? Помните ли вы о неисправности датчика топливного насоса и о катастрофе в Хитроу?

— Да, конечно.

— Экспертиза показала разрушение изоляции, не так ли?

— Да, я прекрасно все это помню. Мы, собственно, пошли еще дальше и установили, что катастрофа в Хитроу произошла по аналогичной причине, а командование флота считает, что нечто подобное, вероятно, случилось и на затонувшем «Тритоне».

— Совершенно верно. Три происшествия, а причина — одна!

— Вовсе нет,— покачал головой Слейтер.— Это еще ничего не доказывает. Допускаю, что разрушение изоляции — действительно общий фактор, однако...

— Согласен, согласен,— перебил его Бьюкен,— но что вы скажете, если выяснится, что разрушение однотипное?

— Что вы имеете в виду?

— Если выяснится, что разрушилась изоляция у одной и той же детали?

— Да, пожалуй, на меня это произведет впечатление.

— Так вот, последние три дня я, без преувеличения, жил у телефона. Я провел собственное расследование, и, представьте себе....

— Продолжайте.

— Представьте себе,— Бьюкен даже руками всплеснул,— это действительно одна и та же деталь! Одна и та же! В датчике топливного насоса самолета была такая маленькая электронная штучка — логическая ячейка. В вашем компьютере та же самая штучка составляла жизненно важную часть адаптивной схемы, и представьте,— я созвонился с военно-морским исследовательским институтом в Портсмуте — эта же ячейка была и в компьютерах дальности запуска на подлодке ее величества «Тритон»...

— Прекрасно, значит, вы нашли общую деталь, но это опять-таки ничего не доказывает. С равным успехом вы могли бы заявить, что болты и гайки оказались выпущенными одной фирмой. Ну, и что из того?

— Согласен. *Post hoc* *, примитивная логика и все такое прочее,— Бьюкен сегодня был явно в ударе,— но ведь дело на том не кончается! Несчастье с «Кондором-6»— вы читали о нем?

— Читал.

— Та же самая деталь была в командном модуле! Я проверял через НАСА.

— Доктор Бьюкен, извините меня за упрямство, но это же и вправду несущественно: сколько бы раз вы ни встретились с этой деталью, вы все равно....

— Но вы готовы признать это веским косвенным доказательством?

— Не слишком веским, но совпадение странное, не спорю.

Бьюкен расстегнул свой портфель.

— Ну, а теперь перейдем к прямым доказательствам.— Он извлек из портфеля стальную коробочку, а из коробочки — запечатанный полиэтиленовый конверт, в котором лежал крошечный пластмассовый кубик с десятью выступающими наружу проволочками, и положил все это на стол.— Вот она, логическая ячейка М-13. То есть так она выглядит, пока ее не использовали, прямо со склада.

— Как это понимать — пока ее не использовали?

Бьюкен коснулся крошечного электрического кубика.

— Когда мне стало известно, что эта штучка принимала участие во всех трех катастрофах, я позвонил изготовителям и попросил прислать мне несколько экземпляров для исследования. Одну из них я тут же разобрал и отправил Бэрону...

Бэрону?

— Моему знакомому из Института здравоохранения в Колиндейле.

— При чем тут здравоохранение?

— Бэрон проверил этот кубик на микроорганизмы.— Слейтер изумленно поднял брови.— И что вы думаете? В пластмассе оказались споры.

Слейтер медленно откинулся назад, теперь он, не мигая, смотрел на Бьюкена.

— Вот это да!..

— Вы угадали. Споры принадлежали бактериям, пожирающим пластмассу.

---

* После этого (*лат.*). Часть поговорки *Post hoc ergo propter hoc*.— «После этого — значит вследствие этого», высмеивающей псевдопоследовательное мышление.— *Прим. перев.*

— И все-таки вы еще ничего не доказали! — воскликнул Слейтер.— Все, что вы до сих пор сообщили мне, сводится к тому, что один электронный прибор применили в трех вышедших из строя схемах и что в отдельных экземплярах этого прибора вы обнаружили споры бактерий, разрушающих пластмассу,— ну, и что дальше? Споры подобны семенам — они должны еще прорасти. Как вы опровергнете такое возражение?

Бьюкен только усмехнулся — попытки Слейтера сбросить его с седла доставляли шотландцу удовольствие.

— Что нужно микробам для жизни?

— Ну,— начал Слейтер,— я не бактериолог, но дайте сообразить: пища, тепло и...

— Отлично! — почти выкрикнул Бьюкен.— Тепло! Что происходит с большинством цепей и приборов после того, как их включили?

— Мой бог! — Слейтер выпрямился, чуть не подпрыгнув.— Мой бог, конечно!..

— Вы уже поняли,— торжествовал Бьюкен.— Как только прибор включили, будь это в компьютере или в любой иной системе, но как только его включили, он стал нагреваться, споры вернулись к жизни и принялись пожирать...

— ...окружающую их пластмассу,— докончил Слейтер.

— Да, но это еще не все. Я консультировался с Бэропом и с фирмой-изготовителем. Бэрон утверждает, что развивающимся спорам нужна, и притом немедленно, вода. Тут я не испытываю стопроцентной уверенности, но мы полагаем, что как только прибор включили и он стал нагреваться, на этой кадмиевой пластинке,— он показал где,— конденсировались капельки воды. Совсем немного — и все-таки достаточно, чтобы бактерии пробудились и начали делиться. А раз они пробудились и начали делиться, то рано или поздно доберутся и до изоляции на этих проволочках,— он показал на проволочки, выступающие наружу,— а отсюда уже куда угодно, от провода к проводу, лишь бы они были связаны между собой...

Слейтер сидел не шевелясь.

— Значит, едва эта штучка заработала, микробам открыт путь к любому устройству, с которым она связана...

— Совершенно верно,— Бьюкен удовлетворенно откинулся на спинку стула.

— И вы можете это доказать?

Не говоря ни слова, шотландец достал из портфеля другую коробочку, такую же, как и первая, и бережно опустил ее на стол. Из коробочки он вынул замкнутый стеклянный сосуд и осторожно поставил его рядом.

— Вот вам тот же прибор,— пояснил он.— Только этот экземпляр работал пять часов без перерыва...

Он подтолкнул сосуд к Слейтеру. Внутри был такой же крошечный кубик, но перекошенный и оплывший. Изоляция на одной из выступающих проволочек пожелтела и отвалилась прямо на глазах, обнажая блестящую медную жилку.

— Биологическая бомба замедленного действия,— тихо сказал Слейтер.— Достаточно включить ее, и она начнет заражать все вокруг...

— Одно меня беспокоит,— продолжал Бьюкен,— ведь никто из тех, кто расследовал катастрофы до нас, не обнаруживал следов размягчения, одни обнаженные провода. Бэрон, с которым я обсудил это противоречие, считает, что наш микроб, откуда бы он ни взялся, поначалу точит пластмассу очень-очень медленно и лишь с течением поколений учится пожирать ее все быстрее и быстрее...

— Вот почему первые его проявления были относительно слабыми,— откликнулся Слейтер.

— Именно так. Но постепенно он приспосабливался, становясь все более всеядным. А сегодня весь центр Лондона на смертном одре.

— Одна малюсенькая деталька,— задумчиво произнес Слейтер.— Уму непостижимо...

— Нам уже удалось сделать многое. Фирма-изготовитель карликовая, она расположена неподалеку, возле Кингз-кросс. Так вот, фирма сумела установить адреса большей части своих покупателей. Через два-три дня эта работа будет доведена до конца, но пока что все сходится. Самыми крупными покупателями оказались самолетостроители, фабриканты компьютеров и НАСА. Есть, правда, один экземпляр прибора, с которым уже просто ничего не поделаешь...

— Это почему?

— Потому что этот прибор отправлен в адрес «Калифорния рокет корпорейшн». Той самой, которая взялась за постройку «Аргонавта-1», автоматического разведчика Марса,

— Не понимаю. Почему же ничего не поделаешь?

— Потому что он стартовал шесть недель назад,— флегматично ответил Бьюкен.

В бистоновском защитном костюме Джеррарду было очень неловко и неуютно. Тело еще болело после акробатического подъема из метро.

За прозрачным щитком, прикрывающим лицо, чувствовался назойливый запах резины и дезинфекции. Он неуклюже шагал по улице следом за тремя своими спутниками, складки грубой ткани безжалостно терли под мышками и в коленях. Даже дыхание в этой тесной индивидуальной парилке казалось преувеличенно резким.

Подошвы сухо поскрипывали по снегу. Рядом с Джеррардом плелся солдат с портативным распылителем в руках — в распылителе была отравленная пластмасса. Двое других, тоже в форме, сверялись с картой; на плече у одного из них поблескивали лейтенантские звездочки. Он-то и обратился к кападцу:

— Ну вот, мы уже почти пришли...

Оторвавшись от карты, офицер повернулся на каблуках и направился к магазину на углу — вывеска крупными пурпурными буквами возвещала: «Новинки сезона». В витрине вперемежку с рекламой были выставлены рубашки, раскрашенные во все цвета радуги, и куртки искусственной кожи. Позади рубашек прямо к оконной раме были пришпилены наимоднейшие плащи и сапоги из пластика — не поймешь, для какого пола, все это в окружении этикеток и зазывных плакатиков. Поверх шли в два ряда рамки-экранчики. В одной из них вдруг отдернулась занавеска, появилось чье-то лицо, бросило беглый взгляд на приближающиеся фигуры и исчезло. Лейтенант решительно подошел к стеклянной двери и резко постучал в нее кулаком.

Ожидая, пока им откроют, он с неодобрением окинул суровыми карими глазами кричащую витрину. Затем послышалось звяканье отодвигаемых засовов. Дверь распахнулась. Выражение неудовольствия на лице лейтенанта стало еще явственнее, когда он увидел в дверях человека лет тридцати пяти с копной тщательно подвитых седоватых волос. На хозяине был розовый свитер из тонкой шерсти, белые вельветовые брюки с бубенчиками и такого же цвета штиблеты. У него было довольно

но миловидное гладкое округлое лицо, а говорил он не как-нибудь, а ритмическим речитативом:

— О господи, благодарение небу, вы пришли! У нас здесь совершенное светопреставление, вы даже представить себе не можете... Весь мой запас, все-все разорено. И я не знаю, право, не знаю... Может быть..

Лейтенант бесцеремонно перебил его:

— Где очаг поражения?

— У меня за спиной,— хозяин глупо усмехнулся.— Но я уверен, вы совладаете с бедствием...

Лейтенант отстранил хозяина и прошел в магазин, остальные последовали за ним — и замерли у порога, не веря собственным глазам.

Ряды сапог словно в танце без музыки неспешно кружились в волнах пены. Многоцветные панели из пластика бесстыдно обвисли со стен, пуская яркие сочные пузыри, окрашенные в соответствии с замыслом декоратора. Пластиковые плащи сползли с плечиков, оголив хромированную вешалку. Впрочем, один плащ еще держался на месте, но совершенно утонул в пене и корчился, будто надетый на невидимку. Весь магазин извивался в медленном кошмарном танце. Воздух был насквозь пропитан смрадом — спутником бацилл Эйнсли.

Хозяин ныл, заламывая руки:

— Нет, это поистине ужасно. Мои чудесные интерьеры — теперь я никогда не сумею восстановить их...

Лейтенант круто обернулся к нему.

— Сделай милость, старый хрыч, помолчи!

Хозяин надулся, а лейтенант нервно махнул солдату с распылителем:

— Пускай!..

Солдат перепнительно шагнул в торговый зал и принялся качать рукоятку распылителя, разбрызгивая ядовитую пластмассу бурым туманом. Туман оседал на поверхность пены, и лейтенант с нескрываемым удовольствием наблюдал за выражением душевной муки, которое появилось на лице хозяина. К зловонию прибавился бензиновый запах толуола, который быстро испарялся, а поверх пузырящейся бурлящей массы ложился еще один тонкий, вязкий коричневый слой.

Сделав свое дело, они уселись и стали ждать. Джеррард, отвернув перчатку, засек время. Первые две минуты не происходило ничего нового, в магазине продолжало шипеть и всхлипывать — мутант питался. Но вот мало-помалу движение на полу стало замирать; пузыри

опадали, пена шипела тише и тише. Примерно семь минут спустя она смолкла совсем. Правда, нет-нет да и возникали еще в каком-нибудь закутке, куда не достал распылитель, маленькие очажки активности, но главное было ясно: пластмасса с введенной в ее состав цианидной группой сделала свое дело. Мутант-59, бацилла Эйнсли, был приговорен к гибели.

Лейтенант, устремив на Джеррарда суровый взгляд, неожиданно улыбнулся:

— Для начала неплохо...

Хозяин магазина приплясывал вокруг, изображая безмерную благодарность.

— О, как быстро и как чудесно, как ужасно остроумно, что же это вы применяете? Вы все должны, право, должны подняться ко мне и выпить...

Солдаты начали складывать свою амуницию. Лейтенант повернулся, чтобы уйти, но не удержался и бросил через плечо хозяину:

— Обойдемся без твоих ласк, милашка...

За несколько недель фирма «Политад» поставила производство аминостирена с введенными в него циан-группами на поток. По мере выпуска вереница грузовиков доставляла новое вещество к границам оцепленной зоны.

Затем за дело брались воинские команды с распылителями и, прослышав про очередную вспышку инфекции, заливали заболевшую пластмассу бурым вязким настоем отравленного аминостирена. Постепенно число таких вспышек уменьшилось; бациллы Эйнсли прекращали борьбу за свое господство, и обескровленное сердце Лондона вновь возродилось к жизни.

В течение всех этих дней Джеррард был занят почти беспрерывно. К собственному удивлению, он обнаружил, что такая спешная, неослабная работа ему очень по вкусу. Бой врукопашную с уже известным врагом нравился ему куда больше, чем длительные и зачастую безрезультатные лабораторные поиски оригинальных идей.

Неоднократно он предпринимал попытки связаться с Анной, но каждый раз выяснялось, что либо она только что вышла, либо передавала ему неубедительную просьбу перезвонить в какое-то время туда-то. А когда он выполнял эту просьбу, Анны там, разумеется, не оказывалось. В конце концов он все-таки ухитрился поймать ее, но

она была подчеркнуто холодна и нарочито ограничила разговор темами, связанными с мутантом.

Как только обстановка в центре Лондона улучшилась, Джеррард решил, что его миссия здесь окончена.

Он уехал в Истборн и, погуляв там по меловым холмам и побережью, постепенно расслабился. На это ушло три дня. На третий вечер он сидел апатично в холле отеля, размышляя, не пора ли возвратиться в Лондон. Но агентство Креймера по-прежнему не давало о себе знать. Очевидно, он был в немилости.

Подошел официант и сообщил, что Джеррарда просят к телефону. С первых же слов не без удовольствия он узнал сочный южношотландский говор Бьюкена. Агентство, сказал ему Бьюкен, в опасности. Нависла угроза банкротства, предъявлено несколько серьезных исков, предстоит неизбежная и длительная юридическая война. Анна Креймер, ставшая теперь главным акционером, вернулась к делам и призывает их продолжить работу.

— Только без меня,— ответил канадец.— Я выступаю в амплуа подлого предателя. Уж меня-то не возьмут ни за какие деньги. Да я и сам, признаться, не уверен, хочу ли я, чтобы меня взяли.

На другом конце провода долго молчали.

— Вот уж не думал, что вы станете упиваться жалостью к себе,— сказал Бьюкен после паузы.— Но если это искренне, тогда я умываю руки.

Джеррард почувствовал себя уязвленным и принялся яростно защищаться, критикуя принятый Креймером курс. Он громил и громил перестройку агентства с былой ответственности за свои начинания на чистую погоню за прибылями. Проповедь получилась длинной, и, пожалуй, слишком наставительной; Бьюкен на другом конце провода хладнокровно разрешил ей развиваться сколько влезет, пока Джеррард не остановился, чтобы перевести дух. Тогда шотландец спросил:

— Ну что, высказались?

— Да, черт возьми! И делайте с этим что хотите!..

— Если бы вы дозволили мне вставить хоть словечко, я давно сообщил бы вам, что многое из сказанного вами отнюдь не лишено смысла. Только, наверное, я не стал бы выражаться столь эмоционально...

Теперь молчание воцарилось на другом конце провода — на том, где был Джеррард.

— Ничего не понимаю. Вы со мной согласны?

— Некоторым образом,— заявил Бьюкен.— Потому-то я и хотел бы, чтобы вы все-таки приехали на совещание.

— Какое еще совещание? Вы ничего не говорили ни о каком совещании.

— Неужели? Ну что ж. Совещание назначено на завтра, именно поэтому я, собственно, и звоню. Меня просили вам позвонить.

— Они что, в самом деле просили меня приехать?

— Ну, не сказал бы, что с большим энтузиазмом — ковровых дорожек перед вами не расстелят, но вы, между прочим, штатный сотрудник агентства,— ответил Бьюкен.

— До поры до времени.

— Поживем — увидим. В общем приезжайте. Отель «Ройял Йоркшир», зал Коннот, завтра в два сорок пять. Рад буду с вами встретиться...

И прежде чем Джеррард нашелся, что ответить, Бьюкен повесил трубку.

Тогда канадец отправился в ресторан и, словно возмещая себе за все заботы и сомнения, методично уничтожил одно за другим несколько самых дорогих блюд, какие нашлись в меню. Затем, дымя огромной сигарой, он еще посидел в одиночестве над великолепным коньяком.

Раздумья его касались тех, с кем он прежде работал. Райт и Скэнлон почти наверняка объединятся, чтобы выкинуть его вон. Они не так-то легко забудут, что именно Джеррард первым выдвинул обвинение против дегрона, что именно он объявил дегрон принципиальной предпосылкой лондонской катастрофы. Интересно, каким путем пойдет агентство дальше. Когда он поступал сюда, то рассчитывал, что под руководством Креймера они станут утверждать идею возрастающей ответственности науки перед обществом. Многие их замыслы были тогда четко направлены на охрану окружающей среды, исходили из интересов грядущих поколений. Был, например, заключен контракт с одной из текстильных фирм на севере Англии на разработку более совершенной системы фильтров, которые освободили бы сточные воды от примеси ядовитых красителей.

Однако в дальнейшем Креймер направил всю свою энергию на упрочение финансового положения агентства и получение прибылей, и все общественно значимые начинания оказались заброшенными. Воля Креймера, и только она, сосредоточила усилия всех сотрудников на

выполнении относительно несложных заказов, обещающих скорые и высокие барыши.

Он вернулся в номер и лег, но, несмотря на все выпитое, мысли продолжали обгонять друг друга. Какой у него, собственно, выбор? Перейти в министерство? Сделать это нетрудно, было бы желание. Но что потом — давать второсортные советы третьестепенным политиканам, помирать со скуки ради того, чтобы снабжать дополнительным капиталом людей, в представлении которых интеллектуальная честность нужна лишь для возведения более правдоподобной лжи? Пожертвовать наукой во имя лицемерия?

Назад в Канаду? Ну нет, только не это. Он припомнил факультетский клуб с его тщательно отмеренным радушием и пустотой. Интеллигентные улыбки и иссушенные лица. И пять месяцев зимы — невыносимая перспектива.

Заботы и сомнения множились с каждой минутой, и в конце концов он понял, что все его раздумья приводят лишь к одному — к сердцебиению. Напоследок он начал даже, посмеиваясь над собой, беспокоиться о том, найдется ли у него на завтра чистая рубашка.

Как только он заснул, ему вновь привиделось лицо Анны. Одна половина его существа страстно желала бы, чтобы она была сейчас рядом, другая отвергала ее за рассудочность и подчеркнутую холодность.

На следующее утро он выехал в город спозаранку. Зашел домой, побрился, принял ванну, переоделся, но о еде не хотелось и думать, и он сразу же спустился обратно к машине и направился в отель, где было назначено совещание.

В пути он пытался представить себе, к чему оно приведет. Зачем в отеле, почему не в лаборатории? Уверенности в себе он уже не ощущал. Бьюкен — странный, непростой человек. Может, он играет свою игру? Хочет подбить Джеррарда на выступление и тем самым уязвить Райта?

А если он промолчит, что тогда? Он дорого бы дал, чтобы по-прежнему работать в агентстве. По крайней мере ради того, чтобы встречаться с Анной. Но был ли у него хоть единственный шанс наладить отношения с Райтом? В душе опять вскипел гнев. Он будет выступать, будет, и наплевать на последствия!

Как только он добрался до отеля, настроение его вновь круто переменилось. Он ожидал, что совещание

задумано конфиденциальным, что они рассядутся по креслам в каком-нибудь уютном холле. А оказалось, что заказан небольшой конференц-зал. В правлении агентства, вероятно, насчитывалось больше членов, чем он предполагал.

К своему неудовольствию, он обнаружил, что приехал слишком рано: начало совещания перенесли на три часа. Пришлось слоняться вокруг стола, пока не соберутся остальные. Бетти придала столу официальный вид, поставив стаканы с водой и разложив блокноты и карандаши.

Но вот один за другим появились все, кроме Анны. Она позвонила и сообщила, что задерживается, и просила начинать без нее.

В отсутствие Анны председательское место занял Райт. По правую руку от него расположился финансовый опекуан агентства сэр Гарви Филлипс. Налево от председательского было собственное место Райта, сейчас пустовавшее, затем сидели Скэнлон и главный бухгалтер агентства Саймон Макс, темноволосый, моложавый человек; Джеррард поневоле обратил внимание на его жесткие глаза.

Бьюкен сидел рядом с Филлипсом, потом было место Джеррарда. В дальнем конце стола пристроился юрисконсульт,— кажется, он являлся также и пайщиком агентства,— Алистер Макдональд. Это был худой и хитрый шотландец с севера, отличавшийся нарочитой учтивостью. Попутно Макдональд представлял еще и коммерческий банк, субсидировавший агентство в начале его деятельности.

Совещание открылось формальной речью, в которой Райт выразил сожаление по случаю безвременной смерти Креймера. Едва он кончил, за его спиной отворилась дверь, и вошла Анна. Все встали.

Джеррард следил за выражением ее лица, но она обвела взглядом всех, кто сидел вокруг стола, и оно осталось бесстрастным. Единственное, что она сделала — коротко кивнула Райту в знак благодарности и села на его место, оставив химика председательствовать.

Она все так же смущала Джеррарда. Он приехал сюда разъяренным, горя желанием выступать, а сейчас, в ее присутствии, почувствовал, что вряд ли сумеет произнести хотя бы слово, не заикаясь.

Совещание шло своим чередом: Анне Креймер были выражены соболезнования, настало время для обзора и

анализа событий последних месяцев. Был момент, когда Джеррард мог взять слово. Бьюкен даже слегка подтолкнул его локтем, но канадец притворился, что не заметил этого. Благоприятный момент миновал, и старший коллега Джеррарда откинулся в кресле недовольно и разочарованно. Совещание перешло к другим вопросам. Макдональд, юрисконсульт, поделился некоторыми соображениями насчет того, как им выпутаться из затруднительного положения, связанного с тем, что продукция агентства оказалась причастной к трагедии.

После Макдональда заговорил Макс — он сделал скучный, но вполне квалифицированный доклад о финансовом положении агентства, который не оставлял сомнений в том, что оно выживет.

Настала очередь Райта. Джеррард слушал его скептически. Ни слова раскаяния, ни тени упрека в свой адрес,— а ведь Райт, пусть косвенно, оказался виновником гибели тысяч людей! Он словно и не отдавал себе отчета в том, насколько близка была всеобщая катастрофа.

Излагая свою версию событий, Райт представлял дело так, будто самым ужасным их последствием стали задержка в работе агентства и недоверие к его продукции. Потом канадец понял, что Райт кружным путем подбирается к нему, Джеррарду. Им-де пришлось столкнуться с действиями, которые ставят под угрозу самое их будущее.

Неожиданно для себя Джеррард обнаружил, что стоит на ногах, и осмотрелся. Анна, очевидно, не заметила его порыва — она сосредоточенно глядела в блокнот, выводя там какие-то каракули. Бьюкен со скучающей миной изучал свою трубку. Скэнлон ухмылялся просто от того, что шотландцу не по себе.

В сердце Джеррарда вновь поднялся гнев, но теперь холодный и суровый. И он внятно произнес:

— Прошу слова.

— Но, кажется, я еще не кончил.— Райт смерил его ледяным взглядом.

— Вы сказали более чем достаточно.

Райт вспыхнул:

— Наше совещание придерживается...

— Какое совещание, побойтесь бога! Нас здесь всего-навсего восемь человек, и собрались мы в связи со смертью основателя агентства и в связи с тем, что чуть не погиб целый город. Теперь буду говорить я.

Райт попытался сказать еще что-то, но Анна положила ему на руку свою ладонь.

— Пусть говорит.

Райт колебался еще мгновение, потом капитулировал:

— Прошу вас, доктор Джеррард.

Канадец прочистил горло, обвел взглядом аудиторию.

— Ну что ж, я тут человек новый, и не похоже, что задержусь здесь надолго, потому я начну прямо с заявления, что такого сборища самодовольных и своекорыстных лицемеров я не видел никогда во всей своей жизни. Я не собираюсь подробно разбирать ни тошнотворную цепочку полуправд, с которыми здесь выступил доктор Райт, ни его поведение за последнее время в целом, поведение, несовместимое, на мой взгляд, с лежащей на нас ответственностью...

Райт, побледнев, вскочил:

— Я протестую...

— Будьте любезны выслушать меня,— перебил Джеррард.— Я ждал от вас хоть одного слова сожаления или раскаяния. Хоть одного слова, которое свидетельствовало бы, что эта история не прошла для вас даром. Что вы хотя бы частично признаете себя ответственным перед обществом за свои действия.

Когда Креймер задумывал свое предприятие, перспективы казались большими и вдохновляющими. У него были плодотворные идеи, и он был заинтересован в их воплощении. Его заботили подчас печальные последствия технического прогресса.

Назовите меня романтиком, согласен, но когда я впервые встретился с Креймером, он передал мне свое понимание роли науки. Он показал мне, что можно и нужно направить усилия ученых на пользу людям. И вырвать нас всех из отравленной клоаки, в которую превратился мир. Затем его позиция, как вам известно, изменилась. Его — но не моя.

Мы можем объединить в своем агентстве ученых множества различных специальностей и знаний. Используя эти знания, творчески осмысливая их, мы могли бы уже сейчас вести исследования и разрабатывать конструкции, действительно необходимые людям. Не только получать прибыль — сейчас мы, очевидно, почти разорены,— а направить все свое достояние на пользу обществу.

Никто никогда не вычислит в точности, какова наша доля ответственности за происшедшее. Мы создали дегрон, мы придумали бутылку. Не в наших силах было

предвидеть, какие именно бактерии расплодятся на этой основе, но наша продукция — плод нашей мысли, нашей изобретательности — сыграла в их развитии существенную роль. Ни один из нас не заботился ни о чем, кроме технического остроумия своих предложений. Мы преуспели — Лондон едва не погиб. И этого, безусловно, более чем достаточно, чтобы впредь решительно изменить направление нашей деятельности. В следующий раз погибнуть может весь мир. Если агентство уцелеет — на что я очень надеюсь,— оно обязано незамедлительно и твердо решить, что ему делать и зачем. Разумеется, мы акционерное предприятие, и каждый хочет иметь доходы на вложенный капитал. Но и при этих условиях мы можем и должны найти пути, чтобы наша работа строилась творчески и в интересах общества.— Он запнулся на мгновение и закончил: — Вот... вот, пожалуй, и все, что я хотел сказать...

Он сел на место. Воцарилась мертвая тишина. Джеррард вновь обвел взглядом всех сидевших за столом. Единственным, кто встретился с ним глазами, оказался Бьюкен, но в насмешливом взоре шотландца никто не смог бы прочитать ничего — ни одобрения речи Джеррарда, ни упрека за излишнюю пылкость.

Анна, что называется, опустила очи долу. Райт, как и Джеррард, внимательно всматривался в лица присутствующих, и было очевидно, что изучение этих лиц принесло ему облегчение и удовлетворение. По всем внешним признакам, выступление Джеррарда достигло той самой цели, к которой вел дело сам Райт,— восстановило против кападца всех участников совещания.

— Благодарю вас, доктор Джеррард,— сказал химик, привстав.— Уверен, что выражу общее мнение: мы весьма заинтригованы вашими идеями и предложениями. Испытывает кто-либо желание прокомментировать... гм... проповедь доктора Джеррарда?

Джеррард смотрел на противника не мигая. Если когда-нибудь он ненавидел кого-то лютой ненавистью, то это был именно Райт.

— Я полагал, что ответить мне должны вы,— сказал кападец.— Метил я в вас.

— Что-что, а это я понял,— криво усмехнулся Райт.— Быть может, в один прекрасный день мы проведем на этот счет дискуссию, скажем, на Тауэр-хилл или в Гайд-парке. Но сейчас, прошу меня извинить, мы вернемся к повестке дня данного совещания.

Никто не возразил ему. Скэнлон ухмылялся, Бьюкен набивал свою трубочку. Юрисконсульт Макдональд разглядывал потолок. Анна писала что-то у себя в блокноте.

— Благодарю вас,— повторил Райт.— Теперь переходим к неотложному вопросу о выборах нового председателя правления агентства. Прошу называть кандидатуры.

Наступила пауза, затем слово взял Скэнлон.

— Я вижу единственного достойного кандидата — старшего из сотрудников агентства, который внес в нашу работу наиболее крупный вклад. Вас, доктор Райт.

Сэр Гарви кивнул с достоинством:

— Я поддерживаю эту кандидатуру.

— Благодарю вас, джентльмены. Есть другие предложения?

Райт был польщен, но старался не показать этого, Бьюкен положил свою трубку на стол.

— Да, есть. Я выдвигаю кандидатуру доктора Джеррарда.

— Доктора Джеррарда? — На лице Райта читалось совершенное изумление.— Прикажете понимать вас всерьез?

— Я никогда еще не был так серьезен. То, что он сказал здесь сегодня, в высшей степени справедливо. Я лично очень хотел бы, чтобы агентство пошло именно таким путем. Выдвигаю доктора Джеррарда.

Райт вспыхнул от ярости:

— Извините, но я не могу принять эту кандидатуру и расцениваю ваше предложение как поразительное легкомыслие. Доктор Джеррард работает у нас без году неделю. Он абсолютно не осведомлен ни о становлении, ни о структуре агентства, ни об объеме его работы. И если откровенно, то эмоциональный взрыв, свидетелями которого мы были сегодня, на мой взгляд, полностью исключает возможность дальнейшего его сотрудничества в агентстве, не говоря уже о полномочиях директора...

Бьюкен глубоко затянулся и сказал:

— Вы ведете себя так, словно вас уже поставили во главе всего предприятия. Да у вас, если угодно, нет даже права председательствовать, пока обсуждается ваше назначение...

Райт вопросительно взглянул на Анну, и та откликнулась:

— Вероятно, будет действительно лучше, если я займу теперь председательское место, доктор Райт,

Они поменялись местами. Анна посмотрела на юрисконсульта, сидящего в дальнем конце стола.

— Просим вашего совета, мистер Макдональд. Играет ли в данном случае какую-то роль время пребывания доктора Джеррарда в штате агентства?

Макдональд решительно покачал головой.

— С моей точки зрения, ни малейшей.

— Тогда продолжим обсуждение.— Райт порывался что-то сказать, но Скэнлон удержал его.— Кто еще выступает за кандидатуру доктора Джеррарда?

Анна обвела взглядом одного за другим всех присутствующих. Наконец Макдональд решился:

— Да, я тоже хотел бы выступить за эту кандидатуру.

Райт недоуменно уставился на него, но юрисконсульт уже уткнулся в свои бумаги.

— Кто еще? — спросила Анна. Ответом ей было долгое молчание.— Хорошо, приступим к голосованию. Думаю, вполне достаточно будет поднятия рук. Кто за назначение доктора Райта?

Руки подняли Скэнлон и сэр Гарви.

— Двое. Кто за кандидатуру доктора Джеррарда?

Бьюкен и Макдональд.

Джеррард никак не мог привести мысли в порядок, не мог понять причин внезапного поворота фортуны. Что все это значит, какими мотивами руководствовались эти двое? Анна обратилась к главному бухгалтеру:

— А вы, мистер Макс?

— Я присутствую здесь в качестве консультанта, у меня нет права голоса.

Макс явно радовался тому, что ему не надо ввязываться в сложную ситуацию. Остальные замерли в напряжении.

— Два голоса за каждого из кандидатов,— сказала Анна.— Выходит, я должна использовать свой решающий голос.

Райт посмотрел на нее с благодарностью. Он был не слишком прозорливым человеком и полагал, что совещание утвердит его назначение автоматически; неожиданное сопротивление выбило его из колеи.

Анна не спеша сняла темные очки и сложила их. «Черт бы тебя взял,— подумал Джеррард,— смакуешь свой крошечный триумф? Ну, и подавись им!..»

— После всего, что мы сегодня слышали,— сказала

Анна,— я полагаю, что должна поддержать кандидатуру доктора Джеррарда.

В наступившей тишине Райт чуть заметно покрутил головой, словно не веря своим ушам. Джеррард сидел совершенно ошеломленный. Наконец химик обрел дар речи и поднялся на ноги.

— Не могу поверить... Не понимаю...

Анна не выдержала его изумленного взгляда и отвернулась. Все самообладание Райта исчезло бесследно, он едва не плакал.

— Но почему? Почему?..— повторял он.

— Потому что мои представления о дальнейшей судьбе агентства в корне отличаются от ваших,— произнесла она.

— Но как это может быть? Я просто не понимаю! — выкрикивал Райт.

— Мой покойный муж правил агентством как самодержец. Его это устраивало. Он был... он был Арнольд Креймер. Он основал агентство. Но в результате мы понесли серьезный урон, и, по-моему, доктор Джеррард очень хорошо обрисовал стоящую перед нами проблему. Мы попросту не делаем того, что намеревались делать. И наши идеалы...

— Идеалы?

— Да, идеалы. Некогда они у нас были.

— Я не могу согласиться с вами. Тем более я не могу работать с этим...— Райт ткнул трясущимся пальцем в сторону Джеррарда,— с этим человеком. Предупреждаю вас, миссис Креймер, вы вынуждаете меня подать в отставку, и да будет вам известно — патенты на аминостерен и дегрон уйдут вместе со мной!..

Теперь Анна взглянула ему прямо в глаза.

— Ну и что? — спокойно спросила она.

Райт запнулся.

— Вы готовы к тому, что я заберу их?

— Я хочу, чтобы вы их забрали. Они повинны в смерти моего мужа, они едва не убили доктора Джеррарда и меня, они не принесли нам ничего, кроме позора. Я хотела бы расторгнуть все старые обязательства и начать все сначала.

— Хорошо сказано!

Бьюкен в свою очередь уставился на Райта с вызовом.

— Но на эти патенты приходится львиная доля всех

финансовых поступлений,— ввернул Скэплон, озабоченно подавшись вперед.

— Не совсем так,— отозвался Бьюкен.— И к тому же, Райт, дегрон запатентован на имя агентства, а отнюдь не на ваше...

Райт резко оттолкнул кресло.

— Интересно узнать, что скажет обо всем этом сэр Гарви?

Финансист пожал плечами.

— У миссис Креймер — контрольный пакет акций, значит, ей и решать. Моя основная забота в данном случае — чтобы мне гарантировали прежние проценты на капитал...

— В таком случае мне придется уйти.— Райт встал и бросил взгляд на Скэнлона. Однако тот увернулся от этого взгляда — он смотрел исключительно на сэра Гарви.— Если в дальнейшем у вас возникнут ко мне вопросы, вам придется обратиться к моему адвокату.

Райт медленно повернулся, собрав все свое достоинство, выпрямив спину и высоко подняв голову, и вышел из конференц-зала. В эту секунду Джеррарду было почти жаль его. Невзирая на горделивую позу или, может, именно благодаря ей химик внезапно состарился прямо на глазах. Конченый человек.

— Доктор Джеррард,— произнесла Анна,— вас избрали на пост председателя правления. Принимаете ли вы этот пост?

Возникла пауза, и Джеррард вдруг ощутил себя в центре внимания.

— Ну что ж... Пожалуй, да...

Это прозвучало совсем не убедительно, даже для него самого, и он заметил, что по лицу Анны скользнула тень разочарования. Только тут до него, наконец, дошло, что он теперь новый босс, преемник Креймера. Что от него ждут указаний. Уход Райта явился для всех потрясением. Он обязан приободрить их, дать им определенную линию, которой они могли бы придерживаться. Анна поднялась с кресла.

— Теперь, когда у нас есть новый председатель, я чувствую себя здесь не совсем на месте. Пожалуйста, продолжайте совещание, доктор Джеррард.

Канадец кивнул и, постаравшись изобразить на лице уверенность, которой отнюдь не испытывал, сел во главе стола. Огляделся.

— Миссис Креймер, джентльмены, нам с вами выпа-

ло сегодня участвовать в драматических событиях. Я не вижу особого смысла продолжать совещание с места в карьер и предлагаю отложить нашу встречу до следующего месяца.— Он сверился с календариком на наручных часах.— Могу назначить точную дату, двадцатое. К этому времени я постараюсь разработать и предложить вашему вниманию план дальнейшей деятельности агентства. А теперь, если у вас нет других срочных вопросов,— он еще раз взглянул на часы,— я позволю себе закрыть заседание. На том и закончим.

Как только совещание закрылось, Скэнлон и сэр Гарви удалились, взволнованно переговариваясь. «С ними я еще хлебну горя»,— подумал Джеррард. Подошел Бьюкен, поздравил с избранием.

— Но всякую самостоятельную работу придется свернуть, это вы понимаете?

— Мне, признаться, жаль Райта.

Бьюкен посмотрел на него с насмешкой.

— А мне нет. Небольшое хирургическое вмешательство подчас бывает весьма полезно.— И добавил, глядя вслед Скэнлону, который в дверях почтительно пропустил сэра Гарви вперед: — Я, в сущности, не уверен, что нож уже отсек все, что необходимо. Впрочем,— улыбнулся он,— вспомните евангелие от Матфея: «Довольно для каждого дня своей заботы». Я намерен разрешить себе скромный торжественный ужин в «Принце Уэльском». Не желаете присоединиться?

Джеррард украдкой взглянул на Анну — она стояла по другую сторону стола и беседовала с Максом и Макдональдом.

— Спасибо, нет.

Бьюкен перехватил его взгляд.

— А, понимаю. Ну что ж, желаю удачи. Сдается мне, что удача вам отнюдь не помешает...

Шотландец ретировался. К Джеррарду подошел Макс, а затем и Макдональд; оба поздравили его и заверили в своей поддержке. Бетти, собрав со стола бумаги, тоже подошла:

— Я могу быть свободна, сэр?

Не без некоторого внутреннего ликования он отметил, что тон у нее явно переменился.

— Разумеется. До понедельника.

Ушла и Бетти, и он наконец остался с Анной наедине. Он принял решение. Он столько выиграл за какие-то

несколько часов! Хороший игрок обязательно воспользовался бы тем, что счастье улыбнулось ему.

— Анна!..

Она повернулась, оторвавшись от кредитных и завещательных документов, которые передал ей Макдональд.

— Да?..

Она все еще была по другую сторону стола. Он перегнулся через стол.

— Я очень вам благодарен. Больше, чем могу выразить...

Она холодно подняла на него глаза.

— Не за что. Я защищаю собственные интересы. Из вас двоих я выбрала того, кто лучше справится с работой. Только и всего.

— Я не уверен, что справлюсь с ней самостоятельно.

— Зато я уверена, что вам помогут. Приспособятся к новому положению вещей и помогут.

— Я вовсе не это имел в виду.— Он обошел стол и приблизился к ней.— Я прошу именно вашей помощи.

— Конечно, я сделаю все, что смогу.

И она опять отвернулась, став спиной к столу.

— Вы знаете, о чем я прошу.— Она замерла. Теперь он был с ней рядом. Она молчала.— Работы до черта. Слишком много для меня одного. Я не справлюсь без вас. Вы нужны мне как полноправный партнер.

— Партнер? А мне-то казалось, что я и так...

Он схватил ее за руки и повернул к себе лицом.

— Не водите меня за нос. Быть может, сегодня еще слишком рано. Но я хочу вас. Я просто не смогу работать, если вас не будет со мной.

Ответом было молчание. Она по-прежнему смотрела в сторону.

— Пожалуйста, выслушайте меня до конца. Я хочу работать здесь, очень хочу! Но вы для меня неизмеримо важнее. Если на это нет никаких шансов, тогда не поминайте лихом. Тогда я здесь не останусь.

Она по-прежнему не отвечала. Он медленно выпустил ее руки из своих и пошел прочь. Он уже открывал дверь, когда она окликнула:

— Люк!..— Он оберпулся.— Вы должны дать мне время...

Он присмотрелся к ней издали.

— Сколько вам только понадобится. А пока что,— он взглянул на часы,— ровно пять минут. Я повезу вас поужинать...

Она вплотную подошла к нему и подняла лицо. Поцелуй был долгим и нежным. Джеррарду стоило немалых усилий удержать свой голос от предательской дрожи:

— А теперь пойдем, хорошо?

Когда они вышли из жарко натопленного вестибюля на зимнюю улицу, уже совсем стемнело. Небо было морозное, ясное, в ярких звездах. И оба они, не сговариваясь, посмотрели вверх, в эту словно ледком подернутую высь.

В небе был отчетливо виден Марс, бледно-красная точечка света. Ни Джеррард, ни Анна никогда и не слышали о равнине Конрада.

Равнина эта лежит в трехстах километрах к северу от марсианского экватора. Ее знали до сих пор по фотоснимкам, переданным с пролетевшего вблизи планеты космического аппарата, и именно ее, лишенную заметного рельефа, выбрали как идеальное место для мягкой посадки первого автомата-разведчика.

Двадцатичетырехчасовой марсианский день близился к концу. Маленький кровавый солнечный диск прятался за крутые холмы у кратера на горизонте, и фиолетовые тени бежали по песку и скалам будто исполинские пальцы.

Единственным звуком здесь было слабое посвистывание студеного ветерка, там и сям вздымающего кратковременные песчаные смерчи. Холмы венчали сероватые шапки инея, а в глубине расщелин у основания кратера виднелись лоскутки лишайников со странными очертаниями.

По темно-лиловой чаше неба плыли редкие тонкие облачка, и ничто более не нарушало мертвого покоя ландшафта. Ландшафта, который оставался неизменным год за годом, столетие за столетием.

Ничьи глаза не замечали игры красок, ничьи уши не прислушивались к ветерку, ничьи руки не посягали на дикость скал. Одни лишайники цеплялись за жизнь во влажных расщелинах.

И некому было различить слабый грохот, пришедший из глубин неба. Затем лучи заходящего солнца высветили крохотную искорку, летящую среди звезд.

Мало-помалу отдаленный грохот превратился в надсадный рев ракетного двигателя — на поверхность плане-

ты, опираясь на хвост буйного пламени, спускался «Аргонавт-1».

Он приближался — ввысь кипящей тучей взметнулся невесомый песок, над равниной закрутились обломки скал, поднятые со своих мест выхлопами ракеты. И вот неуклюжий паукообразный силуэт оперся на свои гидравлические ноги. Спружинив от удара, они неторопливо выпрямились. Двигатель смолк. Тучу пыли постепенно развеяло ветром.

Раскаленное сопло, потрескивая, быстро остыло в разреженной атмосфере.

Где-то в верхней части насекомоподобного корпуса взвыл сервомотор, раскрылся маленький люк, из него высунулась и, щелкнув, развернула свою паутину сложная радиоантенна.

Автоматически включились электронные цепи, оживляя лабиринт хитроумных приборов на борту. Созданное человеком существо приступило к работе. В основании корпуса приоткрылась дверца, оттуда вылезла членистая рука с лопаткой, зачерпнула мягкий марсианский песок и утащила свою добычу внутрь. Измерительные устройства установили температуру, скорость ветра, уровень радиации, содержание кислорода в воздухе.

Мощные передатчики, получив результаты измерений, превратили их в радиоимпульсы и метнули туда, где торжествовали победу,— на Землю, в командный центр на мысе Кеннеди.

В течение всей морозной марсианской ночи «Аргонавт-1» настойчиво добавлял все новые и новые радиоштрихи к картине древней планеты. И по мере того как он выполнял свою задачу, свитые в плотный клубок провода и схемы неизбежно разогревались.

Тепло постепенно добралось и до логической ячейки М-13.

Наутро, через два часа после восхода солнца, «Аргонавт-1» внезапно прекратил свое существование. В клетках его глянцевитого тела начала размягчаться пластмасса.

МАЙКЛ КРАЙТОН

ШТАММ «АНДРОМЕДА»

Перевод В. Тальми и О. Битова

Посвящаю доктору А. Д., который первым предложил моему вниманию эту проблему

Чем ближе к истине, тем дороже обходится каждый шаг.

Р. А. Янек

ШТАММ «АНДРОМЕДА»

ВСЕ МАТЕРИАЛЫ НАСТОЯЩЕГО ДЕЛА
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНЫ

ОЗНАКОМЛЕНИЕ С НИМИ ЛИЦ, НЕ ИМЕЮЩИХ НА ТО ПОЛНОМОЧИЙ, КАРАЕТСЯ ТЮРЕМНЫМ ЗАКЛЮЧЕНИЕМ СРОКОМ ДО 20 ЛЕТ И ШТРАФОМ 20 ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ

В СЛУЧАЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ ПЕЧАТЕЙ
ОТ КУРЬЕРА НЕ ПРИНИМАТЬ

ЗАКОН ОБЯЗЫВАЕТ КУРЬЕРА ПОТРЕБОВАТЬ ОТ ВАС ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ УДОСТОВЕРЕНИЯ— ФОРМА № 7592. БЕЗ ТАКОГО УДОСТОВЕРЕНИЯ ЛИЧНОСТИ КУРЬЕР НЕ ИМЕЕТ ПРАВА ПЕРЕДАТЬ ВАМ НАСТОЯЩЕЕ ДЕЛО

КОНТАКТ

1. ЗЕМЛЯ БЕЗ КОНЦА И КРАЯ

Человек с биноклем. Так это началось: зимним вечером в штате Аризона человек стоял на пригорке у дороги, над безвестным поселком.

Управляться с биноклем лейтенанту Роджеру Шоуну было, надо думать, очень неудобно. Металл бинокля промерз, меховая куртка с капюшоном да еще толстые перчатки делали движения вялыми и неуклюжими. Дыхание со свистом вырывалось в пронизанный лунным сиянием воздух, линзы запотевали. То и дело приходилось протирать их, а пальцы в перчатке не желали слушаться.

Откуда ему было знать, насколько все это ни к чему. Бинокль был слишком слаб, в него нельзя было увидеть, что происходит в поселке, приподнять покров над его тайнами. Шоун изумился бы, услышь он, что те, кому в конце концов удалось их раскрыть, пользовались приборами в сотни тысяч раз мощнее.

Было в облике Шоуна что-то грустное, и нелепое, и трогательное: вот он прислонился к валуну, оперся на него локтями, подносит бинокль к глазам... Бинокль был тяжелым и громоздким, а все-таки приятно ощущать в руках что-то привычное, что-то знакомое. Наверное, это было для Шоуна одним из последних привычных ощущений перед смертью.

Можно лишь представить себе, лишь пытаться воссоздать то, что произошло потом.

Медленно, методично лейтенант Шоун оглядел поселок в бинокль. Он увидел, что тот невелик — полдюжины деревянных домиков вдоль единственной улицы. Все

было тихо: ни движения, ни огонька, и легкий ветерок не доносил ни звука.

Лейтенант перевел взгляд на окрестные холмы — однообразные, низкие, серые с плоскими, будто срезанными вершинами; на холмах рос чахлый кустарник да редкие сухие заиндевевшие деревья — юкка. За холмами были еще холмы, а дальше — безбрежность и бездорожье пустыни Мохаве. Индейцы называли ее Землей без конца и края.

Шоун почувствовал, что дрожит на ветру. Был февраль, самый холодный месяц, и уже за десять вечера. Лейтенант зашагал к фордовскому фургону с большой вращающейся антенной на крыше, стоявшему на дороге чуть поодаль. Двигатель мягко урчал на холостых оборотах; это был единственный звук, который нарушал ночную тишину. Шоун открыл заднюю дверцу и, вскарабкавшись в кузов, захлопнул ее за собой.

В фургоне горел темно-красный свет — ночное освещение, чтобы легче приспособиться к темноте, когда выйдешь на улицу. На приборных панелях и стойках со сложной радиоаппаратурой мерцали зеленые огоньки.

Рядовой Льюис Крейн, радиотехник, сидел в такой же куртке с капюшоном, сгорбившись над картой, и что-то рассчитывал, время от времени сверяясь по приборам.

Шоун спросил Крейна, уверен ли тот, что они прибыли на место, и Крейн ответил утвердительно. Оба устали — от базы Вандепберг их отделял уже целый день пути, целый день, прошедший в поисках последнего спутника из серии «Скуп»*. В общем-то о спутниках этой серии они почти ничего не знали, разве только то, что секретные спутники «Скуп» запускаются для исследования верхних слоев атмосферы, а затем возвращаются на Землю. Задача Шоуна с Крейном состояла в том, чтобы разыскивать спутники после их приземления. Для облегчения поиска на спутниках устанавливали радиомаяки — «пищалки», которые автоматически включались, когда «Скуп» снижался до восьми километров.

Вот почему в фургоне было столько радиопеленгационной аппаратуры. По существу, он сам себя и выводил к цели. На военном языке это называлось «одноагрегатная триангуляция»— способ очень эффективный, хотя и медленный. Методика была простая: фургон останавливался,

---

* Scoop (*англ.*) — ковш, черпак.— *Здесь и далее примечания переводчиков.*

Шоун с Крейном определяли свое местонахождение и записывали силу и направление радиосигнала спутника. Потом проезжали километров тридцать, выбрав наиболее вероятное направление, опять останавливались и определяли новые координаты. Таким образом, раз за разом на карте появлялась россыпь триангуляционных точек, и фургон зигзагами приближался к спутнику, останавливаясь через каждые тридцать километров для коррекции возможных ошибок. Все это, конечно, получалось медленнее, чем с двумя фургонами, зато безопаснее: командование считало, что появление двух фургонов в одном и том же районе скорее привлечет к себе внимание.

Битых шесть часов они подбирались к очередному спутнику. И наконец они почти у цели...

Крейн нервно постучал карандашом по карте и назвал поселок у подножия холма: Пидмонт, штат Аризона. Жителей — сорок восемь человек. Они еще посмеялись над этим, хотя оба и ощущали смутное беспокойство. РТП — расчетная точка приземления, которую им сообщили на базе,— лежала в двадцати километрах к северу от Пидмонта. Рассчитали РТП в Ванденберге по данным радиолокационных наблюдений и 1410 проекциям траектории, вычисленным ЭВМ. Как правило, ошибка в определении РТП не превышала сотни метров.

Однако с радиопеленгатором не поспоришь. А он засек «пищалку» в самом центре поселка. Шоун высказал предположение, что кто-нибудь из местных мог заметить снижающийся спутник — он же раскалился до свечения,— разыскал его и притащил в Пидмонт. Это звучало правдоподобно. Но житель Пидмонта, наткнувшийся на тепленький, только что из космоса спутник, кому-нибудь да разболтал бы про такое дело: газетчикам, полиции, НАСА, военным — ну хоть кому-нибудь...

А на базе ничего не слышали.

Шоун вылез из фургона, за ним выбрался Крейн, поеживаясь на морозе. Теперь они оба смотрели на поселок — тот лежал перед ними притихший, без огонька. Шоун обратил внимание, что света нет ни на бензоколонке, ни в мотеле. А ведь ни колонок, ни мотелей больше не было на многие километры вокруг.

И тут Шоун заметил птиц.

При свете полной лупы он видел их совершенно ясно — огромные птицы величаво парили над поселком, черные силуэты пересекали лунный диск. Лейтенант удивился, почему он не заметил их раньше, и спросил Крей-

на, что это за птицы. Крейн ответил, что не имеет ни малейшего представления, и добавил в шутку:

— Может, стервятники?..

— Между прочим, похоже,— сказал Шоуп.

Крайн нервно рассмеялся, выпустив клуб пара:

— Но что им тут делать, стервятникам? Они же слетаются только на падаль...

Шоун зажег сигарету, прикрыв зажигалку ладонями, чтобы ветерок не загасил пламя. Он помолчал, посмотрел еще раз вниз на дома, на силуэт поселка. Потом еще раз оглядел Пидмонт в бинокль и снова не обнаружил никаких признаков жизни, никакого движения.

В конце концов он опустил бинокль и бросил сигарету на свежий снег — она зашипела и погасла. Повернулся к Крейну и сказал:

— Поедем посмотрим...

2. БАЗА ВАНДЕНБЕРГ

В пятистах километрах от Пидмонта, в большой квадратной комнате без окон, где был расположен Центр управления программой «Скуп», лейтенант Эдгар Камроу сидел, водрузив ноги на стол, и лениво перебирал вырезки из научных журналов. Камроу был сегодня ночным дежурным офицером: дежурить ночью ему выпадало раз в месяц, и в его обязанности входило управление действиями сокращенного ночного расчета в составе двенадцати человек. Сегодня расчет контролировал передвижения фургона под кодовым наименованием «Капер-1», который колесил по аризонской пустыне, и поддерживал с ним радиосвязь.

Дежурить Камроу не любил. Серую комнату освещали лампы дневного света; обстановка была убого утилитарной и очень раздражала его. Обычно он приходил в Центр управления только во время запусков — тогда атмосфера здесь бывала совершенно иной: комнату заполняли озабоченные специалисты, все были заняты своим делом, выполняя часть единой сложной задачи, все жили тем особым сдержанным ожиданием, какое предшествует любому запуску в космос.

А по ночам было нудно. По ночам никогда ничего не случалось, и Камроу использовал эти часы для чтения специальной литературы. По профессии он был физиолог, специалист по сердечно-сосудистой системе и особо инте-

ресовался влиянием на организм перегрузок при больших ускорениях. Сегодня он решил просмотреть статью под названием «Стехиометрия содержания кислорода и диффузионных градиентов при увеличении газовых напряжений в артериях». Читалась статья трудно и показалась малоинтересной. Поэтому он охотно оторвался от журнала, едва над головой ожил динамик радиосвязи с Шоуном и Крейном.

— «Капер-1» вызывает Основную,— послышался голос Шоуна.— «Капер-1» вызывает Основную. Как меня слышите? Прием...

Камроу, повеселевший, отвечал, что слышит хорошо.

— Въезжаем в поселок Пидмонт. Спутник где-то здесь...

— Хорошо, «Капер-1». Не выключайте рацию.

— Вас понял...

Все это в точности соответствовало правилам обнаружения спутников, изложенным в наставлении по программе «Скуп». Наставление — гроссбух в мягкой серой обложке — лежало на углу стола, у Камроу под рукой. Ему было известно, что все переговоры фургона с базой записываются на пленку и впоследствии станут частью постоянного архива «Скуп»; правда, он никак не мог понять, зачем все это нужно. Казалось, дело проще простого; фургон выезжал, обнаруживал спутник, забирал его и возвращался...

Камроу пожал плечами и снова взялся за статью о газовых напряжениях, слушая Шоуна в полслуха:

— Мы в поселке. Проехали бензоколонку и мотель. Вокруг все тихо. Никаких признаков жизни. Сигналы спутника становятся сильнее. Впереди церковь. Она не освещена, и никого по-прежнему не видно...

Камроу положил журнал на стол. В голосе Шоуна, несомненно, слышалось какое-то волнение. В другой раз Камроу, может, и рассмеялся бы при мысли, что два здоровых парня дрожат со страху, въезжая в сонный поселочек среди пустыни. Но Шоуна он знал лично; чем-чем, а избытком воображения Роджер не страдал. Шоун мог уснуть в кино на фильме ужасов. Такой уж он был человек.

И Камроу начал вслушиваться. Сквозь потрескивание помех до него доносился шум мотора. И негромкий диалог в фургоне:

Шоун. Уж слишком тут все спокойно...

Крейн. Так точно, сэр.

Пауза.

К р е й н. Сэр!..

Ш о у н. Да?

К р е й н. Вы видели?

Ш о у н. Что?

К р е й н. Вон там, на тротуаре. Вроде человек лежит...

Ш о у н. Вам, наверно, померещилось...

Снова пауза — и тут Камроу услышал, как фургон, взвизгнув тормозами, остановился.

Ш о у н. Господи боже!..

К р е й н. Еще один, сэр!

Ш о у н. Как будто мертвый...

К р е й н. Может, мне...

Ш о у н. Отставить! Из фургона не выходить!

Голос его стал громче и официальнее — он послал в эфир вызов.

— «Капер-1» вызывает Основную. Прием...

Камроу поднял микрофон.

— Основная слушает. Что там у вас?

— Сэр, мы видим тела. Много тел. По-видимому, мертвецы...

— Вы уверены в этом, «Капер-1»?

— Черт возьми,— сказал Шоун.— Конечно, уверены...

— Продолжайте поиск спутника, «Капер-1»,— ответил Камроу как можно мягче.

Отдав приказание, он окинул комнату взглядом. Двенадцать человек из дежурного расчета смотрели на него невидящими глазами — они слушали передачу.

Мотор фургона взревел.

Камроу сбросил ноги со стола и нажал на пульте красную кнопку «Режим». Теперь Центр управления был надежно изолирован от всех других помещений. Без разрешения Камроу никто не смог бы ни войти, ни выйти.

Затем он снял телефонную трубку.

— Дайте майора Мэнчика. М-Э-Н-Ч-И-К-А. Да, разговор служебный. Жду...

Мэнчик был старшим дежурным офицером на текущий месяц — именно на нем лежала вся полнота ответственности за выполнение программы «Скуп».

В ожидании вызова Камроу прижал трубку плечом и зажег сигарету. Из динамика доносился голос Шоуна:

— Вам тоже кажется, что они мертвые, Крейн?

К р е й н. Так точно, сэр. Померли, видать, легко, но уж померли — это как пить дать...

Ш о у н. Вроде бы и на мертвецов не похожи. Чего-то не хватает. Что-то здесь не то... Смотрите, вон еще — везде лежат. Сколько их!..

К р е й н. Будто шли, шли и упали. Оступились — и замертво...

Ш о у н. И на дороге и на тротуарах...

Снова пауза — и голос Крейна:

— Сэр!..

Ш о у н. Господи боже!..

К р е й н. Видите? Мужчина в белой рубахе — вон там пересекает дорогу...

Ш о у н. Вижу.

К р е й н. Перешагивает прямо через трупы, вроде как...

Ш о у н. Идет сюда.

К р е й н. Послушайте, сэр, извините, конечно, но, по-моему, лучше бы нам убра...

Крейна прервал на полуслове пронзительный крик, и следом донесся треск. На этом передача оборвалась, и восстановить связь с фургоном «Капер-1» Центр управления на базе Ванденберг так и не смог.

3. КРИЗИС

Рассказывают, что, когда Гладстону доложили о смерти «китайца» Гордона * в Египте, премьер пробормотал раздраженно, что британский генерал мог бы выбрать для своей смерти и более удобное время: смерть Гордона породила в правительстве Гладстона разброд и вызвала кризис. Какой-то подчиненный заметил, что здесь имеет место уникальное стечение обстоятельств и предвидеть это никак нельзя, на что Гладстон сердито ответил:

— А, все кризисы одинаковы...

Он, конечно, имел в виду кризисы политические. Научных кризисов в 1885 году не было и в помине; впрочем, их не было и на протяжении последующих почти сорока лет. Зато потом разразились восемь кризисов первостепенной важности, и два из них получили широкую огласку. Интересно, что оба эти кризиса, связанные с открытием атомной энергии и выходом в космос, затрагивали химию и физику, но не биологию.

* Чарлз Джордж Гордон (1833—1885) — английский генерал-колонизатор, руководил зверским подавлением Тайпинского восстания в Китае, участвовал в захвате Англией Египта.

В сущности, того и следовало ожидать. Физика первой из естественных наук стала полностью современной и насквозь математизированной. Затем математизировалась и химия, биология же оставалась дефективным ребенком, сильно отставшим от своих сверстников. Ведь еще во времена Ньютона и Галилея люди знали о Луне и других небесных телах больше, чем о собственном теле.

Так было вплоть до конца 40-х годов нашего века. Лишь после войны под влиянием открытия антибиотиков в биологических исследованиях началась новая эра. Внезапно биологи обрели как моральную, так и материальную поддержку, и поток открытий не заставил себя ждать: транквилизаторы, стероидные гормоны, иммунохимия, генетический код. К 1953 году была произведена первая пересадка почки, а к 1958-му — испытаны первые противозачаточные таблетки. Вскоре биология оказалась самой быстрорастущей отраслью науки: биологические познания за десять лет буквально удвоились. Дальновидные исследователи уже всерьез поговаривали об изменении генов, управлении эволюцией и контроле над психикой; десятилетием раньше подобные идеи считались чисто умозрительными, чтобы не сказать сумасбродными.

Но биологического кризиса еще ни разу не случалось. Штамм «Андромеда» дал толчок первому.

Согласно Льюису Борнхайму, кризис есть ситуация, при которой совокупность обстоятельств, ранее вполне приемлемая, вдруг, с появлением какого-то нового фактора, становится совершенно неприемлемой, причем почти безразлично, является ли новый фактор политическим, экономическим или научным: смерть национального героя, колебания цен, новое техническое открытие — любое обстоятельство может явиться толчком для дальнейших событий. В этом смысле Гладстон был прав — все кризисы одинаковы.

Известный ученый Альфред Покран посвятил кризисам специальную работу («Культура, кризисы и перемены») и пришел к интересным выводам. Во-первых, он отмечает, что любой кризис зарождается задолго до того, как фактически разразится. Например, Эйнштейн опубликовал основные положения теории относительности в 1905—1915 годах, то есть за сорок лет до того, как его труды привели в конечном счете к началу новой эпохи и возникновению кризиса.

Покран также отмечает, что в каждом кризисе заме-

шано множество отдельных личностей и характеров и все они неповторимы:

«Трудно представить себе Александра Македонского перед Рубиконом или Эйзенхауэра на поле Ватерлоо; столь же трудно представить себе Дарвина, пишущего письмо Рузвельту о потенциальных опасностях, связанных с атомной бомбой. Кризис творится людьми, которые вступают в него со всеми своими предрассудками, пристрастиями и предубеждениями. Кризис есть сумма промахов, недоумений и интуитивных озарений, совокупность замеченных и незамеченных факторов.

В то же время за неповторимостью любого кризиса скрывается поразительное их сходство друг с другом. Характерная особенность всех без исключения кризисов — их предвидимость в ретроспективе. Кажется, будто им присуща некая неизбежность, будто они предопределены свыше. И хоть это замечание и не относится ко всем кризисам, оно справедливо по отношению к столь значительному их числу, что закаленнейший из историков может стать циником и мизантропом...»

В свете рассуждений Покрана немалый интерес вызывают биографии и характеры тех, кто был вовлечен в историю со штаммом «Андромеда». До «Андромеды» кризисов в биологической науке не было, и первые американцы, столкнувшиеся лицом к лицу с фактами, не были подготовлены к тому, чтобы мыслить приличествующими случаю категориями. Шоун и Крейн были люди способные, но не глубокие, а Эдгар Камроу, дежурный офицер на базе Ванденберг, хотя и был ученым, но тоже оказался неподготовленным и ощутил только раздражение от того, что какая-то непонятная история испортила спокойный вечер.

В соответствии с инструкцией Камроу вызвал своего непосредственного начальника майора Артура Мэнчика, и тут-то вся история приняла другой оборот. Ибо Мэнчик был вполне подготовлен и даже предрасположен к тому, чтобы иметь дело с кризисом самого большого масштаба.

Однако это еще не значит, что он сразу же распознал кризис как таковой.

С лица майора Мэнчика еще не стерлись следы сна; сидя на краешке стола Камроу, он слушал передачу из

фургона в магнитофонной записи. Когда запись кончилась, он сказал:

— Чертовщина какая-то.

И прокрутил все сначала. Пока слушал, успел набить трубку, примять табак и прикурить.

Инженер Артур Мэнчик был немногословным человеком плотной комплекции; транзиторная гипертония грозила вот-вот прекратить его дальнейшее продвижение по армейской служебной лестнице. Много раз ему советовали согнать вес, да только он никак не мог собраться. Он даже подумывал, не бросить ли военную службу и не поступить ли куда-нибудь на частное предприятие, где никто не станет допытываться, какой у сотрудников вес и кровяное давление.

В Ванденберг Мэнчик прибыл из научно-исследовательского института ВВС «Райт Паттерсон» в Огайо. Там он возглавлял эксперименты по отработке методов приземления космических аппаратов — он ставил себе задачей найти оптимальную форму спускаемого аппарата, одинаково безопасную при спуске на сушу и на воду. Мэнчику удалось разработать три многообещающих варианта; его успех был отмечен повышением в должности и переводом в Ванденберг.

И здесь он оказался в ненавистной ему роли администратора. Люди ему наскучили, хитрости управления подчиненными и причуды их характеров не занимали его нисколько. Нередко ему хотелось вернуться к своим аэродинамическим трубам, в институт. Особенно в те ночи, когда его стаскивали с постели, чтобы срочно решить какой-нибудь идиотский вопрос.

Сегодня он был раздражен и взвинчен. И, как всегда, реагировал на подобное состояние по-своему: стал нарочито медлительным, ходил медленно, думал медленно, работал со скучной, обстоятельной неторопливостью. В том и был секрет его успеха. Когда все вокруг шалели от возбуждения, Мэнчик, казалось, терял последний интерес к происходящему, чуть ли не начинал дремать. Таким хитроумным способом он умудрялся сохранять ясность мысли и объективность суждений.

И теперь, слушая запись во второй раз, он только вздыхал да посасывал трубку.

— Насколько я понимаю, нарушение связи исключено?

Камроу кивнул.

— Мы у себя проверили все системы. Несущую частоту их рации мы принимаем и сейчас...

Он включил приемник, и комнату наполнило шипение помех.

— Знакомы вы с методом звукопросеивания? — спросил Камроу.

— Смутно,— ответил Мэнчик, подавляя зевоту.

В действительности он сам разработал метод звукопросеивания года три назад. Этот метод позволяет при помощи счетно-решающего устройства отыскать иголку в стоге сена — машине задается соответствующая программа, и она вылавливает из слитных, беспорядочных шумов определенные отклонения от среднего уровня. Можно, например, записать гомон общего разговора на приеме в посольстве, а потом, пропустив запись через ЭВМ, выделить один-единственный голос.

Метод звукопросеивания применяется для различных разведывательных целей.

— Ну, так вот,— сказал Камроу,— после того как передача оборвалась, мы принимаем только несущую частоту с шумами помех, какие вы сейчас слышите. Попытаемся теперь выделить из них что-нибудь вразумительное, пропустив частоту через просеиватель и подключив осциллограф...

В углу комнаты светился экран осциллографа, и на нем плясала белая ломаная линия — суммарный уровень шумов.

— Теперь,— сказал Камроу,— включаю ЭВМ. Вот...

Он нажал кнопку на панели, и характер линии на экране тотчас же изменился. Кривая стала спокойнее и равномернее, приобрела ритмичный, пульсирующий характер.

— Так,— произнес Мэнчик. Он сразу расшифровал для себя эту кривую, понял ее значение. Мозг его был уже занят другим, перебирал возможности, взвешивал варианты...

— Даю звук,— предупредил Камроу.

Он нажал другую кнопку, и в комнате зазвучал «просеянный» сигнал — равномерный скрежет с повторявшимися время от времени резкими щелчками.

Мэнчик кивнул:

— Двигатель. Работает на холостых. С детонацией...

— Так точно, сэр. Видимо, рация в фургоне не выключена, и мотор продолжает работать. Именно это мы и слышим, когда сняты помехи...

— Хорошо,— сказал Мэнчик.

Трубка его погасла. Он пососал ее, зажег снова, вынул изо рта, снял с языка табачную крошку.

— Нужно еще доказать...— произнес он тихо, ни к кому не обращаясь.

Но как доказать? И что откроется? И какие будут последствия?

— Что доказать, сэр?..

Мэнчик словно не слышал вопроса.

— У нас на базе есть «Скевенджер»?

— Не знаю, сэр. Но если нет, можно затребовать с базы Эдвардс...

— Затребуйте.

Мэнчик встал. Решение было принято, и он опять почувствовал усталость. Ночь предстояла трудная: непрестанные звонки, раздраженные телефонистки, скверная слышимость и недоуменные вопросы на другом конце провода...

— Потребуется облет поселка,— сказал он.— Все заснять на пленку. Все кассеты доставить прямо сюда. Объявить тревогу по лабораториям...

Кроме того, он приказал Камроу вызвать технических специалистов, в частности Джеггерса. Джеггерс был неженка и кривляка, и Мэнчик его недолюбливал, но знал — Джеггерс хороший специалист. А сегодня понадобятся только хорошие специалисты.

В 23 часа 07 минут Сэмюэл Уилсон, по прозвищу Стрелок, летел над пустыней Мохаве со скоростью 1000 километров в час. Впереди и выше шли ведущие реактивные самолеты-близнецы; выхлопные сопла двигателей зловеще полыхали в черном небе. Ведущие выглядели неуклюже, словно беременные: под крыльями и фюзеляжем у них висели осветительные бомбы.

Самолет Уилсона был другой — гладкий, длинный, черный. «Скевенджер»— их во всем мире было семь — разведывательный вариант модели «Х-18», реактивный самолет среднего радиуса действия, полностью оборудованный как для дневной, так и для ночной разведки. Под крыльями у него были подвешены две 16-миллиметровые камеры: одна — для съемки в видимой части спектра, вторая — для спектрозонального фотографирования. Кроме того, он был оснащен инфракрасной камерой «Хоманс» и обычной электронной и радиолокационной аппаратурой.

Все пленки и пластинки, разумеется, обрабатывались автоматически еще в полете и были готовы для просмотра немедленно по возвращении на базу.

Техническое оснащение «Скевенджеров» позволяло им добиваться почти невозможного. Они могли заснять очертания города при полной светомаскировке и наблюдать за движением отдельных автомашин с высоты 2500 метров. Могли обнаружить подводную лодку на глубине пятьдесят-шестьдесят метров. Могли засечь положение мин в гавани по деформации движения волн и даже получить точные фотоснимки заводов через четыре часа после прекращения там всякой работы, фиксируя остаточное тепловое излучение зданий.

Вот почему «Скевенджер» как нельзя лучше подходил для полета над Пидмонтом глубокой ночью.

Уилсон тщательно проверил оборудование, пробежав пальцами по кнопкам и тумблерам и следя за перемигивающимися зелеными огоньками, которые подтверждали, что все системы исправны.

В наушниках затрещало. Послышался ленивый голос ведущего:

— Подходим к поселку, Стрелок. Видишь его?

Он, сколько мог, подался вперед в своей тесной кабине. Летели они довольно низко, и сначала ничего не было видно, кроме мелькания снега, песка и ветвей юкка. Затем впереди в лунном свете появились очертания домов.

— Вас понял. Вижу.

— Ладно, Стрелок. Дай нам уйти подальше...

Он отстал, увеличив дистанцию между собой и ведущими до одного километра. Они перестраивались в пеленг, чтобы обеспечить визуальную съемку объекта с помощью осветительных бомб. Собственно, необходимости в прямом видении не было — «Скевенджер» мог бы обойтись и без него. Но база Ванденберг требовала собрать всю информацию о поселке, какая только возможна...

Ведущие разошлись в стороны и легли на курсы, параллельные оси улицы.

— Стрелок, ты готов?

Уилсон осторожно накрыл пальцами кнопки камер. Четыре кнопки — четыре пальца, словно на клавишах рояля.

— Готов.

— Заходим...

Ведущие плавно нырнули вниз, к самому поселку. Теперь они шли далеко друг от друга, и, казалось, до земли оставались считанные метры, когда они сбросили бомбы. При ударе о землю каждая бомба выбросила вверх ослепительно белый шар, и поселок залило неестественным ярким светом, отразившимся от дюралевых тел самолетов.

Ведущие, выполнив свою задачу, взмыли вверх, но Стрелок уже не видел их. Все его внимание, помыслы и чувства сосредоточились на одном — на поселке Пидмонт...

— Цель твоя, Стрелок.

Уилсон не ответил. Он отдал ручку от себя, выпустил закрылки, и самолет мучительно задрожал, падая камнем вниз. Свет заливал песок на сотни метров вокруг. Уилсон нажал на кнопки и скорее ощутил, чем услышал вибрирующий стрекот камер. Падение продолжалось один бесконечный миг, затем он рванул ручку на себя, самолет словно уцепился за воздух, подтянулся и полез в небо. Взгляд Уилсона скользнул вдоль улицы и запечатлел тела, тела повсюду, распростертые на мостовой...

— Ну и ну,— сказал он.

А потом он снова был наверху и все набирал высоту, одновременно разворачивая машину по широкой дуге, чтобы начать второй заход, и стараясь не думать о том, что видел. Одно из первейших правил воздушной разведки — «снимай побольше, размышляй поменьше»; оценивать, анализировать в обязанности пилота не входит. Это дело специалистов,— летчики, которые слишком интересуются тем, что снимают, обязательно попадают в беду. Чаще всего — гробятся.

Когда самолет вышел на повторный заход, Уилсон старался вовсе не смотреть на землю. Но все же не удержался и взглянул — и опять увидел тела. Фосфорные бомбы уже догорали, внизу стало тусклее и мрачнее. Но тела на улице лежали по-прежнему, они ему не померещились.

— Ну и ну,— повторил он опять.— Вот чертовщина...

Надпись на двери гласила: «Просмотровая Эпсилон». Чуть пониже, красными буквами: «Вход по специальным пропускам» За дверью была комната вроде как для инструктажа, только получше оборудованная: экран во всю стену, перед ним — с десяток железных стульев из гну-

тых труб с кожаными сиденьями, а у противоположной стены — проектор.

Когда Мэпчик и Камроу вошли, Джеггерс уже поджидал их у экрана. Этот невысокий человечек с упругой походкой и энергичным, довольно выразительным лицом отнюдь не принадлежал к числу любимцев базы и тем не менее заслуженно считался мастером дешифровки аэрофотоснимков. Ему доставляло истинное наслаждение разгадывать разного рода маленькие загадки, он был будто создан для такой работы.

Мэнчик с Камроу уселись перед экраном.

— Ну так вот,— сказал Джеггерс, потирая руки,— давайте прямо к делу. Кажется, сегодня у нас есть для вас кое-что интересное...— Он подал знак оператору, застывшему у проектора: — Первую картинку!..

Свет в комнате погас, в проекторе что-то щелкнуло, и на экране возник поселочек среди пустыни, снятый сверху.

— Снимок не совсем обычный,— пояснил Джеггерс.— Из архивов. Сделан два месяца назад с нашего разведывательного спутника «Янос-12». Высота — вы, наверное, помните — 299 километров. Качество снимка превосходное. Не можем только прочитать номерные знаки у автомобилей, но работаем в этом направлении. К будущему году, вероятно, сможем...

Мэнчик поерзал на стуле, но ничего не сказал.

— На экране поселок Пидмонт, штат Аризона,— продолжал Джеггерс.— Жителей — сорок восемь человек. Поселок как поселок, ничего особенного, даже трехсоткилометровой высоты. Вот магазин. Бензоколонка — обратите внимание, как отчетливо читаются буквы на рекламной надписи,— и почта. Вот — мотель. Остальное — частные дома. А это церковь... Давайте следующую картинку.

Еще щелчок. На этот раз изображение было темнее, с красноватым оттенком, явно тоже снимок поселка сверху. Контуры зданий казались очень темными.

— Теперь начнем с инфракрасных снимков, сделанных «Скевенджером». На инфракрасной пленке, как вам известно, изображение получается под воздействием тепловых, а не световых лучей. Теплые предметы получаются на пленке светлыми, холодные — темными. Вот, взгляните, здания совсем темные, потому что они холоднее земли. С наступлением ночи здания отдают тепло быстрее...

— А эти белые пятна? — спросил Камроу.

На экране виднелось сорок или пятьдесят белых точек и полосок.

— Это люди,— сказал Джеггерс.— Одни внутри домов, другие на улице. Мы насчитали пятьдесят. В отдельных случаях — вот здесь, например,— ясно видны четыре конечности и голова. А вот этот распластался прямо на мостовой.

Он закурил сигарету и указал на белый прямоугольник.

— Здесь, по-видимому, автомобиль. Обратите внимание: с одного конца яркое свечение. Значит, мотор все еще работает, все еще сильно разогрет...

— Фургон,— сказал Камроу. Мэнчик кивнул.

— Теперь вопрос,— сказал Джеггерс,— все ли люди мертвы? Уверенности на этот счет у нас нет. Температура тел не одинакова. Сорок семь из них относительно холодные — значит, смерть наступила некоторое время назад. Три тела теплее. Два из них в машине...

— Наши,— заметил Камроу.— А третий?..

— С третьим посложнее. Вот он, на улице, то ли стоит, то ли лежит, свернувшись клубком. Заметьте, пятно совершенно белое, то есть тело достаточно теплое. Мы определили температуру — около тридцати пяти. Конечно, это немного ниже нормы, но такое понижение температуры кожных покровов может быть связано с сужением периферических сосудов. Ночи в пустыне холодные... Следующий диапозитив!..

На экране появилась еще одна картинка. Мэнчик посмотрел на пятно и нахмурился:

— Оно передвинулось!

— Так точно. Снимок сделан при втором заходе. Пятно переместилось метров на двадцать... Еще картинку!.. Новое изображение.

— Опять передвинулось!

— Именно. Еще на пять-десять метров.

— Значит, кто-то там внизу живой?

— Таков предварительный вывод,— ответил Джеггерс.

Мэнчик прокашлялся.

— То есть это ваше мнение?

— Так точно, сэр. Это наше мнение.

— Что один человек остался в живых и разгуливает среди трупов?

Джеггерс пожал плечами и легонько постучал по экрану.

— Трудно истолковать эти данные как-нибудь иначе, да и...

Вошел солдат с тремя круглыми металлическими коробками в руках.

— У нас есть еще пленки прямой съемки, сэр...

— Прокрутить,— приказал Мэнчик.

Оператор вставил пленку в проектор. Секундой позже в комнату впустили лейтенанта Уилсона.

— Эти пленки я еще не просматривал,— заявил Джеггерс.— Пожалуй, лучше попросим летчика прокомментировать их...

Мэнчик кивнул и бросил взгляд на Уилсона; тот вытянулся и, нервно вытерев ладони о брюки, прошел вперед. Встал у экрана, обернулся и начал монотонно, деревянным голосом:

— Сэр, я прошел над целью сегодня вечером, между 23.08 и 23.13. Сделал два захода, первый с востока, затем с запада. Средняя скорость при съемке — триста сорок километров в час. Высота по скорректированному альтиметру двести сорок метров...

— Постой-ка, сынок,— Мэнчик поднял руку,— ты не на допросе. Рассказывай спокойнее, не торопись...

Уилсон кивнул и сглотнул слюну. Свет в комнате погас, застрекотал проектор. На экране появился поселок, залитый ярким белым сиянием осветительных бомб; эти кадры были сняты с малой высоты.

— Первый заход,— сказал Уилсон.— С востока на запад в 23.08. Снято камерой левого крыла со скоростью 96 кадров в секунду. Прямо по курсу улица...

Он запнулся. Явственно видны были тела. И фургон, стоящий на улице,— антенна на крыше все еще медленно вращалась. Когда самолет прошел прямо над фургоном, они заметили шофера, привалившегося к рулю.

— Превосходное качество изображения,— заметил Джеггерс.— Мелкозернистая пленка обладает поразительной разрешающей способностью...

— Уилсон докладывает о своем полете,— напомнил Мэнчик.

— Так точно, сэр,— отозвался Уилсон, чуть поперхнувшись, и вновь уставился на экран.— Я как раз проходил над целью и тут увидел убитых, всех вот этих... Мне тогда показалось, что их человек семьдесят пять...

Голос у него был напряженно тихий.

Изображение на экране исчезло, мелькнули какие-то цифры, потом опять возник поселок.

— Начинаю второй заход,— сказал Уилсон.— Осветительные бомбы уже догорают, и все-таки можно видеть...

— Остановите кадр,— приказал Менчик.

Оператор повиновался — изображение на экране застыло. Прямая улица, и на ней тела.

— Прокрутите назад.

Фильм пошел в обратную сторону, будто самолет удалялся от улицы.

— Стоп! Вот он!..

Кадр снова застыл. Мэнчик поднялся, подошел поближе к экрану и пригляделся.

— Посмотрите-ка,— он указал на человека в белой рубахе до колен. Тот стоял и смотрел вверх, на самолет. Старик с морщинистым лицом и широко раскрытыми глазами.— Что вы на это скажете?..

Джеггерс тоже подошел поближе. Сдвинул брови.

— Прокрутите ролик чуточку вперед...

Изображение ожило, и они отчетливо увидели, как человек повернул голову, провожая глазами пролетавший самолет.

— Теперь назад...

Фильм пошел назад. Джеггерс усмехнулся:

— Похоже, что он жив, сэр...

— Вот именно,— резко сказал Мэнчик.— Несомненно жив...

Он встал и пошел к двери. На пороге приостановился и сообщил, что на базе объявляется чрезвычайное положение, всему персоналу надлежит оставаться на своих местах до особого распоряжения, всякие телефонные разговоры и другие контакты с внешним миром прекращены, а все только что увиденное на экране объявляется секретным.

Выйдя в коридор, он зашагал к Центру управления. Камроу последовал за ним.

— Позвоните генералу Уилеру,— распорядился Мэнчик,— и передайте ему, что я ввел чрезвычайное положение, не ожидая санкции, и прошу его немедленно прибыть на базу...

По уставу объявлять чрезвычайное положение имел право только командир базы.

— Может, лучше вам самому доложить? — спросил Камроу.

— У меня других забот хватает,— отрезал Мэнчик.

4. ТРЕВОГА

Артур Мэнчик вошел в маленькую звукопепроницаемую кабину и сел за столик у телефона. Он точно знал, что́ собирается предпринять,— правда, еще не понял до конца, зачем.

Как один из старших офицеров, ведающих программой «Скуп», Мэнчик с год назад был ознакомлен с программой «Лесной пожар». Пояснения им давал тогда коренастый человек с сухой и точной манерой речи — профессор какого-то университета. Подробности Мэнчик позабыл, помнил только, что где-то находится какая-то лаборатория и группа из пяти ученых, которых можно вызвать туда по тревоге. Задача группы — исследование внеземных форм жизни в случае, если они будут занесены американскими космическими аппаратами, вернувшимися на Землю.

Имена этих пяти Мэнчику не называли, но он знал, что для их вызова есть специальный прямой провод министерства обороны. Подключиться к прямому проводу можно, набрав определенный условный номер в двоичном исчислении. Он полез в карман за бумажником, порылся там и вытащил карточку, которую передал ему тогда профессор:

В случае пожара
оповестить подразделение 87

Звонить только при чрезвычайных обстоятельствах

Он уставился на карточку и задумался: что же произойдет, когда он наберет двоичный эквивалент числа 87? С кем ему придется говорить? Или кто-нибудь ему позвонит? А может, будут проверять, уточнять, докладывать высшему начальству?

Он протер глаза, взглянул на карточку еще раз и пожал плечами. Так или иначе, сейчас он все узнает. Вырвал листок из блокнота, лежавшего рядом с телефоном, и принялся писать цифры.

Основа двоичной системы исчисления — 2, возведенное в какую-либо степень. Два в нулевой степени — единица, два в первой — два, два в квадрате — четыре, и так далее.

Мэнчик обратился к двоичному коду, предназначенному для ЭВМ, которые пользуются этим простейшим язы-

ком: «Включено» — «Выключено», «Да» — «Нет». Один математик сострил как-то, что двоичные числа — это способ счета, придуманный людьми, у которых на каждой руке всего по одному пальцу. А по существу это перевод обычных чисел, выраженных в десятичной системе с помощью девяти значащих цифр, в систему, имеющую всего две цифры: 1 и 0.

Мэпчик закончил пересчет, посмотрел на выписанные им цифры и проставил черточки: 1-010-111. Вполне правдоподобный телефонный номер. Он снял трубку и набрал этот номер.

Часы показывали ровно полночь.

ПИДМОНТ

5. НОЧЬ И УТРО

Все было в полной готовности. Кабели, шифровальные устройства, телетайпы дремали в ожидании долгих два года. Но достаточно было одного звонка Мэнчика — и машина пришла в движение.

Когда он кончил набирать номер, послышалось несколько щелчков, затем низкий жужжащий звук, означавший, как он знал, что вызов переключен на одну из линий шифрованной связи. Через несколько секунд жужжание прекратилось, и раздался голос:

— Разговор записывается на пленку. Назовите вашу фамилию, изложите сообщение и повесьте трубку.

— Докладывает майор Мэнчик, база ВВС Ванденберг, Центр управления программой «Скуп». Считаю необходимым объявить тревогу по режиму «Лесной пожар». Располагаю данными визуальных наблюдений, подтверждающими чрезвычайное происшествие. База по соображениям безопасности изолирована...

Он говорил, а самому ему все это представлялось просто невероятным. Даже магнитофонная лента — и та ему не поверит. Он еще долго сидел с трубкой в руке, почему-то ожидая ответа. Но ответа не было, лишь щелчок, оповестивший, что линия автоматически отключилась. Трубка безмолвствовала, он положил ее на рычаг и вздохнул. Он сделал все, как положено, но не получил ни малейшего удовлетворения.

Мэнчик полагал, что в самые ближайшие минуты его вызовут из Вашингтона, что в ближайшие часы звонки посыплются один за другим, и не отходил от телефона. Но никаких звонков не было; не мог же он знать, что дал

толчок автоматическому процессу, независимому от человека. Раз объявленная, тревога по программе «Лесной пожар» протекала строго по плану, и отменить ее можно было не ранее чем через двенадцать часов.

Не прошло и десяти минут, как станции шифрованной связи особой секретности приняли следующее сообщение:

Включено

совершенно секретно
код CBW 9/9/234/435/6778/900
координаты дельта 8997
следует текст
объявлена тревога режиму лесной пожар повторяем
объявлена тревога лесной пожар компетенция
НАСА — медслужба армии — совет нацбезопасности
режим вступает в действие немедленно
дополнительные указания
прессе не сообщать
возможно применение директивы 7-12
состояние тревоги до особого распоряжения
конец

Сообщение это передавалось автоматически. Все до строчки, включая указания относительно прессы и возможного применения директивы 7-12, было предусмотрено заранее, и теперь, после звонка Мэнчика, начало проводиться в жизнь.

Через пять минут последовала еще одна телеграмма, в которой были названы члены группы «Лесной пожар»:

Включено

совершенно секретно
код CBW 9/9/234/435/6778/900
следует текст
следующие американские граждане мужского пола переводятся на положение зет каппа допуск совершенно секретным работам подтверждается фамилии следуют
стоун джереми
ливитт питер
бертон чарлз
кристиансенкрик оставить данную строку вычеркнуть

читать
керк кристпан
холл марк
перечисленные лица переводятся на положение зет каппа до особого распоряжения
конец

Предполагалось, что эта телеграмма также имеет совершенно служебный характер; назначение ее было — назвать фамилии пяти лиц, переводимых на положение «зет каппа»— кодовое наименование особого допуска. Но, к несчастью, машина неправильно напечатала одно из имен и затем не передала все сообщение повторно. (Если телетайп на секретной линии связи допускал ошибку, все сообщение полагалось передать заново либо перечитать на ЭВМ, чтобы установить, каков же его точный смысл.)

Поэтому телеграмма вызвала сомнение в ее достоверности. В Вашингтоне и кое-где еще пригласили специалистов по ЭВМ для подтверждения правильности сообщения методом так называемого обратного прослеживания. Вашингтонский специалист высказал на этот счет серьезные опасения, поскольку телетайп допустил еще и другие мелкие ошибки. И привело все это к тому, что допуски получили лишь первые двое по списку, а остальные — нет, впредь до надлежащего подтверждения.

Элисон Стоун устала. В доме на склоне холма, откуда открывалась панорама Стэнфордского университетского городка, она и ее муж, профессор бактериологии, принимали сегодня гостей — пятнадцать супружеских пар, и все засиделись допоздна. Миссис Стоун была раздосадована: она выросла в официальном Вашингтоне, где вторая чашка кофе, предложенная подчеркнуто без коньяка, воспринималась гостями как сигнал расходиться по домам. К несчастью,— сокрушалась она про себя — ученые не сильны в правилах хорошего тона. Вторую чашку кофе она подала часа полтора, а то и два назад, а они все еще сидели...

Было около часу ночи, когда у входной двери раздался звонок. Она открыла и с удивлением увидела у порога двух военных. Ей показалось, что они взволнованы и смущены, и она решила, что они заблудились — по ночам машины часто плутали в этих жилых районах, застроенных частными особняками...

— Чем могу помочь?

— Извините за беспокойство, мадам,— вежливо сказал один из них.— Здесь проживает доктор Джереми Стоун?

— Да,— ответила она, слегка нахмурясь.— Здесь...

За спинами военных, на дороге, она заметила синюю армейскую машину. Около нее стоял третий человек, и в руках у него поблескивало что-то такое...

— Он что, с оружием? — спросила миссис Стоун.

— Мадам,— сказал военный,— будьте так добры, нам немедленно нужен доктор Стоун.

Все это, право же, было странно, и ей почему-то стало не по себе. Выглянув за дверь, она увидела еще одного, четвертого человека, который подходил к особняку, заглядывая в окна. В бледном свете, падавшем из окон на газон, она ясно увидела в руках у четвертого карабин.

— Что за представление?

— Мадам, мы не хотели бы тревожить ваших гостей. Будьте любезны вызвать доктора Стоуна сюда...

— Право, не знаю...

— Иначе нам придется зайти самим.

Миссис Стоун поколебалась, но сказала:

— Подождите минутку...

Она отступила на шаг и попыталась закрыть дверь, но один из военных уже проскользнул в прихожую. Он встал у самой двери, прямой и корректный, фуражка в руке.

— Я подожду здесь, мадам,— заявил он и даже улыбнулся.

Она вернулась к гостям, стараясь делать вид, будто ничего особенного не случилось. В комнате было шумно и сильно накурено; все шутили, спорили, смеялись. Джереми она нашла в углу, где толковали о последних беспорядках. Тронув его за плечо, отвела от собеседников.

— Это, может, и нелепо,— сказала Элисон,— но там, в прихожей, тебя спрашивает какой-то в форме, и еще один стоит снаружи у дверей, а двое вооруженных бродят вокруг дома. Они утверждают, что им надо повидать тебя...

Стоун как будто удивился, но тут же кивнул:

— Сейчас я с ними разберусь...

Она обиделась: он вел себя так, словно ждал этого визита.

— Ну, знаешь, если тебе было что-то известно заранее, мог бы по крайней мере предупредить...

— Не мог,— перебил он.— Объясню потом...

Он вышел в прихожую, к военному. Элисон за ним.

— Я доктор Стоун.

— Капитан Мортон,— представился военный, хотя руки и не подал.— Пожар, сэр...

— Понятно,— сказал Стоун. Бросил взгляд на свой вечерний костюм.— Я успею переодеться?

— Боюсь, что нет, сэр.

К своему изумлению, Элисон увидела, как муж согласно кивнул:

— Понятно.

Он повернулся к ней и добавил:

— Придется мне уехать...

Лицо его не выражало ровным счетом ничего, и от этого происходящее становилось похожим на кошмар. Она недоумевала, ей стало страшно.

— Когда ты вернешься?

— Не знаю. Через неделю, через две. А может, позже...

Она старалась говорить тихо, но не могла овладеть собой.

— Что это все-таки значит? Ты арестован?

— Да нет,— ответил он, усмехнувшись.— Ничего подобного. Ты там извинись за меня перед гостями, хорошо?..

— Но эти люди, они с ружьями...

— Миссис Стоун,— вмешался военный,— на нас возложена задача охранять вашего мужа. С этой минуты с ним ничего не должно случиться...

— Вот именно,— сказал Стоун.— Видишь, я неожиданно стал важной персоной...

Он еще раз улыбнулся странной, вымученной улыбкой и поцеловал ее. И не успела она до конца осознать, что происходит, как он уже вышел на улицу: капитан Мортон — справа, второй военный — слева. Третий, с карабином, безмолвно пристроился сзади; человек у машины отдал честь и распахнул дверцу.

Вспыхнули фары, дверца захлопнулась, машина дала задний ход, развернулась и исчезла в ночи. Миссис Стоун все стояла у порога, пока один из гостей не подошел и не спросил:

— Элисон, что с вами?

Она нашла в себе силы улыбнуться и ответить:

— Да нет, ничего. Джереми пришлось срочно уехать

Вызвали в лабораторию: опять какой-то затяжной эксперимент и что-то там не получается...

Гость покачал головой и сказал:

— Жаль. У вас сегодня было так славно...

Стоун откинулся на сиденье и пристально взглянул на военных. Лица у них были по-прежнему непроницаемо спокойны.

— Что у вас есть для меня? — спросил он.

— Для вас, сэр?..

— Да, черт побери. Что вам для меня передали? Что-нибудь должны были передать...

— Ах да, сэр.

Ему вручили тоненькую папку. На темной обложке было выведено по трафарету: «Программа „Скуп". Краткие сведения».

— Это все?

— Все, сэр.

Стоун вздохнул. О программе «Скуп» он никогда до этого дня не слышал; придется проштудировать папку самым тщательным образом. В машине слишком темно. Впрочем, время для чтения будет потом, в самолете. Он стал припоминать события последних пяти лет, начиная с того довольно необычного симпозиума на Лонг-Айленде и выступления коротышки-англичанина, который, если разобраться, положил всему этому начало.

Летом 1962 года на Десятом биологическом симпозиуме, состоявшемся в Коулд-Спринг Харбор на острове Лонг-Айленд, выступил английский биофизик Дж. Меррик. Доклад его назывался «Частоты биологических контактов в соответствии с вероятностями видообразования». Меррик слыл бунтарем, не признающим авторитетов, и пользовался репутацией человека, не отличающегося особой ясностью мышления; недавний его развод и присутствие на симпозиуме яркой блондинки-секретарши лишь упрочили подобную репутацию. Представленный им доклад не вызвал сколько-нибудь серьезного обсуждения, мало кого заинтересовали и основные его идеи, сжато резюмированные в заключительной части следующим образом:

«Итак, мы установили, что вероятность первого контакта с внеземной жизнью предопределяется вероятностями видообразования. Неоспорим тот факт, что сложных организмов на Земле мало, а простые чрезвычайно многообразны. Существуют миллионы видов бактерий и тысячи видов насекомых; однако приматы представлены очень небольшим числом видов, а человекообразные обезьяны — всего четырьмя. И наконец, человек представлен лишь одним-единственным видом.

Аналогичная закономерность проявляется и в отношении численностей отдельных видов. Простые существа встречаются неизмеримо чаще, чем сложные организмы. На Земле живет три миллиарда человек, и нам представляется, что это очень много, пока мы не вспомним, что обыкновенная колба может вместить бактерий в десять и даже в сто раз больше.

Все доступные нам данные о происхождении жизни указывают на эволюционное развитие от простых форм жизни к сложным. Это положение справедливо для Земли, справедливо оно, по-видимому, и для всей Вселенной. Шепли, Мерроу и другие авторы подсчитали число планет в ближайших к нам областях Вселенной, на которых возможна жизнь. Мои расчеты, приведенные выше, касаются относительной распространенности во Вселенной организмов различных видов.

Цель, которую я себе поставил, заключается в определении вероятности контакта человека с другими формами жизни. Вероятности эти воспроизводятся в следующей таблице:

ФОРМЫ ЖИЗНИ	ВЕРОЯТНОСТЬ СОПРИКОСНОВЕНИЯ
Организмы одноклеточные или еще меньшего размера (чистая генетическая информация)	0,784
Организмы многоклеточные, простые	0,194
Организмы многоклеточные, сложные, но не обладающие развитой нервной системой	0,014
Организмы многоклеточные с развитыми системами органов, включая нервную систему	0,0078
Организмы многоклеточные с нервной системой, способной перерабатывать информацию высокой сложности (на уровне возможностей человека)	0,0002
Итого . . .	1,0000

Исходя из вышеуказанных соображений, я прихожу к выводу, что первым соприкосновением человека с внеземной жизнью будет контакт с организмами, если не идентичными земным бактериям или вирусам, то сходными с ними. Последствия такого контакта внушают серьезные опасения, если принять во внимание, что три процента всех видов земных бактерий способны оказывать то или иное вредное воздействие на человека».

Далее сам Меррик признал возможным, что первым таким контактом станет контакт с бациллами чумы, завезенными с Луны первыми космонавтами, которые там побывают. Это предположение сильно позабавило собравшихся ученых.

Джереми Стоун относился к тем немногим, кто воспринял идеи Меррика всерьез. В свои тридцать шесть лет Стоун был, вероятно, самым известным из участников симпозиума. Уже шесть лет он возглавлял кафедру бактериологии в Стэнфорде, а незадолго до симпозиума удостоился Нобелевской премии.

Список научных достижений Стоуна, не считая даже серии экспериментов, за которую ему присудили Нобелевскую премию, поразителен. В 1955 году он был первым, кто применил особый метод подсчета бактериальных клеток в культуре. В 1957 году разработал интересный метод получения чистых суспензий. В 1960 году опубликовал принципиально новую теорию действия оперонов у *E. coli* и *S. tabuli* и получил данные относительно физической природы индукторов и репрессоров. Его работа о линейных вирусных превращениях, опубликованная в 1958 году, положила начало новым направлениям научных исследований, развитым, в частности, учеными Пастеровского института, которые в дальнейшем, в 1966 году, получили за эти исследования Нобелевскую премию.

Сам Стоун стал нобелевским лауреатом в 1961 году за работу в области мутантных реверсий бактерий — работу эту он выполнил в свободное время, еще когда был двадцатишестилетним студентом юридического факультета Мичиганского университета.

Самое значительное свойство Стоуна как личности проявилось, наверное, в том, что, будучи еще студентом-правоведом, он написал работу на уровне нобелевских

стандартов, показав поистине необычайную широту и глубину интересов. Как сказал один из его друзей, «Джереми знает все, а всем остальным увлекается». Уже случалось, что его сравнивали и с Эйнштейном, и с Бором как человека, обладающего и совестью ученого и широтой взглядов, и пониманием значения событий...

Стоун был худощав и лысоват; он отличался феноменальной памятью, которая с равной легкостью хранила как научные факты, так и непристойные анекдоты. Но наиболее характерной чертой Стоуна был витавший вокруг него дух нетерпения: у всех, кто обращался с ним, обязательно возникало чувство, что они заставляют его попусту тратить драгоценное время. Он имел отвратительную привычку перебивать собеседников и обрывать разговор на полуслове, привычку, от которой безуспешно пытался избавиться. Держался он высокомерно, а если добавить к этому присуждение Нобелевской премии в молодом возрасте да еще скандальные события его личной жизни — он был женат четыре раза, в том числе дважды на женах своих коллег,— то отнюдь не удивительно, что окружающие не пылали любовью к нему.

Однако именно Стоун в начале 60-х годов пробился в правительственные круги в качестве одного из ходатаев от лица «новой науки». Роль эту он воспринимал с шутливой покорностью — «вакуум жаждет, чтоб его заполнили раскаленным газом», как он сам выразился однажды,— но в действительности оказывал значительное влияние на ход событий.

К началу 60-х годов Америка волей-неволей пришла, наконец, к пониманию того, что она обладает значительным комплексом научных учреждений. По сравнению с Европейским Экономическим Сообществом ученых в США было больше в четыре раза, а денег они тратили больше в семь раз. Львиная доля этих денег поступала прямо или косвенно от конгресса, и конгрессу были очень нужны люди, способные дать толковый совет, как их лучше истратить.

В 50-е годы все крупнейшие советники были физиками: Теллер и Оппенгеймер, Брэкмен и Уайднер. Но десять лет спустя, когда биология стала привлекать гораздо больше средств и внимания, выделилась новая группа во главе с Дибэйки в Хьюстоне, Фармером в Бостоне, Хеггермэном в Нью-Йорке и Стоуном в Калифорнии.

Выдвижению Стоуна помогли многие обстоятельства: престиж нобелевского лауреата, политические связи, под-

держка его последней жены — дочери Томаса Уэйпа, сенатора от штата Индиана,— и, наконец, его юридическое образование. Все это, вместе взятое, привело к тому, что Стоун неоднократно выступал перед разными вконец запутавшимися сенатскими подкомитетами и получил немалую власть, какой наделены особо доверенные советники.

Эту власть он использовал в полной мере при проведении научно-исследовательских и строительных работ по программе «Лесной пожар».

Стоун заинтересовался выводами Меррика — ведь они были созвучны его собственным идеям. Идеи эти были изложены в короткой статье под заголовком «Стерилизация космических аппаратов», опубликованной в журнале «Сайенс», а затем перепечатанной в английском журнале «Нейчур». Стоун исходил из той посылки, что угроза бактериального заражения при космических исследованиях — угроза двусторонняя и что защита от нее также должна быть двусторонней.

До статьи Стоуна предметом научного обсуждения служила в основном лишь опасность, угрожающая другим планетам от спутников и космических зондов, которые могут нечаянно занести туда земные микроорганизмы. Подобная возможность учитывалась уже на заре американских космических исследований, и к 1959 году в НАСА были введены строгие правила стерилизации космических аппаратов перед запуском.

Целью введения этих правил было предотвратить загрязнение других миров. Ведь если на зонде, запускаемом к Марсу или Венере в поисках новых форм жизни, окажутся земные бактерии, весь эксперимент неизбежно будет сорван.

Стоун рассмотрел ситуацию, противоположную по характеру. Он указал, что в равной мере вероятно и другое: заражение Земли внеземными организмами через посредство космических зондов. Аппараты, сгорающие при вхождении в плотные слои атмосферы, никакой опасности не создают, но любая «мягкая» посадка — как пилотируемых кораблей, так и зондов наподобие спутников «Скуп»— меняет положение коренным образом. Тут, указывал Стоун, опасность внеземного заражения становится очень серьезной.

Статья его вызвала кратковременный, но быстро угасший интерес. «Я надеялся на большее»,— признался он впоследствии. Поэтому в 1963 году он сколотил неофици-

альную семинарскую группу, которая дважды в месяц собиралась в комнате 410 на верхнем этаже биохимического корпуса Стэнфордского медицинского института позавтракать и поспорить о проблеме заражения извне. Именно эта группа из пяти человек — Стоун и Джон Блэк из Стэнфорда, Сэмюэл Холден и Терренс Лиссет из Калифорнийского медицинского института и Эндрю Вайс с биофизического факультета университета в Беркли — составила позже первое ядро программы «Лесной пожар». В 1965 году они направили президенту петицию, намеренно копирующую известное письмо Эйнштейна Рузвельту относительно атомной бомбы.

Стэнфордский университет
Пало-Альто, штат Калифорния
10 января 1965 года

Президенту Соединенных Штатов
Белый дом
1600, Пенсильвания-авеню
Вашингтон, округ Колумбия

Уважаемый господин президент!

Теоретические работы последнего времени указывают на то, что меры стерилизации космических аппаратов, возвращаемых на Землю, могут оказаться недостаточными для обеспечения стерильности аппаратов при вхождении в земную атмосферу. Вследствие этого существует потенциальная опасность привнесения болезнетворных организмов в существующую земную экологическую структуру.

По нашему мнению, полностью удовлетворительной стерилизации космических зондов и пилотируемых аппаратов, возвращаемых на Землю, достичь невозможно. Проведенные нами расчеты свидетельствуют, что даже если аппараты будут подвергаться стерилизации в космическом пространстве, то и тогда вероятность заражения все еще составит одну десятитысячную, если не более. Эти расчеты основаны на данных об известных нам формах организованной жизни; другие формы жизни могут быть устойчивы к любым методам стерилизации.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем необходимым безотлагательно создать научный комплекс, способный бороться с внеземными формами

жизни, если таковые будут случайно привнесены на Землю. Указанный комплекс преследовал бы двоякую цель: ограничить распространение чуждой формы жизни и обеспечить лабораторное ее исследование и анализ с целью защиты земной жизни от ее вредного воздействия.

Мы рекомендуем расположить указанный комплекс в ненаселенном районе Соединенных Штатов, разместить его под землей, оснастить всеми известными современной науке средствами герметизации и, наконец, предусмотреть в нем ядерное устройство самоликвидации на случай какого-либо чрезвычайного происшествия. Насколько нам известно, никакая форма жизни не в состоянии выдержать температуру в два миллиона градусов, возникающую при ядерном взрыве.

С искренним уважением
Джереми Стоун, Джон Блэк, Сэмюэл Холден, Терренс Лиссет, Эндрю Вайс

Реакция на письмо была обнадеживающе скорой. Через двадцать четыре часа Стоуну позвонил один из советников президента, а на следующий день он вылетел в Вашингтон для встречи с президентом и членами Совета Национальной Безопасности. Спустя две недели пришлось лететь и в Хьюстон, чтобы обсудить дальнейшие планы с представителями НАСА.

Правда, раз или два, как вспоминает Стоун, ему доводилось слышать шуточки насчет «дурацкой затеи — вытрезвителя для козявок», но большинство ученых, с которыми он говорил, отнеслось к его проекту благоприятно. Через месяц неофициальная группа Стоуна получила законные права Комитета по изучению проблемы заражения извне и выработке соответствующих рекомендаций.

Комитет был занесен в список мероприятий по перспективным исследованиям (СМПИ) Министерства обороны Соединенных Штатов и субсидировался по линии этого министерства. В это время СМПИ содержал в основном физические и химические исследования: по ионным распылителям, реверсивному дублированию, пимезонным субстратам, однако постепенно министерство обретало интерес и к биологическим вопросам. Например, одна из групп, включенных в СМПИ, разрабатывала методику электронного зондирования мозговой деятельности

(а честно говоря, методику управления мышлением); другая группа исследовала возможности биосинергики, то есть совместного существования человека и машин, вживленных в его организм; третья оценивала результаты «проекта Озма»— поиска внеземных цивилизаций, проводившегося в 1961—1964 годах. Была еще четвертая группа — она занималась предварительной разработкой конструкции машины, которая могла бы выполнять все человеческие функции и была бы способна к самовоспроизведению.

Все эти исследования имели сугубо теоретический характер, и возглавляли их довольно известные ученые. Внесение в СМПИ гарантировало определенные, весьма значительные права, а главное — деньги для проведения и расширения экспериментов.

И вот, как только комитет во главе со Стоуном представил предварительный набросок «Методики анализа жизни», где подробно излагались способы изучения любых возможных жизненных форм, Министерство обороны тут же выделило 22 миллиона долларов на строительство специальной изолированной лаборатории. (Выделение столь значительной суммы объяснялось и тем, что полученные здесь результаты могли иметь значение для ряда других, уже начатых разработок. В 1965 году все проблемы стерилизации и борьбы против заражения представлялись первостепенно важными. НАСА, например, начало строительство «приемной лунной лаборатории» для космонавтов кораблей «Аполлон», которые могут занести с Луны на Землю вредные для человека бактерии или вирусы. Каждый, кто побывал на Луне, должен подвергнуться в этой лаборатории трехнедельному карантину до полного завершения дезинфекции. Были и другие смежные и весьма важные проблемы — создание «сверхчистых» цехов в промышленности, где требовалось свести содержание пыли и микробов в воздухе к предельному минимуму, и «стерильных камер»— их проектировали в Национальном институте здравоохранения в Бетесде. Предполагалось, что в будущем обеспечение асептической среды, «острова жизни» и системы поддержания стерильности приобретут еще большее значение, и средства, выделенные Стоуну, рассматривались как надежное капиталовложение во все эти начинания.)

А как только появились деньги, за строителями дело не стало, и в 1966 году лаборатория «Лесной пожар» во Флэтроке, штат Невада, была закончена. Авторами про-

екта выступили конструкторы-кораблестроители из отдела электрокораблей компании «Дженерал дайнэмикс» — фирма эта накопила солидный опыт проектирования жилых отсеков на атомных подводных лодках, где людям приходилось жить и работать по многу месяцев подряд.

По проекту лаборатория представляла собой пятиэтажное подземное сооружение конусообразной формы. Каждый этаж, иначе — уровень, представлял собой кольцо; посредине — вертикальный сердечник-шахта, где размещались кабели, трубопроводы, лифты. Каждый последующий уровень более стерилен, чем предыдущий: первый сверху — нестерилен, второй — умеренно стерилен, и так далее. Перемещение с уровня на уровень жестко контролировалось; персонал, прежде чем подняться или спуститься, должен был всякий раз проходить целый ряд дезинфекционных и карантинных процедур.

Когда лаборатория была построена, оставалось одно — подобрать группу ученых, которые были бы готовы по первому сигналу приняться за изучение чуждых Земле организмов. Из многих возможных кандидатов в состав группы тревоги по программе «Лесной пожар» были отобраны пять человек, включая самого Джереми Стоуна. Все пятеро согласились в случае биологической тревоги считать себя немедленно мобилизованными.

Не прошло и двух лет после письма президенту, а Стоун уже мог с полным правом сказать, что его страна «теперь способна справиться с любым неведомым биологическим врагом». Он делал вид, что крайне польщен тем, с какой готовностью правительство откликнулось на его предложения и с какой поспешностью претворило их в жизнь. Однако в узком кругу друзей он признался, что все получилось до странности легко, что слишком уж быстро согласился Вашингтон с его планами.

Стоун не знал и не мог знать, что скрывалось за готовностью Вашингтона, не догадывался, что многие правительственные деятели крайне заинтересованы в постановке и решении этой проблемы. Ибо до той ночи, когда Стоун покинул своих гостей и укатил в синем военном лимузине, он и понятия не имел о программе «Скуп».

— Эта пташка — самая быстрая, какую мы сумели найти, сэр,— сказал военный.

Стоун вошел в самолет, смущенный нелепостью происходящего. Огромный «Боинг-727» был совершенно пуст;

ряды незанятых кресел уходили куда-то далеко к хвосту.

— Если хотите, садитесь в первом классе,— предложил военный, усмехнувшись.— Нам все равно...

И ушел. Стюардессы в самолете не было; вместо нее явился хмурый солдат военной полиции с пистолетом на боку. Он встал, вытянувшись у двери. Двигатели дрогнули и тихо взвыли в ночи.

Стоун откинулся в кресле, разложил на коленях папку с материалами по программе «Скуп» и стал читать. Вскоре он заинтересовался и пробегал страницу за страницей так быстро, что солдат решил: пассажир просто перелистывает подшивку от нечего делать. Стоун между тем не пропускал ни слова.

Программа «Скуп» была детищем генерал-майора Томаса Спаркса, начальника Управления химического и биологического оружия медицинской службы американской армии. Спаркс руководил исследованиями по этим видам оружия, проводимыми в Форт-Детрике, штат Мэриленд, в Харлее, штат Индиана, и в Дагуэе, штат Юта. Стоун видел Спаркса раз или два и помнил лишь, что тот человек обходительный, носит очки и выглядит совсем не так, как можно бы ожидать от персоны, занимающей подобный пост.

Теперь, читая материалы, Стоун узнал, что контракт на разработку спутников «Скуп» был заключен с лабораторией реактивных двигателей при Калифорнийском технологическом институте в Пасадене в 1963 году. Было объявлено, что цель программы «Скуп»— сбор живых организмов, могущих существовать в верхних слоях атмосферы, иными словами, в ближней зоне космического пространства. На деле это была армейская программа, хотя финансировалась она через Национальное управление аэронавтики и космических исследований — организацию якобы гражданскую. Фактически же НАСА — учреждение правительственное, притом весьма загруженное чисто военными заказами: в 1963 году 43 процента работ, проводившихся по его заказам, были засекречены.

Формально лаборатория реактивных двигателей проектировала спутник для вывода к нижним границам космического пространства, сбора микроорганизмов и пыли и последующего их изучения. Программа считалась чисто научной, затеянной чуть ли не любопытства ради,— именно так расценивали ее все ученые, которые были с ней связаны.

Истинные цели программы «Скуп» были, однако, совершенно иными. «Скуп» предназначался для обнаружения таких новых форм жизни, которые могли бы пригодиться Форт-Детрику; короче говоря, это была программа, рассчитанная на открытие новых видов бактериологического оружия.

Форт-Детрик в штате Мэриленд — беспорядочная группа зданий, разбросанных на площади 500 гектаров — строился специально для разработки новых химических и биологических средств ведения войны. Установки и приборы, собранные здесь, оцениваются в 100 миллионов долларов — это один из самых крупных исследовательских центров в Соединенных Штатах. Только 15 процентов проведенных здесь работ освещаются в открытых научных журналах, остальное засекречено, как и все исследования в Харлее и Дагуэе. Харлей представляет собой сверхсекретное учреждение, занимающееся главным образом вирусами; за последние десять лет там выведены многие «новинки», начиная со штамма под кодовым наименованием «Керри Нейшн» (тяжелые расстройства пищеварения) и кончая штаммом «Арнольд» (судороги и смерть). Испытательный полигон Дагуэй в штате Юта, размерами больше целого штата Род-Айленд, используется преимущественно для испытания отравляющих веществ типа «Табун», «Склар» и «Кафф-11».

Стоун знал — не многие американцы представляют себе, какого размаха достигли в США военные химико-биологические приготовления. Сумма правительственных расходов на разработку химического и бактериологического оружия превышает 500 миллионов долларов в год. Значительная доля этой суммы распределяется между такими академическими центрами, как Университет Джона Гопкинса в Пенсильвании и Чикагский университет. Договоры на исследования в области вооружений маскировались здесь нарочито туманными формулировками. Правда, иногда туман чуть-чуть рассеивался. Например, в Университете Джона Гопкинса выполняли программу «сравнительного изучения существующих или потенциально возможных болезней, представляющих интерес для ведения биологической войны, и изучения некоторых химических и иммунологических реакций на отдельные анатоксины и вакцины».

За последние восемь лет о работах, проведенных в Университете Джона Гопкинса, в открытую печать не

просочилось ни слова. Результаты, полученные в некоторых других университетах, например в Чикаго и Лос-Анджелесе, изредка печатались, но военное ведомство рассматривало эти публикации как «пробные шары», предназначенные прежде всего для устрашения иностранных наблюдателей. Классическим примером такого рода была статья Тендрона и еще пяти авторов, озаглавленная «Исследование токсина, быстро прерывающего окислительное фосфорилирование путем абсорбции через кожу». В статье описывался, но не назывался яд, который впитывается через кожу и убивает человека менее чем за минуту. И открыто признавалось, что это еще относительно мелкое «достижение» по сравнению с другими ядами, разработанными за последнее время.

При таких затратах сил и средств, казалось бы, можно ожидать, что с каждым годом будут появляться все новые, все более и более смертоносные виды химико-бактериологического оружия. Однако за пятилетие с 1961 по 1965 год этого не наблюдалось, и сенатский подкомитет по военной готовности еще в 1961 году пришел к выводу, что в этой области «обычные методы научных исследований уже почти исчерпали себя» и что надо «искать новые методы и пути решения проблем».

Именно так и поступил генерал Томас Спаркс, принимаясь за программу «Скуп».

В своем окончательном виде программа «Скуп» была рассчитана на запуск семнадцати спутников, предназначенных для сбора и доставки на Землю внеземных микроорганизмов. Стоун прочитал краткие отчеты по уже состоявшимся полетам.

«Скуп-1», позолоченный конус весом около 17 килограммов, был запущен 12 марта 1966 года с базы ВВС Ванденберг в Калифорнии. Ванденберг используется, как известно, для запусков в направлении с запада на восток в отличие от мыса Кеннеди, где старты ориентированы в обратном направлении — с востока на запад; кроме того, на базе Ванденберг в отличие от мыса Кеннеди легче сохранить все в тайне...

«Скуп-1» шесть дней находился на орбите искусственного спутника Земли, а потом был благополучно посажен в болото близ местечка Атенс в штате Джорджия. Но в контейнере спутника оказались, увы, лишь самые обыкновенные земные бактерии.

«Скуп-2» из-за неполадок с приборами сгорел при вхождении в плотные слои атмосферы. «Скуп-3» тоже сгорел, хотя и был защищен новейшей слоистой пластиково-вольфрамовой теплоизоляцией.

«Скуп-4» и «Скуп-5» сели в целости и сохранности, первый в Индийском океане, второй в предгорьях Аппалачей, но ни тот, ни другой не доставили на Землю никаких принципиально новых микроорганизмов. В контейнерах была обнаружена лишь безвредная разновидность *S. albus*, распространенного представителя микрофлоры человеческой кожи. После всех этих неудач пришлось решительно улучшить процедуру стерилизации спутников перед запуском.

«Скуп-6» вышел на орбиту в первый день нового 1967 года. Этот спутник воплотил в себе все возможные усовершенствования, при конструировании его учли все уроки предыдущих запусков, и на него возлагались огромные надежды. Спустя одиннадцать дней он приземлился в Индии, неподалеку от Бомбея. В обстановке строжайшей тайны тридцать четвертая авиадесантная дивизия, дислоцировавшаяся тогда в Эврё, под Парижем, была поднята по тревоге, чтобы разыскать спутник и вернуть его хозяевам. Эта дивизия приводилась в боевую готовность при любом космическом запуске — таковы были условия программы «Скраб», плана, разработанного для прикрытия и возврата пилотируемых кораблей «Меркюри» и «Джемини» на случай, если приземление одного из них по необходимости произойдет в Советском Союзе или в социалистических странах.

«Скуп-6» разыскали и вернули без особых происшествий. В его контейнере обнаружили неизвестный одноклеточный организм коккобациллярной формы. Однако этот организм оказался в сущности безвредным и поражал только домашних кур, вызывая у них легкое недомогание, проходившее через четыре дня.

Сотрудники Форт-Детрика начали уже терять надежду, что программа «Скуп» даст им когда-либо перспективный патогенный материал. Тем не менее «Скуп-7» запустили вскоре после «Скуп-6». Дата запуска не была объявлена, но, по-видимому, это произошло 5 февраля 1967 года. «Скуп-7» вышел на расчетную орбиту с апогеем 508 километров и перигеем 358 километров. Он оставался на орбите в течение четырех суток, но вдруг по неизвестным причинам резко отклонился от расчетных

параметров, и было принято решение посадить его по команде с Земли.

Предполагаемое место посадки находилось в пустыне, на северо-востоке штата Аризона...

Где-то в середине полета Стоуну пришлось оторваться от чтения: подошел офицер, поставил перед ним телефон и отступил на почтительное расстояние.

— Да? — спросил Стоун, чувствуя себя довольно странно. Он не привык разговаривать по телефону в самолете.

— С вами говорит генерал Маркус,— донесся усталый голос. Стоун понятия не имел, кто такой генерал Маркус.— Хотел вам сообщить, что мы уже вызвали всех членов группы, за исключением профессора Керка.

— Что с ним?

— Профессор Керк в больнице. Подробности узнаете по прибытии на место...

Разговор закончился, и Стоун отдал аппарат офицеру. Минуту-другую он перебирал в памяти людей, входящих в группу, и пытался вообразить, как они вели себя, когда их вытаскивали из постелей.

Во-первых, Ливитт. Уж он-то, должно быть, собрался быстро. Ливитт был клинический микробиолог, знаток инфекционных заболеваний. На своем веку он перевидал достаточно чумных и любых других эпидемий, чтобы знать цену краткости сборов. Кроме того, Ливитт был закоренелый пессимист. (Однажды он признался, что на собственной свадьбе размышлял лишь о том, какие алименты со временем придется платить.) Он был ворчлив, раздражителен и очень грузен; на лице его лежали угрюмые складки, а в глазах застыла печаль — казалось, эти глаза вглядываются в будущее, но видят там одну унылую безнадежность. И вместе с тем Ливитт был рассудителен, наделен богатым воображением и не боялся мыслить широко и дерзко.

Затем патолог Бертон из Хьюстона. Бертона Стоун никогда особенно не жаловал, хотя и отдавал должное его таланту ученого. Очень уж разные они были: Стоун собран — Бертон неряшлив, Стоун всегда владел собой — Бертоном владели настроения, Стоун был, пожалуй, самоуверен — Бертон нервен, вспыльчив, обидчив. Коллеги наградили Бертона прозвищем Спотыкач, то ли потому, что он вечно спотыкался, наступал на свои развязанные

шнурки и обтрепанные манжеты брюк, то ли потому, что обладал удивительным умением нечаянно натыкаться на важнейшие открытия.

Затем шел Керк, антрополог из Йелльского университета, но он, если генерал не напутал, приехать не сможет. Стоун знал, что Керка ему будет не хватать. Этот не слишком образованный, фатоватый человек был как бы по ошибке наделен исключительной способностью к точному логическому мышлению. Суть проблемы Керк схватывал буквально на лету и, мастерски оперируя исходными данными, выдавал требуемый результат; он не умел свести концы с концами в своем личном бюджете, но математики нередко обращались к нему за помощью в решении сложнейших абстрактных задач.

Однако Керка нет, и это заметная потеря. От пятого участника группы толку, разумеется, будет немного. Стоун даже поморщился, вспомнив о Марке Холле. Холл был компромиссной кандидатурой — Стоун предпочел бы врача, хорошо знакомого с болезнями обмена веществ, и согласился на хирурга крайне неохотно. За Холла горой стояли в Министерстве обороны и в Комиссии по атомной энергии — там очень верили в «гипотезу о решающем голосе случайного человека» — и в конце концов Стоун и другие уступили.

Стоун почти не знал Холла и не мог себе представить, как тот реагировал на сигнал тревоги... И уж никак не мог предположить, что с оповещением остальных выйдет сильная задержка. Например, патолога Бертона вызвали лишь в пять часов утра, а микробиолога Питера Ливитта — в половине седьмого, когда тот уже успел прийти к себе в больницу.

А к Холлу явились только в пять минут восьмого.

— Страшная была история,— рассказывал позднее Марк Холл.— Вырвали меня из обыденной, привычной обстановки и швырнули в чужой незнакомый мир...

В 6.45 утра Холл находился в умывальной, примыкающей к операционной № 7, и скреб себе руки перед первой из запланированных на день операций. Он проделывал все обычные процедуры, как делал это каждое утро на протяжении вот уже нескольких лет; настроение было отличное, и он перебрасывался шутками со своим ассистентом, который мылся у соседнего крана. Затем он прошел в операционную, держа руки на весу, и сестра подала ему полотенце. Там же был еще один ассистент,

готовивший больного к операции,— он смазывал операционное поле спиртовым раствором иода — и еще одна сестра. Все они обменялись обычными приветствиями.

В больнице Холл слыл человеком резким, вспыльчивым, из тех, чьи поступки нельзя предвидеть заранее. Оперировал он быстро, почти вдвое быстрее, чем его коллеги. Пока все шло гладко, он смеялся и острил, подразнивал сестер, ассистентов, анестезиолога. Но если возникали осложнения, если операция продвигалась медленно и трудно, Холл становился непереносимо раздражительным.

Как и большинство хирургов, он настаивал на строгом соблюдении раз и навсегда установленного порядка. Отступления от правил немедленно выводили его из равновесия. Те, кто был в операционной, знали об этом и потому с опаской вскинули глаза вверх, на смотровую галерею, когда на ней появился Ливитт. Тот включил микрофон внутренней связи и сказал:

— Здравствуйте, Марк.

Холл в это время накрывал больного стерильными зелеными простынями, оставляя оголенным лишь операционное поле на животе.

— Здравствуйте, Питер,— ответил он, удивленно взглянув на Ливитта.

— Простите за беспокойство, но обстоятельства чрезвычайные...

— Подождут,— ответил Холл.— У меня операция.

Он закончил подготовку и потребовал скальпель. Одной рукой он пальпировал живот, определяя исходные точки для первого разреза.

— Ждать не могут,— сказал Ливитт.

Холл остановился, положил скальпель и еще раз посмотрел наверх. Воцарилось молчание.

— Какого черта... почему не могут..

Ливитт сохранял спокойствие.

— Придется вам размыться. Я же сказал — обстоятельства чрезвычайные...

— Послушайте, Питер, у меня больной под наркозом. Полностью подготовленный. Не могу же я вот так, за здорово живешь...

— Операцию сделает Келли.

— Келли?..

Это был один из штатных хирургов.

— Он уже моется. Все согласовано. Жду вас в раздевалке через тридцать секунд...

И ушел.

Холл обвел всех вокруг себя свирепым взглядом. Никто не шевельнулся, не сказал ни слова. Он сорвал перчатки и выкатился из операционной, по дороге громко выругавшись.

Свою роль в программе «Лесной пожар» Холл считал более чем незначительной. В 1966 году к нему однажды подошел главный микробиолог больницы Ливитт и в самых общих чертах рассказал о целях программы. Холлу все это показалось довольно забавным, и он согласился войти в состав группы, если его услуги когда-нибудь потребуются; про себя он был совершенно уверен, что этот «Лесной пожар»— пустая затея.

Ливитт тогда же предложил ознакомить Холла с материалами по этой программе и держать его в курсе дальнейших событий. Холл первое время из вежливости брал папки, но вскоре стало ясно, что он не удосуживается их читать, и Ливитт перестал их ему давать. Холл, пожалуй, только обрадовался: он не любил свалки на своем столе.

Один только раз, год назад, Ливитт спросил, неужели Холлу не интересно узнать хоть что-нибудь о работе, в которой он согласился участвовать и которая может со временем оказаться очень опасной. Хирург ответил коротким «нет».

Теперь, в раздевалке для врачей, он пожалел об этом своем ответе. Комната была тесная, без окон, все четыре стены были заняты шкафами для одежды, а посередине стояла большая кофеварка; рядом с ней высилась стопка бумажных стаканчиков. Ливитт как раз наливал себе кофе с унылой миной на серьезной бульдожьей физиономии.

— Кофе наверняка отвратительный,— сказал он.— В больнице ничего приличного не достанешь... Быстрей переодевайтесь!

— А не соблаговолите ли вы сначала сказать мне, зачем....

— Не соблаговолю. Переодевайтесь. Нас ждет машина. Мы опаздываем. Возможно, уже опоздали...

Говорил он с грубовато-мелодраматическими интонациями, и это всегда раздражало Холла.

Ливитт шумно отхлебнул кофе.

— Так я и предполагал. И вы это можете пить!.. Пожалуйста, поскорее...

Холл отпер свой шкафчик и ногой распахнул дверцу. Прислонившись к ней, стащил с ботинок черные пластиковые чехлы, предусмотренные в операционных во избежание накопления электростатических зарядов.

— Вы, наверно, скажете мне, что это связано с той дурацкой программой?

— Вот именно,— ответил Ливитт,— поторапливайтесь. Нас ждет машина, чтобы отвезти в аэропорт, а сейчас утренний час пик...

Холл быстро переоделся, ни о чем больше не думая, в состоянии какого-то внезапного отупения. Ему как-то никогда и в голову не приходило, что это возможно... Одевшись, он зашагал вслед за Ливиттом к выходу. На улице, залитой ярким солнечным светом, их ждала оливковая армейская машина с включенной «мигалкой» на крыше. И вдруг он понял с ужасающей ясностью, что Ливитт не шутит, что никто не шутит, и то, что ему казалось диким бредом, становится реальностью.

Со своей стороны, Питер Ливитт недолюбливал Холла. Он вообще не переваривал врачей-практиков. Хотя у него самого тоже был врачебный диплом, он никогда не практиковал, предпочитая заниматься научными исследованиями. Интересы Ливитта тяготели к клинической микробиологии и эпидемиологии, а узкой специальностью его была паразитология. Изучал он паразитов по всему свету; работа его ознаменовалась открытием бразильского ленточного червя *Taenia renzi*, описанного в статье, которую он опубликовал в 1953 году.

Однако с возрастом Ливитт прекратил путешествия. «Эпидемиология,— любил повторять он,— это развлечение для молодежи; когда в пятый раз подхватишь амебную дизентерию, пора уходить». Пятый случай с Ливиттом произошел в Родезии в 1955 году; он промучился целых три месяца, потерял сорок фунтов веса, а поправившись, подал в отставку. Ему предложили пост главного микробиолога в этой больнице, и он принял предложение с условием, что значительную часть времени посвятит научной работе.

В больнице он слыл отличным клиническим микробиологом, однако по-настоящему его, как и прежде, интересовали только паразиты. С 1955 по 1964 год он опубликовал серию изящных исследований, посвященных обмену веществ у *Ascaris* и *Necator* и получивших высокую оценку специалистов.

Репутация Ливитта вполне оправдывала его пригла-

шение в состав группы «Лесной пожар»; Ливитт в свою очередь предложил кандидатуру Холла. Известна была Ливитту и причина, почему окончательный выбор пал на Холла,— сам Холл о ней и не догадывался.

Когда Ливитт в свое время предложил ему присоединиться к группе, Холл осведомился, с чего бы это:

— Я же просто хирург...

— Верно,— сказал Ливитт.— Но вы хорошо знаете гематологию.

— Ну и что?

— Это может понадобиться. Химический состав крови, кислотность, щелочность и тому подобное. Со временем это может оказаться решающим.

— Но спецов по крови дай бог сколько,— заметил Холл.— И многие куда сильнее меня...

— Да,— ответил Ливитт,— но все они женаты.

— Ну и что?

— А нам нужен холостяк.

— Зачем?

— Необходимо, чтобы в составе группы был холостяк.

— Смешно,— сказал Холл.

— Может быть, смешно,— сказал Ливитт,— а может быть, и нет...

Они вышли из больницы и подошли к армейской машине. Застывший у машины молодой офицер откозырял им.

— Доктор Холл?

— Да.

— Будьте добры, предъявите удостоверение...

Холл протянул ему маленькую пластмассовую карточку. Больше года он таскал эту карточку в своем бумажнике; если это и было удостоверение, то довольно странное: фамилия, фотография, отпечаток большого пальца, и все. Никаких признаков, что это официальный документ.

Офицер взглянул на карточку, на Холла, потом снова на карточку.

— Все в порядке, сэр...

Он открыл перед ними заднюю дверцу. Холл влез в машину, Ливитт за ним. Хирург обратил внимание, как тот прикрыл ладонью глаза, защищаясь от красной «мигалки» на крыше.

— Что с вами?

— Да нет, ничего. Просто не выношу мигающего света. Напоминает мне о том, как я был шофером скорой помощи во время войны...— Ливитт откинулся на спинку, машина тронулась.— Так вот,— продолжал он,— на аэродроме вам дадут папку, с которой вы ознакомитесь в полете...

— В полете?...

— Вы полетите на истребителе «F-104».

— Куда?

— В Неваду. Постарайтесь прочесть все материалы в самолете. Как только доберемся до места, читать будет некогда.

— А другие где?

Ливитт посмотрел на часы.

— У Керка аппендицит, он в больнице. Остальные уже приступили к работе. В настоящий момент они в вертолете над поселком Пидмонт, штат Аризона...

— Никогда о таком не слышал.

— Никто не слышал,— откликнулся Ливитт,— до этого самого дня...

6. ПИДМОНТ

В 9.59 того же утра с базы Ванденберг, с бетонной площадки особо секретного ангара № 9 поднялся реактивный вертолет «К-4» и взял курс на восток, в сторону Аризоны. Решение отправить вертолет именно из этого ангара майор Мэнчик принял, чтобы не привлекать излишнего интереса к скафандрам. Дело в том, что три человека в вертолете — пилот и двое ученых — были облачены в прозрачные надувные пластиковые костюмы и походили не то на тучных марсиан, не то, как выразился один из техников в ангаре, на рекламные воздушные шары фирмы «Мэйси».

Пока вертолет взбирался в чистое утреннее небо, два пассажира в кабине молча разглядывали друг друга. Один из них был Джереми Стоун, другой — Чарлз Бертон. Оба они прибыли на базу Ванденберг чуть больше часа назад: Стоун из Стэнфорда, Бертон — из Бейлорского университета в Хьюстоне.

Бертону шел пятьдесят пятый год. Он был патологом, профессором медицинского факультета университета, а кроме того, консультантом Центра пилотируемых кос-

мических полетов НАСА в Хьюстоне. До этого он выполнил ряд исследований в Национальном институте здравоохранения в Бетесде, посвященных влиянию бактерий на ткани тела человека.

Уж так получилось в истории науки, что этот жизненно важный ее участок до Бертона, в сущности, оставался нетронутым. То, что болезни вызываются микробами, было известно с 1840 года, когда Генле сформулировал свою гипотезу, и все-таки к середине XX века человек все еще не постиг, как и почему они оказывают вредоносное влияние. Механизм их действия оставался нераскрытым.

Как и многие его ровесники, Бертон начал с *Diplococcus pneumoniae*, возбудителя пневмонии. Перед войной пневмококками занимались многие, но после появления пенициллина в 40-х годах интерес к ним и ассигнования на их исследование сразу сошли на нет. Бертон переключился на *Staphylococcus aureus*, распространенный кожный патоген, вызывающий прыщи и чирьи. Когда он занялся этой проблемой, коллеги потешались над ним, ибо стафилококки, как и пневмококки, весьма чувствительны к пенициллину. Коллеги сомневались, удастся ли Бертону добыть средства на проведение подобной работы.

В течение пяти лет казалось, что они правы. Денег было мало, и Бертону зачастую приходилось с шапкой в руке обращаться к филантропам и во всякие частные фонды. Тем не менее он стоял на своем, терпеливо исследуя оболочки клеточных стенок, от которых зависит реакция окружающих тканей, и открыл с полдюжины выделяемых бактерий токсинов, которые разъедают ткани, разносят инфекцию, разрушают красные кровяные тельца.

А в 50-х годах вдруг обнаружились первые штаммы стафилококков, устойчивые к пенициллину,— новые штаммы, очень опасные, вызывающие странные смертные случаи, нередко в результате абсцесса мозга. Чуть ли не наутро после первого такого случая Бертон обнаружил, что его работа приобрела первостепенную важность: десятки лабораторий по всей стране переключились на изучение стафилококков; теперь оно стало настоятельно необходимым. За один только год ассигнования, отпускаемые Бертону, подскочили с 6 до 300 тысяч долларов. Вскоре он стал профессором патологической анатомии.

Но, оглядываясь на свои прошлые достижения, Бертон не ощущал особой гордости: он знал, что это удача и только,— просто так случилось, что он занимался нужным делом и, когда пробил час, оказался, так сказать, под рукой. Теперь, сидя в вертолете, он размышлял о том, что получится из этой воздушной прогулки.

Джереми Стоун сидел напротив и старался скрыть свою неприязнь к обличью Бертона. Под пластиковым костюмом на Бертоне была грязная ковбойка с пятном на левом нагрудном кармашке и мятые обтрепанные брюки; даже волосы — и те были нечесаные и грязные.

Стоун уставился в окно, принуждая себя думать о чем-нибудь другом.

— Пятьдесят человек,— сказал он, покачав головой,— умерли в течение восьми часов с момента посадки спутника. Главный вопрос — как распространяется инфекция?

— Надо полагать, по воздуху,— ответил Бертон.

— Надо полагать.

— Все смертные случаи пока что имели место лишь в самом поселке. О жертвах за пределами Пидмонта сведений не поступало?

Стоун покачал головой.

— Я попросил военных выяснить. Они связались с дорожной полицией. Жертв вне поселка пока нет...

— Ветра не было?

— Чистая случайность. Вечером еще был — довольно свежий, пятнадцать километров в час, северный и достаточно устойчивый. А около полуночи прекратился. Говорят, в такое время года безветрие тут редкость...

— Повезло.

Стоун кивнул.

— Именно. И не только в этом. В радиусе двухсот километров — ни одного значительного населенного пункта. Дальше, правда, на севере Лас-Вегас, на западе Сан-Бернардино, на востоке Финикс. Если зараза дойдет до любого из них, дело будет плохо.

— Но пока нет ветра, мы можем кое-что успеть...

— Будем надеяться.— ответил Стоун.

С полчаса ученые обсуждали возможные направления распространения болезни, то и дело обращаясь к вороху рабочих карт, выданных за ночь вычислительным центром базы Ванденберг. На такие карты наносятся данные сложного комплексного анализа географических факторов; в данном случае карты представляли собой контур-

ные модели юго-западной части Соединенных Штатов с учетом направлений господствующих ветров.

Затем они перешли к другому вопросу: как быстро могла наступить смерть? Оба слушали передачу из фургона и сделали один и тот же вывод: по-видимому, смерть настигла всех в Пидмонте внезапно.

— Даже если перерезать человеку горло бритвой, он и то не умрет так быстро,— сказал Бертон.— Если в один прием рассечь обе сонные артерии и яремные вены — и то пройдет от десяти до сорока секунд, пока померкнет сознание, и почти минута, пока наступит смерть.

— В Пидмонте все, очевидно, кончилось за одну-две секунды.

Бертон пожал плечами.

— Травма,— предположил он,— удар по голове.

— Да. Или газ нервно-паралитического действия.

— Тоже возможно.

— Либо газ, либо что-то очень похожее,— сказал Стоун.— Если это произошло из-за блокирования каких-то ферментных систем — вроде того, которое вызывается мышьяком, например, или стрихнином,— смерть наступила бы спустя пятнадцать-тридцать секунд, а то и позднее. А вот блокада нервных путей или нервно-мышечного узла или корковое отравление — они могут оказать стремительное, почти мгновенное действие...

— Если это быстродействующий газ,— откликнулся Бертон,— он должен беспрепятственно диффундировать через легкие...

— Или через кожу. Или через слизистые. В общем через любую пористую поверхность.

— Но если этот газ так активно диффундирует...— Бертон дотронулся до своего костюма.

Стоун усмехнулся:

— Ну, это мы очень скоро выясним...

В переговорном устройстве раздался голос пилота:

— Приближаемся к Пидмонту. Прошу указаний.

— Сделайте круг, посмотрим сверху,— сказал Стоун.

Вертолет заложил крутой вираж. Оба ученых поглядели вниз, на поселок. Ночью стервятники опустились на землю и теперь густо облепили тела.

— Этого я и боялся,— признался Стоун.

— Они могут стать переносчиками инфекции,— отозвался Бертон.— Наглотаются зараженного мяса и разнесут микробы повсюду...

Стоун кинул, не отрываясь от иллюминатора.

— Что будем делать?

— Отравим их газом.— Стоун включил переговорное устройство и осведомился: — Вы захватили баллоны?

— Так точно, сэр.

— Еще один круг, и накройте газом весь поселок.

— Слушаюсь, сэр.

Вертолет накренился и пошел на новый разворот. Вскоре земля исчезла в клубах бледно-голубого газа.

— Что это за газ?

— Хлоразин,— сказал Стоун.— В малых концентрациях чрезвычайно сильно действует на обмен веществ у птиц. Ведь обмен у них идет с особой интенсивностью. Птицы — это мускулы да перья, сердце у них бьется обычно со скоростью сто двадцать ударов в минуту. Многие виды за день съедают больше, чем весят сами...

— Газ расщепляет органические соединения?

— Совершенно верно. Он уложит птиц наповал.

Вертолет сделал еще вираж и завис на месте. Вновь поднявшийся легкий ветерок развеял газ, относя его к югу. Вскоре видимость восстановилась. Сотни птиц лежали на земле, некоторые еще судорожно били крыльями, но большинство было уже мертво.

Стоун смотрел и хмурился. Где-то в глубине души он уже знал, что проглядел, упустил из виду нечто очень важное. Какой-то факт, какую-то важную нить, тянущуюся от этих птиц, за которую непременно надо было ухватиться...

— Дальнейшие распоряжения, сэр? — спросил пилот.

— Поверните к середине улицы и спустите трап,— сказал Стоун.— Вам оставаться на высоте шести метров и ни в коем случае не приземляться. Ясно?

— Так точно, сэр.

— Когда мы спустимся на землю, поднимитесь до высоты полтораста метров.

— Слушаюсь, сэр.

— Вернетесь, когда подадим сигнал.

— Слушаюсь, сэр.

— И если с нами что-нибудь случится...

— Мне следовать прямым курсом на базу «Лесной пожар»,— закончил пилот безжизненным голосом.

— Совершенно верно.

Пилот понимал, что это значит. Ему платили по самым высоким ставкам, какие только существуют в ВВС: основной оклад плюс надбавка за опасность, плюс надбавка за специальное задание в мирное время, плюс над-

бавка за выполнение задания над территорией противника, плюс особые полетные за каждый час пребывания в воздухе. За один сегодняшний день ему причиталось больше тысячи долларов, а если он не вернется, семья получит еще десять тысяч по краткосрочному страховому полису.

Такие деньги платят, разумеется, не за красивые глаза: если с Бертоном и Стоуном в Пидмонте что-нибудь случится, пилот должен лететь на базу «Лесной пожар», зависнуть там на высоте десяти метров и ждать, пока группа «Лесной пожар» не решит, каким именно способом лучше всего испепелить его и вертолет в воздухе.

Ему платили за риск. Он шел на этот риск добровольно. Он знал, что над ним на высоте шести тысяч метров патрулирует реактивный перехватчик, вооруженный ракетами класса воздух — воздух, и этому перехватчику приказано расстрелять вертолет в случае, если у пилота в последнюю секунду сдадут нервы и он не поведет свою машину на базу «Лесной пожар».

— Будьте осторожны,— сказал пилот.— Прошу вас, сэр.

Вертолет прошел над улицей и завис. Вниз с треском полетел веревочный трап. Стоун встал, надел шлем, защелкнул герметизирующий замок и открыл вентиль. Костюм заполнился кислородом и раздулся. Баллончики, закрепленные на спине, обеспечивали его воздухом на два часа.

Подождав, пока Бертон проделает то же самое, Стоун открыл люк и выглянул наружу. Под вертолетом вздымалось густое облако пыли.

Стоун включил свою рацию.

— Вы готовы?

— Готов.

Он начал спускаться по трапу. Бертон подождал немного и последовал за ним. В клубах пыли Бертону вообще ничего не удавалось разглядеть. Наконец он коснулся ногами земли и отпустил трап. Вокруг стояла мутная, пыльная мгла, в которой еле проступал силуэт Стоуна.

Вертолет взмыл вверх, потянув за собой трап. Пыль осела. Теперь они могли оглядеться.

— Пошли, — сказал Стоун.

Неуклюже переваливаясь с ноги на ногу, они двинулись по улице поселка Пидмонт.

7. «СОВЕРШЕННО НЕОБЫЧНЫЙ ФАКТОР»

Между первым контактом человека со штаммом «Андромеда» и прибытием Стоуна и Бертона в Пидмонд прошло едва двенадцать часов. Много недель спустя, когда уже можно было спокойно разобраться в событиях, они живо вспомнили все увиденное до мельчайших деталей.

Зимнее солнце висело низко, заливая холодным и безрадостным светом заиндевевшую за ночь землю. С места своей высадки они могли видеть улицу из конца в конец — серые, обшарпанные деревянные дома. Но прежде всего их поразила тишина. Мертвая тишина — только ветерок подвывал слегка, проносясь беспрепятственно сквозь осиротевшие постройки. И повсюду лежали тела, тела — одни распростерлись на земле, другие свернулись клубком и застыли, словно скованные морозом...

Ни бодрого пофыркивания автомашин, ни собачьего лая, ни криков детей.

Тишина.

Стоун и Бертон переглянулись. Они с мучительной остротой понимали, как много им предстоит узнать, выяснить, как упорно придется искать. На этот поселок обрушилась катастрофа, и теперь они обязаны узнать о ней все, что только возможно. Но у них не было нитей, за которые можно ухватиться, не было никаких отправных точек.

По существу, им были известны лишь два факта. Первый: все, по-видимому, началось с приземления «Скупа-7». Второй: смерть настигла жителей поселка с потрясающей быстротой. Если эту болезнь занес спутник, то ничего подобного в истории медицины прежде не встречалось.

Они долго стояли и молчали, озираясь по сторонам, сопротивляясь ветру, который давил на их раздутые скафандры. Наконец Стоун прервал молчание:

— Почему все на улице? Если это случилось вечером, то люди должны были сидеть у себя дома...

— А потом,— сказал Бертон,— многие в пижамах. Вечер был холодный. Накинули бы что-нибудь, пиджак там или плащ. Что-нибудь, чтобы не простудиться...

— Может, они спешили...

— Куда?

— Поглазеть на что-то,— ответил Стоун, беспомощно пожав плечами.

Бертон наклонился над ближайшим трупом.

— Странно... Обратите внимание, как он схватился за грудь. И многие другие в той же позе...

Стоун присмотрелся: действительно, у многих руки прижаты к груди. У одних просто прижаты, другие словно вцепились пальцами в грудь.

— Они как будто не испытывали боли. Лица совсем спокойные...

— Пожалуй, даже удивленные,— поддержал Бертон.— Словно бы застигнутые врасплох. И все хватаются за грудь...

— Коронарная? — предположил Стоун.

— Сомневаюсь. Это все-таки болезненно, на лицах осталась бы гримаса... Легочная эмболия — тоже...

— Но если все случилось очень быстро, они могли и не успеть...

— Что же, возможно. Но мне сдается все же, что смерть пришла без боли. И за грудь они хватались просто потому...

— Что не могли дышать,— закончил Стоун.

Бертон кивнул.

— Очень возможно, что это удушье. Быстрое, безболезненное, почти мгновенное удушье... Нет, все равно не то. Когда человеку не хватает воздуха, он первым делом ослабляет все застежки, особенно на груди и на шее. А взгляните на того мужчину — он даже не дотронулся до галстука. И у этой женщины тугой воротничок...

Бертон уже почти оправился от первого потрясения, мысль его начала работать четко. Они приблизились к фургону — тот стоял посреди улицы, фары все еще слабо светились. Стоун протянул руку к приборному щитку и выключил их. Затем он спихнул с баранки закоченевшее тело водителя и прочел фамилию на нагрудном кармашке куртки:

— Шоун.

В задней части кузова неподвижно застыл еще один человек — рядовой по фамилии Крейн. Оба трупа уже закоченели. Стоун показал на радиооборудование.

— Работать будет?

— Думаю, что да,— ответил Бертон.

— Тогда давайте найдем спутник. Это наша первая задача. Потом уж займемся...

Он запнулся, вглядываясь в лицо Шоуна, который в момент смерти, очевидно, рухнул всем телом на рулевое колесо. На лице была большая резаная рана, дугой рассекавшая кожу, переносица была перебита.

— Ничего не понимаю,— сказал Стоун.

— Что? — переспросил Бертон.

— Посмотрите на рану.

— Очень чистая. Прямо-таки удивительно чистая. Кровотечения практически не было.

Тут до Бертона дошло. В изумлении он хотел даже почесать себе голову, но рука уткнулась в пластиковый шлем.

— Такая рана на лице...— сказал он.— Порванные капилляры, раздробленные кости, перебитые вены... Да ведь должна была вытечь уйма крови!

— Вот именно. Должна была. А взгляните на другие тела: даже там, где стервятники рвали мясо, крови нет.

Бертон озирался вокруг со все возрастающим удивлением. Ни один из мертвецов не потерял ни капли крови. И как он раньше не заметил!

— Такова, вероятно, особенность этой болезни.

— Вот именно,— сказал Стоун.— Думаю, вы правы.

Он поднатужился, крякнул и, высвободив из-за руля закоченевшее тело Шоуна, вытащил его из фургона.

— Давайте найдем этот чертов спутник. Теперь он начинает беспокоить меня всерьез...

Бертон зашел сзади, вытянул тело Крейна из машины, а сам влез на его место. Стоун включил зажигание. Стартер лениво провернулся, но мотор безмолвствовал. Стоун еще и еще раз попытался завести машину, потом признался:

— Не могу понять, в чем дело. Аккумулятор подсел, конечно, но искру давать должен все равно...

— А как насчет бензина?

Стоун громко выругался. Бертон улыбнулся и выкарабкался наружу. Вместе они прошли по улице до бензоколонки, отыскали ведро, налили в него бензина — пришлось повозиться, пока сообразили, как включается насос,— потом вернулись с полным ведром к фургону и залили бензин в бак. Стоун вновь нажал на стартер — мотор чихнул и заработал.

— Пошел!..

Бертон запустил вращающуюся антенну. Тотчас же они услышали слабое попискивание спутника.

— Сигнал угасает, но еще различим. Вроде бы где-то слева...

Стоун включил скорость и тронул машину, стараясь не задеть тела. Писк стал сильнее. Проехали бензоколонку и магазин — писк начал слабеть.

— Проскочили. Разворачивайтесь...

Стоун не сразу нашел в коробке передач задний ход. Потом они двинулись назад, ориентируясь по силе радиосигнала. Прошло еще минут пятнадцать, прежде чем удалось установить, что источник его находится на северной окраине поселка. Наконец подъехали к одноэтажному каркасному домику. На ветру скрипела вывеска: «Доктор Ален Бенедикт».

— Ну, конечно,— сказал Стоун,— можно бы и догадаться, что потащат находку к доктору...

Они вылезли из фургона и направились к домику. Входная дверь была открыта и качалась на ветру. Стоун и Бертон прошли в первую комнату — никого. Тогда они повернули направо и очутились в кабинете врача.

Бенедикт, грузный, рыхловатый мужчина, сидел за столом, на котором громоздилась куча раскрытых учебников. У стены расположились пузырьки и шприцы, а над ними висели фотографии семьи и другие снимки — мужчина в военной форме. На одном из них были нацарапаны слова: «Дорогому Бенни от ребят из 87-го. Апцио». Сам Бенедикт смотрел куда-то в угол — незрячие, широко раскрытые глаза, умиротворение на лице...

— Ну что ж,— сказал Бертон,— этот-то по крайней мере помер не на улице...

И тут они увидели спутник.

Он стоял торчком, тускло поблескивающий конус высотой около метра, когда-то полированный, а теперь потрескавшийся и оплавившийся при вхождении в плотные слои атмосферы. Он был вскрыт, и вскрыт ужасно грубо, видимо при помощи зубила и клещей, которые валялись рядом на полу.

— Полюбопытствовал,— не сдержался Стоун.— Идиот....

— Откуда ему было знать?

— Мог бы хоть осведомиться у кого-нибудь,— Стоун вздохнул.— Зато теперь он в курсе дела. И с ним еще сорок девять человек...— Он нагнулся и, как мог, прикрыл зияющую треугольную дыру.— Контейнер при вас?..

Бертон вытащил сложенный мешок из пластика и развернул его. Вдвоем они накинули мешок на злополучный спутник и загерметизировали шов.

— Надеюсь, что-нибудь там еще осталось...

— А я, пожалуй, был бы рад,— тихо ответил Стоун,— если б там не осталось ничего...

Они вернулись к телу доктора Бенедикта. Стоун подошел и тряхнул его за плечи. Окоченевший труп свалился со стула на пол.

Бертон обратил внимание на локти, и внезапно его охватило сильное возбуждение. Он склонился над телом.

— Ну-ка помогите мне,— попросил он Стоуна.

— Что делать?

— Его надо раздеть.

— Зачем?

— Хочу проверить, есть ли признаки венозного застоя.

— Но зачем?

— Сейчас увидите,— сказал Бертон.

Он начал расстегивать рубашку и брюки доктора. Оба ученых сосредоточенно возились до тех пор, пока на полу не простерлось обнаженное тело.

— Вот, пожалуйста, — Бертон отступил на шаг.

— Черт возьми,— заявил Стоун.

Никаких следов отечных изменений кожи вследствие венозного застоя! Обычно, когда человек умирает, кровь под воздействием силы тяжести оттекает вниз. Бенедикт умер сидя, кровь должна была оттечь к тканям ягодиц и бедер. И к локтям, опиравшимся на ручки кресла. Должна была — но не оттекла.

— Очень странное явление,— сказал Бертон.

Оглядевшись, он увидел небольшой автоклав для инструментов. Достал оттуда скальпель и осторожно, чтобы не проколоть свой костюм, приладил лезвие.

— Попробуем для начала крупные поверхностные артерии и вену,— предложил он.

— А именно?

— Лучевые. У запястья.

Опасливо держа скальпель, Бертон провел им по внутренней стороне запястья доктора, как раз у основания большого пальца. Рана была совершенно бескровной. Он рассек жировую и подкожную ткани. Крови не было.

— Поразительно...

Надрезал еще глубже. Кровь не появлялась. Наконец дошел до крупного сосуда и резко рассек его. На пол посыпались черно-красные крошки.

— Черт побери,— сказал Стоун.

— Свернулась начисто.

— Не удивительно, что ни у кого не было кровотечения...

— Помогите-ка мне,— попросил Бертон.

Вдвоем они повернули тело на спину, и Бертон сделал глубокий разрез в средней части бедра. Добрался до артерии толщиной в палец, но и там не осталось крови, только плотная красноватая масса.

— Невероятно...

Он сделал еще один надрез, на этот раз в области грудной клетки. Обнажил ребра и оглядел кабинет доктора Бенедикта: не попадется ли на глаза какой-нибудь очень острый нож. Нужен был остеотом, инструмент для иссечения кости, но такого нигде не попалось. В конце концов он взял зубило, то самое, которым был вскрыт спутник, и с его помощью перерубил несколько ребер, открыв сердце и легкие. Опять-таки никаких признаков кровотечения!

Бертон глубоко вздохнул и вскрыл левый желудочек. Сердце внутри было наполнено красной губчатой массой. Жидкой крови не было совсем.

— Свернулась полностью,— повторил он.— Сомнений нет.

— А что, по-вашему, способно вызвать такое свертывание?

— Во всей сосудистой системе? Пять с половиной литров крови? Не представляю...

Бертон тяжело опустился в кресло доктора Бенедикта и уставился на тело, которое только что вскрыл.

— Никогда в жизни ни о чем подобном не слышал. Правда, есть такая дрянь — называется «распространенное внутрисосудистое свертывание», но для него необходимо редчайшее стечение обстоятельств.

— А может ли подобный эффект быть вызван каким-нибудь одним токсином?

— Теоретически может, я думаю. Но в действительности такого токсина на Земле нет...

Он внезапно умолк.

— Н-да,— произнес Стоун,— пожалуй, так оно и есть...

Он поднял «Скуп-7» с пола и понес на улицу, к фургону. Вернувшись, предложил:

— Давайте-ка осмотрим все дома...

— Начнем отсюда?

— Можно и отсюда...

Бертону довелось обнаружить миссис Бенедикт. Еще не старая женщина приятной наружности сидела в кресле с книжкой на коленях; казалось, она собирается перевернуть страницу. Бертон начал бегло осматривать ее, но тут его откуда-то с другого конца дома позвал Стоун.

Он нашел Стоуна в маленькой спальне склонившимся над кроватью, на которой лежало тело подростка лет пятнадцати. Несомненно, это была его комната: цветастые картинки на стенах, полка с моделями самолетов...

Мальчик лежал на спине, открытые его глаза смотрели в потолок. Рот был тоже открыт. Одна рука крепко сжимала пустой тюбик из-под специального клея для моделей самолетов; по всей комнате были разбросаны пузыречки из-под лака, разбавителя, скипидара.

Стоун отступил на шаг.

— Смотрите сами...

Бертон заглянул мальчику в рот, ощупал пальцем уже затвердевшую массу.

— Господи боже,— только и сказал он.

Стоун нахмурился.

— А ведь на такое требовалось время. Независимо от того, что толкнуло его на самоубийство, на это нужно было время. Мы слишком упрощали то, что здесь произошло. Не все умерли мгновенно. Одни погибли дома, другие успели выскочить на воздух, а этот мальчишка...— Он покачал головой.— Давайте заглянем в другие дома...

Прежде чем выйти на улицу, Бертон вернулся в кабинет врача и постоял еще немного над его телом. Странно было видеть разрезанные кисть и ногу, вскрытую грудную клетку — и ни капли крови. Было в этом что-то неестественное, нечеловеческое. Как будто кровоточивость — неотъемлемый признак, отличающий человека... «Ну, что ж,— подумал Бертон,— возможно, так оно и есть. Возможно, способность наша истекать кровью и делает нас людьми...»

Стоуну Пидмонт представлялся головоломкой, разгадать ее стало для него делом чести. Он был убежден, что поселок может, должен раскрыть все до конца: и характер болезни, и ее течение, и ее последствия. Нужно только правильно сопоставить данные наблюдений.

Но по мере того, как они продолжали свои поиски, он не мог не признать, что данные эти становятся все более противоречивыми.

Еще один дом. Муж, жена и их взрослая дочка за обеденным столом. Им, очевидно, было весело и легко, они были счастливы, и никто из них не успел даже отодвинуть свой стул. Так они и застыли на полуслове, ласково улыбаясь друг другу поверх тарелок,— еда на тарелках уже начала портиться, привлекая рой мух. Тихое их жужжание наполняло комнату, и Стоун обратил на это внимание. «Не забыть про мух»,— подумал он.

Старуха с седыми волосами и морщинистым лицом. Она с улыбкой покачивалась в петле, перекинутой через потолочную балку. Веревка терлась о балку, чуть поскрипывая.

У ног старухи лежал конверт. На нем аккуратным, четким, неторопливым почерком: «Тому, кто найдет и поднимет».

Стоун вскрыл конверт и прочел письмо:

«День страшного суда близится. Разверзнутся земля и воды и поглотят весь род людской. Да смилостивится Всевышний над моею душой и над всеми, кто был ко мне милосерд. Остальные пусть убираются ко всем чертям. Аминь».

Бертон выслушал и сказал:

— Помешалась бабушка. Старческий маразм. Увидела, как все вокруг умирают, и тронулась...

— И покончила с собой?

— Очевидно.

— Довольно странный способ самоубийства, вам не кажется?

— Тот мальчишка тоже избрал эксцентричный способ...

Стоун молча кивнул.

Рой Томсон жил один. Судя по замасленной спецовке, он был владельцем местной бензоколонки. Рой, видимо, налил в ванну воды, стал перед ней на колени, сунул в ванну голову и держал ее под водой, пока не умер. Когда они нашли его, тело уже закоченело, а голова все еще была в воде; вокруг никого, никаких следов борьбы.

— Но это же немыслимо! — пробормотал Стоун.— Покончить с собой подобным способом просто невозможно...

Лидия Эверетт, поселковая портниха, спокойно вышла во двор, села в кресло, облила себя бензином и чиркнула спичкой. Рядом с ее останками они обнаружили обгоревшую канистру из-под бензина.

Шестидесятилетний Питер Арнольд сидел у себя в гостиной, выпятив грудь, в военной форме времен второй мировой войны. Тогда он дослужился до капитана и вот теперь опять стал капитаном перед тем, как выстрелить себе в висок из двенадцатимиллиметрового кольта. Крови вокруг не было, и старик выглядел почти смешно: сидит себе, расправив плечи, с чистенькой сухой дырочкой в голове.

Рядом со стариком стоял магнитофон, и левая его рука покоилась на футляре. Бертон вопросительно глянул на Стоуна и нажал на клавишу. К ним обратился надтреснутый, раздраженный голос:

— Вы не слишком спешили, как я погляжу... Но я все равно рад, что вы, наконец, прибыли. Нам нужно подкрепление. Бой, доложу я вам, был жестокий. Прошлой ночью при штурме высоты потеряли сорок процентов личного состава и двоих офицеров впридачу. Плохи дела, очень плохи. Если бы Гэри Купер был с нами! Нам очень нужны такие герои, как он, герои, которые сделали Америку сильной!.. Не могу передать вам, как это ужасно меня волнует,— ведь там, над нами, великаны в летающих блюдцах. Они сжигают нас заживо, душат газом. Вижу, как умирают наши люди, а у меня нет противогазов. Ни одного!.. Но я не намерен ждать. Я исполню свой долг. Жаль только, что у меня лишь одна жизнь, которую я могу отдать во имя своей страны...

Лента продолжала крутиться, но голос умолк. Бертон выключил магнитофон.

— Спятил,— сказал он.— Свихнулся начисто...

Стоун кивнул.

— Одни мгновенно погибли, другие... другие сошли с ума.

— И тут мы опять возвращаемся к главному вопросу. Почему они погибли? В чем различие между теми и другими?

— Быть может, разная степень иммунитета? — предположил Бертон.— Одни более подвержены этой инфекции. А у других проявилась защитная реакция, пусть временная.

— Постойте-ка,— сказал Стоун,— есть же доклад летчика и пленка — здесь был живой человек. Старик какой-то в белой ночной рубахе...

— Вы думаете, он еще жив?

— Ну, не знаю. Но если одни продержались дольше, чем другие, если кто-то прожил достаточно долго, чтобы записать на пленку целую речь или перед тем, как повеситься, оставить записку, нельзя не поинтересоваться: а не мог ли кто-нибудь прожить еще дольше? Больше того, нет ли сейчас в поселке живых?

В этот момент они и услышали плач.

Сначала они решили, что это ветер: звук был тонюсенький, исчезающе слабый. Затем стали прислушиваться — сначала недоуменно, потом изумленно... Плач продолжался, перемежаясь с сухим, надрывным кашлем.

Они выбежали на улицу. Звук был такой слабый, что трудно было понять, откуда он шел. Они бежали по улице, а звук, казалось, усиливался, и это подгоняло их.

И вдруг плач смолк.

Ученые застыли на месте, тяжело дыша. Они стояли посреди безлюдной улицы и недоуменно смотрели друг на друга.

— Мы что, тоже с ума сошли? — спросил Бертон.

— Да нет,— отозвался Стоун,— слышно было явственно.

Они подождали. Минуту-другую все было тихо. Бертон окинул взглядом улицу, дома, фургон, оставшийся перед домом доктора Бенедикта.

И тут плач возобновился — теперь очень громкий, тоскливый детский плач.

Они пустились бежать. Это оказалось рядом, через два дома по правую руку. Перед домом, на тротуаре, лежали ничком мужчина и женщина, оба схватившись за грудь... Ученые, не останавливаясь, ворвались в дом. Плач слышался все громче, гулко отдаваясь в опустевших комнатах. Они кинулись на второй этаж и ворвались в спальню. Большая незастеленная двухспальная кровать. Комод, зеркало, шкаф.

И детская кроватка.

Склонившись над нею, они сдернули одеяла и увидели крошечное, краснолицее, бесконечно несчастное существо. Ребенок мгновенно замолчал и уставился на лица под прозрачными шлемами. Помолчал и залился опять.

— Напугали мы его,— сказал Бертон.— Бедный малыш...

Он неловко поднял младенца на руки и покачал его. Тот продолжал орать. Беззубый рот был широко раскрыт, щеки побагровели, на лбу проступили жилы.

— Голодный, наверно,— догадался Бертон.

Стоун сосредоточенно хмурился.

— Совсем еще маленький. Месяца два, не больше. Мальчик или девочка?

Бертон развернул пеленки.

— Мальчик. Нужно его перепеленать. И накормить...— Он огляделся.— В кухне, наверно, есть какие-нибудь отвары...

— Ни в коем случае,— заявил Стоун.— Кормить его нельзя...

— Это еще почему?

— Нельзя. Ни кормить, ни пеленать — ничего нельзя делать, пока мы не выберемся из Пидмонта. А может, режим питания как-то влияет на ход болезни? Может, не сразу погибли как раз те, кто давно не ел? Может, в пище ребенка были какие-то защитные вещества? Мало ли что может быть...— Он помолчал.— В любом случае рисковать мы не имеем права. Подождем, пока не поместим его в лабораторную обстановку...

Бертон вздохнул. Он знал, что Стоун прав, но знал и то, что ребенок не кормлен по меньшей мере двенадцать часов. Что ж тут удивительного, что он кричит...

— События приняли новый оборот,— сказал Стоун.— Этот ребенок для нас главный ключ к тайне, и надо сберечь его во что бы то ни стало. Я считаю, мы должны немедленно возвращаться.

— Но мы ведь еще не подсчитали число жертв...

— Не имеет значения. У нас есть такая ценная находка, на какую мы не могли и надеяться. Уцелевшее живое существо.

Младенец на мгновение замолчал, сунул палец в рот и вопросительно посмотрел на Бертона. Убедившись, что еды не будет, он опять заревел.

— Жаль, он не может рассказать нам, что здесь случилось...

— А я надеюсь, что может,— заверил Стоун.

Они остановили фургон на середине улицы и дали знак вертолету снизиться. Бертон держал в руках ребенка, Стоун — спутник. «Странные трофеи,— подумалось Стоуну,— из очень странного места под названием Пид-

монт». Ребенок, наконец, замолчал, он просто устал плакать и уснул беспокойным сном, изредка просыпаясь, чтобы всхлипнуть несколько раз, и снова забываясь.

Вертолет опустился, взметнув облако пыли. Бертон прикрыл лицо ребенка одеялом. Когда трап коснулся земли, Бертон не без труда вскарабкался наверх.

Стоун стоял внизу и ждал своей очереди, держа на руках капсулу «Скуп», в облаке пыли, круговороте ветра, оглушенный ревом вертолета. И вдруг ощутил, что он на улице не один. Он обернулся и увидел человека.

Это был очень старый человек. Редкие седые волосы, изможденное морщинистое лицо, босые ноги. Длинная ночная рубаха на нем была вся в грязи и пожелтела от пыли. Качаясь и спотыкаясь, старик брел к Стоуну. Грудь его под рубахой ходила ходуном.

— Кто вы такой? — спросил Стоун, хотя узнал его сразу: это тот, кого они видели на пленке, заснятой со «Скевенджера».

— Вы...— начал старик.

— Кто вы такой?

— Вы... вы это сделали...

— Как вас зовут?

— Не троньте меня... Я не как остальные...

Дрожа от страха, он уставился на Стоуна, на его пластиковый костюм. «В самом деле,— подумал Стоун,— мы, наверно, кажемся ему какими-то чудищами. Марсианами, пришельцами из других миров».

— Не троньте меня...

— Да не тронем. Как вас зовут?

— Джексон. Питер Джексон, сэр. Пожалуйста, не трогайте меня...— Он махнул рукой в сторону трупов, лежащих на улице.— Я не как остальные...

— Не тронем мы вас,— повторил Стоун.

— Других-то вы...

— Нет, не мы.

— Они все умерли.

— Это не мы.

— Врете! — закричал старик; глаза у него округлились.— Все вы врете! Вы не люди! Вы только притворяетесь! Вы знаете, что я человек больной. Вы знаете, что меня легко обмануть. Я больной человек. У меня кровь течет. У меня это... это...

Он пошатнулся, схватился за живот и скорчился от боли.

— Что с вами?

Старик упал. Он побледнел и задыхался. На лице у него выступил пот.

— Желудок,— выдавил он.— Это у меня желудок...

Его вырвало, тяжело, с кровью.

— Мистер Джексон...

Но тот потерял сознание. Он лежал на спине с закрытыми глазами, и Стоун подумал было, что старик умер. Но затем увидел, что грудь его вздымается, хотя и очень-очень медленно.

Спустился Бертон.

— Кто это?

— Тот самый странник в белой рубахе. Помогите поднять его в кабину...

— Он жив?

— Пока да.

— Будь я проклят,— подвел черту Бертон.

Чтобы поднять в вертолет обмякшее тело Джексона, пришлось использовать лебедку. Потом спустили трос еще раз и втянули в кабину спутник. И только после этого Бертон и Стоун заняли свои места в вертолете.

Гермокостюмов они не сняли, а лишь подсоединили к ним свежие баллончики с кислородом, тем самым обеспечив себя воздухом еще на два часа. Теперь запаса должно было хватить до конца полета.

Пилот связался с базой. Ванденберг, и Стоун вызвал майора Мэнчика.

— Что вы там обнаружили? — спросил Мэнчик.

— Поселок мертв. У нас достаточно доказательств, что здесь действует совершенно необычный фактор.

— Осторожнее,— предупредил Мэнчик.— Разговор идет по открытому каналу...

— Знаю. Вы дадите запрос на применение директивы 7-12?

— Попытаюсь. Вы хотите сразу же?..

— Да, немедленно.

— Пидмонт?

— Да.

— Спутник захватили?

— Разумеется.

— Хорошо,— сказал Мэнчик.— Я дам запрос...

8. ДИРЕКТИВА 7-12

Директива 7-12 представляла собой часть документации по программе «Лесной пожар» и предусматривала порядок действий на случай возникновения чрезвычайной биологической ситуации. Согласно этой директиве, на месте соприкосновения земной жизни с внеземными организмами надлежало взорвать термоядерный заряд ограниченной мощности. Кодовым наименованием директивы служило слово «Прижигание»: взрыв преследовал цель «прижечь» заразу, распылить на атомы и тем самым предотвратить возможность ее распространения.

Операция «Прижигание» как пункт программы «Лесной пожар» была утверждена лишь после долгих препирательств между многими ведомствами — канцелярией президента, госдепартаментом, Министерством обороны и Комиссией по атомной энергии. Комиссия, и без того недовольная установкой ядерного устройства в самой лаборатории «Лесной пожар», всячески противилась включению операции в общую программу; госдепартамент и Министерство обороны указывали, что наземный ядерный взрыв, каковы бы ни были его цели, повлечет за собой серьезные международные осложнения.

Президент в конце концов утвердил директиву 7-12 с оговоркой, что окончательное решение о взрыве бомбы при операции «Прижигание» он примет единолично. Стоуна подобная опека не устраивала, но другого выхода не было: на президента сильно давили, чтобы он отказался от этой директивы вообще, и даже на компромисс он пошел лишь после продолжительных споров. К тому же нельзя было пренебречь и докладом Гудзоновского института.

Гудзоновскому институту по контракту было поручено изучить возможные последствия операции «Прижигание». В представленном институтом докладе рассматривались четыре принципиальные ситуации (сценарные разработки), при которых президент может оказаться перед необходимостью отдать приказ о начале операции «Прижигание». По степени серьезности эти сценарные разработки располагались в следующем порядке:

1. *Спутник или пилотируемый космический корабль приземлился в ненаселенном районе Соединенных Штатов.* В этом случае взрыв может быть произведен без особого шума и с незначительными жертвами. Русских мож-

но неофициально информировать о причинах нарушения Московского договора 1963 года, запрещающего испытания в атмосфере.

2. *Спутник или пилотируемый корабль приземлился в крупном американском городе.* (В качестве примера был взят Чикаго.) В этом случае взрыв приведет к значительным разрушениям и жертвам и серьезным внутренним и несколько меньшим международным последствиям.

3. *Спутник или пилотируемый корабль приземлился в крупном городе нейтралистской страны.* (В качестве примера был взят Дели.) Операция «Прижигание» будет означать в этом случае американскую интервенцию с применением ядерного оружия для предотвращения дальнейшего распространения болезни. Сценарные разработки содержали семнадцать вариантов возможного развития американо-советских отношений после разрушения города Дели. Двенадцать из них непосредственно вели к термоядерной войне.

4. *Спутник или пилотируемый корабль приземлился в каком-нибудь из крупных советских городов.* В таком случае по плану операции «Прижигание» Соединенным Штатам Америки нужно будет оповестить Советский Союз о случившемся и предложить русским разрушить город самим. Сценарные разработки Гудзоновского института предусматривали шесть возможных вариантов дальнейшего развития американо-советских отношений, и все шесть вариантов кончались войной. Исходя из этого было рекомендовано, чтобы Соединенные Штаты в случае приземления спутника на территории Советского Союза или социалистических стран, хранили полное молчание. В основе такого предложения лежал прогностический расчет, что эпидемия в России унесет от двух до пяти миллионов человек, в то время как взаимные термоядерные удары и контрудары обойдутся по меньшей мере в 250 миллионов жизней.

После ознакомления с докладом Гудзоновского института президент и его советники решили, что контроль над операцией «Прижигание» и ответственность за нее должны оставаться в руках политиков, а не ученых. Разумеется, конечные последствия такого подхода в то время никто не мог себе представить.

Решение по докладу Мэнчика Вашингтон принял меньше чем через час. Мотивы решения президента так и остались неясны, но суть его была весьма проста:

Президент счел за благо отложить применение директивы 7-12 на срок от 24 до 48 часов. Вместо бомбардировщиков он вызвал национальную гвардию и приказал ей оцепить район вокруг Пидмонта в радиусе ста шестидесяти километров. И стал ждать, что будет дальше.

9. ФЛЭТРОК

Дипломированный хирург Марк Уильям Холл сидел на тесном заднем сиденье истребителя «F-104», упершись глазами в папку, лежавшую на коленях. В последнюю минуту перед вылетом Ливитт передал ему эта папку — тяжелую, толстую кипу бумаг в серой картонной обложке. Предполагалось, что Холл прочтет все это в полете, однако «F-104» был не слишком приспособлен для чтения: места едва хватало, чтобы держать руки на коленях, не говоря уже о том, чтобы раскрыть папку и читать.

И все-таки Холл ухитрялся читать.

На обложке печатными буквами по трафарету было выведено «Лесной пожар», а ниже шла зловещая надпись:

Все материалы настоящего дела совершенно секретны
Ознакомление с ними лиц, не имеющих на то полномочий, карается тюремным заключением сроком до 20 лет и штрафом 20 тысяч долларов

Когда Ливитт вручил ему папку, Холл прочел предупреждение и присвистнул.

— Не принимайте этого всерьез,— откликнулся Ливитт.

— А что, только стращают?

— Черта с два! Если в эту папку заглянет кто-нибудь, кому не положено, он просто-напросто исчезнет...

— Очень мило!..

— Прочтете, тогда увидите, почему,— сказал Ливитт.

Полет продолжался час сорок минут. Час сорок минут полнейшей, сверхъестественной тишины — скорость самолета в 1,8 раза превышала скорость звука. Холл пролистал почти всю папку; прочитать эти материалы ему оказалось не под силу. Многие страницы объемистой папки были заполнены перекрестными ссылками и слу-

жебными заметками, начисто ему непонятными. Первая страница была не менее заумна, чем последующие:

Стр. 1 (всего 274 страницы)

Программа: «Лесной пожар»
Компетенция: НАСА — Медслужба армии
Гриф: совершенно секретно
Классификация: государственной важности
Содержание: создание особо секретной лаборатории с целью предотвратить распространение токсичных внеземных агентов
Сопутствующие программы: «Чистота», «Нуль-загрязнение», «Прижигание»

Краткое содержание: Строительство лаборатории предписано распоряжением президента в январе 1965 г. Начало проектирования — март 1965 г. Консультации — Форт-Детрик и «Дженерал дайнэмикс» — июль 1965 г. Рекомендована постройка многоэтажного комплекса в пустынной местности для изучения возможных или вероятных вредоносных агентов. Спецификация рассмотрена в августе 1965 г. Утверждена с поправками тогда же. Окончательный проект составлен и зарегистрирован Медслужбой армии под кодовым наименованием «Лесной пожар» (копии: Детрик, Хоукинз). Площадка для строительства на северо-востоке штата Монтана рассмотрена в августе 1965 г. Площадка на юго-западе штата Аризона рассмотрена в августе 1965 г. Площадка на северо-западе штата Невада рассмотрена в сентябре 1965 г. Площадка в Неваде утверждена в октябре 1965 г.

Строительство закончено в июле 1966 г. Финансирование по бюджету НАСА, Медслужбы армии, Министерства обороны (графа — неподотчетные резервы). Ассигнования на содержание и персонал лаборатории утверждены конгрессом по той же графе.

Основные последующие изменения: микропористые фильтры — см. стр. 74. Самоликвидационное устройство (ядерное) — стр. 88. Демонтирование ультрафиолетовых излучателей — стр. 81. Теория самоликвидации (теория решающего голоса) — стр. 255.

Штатное расписание из настоящего дела изъято. Данные по кадрам — только в делах Медслужбы армии («Лесной пожар»).

На второй странице были приведены основные параметры системы в целом, разработанные группой первичного планирования программы «Лесной пожар». Здесь была изложена общая конструктивная идея: лаборатория располагается на нескольких примерно однотипных горизонтах, и чем ниже уровень, тем он более стерилен.

Стр. 2 (всего 274 страницы)

Программа: «Лесной пожар»

Основные параметры

1. Предусматривается пять уровней:

Первый уровень. Не обеззараженный, но чистый. По стерильности соответствует больничной операционной или «чистому цеху» по техническим условиям НАСА. Вход без предварительного карантина.

Второй уровень. Минимальная стерилизация — гексахлорофеновая и метилтолуоловая ванны без полного погружения. Карантин в течение часа со сменой спецодежды.

Третий уровень. Усиленная стерилизация — ванна с полным погружением, ультрафиолетовое облучение, обязательный двухчасовой карантин для предварительных лабораторных исследований. Разрешен допуск персонала при наличии бестемпературных инфекций верхних дыхательных и мочеполовых путей. Допускается также вирусная симптоматика.

Четвертый уровень. Максимальная стерилизация — полное погружение последовательно в биокаиновую, монохлорофеновую, ксантолизиновую и профиновую ванны с промежуточным ультрафиолетовым и инфракрасным облучением в течение тридцати минут. Запрещен допуск лиц с любыми видами инфекции, обнаруживаемыми симптоматически или по клиническим данным. Ежедневная медицинская проверка всего персонала. Карантин — шесть часов.

Пятый уровень. Многократная стерилизация — без ванн и анализов, но с уничтожением спецодежды два раза в день. Профилактическое введение антибиотиков в течение сорока восьми часов. Ежедневная проверка на привнесенную инфекцию на протяжении первых восьми дней пребывания.

2. На каждом уровне имеются:

а) *жилые помещения* (индивидуальные);

б) *помещения для отдыха*, в том числе кинозал и зал для спортивных игр;

в) *кафетерий-автомат*;

г) *библиотека* — ведущие периодические издания, размноженные на аппарате «Ксерокс», рассылаются из главной библиотеки на первом уровне или передаются по телевидению;

д) *убежище* — особонадежный антимикробный комплекс с полной защитой на случай заражения уровня;

е) *лаборатории*:

1) биохимическая, со всем необходимым оборудованием для автоматического анализа аминокислотного состава, определения последовательности аминокислот, окислительно-восстановительного потенциала, жиров и углеводов у людей, животных и других объектов;

2) патогистологическая, с электронным, фазово-контрастным и световым микроскопами, микротомами и лечебными кабинетами. На каждом уровне — пять штатных технических работников. Секционный зал. Комната для подопытных животных;

3) микробиологическая, со всем необходимым оборудованием для исследования роста, питания, а также для аналитических и иммунологических исследований. Секции бактериологическая, вирусологическая, паразитологическая и т. д.;

4) фармакологическая, со всеми необходимыми материалами для изучения дозировок и специфичности действия известных соединений на рецепторы. Постоянный запас лекарственных средств, в том числе наркотиков (см. приложение);

5) главный зал подопытных животных: 75 генетически чистых мышей, 27 крыс, 17 кошек, 12 собак, 8 приматов;

6) резервная лаборатория для непредвиденных экспериментов;

ж) *медицинская часть* для лечения персонала, включая операционную на случай неотложного хирургического вмешательства;

з) *средства связи* для бесперебойного поддержания видеотелефонной и другой связи между уровнями.

Проверяйте нумерацию страниц
Если обнаружите, что какой-либо страницы не хватает, докладывайте немедленно
Проверяйте нумерацию страниц

Читая дальше, Холл узнал, что на самом верхнем, первом уровне расположен крупный комплекс электронно-вычислительных машин для анализа поступающей информации, который обслуживает все уровни. Такая система была признана приемлемой, поскольку при решении биологических задач реальное астрономическое время не имеет особого значения по сравнению с возможностью полного использования машинного времени; к тому же комплекс способен обрабатывать несколько задач одновременно.

Он продолжал листать папку в поисках раздела, который его заинтересовал — «Гипотеза решающего голоса»,— и наткнулся на весьма необычную страницу.

Стр. 255 (всего 274 страницы)

По распоряжению Министра обороны данная страница из настоящего дела изъята

Номер страницы: двести пятьдесят пять (255)
Кодовое наименование программы: «Лесной пожар»
Содержание изъятого материала: Гипотеза решающего голоса
Для сведения читающего: данная страница изъята в соответствии с установленными правилами. Докладывать об ее отсутствии нет необходимости.

Холл хмурился, разглядывая страницу и пытаясь уразуметь, что это значит, когда его окликнул пилот:

— Доктор Холл!

— Да?

— Только что прошли последний контрольный пункт. Через четыре минуты посадка...

— Хорошо.— Холл помолчал, потом спросил: — Вам известно, где мы садимся?

— Полагаю, во Флэтроке, штат Невада...

— Ясно,— сказал Холл.

Через несколько минут самолет выпустил закрылки и начал гасить скорость.

Невада — идеальное место для базы «Лесной пожар». Из пятидесяти штатов это седьмой по размерам территории и сорок девятый по численности населения, иначе говоря, самый малонаселенный штат после Аляски. А ес-

ли учесть, что из 440 тысяч жителей «Серебряного штата» 85 процентов сосредоточены в трех городах — Лас-Вегасе, Рено и Керзон-Сити — и что средняя плотность населения здесь всего 1 человек на квадратный километр, то для выполнения программ, подобных «Лесному пожару», лучших условий просто не придумаешь. Не случайно на территории Невады размещено так много секретных баз.

Наряду с известным атомным полигоном Винтон-Флэтс Невада может похвастаться станцией сверхвысоких энергий в Мартиндейле и координационным центром ВВС вблизи поселка Лос-Гадос. Большинство таких учреждений расположено в южной части штата — они родились еще до того, как Лас-Вегас разросся и стал привлекать по 20 миллионов гостей в год. В более поздние времена для правительственных исследовательских станций была облюбована северо-западная, почти безлюдная окраина штата. В секретных списках Пентагона значится пять новых объектов в этом районе; чем там занимаются — никому не известно.

10. ПЕРВЫЙ УРОВЕНЬ

Холл приземлился сразу после полудня, в самое жаркое время суток. Небо было бледное, безоблачное, солнце нещадно палило, и когда Холл шел по взлетной полосе к единственному строению — приземистому железному бараку, то, невзирая на февраль, размягченный асфальт проминался под ногами. Холл подумал даже, что аэродром этот, вероятно, предназначен в основном для ночных полетов: ночами здесь холодно, и асфальт, естественно, твердеет...

Внутри барака была прохлада — ее поддерживали два массивных рокочущих кондиционера. В углу приткнулся карточный столик, и за ним два летчика играли в покер, попивая кофе; в другом углу часовой с автоматом на ремне разговаривал по телефону. На Холла часовой даже и не глянул.

Рядом с телефоном стояла кофеварка. Холл подошел к ней вместе со своим пилотом, и они налили себе по чашке.

— А где же городок? — спросил Холл, глотая кофе.— Когда мы подлетали, я что-то ничего не видел.

— Не знаю, сэр.

— Вы что, никогда здесь не бывали?

— Никак нет, сэр. Этот аэродром — в стороне от основных маршрутов...

— Кого же он тогда обслуживает?..

Летчик не ответил — в комнате появился Ливитт и жестом подозвал Холла. Тот последовал за микробиологом в конец барака, и они вышли снова в полдневную теплынь, к светло-голубой легковой машине. На ней не было ни номера, ни других опознавательных знаков; не было и шофера. Ливитт втиснулся за руль и кивнул Холлу, чтобы тот сел рядом.

— Невысоко нас тут ценят, я вижу,— сказал Холл, когда машина тронулась.

— Еще как ценят! Просто шоферов здесь не держат. Численность персонала сокращена до минимума. Чтобы поменьше было праздных болтунов.

Они ехали по унылой всхолмленной местности. Вдали маячили голубые горы, дрожащие в полуденном мареве. Дорога была ухабистая и пыльная, казалось, она заброшена много лет назад. Холл спросил, как это понять.

— Надувательство,— усмехнулся Ливитт.— Пришлось немало повозиться с этой дорожкой. Она обошлась в пять тысяч долларов...

— Почему?

Ливитт пожал плечами.

— Надо было убрать следы тракторов. Здесь и по соседним дорогам перевезено в разное время до черта всякого тяжелого оборудования. И нам совершенно не нужны расспросы...

— Кстати, о предосторожностях,— заметил Холл, помолчав.— Я в самолете читал материалы. Там упоминается ядерный самоликвидатор...

— Ну и что?

— Он существует?

— Существует.

Для организаторов лаборатории «Лесной пожар» это устройство было в свое время форменным камнем преткновения. Стоун и другие настаивали на том, чтобы право окончательного решения — взрывать или не взрывать — оставалось за ними. Комиссия по атомной энергии и исполнительные власти упирались. Ведь правительство никогда еще не выпускало контроль над ядерным устройством из своих рук. Стоун утверждал, что, если в лаборатории произойдет утечка, у них попросту не будет времени, чтобы запросить Вашингтон и получить санкцию

президента. Прошло немало месяцев, прежде чем президент внял этим доводам.

— Я там прочитал,— сказал Холл,— что устройство связано с какой-то «гипотезой решающего голоса».

— Так оно и есть.

— Но в чем там дело? Эта страница из моей папки изъята.

— Знаю,— сказал Ливитт.— Мы поговорим об этом потом.

Машина свернула с выщербленного асфальта на грунтовую дорогу и подняла такое облако пыли, что пришлось закрыть все окна. Холл достал сигарету.

— Это ваша последняя,— предупредил Ливитт.

— Ладно. Дайте хоть эту выкурить со вкусом...

По правую руку мелькнул щит с надписью «Государственная собственность. Вход воспрещен», но ни забора, ни охраны, ни собак не было — один только этот обшарпанный, облезлый щит.

— Грандиозные меры безопасности,— заметил Холл.

— Не беспокойтесь, нас охраняют гораздо лучше, чем кажется. Просто мы стараемся не привлекать внимания...

Они проехали еще километра полтора, подскакивая на ухабах, и наконец перевалили через бугор. Перед Холлом открылся круг метров ста в диаметре, обнесенный высоким крепким забором, с колючей проволокой поверху. Внутри круга на неубранном кукурузном поле стояло небольшое деревянное здание.

— Кукуруза? — удивился Холл.

— А что? Разве не остроумно?

Подъехали к воротам. Навстречу вышел человек в грубых фермерских штанах и тенниске, с бутербродом в руке. Энергично работая челюстями, он отпер ворота. Потом подмигнул, улыбнулся и, не переставая жевать, махнул, чтобы проезжали. Вывеска у ворот гласила:

Государственная собственность
Министерство сельского хозяйства США
Опытная станция по освоению пустынных земель

Ливитт провел машину в ворота, затормозил у деревянного здания и вылез, оставив ключ в замке. Холл последовал за ним.

— А теперь куда?

— В дом,— ответил Ливитт.

Они вошли в здание и попали прямо в небольшую комнату. У шаткого столика сидел мужчина в ковбойской шляпе и клетчатой рубахе с плетеным галстуком. Он читал газету и, как тот сторож у ворот, закусывал. Подняв на них глаза, он добродушно осклабился.

— Привет,— сказал он.

— Здравствуйте,— ответил Ливитт.

— Могу помочь?

— Да мы проездом,— ответил Ливитт.— Едем в Рим.

Мужчина кивнул.

— А сколько времени?

— Часы вчера остановились,— ответил Ливитт.

— Обида какая,— сказал мужчина.

— А все из-за жары...

Удовлетворенный ответами, мужчина снова кивнул. Они прошли мимо него, через дверь и по коридору. С дверей по обе стороны на них смотрели написанные от руки печатными буквами таблички: «Выращивание саженцев», «Контроль влажности», «Анализ почв». В комнатах работало с полдюжины людей, разношерстно одетых и, по всей видимости, занятых делом.

— Это настоящая сельскохозяйственная станция,— пояснил Ливитт.— Если надо, тот мужчина может провести вас по комнатам и растолковать, чем занимается станция и какие опыты на ней поставлены. В основном они тут пытаются вывести сорт кукурузы для возделывания на сухих высокощелочных почвах...

— А «Лесной пожар»?..

— Здесь.

Ливитт открыл дверь, украшенную табличкой «Склад», и Холл увидел узкую каморку, заваленную граблями, мотыгами и шлангами для поливки.

— Входите же...

Холл вошел. Ливитт закрыл дверь — и Холл почувствовал, как пол начал проваливаться под ногами и они поехали куда-то вниз вместе с граблями и прочим барахлом.

Через несколько мгновений они очутились во вполне современной комнате, освещенной лампами дневного света. Стены были выкрашены в красный цвет. Комната была пустой, если не считать прямоугольного ящика по пояс человеку, похожего на лекционную кафедру. Сверху ящик прикрывало светящееся зеленоватое стекло.

— Подойдите к анализатору,— предложил Ливитт.— Руки положите на стекло ладонями вниз.

Холл так и сделал. Пальцы слегка кольнуло, и ящик издал гудящий звук.

— Все в порядке. Отойдите.

Ливитт в свою очередь положил руки на ящик, подождал, когда тот загудит, и сказал:

— Теперь, пожалуйста, сюда. Вас интересовали меры безопасности. Сейчас, прежде чем мы войдем в основные помещения, я вам кое-что покажу...

— А что это за ящик?

— Анализатор отпечатков пальцев и ладоней. Работает автоматически. Считывает до десяти тысяч дерматографических линий, так что ошибки быть не может. В блоке памяти у него заложены данные обо всех, кому разрешен доступ к «Лесному пожару».

Ливитт толкнул дверь в углу. За нею оказалась другая дверь с надписью «Охрана», бесшумно скользнувшая в сторону. Они вошли в затемненную комнату, где в окружении панелей с множеством светящихся шкал сидел один-единственный человек.

— Здравствуйте, Джон,— сказал Ливитт.— Как дела?

— Спасибо, доктор Ливитт, неплохо. Я видел, как вы подъехали.

Ливитт познакомил Холла с дежурным, и тот показал новичку свое хозяйство. На холмах вокруг базы были надежно укрыты два обзорных радиолокатора, которые контролировали подступы к ней. Немного ближе к ограде располагалось кольцо закопанных в грунт датчиков, сигнализирующих о приближении любого живого существа весом более сорока килограммов.

— Мы еще ни разу никого не упустили,— сказал дежурный.— А если и недоглядим...— Он пожал плечами и, повернувшись к Ливитту, спросил: — Покажем ему собачек?..

— Покажем,— ответил Ливитт.

Они прошли в соседнюю комнату. В ней сильно пахло зверинцем. Там стояли девять просторных клеток с девятью немецкими овчарками, самыми рослыми, каких Холлу когда-либо доводилось видеть.

Едва завидев людей, собаки принялись лаять, но Холл не услышал ни звука. Он изумленно смотрел, как они разевают пасти и трясут головами, будто лают,— и все равно ни звука.

— Это сторожевые псы армейской дрессировки,— сказал дежурный.— Злобные, как черти. Прогуливаешь их — и то приходится надевать защитный костюм и тол-

стые перчатки. Голосовые связки у них вырезаны, потому их и не слышно. Безмолвные злобные черти...

— А приходилось вам... гм... использовать этих милых собачек?

— Нет,— сказал дежурный.— К счастью, не приходилось.

Маленькая комната со шкафчиками. На одном из них Холл увидел свою фамилию.

— Здесь переодеваемся,— пояснил Ливитт. Кивнул на вешалку с розовыми комбинезонами в углу.— Снимайте с себя все и надевайте один из этих...

Холл быстро переоделся. Просторный комбинезон застегивался сбоку на молнию. Потом они зашагали дальше по коридору.

Внезапно раздался резкий звонок, и коридор перед ними перегородила решетка. Над головами замигала белая лампочка. Холл растерялся. Ливитт поспешно отвернулся от слепящих вспышек. Холлу это показалось странным, но по-настоящему он вспомнил об этом лишь несколько дней спустя.

— Что-то не так,— сказал Ливитт.— Вы все с себя сняли? Кольцо, часы, совершенно все?

Холл глянул на правую руку — часы остались при нем.

— Идите назад,— сказал Ливитт,— и положите часы в свой шкафчик.

Холл повиновался. Когда он вернулся и они продолжили свой путь, решетка не закрылась и звонок не зазвонил.

— Тоже автоматика? — поинтересовался Холл.

— Конечно,— сказал Ливитт.— Реагирует на любой посторонний предмет. Признаться, мы немного беспокоились, как быть с искусственными глазами, вставными зубами, сердечными стимуляторами, с любыми протезами вообще. Но, по счастью, ни у кого на базе таких протезов нет...

— А пломбы?

— Устройство запрограммировано так, что на пломбы оно не реагирует.

— Как оно работает?

— Что-то с емкостными сопротивлениями. Я в этом не особенно разбираюсь...

Перед ними вспыхнуло табло:

Вы вступаете на первый уровень
Следуйте в кабинет контроля иммунизации

Холл заметил, что все стены выкрашены в красный цвет.

— Да,— подтвердил Ливитт.— У каждого уровня свой цвет: у первого — красный, у второго — желтый, у третьего — белый, у четвертого — зеленый, у пятого — голубой...

— При выборе цветов придерживались какой-нибудь определенной системы?

— Кажется, несколько лет назад на флоте собрали данные по психологическому воздействию цветового окружения,— ответил Ливитт.— Ну, а мы этими данными воспользовались...

Они подошли к кабинету иммунизации. Дверь скользнула в сторону, открыв три застекленные будки.

— Садитесь в любую.

— И тут автоматика?

— Разумеется...

Холл вошел в будку и закрыл за собой дверь. В будке было много всякой сложной аппаратуры и стояла кушетка. Перед нею — телевизионный экран, на котором светилось несколько точек.

— Прошу сесть,— раздался тусклый металлический голос.— Прошу сесть. Прошу сесть.

Холл сел.

— Следите за экраном. Лягте на кушетку так, чтобы точки погасли все до одной.

Он взглянул на экран и заметил теперь, что расположение точек примерно соответствует контурам человеческого тела.

Он поерзал на кушетке, и точки одна за другой исчезли.

— Очень хорошо,— продолжал голос.— Приступим. Прошу назвать свою фамилию и имя. Сначала фамилию, затем имя.

— Марк Холл.

— Прошу назвать свою фамилию и имя. Сначала фамилию, затем имя.

Одновременно на экране засветились слова:

Ответ не кодируется

— Холл Марк.

— Благодарю вас,— сказал голос.— Прочитайте стишок «У попа была собака».

— Бросьте шутить,— сказал Холл.

Последовала пауза. Из динамика доносился лишь слабый гул и щелканье реле. Наконец экран засветился снова:

Ответ не кодируется

— Прошу прочитать стишок «У попа была собака».

Чувствуя себя совершенным идиотом, Холл начал:

— У попа была собака, он ее любил, она съела кусок мяса, он ее убил...

Снова пауза. Затем голос:

— Благодарю вас.

И на экране зажглось:

Анализаторы удостоверяют личность
Холл Марк

— Прошу слушать внимательно,— сказал металлический голос.— На все последующие вопросы вы будете отвечать «да» или «нет». Воздерживайтесь от других ответов. Делали ли вам прививку от оспы на протяжении последних двенадцати месяцев?

— Да.

— От дифтерии?

— Да.

— От тифа и паратифа А и Б?

— Да.

— От столбняка.

— Да.

— От желтой лихорадки?

— Да, да, да! Все прививки делали...

— Прошу отвечать односложно. Несоблюдение правил влечет за собой пустую трату ценного машинного времени.

— Да,— повторил Холл, присмирев. Когда его вовлекли в группу «Лесной пожар», он подвергся предохранительным прививкам от всего на свете, включая чуму и холеру, и эти прививки возобновлялись каждые шесть месяцев; кроме того, ему впрыснули гамма-глобулин против вирусных инфекций.

— Болели ли вы когда-либо туберкулезом или другим микобактериальным заболеванием, не было ли у вас положительной кожной реакции на туберкулез?

— Нет.

— Болели ли вы когда-либо сифилисом или другим спирохетным заболеванием, не было ли у вас положительной серологической реакции на сифилис?

— Нет.

— Не было ли у вас за последний год болезней, вызванных грамположительной бактериальной флорой, например стрептококковой, стафилококковой или пневмококковой?

— Нет.

— Болезней, вызванных грамотрицательным возбудителем, например гонококком, менингококком, протеем, псевдомонасом, сальмонеллой или шигеллой?

— Нет.

— Нет ли и не было у вас грибковых заболеваний, в том числе бластомикоза, гистоплазмоза или кокцидиомикоза, не было ли у вас положительной кожной реакции на грибковые заболевания?

— Нет.

— Не было ли у вас в недавнем прошлом какой-либо вирусной инфекции, включая полиомиелит, гепатит, мононуклеоз, свинку, корь, ветряную оспу, лишай?

— Нет.

— Бородавки есть?

— Нет.

— Страдаете ли от какой-либо известной вам аллергии?

— Да. На пыльцу крестовика лугового.

На экране появились слова:

Клестовик роговой

И через секунду:

Ответ не кодируется

— Прошу ответ повторить для наших блоков памяти медленнее и отчетливее.

Холл старательно выговорил:

— Крестовик луговой.

На экране зажглось:

Крестовик луговой закодировано

— Страдаете ли аллергией к белковым веществам? — продолжал голос.

— Нет.

— Опрос закончен. Прошу раздеться и лечь на кушетку, как прежде, чтобы все точки исчезли.

Он повиновался. Мгновение спустя над ним повисла и опустилась совсем близко к телу ультрафиолетовая лампа на длинном кронштейне: рядом с ней было укреплено нечто вроде объектива. Холл увидел, как параллельно движению лампы на экране проступает развертка контуров его тела, начиная с ног.

— Производится обследование на грибок,— сообщил голос.

Через несколько минут Холлу было предложено перевернуться на живот, и процедура повторилась сначала. Потом ему велели снова лечь на спину, погасив точки на экране.

— Сейчас будут произведены замеры физических параметров,— продолжал голос.— Просьба не шевелиться на протяжении всего осмотра.

К нему змеями протянулись всевозможные провода с датчиками, и манипуляторы прижали их к телу. Назначение некоторых датчиков было ему понятно, например с полдюжины присосков на грудь — для электрокардиограммы, двадцать один на голову — для электроэнцефалограммы. Но датчики крепились и на живот, и на руки, и на ноги.

— Поднимите левую руку,— приказал голос.

Холл подчинился, и спустившаяся сверху механическая рука, на которой по обе стороны были укреплены электрические глаза, обследовала его руку.

— Положите ладонь на панель слева. Не двигайтесь. При введении иглы в вену вы почувствуете легкий укол.

На экране вспыхнуло цветное изображение руки Холла — на голубом фоне зеленым узором проступали вены. Машина, видимо, была чувствительна к температуре тканей и органов человека. Он собрался было выразить протест, но тут ощутил резкий укол.

Взглянул опять на экран. Игла вошла в вену.

— Теперь только лежите спокойно. Расслабьтесь.

Секунд пятнадцать механизмы жужжали и щелкали. Затем все провода были убраны. Механические руки аккуратненько наложили на место укола заплатку из лейкопластыря.

— Замеры физических параметров окончены.

— Можно одеться?

— Пожалуйста, сядьте и повернитесь правым плечом

в сторону телеэкрана. Вам будут сделаны пневмоинъекции.

Из стены выползла пушка на длинном кабеле, прижалась дулом к предплечью и выстрелила. Он услышал шипение и ощутил боль.

— Теперь можете одеться,— сказал голос.— Имейте в виду, что в течение нескольких часов у вас может быть легкое головокружение. Вы подверглись принудительной иммунизации, вам введен гамма-глобулин. Если закружится голова, посидите. Если появится сильная реакция — тошнота, рвота, повышенная температура,— немедленно сообщите об этом врачу, обслуживающему соответствующий уровень. Все ясно?

— Да.

— Выход направо. Спасибо за точное выполнение всех указаний. Обследование закончено.

Холл шел за Ливиттом по длинному красному коридору. Рука все еще побаливала.

— Ну и машина,— сказал он.— Постарайтесь, чтобы Медицинская ассоциация о ней не пронюхала.

— Уже постарались...

Электронный апализатор организма был сконструирован фирмой «Сандеман индастриз» еще в 1965 году по общему правительственному заказу на разработку системы датчиков для контроля за жизнедеятельностью в условиях космического полета. Тогда правительство имело в виду, что такая установка, хотя и стоит ни много ни мало 87 тысяч долларов, со временем заменит врача как диагноста. Всем было ясно, конечно, что привыкнуть к новой машине и больным и врачам будет не так-то просто. Впрочем, анализатор не предполагалось рассекречивать до 1971 года, да и после этого срока правительство собиралось дать разрешение на его приобретение только крупнейшим лечебным учреждениям.

Холл заметил, что стены коридора слегка искривлены.

— Где мы, собственно, сейчас находимся?

— На периметре первого уровня. Слева от нас лаборатории. Справа — ничего, кроме массива скальных пород.

По коридору прошли несколько человек, одетых в розовые комбинезоны; вид у всех был деловитый и озабоченный.

— А где остальные из нашей группы? — спросил Холл.

— Вот они.

Ливитт распахнул дверь с табличкой «Конференц-зал № 7», и они попали в комнату с большим дубовым столом посередине. У стола стоял Стоун, подтянутый и бодрый, будто только что принял холодный душ, а рядом с ним Бертон, какой-то жалкий и растерянный, с усталоиспуганным выражением глаз.

Они поздоровались и сели за стол. Стоун достал из кармана два ключа, один серебристый, другой красный. Красный ключ Стоун протянул Холлу:

— Повесьте на шею.

Холл уставился на ключ.

— Что это такое?

— Боюсь, что Марк еще ничего не знает о решающем голосе,— вставил Ливитт.

— Я думал, он в самолете прочтет...

— Ему достался экземпляр с купюрами.

— А, вот оно что...— Стоун повернулся к Холлу.— Так вы ничего не знаете о решающем голосе?

— Ничего.— Холл хмуро глядел на ключ.

— И никто вам не говорил, что важнейшим доводом в пользу вашего зачисления в группу было то, что вы холостяк?..

— А причем тут...

— А при том,— сказал Стоун,— что вы и есть этот «решающий голос». Вы ключ ко всему этому делу. В буквальном смысле слова.

Он взял серебристый ключ и направился в дальний угол комнаты. Нажал на потайную кнопку, и кусок деревянной панели ушел в стену, обнажив блестящий металлический пульт. Стоун вставил свой ключ в прорезь и повернул его. На пульте зажглась зеленая лампочка. Он чуть отступил, и панель вернулась на место.

— Ниже самого нижнего, пятого уровня «Лесного пожара» находится ядерное самоликвидационное устройство,— сказал Стоун.— Управляется оно отсюда, из лаборатории. Только что, всунув ключ в замок, я поставил механизм на боевой взвод. Теперь устройство готово к взрыву. Ключ вставлен намертво, и вынуть его нельзя. Ваш ключ, наоборот, можно и вставить и вытащить. Детонатор бомбы срабатывает с трехминутным замедлением. Эти три минуты даются вам на то, чтобы еще подумать и, если найдете нужным, отменить взрыв.

Холл по-прежнему тупо смотрел на ключ.

— Но почему именно я?

— Потому что вы холостяк. Один из участников группы обязательно должен быть неженатым.

Стоун открыл портфель, вынул оттуда папку и подал Холлу.

— Прочтите...

Это был еще один экземпляр материалов по «Лесному пожару».

— Страница 255,— уточнил Стоун.

Холл отыскал ее.

Программа: «Лесной пожар»
Изменения:

1. **Микропористые** фильтры для установки в вентиляционной системе, по первоначальному проекту — однослойные полистироловые фильтры с максимальным захватом 97,4 %. Заменены в 1966 г. фильтрами Апджона, способными задерживать организмы размером 1 микрон. При захвате каждым слоем до 90 % трехслойный фильтр обеспечивает захват 99,9 %. Остаточная возможность заражения, равная 0,1 %, практического значения не имеет. Стоимость четырех- или пятислойных фильтров, уменьшающих возможность заражения до 0,001 %, признана несоразмерной с увеличением надежности. Допуск в $^1/_{1000}$ признан достаточным. Монтаж закончен 8.12.1966.

2. **Ядерное самоликвидационное устройство,** реконструкция замедляющего устройства взрывателя. См. дело КАЭ/МО 77-12-0918.

3. **Ядерное самоликвидационное устройство,** изменение графика технического обслуживания активной зоны. См. дело КАЭ/Варбург 77-14-0014.

4. **Ядерное самоликвидационное устройство,** изменение процедуры принятия окончательного решения. См. дело КАЭ/МО 77-14-0023.

Краткая справка прилагается

Справка о гипотезе решающего голоса. Впервые рассмотрена в качестве нулевой гипотезы консультативным комитетом по программе «Лесной пожар». Сформулирована

на основе проведенных ВВС (Объединенное командование ПВО Северо-Американского континента) тестов на определение способности командиров принимать решения, влекущие за собой гибель людей. Тесты предусматривали принятие решений по десяти различным вводным с заранее заданными альтернативами, разработанными психиатрическим отделением клиники Уолтера Рида на основе многократного анализа тестов, проведенного отделом биостатистики Национального института здравоохранения в Бетесде.

Тесту подверглись летчики стратегической авиации, наземный персонал, офицеры штаб ПВО и другие лица, по роду службы обязанные принимать решения или предпринимать самостоятельные действия. Десять вводных были разработаны Гудзоновским институтом; по каждой из вводных испытуемые должны были принять решение в форме «да» или «нет». Все решения были сопряжены с уничтожением объектов противника термоядерными или химико-бактериологическими средствами.

Данные по 7420 испытуемым обработаны по программе H_1H_2 многофакториального дисперсионного анализа; последующая обработка — по программе «Ановар»; окончательное просеивание данных по программе «Классификация», сущность которой охарактеризована отделом биостатистики Национального института здравоохранения следующим образом:

Цель настоящей программы — установить эффективность распределения отдельных лиц по различным группам на основании объективных количественных оценок. Программа позволяет установить границы групп и вероятностную достоверность классификации отдельных лиц как функции определенных данных

Программа предусматривает выдачу ЭВМ средних оценок по группам, пределов достоверности разграничения, оценки отдельных испытуемых.

К. Г. Борграндт, доктор наук
Национальный институт здравоохранения

Результаты изучения гипотезы решающего голоса

По некоторым параметрам теста лица, не имеющие семьи, действовали иначе, чем семейные. Гудзоновский институт подготовил усредненные, «теоретически правильные» решения, полученные по аналогичным вводным на ЭВМ. На основе сравнения ответов различных групп

испытуемых с этими решениями выведен индекс дееспособности, показатель числа правильных решений.

ГРУППА	ИНДЕКС ДЕЕСПОСОБНОСТИ
Женатые мужчины	0,343
Замужние женщины	0,399
Незамужние женщины	0,402
Холостые мужчины	0,824

Из этих данных явствует, что женатые мужчины принимают правильное решение лишь один раз из трех, в то время как холостые — четыре раза из пяти. Группа холостых мужчин была затем разделена на подгруппы в поисках возможно более точной классификации.

ПОДГРУППА	ИНДЕКС ДЕЕСПОСОБНОСТИ
Холостые мужчины в среднем	0,824
Военнослужащие:	
офицеры	0,655
младший командный состав	0,624
Инженерно-технические работники:	
инженеры	0,877
наземный персонал	0,901
Обслуживающий персонал (ремонт и служба быта)	0,758
Научные работники	0,946

Из приведенной таблицы не следует делать поспешных выводов относительно способности или неспособности лиц различных категорий принимать решения. По этим данным представляется, что дворники способны принимать более правильные решения, чем генералы, однако в действительности все много сложнее. **Выданные машиной оценки являются суммарными по результатам испытаний и индивидуальным вариациям. Это следует учитывать при их истолковании,** иначе возможны ошибочные выводы, чреватые опасными последствиями.

По требованию Комиссии по атомной энергии в период монтажа ядерного самоликвидатора тесту согласно вышеописанной методике подвергся командный состав базы, а также и весь остальной персонал, связанный с программой «Лесной пожар». Материалы по тесту находятся в деле «Лесной пожар»: тест «Классификация», «Персонал» (см. 77-14-0023). Данные теста по руководящей группе:

ФАМИЛИЯ	ИНДЕКС ДЕЕСПОСОБНОСТИ
Бергон	0,543
Рейнолдс	0,601
Керк	0,614
Стоун	0,678
Холл	0,899

Результаты специального теста подтверждают гипотезу решающего голоса, согласно которой окончательное решение по применению термоядерного или химико-бактериологического оружия должны принимать холостые мужчины.

— Чушь какая-то,— сказал Холл, когда кончил читать.

— Тем не менее,— отозвался Стоун,— только таким путем мы смогли убедить правительство передать контроль над оружием в наши руки...

— И вы всерьез рассчитываете, что я поверну свой ключ и взорву все это?

— Боюсь, что вы меня не поняли. Взрыватель действует автоматически. Если в лаборатории произойдет утечка инфекции и заражение распространится по всему пятому уровню, через три минуты произойдет взрыв. Это случится, если вы *не* вставите свой ключ и тем самым *не* отмените приказ.

— Ах, та-ак...— спокойно отозвался Холл.

11. ВСЕ НИЖЕ И НИЖЕ

Где-то неподалеку зазвенел звонок. Стоун бросил взгляд на стенные часы: было уже поздно. Он начал излагать участникам группы их задачу; говорил он быстро, шагая взад-вперед по комнате и беспрерывно жестикулируя.

— Как вам известно, мы сейчас находимся на самом верхнем уровне пятиэтажного подземного сооружения. Согласно инструкции, понадобятся почти сутки, чтобы пройти все стерилизационные и дезинфекционные процедуры и спуститься на нижний уровень. Чем раньше мы начнем, тем раньше кончим. Капсулу «Скуп» уже спускают вниз...

Он нажал кнопку на пульте с краю стола. Ожил телевизионный экран, и они увидели конусообразную капсулу в пластиковом мешке — она спускалась вниз, поддерживаемая автоматическими манипуляторами.

— В центральной шахте лаборатории,— продолжал Стоун,— располагаются лифты и коммуникации — трубы, кабели и тому подобное. Капсула сейчас там, но скоро она будет стоять в сверхстерильном боксе на нижнем уровне...

Он рассказал и о двух других неожиданных «находках», вывезенных из Пидмонта. На экране появилось изображение Питера Джексона на носилках. К венам обеих его рук сверху спускались какие-то трубки.

— Этот человек уцелел. Это он бродил по поселку ночью, когда самолеты проводили съемку. Он был жив еще сегодня утром.

— Каково его состояние сейчас?

— Неопределенное. Устойчивая потеря сознания. Утром рвало кровью. Его держат на глюкозе, пока мы сами не доберемся до нижнего уровня.

Стоун щелкнул переключателем, и на экране показался грудной ребенок. Он был привязан к кроватке и орал благим матом. В височную вену ему вливали питательный раствор.

— Этот малыш тоже выжил, так что пришлось прихватить и его, тем более что в действие введена директива 7-12. Сейчас поселка Пидмонт больше нет, он уничтожен ядерным взрывом. И, кроме того, малыш и Джексон — живые ключи к разгадке...

Затем Стоун и Бертон рассказали обо всем, что увидели и узнали в Пидмонте. Они сообщили об очевидных признаках мгновенной смерти, о странных самоубийствах, об отсутствии кровотечения, о свертывании крови во всей сосудистой системе...

Холл изумленно слушал. Ливитт только качал головой.

Когда все было рассказано, Стоун спросил:

— Вопросы будут?

— С вопросами можно подождать,— откликнулся Ливитт.

— Тогда начнем...

Начали они с двери, на которой простыми белыми буквами было написано: «На второй уровень». Надпись показалась Холлу очень уж незначительной, элементарной, будничной, что ли. Он ожидал чего-нибудь повнушительнее, например неприступного часового с автоматом или хотя бы вахтера, проверяющего пропуска. Но ничего

такого не было. Не было ни пропусков, ни значков, ни удостоверений личности. Холл высказал Стоуну свое недоумение.

— Ну,— ответил тот,— от значков мы отказались с самого начала. Они могут переносить инфекцию, а стерилизовать их трудно: как правило, они пластмассовые и при высокой температуре плавятся...

Все четверо друг за другом переступили порог; дверь тяжело захлопнулась за ними и герметизировалась с шипящим звуком. Холл оказался в комнате, облицованной кафелем, где не было ничего, кроме ящика с надписью «Одежда». Он расстегнул молнию своего комбинезона, снял его и бросил в ящик. Вспыхнуло пламя, и комбинезон сгорел. Обернувшись на дверь, в которую он только что вошел, Холл увидел на ней табличку: «Выхода на первый уровень здесь НЕТ».

Он пожал плечами. Остальные уже проходили через другую дверь, на которой значилось всего одно слово: «Выход». Холл последовал за ними и погрузился в сплошное облако пара со странным запахом, слегка отдающим хвоей,— нетрудно было догадаться, что пахнет какое-то ароматизированное дезинфицирующее средство. Он сел на лавку, расслабил мышцы, и его начало обволакивать паром. Назначение парной было очевидно: от тепла раскрываются поры, и к тому же пар проникает в легкие.

Они сидели, почти не разговаривая, до тех пор, пока все тело с головы до ног не заблестело от пота, и только потом перешли в следующее помещение.

— Ну, и как вам? — спросил у Холла Ливитт.

— Похоже на римские бани...

В следующей комнатке были неглубокая ванночка («Опустить ноги») и душ («Раствор не глотать. Беречь глаза и слизистые оболочки от прямого воздействия»). Словно их старались запугать. Холл попытался определить состав растворов по запаху, но не сумел; впрочем, душевая вода явно содержала щелочи — на ощупь она казалась мыльной. Он спросил у Ливитта, и тот ответил, что это раствор альфа-хлорофина при pH * 7.7. Еще Ливитт сказал, что, где только возможно, кислые и щелочные растворы чередуются.

— Если разобраться,— сказал Ливитт,— так это проблема из проблем. Как дезинфицировать человеческое те-

---

* pH — показатель концентрации водородных ионов.

ло, грязней которого, наверно, нет ничего во всей Вселенной, не уморив при этом человека? Любопытная задачка...

Сказал — и побрел прочь. Холл вышел из-под душа, поискал глазами полотенце, но не обнаружил ничего похожего. Тогда он прошел еще через одну дверь — и с потолка на него обрушились потоки горячего воздуха. У стен зажглись кварцевые лампы, залив комнату неправдоподобно густым фиолетовым светом. Так он стоял, пока не прозвучал зуммер и сушильные вентиляторы не выключились. Ощущая на коже легкое жжение, он шагнул в очередную комнату, где их ждала одежда. Костюмы были другого фасона: уже не комбинезоны, а нечто вроде хирургической одежды желтого цвета — просторная рубаха с открытым воротом и короткими рукавами, брюки на резинке, а на ноги — открытые туфли на резиновой подошве, удобные и легкие.

Ткань была мягкая, видимо синтетическая. Холл оделся, вместе со всеми прошел в дверь с табличкой «Выход на второй уровень» и сразу попал в лифт. Подождав, когда лифт остановится, он вышел в коридор, выкрашенный уже не красной краской, как на первом уровне, а желтой. Весь персонал тут был в желтой одежде. Медсестра, поджидавшая их у лифта, сообщила:

— Сейчас 14 часов 47 минут. Через час вы сможете продолжить спуск...

В небольшой комнате, где на дверях было обозначено «Промежуточный отдых», стояло с полдюжины диванчиков, покрытых пластиковыми простынями одноразового использования.

— Отдохните,— посоветовал Стоун.— Если можете, усните. На пятом уровне вам будет не до сна, так что набирайтесь сил заранее.— Подошел к Холлу: — Как вам понравилась методика обеззараживания?

— Любопытно,— ответил хирург.— Вы могли бы запродать ее шведам и заработать кучу денег. Но я, признаться, ожидал чего-нибудь построже.

— Погодите, будет и построже. На третьем и четвертом уровнях — медицинский осмотр. А потом — краткое совещание...

С этими словами Стоун прилег на диванчик и мгновенно уснул. Он научился этому много лет назад, когда проводил серию круглосуточных опытов. Приходилось приноравливаться, спать урывками. Теперь давнишние навыки понадобились снова.

Второй цикл дезинфекционных процедур в общем был похож на первый. Желтую одежду Холла тоже сожгли, хотя проносил он ее всего час.

— Вы не находите, что это расточительство? — спросил он у Бертона. Тот равнодушно передернул плечами:

— Это же бумага...

— Бумага? Эта материя — бумага?..

— Да не материя, а бумага,— покачал головой Бертон.— Новая технология...

Потом они оказались в бассейне, и их заставили окунуться в воду с головой. Добивались этого очень просто: попасть из бассейна в следующее помещение можно было лишь через подводный проем. Инструкция требовала открыть под водой глаза. Когда Холл нырнул, он ощутил под веками несильное жжение, но все обошлось благополучно.

В очередной комнате их ждали шесть застекленных будок, похожих на телефонные. На табличке Холл прочитал: «Войти и закрыть глаза. Стать прямо, руки отвести от тела, ноги на ширине плеч. До сигнала зуммера глаза не открывать. Воздействие длинноволнового излучения может привести к слепоте».

Холл сделал все, что предписывалось, и ощутил, как на тело повеяло каким-то прохладным теплом. Минут через пять он услышал зуммер и открыл глаза. Тело было сухое. Следом за остальными прошел поочередно под четырьмя душами и в конце концов добрался до вентиляторов, а затем и до одежды, теперь уже белой.

Лифт спустил их на следующий уровень — третий.

Здесь их встретили четыре медсестры, и одна из сестер проводила Холла в кабинет для осмотра. Осмотр длился два часа, но вела его не машина, а весьма дотошный и внешне совершенно равнодушный молодой врач. Холла эта невозмутимость раздражала, и ему подумалось, что лучше уж просто машина.

Врач интересовался всем: годом рождения, образованием, сведениями о членах семьи, перенесенными заболеваниями и случаями госпитализации. Так же исчерпывающе он провел и медицинский осмотр. Холл рассвирепел: кому все это, в самом деле, нужно! Но врач лишь пожал плечами:

— Таков порядок.

Через два часа он присоединился к своим товарищам, и они проследовали на четвертый уровень.

Еще четырежды он погружался в воду с головой, трижды подвергался попеременно ультрафиолетовому и инфракрасному облучению и дважды воздействию ультразвука, а под конец испытал нечто совсем потрясающее. Стальная кабинка, внутри — шлем на крючке. И надпись: «Аппарат „Ультравспышка". Для защиты волос на голове и на лице надежно прикройте голову, затем нажмите кнопку».

Холл не имел ни малейшего представления об ультравспышке и следовал инструкции, не ведая, что его ждет. Надел шлем и нажал кнопку.

Последовала мгновенная ослепительная вспышка света, и кабинку заполнила волна тепла. Еще была боль, настолько скоротечная, что едва он успел ощутить ее, как она уже прошла. Он осторожно снял шлем и оглядел себя. Все тело было покрытой тончайшим слоем белесого пепла, и он сообразил: этот пепел — собственная его кожа, вернее то, что от нее осталось,— машина начисто сожгла верхний эпителиальный слой. Он пошел в душ и смыл с себя пепел, а когда добрался до раздевалки, там его ожидала зеленая одежда.

Еще один осмотр. Анализы — все, какие известны медицине: мокроты, эпителия полости рта, крови, мочи, кала. Он покорно дал осмотреть себя, прошел все обследования, отвечал на все вопросы. Он устал и начал немного ошалевать. Бесчисленные процедуры, новые ощущения, смена окраски на стенах — и повсюду этот безразличный искусственный свет...

Наконец, его привели обратно к Стоуну и остальным.

— На этом уровне мы пробудем шесть часов, до получения результатов всех анализов,— сказал Стоун.— Так что можете прикорнуть. Дальше по коридору комнаты с вашими именами на дверях. Еще дальше — буфет. Встретимся там через пять часов, а потом проведем небольшое совещание. Все ясно?

Холл нашел свою комнату по пластмассовой табличке на двери. Вошел и приятно удивился тому, что комната достаточно большая. Он ожидал увидеть что-нибудь вроде купе мягкого вагона, а эта была гораздо больше и лучше обставлена. Кровать, стул, письменный стол и панель ЭВМ со встроенным телеэкраном. ЭВМ его заинтересовала, но он ужасно устал. Лег и тотчас же уснул.

А Бертону не спалось. Он лежал на спине, смотрел в потолок и думал. Ему все мерещился поселок, распростертые на улице тела — и ни капли крови...

Он не был гематологом, но по роду работы ему иногда приходилось заниматься исследованием крови. Он знал, что на ее состав воздействуют многие бактерии. Например, его собственная работа по стафилококкам показала, что они выделяют два фермента, воздействующих на кровь. Один из этих ферментов, так называемый экзотоксин, помимо разрушения кожи, растворял красные кровяные тельца. Другой был коагулянт, обволакивающий бактерию белком, чтобы противодействовать разрушительному действию лейкоцитов.

Следовательно, бактерии могут изменять состав крови. И делают это разными способами. Стрептококки выделяют фермент стрептокиназу, который растворяет сгустки крови; клостридии и пневмококки выделяют целый ряд гемолизинов, разрушающих эритроциты; малярийные плазмодии и амебы также уничтожают эритроцитов — это их пища. Да и другие паразиты питаются аналогичным образом.

Значит, все это вполне возможно.

Однако до выяснения того, как именно действует микроорганизм, занесенный «Скупом-7», отсюда еще очень далеко.

Бертон попытался припомнить, в какой последовательности протекает свертывание крови. Вроде бы процесс напоминает ступенчатый водопад: один фермент активизируется и воздействует на другой, тот — на третий, третий — на четвертый, и так двенадцать или тринадцать ступеней, пока кровь, наконец, не свернется. И уж совсем смутно вспоминалось, какие именно это ступени, какие ферменты, какова роль металлов, ионов, местных факторов. Сложная, очень сложная механика...

Он мотнул головой и принудил себя заснуть.

Врач-микробиолог Питер Ливитт размышлял о том, как же выделить и определить возбудителя болезни. Ему уже приходилось думать над этим раньше: ведь он был одним из основателей группы, одним из тех, кто составил «Методику анализа жизни». Однако теперь, когда предстояло впервые осуществить разработанную методику на практике, им овладели сомнения.

Тогда, два года назад, во время бесед после завтраков их чисто умозрительные построения казались необыкно-

венно точными и бесспорными. Это была занятная интеллектуальная игра, своего рода испытание ума. А теперь, когда им предстоит встретиться с реальным агентом, вызывающим вполне реальную, притом загадочную смерть, окажутся ли их планы на деле столь эффективными и полными, какими рисовались тогда?

Первые-то шаги легки. Скрупулезно обследовать капсулу, и все, что будет найдено, высеять на питательных средах. А дальше? Удастся ли сразу же выявить организм, с которым можно будет работать, экспериментировать, который можно будет опознать?

Главный вопрос — как он действует, почему убивает — можно поставить только потом. Правда, есть предположение, что смерть наступает из-за свертывания крови; если это подтвердится, то они уже на верном пути, но если нет? Тогда они попросту потеряют драгоценное время.

На ум пришел пример с холерой. Веками было известно, что холера смертельна, что она вызывает жесточайший понос, при котором организм теряет подчас более 30 литров жидкости в сутки. Это было известно доподлинно — и все же люди почему-то думали, что смертельный исход болезни никак не связан с поносом; они искали противоядие, лекарство, какой-нибудь способ убить бактерию. И только в самое последнее время удалось доказать, что холера смертельна главным образом вследствие обезвоживания организма. Достаточно только быстро возмещать потерю жидкости — и больной выздоровеет без всяких других лекарств.

Старинное врачебное правило: устрани симптомы — болезнь исчезнет сама. Но применимо ли это правило к организму, занесенному извне? Можно ли побороть болезнь, препятствуя свертыванию крови? Или же свертывание — явление производное, а первичное поражение гораздо глубже, гораздо серьезнее?

Был и другой вопрос, который мучил его еще на ранней стадии подготовки программы «Лесной пожар». Уже тогда, на предварительных совещаниях, Лавитт предупреждал, что участники группы могут невзначай стать убийцами внеземных разумных существ.

«Все люди,— говорил он,— даже наиболее объективные, не могут избавиться от некоторых врожденных предрассудков, когда дело касается проблем жизни. Один из таких предрассудков — уверенность, что высокоразвитый

организм по своим размерам всегда крупнее организма простого. На Земле это, несомненно, так. Чем выше развитие организма, тем он крупнее — от одной клетки к многоклеточным существам и далее к животным с функционально дифференцированными клетками, объединенными в группы, которые называются органами. На Земле развитие животного мира всегда шло от малого к большому, от простого к сложному.

А вне Земли? В какой-то иной точке Вселенной развитие могло идти в обратном направлении, ко все более мелким формам. Подобно тому как прогресс человеческой техники ведет к миниатюризации многих вещей, так и эволюция на какой-то более совершенной стадии, вполне возможно, приводит ко все более и более мелким формам жизни. Кстати, у этих форм жизни есть определенные преимущества перед крупными: им нужно меньше сырья, меньше пищи, космические полеты будут им стоить много дешевле...

Может статься, на некой отдаленной планете самые разумные существа размерами не больше блохи. А может, не больше бактерии. В этом случае программа «Лесной пожар» привела бы к уничтожению высокоразвитой формы жизни, причем ученые даже не осознали бы, что они натворили...»

Впрочем, такие мысли приходили в голову не одному только Ливитту. До него подобные идеи высказывали Мертон в Гарварде и Чармерс в Оксфорде. Чалмерс со свойственным ему чувством юмора рисовал такую картину: представьте себе, что вы смотрите в микроскоп, а бактерии на предметном столе выстраиваются в слова: «Отнесите нас к своему вождю...»

Это казалось очень забавной шуткой. Ливитт частенько вспоминал слова Чалмерса, потому что такая шутка может, вполне может обернуться правдой.

Перед тем как уснуть, Стоун успел подумать о предстоящем совещании. И еще о метеорите. «Интересно,— подумал он,— что сказали бы Надь или Карп, узнай они о метеорите? Очень может быть, просто свихнулись бы. Может, мы еще и сами свихнемся...»

С тем он и заснул.

Три комнаты на первом уровне, где размещались все средства связи, обслуживающие лабораторию «Лесной пожар», были известны как сектор «Дельта». Через этот сектор проходили все линии связи между уровнями, все телефонные и телетайпные кабели, соединяющие лабораторию с внешним миром. И линии в библиотеку и на центральный склад также управлялись отсюда, из сектора «Дельта».

По сути дела, сектор представлял собой гигантский автоматический коммутатор, управляемый ЭВМ. В трех залах сектора царила тишина, нарушаемая лишь мягким шелестом магнитофонных лент да слабым пощелкиванием реле. Работал здесь всего один человек — он сидел у пульта, окруженный перемигивающимися огоньками. Собственно, в его присутствии здесь не было необходимости. ЭВМ представляли собой саморегулирующиеся устройства, через каждые двенадцать минут по всем схемам запускались проверочные задачи, и при малейшем отклонении в контрольных результатах машины автоматически отключались.

По инструкции на дежурном лежала одна обязанность — следить по секретной военной линии связи за сообщениями, о поступлении которых оповещал звонок на телетайпе. Когда он звякал, дежурный извещал об этом центры управления всех пяти уровней. Он был обязан также доложить командованию первого уровня о любой неполадке в работе ЭВМ — если такое невероятное происшествие когда-либо случится.

«ЛЕСНОЙ ПОЖАР»

12. СОВЕЩАНИЕ

— Пора вставать, сэр...

Марк Холл открыл глаза. Комнату заливал ровный, неяркий свет. Холл поморгал и перевернулся на живот.

— Пора вставать, сэр...

Очаровательный женский голос, тихий и обольстительный. Холл сел рывком на кровати и огляделся. Никого.

— Кто здесь?

— Пора вставать, сэр...

— Кто вы?

— Пора вставать, сэр...

Он дотянулся и нащупал кнопку на столике рядом с кроватью. Ночник погас. Он ждал, что голос зазвучит опять, но не дождался.

«Недурно придумано,— решил он,— мертвый и тот проснется...» Одеваясь, он прикидывал, как это может быть устроено. Явно не простая магнитофонная запись — действует наподобие рефлекса на внешний раздражитель. Предложение вставать повторялось, только если Холл говорил что-нибудь. Чтобы проверить свой вывод, он вновь нажал на кнопку ночника.

— Что вам угодно, сэр? — спросил тот же вкрадчивый голос.

— Я хотел бы знать, как вас зовут.

— Это все, сэр?

— Да, как будто все.

— Это все, сэр?..

Он подождал. Свет выключился сам собой. Он надел туфли и собирался уже выйти в коридор, когда услышал голос, на сей раз мужской:

— Доктор Холл! Говорит начальник службы оповещения. Попрошу вас впредь относиться к установленным у нас порядкам более серьезно.

Холл расхохотался. Выходит, не только отвечают на его замечания, но еще и записывают их на пленку. Остроумная система.

— Извините меня,— сказал он.— Я почему-то не сразу сообразил, что это магнитофон. Голос был такой обольстительный...

— Голос,— внушительно произнес начальник,— принадлежит мисс Глэдис Стивенс из штата Омаха, шестидесяти трех лет от роду. Это ее профессия — надиктовывать команды для экипажей стратегических бомбардировщиков и всевозможные тексты программ голосового напоминания...

— Вот оно что,— сказал Холл.

Он вышел в коридор и направился в кафетерий. По дороге до него, наконец, дошло, почему проектировать «Лесной пожар» было поручено конструкторам подводных лодок. Оставшись без часов, он не имел ни малейшего представления о том, который теперь час и даже ночь снаружи или день. Интересно, много ли в кафетерии народу? И вообще — обед сейчас или завтрак?

В кафетерии, как оказалось, не было никого, кроме Ливитта. Тот сообщил, что остальные уже перешли в комнату для совещаний, пододвинул Холлу стакан с какой-то темно-коричневой жидкостью и предложил позавтракать.

— А что это такое? — спросил Холл.

— Питательная жидкость сорок два — пять. Содержит все необходимые компоненты для поддержания жизнедеятельности организма мужчины весом в семьдесят килограммов на протяжении восемнадцати часов...

Холл выпил — жидкость напоминала густой сироп, ароматизированный под апельсиновый сок. Пить коричневый апельсиновый сок было, разумеется, не очень привычно, но вкус был относительно сносный. Ливитт пояснил, что напиток разрабатывали для космонавтов — в нем содержалось все, кроме растворимых в воздухе витаминов.

— Они вот в этой таблетке.

Холл проглотил таблетку и налил себе чашечку кофе из стоявшего в углу автомата.

— А где сахар?

Ливитт покачал головой.

— Сахара вы здесь не найдете. Никаких веществ, которые могли бы стать питательной средой для бактерий. Отныне все мы на высокобелковой диете. Необходимый нам сахар мы будем вырабатывать сами в результате разложения белков. Через пищевод вы никакого сахара не получите. А вот с другой стороны...

Он сунул руку в карман.

— Ну уж нет...

— Да,— сказал Ливитт и подал Холлу маленький цилиндрик, завернутый в серебряную фольгу.

— Нет,— повторил Холл.

— Другие уже получили. Комплексное действие. Зайдите к себе в комнату и введите перед началом заключительных дезинфекционных процедур...

— Я терпел, когда меня вымачивали во всяких вонючих ваннах. Не говорил ни слова, когда меня облучали. Но будь я проклят, если...

— Идея заключается в том, чтобы на пятом уровне вы были стерильны, насколько это вообще возможно. Кожа и слизистая дыхательных путей уже продезинфицированы самым тщательным образом. Остался кишечник...

— Допустим. Но зачем свечи?..

— Ничего, привыкнете. Их выдают здесь всем первые четыре дня. Толку, конечно, от них мало...— добавил он с обычной пессимистической гримасой.— Пошли на совещание. Стоун хочет побеседовать с нами о Карпе.

— О ком, о ком?

— О Рудольфе Карпе.

Биохимик венгерского происхождения Рудольф Карп переехал в США из Англии в 1951 году. Он получил должность в Мичиганском университете и проработал там тихо и незаметно пять лет. Затем по предложению коллег из обсерватории Анн-Арбор он занялся изучением метеоритов. Перед ним была поставлена задача установить, не содержат ли метеориты живых организмов или хотя бы следов их существования. Карп отнесся к предложению очень серьезно и работал упорно, не сделав ни одной публикации на эту тему вплоть до начала шестидесятых годов, в то время как Келвин, Воон, Надь и многие другие выступали со статьями на аналогичные темы, одна сенсационнее другой.

Все доводы и контрдоводы, которыми они обменивались, выглядели крайне сложными, но результат, в сущ-

ности, был весьма прост: едва какой-нибудь ученый объявлял, что обнаружил окаменелость, или углеводород белкового происхождения, или какой-нибудь иной признак наличия живой материи в составе метеорита, критики тотчас же обвиняли смельчака в неряшливом проведении эксперимента и загрязнении объекта исследования веществами или организмами земного происхождения.

Карп, применявший скрупулезную, неторопливую методику, решил покончить со всеми этими препирательствами раз и навсегда. Он объявил, что принял особые меры против загрязнения: каждый исследуемый им метеорит предварительно промывался в двенадцати растворах, в том числе перекиси водорода, иоде, гипертоническом растворе и растворах кислот. После этого метеорит подвергался воздействию мощного ультрафиолетового излучения в течение двух дней. Наконец, Карп погружал его в бактерицидную жидкость и помещал в изолированную, абсолютно стерильную камеру, где и проводил остальные работы.

Расколов свои метеориты, Карп сумел выделить внеземные бактерии. Он установил, что они представляют собой кольцеобразные организмы, нечто вроде крохотной автомобильной камеры с волнистой поверхностью, и способны расти и размножаться. Карп заявил, что по своей структуре они в основном сходны с земными бактериями, построены из белков, углеводов и липоидов, но клеточное ядро у них отсутствует и потому способ их размножения остается тайной.

Сообщение обо всем этом Карп сделал в своей обычной сдержанной, мягкой манере и надеялся, что оно будет встречено благожелательно. Этого, увы, не случилось: на седьмой конференции по астрофизике и геофизике, состоявшейся в Лондоне в 1961 году, Карпа попросту высмеяли. Отчаявшись, он забросил работу с метеоритами, и выделенные им организмы погибли при случайном взрыве в лаборатории в ночь на 27 июня 1963 года.

Таким образом, Карпу довелось пережить почти то же, что Надю и всем остальным. В начале шестидесятых годов ученые противились самой мысли о возможности существования жизни в метеоритах — любые доказательства в пользу такой возможности отвергались, высмеивались, игнорировались.

Тем не менее горсточка людей в ряде стран все же продолжала интересоваться этой проблемой. Одним из них был Джереми Стоун, другим — Питер Ливитт. Имен-

но Ливитт еще за несколько лет до того сформулировал «Правило сорока восьми». «Правило» служило шутливым напоминанием о безбрежном море литературы, написанной в конце сороковых — пятидесятых годах по вопросу о числе хромосом у человека.

Много лет считалось, что в клетках человеческих тканей насчитывается по 48 хромосом; это подтверждалось фотографиями и множеством точнейших исследований. А в 1953 году группа американских цитологов объявила всему миру, что число хромосом у человека вовсе не 48, а 46. И опять в подтверждение приводились фотографии и составлялись монографии. Но эти цитологи пошли еще дальше, они подняли старые снимки и старые исследования и установили, что на тех снимках тоже было только 46, а не 48 хромосом.

Ливиттово «Правило сорока восьми» формулировалось просто: «Все ученые слепы». И Ливитт вспомнил о нем, когда увидел, какой прием был оказан Карпу и его единомышленникам. Ливитт просмотрел все публикации и статьи и не нашел никаких причин для того, чтобы с налету отвергать все исследования по метеоритам,— многие эксперименты были тщательно выполнены, очень обоснованны и убедительны.

Все это пришло ему на память, когда авторы программы «Лесной пожар» работали над исследованием, получившим название «Вектор-3». «Вектор-3» и еще одна работа — «Токсин-5» — составили теоретическое обоснование всего проекта.

«Вектор-3» рассматривал основной вопрос: если на Землю попадут чужеродные бактерии, которые вызовут неизвестную болезнь, то откуда могут быть занесены эти бактерии?

Ученые из группы «Лесной пожар» запросили мнение астрономов и специалистов по эволюционной теории и пришли к заключению, что источников тут может быть три.

Первый из них самоочевиден: бактерии занесены с другой планеты или из другой звездной системы, у них есть защитные средства, позволяющие им выжить в условиях сверхнизких температур и глубокого вакуума космического пространства. Возможность такая, несомненно, существует. Известно, например, что так называемые термофильные бактерии растут и бурно размножаются при температурах порядка +70 °С. Известно также, что микроорганизмы, обнаруженные в египетских

гробницах и проведшие там тысячи лет, оказались все-таки жизнеспособными.

Секрет заключается в том, что бактерии способны принимать форму спор, образуя вокруг себя твердую оболочку из солей кальция. Эта оболочка помогает им противостоять как замораживанию, так и температуре кипения, а при необходимости тысячелетиями обходиться без пищи. Оболочка как бы сочетает в себе достоинства анабиотической камеры и космического скафандра.

Нет сомнений и в том, что споры могут перемещаться в космическом пространстве. Можно ли, однако, утверждать, что другая планета или другая галактика — наиболее вероятные источники заражения извне?

На такой вопрос ответ ясен: нет, нельзя! Наиболее вероятный источник гораздо ближе — это сама Земля.

В работе «Вектор-3» высказывалось предположение, что миллиарды лет назад, когда жизнь в земных океанах и на жарких континентах только зарождалась, какие-то бактерии могли покинуть свою земную колыбель. Еще до появления рыб, до примитивных млекопитающих, задолго до первого обезьяночеловека бактерии могли быть подхвачены восходящими воздушными потоками и постепенно поднимались все выше, пока не оказывались, наконец, в космическом пространстве. Так бактерии могли эволюционировать, принимая самые неожиданные формы, например научиться получать необходимую для жизни энергию прямо от Солнца и обходиться без пищи. А возможно, даже непосредственно преобразовывать энергию в материю.

Ливитт проводил аналогию между верхними слоями атмосферы и глубинами морей. И та и другая среды в равной степени враждебны жизни и тем не менее и та и другая способны поддерживать жизнь. В глубочайших, мрачнейших океанских впадинах, где кислорода крайне мало, а света вовсе нет, найдены разнообразные живые существа. Так почему бы им не сыскаться в самых верхних слоях атмосферы? Да, с кислородом там плохо. Да, пищи там почти нет. Но если жизнь могла спуститься на несколько километров ниже уровня моря, то почему она не могла подняться на много километров выше него?

И если там, на высоте, и вправду есть какие-то микроорганизмы, возникшие на Земле, но расставшиеся с нею задолго до появления первого человеческого существа, то для современных людей они окажутся опасными незнакомцами: против этих организмов у людей не мо-

жет быть иммунитета, они не могли ни приспособиться к этим бактериям, ни выработать антитела. Эти примитивные чужаки опасны для современного человека, подобно тому как акулы, примитивные рыбы, не изменившиеся на протяжении ста миллионов лет, представляли собой опасность для человека, когда он посмел впервые вторгнуться в океан...

Третий источник заражения извне, третий из рассмотренных в работе векторов, самый вероятный и в то же время сопряженный с наибольшими трудностями,— это современные земные микроорганизмы, вынесенные во внеземное пространство на недостаточно стерилизованных космических кораблях. В космосе эти бактерии встретятся с невесомостью, жесткой радиацией и другими факторами, обладающими мутагенным, вызывающим изменения организмов, действием. И когда они вернутся назад на Землю, то окажутся неузнаваемыми.

Подпимите в космос бактерию, практически безвредную, к примеру вызывающую гнойничковую сыпь или катар горла,— вернуться назад она может в самой неожиданной и смертоносной форме. От нее можно ожидать чего угодно. Она может предпочтительно поражать глазное яблоко, может питаться кислотными выделениями желудка, а может размножаться в слабых токах, генерируемых мозгом, и сводить людей с ума...

Однако самим членам группы «Лесной пожар» идея насчет мутантных бактерий казалась надуманной и малоправдоподобной. Это смешно, особенно в свете последующей истории со штаммом «Андромеда», но факт остается фактом: группа упорно игнорировала как данные собственного опыта о способности бактерий к стремительным и резким мутациям, так и эксперименты, проведенные на биологических спутниках, когда некоторые земные формы жизни были отправлены в космос, а затем возвращены на родную планету.

Спутник «Биосателлит-2» среди прочих организмов вынес во внеземное пространство и несколько видов бактерий. Впоследствии было сообщено, что они размножались в космосе в двадцать или тридцать раз быстрее обычного. Почему — оставалось неясным, но вывод сам по себе был неоспорим: космос способен воздействовать на размножение и рост микроорганизмов.

И все же никто из группы «Лесной пожар» не внял голосу фактов, пока не оказалось слишком поздно.

Сделав краткий обзор современных представлений о возможности существования определенных форм жизни в космосе, Стоун вручил всем членам группы по картонной папке.

— Здесь полный отчет о полете «Скупа-7»,— сказал он.— Записи произведены с автоматической фиксацией времени. Все это надо просмотреть и постараться понять, что же случилось со спутником на орбите...

— А с ним что-нибудь случилось? — спросил Холл.

— В соответствии с программой,— пояснил Ливитт,— спутник должен был оставаться на орбите шесть дней. Ясно ведь, что вероятность уловить неизвестные организмы прямо пропорциональна продолжительности полета. Орбита после запуска строго соответствовала расчетной, но на пятый день «Скуп» сошел с орбиты...

Холл задумчиво кивнул.

— Начнем с первой страницы,— предложил Стоун.

Холл открыл свою папку.

— Как видите, протокол идеального запуска. Пожалуй, на этом нет смысла задерживаться. Здесь, да и в течение последующих 96 часов полета нет и намека на какую-нибудь неисправность на борту спутника. Откройте теперь страницу 10.

Они повиновались.

СТЕНОГРАММА СЛЕЖЕНИЯ «СКУП-7»

ДАТА ЗАПУСКА
СОКРАЩЕННЫЙ ВАРИАНТ

ЧАСЫ	МИН.	СЕК.	ОПЕРАЦИЯ
0096	10	12	Станция Гранд-Багама — по данным проверки орбита стабильная
0096	34	19	Сидней — по данным проверки орбита стабильная
0096	47	34	Вандербург — по данным проверки орбита стабильная
0097	04	12	Мыс Кеннеди — орбита стабильная, но отмечена неисправность бортовых систем
0097	05	18	Неисправность подтверждена
0097	07	22	Гранд-Багама: неисправность подтверждена. По данным ЭВМ наблюдаются орбитальные отклонения
0097	34	54	Сидней сообщает: орбитальные отклонения
0097	39	02	Вандербург: расчеты указывают на схождение с орбиты

ЧАСЫ	МИН.	СЕК.	ОПЕРАЦИЯ
0098	27	14	Вандепберг: центр управления принял решение передать сигнал на вхождение в плотные слои атмосферы
0099	12	56	Сигнал передан
0099	13	13	Хьюстон сообщает: началось вхождение в плотные слои атмосферы Снижение устойчивое

— Хорошо бы посмотреть переговоры между станциями в этот период.

— Центр говорил с Сиднеем, мысом Кеннеди и Грэнд-Багамой, все через Хьюстон. Кстати, в Хьюстоне работает большая ЭВМ. Однако в данном случае Хьюстон только помогал — все решения принимались в Центре управления программой «Скуп» в Вандерберге. Стенограмма с пленок — в самом конце. Она кое-что раскрывает...

ЗАПИСЬ МИКРОФОННОЙ СВЯЗИ
ПРОГРАММА «СКУП» —
ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ
БАЗА ВВС ВАНДЕНБЕРГ
ВРЕМЯ ОТ 0096.59 ДО 0097.39
СЕКРЕТНО
ПОЛНАЯ СТЕНОГРАММА

ЧАСЫ	МИН.	СЕК.	РАДИОГРАММЫ
0096	59	00	АЛЛО, КЕННЕДИ, Я ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ «СКУП». К КОНЦУ 96 ЧАСА ПОЛЕТА ВСЕ СТАНЦИИ СООБЩАЮТ: ОРБИТА СТАБИЛЬНАЯ, ДАЙТЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ
0097	00	00	Наверно, дадим. Проверяем. Подождите, ребята, несколько минут. Оставайтесь на приеме
0097	03	31	Алло, ЦУ «Скуп». Я Кеннеди. Стабильность орбиты на последнем витке подтверждаю. Прошу извинить за задержку, барахлит какая-то система
0097	03	34	КЕННЕДИ, ПРОШУ УТОЧНИТЬ: БАРАХЛИТ НА ЗЕМЛЕ ИЛИ НА СПУТНИКЕ?
0097	03	39	Пока еще не установлено. Кажется, на Земле

ЧАСЫ	МИН.	СЕК.	РАДИОГРАММА
0097	04	12	Алло, ЦУ «Скуп». Я Кеннеди. По предварительным данным отмечается неисправность бортовых систем спутника. Повторяю, по предварительным данным неисправность на спутнике. Жду подтверждения
0097	04	15	КЕННЕДИ, УТОЧНИТЕ, В КАКОЙ СИСТЕМЕ?
0097	04	18	К сожалению, данных пока не имею. Ждем окончательных результатов
0097	04	21	ПОДТВЕРЖДАЕТЕ ЛИ ПО-ПРЕЖНЕМУ СТАБИЛЬНОСТЬ ОРБИТЫ?
0097	04	22	Ванденберг, подтверждаю ваши данные: орбита стабильная. Повторяю, орбита стабильная
0097	05	18	Эй, Ванденборг, подтверждаю еще и другое. По нашим данным — на спутнике неисправность бортовых систем. В частности, системы стабилизации. Стрелка указателя стабилизации — у отметки двенадцать. Повторяю, у отметки двенадцать
0097	05	30	А ВЫ ПРОВЕРИЛИ ДОСТОВЕРНОСТЬ ДАННЫХ НА ЭВМ?
0097	05	35	Очень жаль, ребята, но наши ЭВМ все подтвердили. Сомнений нет, это неисправность на борту
0097	05	45	АЛЛО, ХЬЮСТОН, ДАЙТЕ СВЯЗЬ НА СИДНЕЙ. ХОТИМ ПРОВЕРИТЬ ПОСТУПИВШИЕ СВЕДЕНИЯ
0097	05	51	Центр управления «Скуп», я станция Сидней. Подтверждаю наше предыдущее сообщение. На последнем витке над нами на спутнике никаких неисправностей не отмечалось
0097	06	12	ПО ДАННЫМ ПРОВЕРКИ НА ЭВМ НЕИСПРАВНОСТИ В СИСТЕМАХ ОТСУТСТВУЮТ, ОРБИТА СТАБИЛЬНАЯ. СОМНЕВАЕМСЯ В ТОЧНОСТИ ПОКАЗАНИЙ ПРИБОРОВ КЕННЕДИ
0097	06	18	ЦУ «Скуп», я Кеннеди. Провели повторную проверку. Неисправность систем спутника по-прежнему подтверждаю. Есть ли у вас что-нибудь с Багамы?
0097	06	23	ПОКА ЧТО НЕТ, КЕННЕДИ, ЖДЕМ

ЧАСЫ	МИН.	СЕК.	РАДИОГРАММА
0097	06	86	ХЬЮСТОН, Я ЦУ «СКУП». ЧТО ДАЕТ ДЛЯ НАС ВАША ГРУППА РАСЧЕТА ОРБИТЫ?
0097	06	46	Пока ничего нет. Для наших ЭВМ слишком мало данных. Они все еще подтверждают: орбита стабильная, все системы исправны
0097	07	22	ЦУ «Скуп», я станция Грэнд-Багама. Докладываю происхождение спутника «Скуп-7» согласно программе. Предварительно радиолокационные засечки в норме, но время прохождения почему-то увеличилось. Оставайтесь на приеме до получения данных телеметрии
0097	07	25	ЖДУ, ГРЭНД-БАГАМА
0097	07	29	ЦУ «Скуп», к сожалению, наблюдения Кеннеди подтверждаю. Повторяю, подтверждаю наблюдения Кеннеди о неисправности систем. Наши данные немедленно передаются в Хьюстон. Надо ли адресовать их параллельно и вам?
0097	07	34	НЕ НАДО, ПОДОЖДЕМ, ЧТО ВЫДАСТ ЭВМ ИЗ ХЬЮСТОНА. У НИХ ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ БЛОКИ МОЩНЕЕ
0097	07	36	ЦУ «Скуп», Хьюстон получил данные Багамы. Они обрабатываются по программе «Диспар». Дайте нам десять секунд
0097	07	47	ЦУ «Скуп», я Хьюстон. Программа «Диспар» подтверждает неисправность систем. О, бита спутника нестабильна, время прохождения увеличилось на ноль запятая три секунды на дуговую единицу. Анализируем параметры орбиты. Что проанализировать для вас еще?
0097	07	59	ДА ВРОДЕ НИЧЕГО. ПОХОЖЕ, ВЫ РАБОТАЕТЕ ОТЛИЧНО
0097	08	10	Обидно, «Скуп». Дело дрянь
0097	08	18	ДАЙТЕ КАК МОЖНО СКОРЕЕ ПОКАЗАТЕЛИ СХОЖДЕНИЯ С ОРБИТЫ. КОМАНДОВАНИЕ ХОЧЕТ ПРИНЯТЬ РЕШЕНИЕ НА УПРАВЛЯЕМЫЙ СПУСК В ПРЕДЕЛАХ ДВУХ ОЧЕРЕДНЫХ ВИТКОВ
0097	08	32	Вас понял, «Скуп». Наши соболезнования

ЧАСЫ	МИН.	СЕК.	РАДИОГРАММА
0097	11	35	«Скуп», Хьюстонская группа расчета орбиты подтверждает нарушение стабильности. Параметры схода уже передаются вам по другому каналу
0097	11	44	КАК ОНИ ВЫГЛЯДЯТ, ХЬЮСТОН?
0097	11	51	Плохо
0097	11	59	ВАС НЕ ПОНЯЛ, ПРОШУ ПОВТОРИТЬ
0097	12	07	Плохо. По буквам: полет, липа, орбита, хлам, осечка
0097	12	15	ХЬЮСТОН, ВЫЯСНИЛИ, В ЧЕМ ДЕЛО? СПУТНИК ПРОБЫЛ НА РАСЧЕТНОЙ ОРБИТЕ ПОЧТИ СТО ЧАСОВ. ЧТО С НИМ СЛУЧИЛОСЬ?
0097	12	29	Сами не понимаем. Может, столкновение? На новой орбите значительная прецессия
0097	12	44	ХЬЮСТОН, НАШИ ЭВМ ОБРАБАТЫВАЮТ ПЕРЕДАННЫЕ ВАМИ ДАННЫЕ. МЫ ТОЖЕ ДУМАЕМ, ЧТО БЫЛО СТОЛКНОВЕНИЕ. У ВАС ТАМ, РЕБЯТА, ПО СОСЕДСТВУ В КОСМОСЕ НИКТО НЕ БОЛТАЕТСЯ?
0097	13	01	Служба наблюдения ВВС подтверждает, что вокруг вашего малыша все чисто, «Скуп»
0097	13	50	ХЬЮСТОН, НАШИ ЭВМ РАСЦЕНИВАЮТ ЭТО КАК СЛУЧАЙНОЕ СОБЫТИЕ. ВЕРОЯТНОСТЬ БОЛЬШЕ ЧЕМ НОЛЬ ЗАПЯТАЯ СЕМЬ ДЕВЯТЬ
0097	15	00	Что тут еще скажешь? Наверно, так и есть. Будете сажать?
0097	15	15	РЕШЕНИЕ ПОКА ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ, ХЬЮСТОН. КАК ТОЛЬКО ПРИМЕМ — СООБЩИМ
0097	17	54	ХЬЮСТОН, У НАШЕГО КОМАНДОВАНИЯ ЕСТЬ ВОПРОС, НЕ МОГЛО ЛИ СЛУЧИТЬСЯ, ЧТО...
			. . . . .
0097	17	59	(ответ из Хьюстона изъят)
0097	18	43	(вопрос ЦУ «Скуп» Хьюстону изъят)
0097	19	03	(ответ из Хьюстона изъят)

ЧАСЫ	МИН.	СЕК.	РАДИОГРАММА
0097	19	11	СОГЛАСНЫ, ХЬЮСТОН. ПРИМЕМ РЕШЕНИЕ, КАК ТОЛЬКО ПОЛУЧИМ ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ СХОЖДЕНИЯ С ОРБИТЫ ИЗ СИДНЕЯ. ВАС ЭТО УСТРОИТ?
0097	19	50	Вполне, «Скуп». Жду
0097	24	32	ХЬЮСТОН, МЫ ТУТ ПЕРЕСМОТРЕЛИ ВСЕ ДАННЫЕ И ТЕПЕРЬ СЧИТАЕМ, ЧТО... НЕ МОГЛО БЫТЬ...
0097	24	39	Вас понял, «Скуп»
0097	29	13	ХЬЮСТОН, ВОТ-ВОТ ЖДУ СВЯЗИ С СИДНЕЕМ
0097	34	54	Центр управления «Скуп», я станция Сидней. Только что проследили пролет спутника. Наши первоначальные данные подтверждаются. Время прохождения возросло. Для данной стадии оно поразительно велико
0097	35	12	БЛАГОДАРЮ, СИДНЕЙ
0097	35	22	Не повезло вам, «Скуп». Сожалею
0097	39	02	ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ «СКУП» КО ВСЕМ СТАНЦИЯМ СЛЕЖЕНИЯ. НАШИ ЭВМ РАССЧИТАЛИ ПАРАМЕТРЫ СХОДА СПУТНИКА С ОРБИТЫ. ЖДИТЕ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РЕШЕНИЯ — КОГДА НАЧНЕМ ЕГО СНИЖАТЬ

— А что здесь за купюры? — спросил Холл.

— Майор Мэнчик с базы Вандерберг сообщил мне,— ответил Стоун,— что речь шла о русских спутниках в этой зоне. Но в конце концов и в Хьюстоне и в Вандепберге пришли к выводу, что русские ни случайно, ни умышленно не сбивали «Скуп» с орбиты. Других мнений никто не высказывал...

Все согласно кивнули.

— Соблазн, конечно, велик,— продолжал Стоун.— Но в системе ВВС есть специальная станция в Кентукки, которая следит за всеми спутниками на околоземных орбитах. Задача у этой станции двойная: наблюдать за спутниками, уже известными ранее, и обнаруживать новые. В настоящее время вокруг Земли обращается двенадцать неопознанных спутников; точнее, это не наши, но и не те из советских, о запуске которых было объявлено. Но главное в другом: русские они или там какие,

а наверху сейчас болтается до черта всяких спутников. На прошлую пятницу, согласно данным ВВС, на орбитах вокруг Земли обращалось 587 искусственных тел. Сюда входят старые, давно уже не функционирующие американские спутники «Эксплорер» и русские первых серий. В это число включены также носители и последние ступени ракет, короче, все объекты на стабильных орбитах, фиксируемые лучом локатора...

— Вот не знал, что спутников так много,— заметил Холл.

— Вероятно, их гораздо больше. Специалисты из ВВС считают, что вокруг Земли летает множество всякого лома — гайки, болты, куски металла — и по довольно стабильным орбитам. Конечно, совершенно стабильных орбит, как вам известно, не бывает. Без регулярных коррекций спутник в конечном счете сойдет с орбиты и начнет по спирали снижаться к Земле, пока не сгорит в плотных слоях атмосферы. Но с момента запуска до гибели спутника могут пройти годы и даже десятилетия. В общем ВВС ориентировочно оценивают общее число объектов, летающих по орбитам спутников Земли, тысяч в семьдесят пять...

— Так «Скуп» мог и столкнуться с каким-нибудь мелким обломком?

— Вот именно. Вполне мог.

— А с метеоритом?

— Такая возможность тоже есть, и Ванденберг отдает предпочтение именно ей. Случайное событие, вероятнее всего, метеорит...

— Были в эти дни метеоритные ливни?

— Судя по всему, нет. Но это отнюдь не исключает столкновения с метеоритом-одиночкой...

— Хм,— прокашлялся Ливитт,— не забудьте, что есть еще одна возможность...

Стоун поморщился. Он знал, что микробиолог наделен богатым воображением и что это качество составляет и силу и слабость Ливитта как ученого. По временам предположения Ливитта ошеломляли и от них захватывало дух, иногда же они вызывали просто раздражение.

— Не слишком ли фантастично предполагать,— сказал Стоун,— что спутник обязательно наскочил на обломок внегалактического происхождения? Скорее все же...

— Согласен,— перебил Ливитт,— это фантастично. Гипотеза, что называется, притянута за уши. Но думаю, что и забывать о ней мы не имеем права...

Раздался глухой удар гонга. Вкрадчивый голос уже знакомой Холлу мисс Глэдис Стивенс из штата Омаха тихо сказал:

— Господа, вы можете проследовать на пятый уровень.

13. ПЯТЫЙ УРОВЕНЬ

Стены тут были окрашены в спокойный голубой цвет, и комбинезоны тоже были голубые. Бертон показал Холлу все помещения.

— Этот уровень в плане выглядит так же, как и другие: кольцо, вернее несколько концентрических колец. Сейчас мы с вами во внешнем кольце — здесь мы живем, здесь же кафетерий, спальни и все такое. В следующем кольце — лаборатории. А за ними — герметически изолированная от нас центральная часть. Там-то и находятся сейчас спутник и оба выживших...

— Так они от нас изолированы?

— Совершенно верно.

— Как же мы до них доберемся?

— Вы когда-нибудь пользовались защитной камерой с перчатками? — спросил Бертон.

Холл покачал головой. Бертон объяснил, что так называются прозрачные камеры для работы со стерильными материалами. В стенках камер прорезаны дырки с герметически закрепленными перчатками. Всунешь руки в перчатки — и работаешь с материалом в камере, прикасаясь к ним не пальцами, а стерильной поверхностью перчаток.

— Мы пошли еще дальше,— продолжал Бертон.— У нас целые комнаты представляют собой гипертрофированные защитные камеры. Там уже не рукавицы, а комбинезоны из пластика, куда можно влезть целиком. В общем увидите...

По дугообразному коридору они подошли к двери с табличкой «Главный контроль». Ливитт и Стоун уже были там и молча работали. «Контроль» представлял собой довольно тесную комнату, забитую всевозможной электронной аппаратурой. Одна стена была стеклянной, и сквозь нее можно было видеть все, что делается в соседнем помещении.

Холл, никогда раньше не видевший капсулу «Скуп», с интересом следил сквозь стекло, как механические руки подняли ее и бережно опустили на стол. Она оказа-

лась меньше, чем он ожидал,— всего около метра длиной; один ее конец был опален и оплавлен при вхождении в плотные слои атмосферы. Механические руки откинули маленький ковшеобразный лоток на боковой поверхности капсулы и открыли доступ внутрь.

— Ну вот,— сказал Стоун, снимая пальцы с рукояток управления. Рукоятки были похожи на медные кастеты. Оператор вставлял в них свои руки, и манипуляторы за стеной в точности повторяли любое его движение.— Следующая наша задача — определить, сохранились ли в капсуле биологически активные агенты. Какие будут предложения?

— Крыса,— ответил Ливитт.— Черная норвежская крыса.

Черная норвежская крыса на самом деле совсем не черная: название просто обозначает породу лабораторных животных, вероятно, самую знаменитую в истории науки. Когда-то, разумеется, крыса эта была и черной, и норвежской; но за многие годы, что ее разводили искусственно, она постепенно сделалась белой, маленькой и совершенно ручной. «Биологический взрыв» создал огромный спрос на генетически однообразных животных, и за последние тридцать лет было выведено более тысячи «чистых», специально лабораторных пород. Теперь любой ученый в любой стране может ставить на черной норвежской крысе любые опыты с полной уверенностью, что другие ученые в других странах могут проверить или продолжить его работу на практически идентичном материале.

— И повторить на резусе,— добавил Бертон.— Рано или поздно придется перейти к приматам...

Возражений не последовало. Программа «Лесной пожар» предусматривала, что наряду с опытами на мелких животных может возникнуть необходимость использовать низших и даже высших обезьян. Вообще говоря, с обезьянами работать очень нелегко: приматы слишком враждебны, слишком быстры и сообразительны. Особенно не любят ученые южноамериканских обезьян с хватательными хвостами: во время укола обезьяну держат три-четыре лаборанта и все же та ухитряется цапнуть шприц хвостом и зашвырнуть в другой угол лаборатории..

Теоретическое обоснование опытов с приматами очевидно: биологически они ближе всего к человеку. В пятидесятых годах отдельные экспериментаторы, не останавливаясь перед хлопотами и расходами, пытались ста-

вить опыты на гориллах — вплоть самых похожих на человека животных. Но к 1960 году было доказано, что биохимически ближайший родственник человека — не горилла, а шимпанзе. (Вообще подбор лабораторых животных по принципу сходства с человеком приводит подчас к удивительным результатам. Например, для иммунологических и онкологических исследований лучше всего, как оказалось, подходит хомяк, поскольку реакции его весьма близки человеческим, а при изучении деятельности сердца и системы кровообращения человека самый подходящий объект, как ни странно, свинья.)

Стоун снова взялся за рукоятку манипулятора и начал осторожно двигать ими. Сквозь стекло было отчетливо видно, как металлические пальцы протянулись к дальней стене смежного помещения — там стояло несколько клеток с лабораторными животными, отделенных от комнаты герметической переборкой с несколькими дверцами. Эти дверцы почему-то напомнили Холлу автоматы для продажи закусок.

Механические руки открыли одну дверцу, выпули клетку с крысой, вынесли на середину и поставили рядом с капсулой. Крыса огляделась, принюхалась, вытянув шею, и тут же свалилась на бок, дернулась разок и застыла. Все произошло с такой ошеломляющей скоростью, что Холл едва поверил своим глазам.

— Боже! — вымолвил Стоун.— Вот это быстрота!..

— Трудновато нам будет,— пробурчал Ливитт.

— Можно попробовать меченые атомы,— предложил Бертон.

— Да, потом придется,— согласился Стоун.— А пока скажите, с какой скоростью работает наше сканирующее устройство?

— Миллисекунды, если понадобится.

— Безусловно понадобится.

— Давайте попробуем на резусе,— повторил свое Бертон.— И для вскрытия удобнее.

Стоун повел механические руки обратно к стене, открыл другую дверцу и вытянул клетку, в которой сидела большая взрослая обезьяна-резус. Когда клетка оторвалась от пола, обезьяна взвизгнула и забилась о прутья решетки. И, вскинув лапу к груди, умерла с гримасой удивления на морде.

Стоун покачал головой.

— По крайней мере теперь мы знаем одно: убийца из Пидмонта по-прежнему биологически активен. Он не

исчез, он все так же могуществен.— Стоун вздохнул.— Если только «могуществен»— достаточно точное слово...

— Начнем сканирование капсулы,— сказал Ливитт.

— А я заберу трупы,— добавил Бертон,— и постараюсь выяснить, с чего начинается болезнь. Вскрою потом.

Стоун вновь повернулся к манипулятору. Поднял клетки с крысой и обезьяной и установил их на гибкую ленту транспортера у противоположной стены. Нажал на пульте кнопку, помеченную «Секционная». Транспортер пришел в движение. Бертон вышел из лаборатории и по коридору направился туда же, куда унес клетки транспортер,— в секционную при патологической лаборатории.

— Вы среди нас единственный врач,— обратился Стоун к Холлу.— Боюсь, что теперь вам предстоит крепко поработать.

— В качестве геронтолога и педиатра?

— Вот именно. Увидите сами, что там удастся выяснить. Оба ваши пациента в так называемой общей лаборатории, предназначенной как раз для всяких неожиданных случаев вроде этого. Там есть пульт для связи с вычислительным центром. Лаборантка покажет вам, как этой связью пользоваться...

14. ОБЩАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Холл распахнул дверь с табличкой «Общая лаборатория» и подумал, что название звучит иронически: что общего может быть между стариком и грудным младенцем, кроме общей задачи — сохранить жизнь обоим? Оба они крайне нужны для успеха программы в целом, но справиться с подобной задачей будет, разумеется, нелегко...

Очутился он в небольшой комнате вроде той, какую только что покинул. Здесь тоже было широкое окно, и сквозь него просматривалось внутреннее помещение. Там стояли две кровати — на одной лежал Питер Джексон, на другой младенец. Но поразительнее всего были четыре раздутых прозрачных костюма, формой напоминавших человеческие фигуры. Они стояли рядом с кроватями; от каждого костюма к стене лаборатории тянулся толстый туннель — шланг.

Очевидно, по туннелю можно было проползти к костюму, залезть в него и тогда уже работать с пациентами, не прикасаясь к ним.

Лаборантка, назначенная ему в помощь, сидела, склонившись над панелью ЭВМ. Увидев Холла, она сказала, что зовут ее Карен Апсон, и объяснила, как действует вычислительная система.

— Это только одна из подстанций, а по всему «Лесному пожару» их тридцать, и все подключены к электронно-вычислительному центру на первом уровне. Ему могут давать задания одновременно тридцать человек...

Холл кивнул. Принцип экономии машинного времени был ему понятен. Благодаря этому принципу услугами одной вычислительной машины могут пользоваться одновременно до двухсот человек. Машина срабатывает за доли секунды, а человек на любое действие тратит секунды и минуты. Чтобы пушшировать ленту с командой, требуется несколько минут, а когда команда введена, машина выдает ответ почти мгновенно. Иначе говоря, если на машине работает лишь один человек, она большую часть времени простаивает. Но если одновременно ставить машине много задач, то можно достичь почти полной ее загрузки.

— При большой загрузке машины,— продолжала лаборантка,— ответ может задержаться на одну-две секунды. Но, как правило, он выдается сразу же. Мы здесь работаем по программе «Медком». Слышали вы о ней?

Холл покачал головой.

— Программа анализа медицинских данных. Вы вводите информацию, а машина ставит диагноз, рекомендует метод лечения или указывает, какие еще данные нужны, чтобы подтвердить диагноз...

— Что ж, это, должно быть, удобно.

— Главное — быстро,— сказала Карен.— Все лабораторные исследования производятся у нас автоматически, так что на постановку самого сложного диагноза уходит всего несколько минут...

Холл взглянул сквозь стекло на пациентов.

— Им что-нибудь уже делали?

— Нет, ничего. Еще на первом уровне начали внутривенные вливания. В настоящее время водный баланс у обоих, по-видимому, восстановлен, опасности для жизни нет. Джексон все еще без сознания. Реакция зрачков отсутствует, на внешние раздражители тоже не реагирует. Анемичен.

Холл коротко кивнул.

— Анализы здесь возможны любые?

— Любые. Хотите — на гормоны надпочечников, хо-

тите на протромбиновое время. В общем все, какие известны в лабораторной практике.

— Хорошо. Тогда начнем...

Карен нажала клавишу, подключающую ЭВМ.

— Анализы закажите сами. Возьмите этот световой карандаш и отметьте нужные. Просто прикоснитесь карандашом к экрану...

Она подала ему миниатюрный карандаш и нажала еще одну кнопку.

Экран засветился. На нем появился перечень всех анализов, какие могут быть заказаны машине.

Холл уставился на перечень, затем прикоснулся карандашом к названиям анализов, которые хотел получить; они тут же исчезли с экрана. Затребовав пятнадцать-двадцать различных анализов, он отошел от пульта.

Изображение исчезло с экрана, его сменило новое:

Для заказанных анализов от каждого пациента
потребуется 20 куб. см цельной крови
10 куб. см щавелевокислой крови
12 куб. см лимоннокислой крови
15 куб. см мочи

— Я возьму кровь для анализов,— сказала лаборантка.— Вы, наверно, не бывали раньше в такой лаборатории?

Холл нехотя покачал головой.

— Все очень просто. Мы проползаем по туннелям к костюмам, и туннели герметически перекрываются...

— Вот как?

— Это на случай, если с нами что-нибудь произойдет. Например, надрыв или прокол; как говорится в инструкции — «если нарушится целостность поверхности костюма». Чтобы бактерии не смогли проникнуть наружу...

— Значит, мы там будем взаперти?

— Да, конечно. Воздух в костюмы поступает из автономной системы — вон, видите, такие тоненькие трубочки... По существу, внутри костюма вы изолированы от всего мира. Но волноваться из-за этого не стоит. Повредить костюм можно, только случайно прорезав его скальпелем, а вы попробуйте прорежьте: рукавицы трехслойные...

Карен показала Холлу, как пролезть в туннель, он повторил ее движения — и встал на ноги внутри прозрачной оболочки. Он почувствовал себя каким-то неуклюжим допотопным пресмыкающимся, ходить было тяжело

и неудобно, а сзади, как огромный хвост, волочился тупнель-шланг.

Через мгновение раздался шипящий звук: костюм загерметизировался. Еще шипение — включилась автономная воздушная система. Карен подала необходимые инструменты. И, пока она брала у ребенка кровь из височной вены, Холл сосредоточил свое внимание на Питере Джексоне.

Старый человек и бледный — анемия. Кроме того, очень худой. Первая мысль — рак. Или, может быть, туберкулез, алкоголизм, какой-нибудь хронический процесс... И без сознания. Холл быстро перебрал в уме все возможности — от эпилепсии до гипогликемического шока и кровоизлияния в мозг.

Позже Холл признавался, что почувствовал себя совершеннейшим идиотом, когда ЭВМ почти мгновенно выдала ему полный анализ состояния пациента с указанием возможных диагнозов. Тогда, в первые часы своего пребывания на пятом уровне, Холл еще ничего не знал ни о возможностях ЭВМ «Лесного пожара», ни о качестве ее программ.

Проверил у Джексона кровяное давление — пониженное, 85/50. Пульс учащенный, 110. Температура 36,5. Дыхание 30 и достаточно глубокое. Холл последовательно осмотрел все тело, с головы до ног. Когда он причинил пациенту боль, нажимая на ответвление тройничного нерва под надбровной дугой, старик поморщился и приподнял руки, будто хотел оттолкнуть Холла.

А может, он вовсе и не без сознания, а просто оцепенел? Холл потряс старика за плечи:

— Мистер Джексон! Мистер Джексон!..

Тот не ответил, но потом как будто стал медленно приходить в себя. Холл еще раз крикнул в самое ухо: «Мистер Джексон!» и сильно встряхнул его. Старик на мгновение открыл глаза и проговорил раздельно:

— Оставьте... меня...

Холл продолжал его трясти, но Джексон уже расслабился, тело его обмякло, и он вновь перестал реагировать на окружающее. Оставив попытки привести его в чувство, Холл возобновил осмотр. В легких чисто, и сердце как будто в норме. А вот живот слишком напряжен, и к тому же один раз был рвотный позыв — изо рта у Джексона вытекла кровянистая струйка. Холл поспешно

провел анализ крови на базофилы — реакция оказалась положительной. Он обследовал ректум и тоже обнаружил следы крови. Повернулся к лаборантке — та уже справилась со своим делом и теперь вводила пробирки в анализатор ЭВМ, стоящий в углу.

— У старика, оказывается, кровь в кишечнике,— сказал Холл.— Скоро мы получим результаты анализов?..

Карен показала на экран под потолком.

— Результаты передаются немедленно, как только поступают из лаборатории. Одновременно сюда и на панель в соседней комнате. Сначала, конечно, самые легкие анализы. Гематокрит, наверно, будет готов через минуту-другую...

Холл подождал. На экране действительно пропечатались слова:

Джексон Питер
Анализ крови

Вид анализа	Норма	Фактически
Гематокрит	38—54	21

— Половина нормы,— констатировал Холл, надел Джексону кислородную маску и приладил ремешки.— Нам потребуется по крайней мере четыре дозы. Плюс две дозы плазмы...

— Я закажу.

— И, пожалуйста, поскорее...

Она подошла к телефону и, позвонив на склад консервированной крови на втором уровне, попросила их поторопиться. А Холл тем временем повернулся к ребенку. Прошло немало лет с тех пор, как он последний раз осматривал младенца, и он напрочь забыл, как это трудно. Он пытался заглянуть ребенку в глаза — тот жмурился. Думал посмотреть горло — пациент плотно закрывал рот. Хотел послушать сердце — младенец поднял такой рев, что заглушил все сердечные тоны.

Но Холл настойчиво продолжал осмотр, памятуя слова Стоупа: как бы различны ни были эти двое, они — единственные, кто остался в живых. Каким-то образом они сумели справиться с болезнью. Значит, между ними, между сморщенным стариком, которого рвет кровью, и розовым, заходящимся в плаче младенцем, есть какая-то общность, какая-то связь. С первого взгляда они являют собой две крайности, находятся по разные стороны жизненного спектра, у них просто не может быть ничего общего. И все-таки что-то есть...

На осмотр младенца ему потребовалось полчаса. И в результате Холл был вынужден сделать вывод, что ребенок, судя по всему, совершенно здоров. Абсолютно нормальный и обыкновенный ребенок. Ничего примечательного.

Если не считать того, что он каким-то загадочным образом выжил.

15. «ГЛАВНЫЙ КОНТРОЛЬ»

Стоун с Ливиттом сидели в помещении «Главного контроля», глядя сквозь стекло на капсулу в изолированной внутренней комнате. «Главный контроль» был центром пятого уровня и представлял собой сложнейшее и крайне дорогостоящее хозяйство: оно обошлось в два миллиона долларов — дороже любого другого объекта во всем комплексе базы «Лесной пожар». Но роль его в работе комплекса была решающей.

«Главный контроль» обеспечивал первый этап научного обследования капсулы. Все здесь было нацелено на одну задачу — обнаружить и выделить чуждые микроорганизмы. «Методика анализа жизни» предусматривала три этапа работы по программе «Лесной пожар»: обнаружение, выявление и анализ свойств и, наконец, контроль над микроорганизмами. Сначала бактерию необходимо найти, затем изучить и понять ее свойства. И только тогда можно начинать поиски путей обуздания внеземной жизни.

«Главный контроль» служил первой и главной цели — обнаружить.

Ливитт и Стоун сидели перед пультом со множеством кнопок, рычажков и шкал. Стоун управлял манипулятором, Ливитт работал с микроскопом. Естественно, войти в комнату, где находился спутник, и непосредственно осмотреть его было нельзя. На то существовали микроскопы с полуавтоматическим дистанционным управлением и экранами, вынесенными в лабораторию.

Еще на ранней стадии проектирования возник вопрос, что лучше — телевидение или определенная система прямого визуального наблюдения? Телевизионная установка стоила бы дешевле и смонтировать ее было бы проще, тем более что телевизионные усилители изображения уже применялись на электронных микроскопах, рентгеновских аппаратах и в некоторых других устройствах. Однако

группа «Лесной пожар» в конце концов решила, что для их целей телеэкран недостаточно точен. Даже камера с двойной разверткой, с лучшей разрешающей способностью, дающая вдвое большую частоту строк, чем обычно, еще не то, что нужно. После долгих споров остановились на волоконной оптической системе, в которой изображение передается непосредственно через змеевидный жгут из стекловолокна и воспроизводится на специальном экране с надлежащей резкостью и чистотой.

Стоун развернул капсулу и нажал соответствующие кнопки. С потолка спустилась черная камера и начала методический осмотр капсулы. Исследователи прильнули к экранам.

— Начнем с пятикратного,— сказал Стоун.

Ливитт установил требуемое увеличение. Они наблюдали, а камера автоматически двигалась вокруг капсулы, фокусируясь на поверхности металла. Завершив общий осмотр, они переключили увеличение на двадцатикратное. Теперь для осмотра нужно было значительно больше времени: поле зрения прибора стало гораздо у́же. Но и на этот раз они не заметили на поверхности ничего необычного: ни пробоин, ни вмятин, ни наростов.

— Перейдем на стократное,— предложил Стоун.

Ливитт отрегулировал оптику и откинулся на спинку кресла. Теперь начинался еще более длительный и нудный осмотр, который, вероятно, тоже ничего не даст. Потом они обследуют капсулу изнутри и, возможно, обнаружат что-нибудь там. А возможно, и нет. В любом случае придется брать образцы для дальнейших анализов и помещать соскобы и мазки в питательные среды...

Он отвел глаза от экранов и бросил взгляд на стекло. Камера, висевшая на сложном переплетении тяг и проводов, медленно перемещалась вокруг капсулы. Ливитт опять повернулся к экранам: их в лаборатории было три, и изображение на всех трех было одинаковое. Теоретически можно было бы включить не один, а три сканирующих прибора — по одному на каждый экран — и осмотреть капсулу в три раза быстрее. Однако этого-то они и не хотели, по крайней мере пока. Ведь как бы они ни старались, нельзя бесконечно оставаться настороже. Интерес постепенно спизится, внимание ослабнет. А если за одним и тем же изображением следят двое, то и шансы упустить что-либо важное снижаются вдвое...

Поверхность конической капсулы высотой 92,5 *см* и диаметром у основания 30 *см* составляет около 2800 квад-

ратных сантиметров. Три последовательных осмотра — при пяти-, двадцати- и стократном увеличении — отняли два часа с небольшим. Когда эти два часа истекли, Стоун сказал:

— Надо было бы перейти к 440-кратному увеличению...

— Но?

— Я склонен сразу начать осмотр внутренней поверхности. Если ничего не найдем, всегда сумеем вернуться к наружной и докончить...

— Согласен.

— Начнем опять с пятикратного...

Ливитт припал к панели управления. Осмотр на автоматическом режиме стал теперь невозможен. Сканирующий аппарат был рассчитан на автоматическое слежение по контурам любого предмета правильной формы — куба, шара, конуса, но при осмотре капсулы изнутри камеру предстояло вести вручную. Ливитт установил линзы на пятикратное увеличение, включил ручное дистанционное управление и затем ввел камеру в отверстие контейнера.

— Больше света,— сказал Стоун, наблюдая за экраном.

Ливитт повозился у пульта — и пять дополнительных светильников спустились с потолка и вспыхнули, осветив внутренность контейнера.

— Лучше?

— Отлично.

Вглядываясь в экран, Ливитт начал осторожно передвигать камеру. Понадобилось несколько минут, чтобы приспособиться и вести камеру плавно, без рывков: координировать свои движения, глядя на экран, оказалось не легче, чем писать, наблюдая за строкой в зеркало. Однако вскоре все пошло гладко.

Осмотр контейнера при пятикратном увеличении занял двадцать минут. Они не обнаружили ничего, если не считать вмятины размером с острие карандаша. По предложению Стоуна осмотр при двадцатикратном увеличении начался именно с этой точки. Вмятинка выросла в размерах, и тут они увидели его — черное пятнышко размером с песчинку, обыкновенную иззубренную черную песчинку. На черном фоне мерещились какие-то зеленые вкрапления.

Ни тот ни другой не шевельнулись, хотя впоследствии Ливитт признавался, что буквально дрожал от возбуждения и ему все думалось: неужели это действительно

совершенно новая, неизвестная форма жизни? Но вслух он промолвил всего лишь:

— Интересно...

— Давайте сначала закончим осмотр при двадцатикратном,— сказал Стоун. При всем его внешнем спокойствии видно было, что и он взволнован.

Ливитту хотелось немедленно осмотреть пятнышко при большем увеличении, но он понимал, что Стоун прав. Они не имели права на скороспелые выводы. Только тщательность, бескопечная, утомительно монотонная тщательность могла обещать им успех. Нужно было методично переходить от этапа к этапу, на каждом шагу удостоверяясь, что ничто не упущено. Иначе, ухватившись за первую попавшуюся нить, можно было затратить на исследования долгие часы и дни лишь для того, чтобы вдруг обнаружить, что нить эта никуда не ведет, что они ошиблись, неверно оценили факты и без толку потеряли время.

Поэтому Ливитт завершил скрупулезный осмотр внутренней поверхности контейнера при двадцатикратном увеличении. Раз или два он останавливал камеру, когда им казалось, что на экране мелькнули новые зеленоватые пятнышки; он записывал координаты, чтобы отыскать эти пятнышки при большем увеличении. Через полчаса Стоун объявил, что вполне удовлетворен осмотром при двадцатикратном.

Они оторвались на секунду, проглотили по две таблетки кофеина и запили их водой. Члены группы заранее договорились не принимать амфетамины, за исключением особо серьезных случаев; в аптечке пятого уровня эти препараты были, но для повседневного употребления все предпочитали кофеин.

Еще не исчезла горечь от кофеина во рту, а Ливитт уже включил стократные линзы и приступил к третьему осмотру. Как и в прошлый раз, он начал с вмятины и с черного пятнышка в ней.

Их постигло разочарование: при стократном увеличении никаких дополнительных деталей не прибавилось, только все выросло в размерах. Теперь, однако, было видно, что пятнышко представляет собой неправильной формы крупинку какого-то тускло-черного вещества, похожего на камень. Явственно заметны были частички зелени, вкрапленные в изузбренную поверхность.

— Ну, что скажете? — спросил Стоун.

— Если это и есть объект, с которым столкнулась

капсула, то либо он двигался с сумасшедшей скоростью, либо чудовищно тяжел. Он слишком мал, чтобы...

— Чтобы сбить спутник с орбиты? Разумеется. Но ведь и вмятинка очень неглубокая.

— Стало быть?..

Стоун пожал плечами.

— Стало быть, либо изменение орбиты произошло по каким-нибудь другим причинам, либо эта песчинка обладает такой упругостью, какая еще не известна науке...

— А что вы думаете об этой зелени?

— Не поймаете,— улыбнулся Стоун.— Пока что я только смотрю — и ничего больше...

Ливитт весело хмыкнул и продолжал осмотр. Настроение у обоих было приподнятое, внутренне они были уверены, что открытие сделано. Обследовали другие места, где замечали зелень, и убедились, что это не ошибка. Правда, зелень отличалась от той, что на крупинке. Во-первых, пятнышки были побольше и как будто светились, а во-вторых, границы пятнышек казались правильными, округленными.

— Словно брызги зеленой краски,— сказал Стоун.

— Надеюсь, это все-таки не краска.

— Легко проверить.

— Спачала просмотрим при 440-кратном.

Стоун согласился. Уже почти четыре часа они исследовали капсулу, но усталости не чувствовали. Экран на секунду затуманился — один объектив заменялся другим. Когда резкость изображения восстановилась, перед ними вновь возникла вмятина и засевшее в ней черное зерно с зелеными разводами. При таком увеличении неровности песчинки были просто поразительны — целая планета в миниатюре с остроконечными пиками и глубокими долинами. Ливитту почудилось на миг, что это и есть она — настоящая крохотная планетка, и на ней жизнь во всем своем многообразии. Он тряхнул головой, гоня от себя подобную мысль. Слишком уж это невероятно.

— Если это метеорит, то чертовски странный,— заметил Стоун.

— Что вас удивляет?

— Вон тот левый край,— указал Стоун на экране.— Поверхность камня,— если только это камень, конечно,— всюду шероховатая, а здесь она гладкая, почти зеркальная...

— Будто бы искусственная?

Стоун перевел дыхание.

— Того и гляди мне померещится что-то в этом роде. Лучше пока займемся теми зелеными пятнами...

Ливитт установил камеру по записанным координатам и навел на резкость. На экранах появилось новое изображение — одно из зеленых пятен крупным планом. При таком увеличении границы участка обозначились совершенно четко. Они оказались не ровными, а слегка зазубренными, почти как шестеренка часового механизма.

— Черт меня побери,— сказал Ливитт.

— Что угодно, только не краска. Зазубрины слишком правильные.

И тут, у них на глазах, это и случилось: зеленое пятно на короткое, едва уловимое мгновение стало фиолетовым, затем опять зеленым.

— Видели?

— Видел. Вы не меняли освещение?

— Нет, ничего не трогал...

Через минуту повторилось: зеленое, вспышка фиолетового и вновь зеленое.

— Поразительно!..

— А если это...

И вдруг пятно вспыхнуло, да так и осталось фиолетовым. Зубцы исчезли, промежутки между ними заполнились, и пятно, слегка увеличившись в размерах, стало совершенно круглым и опять позеленело.

— Оно растет,— прошептал Стоун.

Работа шла полным ходом. Сверху спустились кинокамеры и засняли объект с пяти точек при скорости 96 кадров в секунду. Еще одна камера замедленной съемки отщелкивала кадры с интервалами в полсекунды. Затем Ливитт опустил две дополнительные телекамеры с дистанционным управлением и установил их под разными углами к основной. Три экрана в центральной лаборатории показывали теперь зеленое пятно в трех различных ракурсах.

— Можем мы дать еще большее увеличение? — спросил Стоун.

— Нет. Помните, мы решили остановиться на 440-кратном?..

Стоун чертыхнулся. Чтобы получить большее увеличение, пришлось бы перейти в другую лабораторию или прибегнуть к электронному микроскопу. И то и другое отняло бы слишком много времени.

— Тогда давайте высеем культуру и попробуем выделить организм,— предложил Ливитт.

— Ну что ж, пожалуй...

Ливитт переключил сканирующее устройство опять на двадцатикратное увеличение. Не оставалось сомнений, что на внутренней поверхности контейнера представляют интерес четыре точки: три отдельных зеленых пятнышка и вмятинка с песчинкой. На контрольном пульте он нажал кнопку, обозначенную «Культуры», и из стены комнаты вылез шарнирный рычаг с подносом, на котором стояли круглые, прикрытые пластмассовыми крышечками чашки Петри. В каждой чашке был тонкий слой питательной среды.

Программа «Лесной пожар» предусматривала применение почти всех питательных сред, известных науке. В их студенистых массах содержались питательные вещества, необходимые для жизни и размножения любых бактерий. Наряду с обычными лабораторными средами, такими, как конский и овечий кровяной агар, шоколадный агар, чистый агар и среда Сабурада, применялось десятка три диагностических сред, содержащих различные сахара и минеральные вещества. Были еще сорок три специализированные питательные среды, в том числе среды для высевания туберкулезных палочек и редкостных грибков, а также сугубо экспериментальные среды, обозначенные индексами МЕ-997, МЕ-423, МЕ-А12 и т. д.

На том же подносе лежала кучка стерильных тампонов. С помощью механических рук Стоун по одному поднимал тампоны, брал мазки с поверхности капсулы и переносил их на чашечки со средой. Ливитт выстукивал на клавиатуре входного устройства ЭВМ необходимые данные, чтобы впоследствии не перепутать, откуда какой мазок взят. Покончив с наружной поверхностью, они перешли к контейнеру. С предельной осторожностью, включив максимальное увеличение, Стоун взял соскобы с зеленых пятнышек и перенес их в различные питательные среды. В заключение он подцепил крохотным пинцетом саму песчинку и перенес ее в чистую стеклянную чашечку.

Вся эта работа отняла больше двух часов; затем Ливитт ввел в ЭВМ программу под названием «Макскульт». Эта программа перекладывала на ЭВМ все заботы о сотнях культур, высеянных в чашках Петри. Одни чашки будут выдерживаться при нормальном давлении и ком-

натной температуре в обычной земной атмосфере, другие подвергнутся воздействию тепла и холода, высоких давлений и вакуума, бескислородной и избыточно кислородной атмосферы, света и темноты. Человеку потребовалось бы несколько дней только на то, чтобы рассовать все чашки по нужным камерам. ЭВМ могла это сделать за несколько секунд.

Когда программа была запущена, Стоун установил чашки Петри стопками на конвейерную ленту, и та понесла их к камерам выращивания культур. Теперь им оставалось только ждать, ждать сутки, а то и двое, чтобы узнать, что именно выросло на этих посевах.

— А тем временем,— сказал Стоун,— можно приступить к анализу песчинки — если это действительно песчинка. Вы в ладах с электронным микроскопом?

— Подзабыл, наверно,— признался Ливитт. С электронным микроскопом ему не приходилось работать уже без малого год.

— Тогда я подготовлю образец. Еще надо будет произвести масс-спектрометрию. Впрочем, это делается автоматически. Но сначала нужно большее увеличение. Какое у нас максимальное оптическое увеличение в морфологической?

— Тысячекратное.

— Начнем с этого. Направьте песчинку в морфологическую лабораторию...

Ливитт бросил взгляд на пульт и нажал кнопку «Морфология». Стоун манипуляторами бережно установил чашечку с песчинкой на конвейерную ленту. Не сговариваясь, они обернулись и посмотрели на стенные часы. 11.00 — они работали без отдыха уже 11 часов.

— Ну что ж,— заметил Стоун,— пока все вроде бы хорошо...

Ливитт улыбнулся и, как суеверный школьник, скрестил средний и указательный пальцы.

16. СЕКЦИОННАЯ

Бертон работал в секционной. Он нервничал, все еще не в силах отделаться от воспоминаний о Пидмонте. Позже, анализируя свою работу и ход мыслей, он горько сожалел, что тогда, на пятом уровне, не сумел взять себя в руки.

Ибо уже в самой первой серии опытов Бертон допустил несколько ошибок.

По инструкции в его обязанности входило патолого-анатомическое исследование мертвых животных, но на него возложили также и предварительное определение путей распространения болезни. По правде говоря, такая работа была не под силу Бертону; Ливитт подошел бы для нее куда больше. Однако считалось, что Ливитт будет полезнее на предварительном этапе выделения и распознавания чуждого микроорганизма. Поэтому исследовать пути распространения болезни поручили Бертону.

Эксперименты эти были достаточно просты и элементарны. Для начала Бертон поставил в ряд несколько клеток. Каждая из них снабжалась воздухом автономно; системы подачи воздуха можно было соединять между собой различными способами. Герметизированную клетку с трупом норвежской крысы он поставил рядом с другой клеткой, где сидела живая крыса. Нажал несколько кнопок и открыл свободный доступ воздуха из первой клетки во вторую. Крыса кувыркнулась и сдохла.

«Любопытно,— подумал Бертон,— перенос по воздуху...»

Подцепил еще одну клетку с крысой и поставил возле двух предыдущих, но в соединительном воздухопроводе установил микропористый фильтр с диаметром пор 100 ангстрем — размер мелкого вируса. Открыл доступ воздуха через фильтр. Крыса осталась жива. Подождал еще минуту-другую. Вывод был ясен: каков бы ни был возбудитель болезни, по размеру он больше вируса.

Бертон несколько раз менял фильтры, ставил все более и более крупнопористые, пока возбудитель, наконец, не прорвался через поры и крыса не сдохла. Проверил диаметр пор: два микрона — величина небольшого одноклеточного организма.

«Это уже нечто ценное,— подумал он,— теперь я знаю размеры возбудителя...»

Открытие было и вправду важное: одним простым экспериментом он исключил возможность того, что болезнь вызывается белковой или иной молекулой. В Пидмонте они со Стоуном подумали было, что разносчик болезни — газ, например выделяемый патогенным организмом. Теперь стало ясно, что газ ни при чем: возбудитель болезни имеет размеры клетки, иначе говоря, много крупнее молекулы или частицы газа.

Следующий шаг представлялся не более сложным — определить, заразны ли трупы.

Из клетки, где лежала одна из мертвых крыс, он выкачал воздух. От спада давления крысу разорвало, но Бертон, не обращая на это внимания, продолжал откачивать воздух, пока не достиг предельного вакуума. Затем заполнил клетку чистым, профильтрованным воздухом и открыл этому воздуху доступ к клетке с живой крысой.

Ничего не произошло.

«Любопытно»,— подумал он снова. При помощи дистанционно управляемого скальпеля он вскрыл мертвое животное, чтобы микроорганизмы могли из внутренностей перейти в воздух.

И опять ничего не произошло. Живая крыса весело бегала по своей клетке.

Результат был ясен: мертвые животные не заразны. «Вот почему остались живы стервятники в Пидмонте,— подумал он.— Болезнь не может передаваться через трупы — ее передают бациллы, или как их там еще, и только по воздуху...»

Бациллы в воздухе — смертельны.

Бациллы в трупах — безвредны.

В определенном смысле это можно было предвидеть. Такой результат хорошо увязывался с теориями аккомодации, взаимной приспособляемости бактерий и человека. Бертон давно интересовался проблемой приспособляемости и даже прочитал несколько лекций на эту тему в Бейлорском медицинском институте.

Большинство людей, едва заслышав о бактериях, тут же вспоминают о болезнях. На деле же болезнетворны лишь три процента бактерий; остальные либо безвредны для человека, либо даже полезны. В нашем пищеварительном тракте живут, например, многие виды бактерий, способствующие лучшему усвоению пищи. Человек нуждается в них, он от них зависит.

По существу мы обитаем в океане бактерий. Они повсюду — на коже, в ушах и во рту, в легких и в желудке. Все, что у нас есть, все, к чему мы прикасаемся, каждый наш вдох — все насыщено бактериями. Они вездесущи, но мы, как правило, даже не подозреваем об этом.

И тому есть причина: как человек, так и бактерии привыкли, приспособились друг к другу, выработали своего рода взаимный иммунитет.

И этому тоже есть веская причина. Один из основополагающих принципов биологии гласит, что эволюция

направлена к тому, чтобы возможность продолжения рода непрерывно возрастала. Если человек быстро погибает от бактериальной инфекции, значит, он плохо приспособлен к существованию; он не проживет достаточно долго для того, чтобы воспроизвести себя в потомстве. Но и бактерии, убивающие своего хозяина, приспособлены не лучше. Ведь паразит, убивающий организм, на котором паразитирует, тоже обречен и должен погибнуть вместе с ним. По-настоящему преуспевают те паразиты, которые питаются за счет своего хозяина, не убивая его. А наиболее приспособленный хозяин — тот, кто не только сосуществует с паразитом, но и извлекает из него пользу, заставляя работать на себя.

— Самые приспособившиеся из бактерий,— любил повторять Бертон,— это те, которые вызывают легкие болезни или же не вызывают вообще никаких. Одну и ту же клетку стрептококка вы можете носить в своем организме шестьдесят — семьдесят лет, благополучно жить, взрослеть и производить потомство, и стрептококк будет жить не менее благополучно. Равным образом в вас годами может жить стафилококк, и единственной вашей расплатой за это будут несколько угрей или прыщиков. С туберкулезом можно жить многие десятилетия, а с сифилисом — и всю жизнь. Эти две болезни отнюдь не из легких, но они стали гораздо менее опасны, чем были некогда,— человек и бактерия взаимно приспособились друг к другу...

Известно, например, что лет четыреста назад сифилис был чрезвычайно опасной болезнью, вызывавшей огромные гнойные язвы по всему телу и убивавшей зачастую в течение нескольких недель. Но прошли столетия, и человек и спирохета стали взаимно более терпимыми.

Эти рассуждения отнюдь не столь абстрактны и теоретичны, как может показаться на первый взгляд. На начальной стадии разработки программы «Лесной пожар» Стоун заметил как-то, что сорок процентов всех болезней человека вызываются микроорганизмами. Бертон резонно возразил, что болезнетворны лишь три процента всех существующих микроорганизмов. И хотя от бактерий проистекают многие человеческие страдания, вероятность того, что какая-то отдельно взятая бактерия опасна для людей, очень незначительна. Такое кажущееся противоречие объясняется тем, что процесс взаимного приспособления, «притирки» человека и бактерии сам по себе достаточно сложен.

— Большинство бактерий,— указывал тогда Бертон,— просто не в состоянии прожить в нашем теле так долго, чтобы принести ему вред. В том или ином отношении эта среда для них неблагоприятна. Им либо слишком жарко, либо слишком холодно, среда либо слишком кислая, либо слишком щелочная, кислорода либо слишком много, либо слишком мало. В общем для большинства бактерий человеческий организм так же негостеприимен, как Антарктида...

Отсюда вытекало, что вероятность опасных последствий от контакта человека с внеземными микроорганизмами весьма невелика. Собственно, так думали все, признавая вместе с тем, что базу «Лесной пожар» в любом случае нужно строить. Бертон разделял это мнение, но теперь чувствовал себя довольно странно: ведь его предсказание сбылось.

Да, конечно, организм, который они обнаружили, убивал людей. Но он не был приспособлен к человеку — убивая, он погибал и сам. Он не передавался от одного тела к другому. Секунду-две он жил в теле хозяина и тут же погибал вместе с ним.

Бертон ощутил удовлетворение.

Но пока что перед ними стояла вполне практическая задача: выделить микроорганизм, понять его свойства и найти средства для борьбы с ним.

О способе распространения болезни Бертон кое-что уже узнал. Кое-что он знал и о механизме смерти — свертывание крови. Оставался вопрос: как микроорганизм проникает в тело?

Поскольку инфекция переносится явно по воздуху, вероятен контакт через кожу или через легкие. Микроорганизм может внедряться непосредственно сквозь кожный покров. Или попадать в легкие при дыхании. Или и то и другое.

Как же это выяснить?

Возникла идея: надеть на экспериментальных животных какую-нибудь защитную оболочку, которая оставляла бы открытым только рот. Это осуществимо, но слишком хлопотно. Битый час он сидел и ломал себе голову, пока не натолкнулся на приемлемое решение.

Если смерть наступает вследствие свертывания крови, то свертывание, вероятно, начинается там, где микроорганизм проник в тело. Если через кожу, кровь сначала

свернется в подкожных сосудах. Если через легкие — процесс начнется в груди и будет распространяться от легких к конечностям. И это поддается экспериментальной проверке. Применив метод меченых атомов, придав радиоактивные свойства белковым компонентам крови, можно с помощью сканирующего сцинтилляционного устройства определить, где именно начинается свертывание крови.

Для опыта Бертон выбрал обезьяну-резуса, апатомически куда более близкую человеку, чем крыса. Ввел ей в кровь радиоактивное вещество — изотоп магния — и настроил сканирующий сцинтиллограф. Выждав некоторое время, чтобы изотоп равномерно распределился по кровеносной системе, он привязал обезьяну к столу и установил над ней аппарат.

Теперь можно было начинать.

Сканирующий сцинтиллограф, управляемый ЭВМ, зафиксирует, где начинается и как распространяется свертывание. Введя в ЭВМ программу на выдачу результатов в печатной форме, Бертон открыл доступ воздуху, содержащему смертоносный организм, в клетку с обезьяной. Печатающее устройство немедленно застучало, выдавая на бумажной ленте серию схематических контуров тела.

Уже через три секунды все было кончено. Схемы сообщили то, что он хотел знать: свертывание начинается в легких и оттуда распространяется по всему телу.

Но, кроме того, он выяснил еще одну небезынтересную подробность. Сам он об этом рассказывал так: «Я все думал, что, быть может, свертывание крови и смерть не совпадают по времени или по крайней мере не вполне совпадают. Казалось просто невероятным, что смерть может наступить за три секунды, но еще менее вероятным представлялось, чтобы вся кровь — пять с лишним литров — свернулась за столь короткое время. Мне хотелось выяснить: может быть, смерть вызывается каким-либо одним тромбом, например в мозгу, а процесс свертывания всей крови протекает более медленно?»

Таким образом, уже на ранней стадии исследований Бертон задумался о роли мозга. Теперь, когда все позади, просто обидно, что он тогда не довел этих исследований до логического конца. И помешали ему именно показания сцинтиллографа: свертывание начинается в легких и распространяется по сонным артериям к мозгу спустя одну-две секунды.

Так или иначе, первоначальный интерес Бертона к мозгу отпал, а следующий опыт лишь усугубил эту его ошибку.

Опыт был простой и не предусмотренный инструкциями по программе «Лесной пожар». Бертон знал, что смерть совпадает по времени со свертыванием крови. А нельзя ли предотвратить смерть, если предотвратить свертывание?

Он взял несколько крыс и ввел им гепарин — антикоагулянт, препятствующий образованию тромбов. Гепарин — быстродействующее лекарство, широко применяемое в медицине; действие его изучено досконально. Бертон ввел препарат внутривенно, различными дозами — от минимальной до массированной, избыточной. Затем все подопытные крысы подверглись действию воздуха, содержащего смертоносный организм.

Крыса с минимальной дозой гепарина сдохла через пять секунд. Остальные сдохли тоже, одна за другой, в течение первой минуты. Крыса, которой он ввел максимальную дозу, прожила почти три минуты, но затем свалилась и она.

Бертон был обескуражен: смерть хотя и оттягивалась, но не предотвращалась. Метод симптоматического лечения не действовал. Он отложил мертвых крыс в сторону — и тут совершил решающую ошибку.

Он не стал вскрывать крыс, которым ввел антикоагулянт.

Вместо этого он занялся животными — черной норвежской крысой и обезьяной-резусом, которые погибли первыми от контакта с капсулой. Он провел полное вскрытие их трупов. А к крысам, которым был введен антикоагулянт, даже не притронулся.

Прошло больше суток, прежде чем он осознал свою ошибку.

Вскрытие Бертон провел особенно тщательно, не спеша, постоянно напоминая себе, что не вправе ничего упустить. Отделив внутренние органы крысы и обезьяны, он обследовал каждый отдельно и взял пробы для оптической и электронной микроскопии.

Первичный общий осмотр выявил, что животные погибли от распространенного внутрисосудистого свертывания крови. Артерии, сердце, легкие, почки, печень, селезенка — все органы, обильно снабжаемые кровью, за-

твердели, окаменели. Впрочем, он и не ждал ничего другого.

Он перенес ломтики тканей в другой угол секционной, чтобы подготовить замороженные срезы для микроскопического исследования. Лаборант готовил один срез за другим, а Бертон исследовал их под микроскопом и фотографировал.

Все ткани выглядели совершенно нормально. Если не считать свернувшейся крови, ничего необычного в них не было. Бертон знал, конечно, что те же кусочки тканей будут впоследствии переданы в гистологическую лабораторию, где другой лаборант приготовит окрашенные срезы, пустив в дело гематоксилин-эозин, иодную кислоту (по Шиффу) и формалин (по Ценкеру). Срезы нервных тканей будут окрашены препаратами золота по Нисслу и Кахалу. На это уйдет еще двенадцать-пятнадцать часов. Хорошо, если бы окрашенные срезы выявили что-нибудь новое, но оснований ожидать этого у него в сущности не было.

Не менее пессимистически был настроен Бертон и относительно результатов электронной микроскопии. Электронный микроскоп, конечно, ценный инструмент, но иногда он не облегчает задачу, а, напротив, затрудняет ее. Он дает огромное увеличение и выявляет множество деталей — если только вы знаете, куда смотреть! Электронный микроскоп очень хорош для исследования отдельной клетки или части клетки — но сначала надо решить, какую именно клетку исследовать. А в человеческом организме клеток миллиарды.

К концу десятого часа непрерывной работы Бертон откинулся на спинку кресла и подвел итоги своим наблюдениям. Он составил краткое резюме:

1. Смертоносный агент имеет размер приблизительно один микрон. Таким образом, это не газ, не молекула, даже не белковая молекула и не вирус. Размер его соответствует размеру клетки, и он, вполне возможно, и есть какой-то одноклеточный организм.

2. Агент переносится по воздуху. Мертвые организмы не заразны.

3. Агент проникает в организм жертвы через легкие при вдохе. Оттуда он предположительно проходит в кровь и вызывает свертывание.

4. Агент вызывает смерть вследствие свертывания крови. Смерть наступает через несколько секунд и совпа-

дает по времени со свертыванием крови во всей кровеносной системе.

5. Антикоагуляционные препараты не предотвращают смертельного исхода.

6. Никаких других патологических изменений, помимо свертывания крови, в организме умершего животного не обнаружено.

Бертон перечитал написанное и покачал головой. Антикоагулянты, быть может, и не действуют, но факт остается фактом: есть что-то, способное приостановить процесс. Есть какой-то способ предотвратить смерть. Он знал это наверняка.

Потому что два человека выжили.

17. ПРИШЕЛ В СЕБЯ

В 11.47 Марк Холл склонился над панелью ЭВМ, на которой светились результаты лабораторных анализов, взятых у Питера Джексона и ребенка. ЭВМ выдавала результаты, как только они поступали из автоматической лабораторной аппаратуры; к этому времени почти все анализы были уже готовы.

Ребенок, как убедился Холл, был совершенно здоров. ЭВМ сообщила об этом недвусмысленно:

Пациент: ребенок
Все показатели в пределах нормы

С Питером Джексоном дело обстояло иначе. Тут имелись отклонения от нормы, и весьма существенные.

ПАЦИЕНТ: ДЖЕКСОН ПИТЕР

ПОКАЗАТЕЛИ, ОТКЛОНЯЮЩИЕСЯ ОТ НОРМЫ:

ВИД АНАЛИЗА	НОРМА	ФАКТИЧЕСКИ
ГЕМАТОКРИТ	38—54	21 первичн. 25 повторн. 29 повторн. 33 повторн. 37 повторн.
Остаточный азот	10—20	50
Ретикулоциты	1	6
В крови значительное количество незрелых эритроцитов		
pH крови	7,40	7,31
РОЭ	9	29
Амилаза	10—200	450

Некоторые результаты было нетрудно понять, другие пока представляли собой загадку. Гематокрит, например, повысился, поскольку Джексону переливали кровь, насыщенную эритроцитами. Остаточный азот, характеризующий работу почек, оказался выше нормы, вероятно, вследствие недостаточности кровообращения.

Другие показатели были характерны для потери крови. Ретикулоциты поднялись с 1 до 6 процентов в связи с общим анемичным состоянием пациента. Обилие незрелых эритроцитов показало, что организм стремится возместить потерю крови, вводя в общий ток молодые, незрелые клетки. Протромбиновое время свидетельствовало, что, несмотря на кровотечение где-то в желудочно-кишечном тракте, свертываемость крови у Джексона вполне нормальная. Скорость оседания эритроцитов указывала на наличие процесса разрушения тканей. Какие-то ткани в организме Джексона отмирали.

А вот значение pH объяснить было гораздо сложнее. Цифра 7,31 указывала на повышенную кислотность крови, хотя и не чрезмерную. В чем тут дело, Холл понять не мог. ЭВМ, впрочем, тоже.

Пациент: Джексон Питер
Вероятный диагноз

1. Острая и хроническая кровопотеря, вероятность желудочно-кишечного происхождения — 0,884
Других статистически существенных источников нет
2. Повышенная кислотность крови
Происхождение неизвестно
Требуются дополнительные
данные. Запросить историю болезни

Холл перечитал рекомендации ЭВМ и пожал плечами. Не хватало еще, чтобы она предложила поговорить с пациентом! Легко сказать — ведь Джексон был без сознания, и даже если он принял что-нибудь, от чего кровь стала кислой, узнать об этом, пока он не придет в себя, нельзя.

А может, попробовать анализ на газы крови? Холл отстучал на клавишах ввода дополнительное задание.

Но ЭВМ стояла на своем:

История болезни предпочтительнее новых анализов

Холл отстучал: «Пациент без сознания».

ЭВМ как будто призадумалась — и вдруг зажегся ответ:

Объективно потери сознания нет. Электроэнцефалограмма регистрирует альфа-ритм, соответствующий обычному сну

— Да будь ты проклята,— выругался Холл. Он глянул сквозь окно на Джексона и увидел, что тот и в самом деле шевелится во сне. Холл торопливо прополз по туннелю-шлангу к комбинезону и склонился над своим пациентом:

— Мистер Джексон, проснитесь...

Старик медленно открыл глаза и уставился на Холла. Моргнул удивленно раз, другой.

— Не пугайтесь,— спокойно сказал Холл.— Вы больны, и мы вас лечим. Вам уже лучше, не правда ли?..

Джексон проглотил слюну и кивнул. Казалось, он боится проронить слово. Но мертвенная бледность уже сменилась румянцем на щеках и из-под ногтей ушла синева.

— Как вы себя чувствуете?

— Ничего... Кто вы?..

— Меня зовут доктор Холл. Я ваш лечащий врач. У вас было сильное кровотечение. Пришлось сделать вам переливание крови.

Джексон кивнул, вроде бы даже не удивившись. Холл отметил про себя неожиданно спокойную реакцию старика, и его осенило:

— У вас это и раньше бывало?

— Бывало. Дважды.

— А как начиналось раньше?

— Что-то не пойму, где я,— сказал старик, озираясь.— Это что, больница? И почему на вас эта штука?..

— Нет, это не больница, а специальная лаборатория в штате Невада.

— Невада? — Он закрыл глаза и помотал головой.— Но я живу а Аризоне...

— Теперь вы в Неваде. Мы привезли вас сюда, чтобы вам помочь...

— А почему на вас эта штука?

— Мы привезли вас из Пидмонта. Там была эпидемия. Вы сейчас в изоляторе.

— Значит, я заразный?

— Пока еще не ясно. Но мы обязаны...

— Слушайте,— сказал вдруг Джексон и попытался встать.— Не нравится мне тут. Страшно. Я домой пойду. Я не хочу...

Он сделал еще одну попытку встать, тщетно борясь с ремнями. Холл мягко толкнул его обратно на подушку.

— Успокойтесь, мистер Джексон. Все будет хорошо, успокойтесь. Поймите, вы очень больны...

Джексон нехотя откинулся на спину.

— Дайте сигарету...

— Извините, но придется вам обойтись без сигарет.

— Какого черта! Я курить хочу.

— К сожалению, курить здесь нельзя.

— Слушай-ка, милый, поживи с мое, так сам будешь знать, что тебе можно, а чего нельзя. Мне и раньше твердили: острого нельзя, курева нельзя, выпить тоже нельзя. Я попробовал. Думаешь, лучше стало? Хуже некуда...

— Кто вам говорил обо всем этом?

— Как кто? Врачи.

— Какие врачи?

— Да в Финиксе. Шикарная больница — машинки всякие блестят, халаты накрахмалены. Да, шикарная больница. Я бы нипочем туда не пошел, если б не сестра. Она там, понимаешь, в этом Финиксе живет. С мужем со своим, с Джорджем, дурак он набитый... Я и не хотел совсем туда в эту больницу, я отдохнуть хотел, и все. А она уперлась, ну я и пошел...

— Когда это было?

— Да в прошлом году. В июне, не то в июле...

— А почему вы обратились в больницу?

— Почему все люди обращаются в больницу? Болен был, черт побери...

— Что у вас болело?

— Да, как всегда, желудок проклятый.

— Кровотечение?

— Еще какое! Как икну, так кровь. Даже и не знал, что у человека столько крови...

— Значит, желудочное кровотечение?

— Ну, я же сказал. И тоже иголки втыкали,— он кивнул на трубки внутривенного вливания,— и кровь переливали... В прошлом году в Финиксе, а за год до того в Туксоне. Вот в Туксоне действительно было здорово. Сестричка там за мной ходила — ягодка...— Он неожиданно замолчал.— Слушай, сынок, а сколько тебе лет? Что-то слишком молод ты для врача...

— Я хирург.

— Хирург? Ну, уж нет, не выйдет. Они и тогда все меня уламывали, но я им наотрез — не дам, не позволю. Ни за что. Ничего вы у меня не вырежете...

— Значит, у вас язва уже два года?

— Да побольше даже. Никогда ничего со мною не было, и вдруг скрутило. Думал, съел чего-нибудь не то, а тут кровь пошла...

«Два года,— про себя отметил Холл.— Определенно язва, а не рак».

— И вы, стало быть, легли в больницу?

— Ну лег. Подлечили меня там, точно. Предупредили, чтоб ни острого, ни спиртного, ни табака — ни-ни. Я старался, сынок, правда, старался. Все одно без толку. Ведь привычка у меня...

— И через год вы попали в больницу снова...

— Ну да. Здоровенная такая больница в Финиксе. Да еще этот идиот Джордж с сестрицей каждый день навещали. Ученый он, знаешь, книги читает, а все дурак дураком. Адвокат! Говорит как пишет, а у самого ума-то как у сверчка в ляжке...

— И в Финиксе вас хотели оперировать?

— То-то и оно. Не обижайся, сынок, но врачам только волю дай, они тебя тут же взрежут. Не могут они без этого. А я им тогда: я, мол, со своим желудком столько лет прожил, ну уж и до конца с ним как-нибудь дотяну...

— Когда вы выписались из больницы?

— Да в начале августа, наверно. Что-нибудь числа пятого или десятого.

— И как выписались, опять начали курить, пить и есть что не положено?

— Знаешь что, сынок, давай без проповедей,— сказал Джексон.— Я уже шестьдесят девять лет ем, что не положено, и делаю, что не положено. Мне так нравится. А если нельзя, тогда к чертям собачьим...

— Но у вас, наверно, были сильные боли...

— А то нет! Особенно на голодный желудок. Но я придумал, как с ними управляться...

— Да ну?

— Еще как! В больнице мне снадобье сунули, вроде молока. Глотать велели понемногу раз сто на день. Противное, вроде мела на вкус... Но я нашел кое-что получше.

— Что же это вы нашли?

— Аспирин,— торжествующе сказал Джексон.

— Аспирин?

— Ну да. Помогает — будь здоров.

— Сколько же аспирина вы принимали?

— Да прилично, особенно в последнее время. Бывало, что и пузырек в день. Знаешь, его в таких пузыречках продают...

Холл кивнул. Вот вам и разгадка повышенной кислотности. Аспирин — это же ацетилсалициловая кислота, и если принимать его в таких количествах, кислотность просто не может не повыситься. Но, с другой стороны, аспирин раздражает слизистую желудка и способен лишь усилить кровотечение...

— А вам никто не говорил, что от аспирина кровь пойдет сильнее?

— А как же, говорили. Только я на это без внимания. Потому что боли-то снимает. Особенно если еще глотнешь «Стерно»...

— Чего-чего?

— «Стерно». Ну, цеженка...

Холл ничего не понимал.

— Денатурат. Процедишь его сквозь тряпочку и пьешь...

— Так вы еще и денатурат пили,— со вздохом сказал Холл.

— Ну, это когда ничего другого не было. А глотнешь аспирину, цеженкой запьешь — и боли как рукой снимет...

— А вам известно, что денатурат — это смесь обычного спирта с метиловым?

— А что, от этого разве что-нибудь может быть? — спросил Джексон с неожиданной тревогой в голосе.

— В том-то и дело, что может. От денатурата можно ослепнуть, а можно и умереть...

— Но мне-то от него было лучше!..

— А на дыхание аспирин с денатуратом не влияли?

— Да уж раз ты спросил, так вроде воздуха не хватало чуток. Но в моем-то возрасте, черт возьми, не много и надо...

Старик зевнул и закрыл глаза.

— Уж больно ты дотошный, сынок. Спать хочу...

Холл взглянул на него и решил, что Джексон прав. Лучше не донимать старика вопросами, особенно в первое время. По туннелю Холл прополз обратно в лабораторию и сообщил лаборантке:

— У нашего друга Джексона язва желудка двухлетней давности. Продолжайте переливание, дайте ему еще одну-две единицы, потом прекратите — посмотрим, что получится. Кроме того, введите желудочный зонд и сделайте промывание ледяной водой...

Раздался удар гонга, и стены отозвались тихим эхом.

— Это еще что?

— Двенадцать часов прошло. Пора менять одежду.

А вам идти на совещание...

— Мне? Куда?

— Конференц-зал рядом с кафетерием...

Холл кивнул и вышел.

Электронные устройства сектора «Дельта» слабо гудели и пощелкивали. Капитан Артур Моррис у пульта вводил в систему новую программу. Капитан Моррис был программист; в сектор «Дельта» его направили, поскольку вот уже девять часов командование первого уровня не получало ни одного сообщения по линии военной спецсвязи. Могло случиться, конечно, что таких срочных сообщений и вправду не поступало, но это было маловероятно.

А если сообщения были, но остались неполученными, значит, в системах сектора есть какая-то неисправность. Капитан Моррис проследил за тем, как ЭВМ выполнила программу самопроверки и выдала результат: все цепи работают нормально.

Но это не успокоило его; он задал машине расширенную программу проверки всех цепей и блоков. Потребовалось всего 0,03 секунды, чтобы ЭВМ выдала ответ — на панели замигал ряд из пяти зеленых лампочек. Капитан подошел к телетайпу и прочитал:

Все цепи функционируют в пределах допустимых характеристик

Теперь он был удовлетворен. Не мог же он знать, хоть и стоял у телетайпа, что неисправность есть, только не электронная, а чисто механическая, какую не выявишь никакими проверочными программами. Неисправность таилась в самом телетайпе: от края рулона оторвалась полоска бумаги и, загнувшись вверх, засела между звонком и молоточком. Звонок, естественно, не звонил и поступление сообщений по секретной линии Министерства обороны не регистрировал.

Подобной мелочи не могли обнаружить ни человек, ни машина.

18. СОВЕЩАНИЕ В ПОЛДЕНЬ

По инструкции через каждые двенадцать часов группе полагалось проводить краткие совещания, подытоживать полученные результаты, намечать очередные задачи.

Ради экономии времени совещания проводились в комнате, примыкающей к кафетерию: обмениваясь мнениями, можно заодно и поесть.

Холл явился последним. Он опустился в кресло и обнаружил перед собой завтрак — два стакана жидкости и три разноцветные таблетки — и успел услышать, как Стоун предоставил слово Бертону.

Тяжело распрямившись, Бертон начал медленно, каким-то неуверенным голосом докладывать о проведенных экспериментах. Он объявил прежде всего, что установлен размер болезнетворного агента — примерно один микрон. Стоун и Ливитт переглянулись: виденные ими зеленые пятнышки были гораздо крупнее; значит, для передачи инфекции достаточно микроскопической доли зеленой крапинки.

Затем Бертон рассказал коллегам о том, как он выяснил, что инфекция передается по воздуху и что свертывание начинается в легких, и в заключение описал свои попытки применить антикоагуляционную терапию.

— А вскрытие? — спросил Стоун.— Что показало вскрытие?

— Ничего нового. Кровь свернулась во всей кровеносной системе. Других заметных отклонений от нормы не обнаружено, по крайней мере на уровне оптических наблюдений...

— И свертывание начинается в легких?

— Да. По-видимому, там микроорганизмы переходят в кровь или выделяют токсин, переходящий в кровь. Более определенно можно будет ответить, исследовав окрашенные срезы. В частности, мы будем искать поражение стенок сосудов, поскольку при этом выделяются тканевые тромбопласты и стимулируется свертывание у места поражения.

Стоун кивнул и повернулся к Холлу. Тот сообщил об анализах, взятых у обоих пациентов, сказал, что у младенца все показатели в норме, а у Джексона — кровоточащая язва желудка и ему производится переливание крови.

— Он пришел в себя, и мы немножко поговорили... Все оживились.

— Мистер Джексон — взбалмошный старый осел шестидесяти девяти лет от роду. Язва у него уже два года. Дважды, в позапрошлом и прошлом году, было кровотечение. Оба раза его предупреждали, чтоб он изменил свои привычки, но он продолжал жить по-старому, и кро-

вотечение возобновлялось. Ко времени пидмонтской трагедии он лечился по собственному рецепту — принимал ежедневно пузырек аспирина и запивал его денатуратом. Говорит, что от этого возникала небольшая одышка...

— И чудовищный ацидоз,— вставил Бертон.

— Совершенно верно.

Метиловый спирт в организме превращается в формальдегид и муравьиную кислоту. Это означает, что в сочетании с аспирином Джексон потреблял огромное количество кислот. А организм должен поддерживать довольно точное кислотно-щелочное равновесие, иначе наступит смерть. Один из способов поддерживать такое равновесие — учащенно дышать, выводя из легких как можно больше углекислого газа и тем самым снижая содержание углекислоты в крови.

— Быть может, это кислота и защитила его от инфекции? — спросил Стоун.

Холл пожал плечами:

— Пока сказать трудно...

— А как младенец? — спросил Ливитт.— Малокровия нет?

— Нет,— ответил Холл.— Но, с другой стороны, мы не можем быть уверены, что младенец выжил благодаря тому же защитному механизму. А может, его спасло что-нибудь другое?

— Как у него кислотно-щелочное равновесие?

— Нормальное. Совершенно нормальное. По крайней мере сейчас.

Наступила пауза. Наконец Стоун сказал:

— Ну что же, у вас есть, пожалуй, кое-что обещающее. Задача остается прежняя — определить, что общего между ребенком и стариком. Может статься, действительно, что и вовсе ничего. Но для начала мы вынуждены исходить из предположения, что их спас одним и тем же способом один и тот же механизм.

Холл кивнул.

— А теперь расскажите нам, что вы нашли в капсуле,— обратился к Стоуну Бертон.

— Лучше мы вам покажем.

— Что покажете?

— А этот самый микроорганизм,— сказал Стоун.

На двери было написано: «Морфология». Комната за дверью была разделена на кабинет для экспериментаторов и изолированную камеру за стеклянной стеной. При

помощи специальных перчаток экспериментаторы могли работать с приборами в камере.

Стоун показал на стеклянную чашечку с крошечной черной песчинкой посредине.

— Вот это, как мы полагаем, наш «метеорит». На его поверхности мы обнаружили нечто, по-видимому, живое. Кроме того, на внутренней поверхности контейнера имеются зоны с определенными признаками жизни. Мы перенесли «метеорит» сюда, чтобы рассмотреть его под оптическим микроскопом...

Засунув руки в перчатки, Стоун установил чашку в нишу большого хромированного ящика, потом высвободил руки.

— Этот ящик,— пояснил он,— в сущности, обыкновенный микроскоп, оборудованный обычными увеличительными и разрешающими устройствами. Здесь достигается тысячекратное увеличение и изображение проектируется на этот экран...

Ливитт взялся за ручки управления. Холл и все остальные не сводили глаз с экрана.

— Десятикратное...

Холл увидел, что поверхность образца тускло-черноватая, иззубренная. Стоун обратил внимание всех на зеленые крапинки.

— Стократное...

Теперь зеленые крапинки стали крупнее и гораздо четче.

— Видимо, это и есть наш организм. Мы наблюдали, как он растет: из зеленого становится фиолетовым, вероятно, в момент клеточного деления...

— Спектральный сдвиг?

— Что-то в этом роде.

— Тысячекратное,— сказал Ливитт.

Экран целиком заполнило одно зеленое пятно, лежащее во впадине между острыми зубцами. Холл обратил внимание на то, что поверхность пятна гладкая и блестящая, почти маслянистая.

— Думаете, это бактериальная колония?

— Вряд ли колопия в обычном нашем пониманип,— ответил Стоун.— Пока мы не узнали об опытах Бертона, мы вообще не думали, что это колония. Полагали, что наблюдаем, возможно, единый организм. Но размер отдельной частицы должен быть порядка одного микрона; пятно слишком велико. Значит, здесь мы видим более

сложную структуру — колонию или что-нибудь в этом роде...

На глазах у них пятно стало фиолетовым, затем опять позеленело.

— Деление продолжается,— сказал Стоун.— Превосходно...

Ливитт включил кинокамеры.

— Теперь смотрите внимательно.

Пятно вновь сделалось фиолетовым и некоторое время сохраняло свой цвет. Казалось, оно слегка раздалось и в какую-то долю секунды распалось на шестиугольные дольки, наподобие кафельных плиток.

— Видели?

— Оно вроде бы распадается...

— На шестиугольники.

— Я вот что думаю,— сказал Стоун,— а может, эти шестиугольники и есть единичные организмы...

— И еще интересно, сохраняют ли они свою правильную геометрическую форму постоянно или она возникает только во время деления?..

— Под электронным микроскопом узнаем больше.— Стоун повернулся к Бертону.— Вы закончили вскрытия?

— Да.

— Умеете работать со спектрометром?

— Думаю, что сумею.

— Тогда приступайте. Задача нетрудная — спектрометр работает в блоке с ЭВМ. Нужен анализ как самой породы, так и зеленого пятна...

— Образец вы дадите?

— Дам.— И к Ливитту: — Вы знакомы с аминокислотным анализом?

— Конечно.

— Такие же образцы исследуйте на аминокислоты.

— И провести фракционирование?

— Пожалуй,— согласился Стоун.— Только это придется делать вручную...

Ливитт не возражал. Стоун снова всунул руки в перчатки и, вынув чашечку из-под микроскопа, перенес ее к небольшому прибору, похожему на миниатюрный эшафот. Это был аппарат для микрохирургии.

Микрохирургия — относительно новый метод в биологии; в сущности, это искусство проведения тончайших операций на единичной клетке. Применяя микрохирургическую технику, биолог может удалить из клетки ядро или часть протоплазмы так же чисто и аккуратно, как

хирург производит ампутацию. Прибор сконструирован таким образом, что движение руки с помощью ряда передач и сервомеханизмов превращается в тончайшее микродвижение скальпеля; вы шевелите пальцем, а нож перемещается на миллионную долю сантиметра.

Глядя в увеличивающий видоискатель, Стоун начал осторожно долбить песчинку. Отколов от нее две частички, разложил их по отдельным чашечкам и отставил в сторону. Затем принялся отбивать два крохотных кусочка от зеленого пятна. Зеленое тотчас же стало фиолетовым и выросло в размерах.

— А ему не нравится,— хохотнул Ливитт.

Стоун нахмурился.

— Занятно. Как вы думаете, это неспецифическая реакция роста или же реакция трофическая — на повреждение и облучение?

— Я думаю,— ответил Ливитт,— пятно попросту не любит, чтобы его ковыряли...

— Продолжим,— только и сказал Стоун.

19. КАТАСТРОФА

Этот телефонный звонок обрушился на Артура Мэнчика, как кошмар. Мэнчик был уже дома, только что пообедал и присел почитать газеты — последние два дня, с тех пор как заварилась эта история с Пидмонтом, ему стало просто не до газет. Когда зазвонил телефон, он решил: звонят жене. Но она пришла за ним в гостиную со словами:

— Это тебя. С базы.

Он взял трубку со смутным чувством тревоги.

— Майор Мэнчик слушает.

— Говорит полковник Бернс из подразделения восемь...

Подразделение восемь ведало в Ванденберге засекречиванием и допусками, выдавало разрешения на вход и выход с базы, а кроме того, прослушивало все телефонные разговоры.

— Что скажете, полковник?

— Вы состоите в списке лиц, которых приказано оповещать в случае некоторых ЧП...— Бернс говорил осторожно и выбирал слова, памятуя, что звонит по открытой линии.— Сорок две минуты назад в районе Биг-Хед, штат Юта, разбился учебно-тренировочный самолет...

Мэнчик нахмурился. С чего это вдруг понадобилось оповещать его об аварии обычного учебного самолета? Это вовсе не его печаль.

— Какой самолет?

— «Фантом». Следовал из Сан-Франциско на Топику...

— Ясно,— ответил Мэнчик, хотя ему не было ясно ровным счетом ничего.

— Годдард потребовал сообщить вам об этом, чтобы вы могли присоединиться к комиссии по расследованию...

— Годдард? А при чем тут Годдард?

Какое-то время Мэнчик сидел, тупо глядя на заголовок в газете «Угроза нового кризиса в Берлине» и полагая, что полковник имеет в виду Льюиса Годдарда, начальника шифровального отдела базы. Потом он сообразил, что речь идет о Годдардовском космическом центре близ Вашингтона. Среди многих задач, которыми занимался этот центр, была и координация некоторых специальных программ, находящихся в одновременном ведении Хьюстона и центральных правительственных учреждений.

— Дело в том,— продолжал Бернс,— что через сорок минут после вылета из Сан-Франциско самолет отклонился от курса и прошел над районом ЛП...

Мэнчик почувствовал, как что-то в нем словно затормаживается. Им овладела сонливость.

— Над районом ЛП?

— Так точно.

— Когда?

— За двадцать минут до катастрофы.

— На какой высоте?

— Шесть тысяч девятьсот метров.

— Когда выезжает комиссия?

— Через полчаса. С базы.

— Хорошо,— сказал Мэнчик.— Буду.

Он повесил трубку и еще раз поглядел на телефон. Как он устал! Больше всего ему сейчас хотелось бы лечь спать. Район ЛП — так условились называть оцепленный район Пидмонта. «Надо было сбросить бомбу,— подумал он.— Надо было сбросить ее сразу же, еще вчера утром...»

Ему стало не по себе уже в тот момент, когда его уведомили о решении отсрочить применение директивы 7-12. Но он не имел права лезть со своим мнением и ждал, когда же группа «Лесной пожар», теперь уже собравшаяся в подземной лаборатории, опротестует реше-

ние Вашингтона. Ждал напрасно. А ведь сообщение им передали. Он сам, своими глазами видел телеграмму, адресованную всем закрытым подразделениям, там было сказано об этом недвусмысленно.

Но «Лесной пожар» почему-то не протестовал. Он вообще никак не прореагировал на телеграмму.

Странно. Очень странно.

А теперь эта катастрофа. Он разжег трубку и, посасывая ее, разышлял о том, что бы это могло означать. Конечно, скорее всего какой-нибудь стажер замечтался, сбился с курса, а потом испугался и полностью потерял контроль над машиной. Такое случалось и раньше, сотни раз случалось. Комиссия по расследованию причин аварии, выезжая на место, давала обычно заключение, что авария произошла «вследствие отказа одной из систем» — принятый у военных уклончивый оборот речи, означающий, в сущности, аварию по неизвестным причинам. Формулировка не признавала никакой разницы между неисправностью самой машины и ошибкой в действиях летчика, но ни для кого не было секретом, что виноват был, как правило, летчик. Человек не имеет права грезить, управляя сложнейшей машиной на скорости три тысячи километров в час. Статистика неопровержимо свидетельствовала: хотя полеты после краткосрочного отпуска или воскресного увольнения из части составляли лишь 9 процентов всех полетов, на них падало 27 процентов летных происшествий.

Трубка у Мэнчика погасла. Он встал, уронил газету и направился на кухню сообщить жене, что уезжает.

— Тут только фильмы снимать,— заметил кто-то, глядя на крутые песчаные утесы, ярко-красные на фоне сгущающейся синевы неба. Собственно, так оно и было — многие фильмы снимались здесь, в этом районе Юты. Однако Мэнчику было не до кино. Расположившись на заднем сиденье лимузина, отъезжающего от аэропорта Юта, он пытался осмыслить то, что ему сообщили.

Во время перелета с базы Ванденберг комиссия прослушала запись радиопереговоров «Фантома» с землей. Большая часть пленки не представляла интереса, за исключением нескольких последних секунд перед катастрофой.

— Что-то не в порядке,— сказал пилот. И через се-

кунду: — Воздушный шланг расползается. Наверно, от вибрации. Рассыпается в пыль...— И еще секунд через десять слабый, затухающий голос: — Все, что есть в кабине резинового, все — в пыль...

И передача оборвалась.

В мозгу Мэнчика все звучали эти короткие фразы, и они казались ему все более странными и страшными.

Он выглянул в окно, посмотрел на пробегающие мимо скалы. Солнце садилось, и только вершины были освещены угасающим красноватым светом; долины уже окутывал мрак. Мэнчик поглядел на идущую впереди машину с членами комиссии, на маленькое облачко пыли позади нее.

— Я раньше очень любил вестерны,— сказал кто-то рядом.— Их снимали именно здесь. Красивейшая местность...

Мэнчик хмуро молчал. Его всегда удивляло, как могут люди тратить время на пустую болтовню. Наверное, они просто хотят убежать от реальности.

А реальность была жестокой. «Фантом» сбился с курса и залетел довольно далеко в запретную зону — прошло шесть минут, прежде чем пилот опомнился и повернул обратно на север. Однако именно над зоной самолет начал терять устойчивость. И вскоре разбился.

— На базу «Лесной пожар» сообщили? — осведомился Мэнчик.

Один из членов комиссии, психиатр (в комиссию по расследованию аварий обязательно включали как минимум одного психиатра), спросил:

— Вы про бактериологов?

— Именно.

— Сообщили,— ответил кто-то.— Час назад передали по шифрованной связи.

«Теперь-то,— подумал Мэнчик,— они откликнутся. Такое происшествие — тут уж нельзя отмолчаться».

Если только... если они вообще читают телеграммы. Раньше это не приходило ему в голову, а ведь вполне возможно, что они не читают никаких сообщений. Так заняты своим делом, что им не до телеграмм.

— Вон обломки,— сказал кто-то.— Вон, впереди...

Всякий раз, когда Мэнчику доводилось попадать на место аварии самолета, он изумлялся. Трудно было отождествить разбросанные там и сям обломки с могу-

чей машиной, несшейся со скоростью тысяч километров в час. Мэнчик всегда ожидал увидеть аккуратную плотную груду металла, но ни разу не видел ничего похожего.

Обломки «Фантома» разлетелись по пустыне на площади пять квадратных километров. Стоя у обугливше-гося остова левого крыла, Мэнчик еле видел где-то вдалеке остальных членов комиссии, собравшихся около правого крыла. Повсюду валялись куски почерневшего, искореженного металла с облезшей краской. На одном из обломков ясно читалась частица какой-то предупредительной надписи: «НЕ...» Остальное не сохранилось.

Установить причину аварии по обломкам было попросту невозможно. Фюзеляж, кабина, фонарь рассыпались на миллион мелких кусков, огонь довершил разрушение.

Солнце уже садилось, когда Мэнчик остановился у обломков хвостового оперения. Металл все еще излучал тепло, какие-то детали дымились. И тут у самых своих ног, в песке майор заметил полузасыпанную кость. Он поднял ее и, к ужасу своему, понял, что кость человеческая. Довольно длинная, надломленная, обугленная с одного конца, очевидно, кость руки или ноги. И при этом до странности чистая — ни следа мягких тканей, совершенно гладкая кость...

Стемнело. Члены комиссии вытащили фонарики и ходили среди еще дымящегося металла, разбрасывая вокруг желтые пятна света.

Было уже совсем темно, когда к Мэнчику подошел биохимик — майор не знал даже его фамилии.

— Понимаете,— сказал биохимик,— эти слова пилота, что резина рассыпается в пыль...

— А что такого?

— Да ведь на «Фантоме» нет резины. Только синтетика. Полимеры. Последняя новинка фирмы «Анкро», предмет их особой гордости. У этого полимера есть характеристики, общие с человеческими тканями. Очень эластичный, множество областей применения...

— А полимер не мог рассыпаться от вибрации?

— Ну уж нет,— сказал биохимик.— Тысячи «Фантомов» летают по всему миру. На всех один и тот же пластик. А такого еще не случалось ни разу...

— И что из того?

— А то, что я ни черта не понимаю...

20. БУДНИ

Мало-помалу в лаборатории «Лесной пожар» установилась будничная обстановка, в подземных казематах сложился свой особый ритм работы, не различающий ни дня, ни ночи, ни утра, ни вечера. Люди ложились спать, когда уставали, вставали, когда чувствовали себя отдохнувшими, и продолжали выполнять каждый свое дело.

Большая часть их работы не давала никаких ощутимых результатов. Они были готовы к этому и воспринимали все как должное. Стоун любил повторять, что научные исследования похожи на геологическую разведку: выходишь в поиск и рыщешь, вооруженный картами и приборами, но в конечном счете ни приготовления, ни даже интуиция ничего не значат — нужна удача. И если усердие вознаграждается, то лишь ценой кропотливого, упорного, тяжкого труда.

В лаборатории, где теперь распоряжался Бертон, наряду со спектрометром стояла аппаратура для анализа на радиоактивность, для термоэлектрического и рентгенокристаллографического анализов.

Спектрометр, установленный на пятом уровне, представлял собой стандартную модель «К-5» фирмы «Уиттингтон» и состоял, как и все спектрометры, в основном из испарителя, призмы и экрана для наблюдения. Материал, предназначенный для анализа, помещается в испаритель и сжигается. Свет от пламени пропускается сквозь призму, и образующийся спектр проецируется на экран. Так как при горении различные элементы излучают световые волны различной длины, то по световому спектру данного вещества можно судить о его химическом составе.

Теоретически все просто, однако на практике чтение спектрограмм — работа сложная и трудная. Настоящих специалистов по этой части в лаборатории «Лесной пожар» не было, поэтому результаты спектрометрии вводились непосредственно в ЭВМ, а она выдавала анализ, и притом даже с примерным содержанием элементов в процентах.

Бертон установил в испарителе первый образец, взятый с черной песчинки, и нажал кнопку. На мгновение вспыхнул нестерпимо яркий свет, Бертон отвернулся, щадя глаза, затем проделал все сызнова с другим контроль-

ным образцом. Он знал — ЭВМ уже начала анализ излучения первой вспышки.

Повторив все процедуры с пробой зеленого пятна еще раз, Бертон засек время. Теперь ЭВМ, по-видимому, приступает к «просмотру» самопроявляющихся фотопластинок — они подготавливаются за несколько секунд. Само исследование, однако, займет часа два, не меньше — электрический глаз считывает спектральные линии очень неторопливо. Зато по окончании считывания ЭВМ проделает анализ и выдаст печатные данные за пять секунд.

Стенные часы показывали 15.00. Три часа пополудни. Он вдруг почувствовал сильную усталость. Отстучав приказ разбудить его, как только будет готов анализ, он отправился спать.

В одной из соседних лабораторий Ливитт осторожно вкладывал такие же образцы в другой аппарат — автоматический анализатор аминокислот — и улыбался, припоминая, как хлопотно это было раньше, без автоматики. В начале 50-х годов анализ аминокислотного состава белков требовал недель и даже месяцев, а иногда и лет. Сегодня анализ будет готов через несколько часов, самое большее через сутки...

Аминокислоты — строительный материал белков. Известно двадцать четыре аминокислоты, и все состоят из различных сочетаний одних и тех же элементов — углерода, водорода, кислорода и азота. В белках они соединены между собой в цепочку, словно товарный поезд. Все белки сформированы из одних и тех же «вагонов», из одних и тех же аминокислот; вид белка — будет ли это инсулин, гемоглобин или гормон роста — определяется лишь порядком их взаимного расположения. В одних белках больше «вагонов» определенного типа, в других меньше или же «вагоны» расположены в ином порядке. Но сами «вагоны» — аминокислоты — одни и те же в белках всех живых существ, от человека до блохи.

Без малого двадцать лет потребовалось на то, чтобы установить этот факт.

Но что же управляет порядком расположения аминокислот в составе белка? Оказалось — ДНК, носитель генетического кода, своего рода диспетчер на сортировочной станции.

На то, чтобы установить этот факт, понадобилось еще двадцать лет.

Нужно добавить, что цепочка аминокислот, едва возникнув, начинает скручиваться, свертываться в спираль; цепочка становится похожей скорее на змею, чем на поезд. Характер спирали определяется порядком аминокислот и весьма специфичен: молекула данного конкретного белка может быть свернута только одним определенным образом, иначе белок будет нежизнеспособен.

Еще десять лет.

«Ну, не странно ли? — подумал Ливитт.— Сотни институтов, тысячи ученых во всем мире потратили годы и десятилетия упорного труда, чтобы установить такие, в сущности, простые факты...»

А теперь изобретена эта машина. Конечно, автомат не устанавливает точного взаиморасположения аминокислот. Зато он дает приближенное содержание их в процентах: столько-то валина, аргинина, цистина, пролина, лейцина. И такие данные несут в себе огромную информацию.

Правда, на сей раз анализатор — выстрел наугад, вслепую. Ведь нет ровным счетом никаких оснований полагать, что черное вещество или зеленый организм состоят хотя бы частично из белков. Да, на Земле все живое построено из белков, но разве отсюда следует, что эта закономерность распространяется и на внеземные формы жизни?

Ливитт попытался представить себе безбелковую жизнь. Это было трудно, почти невозможно: на Земле белки входят в состав клеточных оболочек, в состав всех известных ферментов. А жизнь без ферментов — возможна ли она? Он припомнил реплику английского биохимика Джорджа Томпсона, который назвал ферменты «сватами жизни». И не преувеличил: ферменты служат катализаторами при всех химических реакциях — именно на поверхности фермента две молекулы встречаются и вступают в реакцию. Существуют сотни тысяч, а быть может, и миллионы ферментов — и каждый способствует одной-единственной, строго определенной реакции. Без ферментов не может быть реакций. Без реакций не может быть жизни.

А что, если может?..

Проблема эта не нова. Еще на самой ранней стадии подготовки программы «Лесной пожар» был поставлен вопрос: как подходить к изучению форм жизни, совершенно не похожих на земные? Как вообще узнать, жизнь это или не жизнь?

Ответ был необходим не ради академического интереса. Джордж Уолд указывал, что биология — наука уникальная в том смысле, что она никак не может определить свой предмет. Ведь до сих пор никто не сумел предложить исчерпывающего определения жизни. По существу, никто и не знает, что такое жизнь. Все прежние формулы — материя, обладающая свойствами потребления пищи, обмена веществ, извержения отбросов, воспроизводства и т. д.,— явно недостаточны, поскольку всегда можно найти исключения из правил.

В конце концов группа «Лесной пожар» пришла к выводу, что отличительным признаком жизни является превращение энергии. Все живые организмы так или иначе поглощают энергию — в виде пищи или солнечного света,— превращают в другую форму и затем используют ее. (Вирусы составляют исключение из этого правила, но участники группы были склонны не относить вирусы к числу живых организмов.)

Ливитта попросили опровергнуть это «энергетическое» определение. Неделю он размышлял, а затем явился на совещание с тремя предметами — отрезком черной ткани, наручными часами и куском гранита. Выставил их на обозрение коллег и сказал:

— Господа, перед вами три живых существа...

И предложил группе опровергнуть это утверждение.

Он положил черную ткань на солнце — она нагрелась. «Вот,— объявил он,— пример превращения энергии: световой в тепловую». Ему возразили, что здесь имеет место пассивное поглощение энергии, а вовсе не превращение. Если даже и считать поглощение превращением, оно не целенаправленно, не обеспечивает выполнения какой-либо жизненной функции.

— А откуда вы это знаете? — спросил Ливитт.

Следующим «живым» объектом были часы. Ливитт указал на светящийся циферблат: происходит радиоактивный распад, излучается свет. Остальные заговорили наперебой, что это всего лишь выделение потенциальной энергии неустойчивых электронных оболочек. Однако замешательство нарастало — аргументы Ливитта достигали своей цели.

Наконец, они перешли к граниту.

— Он живой,— заявил Ливитт.— Он дышит, ходит и говорит. Только мы не замечаем этого, потому что все это происходит слишком медленно. Камень живет три миллиарда лет, мы — шестьдесят-семьдесят. Мы не в состоянии

заметить, что происходит с этим камнем, по той же причине, по какой были бы не в силах распознать мелодию на пластинке, вращающейся со скоростью один оборот в столетие. А камень, со своей стороны, и не подозревает о нашем существовании, ибо для него наша жизнь длится долю мгновения. Для него мы не более чем искры в ночи...

И он поднял вверх свою руку с часами.

Точка зрения Ливитта была ясна. Пришлось участникам группы пересмотреть один из основополагающих пунктов своей теоретической позиции. Пришлось согласиться, что возможен и такой случай, когда они не сумеют проанализировать какие-то формы жизни. Не сумеют продвинуться ни на шаг, не сумеют даже изыскать метод подхода к их анализу.

Ливитта, однако, волновал еще более общий вопрос — о принципах действий в условиях неопределенности. Он внимательно перечитал книгу Толберта Грегсона «Планирование непланируемого», изучил сложные математические модели, разработанные автором для анализа этой проблемы.

У Грегсона сказано:

«Все решения, включающие в себя элемент неопределенности, делятся на две резко очерченные группы в зависимости от того, можно ли предвидеть последствия этих решений. Очевидно, решения, влекущие за собой непредвидимые последствия, принимать неизмеримо сложнее.

Большинство решений, в том числе почти все решения, касающиеся человеческих взаимоотношений, могут быть воспроизведены моделью с предвидимыми последствиями. Например, президент может объявить войну, бизнесмен — продать свое дело, муж — развестись с женой. Любое такое действие вызовет некоторые последствия; количество возможных последствий бесконечно, однако количество вероятных последствий достаточно невелико. Перед тем как принять решение, человек может взвесить его последствия и таким образом более успешно оценить свои первопачальные намерения.

Однако существует и категория решений, которые нельзя оценить на основании анализа их последствий. К этой категории относятся решения, связанные с абсолютно непредвиденными событиями и ситуациями, причем не только с катастрофами разного рода, но и

с редкостными мгновениями озарений и внезапных открытий, таких, как лазер и пенициллин. Поскольку подобные события не могут быть предвидимы, они не поддаются никакому логическому планированию. Математический аппарат тут совершенно непригоден.

Мы можем лишь утешать себя мыслью, что в обыденной жизни такие события, к лучшему или к худшему, необыкновенно редки».

Чрезвычайно бережно Джереми Стоун опустил крохотную зеленую частичку на расплавленную пластмассу. Потом подождал, пока частичка полностью не погрузилась в пластмассовую ванночку, размером и формой напоминавшую медицинскую облатку, залил поверх нее еще один слой пластмассы и перенес «облатку» в термостат.

Стоун завидовал другим членам группы, в чьем распоряжении было множество автоматических помощников. Подготовка образцов для электронной микроскопии все еще оставалась делом настолько тонким, что непременно требовала умелых человеческих рук. Подготовка хорошего образца требовала тончайшего мастерства, не меньшего, чем, скажем, ремесло ювелира, и для овладения этим мастерством нужно учиться почти так же долго. Стоуну, чтобы достичь известной степени совершенства, понадобилось пять лет.

Пластмассовая «облатка» выдерживалась в специальном скоростном термостате, и все же нужно было ждать пять часов, чтобы она затвердела до надлежащей консистенции. В термостате поддерживалась постоянная температура +61° при относительной влажности 10 %. Когда пластик затвердеет, Стоун сможет убрать верхний слой и срезать микротомом пластинку зелени круглой формы и строго определенной толщины — не более 1500 ангстрем. После этого можно будет рассмотреть зеленое вещество под электронным микроскопом при увеличении в 60 тысяч раз.

«Вот это будет интересно»,— подумал Стоун.

В целом, по мнению Стоуна, дела у них шли неплохо. Группа быстро продвигается одновременно по нескольким направлениям, сулящим успех. И самое главное — у них теперь сколько угодно времени. Нет ни спешки, ни паники, ни оснований для страхов. На Пидмонт сброшена бомба. Микроорганизмы, какие имелись в воздухе, уничтожены, источник инфекции нейтрализован. Един-

ственная точка, откуда могла бы распространиться инфекция,—«Лесной пожар», но «Лесной пожар» построен с тем расчетом, чтобы именно этого и не допустить. При малейшем повреждении изоляции хотя бы в одной из лабораторий зараженная зона будет автоматически отсечена. За полсекунды закроются герметические двери, и соответственно изменится внутренняя планировка всего сооружения.

Опыт других лабораторий, работающих в условиях так называемых аксеничных атмосфер, полностью свободных от любых микробов, учил, что вероятность заражения составляет 15 %. Причины тут различны, по большей части конструктивного характера — прорыв герметизирующей прокладки, порез перчатки, нарушение шва, но, так или иначе, случаи прорыва инфекции имели место.

База «Лесной пожар» была готова к таким случайностям. По всей вероятности, никаких случайностей и не будет. А если так, то знай себе работай — работай столько, сколько понадобится: месяц и даже год. Предусмотрено все, беспокоиться просто не о чем...

Холл бродил по коридору, присматриваясь к командным подстанциям ядерного устройства и стараясь запомнить их расположение. На уровне таких подстанций было пять — одинаковые серебристые коробочки размером с пачку сигарет, размещенные с интервалами вдоль главного коридора. На каждой коробочке имелась прорезь для ключа и две лампочки — зеленая и красная. Зеленая горела.

Принцип работы подстанций Холл узнал из объяснений Бертона.

— Во всех лабораториях и во всех вентиляционных каналах закреплены датчики. Они проверяют стерильность воздуха посредством различных химических и электронных определителей и прямых биоанализаторов. Биоанализаторы — это живые мыши, у которых постоянно регистрируется пульс. Если хоть один датчик подает сигнал о заражении воздуха, данная лаборатория автоматически изолируется. Если заражение охватит весь уровень, сработает механизм ядерного устройства. Зеленая лампочка погаснет, начнет мигать красная. Это означает, что до взрыва осталось три минуты. Если вы не вставите и не повернете свой ключ, по истечении трех минут ядерный заряд взорвется.

— И вставить ключ должен именно я?

— Именно вы. В замок вмонтирован приборчик, замеряющий емкостные характеристики человека, вставившего ключ. Замок реагирует на общие размеры тела, в особенности на вес и солевой состав пота. В общем распоряжаться ключом можете только вы и никто другой.

— Значит, как ни крути, а я единственный?..

— Единственный. И у вас единственный ключ. Но есть еще один осложняющий момент. Строители допустили отклонение от проекта. Когда весь комплекс был уже готов и ядерное устройство смонтировано, мы обнаружили, что на уровне недостает трех подстанций. Их установили только пять вместо восьми.

— И что из этого следует?

— А то, что если на уровне начнется утечка, вы должны бегом бежать к ближайшей подстанции. Иначе может получиться так, что вы будете изолированы в секторе, где нет подстанции. И, если какой-нибудь из бактериологических датчиков выйдет из строя и подаст ложный сигнал тревоги, комплекс взлетит на воздух без всяких на то причин...

— Довольно серьезное упущение...

— Видите ли,— сказал Бертон,— три недостающие подстанции должны установить в марте. Но пока еще февраль, так что нам от этого не легче. Вы только не забывайте: чуть что — к ближайшей подстанции, и все будет в порядке.

Ливитт мгновенно проснулся, выкатился из кровати и принялся одеваться. Он был возбужден — ему пришла в голову мысль; занятная мысль, дикая, сумасшедшая, но чертовски занятная...

Пришла эта мысль во сне.

А снился ему дом и вокруг дома город, огромный, многоэтажный, опутанный магистралями город. В доме жил человек, жил со своей семьей; работал он в городе и ездил по городу, двигался туда и сюда, делал что-то — и что-то получал взамен.

А потом, во сне, город вдруг исчез. Остался только дом. И как все изменилось! Один-единственный дом, сам по себе, лишенный всяких связей с внешним миром, лишенный воды, канализации, электричества. Даже улица, на которой стоял дом, и та исчезла. Семья осталась без магазинов, без школ и аптек. И глава семьи, рабо-

тавший в городе, связанный как-то со всеми другими в городе, тоже остался сам по себе, один...

Дом переродился, стал качественно иным организмом. Отсюда до организма, изолированного в лаборатории,— всего один шаг. Скачок воображения, и...

Надо будет обсудить это со Стоуном. Стоун, конечно, рассмеется— он всегда смеется,— но и задумается. Ливитт знал, что некоторым образом играет роль возмутителя спокойствия, поставщика идей для всей группы в целом. Самых невероятных и неприемлемых, зато новых идей.

Ну что ж, по меньшей мере Стоун заинтересуется.

Ливитт посмотрел на часы. 22.00. Скоро полночь. Быстрее одеваться! Он достал новенький бумажный комбинезон и сунул в него ноги. Комбинезон на ощупь был прохладным.

И вдруг стал теплым. Странная смена ощущений. Он натянул его, встал, застегнул молнию. Уходя, снова бросил взгляд на часы.

22.10.

О боже! Опять... Опять это случилось. На этот раз целых десять минут. Что же с ним было? Он ничего не мог припомнить. Десять минут, целых десять минут ушли, улетучились, пока он одевался, а одевание не могло, не должно было занять более тридцати секунд...

Он снова сел на кровать и попытался вспомнить, что же произошло, но не мог.

Целых десять минут...

Это страшно. Он-то надеялся, что это никогда не повторится, и вот повторилось. Уже несколько месяцев с ним ничего подобного не было, и опять. Из-за волнения, из-за ломки режима, из-за нарушенного распорядка дня началось опять...

На миг подумалось: надо бы рассказать коллегам. Да нет, обойдется. Больше не повторится. Все будет хорошо...

Он встал. Он ведь собирался пойти к Стоуну, чтобы обсудить что-то. Что-то важное, очень важное.

Он постоял.

— Нет, забыл.

Мысль, образ, волнение, вызванное образом,— все исчезло. Стерлось из памяти. Улетучилось без следа...

Разумеется, надо бы сказать Стоуну, признаться во всем. Но ведь ясно, что́ ответит и что́ сделает Стоун. А что это будет означать для него, для Ливитта! До-

статочно кому-нибудь узнать — и все переменится. С «Лесным пожаром» придется расстаться. Он никогда уже не вернется к нормальной жизни — придется бросить работу, поломать все свои привычки, бесконечно к чему-то приспосабливаться. Даже машину водить, и то нельзя будет...

Нет, решил он. Ничего он никому не скажет. И все обойдется. Только не надо смотреть на мигающие огни.

Джереми Стоун очень устал, но чувствовал, что заснуть все равно не сможет. Он шагал взад и вперед по коридорам и думал. Ему никак не давали покоя эти птицы в Пидмонте. Он мысленно проследил секунда за секундой все, что было связано с птицами: как они с Бертоном заметили птиц с вертолета, и как отравили их хлоразином, и как те погибли. Мысленно Стоун снова и снова возвращался к впечатлениям вчерашнего утра.

Что-то он упустил, что-то очень существенное. Это беспокоило его уже там, в Пидмонте. Потом пидмонтские сомнения оттеснились, отошли на задний план, но на дневном совещании, когда Холл докладывал о своих пациентах, вспыхнули вновь. Что-то сказанное Холлом, какой-то упомянутый им факт был, неведомо почему, связан с птицами. Но что? Какой факт? Какая именно мысль, какие точно слова навели на ассоциацию?

Стоун тряхнул головой. Никак, ну никак не удавалось вспомнить... Нити, связи, ключи — все было где-то тут, у него в голове, но никак, ни за что не желало всплыть на поверхность. Он взялся за голову руками и сдавил череп изо всех сил, проклиная мозг за упрямство...

Как и многие интеллигенты, Стоун относился к собственному мозгу с известной подозрительностью. Мозг представлялся ему точной и тонкой, но слишком уж капризной машиной. И он не удивлялся, что время от времени эта машина начинает буксовать, хотя страшился таких минут и ненавидел их. В часы мрачных раздумий Стоун вообще уже сомневался в плодотворности всякой мысли и разума как такового. Порой он даже завидовал своим подопытным крысам: их мозг так прост. Во всяком случае, у них никогда не хватит разума, чтобы уничтожить самих себя; до этого мог додуматься только человек...

Стоун часто повторял, что от разума беды куда больше, чем пользы. Разум больше разрушает, чем созидает, способен скорее запутать, чем прояснить любую проблему, порождает больше безнадежности, чем удовлетворения, творит больше зла, чем добра.

Временами он сравнивал человека и его гигантский мозг с динозаврами. Любому школьнику известно, что динозавры переросли самих себя, стали такими огромными и тяжелыми, что не смогли выжить. Но никому никогда не приходила в голову мысль: а нет ли некоторой аналогии между динозаврами и человеческим мозгом — самой сложной органической структурой из всех известных во Вселенной? А может быть, мозг уже сделал человека своего рода динозавром и в конце концов приведет его к гибели?

Уже сейчас мозг потребляет четверть всей крови организма. Четверть всей крови, перекачиваемой сердцем, идет в мозг — орган, составляющий лишь незначительную часть массы тела. А если мозг станет еще больше, еще совершеннее, то и потреблять он, вероятно, будет еще больше — настолько больше, что, подобно инфекции, обернется против взрастившего его организма и убьет его.

Или — еще того вероятнее — в своей безграничной умудренности мозг изыщет способ уничтожить и себя, и себе подобных. Порой, сидя на совещаниях в госдепартаменте и в Министерстве обороны и оглядывая сидящих вокруг, Стоун видел за столом не людей, а просто дюжину серых, изборожденных извилинами мозгов. Ни плоти, ни крови, ни рук, ни глаз, ни пальцев, ни ртов, ни половых органов — все это лишнее.

Одни мозги. Сидят вокруг стола и размышляют, как перехитрить другие мозги, заседающие за другими столами.

Идиотизм.

Стоун тряхнул головой и подумал, что уподобляется Ливитту с его способностью измышлять сумасшедшие, неправдоподобные схемы. И все же в его построениях была своя логика. Если ты боишься своего мозга и ненавидишь его, то рано или поздно попытаешься уничтожить. И его и ему подобных.

— Я выдохся,— сказал Стоун вслух и взглянул на стенные часы. 23.40. Скоро начало полночного совещания.

21. СОВЕЩАНИЕ В ПОЛНОЧЬ

И вновь они собрались в той же комнате, за тем же столом. Стоун с первого взгляда понял, что все устали. Все, включая его самого, явно недосыпали.

— Мы слишком ретиво взялись,— сказал он.— Нет никакой нужды работать круглые сутки. Переутомление неизбежно порождает ошибки — ошибки в суждениях, ошибки в действиях. Скоро мы начнем ронять приборы, путаться и небрежничать. Будем делать неверные предположения и на их основании строить неверные гипотезы. А на это мы не имеем права...

Группа решила: всем спать не меньше шести часов в сутки. Такое решение представлялось вполне разумным: людям на поверхности ничто не угрожало, опасность распространения инфекции из Пидмонта предотвращена атомной бомбой.

Они, наверно, продолжали бы оставаться в подобном заблуждении, если бы Ливитт не предложил подать заявку на кодовое наименование. Он заявил, что пора дать новооткрытому организму имя, и все остальные согласились с этим.

В углу комнаты стоял телетайп шифрованной связи. Он стучал чуть ли не круглые сутки, печатая сообщения, поступающие извне. Это был аппарат двусторонней связи.

Правда, на эти данные с самого прибытия группы на пятый уровень никто не удосуживался взглянуть. Слишком много было серьезных дел, чтобы еще читать всякую военно-штабную писанину, в большинстве своем никак не касающуюся «Лесного пожара». Депеши шли, поскольку база считалась одной из подстанций сети «Кулер»— чаще эту сеть шутливо именовали «Первой двадцаткой»; эти двадцать подстанций, связанных непосредственно с подвалом Белого дома, были расположены на наиболее важных стратегических объектах, в число которых входили база Ванденберг, мыс Кеннеди, объединенное командование ПВО, «Райт Паттерсон», Форт-Детрик, Вирджиния Ки. И каждый получал все текущие распоряжения и сообщения в виде циркуляров.

Стоун подошел к телетайпу и отстучал короткую телеграмму. ЭВМ направила ее центральному бюро кодирования, которое устанавливало и регистрировало кодовые наименования для всех мероприятий по объектам, охватываемым системой «Кулер».

Телетайпная лента зафиксировала следующий диалог:
прошу линию для передачи

понято даю линию сообщите откуда
стоун программа лесной пожар
сообщите куда
центральное бюро кодирования
понято бюро кодирования
передаю сообщение
передавайте
выделен внеземной организм занесенный на землю спутником скуп семь прошу кодовое наименование организма
конец сообщения
сообщение передано

Последовала долгая пауза. Телетайп гудел и щелкал, но ничего не печатал. Потом из него поползла бумажный рулон:

передаем сообщение центрального бюро кодирования
понято выделен новый организм просим характеристику
конец сообщения

Стоун нахмурился:
— Но мы же сами еще почти ничего не знаем...
Телетайп, однако, был нетерпелив:

дайте ответ бюро кодирования

Помедлив, Стоун отстучал:
передаю сообщение центральному бюро кодирования настоящее время дать характеристику не могу предлагаю предварительную классификацию как бактериальный штамм
конец сообщения

передаем сообщение центрального бюро кодирования
понято заявка на классификацию бактерии открывающей новый раздел классификации соответствии принятой системой
кодовое название организма андромеда
полное кодовое наименование штамм андромеда

зарегистрировано каталоге номером 053.9 (неопознанный организм)
дополнительный номер Е866 (авиационное происшествие)
такая регистрация наиболее близка установленным категориям

Стоун улыбнулся:

— Похоже, мы не очень-то подпадаем под установленные категории...

Он отстучал в ответ:

понято кодовое наименование штамм андромеда согласны
конец сообщения
сообщение передано

— Ну вот,— сказал Стоун,— так-то...

Бертон тем временем просматривал груду бумаги за телетайпом. Аппарат печатал свои сообщения на бумажном рулоне, который строка за строкой сползал в ящик. Там лежали десятки метров рулона, которые никто до сих пор еще не видел.

Он пробежал глазами одно из сообщений, оторвал от рулона и передал Стоуну.

1134/443/КК/Y — U/9

информационное сообщение
всем подразделениям
совершенно секретно

сегодня президент и совет нацбезопасности — кобра
получили запрос на применение директивы 7-12
отправитель ванденберг /лесной пожар
подтверждение наса /медслужба армии
передал запрос майор мэнчик артур
на закрытом заседании директива в действие не приведена
окончательное решение отложено срок двадцать четыре до сорока восьми часов
затем повторное рассмотрение
введен в действие альтернативный вариант развертывание войск согласно директиве 7-11
квитанции не требуется

конец сообщения
всем подразделениям
совершенно секретно
конец передачи

Все смотрели на этот листок, не веря своим глазам. Долго никто не мог вымолвить ни слова. Наконец, Стоун притронулся к верхней кромке листа и сказал тихо:

— Здесь стоит индекс 443. Значит, передача шла по специальной сети. У нас должен был зазвенеть звонок...

— На этом телетайпе нет звонка,— заметил Ливитт.— Звонит только на первом уровне, в пятом секторе. Но они обязаны были сообщить нам...

— Вызовите пятый сектор по внутреннему,— сказал Стоун.

Через десять минут перепуганный сержант-связист соединил Стоуна с Хьюстоном — там находился Робертсон, глава Научного консультативного совета при президенте США.

Разговор продолжался довольно долго. Робертсон прежде всего выразил удивление, что никто из «Лесного пожара» не связался с ним раньше. Потом Стоун, не стесняясь в выражениях, перешел к решению президента не применять директиву 7-12.

— Президент не доверяет ученым,— начал объяснять Робертсон.— Ему с ними как-то не по себе...

— Это ваш долг позаботиться, чтоб ему стало по себе. А вы своего долга не выполняете.

— Но, Джереми...

— Существует всего два источника заражения — Пидмонт и наш комплекс. У нас тут защита надежная, а вот поселок...

— Джереми, я согласен: бомбу следовало сбросить.

— Так убедите его! Сядьте ему на голову! Пусть даст санкцию на применение 7-12, и как можно скорее. Если только уже не слишком поздно...

Робертсон согласился и обещал позвонить еще раз. Уже заканчивая разговор, он спросил:

— Да, а что вы думаете по поводу «Фантома»?

— По поводу чего?..

— «Фантома», который разбился в Юге...

Последовало секундное замешательство — участники группы «Лесной пожар» поняли, что пропустили еще одно важное сообщение.

— Обычный тренировочный полет. Но самолет сбился с курса и прошел над закрытой зоной. В том-то и загвоздка...

— Что еще известно?

— Летчик успел сообщить, что воздушный шланг рассыпается в пыль. Вроде будто от вибрации или чего-то такого еще. Вообще последние его слова были довольно странные...

— Будто он сошел с ума?

— Похоже.

— Комиссия по расследованию аварии уже на месте?

— Да, и мы ждем от нее сообщений. Вот-вот должны быть.

— Не забудьте передать нам,— сказал Стоун и вдруг запнулся.— Постойте, но если вместо 7-12 дан приказ 7-11, значит, Пидмонт оцеплен войсками?

— Да, национальной гвардией.

— Чертовски глупо.

— Послушайте, Джереми, я с вами согласен...

— Когда они начнут умирать, я хочу знать, кто умер и как. А главное, где. Господствующие ветры там с востока. Если начнутся смертные случаи к западу от Пидмонта...

— Я позвоню, я немедленно позвоню, Джереми.

Разговор закончился, и ученые один за другим побрели из комнаты прочь. Холл ненадолго задержался, вытащил смятый рулон из ящика и просмотрел несколько сообщений. Большинство из них было для него совершенно непонятно — какая-то бессмысленная кодированная тарабарщина. И он бросил это безнадежное занятие — бросил, не дойдя немного до перепечатки газетного сообщения о странной смерти полицейского Мартина Уиллиса из дорожной полиции штата Аризона.

ПОЖАР РАЗГОРАЕТСЯ

22. АНАЛИЗЫ

Теперь, когда выяснилось, что время не ждет, результаты спектрального и биохимического анализов, представлявшие ранее весьма отдаленный интерес, приобрели первостепенное значение. Группа надеялась, что эти анализы покажут, пусть приблизительно, есть ли между штаммом «Андромеда» и земными формами жизни хоть какое-нибудь сходство. И как только ЭВМ выдала результаты анализов — колонку цифр на полоске зеленой бумаги,— Ливитт и Бертон немедленно занялись ими.

ДАННЫЕ МАСС-СПЕКТРОМЕТРИИ

ОБРАЗЕЦ 1 — ЧЕРНЫЙ ПРЕДМЕТ НЕИЗВЕСТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

ПРОЦЕНТНЫЙ СОСТАВ

H	He								
21,07	0								
Li	Be	B	C	N	O	F			
0	0	0	54,90	0	18,00	0			
Na	Mg	Al	Si	P	S	Cl			
0	0	0	00,20	—	01,01	0			
K	Ca	Sc	Ti	V	Cr	Mn	Fe	Co	Ni
0	0	0	—	—	—	—	—	—	—
Cu	Zn	Ga	Ge	As	Se	Br			
—	—	0	0	0	00,34	0			

СОДЕРЖАНИЕ ВСЕХ БОЛЕЕ ТЯЖЕЛЫХ ЭЛЕМЕНТОВ НУЛЕВОЕ

ОБРАЗЕЦ 2 — ЗЕЛЕНЫЙ ПРЕДМЕТ НЕИЗВЕСТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

ПРОЦЕНТНЫЙ СОСТАВ

H	He					
27,00	0					
Li	Be	B	C	N	O	F
0	0	0	45,00	05,00	23,00	0

СОДЕРЖАНИЕ ВСЕХ БОЛЕЕ ТЯЖЕЛЫХ ЭЛЕМЕНТОВ НУЛЕВОЕ
КОНЕЦ ПРОГРАММЫ
ВЫКЛЮЧЕНО

Результаты были достаточно ясны. Черное вещество содержит водород, углерод и кислород со значительными примесями серы, кремния и селена и следами некоторых других элементов.

Зеленое пятно — водород, углерод, азот и кислород. И ничего больше.

Примечательно было, что черная песчинка и зеленое пятно в общем сходны по химическому составу. Правда, зеленое пятно содержит азот, а песчинка — нет. Вывод очевиден: черная «песчинка» — вовсе не песчинка, а какой-то материал, аналогичный земному органическому веществу, некое подобие пластмассы. А зеленое пятно, по-видимому, живое. Оно содержит элементы приблизительно в том же соотношении, что и земные организмы. Ведь на Земле живые организмы на 99 процентов состоят из этих же четырех элементов — водорода, углерода, азота и кислорода...

Результаты анализа обрадовали ученых. Они свидетельствовали о некоторой общности между зеленым пятном и земной жизнью. Однако, как только группа заглянула в данные аминокислотного анализа, все надежды рухнули.

На полоске бумаги, выданной ЭВМ, аккуратным столбиком стояли названия всех аминокислот и против каждого названия по два нуля — для черного и зеленого «предметов».

— Черт возьми,— сказал Ливитт, уставившись на листок.— Нет, вы только взгляните на это...

— Никаких аминокислот,— сказал Бертон.— Никаких белков...

— Безбелковая жизнь,— добавил Ливитт и покачал головой. Похоже было на то, что подтвердились самые худшие его опасения.

На Земле организмы эволюционировали благодаря тому, что развили способность осуществлять биохимические реакции на малом пространстве с помощью белковых ферментов. Биохимики учатся воспроизводить эти реакции, но только каждую по отдельности, изолируя ее от всех остальных.

В живой клетке все иначе. Внутри нее, на крохотном по объему пространстве одновременно и нераздельно идут реакции, обеспечивающие рост, энергию, движение. Человек не в силах воспроизвести эту нераздельность, как не в силах приготовить полный обед от закуски до десерта, смешав и сварив все ингредиенты в одной кастрюле в надежде, что потом сумеет отделить яблочный пирог от жаркого.

В клетках с помощью ферментов одновременно проходят сотни различных реакций. Каждый фермент — как отдельный работник на кухне, который знай себе делает свое дело: пекарь не возьмется за бифштексы, а шашлычник на своих шампурах не сможет приготовить суп. Но ферменты исполняют еще и одну общую функцию: они делают возможными химические реакции, которые иначе не возникали бы. Биохимик воспроизводит эти реакции, используя высокую температуру, высокое давление или сильные кислоты. Но человеческий организм или отдельная клетка не могут выдержать таких экстремальных условий. Ферменты, эти «сваты жизни», способствуют возникновению и протеканию реакции при обычной температуре тела и нормальном атмосферном давлении.

Ферменты необходимы для земной жизни. И если какая-то форма жизни научилась обходиться без ферментов, то, значит, и развивалась она совершенно иными путями.

Отсюда следовало, что они имеют теперь дело с совершенно чуждым Земле организмом. А это в свою очередь означало, что и изучение чуждого организма, и поиски способов обезвреживания его продлятся долго, очень долго.

Джереми Стоун работал в морфологической лаборатории. Он вынул маленькую пластмассовую облатку, внутри которой находилась крупица зеленого «пятна»,

прочно зажал эту облатку в тисочках и с помощью зубоврачебного бора принялся сострогивать слой за слоем, пока не добрался до зелени.

Работа была крайне тонкая и требовала длительного сосредоточенного внимания. В конце концов Стоун обтесал облатку таким образом, что получился пластмассовый конус с зеленой крапинкой на самой вершине. Тогда он разжал тиски и вытащил конус, перенес на микротом и ножом с вращающимся лезвием срезал тоненькие ломтики пластмассы с вкрапленным зеленым веществом. Срезы получались круглые; отделяясь от конуса, они падали в чашечку с водой. Толщину среза можно было измерить, наблюдая за отраженным от него светом: если свет серебристый, значит срез слишком толст. А вот если он отливает всеми цветами радуги, тогда достигнута нужная толщина в пределах нескольких молекул.

Именно такой должна быть толщина среза для исследования под электронным микроскопом.

Выбрав лучший срез, Стоун осторожно поднял его пинцетом и положил на небольшую круглую медную сетку. Затем вставил сетку в плоскую металлическую капсулу-пуговку, вложил пуговку в электронный микроскоп и, наконец, герметически закрыл его.

В распоряжении группы «Лесной пожар» был электронный микроскоп типа BVJ модель JJ-42, с большой интенсивностью электронного излучения и с разрешающей приставкой. Принцип действия электронного микроскопа достаточно прост — он действует точно так же, как и простой оптический, однако вместо световых лучей фокусирует пучки электронов. Свет фокусируется при помощи линз — выпуклых и вогнутых стекол, электроны — при помощи магнитных полей.

Во многих отношениях электронный микроскоп не слишком отличается от телевизора, и изображение проецируется на обычный телевизионный экран — поверхность, покрытую слоем, который под ударами электронов светится. Преимущество электронного микроскопирования перед оптическим в том, что здесь достигается гораздо большее увеличение. Объяснение этому дает квантовая механика и волновая теория радиации, а наилучшую из популярных аналогий нашел специалист по электронной микроскопии Сидней Полтон, по совместительству еще и любитель автомобильных гонок.

— Представьте себе,— говорил Полтон,— что перед вами дорога и на ней крутой поворот. Предположим, что

по дороге едут два автомобиля — спортивная машина и большой грузовик. Грузовик при попытке преодолеть этот крутой поворот сползает с дороги, спортивная же машина поворачивает без труда. Почему, спрашивается? А потому, что спортивная машина много легче, меньше, быстроходнее, она лучше приспособлена для крутых, резких поворотов. Плавные повороты обе машины преодолевают одинаково легко, но на крутых спортивная держится гораздо лучше.

— Точно так же,— продолжал Полтон,— и электронный микроскоп «держит дорогу» легче, чем оптический. Любой объект состоит из углов и краев, а длина волны электрона меньше, чем светового кванта. Электроны точнее «срезают углы», следуют по «дороге», повторяя все ее изгибы. Оптический микроскоп — как грузовик: пригоден лишь для езды по большой дороге с плавными поворотами. В данном случае под такой дорогой мы подразумеваем крупные объекты с крупными гранями и плавными кривыми линиями — клетки и ядра. Электронный же микроскоп может следовать по самым узким дорожкам и тропкам, выявляя контуры самых мелких внутриклеточных структур — митохондрий, рибосом, мембран, сетчатых структур...

Однако у электронной микроскопии есть и существенные недостатки, до известной степени уравновешивающие преимущества большого увеличения. Во-первых, так как вместо светового луча применяется пучок электронов, внутри микроскопа нужно поддерживать вакуум, а это значит, что рассматривать под микроскопом живые объекты нельзя. Но наиболее серьезный его недостаток связан с требованиями к срезам — они должны быть чрезвычайно тонкими, а это крайне затрудняет ясное трехмерное представление об изучаемом объекте. Тут Полтон тоже предложил простую аналогию:

— Допустим, вы разрежете автомобиль пополам по его продольной оси. В этом случае вы еще можете составить себе представление о нем в целом. Но если вы сделаете тонкий срез автомобиля, да еще под каким-нибудь неудачным углом, ваша задача сильно осложнится. На вашем срезе может оказаться лишь кусочек бампера, резиновой шины, стекла. По такому срезу определить, что представляет собой машина в целом и как она действует, прямо скажем, мудрено...

Стоун, разумеется, прекрасно помнил обо всех недостатках электронной микроскопии, когда заправил метал-

лическую пуговку в микроскоп, загерметизировал его и включил вакуумный насос. Он все знал, но выбора у него просто не было. При всех своих недостатках электронный микроскоп оставался самым мощным инструментом, каким они располагали.

Притушив в лаборатории свет, он включил электронный пучок. Повернув несколько рукояток, сфокусировал пучок, и изображение на экране стало совершенно четким, черное и зеленое...

Он не сразу поверил в то, что увидел.

Перед глазами Джереми Стоуна возник элемент организма — идеально правильный шестиугольник, каждой своей стороной примыкающий к другим шестиугольникам. Внутри шестиугольник был рассечен клиньями, которые сходились в самом центре структуры. Все это производило впечатление какой-то математической точности, никак не вязавшейся с земными представлениями о жизни.

Это было похоже на кристалл.

Стоун улыбнулся, представив себе, как порадуется Ливитт — уж очень тот был падок на всякие эффектные, головоломные вещи. К тому же Ливитт и раньше высказывал мысль, что жизнь может основываться на тех или иных кристаллических формах, что она может подчиняться какой-либо строго упорядоченной схеме.

«Позову-ка я Ливитта»,— решил Стоун.

Едва войдя в комнату, Ливитт сказал:

— Ну, вот вам и ответ...

— Ответ на что?..

— На вопрос, как функционирует этот организм. Получены результаты спектрометрии и аминокислотного анализа...

— Ну?..

— Организм состоит из водорода, углерода, кислорода и азота. Никаких аминокислот. Ни одной. А значит, никаких известных нам белков или ферментов. Я ломал голову, как же он может существовать на безбелковой основе. Теперь я знаю.

— Кристаллическая структура...

— Похоже на то,— Ливитт уставился на экран.— В трех измерениях каждая единица, вероятно, представляет собой шестигранную пластину, нечто вроде кафельной плитки в миниатюре. Восьмигранник, и каждая из двух больших граней — шестиугольник. А внутри сходящиеся к середине клиновидные отсеки...

— Отсеки могут отлично служить для разделения биохимических функций...

— Вот именно...— и Ливитт нахмурился.

— Что с вами?..

Ливитт мучительно думал, припоминал что-то такое забытое... Сон! Про дом и про город. Он сделал еще одно усилие — и все начало всплывать в памяти. Как дом живет, когда он сам по себе, и как — в составе целого города.

Он вспомнил все до конца.

— Знаете,— сказал он,— самое интересное, как это отдельная единица связана с другими...

— Вы думаете, это, быть может, лишь часть более сложного организма?

— Вот именно. Жизнеспособна ли эта единица, как, например, бактерия, или же это лишь кирпичик более крупного органа, более крупного существа? В конце концов, когда вы смотрите на одну, отдельно взятую клетку печени, вы же не в состоянии догадаться, откуда она. И что толку в изолированной клетке мозга без остального мозга?

Стоун долго смотрел на экран.

— Довольно необычная аналогия. Ибо печень может восстанавливаться, регенерировать, а мозг-то не может...

— «Теория посланца»,— с улыбкой напомнил Ливитт.

— Да, тут задумаешься,— пробормотал Стоун.

Автором «теории посланца» был инженер-связист Джон Р. Сэмюэльс. Выступая на Пятой ежегодной конференции по космонавтике и проблемам связи, он рассмотрел некоторые гипотезы относительно того, какие способы может применить внеземная цивилизация для установления контактов с другими цивилизациями. Он заявил, что самые передовые достижения техники связи на Земле для этой цели непригодны и что более развитые внеземные культуры найдут лучшие способы.

— Предположим, какая-то цивилизация хочет прозондировать Вселенную,— говорил Сэмюэльс. — Предположим, она пожелала, скажем, формально заявить о своем существовании в галактическом масштабе. Она хочет послать информацию, свидетельство своего существования, во всех направлениях одновременно. Каким образом лучше всего это сделать? По радио? Вряд ли — слишком медленно, слишком дорого, да и сигналы слишком быстро угасают. Самый мощный сигнал угаснет через несколько миллиардов километров. Телевидение еще хуже. Генери-

ровать световые лучи фантастически дорого. Даже если научиться разрушать целые звезды, взрывать солнца, чтобы подать о себе сигнал, очень уж дорого это обойдется...

Кроме чрезмерной стоимости, все эти методы страдают и другим, естественным для всякого излучения недостатком: с расстоянием сила сигнала резко уменьшается. Лампочка, невыносимо яркая на расстоянии трех метров, достаточно мощная в трехстах меграх, видимая за пятнадцать километров, через миллион километров совершенно неразличима. Лучистая энергия затухает пропорционально четвертой степени расстояния. Простой, но непреодолимый закон физики.

Так что для надежной передачи сигнала придется прибегнуть вовсе не к физике, а к биологии. Только биология может создать такую систему связи, которая не слабеет на расстоянии, а в миллионах километров остается столь же мощной, как и рядом с источником. Короче говоря, создать организм, который служил бы передатчиком вашего сообщения, самовоспроизводящийся, дешевый, легко размножаемый в фантастических количествах. Затратив минимальную сумму, можно изготовить триллионы таких посланцев и направить их во все концы космического пространства. Это будут стойкие, неприхотливые козявки, способные противостоять суровым условиям космоса; они будут расти, плодиться и размножаться. Через несколько лет бесчисленные множества их будут нестись во все стороны галактики в ожидании контакта с жизнью.

А что произойдет, когда они встретят чуждую жизнь? Каждый такой посланец потенциально способен развиться в полноценный орган или полноценный организм. Вступив в контакт с иной жизнью, они начнут разрастаться в законченный механизм связи. Это все равно что разбросать миллиард клеток мозга, каждая из которых способна при соответствующих условиях вырасти в целый мозг. И выросший из одной-единственной клетки мозг сумеет уже разговаривать с иной цивилизацией, сообщить ей о существовании своей родной цивилизации и подсказать пути установления контактов...

Ученые-практики, присутствовавшие на конференции, нашли теорию козявки-посланца весьма забавной. Теперь ею больше нельзя было пренебрегать как курьезом.

— Вы полагаете, что эта козявка у нас на глазах превращается в какое-то средство связи? — спросил Стоун.

— Быть может, посевы культур помогут нам найти ответ на ваш вопрос,— откликнулся Ливитт.

— Или рентгенокристаллография. Я сейчас же распоряжусь...

На пятом уровне была установка для рентгенокристаллографии, хотя при подготовке программы «Лесной пожар» вопрос о том, нужна ли она, вызвал жаркие споры. Рентгенокристаллография — наиболее новый, сложный и дорогой метод структурного анализа в современной биологии. В нем есть нечто общее с электронной микроскопией, но по сравнению с ней это еще один шаг вперед. Метод рентгенокристаллографии еще более чувствителен, он проникает в тайны живой материи еще глубже, но ценой огромных затрат времени, оборудования и человеческих сил.

Биолог Р. А. Янек заметил однажды: «Чем ближе к истине, тем дороже обходится каждый шаг». Он подразумевал при этом, что цена установок, позволяющих человеку видеть глубже и точнее, растет быстрее, чем их разрешающая способность. Эту жестокую закономерность первыми из ученых открыли астрономы, на собственном горьком опыте убедившиеся в том, что сделать шестиметровое зеркало для телескопа неизмеримо труднее и дороже, чем трехметровое.

Но прежде всего сказанное Янеком справедливо для биологии. Оптический микроскоп, к примеру,— небольшой прибор, который легко переставить с места на место одной рукой. В такой микроскоп можно рассмотреть клетку, и обходится он ученому примерно в тысячу долларов.

При помощи электронного микроскопа можно рассмотреть мелкие структуры внутри клетки. Но это уже большой аппарат стоимостью до ста тысяч долларов.

Рентгенокристаллография способна на большее: она позволяет исследовать отдельные молекулы; это максимальное приближение к наблюдению отдельных атомов, какое вообще доступно современной науке. Но зато такая установка величиной с добрый грузовик; она занимает целую комнату, требует специально подготовленных операторов, и для расшифровки выдаваемых ею результатов нужна ЭВМ. Дело в том, что рентгенокристаллографическая установка не дает прямой визуальной картины исследуемого объекта. В этом смысле она совсем

не похожа на микроскоп, и принцип ее действия отличается от принципа действия как оптической, так и электронной микроскопии. Вместо изображения здесь на фотопластинке получается дифракционный рисунок, геометрический узор из точек, для непосвященного совершенно загадочный. С помощью ЭВМ можно проанализировать расположение точек и получить картину молекулярной структуры объекта.

Наука эта относительно новая, хотя название у нее старомодное. Термин «рентгенокристаллография» родился в те времена, когда объектом исследования служили в основном кристаллы; теперь они мало кого интересуют. У кристалла структура упорядоченная, и узор, полученный при прохождении рентгеновского луча сквозь кристалл, относительно легко поддается анализу. Однако в последнее время рентгеновскими лучами стали просвечивать и объекты, отнюдь не упорядоченные. При этом лучи отражаются под самыми разными углами, и только ЭВМ способна «считать» фотопластинку, измерить все углы и на этой основе определить форму объекта, давшего подобное отражение.

Вообще на долю ЭВМ в комплексе «Лесной пожар» выпало бесконечное множество нудных вычислений. Если бы за такую работу взялись люди, она заняла бы годы, а может, и века. Машина делала ее за секунды.

— Как вы себя чувствуете, мистер Джексон?

Старик часто-часто моргал, глядя на Холла и его прозрачный скафандр.

— Ничего. Не очень, но ничего...

И криво усмехнулся.

— Можно с вами поговорить?

— О чем?

— О Пидмонте.

— А что там о Пидмонте?

— О том вечере. О вечере, когда все случилось...

— Ну что ж, можно. Я-то ведь всю жизнь в Пидмонте прожил. Поездил немножко: в Лос-Андже был и даже во Фриско. На восток до Сен-Луи. И с меня довольно. Но в Пидмонте-то я жил. И скажу тебе...

— Пожалуйста, про тот вечер,— прервал старика Холл.

Джексон замолчал и отвернулся:

— Не хочу про это думать.

— Нужно. Очень нужно.

— Не хочу...

Он еще помолчал, глядя в сторону, и наконец спросил:

— Все там померли, да?

— Не все. Вот еще один выжил.— Холл кивнул на кроватку рядом. Старик уставился на сверток из одеял:

— Кто это?

— Ребенок.

— Ребенок? Должно, Риттеров. Джейми Риттер. Маленький совсем, да?

— Месяца два.

— Ну да. Он самый и есть. Характер дрянной, просто как у старика. Старик-то Риттер — хлебом не корми, а дай побушевать. И этот точно такой же. Орал с утра до ночи. Окошки в доме и то не могли из-за крика открыть...

— А не знаете, не было у Джейми еще чего-нибудь особенного?

— Да ничего. Здоров как буйвол, только блажит. Помнится, он и в тот вечер орал, чертенок проклятый...

— В какой вечер?

— Да когда Чарли Томас приволок эту чертову штуку. Мы ее все видели. Будто звезда упала, так и светится, и шлепнулась где-то к северу от поселка. Ну, все всполошились, а Чарли Томас поехал ее искать. Вернулся минут через двадцать и достает эту штуку из багажника своего форда. Совсем новенький форд. Очень он им гордился...

— И что было дальше?

— Ну, собрались мы все вокруг, глазеем. Сообразили, что, наверно, спутник. Только Анни тут выскочила — это, мол, с Марса, но, понимаешь, Анни у нас такая — ее то и дело заносит не разберешь куда. Мы все, конечно, сообразили, что ни с какого не с Марса, а с мыса Канаверал. Слышал. мыс такой во Флориде, где запускают ракеты?

— Слышал. Дальше.

— Ну вот, сообразить-то сообразили, а что делать, не знаем. Понимаешь, никогда ничего подобного в Пидмонте не бывало. То есть был однажды этот турист с ружьем, поднял пальбу в мотеле «Вождь команчей», так это еще в сорок восьмом. И эти были, как их, смущающие обстоятельства. Перебрал он маленько, и девчонка от него сбежала, пока он в солдатах в Германии служил или где-то там еще. В общем никто у нас на него не взъелся:

понятно, со всяким может случиться. А с тех пор ничего не бывало. Тихое местечко. Потому-то нам в Пидмонте и нравилось...

— Так что вы все-таки сделали с капсулой?

— Да не знали мы, что с ней и делать. Эл говорит, давай ее откроем, но мы посчитали, что неправильно это будет, особенно если там внутри какие ученые приборы. Ну, пораскинули мозгами. Потом Чарли, тот, что приволок ее, и говорит: давай, мол, снесем доктору. Доктору Бенедикту, значит. Наш поселковый врач. Он не только в поселке, всех в округе лечит, даже индейцев. Но ничего мужик, сильно ученый — где только не учился. Ну, решили мы, доктор-то уж сообразит, что с этой штукой делать. И снесли ее к нему домой.

— А потом?

— Старик ее взял — да не такой уж он и старый — взял, значит, и осмотрел ее кругом внимательно, будто больного смотрит. И говорит, что ясно, штука эта из космоса, и, может, говорит, наша, а может — ихняя. И говорит, что присмотрит за ней, и, может, кому позвонит, а потом скажет нам через часок-другой. Понимаешь, по понедельникам он всегда в покер играл с Чарли, Элом и Хербом Джонстоном у Херба дома, вот мы и решили, что после покера он закинет словечко кому надо. Тем более, время ужинать подошло, есть хотелось, так мы все там у него и оставили...

— В котором это было часу?

— Да так в полвосьмого.

— И что Бенедикт сделал со спутником?

— Забрал его к себе в дом, и никто его больше в глаза не видел. А началось уже потом, в восемь, или может, в полдевятого. Я как раз на бензоколонку зашел с Элом потолковать, он в ночную работал. Прохладно было, а мне хотелось потолковать, потому как за разговором боль забывается. И содовой думал из автомата взять, чтоб аспирин запить. Да и жажда мучила: от цеженки, знаешь, какая жажда бывает!..

— Вы в тот день пили денатурат?

— Да принял малость часов в шесть.

— И как вы себя чувствовали?

— Когда там с Элом сидел, так вроде ничего. Голова кружилась маленько, да желудок тянуло, но ничего. Ну, значит, сидим мы с Элом в конторке, о том, о сем, и вдруг он как закричит: «Ой, голова!..» Вскочил — и со всех ног на улицу. И кувырнулся. Прямо на улице, и больше ни

слова не сказал... Ну, а я сижу и не знаю, что и подумать. Может, сердце или кондрашка его хватила, так ведь молод еще. Вышел к нему на улицу — мертвый. А тут... тут все как стали выскакивать! Сначала, кажется, миссис Лэнгдон — вдова Лэнгдон. А потом, потом я уж и не помню, кто, сколько их было. Так и прут на улицу. И сразу — рукой за грудь и валятся, как подкошенные. И никто не встает. И ни от кого ни слова...

— Что же вы подумали?

— Да прямо не знал, что и подумать. Больно уж чудно было. Испугался, по правде-то говоря. Стараюсь взять себя в руки — и не могу. Сердце бултыхается, дышу через силу. Еще бы не испугаться: думал, все померли. Но тут как раз услышал — ребенок кричит, значит, все да не все. А потом генерала увидел...

— Генерала?

— Да нет, это мы его просто так называли. Никакой он не генерал, только был на войне и любил, чтобы все про это помнили. Постарше моего. Хороший мужик, Питер Арнольд звать. Крепкий такой, самостоятельный, а тут стоит у себя на крыльце и вырядился в военную форму. Стемнело уже, зато луна вышла, так он меня заметил на улице и спрашивает: «Питер, это ты?» Мы, понимаешь, тезки. А я отвечаю: да, мол, я. А он говорит: «Что тут творится? Япошки пришли, что ли?» А я себе думаю: что за чушь он несет. А он говорит: «Сдается мне, что это япошки. Всех теперь перестреляют». А я спрашиваю: «Питер, ты что, чокнулся?» А он говорит, что неважно себя чувствует, и пошел в дом. Должно, все-таки чокнулся, ведь после сам застрелился. Да и другие тоже чокнулись. А все эта зараза...

— Откуда вы знаете, что зараза?

— Да разве тот, кто в своем уме, себя сожжет или утопит? До того вечера у нас в поселке все были в своем уме и на здоровье не жаловались. А тут все сразу будто рехнулись...

— Ну и что же вы сделали?

— Я про себя подумал: Питер, это тебе все спится. Ты перебрал. Так я тоже пошел домой и лег спать. Утро, думаю, вечера мудренее. Только часов в десять слышу: машина идет. Вышел посмотреть, кто же это. Гляжу — грузовик крытый, военный фургон, а в фургоне двое. Подхожу к ним, а они, чтобы мне лопнуть, тут же замертво. Жуть, и только. Но ведь чудно...

— Что чудно?

— А то, что за весь вечер это была всего вторая машина. Обычно их, знаешь, сколько проходит!..

— Значит, была еще одна машина, до фургона?

— А как же! Уиллис, патрульный дорожной полиции. Проехал, ну, может, за полминуты перед тем, как это все началось. Правда, не останавливался. Он ведь по графику ездит, так если опаздывает, то и не останавливается...

Джексон помолчал, вздохнул и откинул голову на подушку.

— А теперь, если не возражаешь, я сосну чуток. Выдохся я что-то...

Он закрыл глаза. Холл пополз по туннелю-шлангу обратно в лабораторию и долго сидел там, глядя через окно на Джексона и на ребенка рядом с ним.

23. ТОПИКА

Зал был громадный, размером с футбольное поле, и на всем этом пространстве лишь кое-где стояло несколько столов. Гулко перекликались техники, раскладывавшие по полу обломки «Фантома». Комиссия воссоздавала катастрофу — куски искореженного металла размещались в тех же положениях, в каких они были найдены в песке. Только после завершения этой процедуры можно было начинать настоящее расследование.

Майор Мэнчик, усталый, с воспаленными глазами, пристроился в углу, держа чашку кофе в руке, и наблюдал. Десяток людей в длинном, выбеленном зале, занятых реконструкцией аварии,— сцена казалась Мэнчику совершенно сюрреалистической...

К нему подбежал один из биохимиков и помахал у него перед носом прозрачным целлофановым мешочком.

— Только что получил из лаборатории...

— Что это?

— Ни за что не догадаетесь!

Глаза у биохимика горели от возбуждения. «Ну и ладно,— подумал Мэнчик раздраженно.— Пусть не догадаюсь...»

— Так что это все-таки?

— Деполимеризованный полимер,— сообщил биохимик, причмокивая от удовольствия.— Только-только из лаборатории...

— Какой еще полимер?

Полимер — это многократно повторяющая себя молекула, построенная из тысяч одинаковых частиц — вроде цепочки костяшек домино. Большинство пластмасс, нейлон, вискоза, клетчатка и даже гликоген, синтезируемый печенью,— все это полимеры.

— Тот самый полимер — пластик, из которого на «Фантоме» изготовлен воздушный шланг, ведущий к маске пилота. Да и сама маска тоже...

Мэнчик хмуро поглядел на черные крошки в мешочке.

— Полимер, говорите?

— Ну да. Полимер деполимеризовался. Разрушился. Вибрация тут ни при чем. Воздействие было биохимическое, чисто органическое.

Мало-помалу Мэнчик начинал понимать.

— Вы хотите сказать, что какая-то внешняя сила разрушила пластик?

— Можно считать и так. Это, конечно, упрощение, однако...

— Что же такое могло его разрушить?

Биохимик пожал плечами.

— Какая-то химическая реакция. Кислота, или сильный нагрев, или...

— Или что?

— Или какой-нибудь микроорганизм. Если существует микроорганизм, поедающий пластик. Вам, наверно, непонятно...

— Нет, почему же,— ответил Мэнчик.— Кажется, мне понятно.

Он вышел из зала и направился на телеграф, расположенный в другой части здания. Написал телеграмму на базу «Лесной пожар», передал телеграфисту и заодно спросил:

— Ответа еще не было?

— Ответа, сэр?..

— От «Лесного пожара»,— сказал Мэнчик. Казалось просто невероятным, что никто не реагировал на аварию «Фантома». Ведь она так явно связана...

— От «Лесного пожара», сэр?..

Мэнчик протер глаза. Он переутомился; следовало бы получше помнить насчет языка за зубами.

— Да нет, это я так,— сказал он.

После беседы со своим пациентом Холл направился к Бертону. Тот был в секционной и просматривал срезы, сделанные накануне.

— Нашли что-нибудь? — поинтересовался Холл.

Бертон оторвался от микроскопа и вздохнул:

— Пока ничего...

— Я все думаю об этих сумасшедших. Разговор с Джексоном напомнил мне о многом. В поселке в тот вечер несколько человек сошли с ума. И большинство из них — люди пожилые...

Бертон сдвинул брови.

— Ну и что?

— Пожилые люди вроде Джексона. У них множество всяких недомоганий. Организм разрушается по-разному. У кого легкие не в порядке, у кого — сердце. Поражение печени. Склероз сосудов...

— И все это меняет ход болезни?

— Очень может быть. Я все думаю: отчего человек может мгновенно сойти с ума?

Бертон неопределенно покачал головой.

— И еще одно,— продолжал Холл.— Джексон вспомнил, что один из погибших перед смертью воскликнул: «Ой, голова!..»

— Перед самой смертью? — переспросил Бертон, глядя в пространство.

— Да.

— Вы думаете, кровоизлияние?

Холл кивнул:

— Похоже. Во всяком случае, стоит проверить.

Действительно, если штамм «Андромеда» каким-то образом вызывает кровоизлияние в мозг, то он может и мгновенно вызывать самые необычайные психические расстройства.

— Но мы же знаем, что смерть наступает от свертывания...

— Да,— ответил Холл,— у большинства людей. Но не у всех. Некоторые выживают, а другие сходят с ума...

Бертон кивнул задумчиво — и вдруг пришел в возбуждение. Предположим, «Андромеда» поражает кровеносные сосуды. Поражение стенки сосуда дает толчок свертыванию крови. Стоит поранить, порезать, прижечь стенку сосуда, как начинается свертывание. Сначала вокруг пораженного места собираются тромбоциты, защищая его, не допуская потери крови. Затем скапливаются красные кровяные тельца. Затем фибриновая масса связывает все вместе. И, наконец, сгусток затвердевает.

Таков нормальный процесс. Но если поражение об-

ширнее, если начинается оно в легких и распространяется по сосудам до...

— Я начинаю думать,— сказал Холл,— не поражает ли наш микроб стенки сосудов. Если да, то вот вам и начало процесса свертывания. Но если свертывания почему-либо не происходит, тогда штамм, продолжая разъедать сосуды, вызывает кровоизлияние...

— И сумасшествие,— отозвался Бертон, спешно перебирая свои срезы. Нашел три среза мозга и тут же просмотрел их. Сомнений не оставалось. Патология была очевидна. Во внутреннем слое стенок мозговых сосудов виднелись мелкие зеленые вкрапления. Бертон не испытывал и тени сомнения, что при большем увеличении зелень распадется на шестиугольники...

Он быстренько проверил и другие срезы — сосудов в легких, печени и селезенке. На некоторых срезах в стенках сосудов тоже обнаруживались зеленые пятнышки, но нигде они не встречались в таком изобилии, как в сосудах мозга.

Штамм «Андромеда» отдавал явное предпочтение именно церебральным сосудам. Трудно сказать, почему, но ведь известно, что сосуды мозга имеют некоторые отличительные свойства. Например, в условиях, когда остальные кровеносные сосуды расширяются или сокращаются — при охлаждении организма или при физической нагрузке,— церебральные сосуды не изменяются, обеспечивая мозгу постоянный приток крови.

При резких физических усилиях приток крови к мускулам может увеличиться в пять, а может, и в двадцать раз. Приток крови к мозгу неизменен, независимо от того, сдает ли человек экзамен или спит, рубит ли дрова или смотрит телевизор. Мозг получает одно и то же количество крови минута за минутой, час за часом, день за днем. Никто не знает, зачем это нужно, не знает, как именно осуществляется саморегулирование мозговых сосудов. Однако само явление установлено твердо, и церебральные сосуды рассматриваются наукой как особый случай среди всех других артерий и вен. Отличия неясны, но они, несомненно, есть.

А теперь появился и микроорганизм, который поражает выборочно именно сосуды мозга. Поразмыслив, Бертон нашел даже, что ничего особенного в подобной выборочности нет. Сифилис, например, вызывает воспаление аорты — крайне специфичную и частную реакцию. Шистозомоз — паразитарная инфекция — отдает предпочтение

мочевому пузырю, кишечному тракту или сосудам кишечника, в зависимости от вида. Так что «узкая специализация» среди микроорганизмов вовсе не исключается.

— Но тут есть еще одна проблема,— сказал Бертон.— У большинства людей, как мы знаем, свертывание крови под действием штамма начинается в легких. По-видимому, и разрушение сосудов начинается там же. Чем же отличаются...

Он запнулся.

Вспомнил крыс, которым ввел гепарин. Тех, которые все равно погибли, но которых он не вскрывал.

— Господи боже,— прошептал он.

Извлек одну крысу из холодильника и вскрыл. Кровь. Быстро вскрыл черепную коробку и осмотрел мозг. На серой поверхности мозгового вещества была обширная область кровоизлияния.

— Вот оно,— сказал Холл.

— Если животное здоровое, оно погибает от свертывания крови. Но если свертывание предотвращено, штамм разъедает сосуды мозга, вызывая кровоизлияние.

— И сумасшествие.

— Да, да,— Бертон был теперь возбужден до крайности.— А свертыванию может помешать какая-нибудь болезнь крови. Или недостаток витамина К. Плохая усвояемость питательных веществ. Функциональная недостаточность печени. Нарушения белкового синтеза. Да десятки различных расстройств!

— Которые скорее всего будут у пожилого человека,— сказал Холл.

— А Джексон страдает чем-нибудь подобным?

Холл помедлил.

— Нет. У него не в порядке печень, но не до такой степени.

— Ну, вот мы и вернулись к исходному пункту,— вздохнул Бертон.

— Не совсем. Потому что Джексон и ребенок выжили. И ни у того, ни у другого кровоизлияний, насколько мы знаем, не было вообще. Оба просто не затронуты болезнью. Не затронуты совсем...

— И что же?

— А то, что у них каким-то образом был предотвращен первичный процесс, внедрение «Андромеды» в стенки сосудов. У моих пациентов штамм не проник ни в легкие, ни в мозг. Никуда не проник.

— Но почему? Почему?

— Это мы узнаем, когда поймем, в чем сходство между шестидесятидевятилетним стариком, страдающим язвой желудка и лакающим «Стерно», и двухмесячным младенцем,— сказал Холл.

— Судя по всему, они абсолютные антиподы.

— Вот именно,— откликнулся Холл.

Прошло много часов, прежде чем он понял, что в ответе Бертона и таилось решение загадки.

24. ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ

Сэр Уинстон Черчилль сказал однажды: «Истинная гениальность состоит в способности к оценке сведений неточных, противоречивых и чреватых опасностями». Но, как ни странно, группа «Лесной пожар», несмотря на блестящие индивидуальные способности каждого из ее членов, несколько раз допускала грубейшие ошибки в оценке информации, которой располагала.

Стоит вспомнить ядовитое замечание Монтеня: «Под воздействием сильного напряжения люди глупеют и дурачат самих себя». Нет сомнения, что все члены группы «Лесной пожар» работали в обстановке огромного нервного напряжения, но они были готовы к возможности ошибок. Они даже предвидели, что какие-то ошибки неизбежны. Чего они не предугадали — так это масштаба, поистине потрясающего масштаба своей ошибки. Они не ожидали, что конечная ошибка сложится из десятка мелких недосмотров, из горсточки упущенных ключевых фактов.

У группы было одно общее «слепое пятно», которое Стоун впоследствии охарактеризовал так: «Мы были нацелены на одну проблему. Все, что мы делали, все наши мысли были направлены на одно — на поиск лечения от «Андромеды». И еще, разумеется, мы не могли ни на минуту забыть о Пидмонте. Нам казалось, что, не найди мы решения, его никто не найдет и участь Пидмонта в конце концов постигнет весь мир. Мы никак не могли перестроиться...»

Ошибка эта начала приобретать внушительные размеры, когда дело дошло до исследования высеянных культур.

Ведь Стоун и Ливитт высеяли тысячи культур, взятых из контейнеров спутника. Эти культуры были помещены в термостаты с самыми различными составами атмосфер

при различных температурах и давлениях. Данные такого массового эксперимента можно было проанализировать только с помощью вычислительной машины.

По программе «Рост/Трансматрица» ЭВМ выдавала в печатном виде данные не обо всех примененных сочетаниях факторов роста, а лишь наиболее важные положительные и отрицательные результаты. Оценка результатов в ЭВМ слагалась на основе автоматического взвешивания каждой чашки Петри и фиксации роста культур с помощью фотоэлектрического глаза.

Когда Стоун и Ливитт приступили к анализу результатов, то обнаружили некоторые интересные закономерности. Прежде всего — питательная среда не имела ровным счетом никакого значения: организм рос с одинаковым успехом на сахаре, крови, шоколаде, агар-агаре и на чистом стекле. А вот газовая среда и условия освещенности играли серьезную роль. Ультрафиолетовое освещение стимулировало рост при всех условиях; абсолютная темнота и в меньшей степени инфракрасное освещение тормозили его. Кислород задерживал рост безотносительно к другим условиям; углекислый газ способствовал ему; азот не оказывал никакого влияния. Наибольший рост достигался в атмосфере чистого углекислого газа при ультрафиолетовом освещении, наименьший — в чистом кислороде при полной темноте.

— Ну, и что вы об этом думаете? — спросил Стоун.

— Похоже на прямое превращение энергии,— задумчиво сказал Ливитт.

— Да, пожалуй...— согласился Стоун.

Он отстучал на входном устройстве координаты изолированной системы. Такие системы применяются для исследования обмена веществ у бактерий; в них измеряется потребление газов и питательных веществ и выход отбросов; они герметизированы и полностью автономны. Если в такую систему помещено, например, растение, то в ней будет измеряться потребление углекислого газа и выделение воды и кислорода.

А штамм «Андромеда» в изолированной системе проявил свойства совершенно удивительные. «Андромеда» не знала экскрементов. В атмосфере углекислого газа, при ультрафиолетовом освещении рост продолжался непрерывно до полного поглощения углекислоты. Тогда прекращался и рост. И никаких извержений, никаких газов или отбросов. Никаких отходов.

— Эффективность отличная,— заметил Стоун.

Этого можно было ожидать.

Организм отлично приспособился к условиям своего существования — бесплодному вакууму космического пространства. Он потреблял все и ничего не расходовал впустую.

Одна и та же мысль осенила Стоуна и Ливитта одновременно.

— Черт возьми!..

Ливитт уже протянул руку к телефонной трубке.

— Робертсона. Срочно. Нет, немедленно...

— Невероятно,— проговорил Стоун.— Никаких отбросов. Штамм не требует питательной среды. Он может расти в присутствии углерода, кислорода и солнечного света. Точка.

— Надеюсь, мы не опоздали...

Ливитт впился взглядом в телевизионный экран, вмонтированный в пульт управления ЭВМ.

Стоун утвердительно мотнул головой и сказал:

— Если организм действительно превращает материю в энергию и энергию в материю — и притом непосредственно,— значит, он действует наподобие маленького реактора.

— И ядерный взрыв...

— Невероятно,— сказал Стоун,— просто невероятно...

На экране появился Робертсон. Выглядел он усталым и нервно курил.

— Джереми, ну дайте же мне хоть какое-то время. Я просто еще не сумел прорваться...

— Слушайте меня внимательно,— сказал Стоун.— Проследите, чтобы директива 7-12 не была применена ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах. Это совершенно необходимо. Взрывать ядерное устройство в соседстве с «Андромедой» нельзя. Это было бы в буквальном смысле слова самое худшее, что только можно придумать...

Он вкратце объяснил, в чем дело. Робертсон присвистнул:

— Выходит, мы создали бы невероятно обильную питательную среду...

— Вот именно.

Проблема чрезвычайно благоприятной питательной среды была предметом особого беспокойства группы «Лесной пожар». В обычных условиях, как известно, существует множество всякого рода сдерживающих и уравновешивающих факторов, которые так или иначе препятствуют

безудержному росту бактерий. Математическая картина неконтролируемого роста бактерий поистине устрашающа. В идеальных условиях клетка бактерии *E. coli* делится каждые двадцать минут. Как будто ничего особенного, но если задуматься... Бактерии размножаются в геометрической прогрессии: из одной образуются две, из двух четыре, из четырех восемь и т. д. Таким образом, выходит, что в течение суток одна-единственная клетка *E. coli* способна вырасти в сверхколонию размером и весом с планету Земля.

Этого не случается по той простой причине, что вечных «идеальных условий» для роста нет и не может быть. Иссякает пища. Иссякает кислород. Меняются условия внутри самой колонии, и рост приостанавливается...

Однако, если штамм «Андромеда» способен непосредственно превращать энергию в материю, то достаточно дать ему мощный источник энергии, такой, как ядерный взрыв...

— Я передам вашу рекомендацию президенту,— сказал Робертсон.— Он будет рад узнать, что принял правильное решение.

— Можете поздравить его от моего имени с блестящей научной интуицией,— заметил Стоун.

Робертсон почесал голову.

— У меня тут новые данные о «Фантоме». Произошло это в районе к западу от Пидмонта, на высоте шесть тысяч девятьсот метров. Комиссия обнаружила следы разрушений, о которых успел упомянуть летчик. Только это не резина, а пластик. Он оказался деполимеризованным...

— Что думает об этом комиссия?

— Они в полном недоумении,— признался Робертсон.— И вот еще что. Они нашли куски человеческой кости — плечевой и большой берцовой. Примечательно, что кость совершенно чиста, почти отполирована...

— Мягкие ткани сгорели?

— На это не похоже.

Стоун, нахмурившись, бросил взгляд на Ливитта.

— А на что похоже?

— Просто чистая, полированная кость. Они там ни черта понять не могут. И еще такая новость. Мы проверили личный состав национальной гвардии, оцепившей Пидмонт. Это 112-й полк, расположен он в радиусе ста пятидесяти километров вокруг поселка; на восемьдесят километров в глубь зоны высылались патрули. К западу

от Пидмонта находилось до ста человек. Потерь среди них нет.

— Никаких потерь? Вы уверены?

— Совершенно.

— А в районе, над которым пролетел «Фантом», солдаты были?

— Да, были. Двенадцать человек. Это они доложили на базу о пролете самолета.

— Похоже на то, что катастрофа — это чистое совпадение,— сказал Ливитт.

— Я склонен согласиться с Питером,— заметил Стоун, подтверждая свое согласие кивком.— При отсутствии жертв на земле...

— А может, организм только в верхней атмосфере...

— Все может быть. Но пока мы твердо знаем по меньшей мере одно: как «Андромеда» убивает свои жертвы. Свертыванием крови. Не разрушением тканей, не полировкой костей. Свертыванием и никак иначе.

— Ладно,— сказал Робертсон.— Давайте пока не будем вспоминать про этот самолет...

На этом их совещание окончилось.

— Я считаю, что пора проверить посевы на биологическую активность,— заявил Стоун.

— Проведем испытание на крысах?

— Нужно удостовериться, что штамм по-прежнему вирулентен. Что он не изменился,— кивнул Стоун.

Ливитт согласился. Действительно, необходимо было проследить, не мутировал ли организм, не изменились ли кардинальным образом его свойства.

Они уже собрались приступить к работе, когда динамик внутренней связи пятого уровня щелкнул и оповестил:

— Доктор Ливитт! Доктор Ливитт!..

— Да?..— отозвался тот.

На экране показался молодой человек приятной наружности в белом халате.

— Доктор Ливитт, мы только что получили обратно электроэнцефалограммы после детальной проверки на ЭВМ. Здесь, по-видимому, какая-то ошибка, но...

Он запнулся.

— Ну? — поторопил Ливитт.— Что-нибудь не в порядке?

— Дело в том, сэр, что ваша ЭЭГ отнесена к четвер-

той группе, она атипична, хотя, по-видимому, вполне благоприятна. Однако все же надо бы сделать повторную запись...

— Должно быть, это ошибка,— вмешался Стоун.

— Конечно, ошибка,— поддакнул Ливитт.

— Несомненно, сэр,— сказал молодой человек.— Но мы хотели бы все же повторить запись, чтобы полностью удостовериться.

— Я сейчас занят.

Стоун обратился непосредственно к лаборанту:

— Доктор Ливитт сделает повторную энцефалограмму, как только немного освободится...

— Хорошо, сэр.

Когда экран погас, Стоун заметил:

— Иногда все эти обязательные процедуры чертовски раздражают.

— Вот именно,— согласился Ливитт.

Они принялись было за биологическую проверку различных культур бактерий, но тут на экране ЭВМ появилось сообщение, что готовы предварительные данные рентгенокристаллографии. Стоун и Ливитт отправились посмотреть эти данные, отложив биологическую проверку, что было весьма прискорбно. Такая проверка показала бы, что в своих рассуждениях ученые уже сбились со следа и пошли по ложному пути.

25. УИЛЛИС

По данным рентгенокристаллографического анализа, у «Андромеды» не оказалось никаких компонентов, присущих обычной клетке,— ни ядра, ни митохондрий, ни рибосом. В шестиугольниках не было никаких внутренних членений, никаких более мелких частичек. Напротив, как их стенки, так и внутренняя часть состояли, по-видимому, из одного и того же вещества. Вещество это давало на фотографиях характерную картину какого-то колебательного процесса, прецессии, или, иначе, рассеяния рентгеновских лучей.

Просматривая результаты, Стоун заметил:

— Просто ряд одинаковых шестиугольных колец...

— И ничего больше,— добавил Ливитт.— Как же, к дьяволу, этот штамм ухитряется жить?..

Они не могли представить себе, как организм, столь

просто устроенный, способен непосредственно использовать энергию для роста.

— Совершенно заурядная кольцевая структура,— сказал Ливитт.— Вроде фенольной группы, только и всего. Такая структура должна быть довольно инертной...

— А она превращает энергию в материю...

Ливитт почесал затылок. Он опять припомнил свою аналогию с городом, аналогию с клеткой мозга. Любая молекула построена из простейших кирпичиков. Взятая отдельно, она не обладает никакими примечательными свойствами. Однако в составе какой-то общности обретает огромную силу.

— Быть может, существует какой-то критический уровень,— предположил Ливитт.— Сложная структура подчас проявляет свойства, какие просто невозможны у подобной же, но более простой...

— Давняя острота насчет мозга шимпанзе,— напомнил Стоун.

Ливитт молча кивнул. По всем основным характеристикам мозг шимпанзе устроен не менее сложно, чем мозг человека. Существуют мелкие различия, но главное — в размере: человеческий мозг крупнее, в нем значительно больше клеток, больше и различных связей между ними. И именно это — не совсем понятно как — делает мозг человека качественно иным. Как однажды заметил в шутку нейрофизиолог Томас Уолдрен, решающее различие между мозгом шимпанзе и мозгом человека состоит в том, что «мы используем шимпанзе в качестве подопытного животного, а не наоборот».

Стоун и Ливитт несколько минут ломали себе головы над структурой штамма и, не придя ни к какому выводу, перешли к анализу плотности распределения электронов методом разложения в ряд. Вероятностное местоположение электронов для этой структуры было изображено на схеме, напоминающей топографическую карту. И сразу же обнаружилась новая странность. Структура на схеме оставалась неизменной, но величины коэффициентов Фурье для разных точек оказались неодинаковыми.

— Похоже, что часть структуры каким-то образом отключается,— сказал Стоун.

— Главное, она все-таки не однородна,— поддержал Ливитт.

Стоун уставился на полученную схему и вздохнул:

— Черт возьми, надо было взять в группу физикохимика...

«Вместо Холла»,— добавил он про себя.

Холл устало тер глаза, прихлебывал кофе и очень жалел, что к нему не полагается сахару. В буфете больше никого не было, и тишину нарушало лишь приглушенное щелканье телетайпа в соседней совещательной комнате.

Спустя минуту он встал, подошел к телетайпу и стал просматривать рулоны поступивших сообщений. Большинство из них было лишено для него всякого смысла, но в конце концов он натолкнулся на страничку текста, поступившего по программе «Обзор смертей». Эта программа предусматривала регистрацию всех сколько-нибудь значительных смертных случаев, соответствующих определенным критериям. Для «Лесного пожара» ЭВМ сейчас подбирала сообщения обо всех неожиданных смертях в Аризоне, Неваде и Калифорнии.

Холл не обратил бы внимания на эту страничку, если бы не недавний разговор с Джексоном. Тогда ему этот разговор показался, по правде говоря, бесполезным, и он пожалел затраченного времени. Теперь он призадумался.

телетайп программа
обзор смертей
сообщение 998
координаты 7, Y, 0, X, 4, 0
дословный текст сообщения ассошиэйтед пресс 778-778
браш ридж, аризона

Как сообщают, сегодня полицейский дорожной полиции штата Аризона убил пять человек в закусочной у шоссе. Мисс Сэлли Коноувер, официантка из закусочной на маршруте 15 в десяти милях к югу от Флагстаффа,— единственная свидетельница происшествия, оставшаяся в живых.

Мисс Коноувер сообщила следователю, что в 2.40 пополуночи полицейский Мартин Уиллис вошел в закусочную и попросил кофе с пончиком. Уиллис и раньше довольно часто заходил сюда. На этот раз он, выпив свой кофе, сказал, что у него сильно болит голова и «язва разбушевалась». Мисс Коноувер подала ему две таблетки аспирина и столовую ложку питьевой соды. По ее словам, в этот самый момент Уиллис подозрительно взглянул на других посетителей и прошептал: «Они охотятся за мной».

Прежде чем официантка успела ответить, Уиллис выхватил пистолет и начал стрелять в посетителей, методически переходя от одного к другому. Затем он якобы по-

вернулся к мисс Коноувер, улыбнулся и, сказав: «Я люблю тебя, Ширли Темпл», сунул дуло пистолета в рот и нажал спуск.

После допроса в полиции мисс Коноувер была отпущена. Опознать убитых пока не удалось.

конец сообщения
конец программы

Холл не мог не припомнить, что этот самый Уиллис проехал через Пидмонт незадолго, буквально за несколько минут до вспышки болезни, проехал, не остановившись.

И вскоре сошел с ума.

Есть тут какая-нибудь связь?

Он задумался. Вполне возможно... Во всяком случае, налицо много общего: Уиллис страдал язвой желудка, принимал аспирин, а потом взял да и покончил с собой.

Конечно, все это еще ничего не доказывало. Все эти события могли быть совершенно не связаны друг с другом. Но проверить догадку стоило.

Он нажал кнопку на панели. Телеэкран вспыхнул, и на нем появилось лицо девушки у коммутатора с наушниками поверх прически. Девушка улыбнулась.

— Мне нужен главный врач дорожной полиции штата Аризона,— сказал Холл.— Или западного сектора штата, если там есть такой.

— Хорошо, сэр,— ответила девушка без тени удивления.

Через несколько минут девушка появилась на экране вновь.

— Мы разыскали доктора Смитсона, врача аризонской дорожной полиции к западу от Флагстаффа. У него нет телепередатчика, но вы можете переговорить с ним по звуковому каналу.

— Превосходно,— сказал Холл.

Что-то щелкнуло и загудело. Холл не отрываясь смотрел на экран, но девушка выключила звук и занялась каким-то другим абонентом. И вдруг Холл услышал низкий медлительный голос, позвавший нерешительно:

— Алло! Кто меня вызывает?..

— Здравствуйте, доктор,— откликнулся Холл.— С вами говорит ваш коллега Марк Холл из... Финикса. Я хотел бы уточнить кое-что относительно одного из ваших инспекторов, полицейского Уиллиса...

— Телефонистка сказала, что вызов правительственный,— произнес Смитсон нараспев.— Это верно?

— Да, верно. Мы хотели бы...

— Доктор Холл,— сказал Смитсон все тем же тягучим голосом,— быть может, вы сначала удостоверите свою личность и назовете свое учреждение?

Холл сообразил, что смерть Уиллиса, вероятно, уже привлекла внимание блюстителей закона. Доктор Смитсон, ясное дело, обеспокоен этим.

— К сожалению, я не вправе ответить на ваш вопрос.

— Ну, так вот, доктор, по телефону я никаких сведений давать не буду, тем более что человек на другом конце провода не желает сказать, зачем они ему нужны.

Холл тяжело вздохнул.

— Доктор Смитсон, я вынужден тем не менее просить вас...

— Просите, сколько хотите. Только я все равно не...

И тут в трубке внезапно прозвенел звонок, и бесстрастный механический голос оповестил:

— Прошу внимания. Это запись. Киберпетическое контрольное устройство произвело проверку линии, по которой ведется настоящий разговор, и установило, что разговор записывается на магнитофон внешним абонентом. Доводится до сведения, что запись секретных правительственных переговоров лицами, на то специально не уполномоченными, карается тюремным заключением на срок от пяти лет и выше. Если запись не будет прекращена, связь автоматически выключается. Благодарю за внимание.

Последовала долгая пауза. Холл легко мог себе представить изумление Смитсона; он и сам был немало удивлен.

— Из какого же чертова логова вы звоните, а? — выговорил, наконец, Смитсон.

— Выключите магнитофон,— предложил Холл.

Еще пауза, легкий щелчок, затем:

— Ладно. Выключил...

— Я говорю с секретного правительственного объекта.

— Но послушайте, мистер...

— Постарайтесь понять, что я говорю,— сказал Холл.— Дело это чрезвычайной важности, и касается оно полицейского Уиллиса. Несомненно, по этому поводу будет проведено судебное расследование и, разумеется, тогда потянут и вас. А мы, возможно, сумеем доказать, что Уиллис не отвечал за свои поступки, что это был чисто

клинический случай. Но мы ничего не сможем сделать, если вы не сообщите нам все, что знаете о состоянии его здоровья. И если вы, доктор Смитсон, не скажете все, что знаете, и притом немедленно, мы вправе засадить вас за решетку лет на двенадцать за отказ содействовать официальному правительственному расследованию. Дело ваше — верить мне или нет. Для вас будет лучше, если поверите...

Последовала еще одна долгая пауза, и в конце концов Смитсон ответил все так же неторопливо:

— Ну, зачем же волноваться, доктор. Разумеется, теперь, когда я уяснил себе ситуацию...

— Уиллис страдал язвой желудка?

— Язвой? Нет. Просто он так сказал, или, во всяком случае, так сообщили. Насколько мне известно, язвы у него никогда не было...

— А чем-нибудь вообще он болел?

— Диабетом.

— Диабетом?

— Да. И относился он к своей болезни довольно небрежно. Диагноз мы поставили лет пять-шесть назад, когда Уиллису было тридцать. Довольно серьезный случай. Назначили ему инсулин, пятьдесят единиц в день, но я сказал уже — он был довольно небрежен. Раза два привозили в больницу в коматозном состоянии — и все из-за того, что забывал про инсулин. Уверял, что терпеть не может шприца. Хотели даже уволить его из полиции: как его, в самом деле, пускать за руль? А если вдруг приступ ацидоза и обморок на полном ходу? Здорово тогда его напугали, и он поклялся, что будет выполнять все предписания. Это случилось три года назад, и с тех пор, насколько мне известно, он вводил инсулин регулярно...

— Вы в этом уверены?

— Ну, более или менее. Правда, официантка эта из закусочной, Сэлли Коноувер, сообщила следователю, что Уиллис, по-видимому, был пьян: от него будто бы несло спиртным. Но я-то знаю точно, что Уиллис в жизни к рюмке не притрагивался. Он был из истинно верующих, никогда не курил и не пил. Вел размеренную, правильную жизнь. Потому и из-за своего диабета так переживал: ему казалось, что он такой напасти не заслужил...

Холл откинулся в кресле. Вот теперь он подошел близко, совсем близко. Ответ — где-то рядом, протяни руку. Ответ окончательный, разрешающий все сомнения...

— Последний вопрос,— сказал он.— Уиллис проезжал через Пидмонт незадолго до своей смерти?

— Да, проезжал. Он радировал нам оттуда. Правда, он немного опаздывал против графика, но через поселок проехал. А что? Это связано с правительственными испытаниями, которые там ведутся?

— Нет,— ответил Холл, хотя и был убежден, что Смитсон ему не поверит.

— Но, послушайте, мы тут с этим Уиллисом влипли в скверную историю, и если у вас есть какие-нибудь факты, которые...

— Мы еще с вами свяжемся,— пообещал Холл и отключился.

На экране вновь появилась девушка.

— Вы закончили разговор, доктор Холл?

— Да, закончил. Но мне нужна одна справка.

— Какого рода справка?

— Я хочу знать, имею ли я право кого-нибудь арестовать.

— Сейчас проверю, сэр. По какому обвинению?

— Без всякого обвинения. Просто задержать человека.

С минуту девушка разглядывала что-то на панели перед собой.

— Доктор Холл, вы имеете право потребовать официального военного допроса любого человека по делам, связанным с программой нашего комплекса. Допрос может длиться не более сорока восьми часов.

— Хорошо,— сказал Холл.— Организуйте мне это.

— Да, сэр. Кого вы имеете в виду?

— Доктора Смитсона.

Девушка кивнула в знак того, что поняла, и экран погас. Холлу стало даже жаль Смитсона, правда не очень — придется несколько часов попотеть со страху, только и всего. Что делать — необходимо приостановить распространение слухов о Пидмонте.

Он по привычке откинулся на спинку стула и начал размышлять о том, что узнал. Он был немного взволнован, чувствовал, что стоит на пороге важного открытия.

Три человека:

Диабетик, страдающий ацидозом вследствие нерегулярного приема инсулина.

Старик, любитель денатурата и аспирина, тоже с резко повышенной кислотностью.

И младенец.

Один прожил несколько часов, другие два, очевидно, выжили окончательно. Один сошел с ума, другие — нет. И все это как-то взаимосвязано.

Какой-то совсем не сложной связью.

Ацидоз. Ускоренное дыхание. Повышенное выделение углекислого газа. Кислородное насыщение. Головокружения. Утомляемость. И все это как-то логически связано. Где-то в этой цепочке — ключ к борьбе с «Андромедой»...

В этот миг на пятом уровне пронзительно зазвенел сигнал общей тревоги и зажглись пульсирующие ярко-желтые лампы.

Холл вскочил и выбежал в коридор.

26. ПРОРВАЛАСЬ!..

Мигающее табло в коридорах указывало место происшествия: «Секционная». Холл сразу сообразил — произошла разгерметизация, прорвалась инфекция.

Он побежал по коридору, а над ним громкоговорители повторяли мягким, ласковым голосом: «В секционной разгерметизация. В секционной разгерметизация. Объявлена тревога».

Из приоткрывшейся двери выглянула лаборантка:

— Что случилось?

— У Бертона как будто. Прорыв инфекции.

— А он-то цел?

— Сомневаюсь,— кинул он на бегу. Она пустилась за ним вдогонку.

Из морфологической лаборатории вышел Ливитт и присоединился к ним. Теперь они бежали втроем, бежали что есть мочи по плавно изгибающемуся коридору, и Холлу еще подумалось, что для своего возраста Ливитт бежит очень легко. И вдруг тот остановился. Замер как вкопанный. И не мигая уставился на мерцающее табло и на лампочку над ним, которая вспыхивала и гасла. вспыхивала и гасла.

Холл оглянулся:

— Пошли скорее...

— Ему плохо,— сказала лаборантка.

Ливитт не двигался. Он стоял с раскрытыми глазами и в то же время как будто спал. Руки плетьми бессильно свисали по бокам.

— Доктор Холл!

Холл остановился, потом повернул назад.

— Питер, старик, пошли, нам нужна ваша...

Он не договорил, потому что Ливитт уже не слышал его. Ливитт глядел прямо перед собой на мигающий свет. Когда Холл провел рукой у него перед глазами, Ливитт не среагировал — не заметил. И тут Холл вспомнил, что микробиолог и раньше боялся мигающего света, отворачивался от пульсирующих ламп и отшучивался, когда его расспрашивали об этом.

— Вот чертов сын,— сказал Холл.— И надо же, чтобы это началось именно сейчас...

— Да что с ним? — спросила лаборантка.

Из уголка рта у Ливитта вытекла струйка слюны. Холл быстро подошел к нему сзади и обратился к лаборантке:

— Встаньте прямо перед ним и прикройте ему глаза рукой. Не позволяйте ему смотреть на лампу...

— Почему?

— Потому что она мигает три раза в секунду.

— Вы хотите сказать...

— Что вот-вот начнется припадок.

И тут как раз припадок и начался.

Колени Ливитта мгновенно подогнулись, и он рухнул на пол. Упал он на спину, и по телу его прокатилась волна крупной дрожи. Сначала задрожали кисти рук и ступни, потом тряска охватила руки до плеч и ноги и, наконец, все тело. Судорожно стиснув зубы, он издал прерывистый стон. Голова заколотилась по полу. Холл подсунул ему под затылок ногу: уж лучше пусть колотится о ногу, чем о твердый пол.

— И не пытайтесь открыть ему рот,— сказал Холл.— Все равно не сможете — судорога...

На брюках у Ливитта появилось и стало разливаться желтое пятно.

— Сейчас может начаться общий спазм,— продолжал Холл.— Бегите в аптеку — сто миллиграммов люминала. Быстро, как только можете. И шприц. Потом, если надо, переведем его на дилантин...

Ливитт всхлипывал сквозь судорожно сжатые зубы, по-звериному завывая. Скованное судорогой тело его стучало о пол, словно бревно.

Но тут подоспела лаборантка со шприцем. Холл подождал, когда судороги стихнут, и сделал укол.

— Останьтесь с ним,— обратился он к девушке.— Если приступ повторится, сделайте то же, что я,— под-

ложите ногу ему под голову. Думаю, что все обойдется. Только не трогайте его с места...

И Холл бегом бросился в секционную.

Он подергал ручку — и только через несколько секунд сообразил, что лаборатория отсечена и герметически изолирована: значит, туда прорвалась инфекция. Холл прошел в комнату Главного контроля. Там сидел Стоун, а с экрана внутреннего телевидения на него смотрел насмерть перепуганный Бертон.

Вид у Бертона был страшный, лицо бледное, дыхание отрывистое, речь несвязная. В общем выглядел он как приговоренный к смерти, да, собственно, так оно и было.

— Ну, не волнуйтесь, старина, не волнуйтесь,— пытался успокоить его Стоун.— Все будет хорошо. Главное — не волнуйтесь...

— Мне страшно,— шептал Бертон.— Господи, как мне страшно...

— Успокойтесь, старина,— увещевал Стоун.— Мы же знаем, что «Андромеде» не нравится кислород. Вот мы и накачиваем сейчас в вашу лабораторию чистый кислород. Это поможет вам продержаться...— Он повернулся к Холлу.— Почему так долго? Где Ливитт?

— У него припадок.

— Что?

— Ваши лампочки мигают три раза в секунду, и у него случился припадок.

— Что-о?

— Эпилепсия. Сначала легкий припадок, а потом очень тяжелый — с тоническими судорогами, недержанием мочи и всем прочим. Я ввел ему люминал — и сразу же сюда...

— У Ливитта — эпилепсия?!

— Выходит, что да.

— Должно быть, он и сам не знал,— сказал Стоун.— Не понимал, наверно...

И тут Стоун вспомнил про запрос на повторную энцефалограмму.

— О нет,— сказал Холл,— отлично знал. Сознательно избегал глядеть на мигающий свет, знал, что это может вызвать припадок. Я уверен, что знал. Уверен, что случались приступы, когда он вдруг терял представление, что с ним происходило, когда какие-то минуты начисто выпадали из жизни и он не мог ничего вспомнить...

— Сейчас ему лучше?

— Ничего. Держим на успокаивающих...

— Бертону мы качаем чистый кислород,— пояснил Стоун.— Это должно помочь ему, пока мы не разберемся...— С этими словами он отключил микрофон внутренней связи с Бертоном.— Фактически кислород начнет поступать к нему лишь через несколько минут, но я ему сказал, что уже начал. Он там герметически изолирован, так что распространение инфекции приостановлено. В остальных помещениях базы все в порядке — пока...

— Как это могло случиться? — спросил Холл.— Как могла произойти утечка?

— Должно быть, где-нибудь полетела прокладка,— ответил Стоун. И понизил голос: — Мы знали, что рано или поздно это должно произойти. Любая изоляция со временем сдает...

— Вы думаете, это случайность?

— Конечно. Просто авария. Здесь так много всяких прокладок, так много резины разной толщины. Дайте срок, они все посыплются. Бертону просто повезло очутиться там, где случился первый прорыв.

Холл отнюдь не испытывал уверенности, что все действительно так просто. Он глянул на экран — Бертон дышал учащенно, грудь его от ужаса ходила ходуном.

— И давно это произошло?

Стоун бросил взгляд на часы, отрегулированные на остановку в случае ЧП. Теперь они показывали время, прошедшее с момента разгерметизации.

— Четыре минуты назад.

— И Бертон все еще жив?

— Да, слава богу...

И тут Стоун нахмурился. До него дошло, что это действительно странно.

— Почему? Почему он все еще жив? — раздельно и медленно повторил Холл.

— Кислород...

— Вы сами сказали, что кислород еще не подали. Что же защищает Бертона сейчас?..

В этот миг переговорное устройство донесло до них голос Бертона:

— Послушайте... Я хотел бы, чтобы вы попробовали на мне одну вещь...

Стоун включил микрофон.

— Какую?

— Калоцин.

— Нет,— отрезал Стоун.
— Черт возьми, ведь речь идет о моей жизни...
— Нет.
— А может, попробовать? — начал Холл.
— Ни в коем случае. Мы не имеем права. Даже пробовать не имеем права...

Калоцин представлял собою, вероятно, самый строго охраняемый американский секрет за последние десять лет. Это был медикамент, выделенный фармацевтической фирмой Йенсена весной 1965 года под индексом UJ-44759W, или сокращенно К-9. Открытие произошло случайно, в ходе цикла обычных проверочных испытаний, которые Йенсен проводил со всеми вновь полученными соединениями.

Все фармацевтические компании проводят подобные испытания с целью выявления потенциальных биологических возможностей новых препаратов. В цикл испытаний входят в общей сложности 24 различные пробы, и выполняются они на лабораторных животных — крысах, собаках и обезьянах.

Препарат К-9 проявил на испытаниях довольно странные свойства. Он подавлял рост. Детеныш, которому вводили препарат, никогда не достигал размеров взрослой особи.

Этот факт послужил толчком к новой серии испытаний, и та дала еще более интригующие результаты. Препарат, как выяснил Йенсен, подавлял метаплазию, то есть превращение нормальных клеток организма в аномальные предшественники раковых клеток. Йенсен пришел в восторг и незамедлительно начал еще более интенсивные исследования.

К сентябрю 1965 года уже не оставалось сомнений, что калоцин способен приостанавливать рак. Механизм действия препарата был по-прежнему неясен, но он, несомненно, препятствовал размножению вируса, вызывающего миелоидную лейкемию. Животные, которым был введен препарат, не заболевали, а больные показывали заметное улучшение.

Персонал фирмы был взволнован. Вскоре обнаружилось, что калоцин — противовирусный препарат широчайшего спектра действия. Он убивал возбудителей полиомиелита, бешенства, лейкемии и бородавок. Мало того, как ни странно, калоцин убивал также и бактерии.

И грибки.
И паразитов.

Каким-то неведомым образом препарат уничтожал любые организмы одноклеточной или еще более простой структуры — и совершенно не влиял на сложные системы органов, на группы клеток, образующие крупные общности. В этом смысле действие калоцина было на редкость избирательным.

По существу калоцин представлял собою универсальный антибиотик. Он убивал любые микробы, даже те, которые вызывают обычную простуду. Естественно, возникали и побочные явления: заодно уничтожались и полезные бактерии кишечного тракта — все животные, на которых пробовали препарат, поголовно страдали расстройствами желудка. Но разве это можно было назвать высокой ценой за излечение от рака?

В декабре 1965 года сведения о препарате были неофициально сообщены некоторым правительственным учреждениям и ответственным работникам здравоохранения. И тогда-то у калоцина впервые нашлись противники. Многие, включая Джереми Стоуна, потребовали даже запрещения препарата.

Однако аргументы, которые они выдвигали, казались чисто теоретическими, и фирма, чуя миллиардные прибыли, упорно настаивала на проведении клинических испытаний. В конце концов правительство, Министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения и Управление продовольственных и медицинских товаров пошли навстречу Йенсену и дали санкцию на клинические испытания препарата. Они были начаты в феврале 1966 года, и первыми людьми, получившими калоцин, были 20 неизлечимо больных раком и 20 добровольцев из тюрьмы штата Алабама. Все 40 пациентов принимали препарат ежедневно в течение месяца. Результаты соответствовали ожидаемым: добровольцы испытывали побочные неприятные явления, однако ничего серьезного, а у больных раком наблюдалась поразительная ремиссия симптомов — свидетельство излечения. Первого марта 1966 года всем сорока перестали давать калоцин. Через шесть часов все сорок умерли.

Произошло то, что Стоун предсказывал с самого начала. Он говорил, что за многие века сосуществования человек постепенно выработал очень точно сбалансированный иммунитет по отношению к большинству микроорга-

низмов. Сотни различных видов вирусов и бактерий обитают на коже, в легких, кишечнике и даже в крови. Потенциально все они смертельно опасны, однако человек постепенно приспособился к ним, и лишь некоторые из них способны теперь вызывать у него болезни.

Этим обеспечивалось весьма точно отрегулированное равновесие. С привнесением препарата, убивающего все бактерии, мы нарушаем равновесие, уничтожаем плод многих веков эволюции. Мы открываем путь сверхинфекциям, и перед нами возникает проблема новых микроорганизмов, вызывающих новые болезни.

Стоун оказался прав: все сорок человек умерли от ужасных и непонятных, ранее никогда не виданных болезней. У одного все тело с головы до ног раздувалось до тех пор, пока он не погиб от отека легких. Другой пал жертвой бактерии, в течение нескольких часов начисто разъевшей его желудок, третий был поражен вирусом, который превратил его мозг в желеобразную массу.

И так все сорок.

Йенсен был вынужден прекратить испытания препарата. Правительство, убедившись, что Стоун сумел понять суть дела, приняло его первоначальное предложение и наложило категорический запрет на любую информацию и любые опыты, связанные с калоцином.

С тех пор прошло уже два года. И вот теперь Бертон попросил дать ему калоцин...

— Нет,— повторил Стоун еще раз,— у вас не будет и одного шанса из тысячи. На время он, возможно, вас поддержит, но, как только мы лишим вас калоцина, вы не выживете...

— Вам-то легко говорить, сидя там, где вы сидите.

— Мне совсем нелегко. Поверьте...

Стоун вновь прикрыл микрофон рукой и повернулся к Холлу:

— Мы же знаем, что кислород подавляет рост штамма. Будем давать Бертону кислород — на время это поможет. Чуть-чуть покружится голова, зато он немного отдохнет и дыхание у него успокоится. Бедняга напуган до смерти...

Холл кивнул. Почему-то слова Стоуна поразили его. Напуган до смерти... Ему вдруг стало ясно, что Стоун натолкнулся на что-то чрезвычайно важное. В этих словах — ключ. В этих словах — ответ...

Он встал и пошел прочь.

— Куда вы?
— Мне надо подумать...
— О чем?
— О том, что значит— напуган до смерти...

27. НАПУГАН ДО СМЕРТИ

Холл вернулся к себе в лабораторию и уставился сквозь стекло на старика и младенца. Хотелось привести в порядок мысли, но они гнались друг за другом, кружась в бешеном темпе. Добиться логической стройности никак не удавалось, и испытанное только что чувство, что он на пороге открытия, исчезло.

Минуту-другую он не отрываясь смотрел на старшего своего пациента, а перед мысленным его взором мелькали стремительные картины: умирающий Бертон — рука прижата к груди, Лос-Анджелес в панике, повсюду тела, тела и взбесившиеся, вышедшие из-под контроля автомобили...

Тут он понял, что и сам напуган. Напуган до смерти. Он вспомнил эти слова.

Напуган до смерти.

В них был какой-то смысл, какой-то ответ. Но какой?

Неторопливо, принуждая свой мозг к методичности, он еще раз взвесил все, что знал.

Полисмен с диабетом. Полисмен, который подчас пренебрегал инсулином и впадал в ацидоз.

Старикан, взявший себе в привычку пить «Стерно», что вело к насыщению организма метилом и ацидозу.

Младенец, который... Который что? Откуда у него ацидоз?

Холл замотал головой. Во всех своих построениях он неизменно возвращался к этому младенцу — у того все было в норме, и никакой повышенной кислотности.

Он вздохнул. «Начни с начала, с самого начала,— сказал он себе.— Будь логичен. Если у человека обменный ацидоз — да любой ацидоз,— что с ним происходит?»

В его организме создается избыток кислоты. От такого избытка можно умереть, как, например, при впрыскивании в вену сбляпой кислоты.

Слишком много кислоты — смерть.

Но организм может уравновесить этот избыток. Учащением дыхания. Ибо тогда легкие станут выводить больше углекислого газа и количество угольной кислоты, об-

разуемой углекислым газом в крови, несколько снизится.

Значит, есть способ избавиться от высокой кислотности.

Учащенное дыхание.

А «Андромеда»? Что происходит с этим штаммом, если у вас ацидоз и вы учащенно дышите?

Может быть, при учащенном дыхании штамм не успевает попасть из легких в кровеносные сосуды? Может быть, и так. Но, не успев даже довести мысль до конца, он покачал головой. Нет, не то. Здесь что-то другое. Какой-то совсем простой, элементарный факт. Нечто давно им известное. Только никак не удавалось ухватиться — что...

Итак, «Андромеда» проникает в организм через легкие.

Проходит в кровь.

Сосредоточивается в стенках кровеносных сосудов, особенно сосудов мозга.

Разрушает стенки.

Это ведет к свертыванию крови — или к внутреннему кровоизлиянию, сумасшествию и смерти.

Но, чтобы вызвать такое быстрое и сильное разрушение сосудов, нужно множество микроорганизмов. Миллионы миллионов их должны накопиться в артериях и венах. Вряд ли можно столько вдохнуть.

Значит, «Андромеда» размножается в крови.

Стремительно. С фантастической скоростью.

А если у вас ацидоз? Это приостанавливает размножение?

Может быть.

И снова Холл мотнул головой. У Уиллиса и у Джексона ацидоз — это одно дело. А у младенца?..

Ребенок совершенно здоров. Если он учащенно дышит, у него наступает алкалоз — ощелочение, уменьшение кислотности крови, а вовсе не ацидоз. Тут противоположная крайность.

Холл глянул сквозь стекло, и в этот миг ребенок проснулся. И почти немедленно залился плачем: личико посинело, глазенки сморщились, обнажились беззубые десны...

Напуган до смерти.

И потом птицы с их ускоренным обменом веществ, ускоренным пульсом, ускоренным дыханием. Птицы, у которых ускорены все процессы. Они ведь тоже выжили.

Ускоренное дыхание?

Так просто?

Он опять покачал головой. Нет. Не может быть.

Ожесточенно протер глаза. Сильно болела голова, он ощущал такую усталость... Мысль вернулась к Бертону, который в любую минуту мог умереть, наглухо запертый в своей секционной. Напряжение становилось невыносимым. Холл вдруг почувствовал, что им овладевает желание убежать, исчезнуть, спрятаться от всего этого...

Вспыхнул телевизионный экран, и на нем появилась лаборантка.

— Доктор Холл,— позвала она,— мы перенесли доктора Ливитта в лазарет.

— Сейчас приду,— машинально ответил Холл.

Он знал, что ведет себя странно. Никакой нужды осматривать Ливитта не было. С ним ничего уже не случится, и никакой опасности для его жизни нет. Просто Холл старался отогнать от себя другие, более срочные заботы. Когда он вошел в лазарет, ему стало стыдно.

— Он спит,— сказала лаборантка.

— После приступа это нормально.

— Начнем дилантин?

— Нет пока. Подождем, посмотрим. Может, обойдемся люминалом...

Он начал тщательный и подробный осмотр больного.

— Вы устали,— наблюдая за ним, сказала лаборантка.

— Да,— ответил Холл.— В это время я, как правило, уже сплю...

В обычный день он давно уже кончил бы свои дела в больнице и ехал бы домой. И Ливитт тоже ехал бы к себе домой, в Пэсифик-Пэлисейдз. По автостраде Санта-Моника...

На секунду Холл явственно представил себе поток медленно движущихся автомашин. И дорожные знаки на обочине. Ограничение скорости: максимум — 100 километров в час, минимум — 60. В часы пик эти знаки выглядели как злая насмешка.

Максимум и минимум.

Вести машину слишком медленно плохо, даже опасно. Нужно, чтобы машины шли с какой-то более или менее постоянной скоростью. Нужно, чтобы разрыв между максимальной и минимальной скоростью был небольшим. Нужно...

Он замер и воскликнул:
— Какой же я идиот!..
И бросился к ближайшей панели ЭВМ.

Позже, много недель спустя, Холл окрестил эту свою догадку «шоссейным диагнозом». Принцип был так прост, так ясен и очевиден, что оставалось только диву даваться, как он никому раньше не пришел в голову.

Отстукивая на клавишах уточнение к программе «Рост», он был настолько взволнован, что пришлось повторить операцию трижды — пальцы не слушались.

Наконец это все-таки удалось. И он увидел то, что хотел: рост штамма «Андромеда» как функцию pH, кислотно-щелочного равновесия.

Результат был абсолютно ясен.

Штамм «Андромеда» сохранял способность к росту лишь в узком диапазоне значений pH! Если среда оказывалась слишком кислой, он не размножался. Если слишком щелочной — тоже. Штамм быстро рос только в диапазоне от 7,39 до 7,43.

Холл всмотрелся в график, выданный ЭВМ, и кинулся к двери. По дороге вспомнил про лаборантку и улыбнулся:

— Все в порядке. Все наши беды позади...

Он жестоко заблуждался.

28. ИСПЫТАНИЕ

Стоун по-прежнему следил за Бертоном на телеэкране и встретил Холла сообщением:

— Кислород уже поступает...

— Прекращайте.

— Что?!

— Прекращайте. Подавайте обычный воздух.

Холл внимательно посмотрел на Бертона. Даже по телевидению было заметно, что кислород уже начал оказывать свое действие. Бертон дышал уже не так часто, грудь его подымалась медленнее. Холл поднял микрофон.

— Бертон, говорит Холл. Я нашел ответ: «Андромеда» растет лишь в узком диапазоне значений pH. Вы понимаете? В очень узком диапазоне. Если у вас избыток кислотности либо избыток щелочности, тогда вам ничто

не грозит. Я хочу привести вас в состояние респираторного алкалоза. Дышите быстро, как только можете...

— Но здесь же чистый кислород,— отвечал Бертон.— Наступит перенасыщение, и я потеряю сознание. У меня и без того уже голова кружится...

— Мы переходим снова на обычный воздух. Начинайте дышать быстрее, как можно быстрее.

Холл повернулся к Стоуну:

— Дайте повышенную концентрацию углекислого газа.

— Но «Андромеда» лучше всего развивается именно в атмосфере углекислого газа...

— Знаю, но не при неблагоприятном pH крови. Поймите, суть вопроса не в составе воздуха, а в составе крови. Мы должны сейчас поддерживать в крови у Бертона неблагоприятный кислотный баланс...

Стоун внезапно понял.

— Младенец. Он же все время кричал...

— Верно.

— А у старика с его аспирином было учащенное дыхание...

— Да. И, кроме того, он пил денатурат.

— И в результате и у того, и у другого совершенно нарушилось кислотно-щелочное равновесие...

— Вот именно... Вся беда в том, что я прицепился к этой кислотности и никак не мог понять, откуда у ребенка ацидоз. А его, ацидоза, там и в помине не было. Это же все равно: слишком много кислоты или слишком мало — лишь бы вне пределов диапазона роста «Андромеды»...

Он вновь обратился к Бертону.

— Теперь все в порядке. Продолжайте дышать часто. Не останавливайтесь. Работайте легкими, откачивайте углекислый газ. Как вы себя чувствуете?

— Ничего,— пропыхтел Бертон.— Страшновато... но ничего.

— Ну, вот и хорошо.

— Послушайте,— сказал Стоун,— мы же не можем вечно держать его на таком режиме. Рано или поздно...

— Конечно,— понял Холл,— мы перенасытим его кровь щелочью.— И к Бертону: — Посмотрите там у себя в лаборатории. Нет ли у вас чего-нибудь такого, чем можно изменить pH крови?

Бертон огляделся вокруг.

— Да вроде нет...

— Сода? Аскорбиновая кислота? Уксус?

Бертон начал судорожно перебирать пузырьки и реактивы на полках. Наконец, пришел к выводу:

— Ничего такого тут нет...

Холл, впрочем, уже почти не слушал Бертона. Он подсчитывал частоту его дыхания: 35 вдохов в минуту. Дыхание было глубокое, полное — какое-то время он продержится. Но затем неизбежно устанет: дыхание — достаточно тяжелая работа. Устанет или потеряет сознание...

Со своей безопасной позиции у телевизора он внимательно осмотрел лабораторию Бертона. И увидел крысу. Черную норвежскую крысу, которая преспокойно сидела в клетке в углу и разглядывала ученого.

Холл даже вздрогнул.

— Крыса-то...

А она дышала легко и размеренно. Стоун тоже заметил ее.

— Что за черт...

И вдруг лампы замигали вновь.

На пульте вспыхнула надпись:

Аварийное изменение состояния уплотнения В-112-6886

— Господи! — сказал Стоун.

— Что это за уплотнение?

— Какая-то прокладка центрального ствола, связывающего все лаборатории. Главное — гермети...

Экран загорелся опять:

Аварийное изменение состояния уплотнений А-009-5478
В-430-0030
Н-966-6656

В немом изумлении следили они за экраном.

— Скверное дело,— сказал Стоун.— Очень скверное.

На пульте промелькнули номера еще девяти вышедших из строя прокладок.

— Просто не понимаю...

Но тут Холл воскликнул:

— Ребенок. Ну, конечно же!..

— Что ребенок?

— И тот проклятый самолет. Все сходится...

— О чем вы?

— Ребенок совершенно здоров. Когда он плачет, он нарушает кислотно-щелочное равновесие организма. Допустим. Алкалоз не даст возможности штамму проникнуть в кровь, размножиться там и убить свою жертву...

— Ну да,— отозвался Стоун.— Вы это уже говорили...

— Но что происходит, когда ребенок умолкает?..

Стоун уставился на Холла, не находя слов.

— Ведь рано или поздно,— продолжал Холл— ребенок должен был замолчать! Не мог же он кричать вечно... Рано или поздно он перестал орать, кислотно-щелочное равновесие пришло в норму, и он стал вновь уязвим для «Андромеды»...

— Верно.

— Но он не умер.

— Быть может, какая-нибудь быстрая форма иммунитета...

— Нет, это невероятно. Есть только два объяснения. Когда ребенок перестал кричать, то либо штамма уже не было поблизости — подул ветер, воздух очистился,— либо же этот штамм...

— Изменился,— подхватил Стоун.— Произошла мутация.

— Вот именно. Мутация с превращением в неинфекционную форму. Возможно, она продолжается и сейчас. Штамм уже не опасен для человека, зато пожирает резину и пластик...

— Самолет!..

Холл кивнул.

Национальным гвардейцам на земле «Андромеда» не причинила никакого вреда. А самолет погиб — потому что пластик стал расползаться у пилота на глазах...

— Стало быть, штамм теперь практически безвреден. Вот почему жива крыса...

— Вот почему жив Бертон,— добавил Холл.— Учащенное дыхание не нужно. Бертон жив только потому, что изменилась сама «Андромеда».

— Она может измениться еще раз,— возразил Стоун.— И если большинство мутаций происходит во время деления...

Взревели сирены, и пульт оповестил красными буквами:

Герметизация нарушена полностью. Пятый уровень заражен и отсечен

— Бегом отсюда,— бросил Стоун Холлу.— Быстро! В этой лаборатории нет подстанции. Вам надо перейти в следующий сектор...

Холл не сразу понял, чего от него хотят. Он продолжал сидеть, будто прирос к креслу, но вдруг понял, сорвался с места, бросился к двери. И не успел — послыша-

лось шипение, из стены выскользнула массивная стальная плита и, лязгнув, перекрыла выход. Стоун выругался:

— Ну вот, попались. Если бомба взорвется, «Андромеду» разнесет на десятки миль вокруг. Будут тысячи мутаций, и каждая станет убивать на свой манер. Нам теперь никогда от нее не избавиться...

Бесстрастный механический голос повторил несколько раз по радио:

— Уровень отсечен. Тревога. Уровень отсечен. Тревога. Уровень отсечен...

На мгновение наступила тишина, потом донесся легкий скрип — включилась новая запись, и тихий голос мисс Глэдис Стивенс из штата Омаха произнес:

— До ядерного взрыва осталось три минуты...

29. ТРИ МИНУТЫ

Опять тревожно взвыла сирена, и стрелки всех часов одновременно прыгнули на 12.00, а секундные стрелки начали отсчитывать время. Циферблаты автоматических таймеров загорелись красным светом, зеленая полоска на них точно указывала момент ядерного финала

А голос невозмутимо повторял:

— До ядерного взрыва осталось три минуты.

— Автоматика,— сказал Стоун с тихим бешенством.— Уровень поражен, и система сработала. Надо что-то делать...

Холл держал в руке ключ и тупо смотрел на него.

— И никак нельзя добраться до подстанции?

— На этом уровне — нет. Каждый сектор изолирован от других.

— А на других уровнях, там же есть подстанции?

— Есть.

— Как добраться до них?

— Никак. Все пути отрезаны.

— А центральный ствол?

Центральный ствол пронизывал насквозь все уровни.

Стоун передернул плечами:

— Предохранительные системы...

Холл припомнил, что Бертон как-то рассказывал ему о предохранительных системах центрального ствола. Теоретически, попав в центральный ствол, можно было подняться до самой поверхности. Но практически по окружности ствола были размещены лигаминовые датчики.

в основном на случай, если какое-нибудь лабораторное животное вырвется на волю. По сигналу датчика в ствол подавался в виде газа лигамин — растворимое производное яда кураре. Кроме того, автоматические пистолеты стреляли дротиками, отравленными лигамином.

Механический голос сказал:

— До взрыва осталось две минуты сорок пять секунд...

Холл уже отошел в глубину лаборатории и глядел сквозь стекло на внутреннее рабочее пространство: где-то там, еще глубже, находился центральный ствол.

— Какие у меня шансы?

— Их попросту нет,— ответил Стоун.

Холл пригнулся и вполз в туннель-шланг, ведущий к пластиковому комбинезону. Подождал, когда шланг за ним загерметизируется, потом взял нож и обрезал этот шланг, как бесполезный хвост. Вдохнул всей грудью лабораторный воздух, прохладный и свежий — и насыщенный «Андромедой».

И ничего не случилось.

Стоун наблюдал за ним через стекло. Холл видел, что губы Стоуна шевелятся, но слов не слышал. Потом включились динамики:

— ...лучшая, какую мы только могли придумать.

— Что?

— Предохранительная система.

— Премного благодарен,— ответил Холл и направился к круглому резиновому затвору, ведущему в центральный ствол. Отверстие затвора было круглое и относительно небольшое.

— Есть единственный шанс,— сказал Стоун.— Дозы низкие, рассчитаны на десятикилограммовое животное, вроде большой обезьяны, а в вас килограммов семьдесят или вроде того. Вы выдержите довольно значительную дозу, прежде чем...

— Прежде чем перестану дышать,— закончил за Стоуна Холл.

Жертвы кураре погибают от удушья, вызванного параличом мышц груди и диафрагмы. Холл был убежден, что это не самый приятный способ умереть.

— Пожелайте мне удачи,— сказал он.

— До взрыва осталось две минуты тридцать секунд,— молвила Глэдис Стивенс.

Холл с размаху ударил кулаком по затвору — тот рассыпался на куски — и пролез в центральный ствол.

Здесь было тихо. Ни воющих сирен, ни мигающих ламп, одна холодная, металлическая, гулкая пустота. Центральный ствол, метров десяти в диаметре, был выкрашен в практичный серый цвет; это была просто цилиндрическая шахта с кабелями и механизмами, и по стене наверх, на четвертый уровень, шли ступеньки-скобки.

— Я наблюдаю за вами по телемонитору,— донесся до Холла голос Стоуна.— Поднимайтесь быстрее. Вот-вот будет выпущен газ.

Еще один магнитофонный голос:

— Поражен центральный ствол. Всему обслуживающему персоналу немедленно покинуть опасную зону...

— Скорее! — крикнул Стоун.

Холл полез по скобкам вверх. Глянул под ноги — пола уже не было видно, его застлали клубы белого дыма.

— Пошел газ,— предупредил Стоун.— Торопитесь!..

Холл и без того торопился, перебирая руками по скобкам и тяжело дыша — от усталости и от волнения.

— Датчики засекли вас,— глухо сказал Стоун.

Сидя в лаборатории у экрана, он видел, как электрические глаза обнаружили Холла в шахте и очертили контуры его тела. Холл казался таким беззащитным, таким уязвимым... А на соседнем экране было видно, как лазерные пистолеты поворачиваются на своих кронштейнах, наводя на цель тонкие дула.

— Скорее!..

Тело Холла на экране было обведено красной линией на ярко-зеленом фоне. Потом на этот контур, на область шеи, наложилось прицельное перекрестье. Управляемые ЭВМ автоматы, следуя программе, выбирали область наиболее сильного тока крови — у большинства животных шея в этом смысле предпочтительнее спины.

А Холл все лез и лез. Для него сейчас существовали лишь расстояние и еще усталость, усталость. Он ощущал такое изнеможение, будто карабкался уже много часов, и вдруг понял, что это началось воздействие газа...

— Датчики засекли вас,— повторил Стоун,— зато вам осталось всего метров десять...

И тут Холл увидел совсем близко от себя один из датчиков. Дуло пистолета смотрело прямо на него — и вот пистолет выстрелил, выплюнув облачко голубого дыма. Что-то свистнуло мимо уха, шлепнулось в стенку и отскочило вниз.

— Промах. Лезьте дальше...

Еще один дротик разбился о стенку рядом с шеей. Холл старался карабкаться быстрее, как можно быстрее... Над собой он уже видел дверь с белыми буквами: «Четвертый уровень». Стоун был прав, действительно оставалось меньше десяти метров. Третий дротик, четвертый. Мимо. Ирония судьбы — на какую-то малую долю секунды он почувствовал раздражение: чего стоят эти дурацкие электронные системы, если не способны попасть в такую мишень...

Следующий дротик ударил Холла в плечо и с жалящей болью вонзился под кожу, потом по телу прокатилась вторая волна боли — впрыснулся яд. Холл чертыхнулся.

Стоун видел все это на своем мониторе. Затем на экране появилась бесстрастная надпись: «Попадание», и изображение было повторено в записи; дротик снова летел и снова вонзился Холлу в плечо. Запись была повторена трижды...

— До взрыва осталось две минуты,— возвестил голос.

— Доза низкая,— сказал Стоун.— Лезьте дальше...

И Холл полез дальше. Он чувствовал огромную тяжесть, будто весил двести килограммов, и все-таки лез. Добрался до двери — дротик ударил в стену у самой щеки.

— Вот подлый...

— Давайте, давайте!

Дверь была герметическая, плотно притертая, на ней была ручка. Холл дернул ее — еще один дротик стукнулся в стенку.

— Вы совсем у цели,— сказал Стоун,— вы почти добрались...

— До взрыва осталось девяносто секунд...

Ручка подалась, дверь с шипением открылась. Он перевалился через порог — и в этот миг дротик вонзился в ногу, и его опять захлестнула горячая волна боли. Теперь он весил уже не двести, а пятьсот килограммов. Медленно, очень медленно он протянул руку и закрыл за собой дверь.

— Вы в воздушном шлюзе,— сказал Стоун.— Откройте следующую дверь.

Он потащился к внутренней двери. До нее был долгий-долгий, бескопечный путь, безнадежное расстояние. На ногах висели свинцовые колодки, ноги были каменные. Хотелось лечь и заснуть — он так устал, все тело болит. Шаг. Еще шаг. Еще...

— До взрыва осталось шестьдесят секунд...

Время мчалось. Холл никак не мог понять, в чем дело: оно неслось с такой быстротой, а он двигался так медленно...

Ручка. Как во сне, пальцы сомкнулись вокруг нее и повернули...

— Боритесь с ядом,— сказал Стоун.— Вы можете, можете!..

Что было дальше, он почти не мог вспомнить. Ручка повернулась, и дверь открылась; он смутно увидел девушку-лаборантку — она стояла в коридоре, куда он ввалился, и смотрела на него испуганными глазами...

— Помогите,— попросил он.

Она заколебалась, глаза ее совсем округлились, и вдруг она побежала по коридору прочь. Он тупо поглядел ей вслед и свалился на пол. Подстанция была в нескольких шагах — блестящая металлическая нашлепка на зеленой стене.

— До взрыва осталось сорок пять секунд.

И Холл разозлился. Оттого, что этот соблазнительный женский голос был заранее записан на пленку. Оттого, что кто-то задумал всю эту серию неотвратимых грозных предупреждений. Оттого, что этот сценарий разыгрывается сейчас, как по нотам, электронной машиной вкупе со всей блестящей, безупречной лабораторной аппаратурой. Будто такова была его неминуемая участь, заранее запланированная и предначертанная.

И он разозлился.

Как он преодолел оставшиеся метры, как сумел подняться на колени и вставить ключ, он, несмотря на все старания, вспомнить не мог. Но ясно помнил, как повернул ключ в замке и как погасла красная лампочка и вновь загорелась зеленая.

— Взрыв отменяется. Взрыв отменяется,— оповестил голос бесстрастно, будто ничего не случилось.

Холл тяжело сполз по стенке вниз, и черная мгла сомкнулась над ним.

ПОЖАР УГАС

30. ДЕНЬ ПОСЛЕДНИЙ

Издалека-издалека донеслись слова:

— Он приходит в себя...

— Неужели?

— Смотрите сами...

Спустя мгновение Холл закашлялся — что-то вытащили у него из горла; он еще раз кашлянул, задышал, ловя воздух ртом, и открыл глаза.

На него тревожно смотрела женщина.

— Как вам теперь? Это проходит быстро...

Холл попытался ответить, но не смог. Он лежал неподвижно на спине и радовался тому, что дышит. Сначала дышать было трудно, но постепенно стало легче, легче, ребра вздымались и опускались уже без усилий. Он повернул голову и спросил:

— И долго я?..

— Секунд сорок,— ответила женщина.— Или около того. Сорок секунд без дыхания. Вы уже немного посинели, когда мы вас подняли, но мы вам тут же ввели трубку — и к респиратору...

— Когда это было?

— Минут двенадцать-пятнадцать назад. Лигамин — препарат кратковременного действия, но мы за вас очень беспокоились. Как вы теперь?

— Вполне.

Он оглядел комнату — это был лазарет четвертого уровня. На дальней стене засветился экран, и на нем показалось лицо Стоуна.

— Привет,— сказал Холл.

Стоун улыбнулся:

— Поздравляю!

— Значит, бомба не того?..

— Бомба не того,— ответил Стоун.

— Это хорошо,— сказал Холл и снова закрыл глаза.

Проспал он больше часа, а когда проснулся, телеэкран

был пуст. Сестра сказала, что Стоун разговаривает с базой Ванденберг.

— Случилось еще что-нибудь?

— По прогнозам «Андромеда» сейчас должна быть над Лос-Анджелесом.

— И?..

Сестра передернула плечиками.

— И ничего. Похоже, что она теперь вообще никак и ни на что не действует...

— Именно ни на что,— подтвердил Стоун позже.— По-видимому, очередная мутация породила стойкую доброкачественную форму. Мы, правда, все еще ждем сообщения о чьей-нибудь странной смерти или болезни, но прошло уже шесть часов, и с каждой минутой вероятность такого сообщения уменьшается. Мы надеемся, что в конце концов «Андромеда» вообще покинет пределы атмосферы — здесь для нее слишком много кислорода. Но, конечно, если бы в «Лесном пожаре» взорвалась бомба...

— А много тогда оставалось времени? — поинтересовался Холл.

— Когда вы повернули ключ? Около тридцати четырех секунд.

— Целая вечность,— пошутил Холл.— И волноваться не стоило.

— Ну, вам-то, может, и не стоило. А мы на пятом уровне, признаться, поволновались изрядно. Я ведь забыл вам сказать, что для улучшения взрывной характеристики за тридцать секунд до взрыва с пятого уровня откачивается весь воздух...

— Вот как,— откликнулся Холл.

— А теперь мы с вами хозяева положения. «Андромеда» у нас осталась, и мы продолжаем ее изучать. Уже начали описывать ряд мутантных форм. Довольно занятный организм, поразительно многосторонний... — Стоун улыбнулся.— Полагаю, можно с уверенностью сказать, что «Андромеда» уйдет в верхнюю атмосферу, не причинив нам больше никаких неприятностей. Там, на поверхности, опасность миновала. Что же касается нас тут, под землей, то мы уже поняли, что происходит с этой козявкой в смысле мутаций. Это важнее всего. Что мы хоть что-то поняли...

— Поняли? — переспросил Холл.

— О да,— сказал Стоун.— Пришлось понять.

ТЕОДОР ТОМАС
КЕЙТ ВИЛЬГЕЛЬМ

КЛОН

Перевод Н. Ситникова

Мод Венделл обратила внимание на клон, когда он начал пульсировать в сливном отверстии мойки для посуды. При виде этой неприятной закупорки она попыталась пропихнуть ее в трубу, орудуя скребком для очистки дна кастрюль. Но масса не поддалась. Чертыхнувшись, Мод Венделл бросила скребок и надавила на клон пальцем.

Через легко проницаемую стенку клеточной ткани клона к ее пальцу устремился насыщенный ферментами икор. При соприкосновении с тканями человеческого тела ферменты немедленно разрушили их белковую структуру, а из образовавшихся при этом аминокислот и других веществ стали формироваться ткани клона. Палец Мод Венделл и не чувствовал никакой боли. И только спустя несколько секунд женщина поняла, что он исчез и вместо него образовалась ткань клона. Тогда она закричала и отпрянула от раковины мойки...

0 часов 33 минуты

Ничего не подозревавший город искрился мириадами огней. С окраины, раскинувшейся вдоль озера Мичиган, на город дул тихий ночной ветерок. Ночь была ясна, и только высоко в небе плыли тонкие перистые облака, иногда затмевая звезды.

Большие города никогда по-настоящему не спят. И этот город был полон ночной суеты. Окна учреждений были ярко освещены, легковые автомобили и автобусы двигались по улицам, по тротуарам торопились прохожие. Некоторые районы города были погружены в темноту. Трудовая жизнь в фабричных корпусах, расположенных здесь, замерла до утра.

Этот ночной город выглядел как любой другой в это время суток.

Глубоко под поверхностью улиц протянулись вены, артерии и нервы города. Водопровод подает воду в каждый дом, система канализационных труб отводит отбросы и нечистоты. Телефонные кабели соединяют весь город в единое целое и его жителей с остальным миром. Электрические кабели, теплоцентрали, вышедшие из употребления трубопроводы змеятся в слоях глины, проходят сквозь твердые породы. Некоторые из них пульсируют

Печатается по изд.: Современная фантастика.— М.: Книжная палата, 1988.

© Перевод на русский язык, Ситников Н., 1973.

под напором энергии, в других жизнь еле теплится, а третьи бездействуют. Все вместе они — артерии, вены и первные каналы городского организма, без которых он не может жить.

Трудно даже себе представить, насколько велика масса химических веществ, содержащихся в сточных водах, которые проносятся по системе канализационных труб. Здесь есть измельченные питательные вещества любого рода, мыльные растворы и моющие вещества, красители и чернила, косметические препараты, помои и отбеливатели, смолы и катализаторы, ферменты и отходы жизнедеятельности человека и животных. Перемешиваясь в почти бесконечных вариациях и концентрациях при самых различных температурах и давлениях, эти вещества представляют собой тот химический котел, из которого может возникнуть что угодно.

Было 0 часов 33 минуты, когда все это началось.

Недалеко от центра города, на расстоянии одного квартала от городской больницы, стояло здание, на четырнадцатом этаже которого шли ремонтные работы. Вторая смена рабочих уже ушла, осталось только несколько человек, убиравших помещение к предстоящему утром переезду. Генри Поллини с удовлетворением посмотрел на сверкающие чистотой трубы под установленными в ванной раковинами. Он нагнулся и бросил комок ветоши в мусорный бак. Он хотел было бросить туда же и бутыль из-под соляной кислоты, но заметил, что в ней еще есть некоторое количество жидкости. Тогда он вылил остатки кислоты в раковину. После этого он выбросил пустую бутыль в мусорный бак и направился домой.

Кислота через сифон устремилась вниз по трубе в главную подземную магистраль. Она пронеслась через все четырнадцать этажей, не разбавленная никакой другой жидкостью, так как в это время никто больше ничего не выливал. Раствор кислоты влился в трубу, проходящую под первым этажом здания, потом под тротуаром попал в трубу большего диаметра, находящуюся под проезжей частью улицы. Эта труба шла в направлении ближайшего перекрестка и впадала в огромный бетонный ящик коллектора, находившийся в двух футах от бордюра, отделяющего тротуар от мостовой. В коллектор вливалось содержимое нескольких труб, а вытекало через одну трубу большого диаметра, идущую к предприятию по обработке сточных вод.

Перед отверстием выводной трубы сбоку в стенке коллектора был дефект — пузырь воздуха, образовавшийся во время заливки бетона. Тонкая пленка бетона, отделявшая воздушный пузырь от внутренней камеры коллектора, разрушилась, образовав внутри его стенки полость, заканчивающуюся на расстоянии трех дюймов от наружной поверхности стенки коллектора. В одном футе от наружной стороны коллектора проходило колено паропровода высокого давления, уложенного в слое утрамбованной земли. Тепло, излучаемое паропроводом, согревало коллектор, поддерживая в нем постоянную температуру в 101° по Фаренгейту.

Вылитая в канализацию соляная кислота влилась в коллектор и была разбавлена его содержимым. Водоворот сточных вод затянул ее во внутреннюю полость стенки коллектора. Кислота нейтрализовала избыточную щелочность среды, превратив ее в какое-то подобие жидкости. Так, дефектная полость в стенке коллектора стала маткой. Это случилось в 0 часов 48 минут.

Генри Поллини еще не ушел с четырнадцатого этажа, когда произошло второе событие. Уборщица одного из помещений в соседнем здании в последний раз опустила мокрую тряпку в ведро с грязной водой; оглядев тщательно вымытый пол, она решила, что навела тут достаточную чистоту. Никто ведь не увидит грязного пятна в углу. Она подняла ведро и заковыляла к унитазу. Ни о чем не думая, вылила туда воду, как она делала это каждую ночь, за исключением суббот, вот уже на протяжении последних восемнадцати лет. Грязная вода полилась вниз по канализационной трубе, как это уже случалось несчетное количество раз до этого. Вода проникла в горизонтальную трубу и наконец попала в коллектор. Это случилось спустя пятнадцать секунд после того, как там оказалась соляная кислота. Грязная вода влилась в коллектор из другой трубы. Поток занес в полость в стенке коллектора только часть жидкости, содержащей тринатрийфосфат, но и этого количества оказалось достаточно.

В это время мальчишка-уборщик в маленькой сосисочной выбросил в раковину большую порцию мясных отходов. Ножи мясорубки измельчили мясо до таких микроскопических размеров, что частицы мяса при самой незначительной кислотности окружающей среды могли перейти в растворимое состояние. Мясо очутилось в кол-

лекторе спустя несколько секунд после того, как там оказался раствор тринатрийфосфата.

Так в одном и том же месте оказались три основных компонента, растворенных в материнской жидкости — теплой, булькающей, готовой. Небольшой поток пронесся мимо полости. В нем плыла маленькая частичка студенистой окиси кремния. Она уже несколько недель то поднималась вверх, то опускалась вниз на дно коллектора, подхватывая то несколько атомов ртути из соединения ртути с хромом, то присоединяя несколько атомов цинка из пахнущих какой-то растиркой бинтов, то вбирая в себя некоторое количество хромотитановой смеси, входившей в состав кусочка краски, то соединяясь с гидроокисью алюминия. Поверхность частицы желеобразной окиси кремния соприкасалась с великолепной по своим каталитическим свойствам средой, когда она оказалась внутри полости и опустилась на дно самой дальней ее части, где температура была лишь на долю градуса выше, чем в других частях полости.

Было 0 часов 49 минут:

Молекула белка, находящегося в мясе, соприкоснулась с поверхностью желеобразной окиси кремния. Один конец молекулы прилип к поверхности частицы, и это изменило электрический потенциал всей молекулы. Она обмякла, вздрогнула, и электрический заряд на другом ее конце захватил из воды другую неизвестную молекулу, притянул ее к поверхности частицы окиси кремния и закрепил. Обе молекулы потянулись друг к другу, соприкоснулись посередине, и в результате возникла третья молекула, которая отделилась и стала плавать поблизости. Этот процесс стал повторяться, потому что в полости было очень много питательных и других сложных по своему составу веществ. Вскоре в воде вокруг частицы желеобразной окиси кремния оказалось несчетное количество молекул, ориентированных по их продольной оси в сторону частицы окиси кремния. Было 0 часов 50 минут.

Сквозь вязкую, имеющую округлую форму оболочку, окружавшую частичку окиси кремния, проникли два атома йода, попавшего сюда из остатков йодной настойки. Тотчас же сферические образования из молекул слились в два больших жгута, одним концом соединенных с частицей желеобразной окиси кремния. В этот момент в коллектор влилась порция жидкости из горизонтальной канализационной магистрали. Туда, где находилась ка-

пелька окиси кремния, не попало ничего нового, но жидкость пришла в легкое движение, и два жгута переместились по стенке полости туда, где было повышенное содержание карбоната кальция. В коллектор влилась новая порция сточных вод, и в полости снова произошло перемещение жидкости. В результате две отдельные молекулы слились воедино. Именно в этот момент на свет появился клон. Это произошло в 0 часов 51 минуту.

Многое могло бы случиться и помешать дальнейшему развитию клона. Малейший избыток любой кислоты или щелочи мог разрушить длинную, тонкую, легко уязвимую цепь молекул. Реактивные радикалы любого вида могли прекратить способность цепочек молекул воспроизводить себя. Но ничего этого не произошло. Извивающаяся тонкая цепочка молекул избежала гибельных для нее обстоятельств. Более мелкие молекулы стали присоединяться вдоль цепочки, сливаться с ней, обволакивать ее. Вскоре спиральная конструкция молекулы была закончена, и вокруг нее начала формироваться другая. В плоскости было много питательных и сложных веществ. Тоненькая цепочка молекулы захватывала их и строила новые цепочки. Как только их стало четыре, они разделились попарно, но соединяясь концами, и процесс пошел дальше. К 1 часу 50 минутам, то есть спустя час, новое вещество достигло такого размера, что его можно было рассмотреть невооруженным глазом. Размер его был с песчинку. По мере увеличения его объема скорость роста нового вещества увеличилась, и к 2 часам 50 минутам оно уже походило на пульсирующий бильярдный шар. Новое вещество пришло в состояние, когда ему для построения цепочек своих молекул не нужны были материалы других молекул, не нужны были материалы определенного химического состава. Оно было уже в состоянии захватывать различные вещества и превращать их в свою собственную ткань. Клон представлял собой непрерывно растущий организм, а все необходимые ему питательные вещества находились вокруг него в полости.

Еще через час клон достиг объема в кубический фут. Он заполнил своею тканью все пространство полости, и его масса частично проникла в коробку коллектора. Там он нашел изобилие питательных веществ, и рост клона ускорился. Повторяя внутреннюю форму коробки коллектора, клон растекался по стенкам. Клон разрастался на поверхности стенок, и его прирост измерялся в футах. Распространение клона прекращалось на стенках кол-

лектора на уровне, до которого доходили сточные воды, но оно продолжалось в нижних частях коллектора, где клону легче было найти питательные вещества.

К началу третьего часа с момента появления клона на свет он уже выстлал всю поверхность коробки коллектора, омываемую сточными водами. Тогда стала увеличиваться толщина слоя ткани клона. Он стал разрастаться вокруг входных отверстий горизонтальных канализационных магистралей, но не закрывая самих отверстий труб и не препятствуя поступлению внутрь коллектора сточных вод. Но настал момент, когда нижняя часть коробки коллектора заполнилась плотной массой ткани клона. Эта масса пульсировала, уплотнялась и стремилась найти новые возможности для своего роста. Клон должен был куда-то двинуться.

Сначала он начал продвигаться по стенкам бетонного ящика выше уровня сточных вод. Вскоре он покрыл всю внутреннюю поверхность коробки коллектора. К этому времени ткани клона достигли такого состояния, когда могли сопротивляться разлагающему воздействию химических веществ, клон мог обволакивать материалы, которые не усваивал и не превращал в свою ткань.

Горизонтальные канализационные магистрали продолжали подавать в коллектор сточные воды, но уже не в прежних количествах, и клон стал испытывать недостаток в питании. Ему ничего не оставалось, как двинуться по горизонтальным магистралям системы канализации, и он двинулся вдоль трубы, по которой вливалось больше всего сточных вод. Это произошло в 4 часа 55 минут.

Клон продвигался вдоль канализационной трубы, выстилая ее внутреннюю поверхность. Его рост в меньших по диаметру трубах ускорялся. По мере продвижения клона по трубе толщина его слоя увеличивалась за счет поступающих питательных веществ. Когда наступающий край ткани клона продвинулся на расстояние пятидесяти футов, его объем настолько увеличился, что полностью закрыл внутреннюю часть трубы. Клон поглощал и усваивал большую часть содержимого сточных вод, поэтому закупорки магистрали пока не произошло.

Когда растущий побег клона продвинулся по первой канализационной магистрали на расстояние около двухсот футов, из коробки коллектора по другой магистральной трубе начал движение второй отросток.

Теперь клон выработал новый способ, обеспечивающий ему ускоренный рост. Как только он попадал в ме-

сто соединения нескольких труб, где они образовывали участок увеличенного диаметра, клон создавал там новый тип ткани. По своим свойствам она походила на нервную ткань и выполняла роль своеобразного контрольного центра, поддерживающего высокую степень активности растущего отростка, а также его способность к приспособляемости к окружающим условиям. Поэтому по мере роста клона он вырабатывал в себе потенциальную способность к самовозрождению в случае гибели одного или нескольких растущих отростков его ткани, занятых поисками пищи.

Клон продвинулся вдоль всей длины канализационной магистрали до трубы, ведущей в большой жилой дом. Обычно клон разрастался вокруг отверстия трубы, но, когда он достиг места соединения этих двух труб, поток сточных вод в вертикальной трубе внезапно резко сократился, в то время как в горизонтальной части магистрали они продолжали течь мощным потоком. Поэтому клон двинулся по основной магистрали. Ткани клона превратились в хищника. Он еще получал энергию от небольшого потока и ускорил свой рост. Клон повернул вверх и двинулся по одной из узких труб, ведущих в жилой дом. По трубе бежала вода, несущая с собой азотистые вещества. Клон двигался навстречу этому потоку до тех пор, пока его ткань не оказалась вровень со срезом отверстия моечной раковины, перед которой стояла Мод Венделл, мывшая после завтрака грязные тарелки.

7 часов 35 минут

Кольцо ткани клона возникло на уровне самого среза сточного отверстия раковины, потом оно уплотнилось. Мод Венделл чистила, скребла тарелки и сковороду и не заметила появления клона. Ткани его продолжали уплотняться до тех пор, пока кольцо слегка не выступило за срез трубы внутрь раковины. Солнечный свет, проникавший в кухню через окно, упал на кольцо ткани клона, и она впервые ощутила воздействие энергии светового луча. В ткани клона образовались новые перекрестные связи, возникли новые молекулы, и его ткань приобрела зеленоватый оттенок. Клон вздрагивал на дне моечной раковины, и тут его увидела Мод Венделл.

При виде этой неприятной закупорки сливного отверстия она попыталась пропихнуть ее в трубу с помощью

скребка для очистки дна кастрюль. Но масса не поддалась. Чертыхнувшись, Мод Венделл бросила скребок и надавила на массу пальцем.

Через легко проницаемую стенку клеточной ткани к пальцу устремился насыщенный ферментами икор. При соприкосновении с тканями человеческого тела ферменты тотчас разрушили их белковую структуру, а из образовавшихся при этом аминокислот и других веществ началось формирование ткани клона. Палец не чувствовал никакой боли. И только спустя несколько секунд женщина поняла, что ее палец исчез и вместо него образовалась ткань клона. Тогда она издала вопль и отпрянула от раковины.

Когда Мод Венделл отпрянула от раковины и потянула за собой прилипший к пальцу клон, ткани его растянулись, по мере увеличения натяжения, они становились тоньше, но прочность их возрастала. Неожиданный толчок бросил Мод Венделл на колени, завалив набок. При падении она смахнула несколько стаканов со стола, и они разбились. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы снова сосредоточить свое внимание на руке. Руки уже не было, не было ни кисти, ни части предплечья — все превратилось в зеленоватую светящуюся ткань, которая тянулась из отверстия раковины к кольцеобразному ободку кожи на руке. Мод Венделл снова пронзительно закричала.

Франк Венделл был занят упаковкой образцов товаров. Он готовился к новому рабочему дню коммивояжера. Когда из кухни раздался первый крик жены, он глянул в ее сторону и произнес: «Что там еще случилось?» Потом, услыхав звук бьющейся посуды, он встал и быстро засеменил к кухонной двери. Переступив порог кухни, он увидел жену, стоящую на коленях перед раковиной. Она тянула из раковины что-то похожее на бельевую веревку. «О господи!» — вырвалось у него. Он подскочил к этому жгуту, схватился за него обеими руками и начал тянуть к себе. Жгут не поддался его усилиям, тогда Франк Венделл наклонился над раковиной и заглянул в нее. Он увидел массу вещества, заполнявшего сливное отверстие раковины; быстро утолщаясь, она поднималась в виде тонкого жгута, который он держал в руках. Он взглянул на свои руки. Его глаза широко открылись, он подавил готовый сорваться крик и кинул взгляд на жену. Клон уже поглотил ее правую руку, часть плеча и груди и уже вот-вот должен был покончить с головой.

Человеческое тело на шестьдесят процентов состоит из воды. Между тем ткани клона содержали всего сорок процентов воды. По мере того как клон поглощал ткани человеческого тела, превращая их в свою собственную ткань, он поглощал только то количество воды, которое ему было необходимо. В результате у границы, отделяющей ткани клона от тканей человеческого тела, выделялись капельки воды, которые стекали на пол. Граница двух тканей быстро перемещалась, и избыточная для тканей клона вода выступала наружу, сбегала вниз и собиралась на полу.

Франк Венделл пришел в себя от оцепенения. Он попытался отскочить от раковины, но и его внезапно остановила неведомая сила. Он начал молотить руками, издавая при этом хриплый вой, стараясь избавиться от клона. Но все его действия привели лишь к тому, что клон опутал его и начал наступление на его тело в нескольких местах одновременно. Клон добрался до его груди, и вскоре звуки, которые издавал Франк Венделл, прекратились.

На полу кухни стояла лужа. Этого количества воды было слишком много, чтобы ее впитала одежда, оставшаяся от Венделлов, и она растеклась по всему полу в кухне, просачиваясь сквозь трещины и щели между плитками пола. Клон растекался в этой луже. Он поглотил все нейлоновое белье и шерстяные брюки, но не притронулся к хлопчатобумажному платью женщины и нижнему белью мужчины. Клон поглотил обувь обоих, после чего уже не осталось ничего, чем бы он мог воспользоваться. Клон растекся тонким слоем по полу и попытался воспользоваться восковой пастой, которой был натерт пол, а потом и самими плитками пола, а также металлическими ножками кухонного стола и стульев и крашеной филенкой. Ни одна из этих вещей ему не подошла.

Клон нашел питание, к которому он так жадно стремился, но очень ненадолго. Усики и пленки ткани клона в различных частях кухни уплотнились и двинулись в обратном направлении к раковине. Жгут клона перевалил через край раковины и вполз в сточное отверстие, где и замер неподвижно у самого среза. Вода, растекшаяся по полу, наконец протекла между плитками в подпол и стала капать с потолка в кухне этажом ниже.

Было 7 часов 45 минут утра. А в погребенных под городом трубах рост клона продолжался. Он проникал во все новые и новые ответвления от магистральных труб, ведущих к коллектору. Клон проник в другие коллекторные коробки и заполнил их, а затем вышел из них дальше.

Время от времени он поворачивал в ответвления, ведущие к жилым домам и магазинам, а также к зданиям, где были люди. Неподвижные части ткани клона требовали сравнительно незначительного количества питательных веществ, но растущим его частям требовалось их гораздо больше.

Клон уже распространился под десятью городскими кварталами, проникнув в большинство зданий этого района, но пока еще нигде не покинул труб. В 7 часов 55 минут он проник в магистраль, ведущую в здание большого учреждения с расположенным на первом этаже рестораном. Посудомоечная секция ресторана работала на полную мощность, и в канализационную систему непрерывным потоком устремлялись густые помои. Клон двигался навстречу этому потоку сперва по магистрали, а потом по трубе, ведущей непосредственно к чану посудомойки. Последний толчок воды подвел отросток клона к срезу трубы. Тогда клон выдвинулся из трубы, образовав желвак слегка фосфоресцирующего зеленоватого вещества.

Гарри Шварц, мойщик посуды, уставился на этот слегка пульсирующий пузырь. Он ткнул в него полиуретановой губкой. Губка прилипла к клону, и Гарри увидел, как она исчезла. Он оглянулся на своего подручного и крикнул:

— Эй, Джо, глянь-ка. Черт те что сожрало мою губку.

— Чего? — спросил Джо. Он подошел к чану и заглянул в него. Когда он увидел зеленоватый желвак, он икнул, а потом спросил: — А ты что же это не чистишь свой чан?

Он наклонился над чаном, Но Гарри Шварц удержал его:

— Не притрагивайся. Оно сожрет и тебя, как губку.

Джо вырвался, нагнулся и схватил желвак клона обеими руками. Он потянул за него и чуть-чуть вытянул из трубы. Джо потянул сильнее, но смог оттолкнуться от чана всего на один шаг.

— Что за дьявольня у тебя здесь! — выругался он.

— Глянь-ка,— крикнул Гарри,— оно жрет твои руки! Оно жрет тебя!

Джо взглянул на свои руки и увидел, что они обе почти полностью исчезли. Он закричал и попытался, используя весь свой вес, оторваться от клона. Но тот прилип к нему накрепко.

— Отдери его! Поскорей отдери! — закричал Джо, обращаясь к Гарри.

Гарри Шварц протянул было руку к жгуту клона, но передумал.

— Подожди! Я возьму нож! — Гарри кинулся к доске на дальней стене, где висели ножи для разделки продуктов.

Но Джо охватила паника. Наполовину лишившись рук, он метался из стороны в сторону перед чаном и вопил:

— Да отдери же его от меня! Отдери скорее!

Второй повар и мальчишка-мойщик посуды с официантом подскочили к нему. Повар прикрикнул на Джо:

— А ну заткнись! Посетители услышат! Что это у тебя? — и он протянул руку к жгуту клона.

— Не прикасайся! Это кусается! — закричал ему Гарри.

Но повар не обратил на его слова никакого внимания. Он ухватился за жгут, потянул за него и прилип. Повар попытался высвободиться и рванул жгут, зацепив им мальчишку-мойщика. Официант тоже схватился за жгут и начал тянуть.

На шум в кухню прибежали другие служащие ресторана, и их глазам предстала картина борьбы людей с кем-то, напоминающим гигантскую жевательную резинку. Некоторые из прибежавших бросились в самую гущу борющихся, другие попятились, когда увидели, что дергающиеся тела людей были частично уже поглощены пузырящейся массой. Пронзительно вскрикнула женщина, потерял сознание и упал на пол мужчина. Поперек его тела лег жгут клона, впился в него и поглотил так и не пришедшего в себя человека.

Гарри Шварц оказался в западне. Жгуты клона не давали ему выбраться из угла кухни, где он стоял. В руках у него был нож для разделки мяса, и Гарри лишь ждал удобного случая, чтобы пустить его в дело. Прямо перед ним клон только что прикончил второго повара, и разбухшая масса на некоторое время замерла. Гарри поколебался с минуту, дождался, когда поблизости не оказалось борющихся тел, и предпринял выпад.

Он осторожно нагнулся над разбухшим куском клона, дотянулся до топкого жгута, занес высоко над головой нож и с силой спустил его вниз. Нож прошел сквозь ткань клона и вонзился в пол. Гарри выдернул его и увидел, что расчлененные куски вещества снова слились воедино. Гарри затравленно огляпулся.

Повсюду были видны большие лужи воды, ручьи бежали со столов для разделки продуктов. В двери появи-

лось несколько посетителей. Увидев, что собой представляет кухня, они замерли в оцепенении.

Один из посетителей увидел в углу трясущегося от страха Гарри и направился к нему, переступая через жгуты клона.

— Назад, он сожрет вас, не подходите! — завопил Гарри.

Но посетитель не стал его слушать. Последний из жгутов клона коснулся его ноги, прилип и стал быстро всасывать в себя сперва ботинок, потом сквозь носок добрался до ступни. Мужчина высоко подпрыгнул, а когда увидел, что ему не помогло, начал дико кричать.

Гарри снова двинулся из своего угла. Он обошел захваченного клоном человека и наклонился над жгутом, присосавшимся к его ноге. Гарри замахнулся ножом и рубанул им прямо по ткани клона. Но на этот раз, вместо того чтобы тут же выдернуть нож, Гарри сделал им движение в сторону, отделяя две разрубленные ударом части клона,— они легко разделились.

8 часов ровно

К восьми часам движение в городе усилилось. Основной поток транспорта доставлял из пригородов конторских служащих, у которых не было времени позавтракать чашкой кофе с бубликом. Прибывавшие один за другим дополнительные поезда и автобусы доставляли все новых пассажиров. Кафе, аптеки, кафетерии открывались, готовые принять обычный поток утренних посетителей, торопящихся получить свой завтрак. Продавцы газет отсчитывали мелочь. Городская детвора высыпала на улицы, чтобы возобновить прерванные накануне игры в похожих на загоны для скота дворах под грохот переполненных поездов воздушной железной дороги.

Марк Кеннистон, младший патологоанатом городской больницы, вышел из мрачноватого подъезда своего дома, стараясь не запачкать белый костюм. Но еще до того, как на расположенной в трех кварталах от его дома пресвитерианской церкви часы пробили восемь раз, над строительными площадками, где процесс разрушения и созидания, казалось, происходил одновременно, уже висели густые клубы пыли.

Марк поежился, глядя на эти исчадия пыльного ада, и двинулся на работу за восемь кварталов от дома. Он старался осторожно ступать белыми ботинками, но видел,

как пыль забивалась в их трещины. Марку Кеннистону было тридцать лет. Он был высок ростом и очень худ. Его каштановые волосы явно нуждались в услугах парикмахера.

Его серые глаза глубоко сидели под выступающими надбровными дугами, очертания рта были твердыми. Двигаясь на работу, он старался не думать о том, какие места могли бы ему достаться. Он мог бы последовать совету своего учителя в Нортвестерне, который уговаривал его пойти на научно-исследовательскую работу в области разработки биологических средств ведения войны по правительственным заказам или стать сотрудником одной из частных корпораций, в лабораториях которых велись подобные же исследования. Там хорошо платили, работа там создавала положение.., Конечно, еще не поздно, говорил он себе, но другой голос в его душе тотчас выдал язвительный комментарий: «Все дело в том, что тебе нужны деньги. Но тебе необходим опыт, вот и поработай годика два в городской больнице».

Он нахмурился, наскочив на кучу мусора, и помрачнел, увидев, какой слой пыли осел на его когда-то белых туфлях. Марк направился позавтракать на площадь Эл. У входа в ресторан он купил газету, сел за столик, где всегда завтракал, и стал ждать, когда принесут кофе. В ресторане в это утро было шумно, а в кухне, по-видимому, шла изрядная потасовка. Марк с раздражением посмотрел на дверь, ведущую во внутреннее помещение. Пятясь, появилась официантка Грэйси. Шум на кухне усилился, ему послышался голос Гарри, пробивающийся сквозь вопли и крики. Тогда он встал из-за стола.

Гарри Шварц обучал его поварским хитростям приготовления на скорую руку блюд, когда Марк впервые приехал в город, провалился на вступительных экзаменах, но был зачислен в университет с платой за один семестр. Гарри дал ему кушетку с бугристым матрасом и кормил, когда он тратил на книги деньги, предназначенные на еду. И если уж Гарри повышает голос, то дело дрянь.

Грэйси остановилась, поднос она держала криво, лицо ее было пепельно-серым. Посетители начали покидать ресторан, а в углу мужчина торопливо набирал номер телефона.

Марк пересек зал, толкнул дверь и переступил порог.

Сперва ему показалось, что школьники ворвались туда и устроили игру, плеская друг в друга водой. Повсюду на полу была вода. Кое-где она закручивалась в водо-

вороты, тут и там в беспорядке валялась разнообразная одежда. И было еще что-то зеленоватое... Марк увидел чью-то кисть руки, вцепившуюся в ножку старинной печки, по запястью ползло зеленое вещество, брызгавшее водой по мере своего продвижения, а запястье исчезало. Вот исчезла и вся рука, зеленое вещество коснулось железа печки и, отступив, съежилось, стало бесформенным и двинулось вспять.

— Доктор! Ради бога уходите! — Гарри кричал необычным для него визгливым голосом. Марк взглянул в угол и увидел маленькую фигурку на другом конце кухни, скорчившуюся на выступе, образованном рабочим столом и полками. Держась одной рукой, Гарри размахивал зажатым в другой ножом.

— Иди за помощью, доктор! — кричал он.— Смотри, чтобы оно не коснулось тебя!

Он взмахнул ножом в сторону змееобразного отростка зеленого цвета, который двигался мимо него по стенке буфета. Отрубленный отросток сжался, а потом стал как бы ощупывать окружающее пространство, как это делает амеба в поисках... чего? Марк замер, наблюдая за тем, как отрубленный кусок вещества вытягивал тоненькие отростки, которые наконец соприкоснулись с большим куском такого же цвета и немедленно слились с ним.

Гарри схватил кастрюлю кипящей воды и выплеснул ее вниз на зеленую массу. Она прекратила движение, побелела ненадолго, а Гарри прыгнул с выступа, перепрыгнул через лужу на полу и сказался рядом с Марком, еле переводя дух.

— Доктор, давай сматываться отсюда! Оно сожрало их! Джо, Мики и Эла... Оно сожрало их!

Марк не шевельнулся, разглядывая зеленую массу. Она после вылитого на нее кипятка замедлила движение, но не погибла. Масса собиралась в одно целое, двигалась обратно по направлению к моечному чану.

Марк следил за клоном до тех пор, пока он не исчез в чане. Только тут он вспомнил о Гарри, который смотрел широко открытыми глазами и молча тряс головой.

— С тобой все в порядке? — спросил его Марк.

— Да. Оно не схватило меня. Что это такое, доктор? — Голос Гарри был хрипл, по его лицу струился пот, но он, казалось, даже не замечал этого.

Марк схватил руку Гарри и потянул его к двери. Гарри двинулся за ним, все еще держа кухонный нож.

В ресторане творилось настоящее столпотворение, и

им пришлось протискиваться сквозь толпу. Маленький человечек с лицом хорька висел на телефоне, и Марк подумал, что как только он передаст в свою газету «пенки» информации, то, быть может, догадается позвонить в полицию. Марк повел Гарри через боковой проход и направился к больнице.

— Расскажи мне подробно, что здесь произошло,— сказал он.

Он повел Гарри прямо в лабораторию. Секретарша лаборатории Элинор сидела за столом и, склонившись перед маленьким зеркальцем, красила губы.

— Вызови шефа! — кинул ей Марк, подталкивая Гарри в маленькую комнатенку.

Марк, с трудом сдерживая волнение, ждал, когда она дозвонится. Мигнула лампа сигнала, и он снял трубку.

— Доктор Агнью? Это Марк Кеннистон. Тут чрезвычайное происшествие.— Он не остановился, услыхав бормотание на другом конце провода.— Вы знаете ресторан на площади Эл? Я только что оттуда и видел там существо или какой-то организм, способный растворять ткани человеческого тела...

Бессвязанное бормотание на другом конце провода перешло в рев, и Марк остановился, чтобы выслушать его.

— Это ты, Кеннистон? Какого черта тебе надо? Я бреюсь, Кеннистон. О чем ты там рассказываешь?

— Какой-то вид организма, доктор. Я не знаю, что это такое. Он растворяет людей...

— Господи! Кеннистон, иди и выпей крепкого кофе! — В трубке послышался треск брошенной на рычаг трубки.

Марк невидящим взглядом уставился на Гарри. До него еще не могло дойти, что никто не захочет верить ему.

— Канализационщики,— произнес он.— Кто отвечает за работу канализационной системы?

— Санитарное управление,— ответил Гарри.— О'Херлихи. Но у них еще никто на работу не пришел, доктор.

Через несколько минут Марк снова тупо глядел на умолкнувший телефон. Ответ О'Херлихи был потрясающим.

— Он уезжает за город, должен успеть к самолету в девять тридцать,— бесцветным голосом сказал Марк Гарри.— Я должен изложить ему все это в письменном виде.

Они молча посмотрели друг на друга.

— Что теперь будешь делать, доктор?

— Думаю начать прямо по списку. Полиция, уполно-

мочепный по вопросам здравоохранения, газеты, буду звонить любому, кто готов выслушать.

— Доктор, все они скоро прибудут к себе на работу. А что, если позвонить Эдди Двайру в полицейский участок и послушать, что он скажет?

Марк сказал Элинор, чтобы она вызвала полицейский участок.

— Сержант Двайр? Это Марк Кеннистон говорит, из городской больницы. Я был сегодня утром в ресторане Эла, когда все это произошло... Да, Гарри Шварц со мной здесь. Хорошо, сержант. Немедленно.

9 часов 05 минут

Когда Марк и Гарри вошли в полицейский участок, там толпилось уже человек двадцать. Они шумели, старались обратить на себя внимание, взывали о помощи. Марка и Гарри у дверей встретил полицейский.

— Вы Кеннистон и Шварц? Следуйте за мной,— сказал он.

Он провел их в помещение, находящееся за барьером. Посетители проходили сюда по одному. Их выслушивал сержант, делавший пометки в блокноте. Еще один стол был выставлен в приемную. За пультом телефонного коммутатора сидел полицейский, пытавшийся отвечать на поступающие вызовы. Было видно, что он не справляется с потоком звонков.

Сопровождавший Марка и Гарри полицейский постучал в дверь и толкнул ее, не дожидаясь ответа.

— Вот пришли Кеннистон и Шварц, сэр,— сказал он.

В комнате было трое полицейских: сержант Двайр и еще двое. Один из них негромко говорил в телефонную трубку. Двайр быстро подошел к ним, крепко пожал Марку руку.

— Вы знаете, что происходит? — спросил он.

— Вещество в трубе?

Двайр кивнул.

— Не очень многое. По всей видимости, оно способно растворять человеческое тело и снова возвращаться в канализационные трубы.

— Хорошо, подождите минуту, повторите это капитану Прескотту.

Они молча ждали, и Марк слышал часть телефонного разговора.

— ...По крайней мере, семнадцать. Никаких следов.

Никаких очевидцев... пока никаких интервью. Я сообщу вам.— Сердито насупившись, он положил трубку.

Марк рассказал ему все, что знал, а затем Гарри добавил подробности. Капитан хмурился не переставая. Когда они умолкли, он отвернулся с негодованием.

— Зеленая масса! Организм! — Он тяжело прошел к окну и, не поворачивая головы, проговорил:

— До сих пор известно, что, по крайней мере, семнадцать человек пропали без следа, а может быть, даже больше, мы не успеваем подсчитывать получаемые сообщения. А что нам говорят очевидцы? Зеленое вещество! — Тут он повернулся и махнул рукой.— Хорошо. Идите. Оставьте ваши письменные заявления...

— Капитан,— Марк не двинулся с места,— что вы намерены предпринять?

— Что я могу сделать? Издать приказ?

— Вы можете связаться с мэром, с санитарным управлением. Можно закрыть систему отвода нечистот. Начать поиски этого организма или черт его знает что это такое...

— Я не имею права обращаться к мэру,— сказал Прескотт.— Я доложил обо всем комиссару. Пусть он решает, как быть.

— К тому времени, пока до него дойдет, что происходит, сколько еще людей исчезнет в луже воды? Капитан, может быть, стоит плюнуть на чинопочитание и позвонить мэру?

— Двайр, выставьте их отсюда,— приказал Прескотт.

Двайр открыл дверь и, поскольку Марк все еще топтался в нерешительности, взял его за руку и вывел из комнаты.

— Не забудьте написать ваши показания! — крикнул он Марку.

— К чертям всякие заявления,— вырвалось у Марка, и он махнул рукой Гарри, направляясь к двери.

Было 9 часов 26 минут утра, когда Марк и Гарри снова добрались до больницы и проникли на первый этаж через запасной выход. Дежурная приемного покоя радостно улыбнулась при виде их. В окружении знакомых предметов и атмосферы приемного покоя, при виде посетителей, идущих по направлению к кафетерию, Марк поймал себя на ощущении, что это обычный день. Он проследил за удивленным взглядом дежурной и увидел, что Гарри продолжает держать в руках нож для раздел-

ки мяса. И тотчас к нему вернулось ощущение катастрофы.

— Пойдем,— бросил он Гарри.— Выпьем кофе.— Он провел его в кафетерий по коридору, пахнущему дезинфекцией, воском и болезнями. Они нашли свободный столик, и Марк принес кофе.

— Что ты собираешься делать? — спросил он Гарри.

— Да еще даже не думал.— Гарри растерянно посмотрел на Марка.— Надо поискать другую работу, мне кажется. А сегодня, наверное, просто послоняюсь и посмотрю, как ты развернешься с этим... Если ты не возражаешь...

Марк понял, что Гарри попросту боится остаться один. У него у самого было точно такое же чувство. Ощущение беспомощности было следствием невозможности что-нибудь предпринять, когда все, что они говорили, игнорировалось, а их предупреждения тонули в океане бюрократических условностей.

— Конечно,— ответил ему Марк,— побудь со мной. Это все еще далеко не закончилось. Мне сдается, тебе следует побыть...

Он не успел закончить фразу. Его слова потонули в отчаянном крике, раздавшемся из кухни. Еще до того, как стих этот вопль отчаяния, Марк вместе с Гарри уже были у двери, ведущей на кухню.

Клон появился из сливного отверстия бака из нержавеющей стали, и все, что было съедобного на кухонном столе, он немедленно поглотил. Прижатые к столу, стояли три поварихи и два кухонных мальчишки. В оцепенении они смотрели на тягучую зеленоватую массу, растекавшуюся по полу и приближавшуюся к ним. Отросток клона наткнулся на тарелки с бутербродами, другая его ветвь напала на мясо для жаркого. Без единого звука клон пожирал все подряд: исчезали бутерброды, куски жаркого, обрезки. Пожирая все, клон двигался по кухонному столу. По полу медленно двигался более толстый его слой.

— Не дайте этому коснуться вас! — крикнул Марк.

Пять недоумевающих лиц повернулись в его сторону.

— Эй вы, двое! Прыгайте и бегите! — Марк глядел в сторону мальчишек, находившихся от него по ту сторону змеящейся полосы клона.— Торопитесь, пока эта штука не растеклась еще больше!

Один из мальчишек перепрыгнул через клон и убежал. Второй приготовился прыгать, но клон, словно по-

чувствовав поблизости живое, начал двигаться рывками в разные стороны, и мальчик попятился.

— Не туда, не туда! — закричал ему Марк, но было уже поздно.

Марк отвернулся, чтобы не видеть этого зрелища, и вздрогнул, когда за спиной раздался крик ужаса и отчаяния. Обернувшись, Марк увидел, что клон растекается по стойке, переливается через ее края и двигается к высоким стульям, на которых замешкалось несколько человек, не успевших вовремя скрыться.

— Нам лучше смыться отсюда! — крикнул Гарри, двигаясь вдоль стены и сохраняя почтительное расстояние между собой и отверстиями раковины позади стойки. У входа толпились любопытные, старавшиеся рассмотреть, что тут происходит.

— Освободите двери! — крикнул Марк.

Гарри поднял над головой нож и кинулся на ошеломленных людей, которые тотчас отступили перед его натиском. Марк медленно двинулся за ним. Вплотную за ним двигались три поварихи, одна скороговоркой произносила молитвы. И это бормотание действовало успокоительно. Дойдя до конца стойки, Марк поднял руку, предупреждая, что надо остановиться.

Клон покрыл всю поверхность стойки и был от них на расстоянии всего трех футов. Тонкий отросток клона уже двинулся им наперерез, отрезая путь к чистому пространству между столами. Марк перешагнул через этот отросток и взял большую банку с сахаром. Он быстро высыпал сахар около той части отростка, которая была дальше всего от них. Клон тотчас рванулся к предложенной добыче, растекаясь, подбирая каждую крупицу сахара. а Марк все сыпал и сыпал сахар до тех пор, пока все поварихи не выбрались из-за стойки. Марк посторонился, пропуская их. На одном из столов лежал нож мясника, брошенный кем-то, и Марк схватил его, продолжая сыпать сахар по мере своего движения.

Один из отростков клона вытянулся дюймов на шесть, потом десять, пятнадцать. Марк взмахнул ножом и сильным ударом отделил кусок клона от основной массы и тем же ударом отбросил отрубленную часть далеко в сторону. Прежде чем отделенный кусок клона начал двигаться, Марк накрыл его почти опустошенной банкой. Клон немедленно пополз по внутренней стороне банки, поедая остатки сахара.

Все происшедшее заняло не более десяти минут, считая с того мгновения, когда Марк впервые услыхал вопли из кухни. Он так и не знал, сколько человек погибло в кафетерии.

Сквозь толпу пробирался больничный сторож. Увидев Марка, вооруженного ножом, он выхватил револьвер и громко крикнул:

— Что здесь происходит?

— Освободите все помещение! — крикнул ему Марк.— Немедленно закройте нижний вход в здание. Никого не впускайте.

— Что — бомба? — только и спросил сторож, повернувшийся, чтобы выполнить распоряжение — единственное, что он способен был понять в этой ситуации.

— Да-да, что-то в этом роде,— бросил Марк.— Только действуйте побыстрее.

Прибежали другие сторожа, а также два полицейских, и Марк слышал, как все громче и громче произносилось слова «бомба». Охрана хорошо знала, как действовать против газа, как бороться с дымом, огнем, угрозой взрыва бомб, одним словом, против любой известной им опасности, к которой их готовили. А в кафетерии была угроза, которой они не понимали, и это вызывало у них чувство страха. Марк не стал их разуверять. Он сделал знак Гарри, и они оба кинулись к лестнице. Марку нужно было срочно попасть в лабораторию с куском клона, который он поймал в банку.

На первом этаже Марк в сопровождении Гарри направился к лифтам. Им удалось захватить лифт-экспресс. Здесь еще не чувствовалось ни растерянности, ни паники, которые царили этажом ниже. Поднимаясь на седьмой этаж, где была лаборатория, Марк неожиданно выругался и нажал сразу на пять кнопок.

— Что случилось, доктор? — окликнул его Гарри.

— Эта штука не ограничивается нападением только на первые или вторые этажи зданий,— произнес Марк сдавленным голосом.— Об этом не говорилось в сообщениях. Оно может подняться на любой этаж. Я должен увидеть Эди.

— Я останусь здесь,— понимающе кивнул Гарри,— и задержу лифт.

Марк бегом пустился по коридору пятого этажа к отделению рентгенологов, где работала Эди Хемпстед. Она сидела за своим столом, и ее иссиня-черная головка была склонена над докладом, который она писала.

— Эди! Ты нам нужна наверху, дело экстренное!

Она взглянула на него с удивлением.

— Я дежурная. Уйти не могу.

— Дорогая, не возражай. Пойдем, по дороге все объясню.

Она колебалась мгновение, потом последовала за Марком.

9 часов 15 минут

Все трое шли быстрым шагом по коридору к лаборатории патологической анатомии. На ходу Марк объяснял Эди создавшееся положение. При этом он держал перед собой стеклянную банку из-под сахара с куском клона и с опаской поглядывал на нее. Гарри шел, не спуская глаз с клона. Он держал в руках кухонный нож в таком положении, словно готов был без промедления пустить его в ход.

— Что это ты хочешь делать с ножом, Гарри? — спросил Марк.— Уж не стукнуть ли им меня?

— Даже и не знаю, доктор. Но уж непременно что-нибудь сделаю, если эта штуковина вырвется наружу. Не знаю, что буду делать, но что-нибудь предприму.

Он помолчал немного и спросил:

— Доктор, как по-твоему, что это такое? Откуда оно свалилось на нас?

Эди взглянула на банку и отвернулась.

Марк пожал плечами.

— Не знаю. Может быть, нам удастся узнать это сейчас в лаборатории.

Они подошли к двери и вошли. Марк подошел к лабораторному столу, прикрытому сверху мраморной доской, и осторожно поставил на него банку из-под сахара. Прикрыв ее колпаком вытяжного шкафа, он пагнулся и придвинулся к банке.

— Осторожно, доктор, пожалуйста! — сказал Гарри и стал рядом с Марком, держа наготове кухонный нож. Он чувствовал себя неспокойно от близости клона и лица Марка. Почувствовав слабое изменение температуры, клон запульсировал в банке, по-видимому, реагируя на тепловое излучение.

Марк выпрямился, тряхнул головой и сказал:

— Оно прекрасно ощущает мое присутствие, вероятнее всего потому, что мое лицо излучает тепло. Хорошо, давайте проделаем несколько опытов, чтобы знать, на

что оно способно. Эди, ты и Гарри должны мне помочь. Сюда никто не придет раньше половины десятого.

— Скажи, Марк, это действительно нечто живое?— спросила Эди, поглядывая на банку с клоном.

— Вот именно это мы и должны выяснить,— ответил он.

— А что такое патологоанатомия, доктор? — спросил Гарри.

— Чаще всего это опыты с тканью мертвых, чтобы понять, что происходит с тканью живых. Давайте выясним, как эта... этот организм поглощает живую ткань. Взвесим банку.

Марк подошел к весам и взвесил банку с клоном.

— Теперь,— сказал он,— нам нужна мышь.

Эди подошла к клеткам и принесла мышь.

— Взвесь ее, пожалуйста, попросил Марк.

Эди взвесила пустую банку, затем взвесила мышь и сделала запись. Марк удовлетворенно кивнул.

— Теперь, Гарри, я опущу мышь в банку с этим существом. Ты откроешь крышку, я брошу мышь внутрь, а ты быстро закроешь крышку. Понял?

— Ты действительно собираешься открыть крышку, доктор?

— Нам нужно провести несколько опытов с этой штукой, если мы хотим выяснить, что это такое. Ну, ты готов?

Гарри взял банку одной рукой, положил вторую на крышку и вопросительно посмотрел на Марка. Марк открыл крышку банки с мышью.

— Я готов,— сказал он.

Гарри повернул крышку банки с клоном, приподнял ее, и Марк быстрым движением опрокинул банку с мышью. Гарри хлопнул крышкой банки и проворно повернул ее, запирая.

Было такое впечатление, словно мышь упала в воду. Она быстро погрузилась в зеленоватую массу вещества, и к краю банки сбежала столовая ложка чистой воды. В банке снова все успокоилось. Эди коротко вздохнула. Марк сказал:

— Должен признаться, мало что можно сказать, как оно это проделывает. Давайте посмотрим, что нам скажет взвешивание.

Марк стал делать вычисление на кусочке бумаги. Он снова взвесил банку с клоном и сказал Гарри:

— Я хочу вылить из банки образовавшуюся там воду. Как думаешь, сможем мы это проделать?

К нему подошла Эди.

— Я тебе помогу.

— Нет, уж ты лучше смотри со стороны,— сказал ей Марк.

— Готов? — спросил он Гарри.

— Конечно, доктор.

Гарри начал чувствовать себя более уверенно после того, как они засадили клон в банку, взвесили его, скормили ему мышь, и все это сошло им с рук.

— Ты будешь держать банку и наклонишь ее,— сказал Гарри.— А я приоткрою крышку и дам воде вытечь. Хорошо?

— Давай. Мы выльем воду в мензурку, но сперва ее надо взвесить.

Эди взяла мензурку и сделала пометку. Марк поместил мензурку на середине лабораторного стола и сказал:

— Здесь нам ничто не помешает.

Он приподнял банку и пододвинул к мензурке. Гарри взялся за крышку. Марк быстро наклонил банку. Гарри открыл ее и стал следить, как вытекает вода. Клон зашевелился, почувствовав тепло рук Марка, и двинулся по направлению к крышке. Гарри был настороже и прикрыл крышку за мгновение до того, как клон подполз к отверстию, а потом помог Марку осторожно поставить банку на стол.

Все трое взглянули друг на друга, и Гарри сказал:

— Ну, доктор, мы, кажется, кое-что усекли. Что мы теперь еще предпримем?

Он явно получал удовольствие от этих процедур.

— Прежде чем что-нибудь еще делать, мы должны взвесить воду. И пожалуйста, старик, не валяй дурака. Не забудь, что эта штуковина в банке способна разделаться с тобой.

Эди быстро взглянула на Марка, но не стала задавать вопросов.

— Я знаю, что оно может сожрать меня. Я знал это, как только увидел его в первый раз. Просто у него со мной не получилось и не получится, пока у меня мой нож.

И Гарри снова взял нож в руки.

Марк отложил расчеты и подошел к банке с клоном.

— Эта тварь поглощает всего около семидесяти про-

центов от общего веса животного. Вероятно, то же самое происходит и с человеком. Она не может поглотить всей воды, содержащейся в организме млекопитающего, вот в чем все дело. Вот почему этот организм постоянно оставляет возле себя воду. А вот что содержит в себе эта вода?

Он поднял мензурку и посмотрел сквозь нее на свет, а потом понюхал. Его лицо придвинулось к краю мензурки.

Эди коротко кивнула ему:

— Марк, будь осторожнее.

— Доктор, поостерегись. Там, в воде, может быть тоже эта штука,— сказал Гарри.

У Марка был озадаченный вид.

— Не думаю. А ну, попробуем.

И он отпустил палец в воду в мензурке.

— Она теплая,— сказал Марк.— И мне кажется, безвредная.

Он вынул палец из мензурки и осторожно прикоснулся к нему языком. Лицо его сморщилось, и он сказал:

— Очень соленая или содержит большое количество органических веществ в растворенном состоянии. Но это не чистая вода.

Марк повернулся к клону спиной.

— Давайте проверим. Как можно судить, стекло надежно удерживает это существо. А вот как будет обстоять дело с металлами? Давайте бросим туда кусочек железа и посмотрим, что из этого получится. Возьмем вот эту лопаточку.

И Марк взялся за крышку банки.

Гарри остановил его:

— Подожди, доктор. Эта тварь хорошо лазает вверх. Не держи в руках ничего, что собираешься сунуть туда.

— Ты прав. Хорошо, я отломлю кусочек лезвия бритвы и брошу туда. Вот так.

Кусочек металла упал на поверхность клона и тут же утонул в ней. Скоро металлическая пластина прошла сквозь ткань клона и опустилась на дно банки. Насколько они могли судить, металл не претерпел никаких изменений.

— Черт,— сказал Марк.— Кажется, металл ему не нужен. Хотел бы я знать, что еще оно не принимает?

Дверь с шумом отворилась, и доктор Рудольф Агнью влетел в комнату. Это был крупный человек, покрытый великолепным загаром. У него были синие глаза и выдающиеся скулы, и со лба на затылок шла седая прядь

волос. Он увидел Марка и обратился к нему через всю лабораторию раскатистым голосом:

— Что происходит в больпице, доктор? Насколько я понимаю, вы отдали распоряжение закрыть кафетерий после того, как какой-то газ отравил несколько человек. Потрудитесь объяснить мне это!

Он остановился перед Марком. Тот холодно поклонился ему.

— Доктор, мы в затруднительном положении. Некое живое существо появилось в трубах под городом. Оно появлялось трижды. Насколько мне известно, выползая из труб, нападало на людей, убивало их. Оно совершило нападение и здесь, в кафетерии, и я не знаю, сколько человек погибло. Я дал распоряжение закрыть кафетерий. Я пришел сюда потому, что мне удалось добыть кусок этого вещества. Вот оно.

Марк указал на банку с клоном.

Доктор Агнью опустил глаза на банку из-под сахара с зеленоватой желеобразной массой на дне.

— Вы хотите сказать... этот жалкий кусок желеобразного вещества убивает людей? Послушайте, доктор, вы за кого меня принимаете?

Гарри Шварц посмотрел на доктора Агнью, смерив его взглядом, и сказал Марку:

— Доктор, может быть, правда, сказать ему, за кого мы его принимаем? Или лучше дать ему самому испытать судьбу?

— Ладно, Гарри,— вздохнув, сказал Марк.— Доктор Агнью, это действительно небольшой кусок первоначального вещества. Я видел его в ресторане, затем оно напало на учащихся в школе, находящейся на расстоянии более квартала от ресторана, потом оно появилось здесь, а отсюда до школы также больше квартала. В каждом случае это вещество появлялось в помещении через отверстие сточных труб, растекалось на полу и действительно убивало людей, контактируя с ними. Я думаю, что это вещество распространяется, проползая по трубам канализационной системы от одного места к другому. Я надеюсь, что оно не захватило весь район. Если же это так, то весь город находится в опасности до тех пор, пока мы не найдем средства борьбы с этим веществом.

— Глупости,— возразил Агнью.— Никогда в жизни не слыхал такой чепухи.

— Доктор Агнью,— вмешалась Эди.— Я видела, как оно уничтожило мышь.

Лицо Марка пылало от негодования.

— Я предлагаю вам, доктор, исследовать это вещество, прежде чем вы придете к какому-нибудь выводу. Более двадцати человек уже поплатились жизнью.

Агнью фыркнул и стал ходить взад и вперед. Схватив доктора Агнью за руку, Марк увлек его к банке.

— Доктор Кеннистон,— загремел Агнью,— с меня хватит! Я приму меры, чтобы вас выставили из этой больницы и закрыли перед вами двери всех других больниц нашего города. Вы некомпетентный медик и глупец, и я уверен, что именно по этой причине вам не место в медицине, так как ваши диагнозы могут угрожать жизни пациентов.

Лицо доктора Агнью стало почти черным от прилива крови, а голос сорвался.

— Послушай, доктор,— вмешался Гарри,— а что, если мы покажем ему дешевый спектакль?

В руке Гарри держал за хвост белую мышь.

Марк оглянулся и увидел, что Эди уже взяла в руки банку с клоном. Она открыла крышку, а Гарри бросил туда животное, и Эди быстро закрыла крышку. Лицо ее было совсем белым. Все было сделано быстро и ловко, и доктор Агнью не успел отвернуться. Через три секунды в банке не осталось ничего, кроме клона и небольшого количества воды. Доктор Агнью приблизился к лабораторному столу, нагнулся над банкой и стал рассматривать ее.

Доктор Агнью покачал головой и произнес:

— Наверное, какая-то желеобразная кислота. Должно быть, очень сильная кислота, кислотный гель.

Марк уже взял себя в руки.

— Какая кислота из вам известных, доктор, способна на подобную реакцию? — спросил он очень мягко.

Весь отдавшись созерцанию клона, Агнью пробормотал:

— Не знаю. Должен сознаться — не знаю. Не хотите же вы уверить меня, что эта масса — живой организм? Этого не может быть. Откуда она берет энергию? Что контролирует ее поведение? Где у нее нервный центр?

Марк кивал ему. По мере того как он раздумывал над всеми этими вопросами, он чувствовал, как проходит его раздражение.

— Очевидно, что это вещество способно превращать живые существа в свою собственную ткань,— сказал он.— Мне не известен источник его энергии. Я никогда

не видел и не слышал ничего подобного. Оно постепенно растворяет стекло. Есть основание считать, что оно не трогает нержавеющую сталь. Но усваивает сахар. А вода, которую это вещество не усваивает во время поглощения животной ткани, содержит соли. Следовательно, оно не все способно усваивать.

— Бросьте туда еще одну мышь,— сказал доктор Агнью,— я хочу еще раз посмотреть, что будет.

Гарри быстро достал другую мышь, и доктор Агнью, приблизив лицо к банке, смотрел, как клон расправился с ней.

— Ничего не понимаю,— покачал он головой.

И, выпрямившись, произнес:

— Хорошо, проведем несколько опытов. Давайте начнем с проб на азот Кьеддала, абсолютно неорганические вещества, углеводороды, жиры. Сделайте несколько срезов этой ткани, чтобы можно было подвергнуть ее анализу. Проверьте на нем все красители, возьмите образцы для рентгеноскопии и электронного микроскопа. После этого мы сможем наметить дальнейший путь... А что это со всеми вами? Почему никто не шевелится?

Некоторое время все молчали. Потом Марк произнес:

— Доктор, обращаться с этим веществом опасно. Я не знаю, как можно взять его пробу на содержание азота. Про себя скажу, что я не хотел бы ставить ни одного кусочка этого вещества под свой микроскоп, чтобы его рассмотреть. Лучше бы провести с ним опыты, пока оно находится в этой банке, проверяя его реакцию на различные вещества. Мы уже проверили его на некоторые кислоты, очень сильные кислоты, и оно на них никак не отреагировало. Давайте попробуем другие вещества. Фрэнк,— обратился он к одному из лаборантов,— принесите несколько флаконов с реагентами, и мы проверим каждый из них в небольших количествах, а там посмотрим, что делать.

— Стойте,— крикнул доктор Агнью в ярости,— что за ненаучный подход, который не даст нам никакой полезной информации! Я сам возьму пробу.

Он приподнял банку из-под сахара и отвинтил крышку. Гарри отскочил от него, за ним последовали лаборанты.

— Вы, идиот, закройте банку! — крикнул ему Марк.— Одно прикосновение, и вы покойник!

Он попытался закрыть крышку, но Агнью увернулся, повернул банку набок и положил ее на лабораторный

стол, а затем стал между Марком и банкой с клоном.

Марк отпрянул. Агнью взял в руки стальную палочку и надавил на один край клона. Клон быстро двинулся вверх по палочке, но Агнью выдернул ее из массы. На палочке ничего не осталось. Агнью попытался еще несколько раз отделить кусочек ткани клона, но каждый раз безуспешно. Он принялся отделять ею совсем маленький кусочек клона. Он уже отделил было крошечный кусочек ткани величиной с горошину. Агнью с торжествующий улыбкой взглянул на Марка, и этого было достаточно. Тонкий жгутик клона подобрался к его пальцу по внутренней стороне палочки незамеченным. Сперва Агнью ничего не почувствовал, затем увидел, что клон ползет по его пальцам, распространяясь по руке. Эди вскрикнула, лицо Агнью стало мертвенно бледным. Он выронил стальную палочку, взмахнул высоко рукой и ударил ею по мраморной поверхности лабораторного стола. Клон вытянулся из банки, но ненамного. Он продолжал распространяться по руке Агнью. Доктор взглянул на свою руку, лежащую на столе, и его лицо посерело.

Вдруг он начал говорить хриплым голосом:

— Я не чувствую никакой боли, ничего совершенно. Чувствую приятную теплоту воды, которая сбегает из моих тканей в месте ее превращения. Я вижу, как пропадают мои пальцы, но как бы продолжаю их ощущать понимаю ложность этого ощущения. Мое сознание ошеломлено тем, что я вижу, но физически я не ощущаю ничего.

Он умолк, глядя на клон. Остальные словно приросли к месту, не в состоянии шевельнуться.

— Я полагаю, что когда оно дойдет до жизненно важных органов, то и тогда боли не будет,— продолжал доктор Агнью,— просто произойдет отключение сознания, а там это вещество докончит... докончит... закончит свое... Нет!

Агнью снова яростно взмахнул рукой, и Марк еле успел отскочить, чтобы не быть задетым клоном.

Клон висел на руке доктора Агнью в виде толстой сосиски Доктор взмахнул рукой, и сосиска ударила по стеклянным бутылям, стоявшим на полке над лабораторным столом. Раздался звук бьющегося стекла, потекли жидкости. В воздухе запахло парами соляной кислоты и жидкого аммиака, клубы дыма поднялись над разбитой посудой. Агнью не переставая размахивал правой

рукой, и тонкая струйка воды брызгала во все стороны по лаборатории. Агнью поскользнулся и ударился головой о полку с лабораторной посудой. От удара он потерял сознание и завалился на лабораторный стол. Гарри подскочил к нему сбоку и глянул на руку. Клон дополз уже до локтя. Лоб Гарри покрыли крупные капли пота.

— Доктор,— громко позвал он Марка,— быстро сюда!

Он тут же со всей силой ударил ножом по руке доктора Агнью чуть выше локтя. Клон с частью отрубленной руки остался на лабораторном столе. Через десять секунд он покончил с обрубком, превратив его в свою ткань.

Марк подскочил к лежащему на полу доктору Агнью и быстро зажал обрубок руки, чтобы остановить бьющую из артерии кровь. Эди сорвала с доктора Агнью галстук, сделала из него жгут и с помощью обломка стеклянной трубки наложила прочную повязку. Марк взглянул на Гарри Шварца.

— Честное слово, ты молодец! — сказал он.— Здорово это у тебя получилось. Впервые человек, попавшийся в эту переделку, остается жив.

Гарри продолжал возиться на лабораторном столе. Клон еще лежал на столе, и всякий раз, как он начинал двигаться, Гарри отпихивал его обратно лезвием ножа. Он весь был поглощен этим занятием, внимательно следя за тем, чтобы его пальцы, державшие нож, касались только кончика рукояти.

— Да,— сказал он,— на это трудно было решиться, но это помогло. Что мы теперь будем делать с этой тварью, доктор? Надо, наверное, снова загнать ее в банку.

— Верно,— произнес Марк, поднимаясь с колен.

Оставив доктора Агнью на попечение Эди, он обратился к лаборанту:

— Фрэнк, принеси кувшин с широким горлом.

Лаборант стремительно кинулся к шкафу с посудой.

— Джойс, немедленно вызовите сюда группу «Скорой» и отправьте доктора Агнью в хирургическую.

Джойс бросилась к телефону.

— Чарли, возьми кусок металла или стекла и помоги Гарри удерживать эту штуку на одном месте. У тебя все в порядке, Гарри?

— Пока все идет хорошо, доктор. Посмотри, однако, что сталось с этой штукой вон там.— Гарри указал головой на дальний конец клона.

Марк посмотрел в указанном Гарри направлении и увидел, что ткань клона потемнела и сморщилась. Пока он рассматривал этот участок, коричневатый цвет распространился ближе к центру массы клона. Масса перестала пульсировать, зеленоватое свечение пропало. Все признаки говорили о том, что ткань умирает. В том месте у края ткани клона виднелась лужа жидкости, вытекшей из разбитых бутылей. Марк обошел вокруг стола, чтобы лучше рассмотреть лужу. Он наклонился было, чтобы понюхать ее, но отпрянул — так был силен резкий запах уксусной, азотной кислот и других веществ, смешавшихся из разбитой посуды.

— Не знаю, что это может быть такое,— сказал он.— Тут столько всего намешано. Но одно ясно — это не азотная кислота. Мы ее пробовали на этом веществе и выяснили, что она на него не действует. И другие кислоты ему нипочем. Но почему эта жидкость такая темная? Мы же ничего темного до сих пор не брали.

— Ума не приложу, доктор,— сказал Гарри.— Но я уверен, что ты догадаешься. Вот только как долго мне удастся удерживать эту штуку, чтобы она не расползлась по всей комнате.

Тут дверь широко распахнулась, и в нее вошли трое людей с носилками, которые они поставили около распростертого на полу доктора Агнью.

— Что с ним случилось? — спросил врач.— У него отрезана рука?

Марк не был расположен пускаться в объяснения.

— Диагноз правильный, доктор. А теперь забирайте его отсюда и быстро несите в хирургическую.

Врач окинул взглядом разгромленную лабораторию и сделал знак санитарам. Они подняли доктора Агнью и вышли из комнаты. Эди присоединилась к Марку.

Марк принялся шарить на полу среди разбитой посуды неподалеку от клона.

— Бисульфит соды, двууглекислая сода, персульфат соды, фенолфталеин, паранитрофенол, раствор йода, ортокрезолфталеин, мала...— читал надписи на них Марк.— Постой! Раствор йода!

Он зачерпнул немного жидкости мензуркой и выплеснул ее на клон. Масса клона дернулась и отодвинулась в сторону, а на месте, куда упали капли йодного раствора, образовалось отверстие. Края образовавшегося отверстия потемнели и сморщились, словно сквозь массу клона прошла струя пламени.

— Вот опо в чем дело! — сказал Марк.— Кажется, мы нашли средство!

Схватив мензурку, он опрометью бросился к металлическому шкафу и принялся шарить там в поисках нужной ему бутыли.

Дверь в лабораторию внезапно распахнулась, и в нее вошли полицейский и несколько врачей. Они замерли на пороге и стали озираться при виде погрома.

— Что здесь происходит? Что случилось с доктором Агнью?

— Вот это вещество,— Марк показал на стол, где Гарри продолжал сгребать клон в одну кучу,— коснулось руки доктора Агнью и могло его убить. Мы ампутировали доктору руку, чтобы спасти ему жизнь. Доктор Агнью первый человек, которого удалось спасти с тех пор, как эта штука появилась из труб.

— Вы хотите сказать, что преднамеренно ампутировали руку, потому что это вещество коснулось его? Вы что, с ума сошли? — проговорил врач, направляясь к Гарри.— Что это такое?

— Отойдите, доктор. Оно кусается. Держитесь от него подальше.— Гарри свободной рукой удержал врача.

Второй врач наклонился над столом, рассматривая пульсирующую массу. Гарри прикрикнул на него:

— Отойдите! Доктор, скажите ему, чтобы он отошел.

Марк, держа в руках флакон с йодом, сказал врачу:

— Держитесь подальше от этой массы, доктор. Если вы до нее дотронетесь, это будет стоить вам руки, Гарри, давай попробуем загнать эту штуку в бутыль, где ей и место.

Новые люди прибывали и прибывали в лабораторию и толпились в дверях. В помещении становилось тесно.

— Офицер,— обратился Марк к полицейскому,— пожалуйста, освободите лабораторию. Кто-нибудь может пострадать. Это существо уже погубило многих.

Полицейский поколебался немного, а потом стал выпроваживать людей из лаборатории.

— Теперь, Фрэнк,— попросил Марк,— помоги Гарри загнать это в бутыль.

Фрэнк держал бутыль в руках и испуганно таращил глаза. Он робко приблизился к столу.

— Хорошо, доктор,— произнес Гарри,— положим бутыль набок и посмотрим, удастся ли мне соскрести в нее эту штуку.

Его движения стали плавными и быстрыми, как толь-

ко он полностью остановил продвижение растекающейся массы клона.

— Следи за ним,— продолжал Гарри.— Держи бутыль за донышко так, чтобы оно не коснулось твоей руки.

— Доктор,— обратился он на этот раз к больничному врачу,— не отойдете ли вы подальше, чтобы мы могли заняться этой тварью?

— Я никогда не видел ничего подобного. Что это такое?

— А кто его знает, но оно разделается с вами, если вы дотронетесь до него.

Ловкими движениями Гарри придал клону вытянутую в узкую ленту форму. Один конец ее лежал рядом с горловиной бутыли, и клон начал течь внутрь.

— Ну, кажется, мы сумели укротить его,— проговорил Гарри,— держите бутыль ровнее. Доктор, уберите ваши руки, не понимаете, что ли?

Больничный врач, заинтересованный зрелищем текучей массы, дотронулся до рукояти ножа, чтобы почувствовать через нее вязкость массы клона. Он старался помочь Гарри направить клон в бутыль, и мгновение казалось, что вне бутыли остался только один жгут клона. Врач опустил рукоять ножа и быстро пальцем надавил на жгут клона, чтобы засунуть его в бутылку.

Он тут же отдернул руку, пытаясь отлепить палец от клона, но вместо этого вытянул его обратно из бутылки на лабораторный стол. Фрэнк с ужасом поставил бутыль обратно на стол. Все трое глядели, как по руке врача стремительно двигалась зеленая ткань клона.

— Доктор,— позвал Гарри Марка,— скорее неси раствор. Этот парень приклеил к себе эту тварь, и я не хочу отрубать ему руку.

Прибежал Марк, неся в руке мензурку с раствором йода. Он немедля вылил раствор на запястье и руку врача. Ткань клона сморщилась, стала темно-коричневого цвета в том месте, где на нее попала жидкость.

Клон прекратил дальнейшее продвижение. Поглотив запястье, он остановился перед барьером из йода.

— Я ничего не чувствую,— проговорил врач.— Как вы думаете, мои пальцы под этой коричневой массой целы?

— Боюсь, доктор,— покачал головой Марк,— что их нет. Теперь у вас будет возможность специализироваться только на постановке диагноза. Гарри, я думаю, что эта масса отвалится, когда мы убьем ее йодом.

Они подождали еще немного. Марк отошел, чтобы приготовить еще раствор йода. Фрэнк, пятясь, отошел и поставил пустую бутыль на край лабораторного стола в нескольких шагах от лужи воды и йода, растекавшейся вокруг клона, присосавшегося к руке врача. Гарри поднял нож и посмотрел на коричневый участок ткани клона, на запястье врача.

— И не думай пустить свой тесак в дело,— произнес тот.— С меня хватит неприятностей.

— Но мне не нравится, что эта штука все еще на вашей руке,— сказал Гарри.— Очень не нравится.

— Но ведь она мертвая, не так ли?

— Часть ее мертвая, что верно, то верно,— ответил Гарри и, обращаясь к Марку, спросил: — Доктор, как ты думаешь, удалось нам убить всю эту штуку твоим раствором? Ведь опасно держать ее тут. Еще кто-нибудь может попасться, как этот парень.

Марк закончил приготовление новой порции раствора.

— Возможно, и так. Но, черт возьми, может быть, и нет! — сказал он, подходя.— Мы должны выяснить как можно больше, может быть, нам и не представится другой такой случай.

— Марк,— позвала его Эди,— а откуда бежит вся эта вода?

Она указала на лабораторный стол, с которого вода лилась ручьем.

Марк и Гарри уставились на лужу, растекавшуюся по столу и переливающуюся через край стола. Марк глянул в сторону бутыли с обесцвеченным раствором йода. На краю этой лужи лежала коричневая вздрагивающая ткань клона, а далее рука доктора. Вода вытекала из омертвелой ткани клона. Вдруг до Марка дошел смысл происходящего. Он посмотрел на врача, стоявшего с обескураженным выражением на лице, разглядывающего увеличивающуюся лужу воды. Глаза Марка встретились с глазами Гарри, в которых он прочитал ту же догадку.

— Доктор, это — в нем! — прошептал Гарри.

Он взмахнул ножом и отрубил кисть руки врача — не появилось ни капли крови.

Врач отступил от стола и закричал на Гарри:

— Что ты сделал? Идиот, ты отрубил мне руку! Что ты...

Он внезапно умолк.

К распростертому на полу врачу подбежал Марк и взглянул на остаток его руки. Обрубок представлял со-

бой плотную зеленоватую фосфоресцирующую ткань, покрытую корочкой коричневого, сморщенного слоя.

Марк выпрямился, рядом с ним стоял полицейский.

— Что с ним? — спросил он.

— Эта штука добралась до него. Она проникла внутрь его тела, поэтому, ради бога, держитесь от него в стороне. Лучше станьте у двери и не пускайте сюда никого, пока мы не укротим эту тварь.

— Хорошо, сэр.— Полицейский бросился к двери и привалился к ней спиной.

— Гарри и ты, Фрэнк, спровадьте эту массу со стола в бутыль. А я попробую заняться парнем. Ну, иди же!

Фрэнк шагнул и взял бутыль, но держал ее так, чтобы сбегающая с нее вода не попала на его брюки. Гарри принялся сгребать клон в одну кучу, запихивая туда и почерневшую от йода ткань. Марк наклонился над распростертым на полу телом и стал осторожно лить на него раствор йода.

— Эди, приготовь галлон раствора йодной настойки. Налей в кувшин воды, брось туда горсть йодистого калия, а затем добавь горсть йода и смешай все. Все это найдешь там.

Он махнул в сторону шкафа и снова наклонился над телом.

— Доктор, а с ним плохо. Как мы вытянем из него эту штуку?

— Мы этого сделать не сможем. Теперь она уже в нем. Нужно как-нибудь убить ее. Может быть, придется разрубать тело на части и убивать по кускам с помощью йода. Тогда...

Он оберпулся к полицейскому:

— Что?

— Комиссар Соренсен за дверью. Пустить его?

— Да, да. Конечно.

Соренсен был комиссаром городского управления здравоохранения.

Это был стройный, безукоризненно одетый и причесанный человек. Он оглядел лабораторию, а затем вопросительно посмотрел на Марка.

— Будет несколько трудно объяснить вам,— вздохнул Марк,— поэтому вы уж поверьте, комиссар, тому, что я скажу, а я постараюсь все изложить по порядку.

— Я готов поверить чему угодно,— сказал Соренсен.— Вы слушали радио? Включите.

Марк кивнул Эди, которая направилась к репродуктору.

— Принеси большие ножницы,— сказал Марк лаборанту.— Мистер Соренсен, этот человек,— и Марк указал на лежащее на полу тело,— только что был убит неким видом организма, который, как можно предположить, обитает в нашей канализационной системе. Всякий раз, как только это вещество почувствует голод или другую какую-то потребность, оно появляется из канализационных труб, нападает на людей и снова исчезает в канализации. Нам удалось отделить кусок этого вещества и выяснить некоторые подробности его поведения. Оно быстро погибает от раствора йода, но для этого необходимо, чтобы ткань этого организма вступила в контакт с йодом, и йод убивает только ту его часть, с которой соприкасается. Этот человек вел себя неосторожно и превратился в это вещество. Сейчас мы должны попытаться убить его. А теперь, пожалуйста, отойдите в сторонку. Гарри, ты готов?

Гарри утвердительно кивнул, и оба принялись за работу. Марк натянул резиновые перчатки и стащил пропитанную раствором йода одежду, из-под нее появилась ткань клона. Гарри отрубал куски ножом, Марк заливал их раствором йода. Соренсен минуту смотрел на их работу, потом ему стало плохо.

Через несколько минут резиновая перчатка Марка впервые соприкоснулась с тонкой, как волос, нитью клона. Клон не отреагировал на нее, словно это была стальная палочка. Марк криво усмехнулся и продолжал добивать клон, лежащий на полу.

9 часов 55 минут

Ирэн Аппель топнула красивой ножкой, в нетерпении поглядывая то на свои наручные часы, то на стенные. До начала передачи оставалось пять минут. Как и всегда перед радиопередачами, она чувствовала невероятное волнение. Кто-то вложил ей в руки лист бумаги, и она быстро пробежала глазами небольшое, строк на десять, сообщение, с которым уже ознакомилась раньше. Ирэн внезапно бросила листок и дернулась, вырываясь из-под нежных пальцев парикмахерши.

— Мисс Аппель,— взмолилась та,— пожалуйста!

— Заткнись! — отрезала Ирэн Аппель.— Баз! — кинула она через плечо, снова впившись в текст.— Баз Кингслей!

Он появился перед ней, массивный человек с квадратным лицом, обрамленным бородкой.

— Что это за сивый бред? — спросила она его.— Как называются такие басни? Ты что, хочешь казаться остроумным?

Баз провел рукой по своим коротко остриженным волосам.

— Успокойся, Ирэн,— сказал он.— Все здесь правильно. Мы будем давать об этом передачи каждые полчаса.

Она с ненавистью уставилась на него, чувствуя то же самое, что пережила в то страшное утро, когда читала запись впечатлений очевидца о взрыве атомной бомбы.

— Тридцать пять человек? — проговорила она, не столько спрашивая его, а как бы говоря сама с собой.— Куда же они исчезли?

— В канализационную трубу,— ответил Баз.

Никто не улыбнулся.

Через минуту самая очаровательная в стране диктор-ша читала перед микрофоном:

«Наше сегодняшнее местное сообщение: леди и джентльмены! Тридцать пять человек — мужчины, женщины, дети — исчезли с лица земли, не оставив после себя никаких следов, по которым можно было бы судить о том, как и куда они исчезли. По словам очевидцев, они слышали крики, но, когда прибегали на помощь, им ничего не оставалось, как стоять и смотреть на то, что, пожалуй, можно назвать самым чудовищным из происшествий за всю историю человечества».

Многоуважаемый Джон Майкл Слаттери барабанил толстыми красными пальцами по полированной поверхности письменного стола. Маленькие глазки мэра перебегали с одного лица сидевших напротив людей на другое.

Говорил комиссар по вопросам здравоохранения доктор Соренсен:

— ...это правда, Джон. Мы попросту не знаем, что это такое. Не представляю, что ты можешь еще сказать им.

Джон Слаттери трахнул кулаком по столу.

— И что, я должен выглядеть как самый настоящий идиот? А только это и можно будет обо мне подумать! Ну уж и разделаюсь я с этим подонком за то, что он смылся, оставив меня расхлебывать эту кашу!

Последнее замечание относилось к санитарному инспектору, который в это время пил кофе со льдом на крыше солярия квартиры некой Патриции Бауер, находящейся на восемнадцатом этаже самого новейшего и са-

мого дорогого жилого дома, выстроенного на берегу озера.

Еще некоторое время слышались проклятия и брань в адрес Тимоти О'Херлихи. Затем многоуважаемый Джон Майкл Слаттери отпустил обоих своих помощников. В течение некоторого времени он мерил шагами свой кабинет, собираясь с мыслями. И к тому времени, когда в приемной собрались ожидавшие его появления журналисты, у него была приготовлена для них версия.

— Леди и джентльмены,— начал он проникновенно,— я дал указание создать комиссию для расследования причин, создавших угрожающее положение в нашем городе. Одновременно я дал указание своим сотрудникам подготовить к действию запасную систему радиовещания, используя резервы средств связи гражданской обороны. Я лично буду находиться в штабе гражданской обороны в здании архива, и мы, как только получим какое-либо сообщение, немедленно будем оповещать по радио население.

До сих пор у нас нет еще конкретного мнения относительно природы данного явления. Мы просили бы вас воздерживаться от распространения слухов, которые могут в силу своего характера причинить больше зла, чем само это загадочное явление.

Мэр сделал паузу и пригубил стакан воды, стоявший перед ним. Его выступление прозвучало значительно слабее, чем он рассчитывал. Большинство репортеров, среди которых была и Ирэн Аппель, остались бесстрастными, лишь кое у кого можно было заметить скептические улыбки. Журналистам было известно, что мэр абсолютно ничего не знает о происходящем в городе, что его план личных обращений к населению по радио не что иное, как грандиозный спектакль.

— Мэр Слаттери, не хотите ли вы сказать, что передачи по радио будут вестись только по системе экстренного вещания?

— Нет,— сказал мэр.— Вовсе нет. В настоящее время я не намерен отдавать распоряжение о закрытии хотя бы одной из действующих радиочастот. Однако при необходимости мы вмешаемся и прервем работу любой радиостанции...

10 часов 15-минут

Клон распространялся под кварталами города, заполняя собой все канализационные магистрали и коробки коллекторов. Объем массы клона был огромен, и вместе

с тем получаемое им количество питательных веществ было сравнительно небольшим, потому что клон мог питать только свои разраставшиеся отростки. В своем развитии клон прошел стадию, когда он мог ограничивать себя в поступлении необходимых ему веществ, и сейчас он был не в состоянии довольствоваться малым.

И вот настал момент, когда внутреннее строение его тканей перестроилось в соответствии с новыми условиями. В тканях образовался новый по своему составу икор, который вскоре проник во все клетки ткани клона. Какое-то время клон оставался почти неподвижным, слегка выступая над срезом десяти тысяч сливных отверстий раковин. А затем в одно мгновение эта выпуклая поверхность взорвалась вверх жгутами, которые немедленно приклеились к потолку помещений. Прикрепившись ко всем поверхностям, где прикоснулись жгуты, клон сразу пустил в ход свои ферменты.

Для начала жгуты клона выпустили тонкие нити ткани, которые цеплялись за малейшую неровность поверхности деревянных предметов. Клон извлекал мельчайшие количества белковых веществ из древесных клеток и тем самым делал дерево более пористым. Сквозь поры клон погружал нити в глубь древесной ткани, превращая целлюлозу в крахмал. Затем клон начал превращать крахмал в сахар и немедленно его поглощать. Толстые жгуты ткани клона, выброшенные первоначально из сливных отверстий, образовали настоящую подушку.

Некоторые из этих нитей прикрепились к оштукатуренным стенам, к бетонным перекрытиям, к камню или кирпичу. И каждый раз нити находили в поверхностях малейшие трещинки или шероховатости. При помощи кислот, содержащихся в икоре, а также ферментов клон разлагал углекислый кальций, превращая его в растворимую соль органического соединения кальция. В сочетании с сахарами эта соль давала возможность клону развиваться и расти.

Через несколько минут деревянные полы потеряли свою прочность и там, где они были недостаточно толстыми, рухнули. Оштукатуренные стены начали прогибаться, и даже бетонные перекрытия стали утоньшаться. Кирпичные стены с незначительным содержанием углекислого кальция почти не пострадали от нападения клона, но он с успехом поглощал цемент и бетон, скреплявший между собой кирпичи, стены становились непрочными и обрушивались.

Эволюция в развитии способностей клона пагубно отразилась на судьбах людей даже в большей степени, чем на сооружениях.

Новый характер действий клона проявился в зданиях десятка кварталов в центре города, расположенных вокруг коллекторного сборника системы канализации, где он впервые появился на свет. Клон был везде: в магазинах, в помещениях жилых домов, в вестибюлях и прихожих, в аллеях и дворах.

Наибольшее опустошение клон произвел в одном из крупнейших магазинов города, в универмаге Стэйнвей. В этот день в магазине была ежегодная распродажа по сниженным ценам. Двери магазина открыли в 9 часов 30 минут утра. И даже разнесшийся слух о появлении клона не уменьшил наплыва покупателей, в основном женщин, которые поспешили воспользоваться случаем сэкономить. Бойкая торговля шла на всех десяти этажах. Торговые залы представляли собой настоящее столпотворение. Люди теснились перед прилавками, выбирая покупки.

Когда клон, словно выброшенный взрывом, взлетел из отверстий труб, прошло несколько минут, прежде чем люди обратили внимание на грозящую им опасность и позабыли про покупки.

Клон объявился во всех помещениях магазина. Он без разбора поглощал все: кожаные изделия, нейлон и людей. Спустя четыре минуты после появления клона в магазине началась паника, но было уже поздно. Огромные слои клона покрывали лестницы и стены, прилавки, полы и потолки. Клон проник в моторный отсек эскалаторного отделения и набросился на изоляцию кабелей, в результате чего возникло короткое замыкание, и эскалаторы остановились. Короткие замыкания в других помещениях здания привели в действие автоматические выключатели, которые отключили энергоснабжение. Стали лифты, погас свет. В полутемных помещениях магазина люди боролись с клоном, каждый по-своему. Большинством овладела паника.

Вода с десятого этажа потекла по лестницам и в шахты лифтов. Скоро это были уже не ручейки, а ручьи. На девятом этаже они стали еще мощнее, а на восьмом усилились еще более. Вода, образовавшаяся на одном этаже, сливалась с водой, выделенной клоном на другом, потому что он напал на здание на всех этажах одновре-

менно. На втором этаже вода уже ниспадала каскадами по ступеням лестниц и эскалаторов.

Клон полностью очистил помещение универмага и лежал повсюду тонким слоем. Когда он исчерпал все имевшиеся в наличии источники белков, его ткань выпустила тончайшие нити, которые стали проникать в дерево и кирпичную кладку стен, и здание универмага стало разрушаться, проседать. Это случилось в 10 часов 59 минут утра.

Вместе с водой клон начал течь вниз по ступеням лестницы, ведущей в вестибюль станции метро, находившейся под универмагом. Скоро он преодолел последний лестничный пролет, разделился на два рукава и потек по платформе. В метро в это время было несколько пассажиров, напуганных странным гулом голосов, слышавшихся с поверхности, и ждавших в нерешительности прихода следующего поезда, чтобы поскорее уехать с этой подозрительной станции. Подошел поезд, пассажиры торопливо кинулись к вагонам, но их остановил вид зеленоватого вещества, покрывавшего платформу. Люди замерли в нерешительности. Несколько человек осторожно приблизились к клону, за ними последовали любопытные, чтобы увидеть, что будет дальше. Все они сгрудились перед клоном.

— Что это такое?

— Может быть, идут ремонтные работы на платформе?

— Что за отвратительное зрелище!

И настал момент, когда один из пассажиров сделал шаг вперед и притронулся носком ботинка к пульсирующей массе. За этим последовала неизбежная в таких случаях борьба, попытки помочь жертве клона, которые приводили ко все увеличивавшимся потокам воды. Еще не вошедшие в соприкосновение с клоном попрыгали с платформы на рельсы и попытались спастись через запасной выход у другого перрона. Они выскочили на поверхность, где тоже царила паника. Им удалось рассказать полицейскому о появлении угрозы в метро, а он доложил в полицейское управление.

В метро клон расправился со всем на платформе, что было пригодно для усвоения. Он только что прикончил последние жертвы, как подошел другой поезд. Взвизгнули тормоза, открылись двери, и пассажиры вывалились на платформу, покрытую слоем клона. Началось сущее столпотворение. Через минуту после прихода поезда машинист попытался закрыть двери и увести поезд со станции. Но

двери не закрывались, их блокировал клон. Машинист нажал кнопку сигнала тревоги, и по тоннелю пронесся раздирающий уши звук сирены. На всей линии метро во всех тоннелях встали поезда, так как сработала система аварийной защиты. Тысячи пассажиров сидели в поездах, с недоумением спрашивая друг друга о причине остановки.

11 часов ровно

Мальчишки-разносчики уже бегали с газетами дневного выпуска, когда Ирэн Аппель вышла из здания муниципалитета. Взяв газету, она пробежала глазами по заголовкам и не нашла в них ничего нового. Даже то, что она уже слышала, было еще больше переврано. Теперь уже вещество, находящееся в трубах под городом, называли то змеями, то змееподобным веществом.

Она услыхала настойчивый сигнал автомобиля. Ей сигналил, высунувшись из окна автомашины, Майк Моррис, сотрудник редакции новостей.

— Эй, что-то происходит в районе, где живут китайцы. Хочешь, поедем посмотрим.

Моррис еще не успел закончить фразу, как Ирэн уже захлопнула за собой дверцу машины. Радиоприемник в автомобиле был настроен на волну полицейской радиостанции, динамик, захлебываясь, говорил непрерывно. Во время поворота Майк задел ручку настройки приемника, и Ирэн принялась настраивать его на прежнюю волну.

Они повернули на Кларк-стрит, направляясь на юг. Динамик продолжал молча потрескивать. Еще не отдавая себе отчета в том, когда это произошло, они оба заметили, что в темпе движения произошли заметные изменения. Поток машин двигался с юга на север, на углах стояли полицейские, старавшиеся обеспечить непрерывное движение автотранспорта.

— Значит, был сигнал тревоги,— сказал Майк.

Их остановили на углу Кларк-стрит и 21-й западной. Весь район дальше был закрыт для неслужебных машин, как сказал полицейский. Они объехали четыре квартала, прежде чем им было разрешено снова двинуться в направлении южной части города. Все движение было встречным. На пересечении двух улиц их снова заставили делать объезд. Майк поставил машину на автомобильную стоянку у полицейского участка в середине квартала.

— Нам едва ли удастся подъехать ближе, чем сей-

час,— сказал он Ирэн.— Хочешь подождать меня здесь?

Ирэн решительно распахнула дверцу машины.

Они двинулись вместе, стараясь идти, не сталкиваясь с встречной толпой. Люди шли им навстречу, одни рыдали, другие шли как в трансе. Ирэн время от времени поглядывала на небо. По нему неслись тучи, но дождя еще не было, хотя по улице бежали потоки воды. В этих ручьях плыли части одежды, которые закупоривали сточные решетки, создавая водовороты, заставляя воду растекаться, подниматься почти до уровня тротуара. Ирэн, хотя был жаркий день, бросило в дрожь.

Ближе противоположной универмагу стороны улицы им подойти не удалось. Путь им преградили автомобили пожарной команды, полиции и «скорой помощи».

— Я прорвусь туда,— мрачно сказал Майк Ирэн,— а ты лучше останься здесь.

Ирэн понимающе кивнула и вошла в магазин прохладительных напитков. Она вынула свой блокнот.

— Что тут произошло? — спросила она владельца магазина.

— Господи,— откликнулся тот,— все с ума посходили! Полицейский сказал мне, что перекрыли всю канализационную систему. Нужно держаться в стороне от всякой воды. И драпать, если увидишь, что из нее что-то вылезает.

Ирэн вышла из магазина и вошла в другой. Оттуда она прошла еще в один и так далее. От полицейского она узнала столько, сколько не смогла выудить у всех владельцев лавок.

— Надо признаться, леди, что мы ничего не знаем. Одни говорят, что это какие-то змеи; другие — что люди превращаются в воду, которая течет по улицам, а некоторые утверждают, что какое-то вещество их растворяет.

Ирэн Аппель подошла к жилому дому, который поспешно покидали жильцы. В прихожей стояла лужа воды, электричество было выключено.

Она удержала за руку женщину с двумя детьми.

— Куда вы направляетесь?

— Не знаю. Повсюду вода... Мой муж попытался соскрести это... А собака стала кусать... Теперь везде одна вода.

Ирэн пропустила женщину, потом подошла к зданию и толкнула дверь, держа наготове перо и блокнот.

Внутри здания зеленоватая пленка ползла по стенам, шторам, текла по коврам, взбиралась на мебель, остав-

ляя после себя какой-то хлам, разрозненные предметы и обрывки материалов, куски металла. Зеленоватая пленка в своем движении, молчаливом и чудовищно-страшном, подобралась почти к ногам Ирэн, прежде чем она нашла в себе силы сдвинуться с места. Она отступила, выронив блокнот. Маленькая книжечка была немедленно поглощена клоном. Ирэн повернулась и опрометью кинулась из здания.

У двери она остановилась и оглянулась. Пол вестибюля был весь покрыт этой массой. Остановился лифт, и пятнадцать человек выскочили из его кабины, навьюченные скарбом, торопясь выбраться из дома. Ирэн вскрикнула, когда трое из них наступили на зеленоватое вещество и начали погружаться в него, словно проваливаясь сквозь пол, а вокруг них стала растекаться вода. Ее крик слился с их воплями. Остальные пассажиры лифта обежали вокруг ковра из клона и выскочили на улицу невредимыми. Кто-то схватил Ирэн за руку и увлек за собой, она послушно шла, не переставая рыдать.

Пит Лоренц начал тихонько напевать, когда огромные колеса шасси его «ДС-8» тронули посадочную полосу. Они коснулись ее почти неощутимо, без толчка, а он продолжал напевать, в то время как его глаза все видели, а руки машинально проделывали необходимые движения.

Пит Лоренц был счастлив. После четырнадцати лет бездетного супружества у Лоренца должен был родиться ребенок. И всякий раз, как он вспоминал об этом, его простоватое лицо озаряла широкая улыбка, а черные глаза сияли.

Он вышел из самолета и торопливой походкой направился к телефонной будке, чтобы проверить, не было ли для него сообщения, которого он ждал вот уже около четырех часов. Ему удалось дозвониться до Детройта, но его домашний номер был занят, и Питу Лоренцу пришлось ждать. Радостным голосом назвал свой номер телефона.

— Алло, дорогая! — закричал в трубу Пит.— Что у тебя нового?

— Пока ничего, Пит. Не тревожься, я тебе говорила вчера,— услыхал он веселый голос Марии.

— Хорошо. Буду дома...— он посмотрел на часы — было 11.05,— через три часа. Подождешь меня? Слышишь?

Он улыбнулся, услыхав, как она засмеялась, и повесил трубку. Толпа пассажиров увеличилась, и только теперь он обратил внимание на их странный вид. Они не

были похожи на людей, собравшихся путешествовать, потому что они были похожи... Пит схватился за дверную ручку телефонной будки и даже тряхнул головой, чтобы отогнать внезапно возникшую нелепую мысль об этом сходстве. Эта толпа напомнила ему... беженцев.

Пит направился к своему самолету, его встретил второй пилот. Вид у него был озабоченный.

— Выдан новый план полета,— с недоумением сказал он.— Нам предстоит совершать челночные рейсы между этим аэродромом и Милуоки.

Пит остановился, и его толкнули в спину. Видение потока беженцев снова возникло перед ним, на этот раз более отчетливо, чем ранее.

— Из-за чего все это? — спросил он, не показывая, что его это беспокоит.

— Убей меня бог, если я знаю.

Самолет «ДС-8» был полностью загружен и поднялся в воздух раньше, чем Пит узнал о том, что под городскими улицами в канализационной системе что-то случилось, а может быть, с самими этими людьми что-то произошло. Он сделал круг, прежде чем лечь курсом на север. Город под ним выглядел как обычно. Сверху не была видна причина, заставившая людей покинуть город. Пит пожал плечами. Надо думать, это не вызвано бомбежкой, город не был подвергнут нападению и не стал жертвой военных действий. В любом случае его должны сменить в час ночи, и в час ночи он отключается, воспользуется оказией и поедет в Толедо, домой, к новому члену семьи Лоренцев, которому еще предстоит появиться на свет.

В сарае для скота в северо-восточном углу территории боен, где пересекаются улицы Першинг и Хальстед, в середине бетонного пола было большое отверстие для стока. Из этого стока и появился жгут клона. Он долетел до потолка, покрытого густым слоем жирной копоти и засохшего помета. Клон немедленно стал распространяться, а когда он покрыл собой весь потолок, то от него отделился побег, который опустился на пол сарая в двух шагах от одного из быков. Животное равнодушно глянуло на извивающуюся ленту и отвернулось в другую сторону.

Клон начал свое продвижение по полу, где для него было много питательных веществ. Так он растекался по полу до тех пор, пока не наткнулся на левое заднее ко-

пыто животного. Бык ничего не почувствовал и вел себя спокойно до тех пор, пока клон не расправился с большей частью задней ноги и тяжелый круп быка не начал проседать. Когда бык все же попытался сделать шаг, его тело завалилось на левый бок. Животное стало биться, чтобы восстановить равновесие, но это ему не удавалось. Еще через минуту от животного осталась только передняя четверть тела, которая постепенно погружалась в растекавшуюся лужу воды. Клон стал быстро растекаться вокруг.

Он подобрался к копытам стоявших поблизости других животных и одновременно напал на четырех быков. Спустя мгновение прилипший к их ногам клон опрокинул их на пол. Их рев встревожил животных, находившихся в загоне.

На бойне были и другие сточные колодцы. Клон появился и из них. Беспокойство среди животных распространялось со все нарастающей силой. Овцы блеяли и пытались перепрыгнуть через забор. Они взбирались на спину друг другу, чтобы выбраться из загона.

Оказалось, что овцы были единственными животными, которые чувствовали, когда на них нападал клон: прилипнув к их густой шерсти, клон не сразу добирался до шкуры и мяса. Обезумевшие от страха овцы выдирались из тенет нитей клона, когда он только прилипал к их шерсти. Оставив клону клок шерсти, овцы убегали, спасаясь на какое-то время.

Прибежали служащие боен, чтобы выяснить, что происходит. Определить источник панического страха животных было невозможно. Служащие старались утихомирить их, а на то, чтобы выяснить причину буйства, у них не было времени.

Сидя на краю забора загона для скота, Тайни Андерсен криками пытался успокоить носившихся по кругу животных.

— Что им померещилось? — крикнул он Фрэнку Крюсону.

Андерсен спрыгнул в проход между загонами и бегом бросился вокруг забора, чтобы задержать животных и не дать им возможности проникнуть сквозь образовавшийся на другой стороне пролом. Завернув за угол, он поскользнулся и упал в грязную лужу, покрытую слоем воды.

— Это еще откуда взялось? — пробормотал он, выти-

рая грязь с рук. Он добежал до пролома, взобрался на забор и начал отгонять от него животных.

Ближе к одному из краев он увидел странного вида слой. Приглядевшись, Андерсен увидел, что он находится в движении. Какие-то побеги отделялись от него и направлялись к ногам животных. Один из побегов коснулся ноги быка, и Андерсен увидел, как под копытом немедленно образовалась лужа. Затем побег стал подниматься выше, и тут только Андерсен заметил, что он имеет зеленоватый оттенок.

Андерсен оглянулся, чтобы позвать кого-нибудь, а когда снова взглянул на быка, тот уже бился, стараясь освободиться от прилипшей к нему массы. Андерсен соскользнул по внутренней стороне забора, чтобы посмотреть на происходящее поближе. К этому времени ноги у быка уже не было, и Андерсен имел возможность видеть, как все происходит. Тут он догадался, что появление этой массы и вызвало панику среди животных.

Андерсен взобрался на самую верхушку ограды, чтобы поверх загона с обезумевшими животными разглядеть кого-нибудь из служащих. В забор, на котором он стоял, одновременно ударились два быка, и этого толчка оказалось достаточно, чтобы Андерсен потерял равновесие и полетел внутрь в пленку клона. Андерсен попытался освободиться от клона, но тот же въелся в кожаные подошвы его сапог. Через три секунды клон проник сквозь подошвы и принялся за его ступни. Андерсен подполз к стенке загона и стал громко звать на помощь. В реве животных и топоте тысяч копыт никто не мог его услышать.

Но, когда Андерсен падал с забора, это видел Крюсон. Он подождал немного, надеясь, что товарищ сам выберется из загона. Но тот не появлялся, и Крюсон бросился к нему на помощь. Он нашел Андерсена ползущим вдоль стенки загона.

— Что с тобой? — спросил его Крюсон.

Андерсен кивнул на свои ноги. Крюсон взглянул, у него отвисла челюсть.

— Скажи нашим, чтобы они не прикасались к этой штуке. Видишь? Скажи им об этом.

— Я тебя вытащу отсюда,— сказал Крюсон, подымаясь.

Просунув руку сквозь забор, Андерсен удержал его.

— Тебе не удастся сделать это, Фрэнк. Даже быки не могут оторваться от этого. Побудь со мной немного, хорошо? Это займет немного времени. Просто постой еще

несколько минут, а потом ты пойдешь и скажешь всем об этом. Скажи, чтобы они не прикасались к этому...

Крюсон вскочил на ноги и, пятясь, наблюдал трагический конец Андерсена. Потом он опрометью бросился в контору. По дороге он останавливался, чтобы рассказать встречным о том, что видел, но его сообщение не было новостью.

Территория бойни превратилась в сущий ад. Клон был повсюду, пожирал животных, взбирался по заборам, растекался по земле, проникал в здания. К бойне примчались полицейские машины, но они уже ничего не могли предпринять.

11 часов 59 минут

Красный глаз телевизионной камеры неотрывно следил за Базом Кингслеем, пока он читал длинный список мест, где клон был обнаружен, где он совершил нападение на людей за последние полчаса. Позади Кингслея висела карта, по которой змеилась густо заштрихованная линия, очерчивавшая непрерывно расширявшийся район бедствия.

— Сейчас мы переходим к показу телепередачи с места событий нашими выездными группами операторов в различных районах города. Первым мы даем слово Ральфу Бондо. Ваше слово, Ральф. Что произошло на Юнион стейшен?

— Там идет массовая эвакуация, Баз...

Изображение на экране было туманным, но голос Бондо был отчетливо слышен.

— Население сотнями покидает город. Те, у кого нет возможности перебраться из районов, подвергшихся опустошению, к кому-либо из друзей и знакомых в пределах города, направляются в пригороды, где их размещают в зданиях школ, в пожарных депо, в казармах и зданиях управления гражданской обороны. С собой они ничего не берут, кроме того, что могут нести в руках.

— Теперь очередь за Питером Вашли с центральной станции Иллинойс.

— Все то же самое, Баз. Люди стараются выбраться из города возможно скорее, кидаются в поезда в надежде скрыться от угрозы нападения. Многие теряют своих близких. Женщины с детьми уезжают, не зная, где и что произошло с их мужьями или со старшими детьми, которые ушли в школу и не вернулись до их отъезда.

Внезапно голос его прервался, но тут же раздался снова. Питер Вашли заговорил уверенно и твердо:

— Зеленое вещество, появилось на центральной станции Иллинойс!

Послышался нарастающий шум, раздались панические выкрики и вопли. Затем снова послышался голос Питера:

— ...отсюда нет выхода... бледно-зеленое вещество расползается так, словно кто-то разлил расплавленный парафин, оно покрывает собой платформы, захватывает все на своем пути, люди исчезают в нем. Они исчезают, превращаются в воду. Я нахожусь в стеклянном кабинете начальника станции, откуда видно все столпотворение на платформах. В кабинет набилось так много народа, что мы не можем даже пошевелиться, но здесь, по крайней мере, мы на какое-то время находимся в безопасности... О-о-о, лента этого вещества вползла под дверь кабинета... Она увеличивается...

Голос Питера утонул в истошных криках, а когда они затихли из репродуктора не стало слышно ни звука.

В наушниках, надетых на голову, Баз услыхал срывающийся голос директора радиостанции:

— Сейчас мы включаем временный кабинет мэра города, из которого он руководит операциями, связанными с чрезвычайным положением в городе.

Достопочтенный Джон Майкл Слаттери прочистил горло.

— Леди и джентльмены, у меня есть для вас несколько важных сообщений. Ужасающее бедствие обрушилось на нас. Но мы справимся с ним, леди и джентльмены. Вы же должны проявить выдержку и спокойствие. И не поддаваться панике. Мы все ожидаем сведений из лаборатории городской больницы относительно природы вещества, что напало на город. Пока же в ожидании новых сообщений мы можем сказать вам, что это вещество имеет вид извивающихся лент, которые способны проникать в здания и жилые дома через систему канализационных труб. Нет никакого сомнения в том, что эти ленты исключительно опасны. Поэтому, леди и джентльмены, держитесь подальше от всех незакрытых сливных отверстий и труб.

Управление транспортных перевозок закончило составление плана эвакуации районов города. Незамедлительно после моего заявления мистер Иген Грисолд, начальник транспортного управления, подробно расскажет о поряд-

ке эвакуации и маршрутах движения. Просьба к вам: выполняйте его указания, чтобы избежать транспортных пробок. Полиция уже закрывает въезд в указанные районы, и я повторяю — ни один человек не имеет права въезда в этот район, за исключением машин спецназначения.

Мэр отпил большой глоток воды, пробежал глазами листы бумаг, разложенных перед ним на столе.

— Сейчас я зачитаю список центров, подготовленных для тех, кто вынужден оставить свое жилье. Просьба внимательно прослушать этот перечень и выбрать для себя тот, что ближе всего расположен от вашего дома. Сразу направляйтесь туда и ждите, пока вас вывезут за город. Ни в коем случае сами не отправляйтесь на железнодорожные станции, на автобусные станции или в аэропорты. Из указанных центров вас в организованном порядке доставят к одной из посадочных станций, или вы получите кров в самом городе.

Все государственные служащие должны незамедлительно явиться к месту своей работы. Все служащие полиции и пожарной охраны должны прибыть в свои участки и ждать там дальнейших указаний.

Нашим первым шагом будет попытка изгнать это вещество из канализационной системы города, заставить его направиться в озеро и там подвергнуть его опрыскиванию и убить. Санитарному управлению отдано распоряжение произвести очистку канализационной системы в закрытых районах города с помощью промывки труб, и мы надеемся, что нам удастся очистить город от этого чудовища. Однако пока не приближайтесь к сливным отверстиям. Спасайтесь бегством, если увидите зеленоватое вещество. Не пытайтесь бороться с ним.

В городской больнице Марк выключил репродуктор и повернулся к собравшимся в лаборатории.

— Ну и ну,— сказал он с горечью.— Вот он, наш мэр. Проявить выдержку и спокойствие!..

— Кто-то из нас должен отправиться с докладом и доставить его лично,— сказал Соренсен.

— Не только с докладом,— возразил Марк.— Он должен будет добиться отмены решения промывать канализационную систему. Сможет ли он выполнить такое задание? Можно ли этого добиться?

— Ответ может дать один разве господь бог,— сказал Соренсен.— Тимоти О'Херлихи мог бы это сделать, но говорят, что его нет в городе. Я уверен, что он бы дал распоряжение перекрыть канализацию, отключить и изо-

лировать весь пораженный район... Но его нет в городе.— Соренсен пожал плечами.

Помощник начальника санитарного управления взглянул на расползающиеся контуры отметок на настенной карте и сравнил их с картой, показанной по телевидению. На его лице отразилось беспокойство: его жена работала в гостинице Конрад Хилтон, находившейся всего в двух кварталах от района, объявленного закрытым. Он поднял телефонную трубку и стучал по ней до тех пор, пока не услышал ответ телефонистки.

— Соедините меня с гостиницей Конрад Хилтон,— сказал он, и в его голосе послышались жалобные нотки, усиленные мембраной.

— К ним никак не удается дозвониться, сэр.

— Пожалуйста, попробуйте.

Он мерил некоторое время комнату шагами, потом принял решение. Это не его дело вскрывать пакеты на имя мистера О'Херлихи, полученные от мэра. Ему никто не поручал принимать решение закрывать или открывать канализационную систему, может быть, даже выпустить это вещество на свободу в озеро. Если он оставит письмо, то мистер О'Херлихи найдет его... Он и должен был принимать решение. Но с другой стороны... Помощник начальника санитарного управления принялся писать распоряжение об открытии всех коллекторных камер, но тут же порвал начатое письмо. Нет, никаких письменных распоряжений. Вместо этого он по внутренней связи дал указание секретарше передать устное распоряжение. Она должна была и расплачиваться. После этого он уехал, чтобы забрать свою жену и отправиться к себе домой, подальше от всего этого.

В лаборатории городской больницы репродуктор был снова включен на полную мощность.

Марк лихорадочно печатал. Через минуту он выдернул листки из машинки.

— Вот и все,— сказал он.— Тут все, что мы сумели установить. Пять экземпляров.

Один экземпляр он сложил и вложил в нагрудный карман своей рубашки. Один отдал Эди, один Гарри Шварцу и один Соренсену. Последний экземпляр он положил в открытый сейф, закрыл дверцу и повернул ручку.

— Ну, Эди, ты остаешься здесь в обороне до тех пор, пока они не эвакуируют больницу. Оставь радио вклю-

ченным и немедленно выбирайся отсюда, как только сюда пожалуют солдаты или кого они там пришлют. Понятно?

Эди кивнула. На минуту они замерли, глядя друг на друга, а потом она бросилась к нему на шею и обняла.

— Марк, будь осторожен! В некоторых местах оно уже покрыло все улицы. Возвращайся скорее!

Марк шагнул к двери, но обернулся на пороге.

— Помни, если эта тварь объявится в больнице, поднимайся сюда и законопать щели под дверью.

Вслед за комиссаром городского управления здравоохранения Соренсеном и Гарри Шварцем Марк вышел из больницы. Так начался их поход к зданию Архивного управления на служебной машине Соренсена.

Квартал, где находилась больница, опустел. Здесь не было ни одной машины, но, по мере того как они продвигались на север, они сразу попали в дорожную пробку. Марк вышел из машины и взобрался на крышу, чтобы выяснить, что там происходит. Впереди, насколько можно было рассмотреть, все было запружено машинами. На некоторых из них тоже стояли водители.

— Это, наверное, там, впереди,— сказал Гарри.

— Не могу ничего разглядеть,— ответил ему Марк.— Но мы не можем сидеть здесь и ждать. Пойдемте-ка пешком.

Через два квартала они увидели причину возникновения пробки. На перекрестке произошла серьезная авария трех легковых автомашин и грузовика. Пройдя немного, они увидели брошенный автомобиль с ключом в замке зажигания. Они немедленно двинулись на нем дальше на север. Сейчас они выехали из района, где были зарегистрированы появления клона. Чем дальше они оставляли позади себя этот район, тем меньше было видно следов паники.

Перед входом в здание Архивного управления полиция сдерживала натиск репортеров. Марк повел машину в обход здания, пытаясь найти другой вход.

— Заверпем за угол,— предложил Соренсен.— Я проведу вас с собой.

Марк остановил машину, вынул ключи и вышел. Почти тотчас же Соренсен был узнан, и их окружила толпа.

— Эй, Соренсен, что нового?

— Нашли вы чудовище?

Они пробились сквозь толпу репортеров, следуя вплотную за Соренсеном. До самых дверей их сопровождали

полицейские, которые вошли с ними в здание. Один из полицейских направился к телефону, но Соренсен прошел мимо него прямо к лифту. Марк и Гарри неотступно следовали за ним. Гарри нажал кнопку, закрывающую двери.

— Двадцатый этаж,— сказал Соренсен,— там находится кабина для радиопередач управления гражданской обороны.— Он вынул из кармана пистолет и стал его осматривать.

— Я держу его в машине в отделении для перчаток,— пояснил Соренсен.— Мне не хотелось оставлять его там, когда мы бросили мою машину.

Он передал пистолет Марку.

— Он может вам понадобиться,— сказал он.

Марк спрятал пистолет в карман брюк.

На двадцатом этаже их тотчас же остановили охранники внутренней службы безопасности.

— Мы очень сожалеем, комиссар. По радио выступает мэр. Он сейчас не может вас принять.

Гарри вытащил огромный нож мясника. Марк вынул из кармана пистолет Соренсена.

— А ну, с дороги! — сказал он.

Охранники попятились, непроизвольно направившись в сторону закрытой двери. Соренсен распахнул ее. За ней была еще одна дверь с красной светящейся надписью «Идет передача». Еще два охранника взглянули на них, поднимаясь со своих мест, но тут же сели, увидев в руках Марка пистолет.

Мэр Слаттери в это время говорил в микрофон:

«...как мы уже говорили, положение близко к тому, когда мы будем полностью контролировать ход событий. Не впадайте в панику...»

Он запнулся, когда в его поле зрения попал Марк. Мэр сделал ему раздраженный знак. Вперед выступил радиотехник.

— Какого черта, ребята, вам здесь надо? Передача же идет в эфир.

Он только сейчас обратил внимание на Соренсена и сделал приветственный знак рукой.

— А вы, черт возьми, где пропадали все утро?

— Дайте его в эфир,— сказал радиотехнику Марк.— Это комиссар Соренсен.

Радиотехник нахмурился, взглянул в сторону мэра, но потом кивнул в знак согласия.

— Джон,— сказал мэру Соренсен.— Мы вынуждены приступить к полной и немедленной эвакуации города в

самый короткий срок и любыми путями. И мы вынуждены перекрыть канализационную систему, несущую сточные воды из города, а также закрыть ливневые сбросы, где это только возможно. Эти меры не остановят беду, но они, возможно, замедлят ее распространение.

— Вы затопите город, идиот,— прохрипел мэр.— А с кого будут снимать за это голову?

— Я гроша ломаного не дам за ту его часть, где сидит эта гадость, и, по мне, пусть бы она вся вечно осталась под водой,— ответил Соренсен.

Радиотехник поднял руку, глядя на большие часы на пульте. Когда он опустил руку, Соренсен подошел к микрофону.

— Леди и джентльмены, передаем экстренное сообщение. Слушайте его внимательно. Под улицами нашего города находится единый живой организм, который уже захватил тридцать кварталов и продолжает распространяться со скоростью одна десятая часть квартала за каждые пять минут. Распространение идет во всех направлениях...

Марк прислонился к двери. Внезапно он почувствовал страшную усталость. Но это дело они сделали. Пусть теперь люди знают, что им угрожает. Пусть они побегут из города. И может быть, кое-кому из них повезет и они успеют спастись.

13 часов 04 минуты

Облака все ниже и ниже спускались к верхушкам небоскребов. На улицах города воздух становился тяжелым, густым и горячим. Лица прохожих то и дело обращались в сторону неба в надежде увидеть просвет в облаках или почувствовать первые капли дождя. Пусть уж что-нибудь, но только не эта зловещая застойность. Но вот гроза пришла. Молния, ударившая в шпиль небоскреба, плясала, по крайней мере, в течение пяти секунд. В воздухе сразу запахло озоном. В узких щелях улиц прокатились раскаты грома. Пронесся порыв ветра, а за ним полил дождь. Он лил такими густыми струями, что видимость на улицах сократилась до полквартала, а небо стало таким близким, что, казалось, до него можно было достать рукой.

Ураган несся, как гигантское колесо, обрушивая потоки воды. Ливень колотил по одежде, застрявшей в решетках водосточных колодцев, решетки забивались все

плотнее, и скоро вода перестала стекать в них, начала растекаться по улицам, сливаться с другими потоками, заполнять низины, подземные переходы, подвалы домов.

На углу Восемнадцатой и Кларк-стрит дождь хлестал по лепным украшениям карниза обреченного жилого дома. Клон выбросил свои ищущие пищи щупальца по всему зданию. Они пожирали на своем пути кальций из бетона, большую часть дерева, проедая полы террас. Дождевая вода проникала сквозь отверстия, проделанные клоном, стекала сквозь них в другие элементы конструкции, растекалась по полу. Полы не выдерживали тяжести и проседали, боковые наружные стены прогибались наружу, словно здание кто-то надувал изнутри.

Одна из стальных двутавровых балок перекрытия вывалилась из ниши наружной стены и со страшным шумом рухнула на пол нижнего этажа. Внутренние перегородки завалились, потолок в этом месте просел. Пол нижнего этажа выдерживал рухнувшие элементы всего каких-нибудь несколько секунд, а потом тоже рухнул вниз. Лишившись внутренней поддержки, наружные стены внезапно прогнулись внутрь и с грохотом обрушились. Двенадцатиэтажное здание раскачивалось несколько мгновений, а затем осело, стало разваливаться. Грохот рушащегося здания не уступал по силе раскатам грома с бушующего неба.

Над развалинами завис вертолет, а потом устремился к другому дому в четырех кварталах к западу. Рядом с летчиком сидел Майк Моррис. Прижав к губам коробочку микрофона, он быстро вел репортаж о виденном.

«...вот-вот развалится церковь св. Павла. Шпиль южного придела кренится и падает. Боже! Там люди... Они пытаются выбраться, но уже все здание церкви сотрясается: оно начало разваливаться».

Он остановился, потому что его голос утонул в страшном грохоте. Когда через минуту он снова начал говорить, он еле ворочал языком.

— Я вижу это вещество среди развалин. Оно находится под слоем воды, которая покрывает все вокруг. Люди, успевшие покинуть церковь, стали его жертвой.

Внезапно его голос прервался, а потом он закричал в микрофон:

— Боже мой, неужели им нельзя ничем помочь? Пошлите сюда вертолеты! Пришлите кого-нибудь!

Вертолет сделал круг и улетел.

Пожар начался в развалинах высоченного жилого до-

ма, который был построен всего полгода назад. Дом горел, несмотря на ливень, к небу поднимался столб густого дыма, смешанного с паром. А через улицу в одном из новых домов толпилась группка юнцов, выжидая, не утихнет ли ливень, чтобы добежать до угла здания, где они у перекрестка оставили украденный автомобиль. Руки их были заняты награбленными вещами, карманы оттопыривались, и, когда кто-либо из них боязливо озирался, другие старались делать вид, будто не замечают этого.

Их предводителем был Калли Бикел. Когда они грабили одну из комнат, им пришлось столкнуться с клоном. Они выскочили из нее, выбив дверь и бросив ее поверх слоя клона. По лестницам они неслись сломя голову, пока не очутились внизу. Но клон был в здании, и Калли окинул злобным взглядом вестибюль. В руках у него был коротковолновый транзисторный приемник, стоил он, наверное, пять или шесть долларов, и Калли никак не хотел, чтобы он испортился от дождя, который продолжал неистовствовать за стеклянной дверью. Он увидел, как зеленоватая масса, переливаясь со ступеньки на ступеньку, спускается по лестнице. Было похоже, что кто-то раскатывает короткую дорожку.

Калли выстрелил несколько раз в эту массу, и все видели, как пули взбивали ее, но она тотчас же затягивала выбоины. Калли подхватил с пола брошенную кем-то газету, свернул ее жгутом, зажег и бросил перед спускающейся по лестнице массой. Клон остановился, цвет его стал грязно-серым, но потом он вновь двинулся вперед. На этот раз по стенам и вокруг горящей бумаги, обтекая ее.

Мальчишки, побросав награбленное, выскочили под дождь и во всю прыть кинулись по направлению к украденному автомобилю. Калли на бегу яростно ругался. Они почти добежали до угла, когда здание взлетело на воздух, словно в него угодила бомба. Дело в том, что, когда они бегали по квартирам здания, они открывали краны газовых горелок, и сейчас газ взорвался. За первым последовал второй взрыв, уже не такой сильный. Они с восторгом глазели на то, как из здания вылетали клубы огня и дыма, а потом третий взрыв потряс окрестности. Взрывом выбросило горящие части конструкций, они упали на близлежащие здания и подожгли их. Мальчишки стояли на углу, потрясенные грандиозностью того, что они наделали.

— А ведь весь квартал сгорит к чертовой матери! — сказал наконец Калли.

Затем, огласив окрестности дружным свистом и гиком, они погрузились в автомобиль и на полной скорости умчались.

Телефон в городе не работал. Прекращалась подача электроэнергии, начали отключать газ, потому что рушившиеся здания охватывал пожар. Ливень перешел в ровный непрекращающийся поток воды с неба, и по сводке погоды можно было ждать, что он не прекратится до конца дня.

Вертолеты, посланные для выяснения масштабов разрушений в городе, снижались все ниже и ниже, а потом один за другим стали возвращаться на свои аэродромы. Сквозь эту серую завесу были видны лишь сполохи зарева, что делало лежащий внизу город похожим на дантовский ад. Впечатление это усиливалось красным ореолом вокруг сигнального огня на крыше одного из небоскребов.

Над озером разносился истошный рев бакенов, где-то вопила сирена локомотива. Автомобили и автобусы, уткнувшись бампером в бампер, непрерывным потоком медленно двигались из города. На железнодорожных станциях путевые бригады выбивались из сил, отгоняя товарные составы и подавая пассажирские вагоны. Два из городских вокзалов подверглись нападению клона и вышли из строя.

Аэродром Мидуэй продолжал еще принимать и выпускать в воздух самолеты. Надвигающийся туман грозил закрыть аэродром, и самолеты уже кружили над озером, готовясь взять курс на другие города.

В 13 часов 10 минут Пит Лоренц делал круг перед посадкой. Город под самолетом был покрыт туманом, лишь кое-где видны были слабо светящиеся пятна зарева. Дождь хлестал по самолету, бил по ветровому стеклу кабины. Пит внимательно прислушивался к тому, что говорил диспетчер посадки, автоматически выполняя все указания для слепого полета, пока самолет не снизился до высоты пятьсот футов и он не увидел огни посадочной полосы. Самолет снижался с большей, чем следовало, скоростью. «Посадка будет не из приятных»,— подумал он, но пренебрег этим. Ему хотелось поскорее приземлиться, взять новую партию пассажиров и взлететь.

Он подрулил к стоянке самолета и услыхал, как аэродромная команда со стуком опустила трап на фюзеляж самолета. Пит открыл дверь. Стюардесс с ним не

было. Им было приказано оставить самолет в Милуоки. Не было и второго пилота. Правда, такого приказа он не получал и просто не явился к вылету, но Пита это уже не беспокоило. Для него это значило, что самолет может взять лишних три человека.

Во время посадки пассажиров, за которой он наблюдал, в лицо ему били холодными струями дождь. Пит проверил, чтобы у всех были застегнуты привязные ремни, а потом дал знак впустить еще нескольких пассажиров. Так как никто не брал с собой багажа, он мог рассчитывать поднять дополнительный вес. Правда, пассажирам будет тесновато, но зато они окажутся вне города. Он все внимание сосредоточил на том, чтобы самолет был полностью загружен этими промокшими несчастными людьми, имевшими жалкий вид. Некоторые из них что-то говорили, другие плакали, третьи молились. В самолет вошел мужчина, сопровождаемый шестью малышами. Внезапно он бросился из самолета, крикнув что-то через плечо. Пит не успел удержать его. Трое детей плакали. Пит взял на руки самого младшего и отнес к себе в кабину, усадив на место второго пилота. Вернувшись к входной двери, он поднял один палец. Это значило, что он может взять еще одного пассажира. По трапу поднялась молодая женщина. С нее струилась ручьями вода, но она, кажется, этого не замечала. Пит усадил ее на место, где до этого сидел ребенок, привязал ремнями. Его самолет был полностью загружен. Даже перегружен.

13 часов 15 минут

Марк потер лицо руками и оперся спиной о дверь. К нему подошел мэр Слаттери.

— А у вас, доктор, талант заваривать кашу. Ну, а теперь нельзя ли попросить объяснить, как обстоит дело с вашей собственной работой? Какого дьявола вы не выяснили, при помощи чего можно разделаться с этой тварью?

Усталость Марка как рукой сняло.

— Я знаю средство, которое убивает это вещество. Его убивает раствор йода. Но какой прок от моего знания?

— То есть вы хотите сказать, что знаете, при помощи какого средства можно разделаться с этой тварью, и вместе с тем спокойненько подпираете эту чертову дверь? Что с вами, доктор? Что вам для этого нужно?

— Очень много йода и воды, а также йодистого ка-

лия. Нужны средства для разбрызгивания раствора, нужны люди, которые возьмутся за эту работу и которые бы мне помогли...

— Я знаю, кто вам нужен,— сказал мэр,— вам для этой работы нужны люди из пожарного управления, самые смелые и самые квалифицированные специалисты своего дела во всем городе. Где находятся эти ваши препараты?

— Они имеются на складах химических веществ, там может быть и готовый раствор. Ведь речь идет просто о йоде. И все, что нужно делать,— это разбрызгивать раствор йода.

Мэр быстро отошел от Марка и вышел в другую комнату к телефону. Его попытки дозвониться оказались безуспешными, линии были заняты, и ему не удалось дозвониться даже до телефонистки. Тогда мэр кинулся к одному из одетых в штатское, взял у него радиопередатчик и вызвал начальника пожарной службы по радио. Очень подробно мэр объяснил ему, что необходимо сделать, назвал того, кому поручено осуществлять операцию, и уточнил место встречи. Повернувшись к Марку, он сказал:

— Начальник пожарной службы встретит вас на улице перед домом в пяти минутах ходьбы отсюда. Я даю вам полномочия от моего имени рассказать ему подробности предстоящей операции. За дело.

Поколебавшись, Марк протянул ему руку. Мэр пожал ее.

Выйдя на улицу, Марк и Гарри увидели, что уличное движение почти прекратилось. По тротуарам двигался непрерывный поток пешеходов, они торопились как могли, некоторые даже тащили набитые чемоданы.

Вдруг раздался пронзительный вой сирены, и из-за угла выехал ярко-красный автомобиль. Когда он подъехал, люди бросились на мостовую. Машина остановилась около Марка и Гарри. Марк подошел к кабине и представился.

— Забирайтесь сюда,— сказал ему краснолицый мужчина с заднего сиденья,— и, пожалуйста, снова растолкуйте мне, что вам потребуется. Мэр ничего толком не мог сказать.

— Раствор йода,— ответил ему Марк.— Столько его, сколько можно раздобыть, и средства для его разбрызгивания.

— У нас есть ручные распылители, ранцевые, у нас

есть танкетка-распылитель, есть мощные автомашины-распылители. Какие вам подойдут?

— Нужны будут все сразу. Вы знаете, где достать йод?

— Да. Мы уже договорились с Гаверс кемикалс, Ципамидом, Дюпоном, Монсанто, Патон кемикалс, со всеми фирмами. Самые большие запасы у Патон кемикалс. Сейчас я скажу моим ребятам, чтобы они трогались на заправку наших машин.

Начальник взял микрофон и отдал несколько коротких приказаний.

— Как по-вашему, доктор, откуда нам следует начать? Мои ребята съедутся туда.

Марк пожал плечами.

— Насколько я понимаю, это не имеет значения. Наверное, оттуда, где положение хуже всего?

Начальник пожарных снова взялся за микрофон. Состоялся разговор с управлением противопожарной службы и полицейским управлением. Марк слышал все, что говорилось, но ему трудно было понять жаргонный язык радиоразговоров.

— Все они говорят,— сказал наконец начальник пожарных,— что хуже всего дело обстоит в районе Восемнадцатой и Стэйт-стрит. Там эта тварь проникла даже в метро. У вас есть возражения против того, чтобы мы начали именно оттуда?

— Пусть будет так. Мне кажется, это именно тот район, где она появилась в первый раз. Давайте начнем оттуда.

Даже вой пожарной сирены мало помогал, чтобы расчистить путь для движения вперед. И чем ближе они подъезжали к району Восемнадцатой и Стэйт-стрит, тем гуще становился поток людей на улицах. Они повернули на Куллертон. Вдоль улицы стояли брошенные автомашины, некоторые из них заехали прямо на тротуар. Витрины были разбиты, но толпа здесь была пореже. Несколько человек медленно двигались вдоль улицы, заглядывая в витрины, или крались вдоль стен.

— Чертовы мародеры,— пробормотал пожарный, вытаскивая здоровенный пистолет из кармана заднего сиденья.

Позади них на улицу вылетела пожарная машина, оглашая окрестности воем своей сирены. Начальник вышел из машины, держа в руках пистолет, и просигналил второй машине, чтобы она стала рядом. Футах в ста впереди раздались крики и стоны. Они неслись из входа в раз-

рушенный магазин, куда забралось трое мародеров. Сейчас они яростно отбивались от клона, который напал на них, когда они копались в разбитой витрине. Марк, Гарри и начальник пожарных повернулись на крики и увидели густой слой клона, медленно вытекавший из магазина на тротуар. Начальник повернулся к водителю второй машины.

— Ты привез раствор йода?

— Да, начальник. Мы заправили в цистерну пять тысяч галлонов раствора, как вы сказали. Хотите попробовать здесь? Похоже, что нам незачем ехать еще куда-нибудь.

— Пожалуй, ты прав. Заводи машину и разворачивай рукав в направлении этого магазина. Посмотрим, что можно сделать с этой штукой, ползущей по тротуару. А вот доктор скажет тебе, как надо это сделать. Доктор, мне кажется, что брандспойт надо отрегулировать так, чтобы он давал не сплошную струю, а мелкие брызги. Что вы на это скажете?

Марк молча кивнул, осторожно двигаясь в направлении клона. Следом за ним с ножом в руках шел Гарри. Четверо пожарных с машины-цистерны разматывали шланг следом за ними.

— Установите брандспойт,— сказал Марк,— на углу дома. Тут мы сможем отхватить большой кусок этой массы, не дать ей скрыться в сточной решетке и уничтожить на месте. Хорошо?

— Все будет, как вы сказали, доктор. Вы командуете.

Пожарный поколдовал над брандспойтом, пододвинулся поближе к краю дома, обернулся и крикнул:

— Порядок, Чарли. Включай!

Огромное облако пурпурных брызг ударило из брандспойта и поплыло над толстым слоем клона, растекавшимся по тротуару. Струя брызг била метров на двадцать с лишним, медленно оседая на поверхность клона, захватывая часть улицы. Облако продолжало оседать и наконец коснулось пульсирующей поверхности массы клона.

Вся растекшаяся масса клона, на которую опустился распыленный раствор йода, как-то вдруг опала и поползла вбок, словно вода. Марк и Гарри, уже знакомые со способностью клона вести себя неожиданным образом, прыгнули на капот стоящего поблизости автомобиля и успели избежать прикосновения к клону. Но брандспойтщик и трое других пожарных этого не успели. Клон сперва коснулся их ног, а потом мгновенно поднялся до колен. Слой

клона был тонкий, и все четверо смогли пробежать несколько шагов. Но вот их движения стали замедленными, они остановились и стали бить ногами по слою клона.

— Облейте себя раствором,— закричал им Гарри,— скорее облейте себя!

Брандспойтщик двадцать лет прослужил пожарным, он привык хладнокровно и спокойно действовать в любых обстоятельствах. И тут он остался верен привычке. Всех троих покрыло густое облако раствора йода, когда он направил струю брызг на свои ноги и ноги товарищей. Облако кипело вокруг них, а затем струя ударила в сторону автомобиля, у которого спрятались Марк и Гарри.

Облако йодного тумана стало рассеиваться вокруг трех пожарных, и через некоторое время их уже можно было различить. Они сидели на земле, а вокруг них виднелась сморщившаяся масса коричневого цвета. Брандспойтщик продолжал, чихая и кашляя от паров йода, поливать все вокруг раствором. К нему на помощь подоспели двое других пожарных и стали помогать ему направлять струю жидкости. Нижняя часть ног троих пожарных уже не могла выдержать веса их тел. Их нижние конечности исчезли не полностью, но большая часть мягких тканей уже не существовала. Но вокруг них клон погиб.

— Дайте мне двух человек в помощь! — крикнул брандспойтщик через плечо.— Я разделаюсь с этой штукой, но и вы смотрите по сторонам.

К нему уже спешила подмога. Одни подхватили брандспойт и начали продвигаться к клону, другие подняли трех пострадавших и понесли их к автомашине.

Тонкие пленки клона сморщивались при соприкосновении с раствором йода, и пожарные двигались все дальше и дальше, прокладывая себе путь через его массу. Клон начал отступать перед ними. На помощь пожарным пришли Марк с Гарри, и общими усилиями они направили струю жидкости в другую сторону, чтобы можно было выяснить результаты их работы.

— Нам нужно добить всю эту массу, что скопилась на улице,— сказал Марк,— но я боюсь, что она может куда-нибудь ускользнуть. Посмотри, нет ли у нее какой-нибудь лазейки?

Гарри показал на решетку для стока дождевой воды у тротуара.

— Мне кажется, оно может уползти вон туда,— сказал он.

— Направьте сильную струю йода на эту решетку,—

предложил Марк.— Тогда она туда уже не сунется. Может быть, есть еще места, куда она может двинуться?

Но никто не мог подсказать ничего нового. Пожарный направил брандспойт на водосливный колодец и дал по нему мощную струю.

— Прекрасно,— сказал Марк.— Теперь поливайте эту массу, но будьте осторожны. Если она двинется в нашем направлении, все должны взобраться на автомашину.

Снова взвилось облако йодного раствора и стало медленно оседать на толстый слой клона. Клон дернулся и начал растекаться тонкими ручьями, но кругом натыкался на раствор. Он перестал дергаться, и верхний его слой приобрел густо-коричневый цвет. Неожиданно одним рывком вся огромная масса его вещества устремилась к центру, собираясь воедино на проезжей части улицы. Здесь клон образовал нечто вроде огромного бугра почти круглой формы футов двадцати в диаметре и пяти высотой.

— Вот дьявол! — воскликнул пожарный-брандспойтщик.

Раствор йода, скапливался на вершине бугра, а затем стекал по его краям на асфальт, затекал в трещины вещества, образовавшиеся на коричневой омертвевшей ткани.

— Взгляните-ка! — сказал Марк.— Это вещество спасается под слоем погибшей ткани. Так нам понадобится неделя, чтобы пропитать весь слой и добраться до центра. Гарри, а ну-ка принеси кусок стекла.

Гарри подобрал большой кусок разбитого витринного стекла и осторожным ударом погрузил его острый конец в бугристую поверхность массы клона. Стекло прошло сквозь верхний слой, погрузилось внутрь, тем самым дав возможность раствору йода проникнуть внутрь. Раствор убивал на своем пути ткань клона, а стекло уходило все глубже и глубже.

— Облейте тонкой струей стекло,— сказал Марк пожарному.

Скоро там, где стекло вошло в массу клона, зияла круглая дыра, стенки которой состояли из мертвой ткани.

— Ну, вот мы и нашли средство, как прикончить эту тварь,— произнес Марк.— Выключите брандспойт и пойдемте со мной.

Он подобрал на улице тонкую полосу алюминия, подошел к краю груды клона и припялся с ее помощью во-

рошить массу. По мере того как он разгребал верхний рыхлый слой мертвой ткани, раствор йода стекал в глубь бугра и соприкасался с живой тканью. Новые порции раствора то и дело окатывали бугор.

— И все-таки,— покачал головой Марк,— это слишком медленно. Раствор убивает его, но очень медленно. Нам нужно что-то придумать, чтобы раствор проникал вглубь сквозь уже убитую ткань. Может быть, окажется какое-нибудь смачивающее средство.

Никто не успел ему ответить. Раздался грохот грозового разряда. Все посмотрели на небо. Оно все было покрыто бурно несущимися облаками. Дождь обрушился потоком. Капли были огромные, и падали они так густо, что домов на другой стороне улицы не стало видно. Через десять секунд по улице потекла река. Капли дождя, барабаня по рыхлой помертвевшей поверхности глыбы клона, производили странный глуховатый звук. Они быстро смыли с него раствор йода, и стало видно, что поверхность клона снова начала пульсировать и вздыматься. Пожарный с брандспойтом обдал клон струей жидкости. Клон сжался, отодвинулся, но, как только дождь смыл раствор, клон снова пришел в движение.

— Под таким дождем у нас ничего не получится! — крикнул Марк.— Пойдемте в машину, но смотрите под ноги.

Очень осторожно они вернулись в машину начальника пожарной службы. К тому времени и другие машины с раствором йода подошли и стали рядом. Дрожа от холода, Марк и Гарри, забрались в машину и стали совещаться.

— Не нравится мне этот дождь,— сказал начальник,— часть города на запад отсюда уже затоплена. А эта чертова тварь,— тут он кивнул в сторону клона,— по-видимому, закупорила все ливневые колодцы, как перед этим случилось с канализационной системой. Ведь даже сливные отверстия в метро закупорены. Там уже на два фута стоит вода, и уровень ее быстро поднимается. По сведениям метеостанции, нужно ждать очень продолжительного ливня. У нас и без того забот хватало, а тут еще дождь. Посмотрите-ка на эту штуку.

Слабо различимая сквозь завесу дождя груда клона начала растекаться во все стороны, опадала, заполняя собой всю проезжую часть улицы. Толстый его слой, уползший обратно в разрушенный магазин, опять показался на улице и двинулся по тротуару.

— Может быть, нам лучше убраться отсюда, начальник, пока есть еще возможность? — спросил водитель машины.

— Подождите,— сказал Марк.— Видите, вода течет в направлении этой массы.

Он опустил ветровое стекло и крикнул брандспойтщику:

— Направьте струю раствора вдоль улицы так, чтобы он потек во всю ее ширину! Вместе с водой он потечет туда!

Пожарный кивнул в ответ, отрегулировал сопло, и струя раствора ударила сперва в одну, а потом в другую сторону улицы. Было видно, как потемневшая от йода вода потекла по направлению к клону, который тонким слоем уже покрыл всю улицу, поднявшись даже на тротуар. Где кончался растекающийся слой клона, не было видно. Сквозь пелену падающей воды люди видели, что темная от раствора вода и пульсирующая масса клона сближались. Вдруг край массы клона рванулся назад, подняв фонтан воды, и улица мгновенно превратилась в какой-то кошмар. Стараясь спастись от соприкосновения с раствором йода, клон начал выбрасывать во все стороны тонкие жгуты, вздыматься столбами. Там, где жидкость вошла в соприкосновение с клоном, начала появляться его отмирающая ткань. Тогда клон стал уплотняться, создавая что-то похожее на запруду. Вода в этом месте уже дошла до восьми дюймов глубины, сравнялась с тротуаром, а потом потекла по нему в стоящие вдоль улицы дома. А за образовавшимся барьером клон продолжал пульсировать и растекаться.

— Ну так вот,— сказал начальник,— ваша жидкость убивает это существо, но и оно уже научилось ему противостоять. Простите, одну минуту,— он повернулся к радиопередатчику.

— Мне кажется, мы можем брызнуть раствором по ту сторону плотины, которую оно сделало. Если туда лить раствор, то мы сумеем с ним покончить,— сказал Гарри Марку.

— Попробуем,— ответил Марк.

Он вышел из машины под дождь. Гарри последовал за ним. Через большую, как озеро, лужу они направились к брандспойтщику. С помощью двух других пожарных он перетащил шланг и брандспойт к краю запруды. А потом без колебаний шагнул прямо на омертвевший слой клона. Марк и Гарри отступили, но Гарри тут же накло-

нился, чтобы рассмотреть следы ног брандспойтщика, а потом посмотрел на Марка, пожал плечами и тоже наступил на этот слой. Через двадцать шагов начинался живой слой клона.

Брандспойтщик отрегулировал сопло, дал широкую струю вокруг живой ткани клона и тотчас же перекрыл раствор, чтобы посмотреть, что будет дальше. Результат был таким же, как и ранее, но на этот раз брандспойтщик выпустил раствор в виде густого тумана, который опустился на всю вздымающуюся поверхность клона, чтобы тем самым не дать ей возможности вскинуться и создать новую плотину. Широким веером он направлял распыленный раствор на все пространство проезжей части улицы, временами пуская густую струю в текущую по мостовой воду. Этот метод оказался удачным, и вся группа вскоре смогла продвинуться уже через толстый слой клона, убитый раствором. Они периодически поливали фасады домов, пускали струю жидкости в подъезды и витрины магазинов. Им удалось пройти метров сто вперед, когда внезапно подача раствора прекратилась.

На мгновение они замерли, словно ждали, что клон, почувствовав, что у них нет больше оружия, может внезапно атаковать их. Но вокруг все было покрыто раствором йода, и на какое-то время клон не мог к ним приблизиться. Они повернули обратно и, с трудом преодолевая потоки дождя, направились к машине, следовавшей за ними.

— У меня нет больше раствора. Нужна другая цистерна! — крикнул им водитель, опустив ветровое стекло.

К машине подошел начальник пожарных.

— Нам везут еще раствор,— сказал он.— Но в городе этих веществ осталось не так много. Другие машины израсходовали раствор гораздо быстрее, чем мы, и у них результат был хуже нашего. Эта штука покрывается коркой мертвой ткани, и дальше дело не идет. Мы уже выпустили несколько тонн раствора йода, который растекается поверх сливных колодцев и течет по улицам, но большая его часть все-таки каким-то образом уходит под землю в ливневые колодцы, хотя почти все они закрыты. Линии метро между станциями Федерал и Кермак наполняются водой, и мы не можем пробиться к центральной линии, чтобы направить туда йод.

Он развел руками.

— Вода поступает оттуда. Что нам нужно, так это

группа водолазов, которые опустились бы туда с брандспойтом.

— Вам нужны легкие водолазы,— сказал Марк.— Но там нулевая видимость.

Начальник пожарных с удивлением взглянул на него.

— А вам знакомо это дело? — спросил он.

— Я в течение нескольких лет занимался легководолазным делом.

— Прошли подготовку?

— Обучался по программе водолазного дела, сдал экзамены. А что?

— У нас в управлении есть отдел спасательной службы на воде,— сказал начальник, задумчиво потирая подбородок.— Но я не могу просить их влезать в такое дело. Но если такой малый, как вы, возьмется руководить ими, то есть такой человек, который знает, что нужно делать там, может быть, тогда...

Он снова потер подбородок.

— Но, послушайте,— сказал Марк,— мне и раньше приходилось попадать во время погружений в чертовски трудные переделки, но никогда со мной не было ничего сравнимого с нынешней ситуацией. Ну нет, я туда не сунусь.

Они стояли под проливным дождем. Сквозь завесу дождя они видели, как на расстоянии метров ста от них дергался клон. Это были уже знакомые им пульсации и вспучивания, которые означали, что скоро клон перейдет в атаку.

— Нам, пожалуй, лучше уехать отсюда,— сказал начальник пожарных,— если раствор йода не будет туда доходить.

Он помолчал, а потом не без сожаления продолжал:

— И так по всему городу: мы уступаем, оставляя ему простор для разбоя. Если нам не удастся остановить его теперь...

Подошел пожарный.

— Раствор везде на исходе,— сказал он.— Цистерна, которая доставляла нам раствор, должна была использовать половину своего запаса для того, чтобы пробиться к нам. Она будет через пять минут. Это вещество распространяется быстрее, чем раньше. Ему, кажется, дождь идет на пользу. Есть угроза наводнения.

Начальник пожарных многозначительно посмотрел на Марка. Но тут вперед выступил Гарри.

— Послушайте, начальник! Не надо просить парня идти на это. Только представьте, что там творится.

— А я думаю о том, во что превратится наш город через час, если мы не предпримем каких-то мер. Если выдворить это вещество из метро, тогда, быть может, нам удастся спасти город. Какой там последний прогноз погоды, Чарли?

— В последний раз, когда я слушал радио, говорили, что ливень ожидается без перерыва в течение нескольких часов.

Начальник пожарных вздохнул и медленно отвернулся.

— Ладно, начальник,— сказал Марк.— У вас есть маски, полностью закрывающие лицо?

Пожарный быстро повернулся к нему.

— Черт возьми, конечно, есть. У нас есть абсолютно все и даже немного больше. Поведете ребят туда?

— Послушай, доктор,— вмешался Гарри,— ты знаешь, на что идешь?

— Нет,— покачал головой Марк,— я знаю, что я идиот, но я все же попробую себя на этом деле. Может быть, нам и удастся сделать что-нибудь полезное. Ты постоишь с моей страховочной веревкой?

Гарри утвердительно кивнул.

— Тогда поехали,— сказал начальник пожарных.— Я начну комплектовать группу.

Они снова все набились в машину. С радиопередатчиком что-то не ладилось, и понадобилось с полминуты, прежде чем начальник смог пробиться сквозь перегруженный разговорами канал и передать сообщение о предстоящей встрече в назначенном месте.

Ехали медленно. Часто приходилось делать остановки и расчищать себе путь с помощью раствора йода. Прошло двадцать пять минут, прежде чем они добрались до входа в метро. Но им пришлось ждать еще минут десять, пока прибыла другая машина с группой легких водолазов.

Начальник представил их Марку:

— Это Си Рикер, Боб Фултон, Чарли Клайн, Джо Рэйли, Эд Вольферт, Билл Хэйдинг, Чак Дантон. Ребята, перед вами доктор, который сумел найти способ уничтожить эту тварь. Он водолаз, и вам предстоит спуститься в центр тоннеля с небольшим шлангом. Есть у кого-нибудь соображения, как нам справиться с этой задачей и не потеряться, когда вы там будете?

— Мы можем спуститься, нащупывая путь, сперва по ступеням лестницы, придерживаясь поверхности стены, потом пересечь платформу и найти рельсы...— предложил Чарли Клайн.— А нет ли там проводов под током?

Начальник немедленно послал кого-то узнать, все ли линии энергопитания в метро отключены.

— Я часто пользовался этой станцией,— сказал Рэйли,— хорошо знаю, как она выглядит, и легко в ней ориентируюсь. Могу идти ведущим.

— А как мы будем за тобой двигаться при нулевой видимости? — спросил Си Рикер.

— Только на ощупь. Давайте одеваться, и пошли. От того, что мы будем тянуть, лучше не будет.— Рэйли повернулся и начал быстро выгружать из машины снаряжение.

Марк присоединился к нему и нашел костюм, который был ему впору, разделся и начал натягивать брюки.

— Нужно, чтобы нигде не было ни малейшей щели, открывающей кожу,— сказал он, обращаясь к водолазам.— Это вещество не трогает резину, поэтому костюмы из неопреновой пены будут вас защищать. Но тщательно следите за положением капюшона на шее сзади. Если ниже затылка капюшон закатается и эта штука коснется кожи, для вас все кончено.

— А как со стеклом, доктор?

— Не трогает. У меня в лаборатории я держал его в стеклянной банке в течение нескольких часов, и ничего не случилось. Оно не трогает стекло, сталь, хлопчатку, резину и... Постойте. Эти тросы не годятся.— Марк указал на груду нейлоновых тросов.— Эта скотина сожрет нейлон в одно мгновение. Может быть есть хлопковая веревка или манильский трос?

Стали обшаривать все машины и наконец нашли бухту грязного манильского троса.

— Си, Фултон и Дантон,— сказал Рэйли,— пойдут вниз. Доктор и я будем идти впереди и держаться вплотную друг к другу. Вы же, ребята, возьмите баки с раствором,— он указал на ранцевые распылители,— и пойдете сразу за нами так, чтобы их можно было нам сразу передать или пустить в ход самим, если это понадобится. Сигнал будем подавать друг другу, надавливая на руку соседа. Кто будет держать страховочный конец?

— Я буду страховать доктора,— сказал Гарри.

— Может, вы поручите свой трос водолазу, доктор?

Марк отрицательно покачал головой.

— Все равно все страхующие будут стоять рядом и иметь возможность переговариваться.

Рэйли согласился и назначил несколько водолазов, чтобы держать страховочные концы, с которыми пойдут ныряльщики. Они закончили подгонку снаряжения и проверили друг у друга все его детали, чтобы убедиться, что ни один участок кожи на шее не обнажен. Потом подозвали пожарных, чтобы они помогли им поднести снаряжение, и направились к ступеням входа в метро.

Уровень воды там дошел уже до половины лестницы. Они сложили все оборудование на площадке и молча глядели на воду. Вода была черной и неподвижной, на ее поверхности плавали масляные пятна и грязь, сигаретные окурки, обертки жевательной резинки, смятые газеты, запачканный носовой платок, мертвая крыса и множество другого сора, вымытого из метро.

Один из пожарных, поднесших тяжелое снаряжение, произнес:

— В первый раз в жизни я благодарю бога, что он сделал меня обыкновенным рядовым пожарным и мне приходится просто взбираться по лестницам и бросаться в горящие здания.

15 часов ровно

При виде этой отвратительной воды Марк почувствовал, как его внутренности переворачиваются. Ему никогда не приходилось погружаться в подобную мерзость. А там где-то под ее поверхностью прятался клон. Ноги Марка подкашивались. Нет, ему не решиться на это. Легко было храбриться, будучи на улице, но теперь перед ним была эта вода, скрывающая смерть, вот теперь это было трудно сделать.

— Никогда не думал, что настанет день, когда меня будет тошнить при виде воды, в которую нужно нырнуть,— сказал Си Рикер.— Ну, так что будем делать? Повернем обратно? Или мы все-таки нырнем и сделаем то, о чем сами и те, кто об этом узнает, будут долго рассказывать?

— Правильно,— ответил ему Фултон.— Это такое погружение, о котором потом можно брехать лет двадцать. Ну нет, черт возьми, такого случая нельзя упустить.

Они посмотрели друг на друга и на Марка.

Марк оттолкнулся от стены. Он почувствовал, что страх прошел.

— А я, пожалуй, рад, что у меня за плечами семь лет учебы медицине. Она мне сейчас очень даже пригодится.

— Что верно, то верно,— подхватил Чарли Клайн.— Я два года проторчал в телевизионной школе, и, правду сказать, ребята, сейчас очень рад этому.

Они все обвязались вокруг пояса страховочными веревками, укрепили за спинами ранцы, привязали грузы и в последний раз проверили все элементы снаряжения и страховочные веревки. И наконец все надели закрывающие лицо маски и произвели осмотр головного снаряжения, в особенности положения капюшона.

Рэйли вошел по грудь в воду. Марк стал прямо за ним. Все остальные заняли свои места в таком порядке, в каком они будут двигаться под водой. Рэйли кивнул им и скрылся под водой.

Марк присел и тоже вошел в воду. Как только его голова оказалась под поверхностью, он перестал что-либо видеть. Он нагнулся, чтобы пощупать руками ступени лестницы, не зная при этом, как ему быть: закрыть ли глаза или держать их открытыми? По мере продвижения по лестнице он обнаружил, что тараща глаза, чтобы разглядеть хоть проблеск света, он сам себе мешает сосредоточиться, тогда он зажмурился, и ему стало легче.

Они спустились по одной лестнице, сделали правый поворот и начали спускаться еще по одной лестнице. Когда они дошли до конца, пришлось ждать, чтобы убедиться, что все в сборе. Протянув руки, они ощупью проверили друг друга, и Марк почувствовал, что касающиеся его руки задерживались в пожатии несколько дольше, чем нужно. Ему самому было приятно на мгновение ощутить прикосновение следующих за ним людей. После этого они двинулись дальше.

Идти приходилось вдоль стены подземной платформы. По тому, что ему пришлось дважды уравнивать давление в ушах, Марк понял, что они погрузились уже на глубину около десяти метров.

Когда они вышли к краю платформы, пришлось сделать остановку, чтобы еще раз проверить положение всех участников группы.

Во время ожидания Марк включил свой фонарь и поднес его к самой маске. Он увидел смутное круглое пятно света и слабые очертания раскаленной нити. Увидеть это было приятно, и он почувствовал себя лучше, когда опустил фонарь и снова повесил его на пояс.

Переступив через край платформы, они спустились на рельсы. Повернув направо, группа двинулась вдоль рельсов. Марк очень удивился, что им пришлось продвинуться всего каких-то метров пятьдесят, когда они достигли места, где три тоннеля метро уходили в монолит скалы. Где-то здесь им должен был встретиться клон.

Через двадцать метров они снова остановились, чтобы проверить, все ли члены группы на месте. Рэйли был рядом, позади следовали трое других.

Они двинулись вперед, и Марк с минуты на минуту ждал, что где-то рядом с ними объявится клон. Страховочную веревку стало трудно тянуть за собой из-за того, что она петляла по поворотам, пройденным ими. Он чувствовал, что справа от него находится Рэйли, а трое других нажимали сзади на его ноги, затрудняя движения, необходимые для плавания. Он двигал ногами очень осторожно, стараясь обеспечить свое продвижение преимущественно работой ступней. Они наконец прибыли на место.

Марк протянул руку назад и, взявшись за плечо Рикера, потянул его, давая знать, что нужен ранец с раствором йода. Вместе с ним пододвинулись остальные. Теперь все пять человек лежали друг на друге, двое внизу, трое наверху, под ними были шпалы, а сбоку рельсы. Марк лежал неподвижно, ощущая, как люди над ним возились с вентилями, подготавливая аппараты для пуска раствора йода. Справа он продолжал ощущать присутствие Рэйли, готовившего шланг, который ему передал Фултон. Марк чувствовал слабое течение воды вдоль спины к голове при ее движении по тоннелю. Рука водолаза, шарившая слева, дотронулась до запястья Марка, схватила его и приподняла немного вверх. Желая высвободить руку, Марк двинул ею чуть вниз. Пальцы его, одетые в резину, коснулись густой пульсирующей массы, которая немедленно стала обволакивать кисть. И хотя он ждал этого каждую минуту, тело сразу покрылось мурашками. Мышцы Марка конвульсивно сократились, и, охваченный слепым паническим страхом, он закричал в загубник. Его сдавленный крик достиг слуха остальных ныряльщиков. Марк выдернул свою руку и кинулся вверх. Его движение было таким резким, что он ударился о потолок. Только толстый слой пенорезины спас его от потери сознания.

Удар головой отрезвил Марка, и он повис под потолком тоннеля, часто дыша, расслабившись, чтобы взять

под контроль мышцы и привести в порядок сознание. Он не знал, что стало с другими членами группы, но они должны были быть где-то ниже его. Марк взялся за свой страховочный конец, потом задержал дыхание и оттолкнулся от потолка, спускаясь вниз, в темноту, вытянув руки прямо перед собой и на этот раз полностью готовый к тому, что они вот-вот погрузятся в массу клона. Но вместо этого он опустился на шпалы и сел на них в растерянности. А где же остальные? Но вот что-то прикоснулось к его левой ноге. Мышцы снова начали конвульсивно сокращаться, но он сумел взять себя в руки. Марк протянул руку, чтобы выяснить, какой предмет коснулся его ноги. Ухватившись за него, он понял, что это была человеческая рука в резиновой перчатке, тогда он облегченно вздохнул. Марк занял место рядом с водолазом. Он не мог узнать, кто это был, но было ясно, что рядом с ним есть еще один член их группы. Таким образом, их стало трое. Два других куда-то исчезли, потерялись в тоннеле.

Марк ощупал спины двух водолазов и обнаружил, что только у одного из них был ранцевый распылитель с раствором йода. Это значило, что один из них Рэйли. Марк снова стал обследовать ранцевый резервуар и обнаружил, что клапан открыт. Подставив палец к выходному отверстию сопла, Марк почувствовал напор струи раствора йода. Было приятно сознавать, что вода вокруг них насыщена йодом. Сознание этого окончательно вернуло Марку уверенность.

Он потрогал свою страховочную веревку. Она тянулась назад, указывая направление, откуда они прибыли. Он ощупал шпалы и сориентировался в направлении тоннеля. Легким движением он потянул Рэйли и второго водолаза вперед по тоннелю, держась между ними. Таким образом они проверили весь тоннель в поисках пропавшего товарища. Внезапно Рейли стал шарить, и Марк понял, что он что-то нашел. Тут он почувствовал руку на своей спине, потом вторую, и стало ясно, что к ним присоединился второй водолаз. Рэйли повел их еще глубже в тоннель, и они тронулись за ним. Только тут Марку пришла в голову мысль о том, что в случае, если пропавший водолаз находится впереди них, то его страховочная веревка должна тянуться где-то под ними. Он дал сигнал группе остановиться и стал шарить вокруг себя по шпалам. Вскоре другие водолазы поняли его намерения, и почти тотчас же они наткнулись на веревку.

Водолаз слева от Марка — он решил, что это был Си Рикер,— взял его руку и положил ее на веревку, тянувшуюся параллельно рельсам в том же направлении, в каком двигались они. Марк слегка потянул за нее, но она не поддалась. Тогда он потянул за нее сильнее, но и это оказалось безрезультатным. Он начал двигаться вдоль веревки, в то же время проверяя, идут ли остальные водолазы за ним. Метра через три он наткнулся на ноги водолаза, а потом обнаружил все его тело. Марк ощупал шею, головы не было, и наткнулся на прочную стену, тянувшуюся и вправо и влево. Он стал изучать стену. Внутри она была эластичной, а внешняя сторона крошилась. Марк даже чувствовал, как ее поверхность крошится под рукой, и понял, из чего она состоит. Весь тоннель был плотно закрыт массой клона, но наружная его поверхность состояла из мертвой ткани, убитой раствором йода. Клон себя защищал мертвой тканью, и йод не мог до него добраться.

В ярости Марк отвел кулак и что есть силы ударил по стене. Кулак погрузился в поверхность, разрушив живую ткань клона, но ткань становилась твердой, как только йод убивал ее. Так стена снова восстановилась, и Марк отодвинулся немного назад.

Руки других водолазов ощупали его, а потом и пятого члена их группы. Четвертый водолаз взял мертвого за плечи и попытался оттащить тело. Но только согласованными усилиями всех четырех водолазов, упершихся ногами в стену из клона, они наконец сумели оторвать его.

Марк дотянулся до своей страховочной веревки и три раза сильно за нее дернул. И тут же он почувствовал, что веревка, закрепленная вокруг его кисти, натянулась. Гарри начал выбирать ее. Вытянув руку, Марк убедился, что остальные четверо тоже получили сигнал выходить. Так они и двигались по темному тоннелю, вытянув вперед руки, чтобы не удариться обо что-нибудь. Следуя за всеми поворотами страховочных веревок, они подплыли над платформой, пересекли ее и подплыли к началу ступеней.

Марк начал дышать мелкими и частыми вздохами. По ступеням он полз на животе и слышал, как грузы, прикрепленные к поясу, ударялись о каждую из ступеней. Он даже не почувствовал, что его голова уже оказалась на поверхности, до тех пор, пока не услыхал голос Гарри, сказавшего:

— Эй, доктор, открывай глаза.

Свет был ослепляющим даже сквозь заляпанную грязью и маслом маску. Он сдернул ее с головы, встал и поднялся по ступеням, чтобы выйти из этой отвратительной воды. И тут же его вырвало.

По ступеням, разбрызгивая воду, поднимались трое водолазов, четвертый плавал в воде.

— Что там с вами стряслось? — спросил начальник пожарных.— Вода продолжает подниматься. Вам не удалось убить эту тварь?

Все еще глядя на плавающего в воде водолаза, Марк отрицательно покачал головой.

— Эта штука закрывает собой весь проем тоннеля от дна до потолка,— сказал он.— Оно прикрылось пробкой из отмершей ткани, и раствор йода не может проникнуть дальше. Точно так, как было на улице. Кто это? — указал он на плавающее тело.

Они подтянули тело без головы. Только посмотрев на оставшихся в живых, можно было определить, кто же погиб.

— Это Чак Дантон,— сказал начальник и отвернулся.

— Давайте трогаться отсюда,— снова заговорил начальник.— Теперь никто не скажет, что мы не попробовали сделать это.

Они все вышли на воздух под проливной дождь.

На верхней ступени начальник остановился и огляделся вокруг. Клон был повсюду: на улицах, полз по стенам домов, забирался между зданиями, выползал на крыши.

— Ну мне кажется, дело подходит к концу. Эта тварь укрепилась под городом. Она расползается очень быстро, теперь уже повсюду. Нам уже не удается поддерживать связь со всеми нашими радиоточками. Да,— он повернулся в сторону Марка,— пока вы были там, под водой, эта тварь проникла на радиостанцию, когда перед микрофоном выступал комиссар Соренсен. Он не стал обращать на это внимания, продолжал говорить радиослушателям, что надо делать, чтобы избежать гибели, что нужно немедленно покидать город. По тому, что вместе с его голосом слышались вопли и крики других людей, находившихся с ним в студии, можно было судить, что тварь уже была там, но он продолжал говорить, словно бы это была воскресная передача. Потом в его голосе послышались какие-то странные потки, он изменился, но продолжал говорить. Потом поперхнулся,

будто ему кто-то нанес удар под ложечку, прочистил голос, попытался что-то сказать, но уже не смог. И все было кончено.

Начальник покачал головой.

— Он сделал много хорошего, этот парень. Никогда не думал, что он способен так умереть. Умирая сам, успокаивал других. Это можно было почувствовать, даже стоя здесь.

Он вздохнул и отвернулся.

— Ну что ж, поехали. Нужно выбраться из города, пока есть еще возможность. У нас хватит этого раствора, чтобы пробиться?

Марк и Гарри переглянулись. Очень тихо Марк произнес:

— Поезжай с ними, Гарри. Мне надо вернуться в больницу. Там ведь Эди. Надо ее забрать. И не спорь со мной, пожалуйста. Поезжай с ними.

Гарри рассмеялся.

— Пошли вдвоем, доктор,— сказал он и поднял свой нож.

Марк пожал плечами. Они взяли кое-что из снаряжения, попрощались с пожарными и пошли вниз по улице под дождем.

15 часов 05 минут

Ирэн Аппель закончила передачу своего репортажа и некоторое время сидела неподвижно. Все внутри у нее одеревенело, и она больше была не в состоянии ощущать страх или чему-либо удивляться. Все, что было теперь напечатано на листках бумаги, она зачитывала ровным, бесцветным голосом.

Баз коснулся ее руки. Она поднялась и прошла с ним в комнату редакции последних известий, где уже собрались остальные. Ее глаза перебегали с предмета на предмет, и до сознания медленно доходило, что она находится перед огромным окном, выходящим на четыре квартала, занятых зданиями Архивного управления, стоящими гораздо ниже.

И все это произошло всего в четырех кварталах отсюда. И говорят, что это распространяется час от часу... объявляясь без предупреждения за милю от того места, где его только что видели, не давая своим жертвам подготовиться, не оставляя им времени, чтобы спастись.

— Как же оно велико? — произнесла она вслух.

— Сейчас уже более десяти миль длиной,— ответил ей кто-то.

Это трудно было себе представить. Организм размером в десять миль...

— Вы слышали, о чем тут говорилось? — спросил ее Баз.

— Не имеет значения,— покачала она головой.— Просто скажите, что я должна делать.

И я сделаю это.

Баз дотронулся до ее щеки своими огромными пальцами, которые неожиданно оказались очень нежными.

— Я знаю это, малыш,— сказал он.— Вот каков план. Мы все покидаем здание. Перебираемся на вертолеты, с которых будет вестись непрерывная радиопередача о событиях. Будем летать на высоте тридцати тысяч футов до тех пор, пока уже нечего будет передавать. Тебе придется лететь с Мори Купером и вести передачи для частей Национальной гвардии. Вы не должны спускаться ниже пятидесяти футов к этой заразе и при первом признаке ее появления подниматься выше. Поняла?

Марк и Гарри Шварц пробирались обратно к городской больнице. Губы Марка были плотно сжаты, а кисти его рук побелели — с такой силой он вцепился в баранку руля. Если раньше паника вспыхивала в городе очагами, то сейчас он был весь охвачен ею. Марк едва обращал внимание на толпы людей, мчавшихся с вытаращенными глазами, или на автомобили, налезавшие друг на друга. Он почти физически ощущал, что клон сейчас находится в метро, в канале, под улицами, по которым он проезжал. Он сказал репортерам, что единственным способом спасения сейчас является авиация, и ему очень хотелось оказаться среди тех, кто воспользуется ею и выберется. Но прежде он должен взять Эди, а уж потом они присоединятся к толпам, которые покидают город. Авиация будет распылять раствор йода и тем самым изолирует клон, а потом задавит раствором или оставит медленно погибать от недостатка питания. А пока все, что можно было сделать,— это уехать отсюда, и как можно скорее. Марк выбирал для движения боковые улицы, так как знал, что все основные магистрали плотно забиты машинами, как движущимися, так и брошенными и разбитыми.

Когда они подъехали к району, где впервые объявился клон, они увидели, что развалин там стало гораздо больше. В некоторых зданиях продолжался пожар,

в других огонь, прибитый дождем, слабо тлел. И только тогда Марк вздохнул свободно, когда увидел здание городской больницы.

Но что-то изменилось, и Марк почувствовал это, как только вышел из машины, которую поставил у запасного выхода. Больница была пуста, так он подумал вначале. Потом ему пришла мысль, что ее эвакуировали.

Над их головами послышался грохот двигателей вертолета, и на уже потемневшем небе обозначился темный силуэт машины. Марк понял, что эвакуация идет полным ходом, и двинулся по направлению к лифту. Но Гарри остановил его. Марк проследил за направлением его пальца и увидел зеленоватую пленку, покрывавшую стену и часть двери лифта.

Теперь клон изменил тактику. Он не расходовал энергию на поиски пищи больше, чем это было необходимо. Вместо того чтобы двигаться всей массой, он теперь вытягивал длинные тонкие нити, которые осуществляли поиск. Узкая лента клона тянулась вдоль всего вестибюля, при этом она обшаривала всю поверхность пола.

Марк повернулся в сторону лестницы. Она была свободна, но, поднявшись на один пролет, они оба остановились. Поперек дверного проема лестничного колодца виднелась еще одна лента зеленого вещества. Но сама лестница была свободна. На четвертом этаже они снова остановились. Гарри тяжело дышал. Марк словно оцепенел. Ни на одном из этажей, которые они прошли, не было слышно ни звука. Поперек прохода на лестничную площадку тянулась лента клона.

— Черт возьми, доктор, что будем делать? — спросил Гарри.— Оно же тянется через всю площадку.

— Какие у тебя надеты носки? — спросил Марк, снимая ботинки.

— Хлопчатобумажные,— ответил заинтригованный Гарри.

— Тогда снимай ботинки. Эта тварь не трогает хлопчатку. Заправь брюки в носки, как у меня...

Гарри начал быстро переобуваться, а потом они туго перевязали манжеты брюк шнурками от ботинок.

— Ты сперва постой здесь и посмотри,— сказал Марк.— Я еще не знаю, насколько эта тварь чувствительна к вибрации и к теплу, излучаемому человеческим телом.

Гарри открыл было рот, чтобы возразить, но, прежде чем он произнес хоть слово, Марк двинулся вперед и, поколебавшись, переступил через ленту клона. Немедленно от основной ленты отделилась тоненькая нить. Эта нить пододвинулась к обутой в хлопчатобумажные носки ноге. Марк не шевельнулся, и она двинулась вверх, изгибаясь, скручиваясь, перемещаясь то влево, то вправо, поднимаясь все выше и выше по хлопчатобумажным рабочим брюкам, а потом сползла вниз. Марк вздохнул. Тоненькая нить снова вернулась и слилась с основной лентой клона. Она вытянулась еще на несколько сантиметров и снова успокоилась.

— Порядок, Гарри. Тихонько делай то же самое. Старайся как можно меньше производить шума и не двигайся, если она дотронется до тебя.

У Гарри был затравленный вид, когда он взглянул на таящий в себе смерть барьер, отделявший его от Марка. Марк видел, как движутся его пальцы, и понял, что он складывает их крестом. После этого Гарри шагнул через ленту клона. И снова вытянулась ниточка и обследовала его ногу. Но на этот раз она не стала подниматься, потому что ей уже было ясно, что это не то, что ей нужно. Как только ниточка сползла с ноги Гарри, они двинулись по широкому коридору, стараясь ступать возможно тише. Дважды они видели, как появились тонкие нити. Одна из них промахнулась и не коснулась их вовсе, покачалась взад и вперед с секунду-другую и вернулась обратно. Вторая вползла по ноге Марка до его пояса. Марк расстегнул кожаный пояс и освободил его от петель. Ниточка добралась до его рубашки, начала опоясывать его талию, и тут он вдруг, холодея, подумал о том, что она может проникнуть между двумя полами рубашки, в том месте, где она застегивается. Зеленоватая полоска клона была уже в двух дюймах от пуговиц, когда остановилась, изменила направление, а потом спустилась вниз и втянулась в основную ленту вещества.

— С тобой все в порядке? — спросил Марк бледного Гарри. Он не хотел, чтобы Гарри свалился без сознания. Тот в ответ только кивнул.

— Опусти голову и сосчитай до пяти,— приказал ему Марк. Гарри повиновался, и, когда он снова поднял голову, на лице его уже не было той мертвенной бледности.

Южное крыло здания делало поворот под прямым углом. Детское отделение было отделено от остального помещения стеклянными дверями. Крики слышались оттуда. Их почти заглушал непрекращающийся гул двигателей вертолета, зависшего над зданием. Поперек входа в детское отделение, блокировав его, лежала полоска клона.

Насколько Марк мог разглядеть, клон еще не проник в южное крыло. Марк стал двигаться к двери, но внезапно резко остановился. Клон был и внутри. Он лежал ковром перед тремя закрытыми дверьми в глубине коридора детского отделения и двери тоже были покрыты слоем клона. Двигаясь быстро, но осторожно, Марк наступил на ленту клона, охранявшую вход в южное крыло здания, и, прежде чем ниточка-разведчик направилась к нему, он стремительно проскочил расстояние в десять или двенадцать футов в глубину вестибюля.

— Подожди минуту, Гарри,— крикнул он другу,— и беги сюда!

Он вошел в амбулаторное отделение, где была аптека детского отделения. По-видимому, все запасы йода уже были изъяты. Но он неожиданно обнаружил литровую бутыль йодного раствора, в ней было две трети жидкости. С лихорадочной поспешностью он опорожнил флакон для распыления жидкости и влил туда раствор йода. В амбулаторию влетел Гарри.

— Эта мерзость движется за нами, доктор, я, наверное, побеспокоил ее больше, чем ты.

— Ладно. Забери как можно больше спирта, который найдешь здесь, и перелей его во флакон для распыления.

Он положил флакон с раствором йода в карман и вышел в дверь амбулатории как раз вовремя, чтобы увидеть, что росток ткани клона движется к ним. Как только он приблизился, Марк брызнул на него йодом. Клон отпрянул, словно его ошпарили кипятком. Гарри тем временем переливал спирт во флаконы для разбрызгивания жидкостей, обнаруженные им в аптеке. Все его карманы были забиты ими. Он подошел к Марку, и они стали молча наблюдать за поведением клона.

Клон дотронулся до высыхающего слоя йодного раствора и отпрянул назад. На расстоянии фута от основной массы отделился другой росток, проделал то же самое и тоже отодвинулся от черты. Клон попытался пересечь черту йода в двух футах над полом, потом в трех, а по-

том уже у самого потолка. Он прополз поперек потолка, выбрасывая тонкие, как волос, нити, которые ощупывали черту йодного раствора, но каждый раз отдергивая их при соприкосновении с жидкостью. Так он прополз вдоль всей линии.

— Ну, кажется, это ему не преодолеть, доктор,— произнес Гарри еле слышно.

Марк поднял бутыль с раствором и посмотрел через нее на свет. В ней осталась всего половина. Он промолчал. Они направились в глубь вестибюля, где двери закупорил большой по размерам участок клона.

— Ты что, снова хочешь обрызгать его раствором йода? — спросил Гарри.

— Нет, его здесь слишком много. На этот раз мы воспользуемся спиртом, после того как я создам заграждение.

Марк провел защитную линию, а затем сказал Гарри, чтобы тот вылил побольше спирта на слой клона.

— А потом мы его подожжем спичкой,— сказал он с угрозой.

— Но ведь его не берет огонь,— возразил Гарри, разбрызгивая спирт.

На клон спирт не произвел никакого впечатления. Жидкость собиралась в углублениях его поверхности, кое-где стекала на пол.

— Я хочу заставить его отступить, чтобы нам расчистить пол возле одной из дверей,— ответил Марк.

Гарри зажег спичку и бросил ее на зеленоватую массу.

Когда пламя вспыхнуло, клон дернулся и отпрянул, стараясь избавиться от жгучего пламени. Спирт горел синеватым пламенем, но недолго, и погас. Резкий едкий запах вызвал слезы у Марка и Гарри, в горле у них першило. Они отогнали клон на три фута, после чего Марк провел линию йодным раствором, и они смогли подойти к двери. Марк постучал в нее.

Она чуть приоткрылась, и они с трудом в нее протиснулись. Ее нельзя было открыть больше из-за того, что все помещение было плотно забито людьми. Там были три большие комнаты, построенные с таким расчетом, чтобы их можно было, убрав перегородки, соединять в одно помещение. Сейчас так и было сделано.

Марк лихорадочно осматривался, ища Эди, но ее там не было видно.

Человек в белом халате, лет сорока, с загорелым лицом, протиснулся к Марку. Это был доктор Алмквист. Как он сказал, ему было поручено техническое осуществление всей операции. Где мисс Хэмпстед? Он не имеет ни малейшего представления. Он вообще не знает, кто где находится. Им говорили, что эвакуация закончится в час тридцать самое позднее. После назначенного времени прошло два часа, а ведь и на других этажах есть люди, сидящие в осаде.

— Как вам удается держаться? — спросил Марк.

— По внутренней связи была передана инструкция: в случае появления этой твари баррикадировать двери, они металлические, как вы знаете, а все щели законопачивать простынями или еще какими-либо другими материалами из хлопка, пропитанными раствором йода.

— Чего они не сказали,— продолжал он,— так это, как мы должны выбираться из забаррикадированных комнат, а также что надо сделать для того, чтобы выйти на крышу и быть поднятыми на вертолетах, что мы должны делать, когда здание будет разваливаться на куски. Наверное, сидеть и ждать. Но вы-то ведь прошли? Может быть, эта чертовщина скрылась?

Марк коротко объяснил ему все как было. Он только не сказал, что крики из детского отделения были единственными, которые слышались в здании. Он оглядел помещение, в котором было человек семьдесят пять или восемьдесят, и спросил:

— Сколько здесь больных?

— Большинство. Мы первыми подняли на крышу лежачих, потом была очередь тех, которые передвигались на колясках. Когда с этим покончили, было опасно дожидаться на крыше, поэтому мы разбрелись по разным отделениям.

Доктор Алмквист нервно рассмеялся и стал ворошить свои рыжие волосы рукой, пальцы которой дрожали.

— А эта гадина уже была на крыше в это время, понимаете?

Марк думал о том, не захватил ли клон уже все это здание.

— Доктор, вот что мы должны будем сделать. Гарри и я расчистим дорогу к пожарной лестнице, она ближе всего находится от этого помещения. Вам нужно переправить этих людей на два лестничных пролета выше на крышу солярия Седьмого южного отделения. Оттуда мы

подадим сигнал вертолетам, чтобы они нас забрали. Но не начинайте эвакуацию до тех пор, пока мы вам не свистнем, поняли? Есть у вас еще раствор йода?

В отделении нашлось еще два литра раствора, и Марк забрал их с собой.

Им понадобилось полчаса, чтобы расчистить путь для эвакуации осажденных больных и доктора. Когда последний из больных был доставлен на затопленную дождевой водой крышу солярия и вертолет улетел с первой партией больных, Марк повернулся к Алмквисту и спросил:

— А почему вы остались? Вы же педиатр, не так ли?

Алмквист опустил голову, а потом взглянул на Марка со смущенной улыбкой.

— Знаете, мне сейчас тысяча лет, а у меня еще трое парализованных детей.

Он отвернулся к группе детишек, мокнувших под дождем в ожидании своей очереди, и лицо его просветлело. Марк ничего не сказал, потом резко отвернулся и пошел к входу в здание.

— Я все-таки должен найти Эди,— сказал он Гарри.— А ты лучше побудь здесь и постарайся улететь со следующим вертолетом.

Гарри хмуро посмотрел в сторону и с явной обидой сказал:

— А кто будет обрабатывать эту тварь спиртом, когда меня не будет с тобой?

— Ну ладно, пойдем,— бросил ему Марк.

Он вернулся, подошел к Алмквисту и протянул ему руку.

— Простите!

Алмквист улыбнулся и ответил Марку крепким рукопожатием.

По ту сторону барьера из йода клон уже воздвиг массивную стену из своей ткани, и у Марка явилось подозрение, что он готовится перебросить через барьер свои нити-щупальца, чтобы двигаться через преграду. Он отогнал от себя эту мысль и постарался сосредоточиться на том, как им добраться до северо-восточного крыла, где должна была быть Эди. Он все еще стоял в нерешительности, когда внезапно услыхал, что кто-то его зовет. Он стал озираться, но тут сверху появился еще один вертолет, из которого снова его окликнули. Алмквист настойчиво указывал в сторону Марка. Он кинулся обратно.

— Эй, Кеннистон,— крикнул ему Алмквист,— это не ваша девушка делала сообщение по радио о применении йода?

Марк сделал утвердительный знак.

— Тогда она эвакуировалась... Дайте вспомнить.— Он закрыл глаза, мучительно вспоминая, а потом сказал:— Приют для девочек или тюремная школа, что-то в этом роде. Наверное, журналисты знают. Вон их вертолет.

Марк поднял глаза и увидел второй вертолет, выскочивший из облаков.

— Эй, вы Кеннистон? — крикнул ему кто-то с вертолета. Машина опускалась все ниже и ниже. Потом она села на крышу.

— Леди и джентльмены, а сейчас мы готовимся подобрать доктора Марка Кеннистона. Это молодой патологоанатом, который сделал первое сообщение об этом организме, и это именно он ворвался в радиостанцию, чтобы дать возможность комиссару Соренсену выступить по радио. Сейчас комиссара Соренсена уже нет в живых.

Баз сделал паузу, чтобы переждать шум затихающего двигателя, а потом сказал:

— Входите, доктор! Мы вас приветствуем у нас на борту. Можете вы что-нибудь сказать нашим радиослушателям?

— Все, кто сейчас слушает нас,— сказал Марк,— и не выезжает из города,— идиоты! Могу одно сказать: покидайте город, и как можно скорее. И будьте предельно осторожны, смотрите, куда вы наступаете.

Он сделал знак Базу отключить микрофон и спросил его:

— Говорят, вы совершили полет с эвакуированными в одну из женских школ? Какая это школа?

— Приют для девочек на площади Дэйвиса,— ответил Баз.— Там относительно спокойно, но здания рушатся. Там несколько сотен девочек, десятки из них прикованы к постели или имеют те или иные повреждения. Их эвакуация идет полным ходом.

— Можете вы забросить меня туда? — спросил его Марк.

Баз ответил:

— Я веду репортаж о ходе эвакуации во всем этом районе. У меня нет никаких возражений против того, чтобы слетать туда.

Марк и Гарри помахали доктору Алмквисту, который

с десятком больных детей ждал очередного вертолета. Они виднелись внизу маленькими фигурками, стоящими под дождем на крыше солярия.

Секундой позже клон внутри больницы перебросил дугу своей ленты через барьер йодного раствора, сделал ее твердой и стал передвигаться по ней словно по мосту.

Он стал обшаривать пол, обнаружил дверь, ведущую на крышу солярия, и выслал нити-разведчики на залитую дождем крышу. Когда вертолет прилетел за новой партией эвакуируемых, на крыше никого не было. Только тут и там в лужах воды виднелись бесформенные предметы одежды.

Баз Кингслей указал вниз. Там виднелись приземистые корпуса здания отвратительного вида, без каких-либо украшений. Они были похожи на серые кирпичи, брошенные в лужу воды.

— Здесь,— произнес Баз одними губами.

Он мог говорить в микрофон, зная, что его голос, усиленный на радиостанции, разносится по эфиру, но говорить в вертолете и услышать ответ было просто невозможно.

Окрестные дома явно носили следы разбойных нападений клона. Некоторые из них полностью рухнули, другие частично, но трудно было найти хоть одно уцелевшее здание.

Здание женской колонии для несовершеннолетних казалось относительно неповрежденным. Его южная стена подалась внутрь, и часть крыши просела, но остальные стены еще держались. На крышу садиться было нельзя, и они спустились по висячему трапу. Спрыгнув вниз, они оказались в воде.

В слуховом окне на крыше появилась женщина с резкими чертами лица.

— А-а-а, я думала, это вертолет для эвакуации. Крыша обрушивается. Ему теперь не сесть на нее еще раз.

Она уже хотела скрыться, когда Марк окликнул ее.

— Медсестра Хэмпстед у вас?

— Здесь она,— ответила женщина.— Вы прибыли помочь или задавать вопросы?

Марк спустился за ней по металлическим ступеням лестницы этажом ниже. Внутри здание оказалось более поврежденным, чем это казалось снаружи. Пол был устлан обвалившейся штукатуркой, сквозь десяток щелей лили потоки воды.

Гарри и женщина посмотрели друг на друга с взаимной неприязнью. Она снова повернулась к Марку.

— Где ваша сумка? Вы прибыли, чтобы оказать первую помощь! Не так ли?

— Где мисс Хэмпстед?

Она повернулась и сделала им знак следовать за ней, обходя места, казавшиеся непадежными. Они спустились тремя этажами ниже, прежде чем повернули в вестибюль. Здесь вдоль стен были двери малюсеньких, похожих на камеры комнатушек, и разрушений было еще больше.

— В южной стороне здание еще хуже,— сказала женщина.

Она привела их в зал, и тут внезапно через комнату к Марку рванулась Эди и повисла у него на шее.

— Марк, это ужасно! Эта тварь проникла в здание, а они не могли убежать. Они вынуждены были ждать, видя, как оно подползает к ним ближе и ближе, и ничего не могли сделать.

Марк держал ее в своих объятиях, чувствуя, как она дрожит.

— Что вы делаете сейчас? — спросил он ее.

— Некоторые из девушек оказались под развалинами. Эта тварь не до всех добралась, обошла две секции здания, когда оно рухнуло, а они остались там, когда оно начало разрушаться. Слава богу, эта тварь не появляется дважды в одном и том же месте.

Марк еще крепче обнял ее, но не сказал, чтобы не пугать ее, что она ошибается.

— Большинство из них уже погибло,— прибавила Эди.— Несколько добровольцев сейчас обыскивают развалины в поисках уцелевших. Марк, как оно может обрушивать дома?

Женщина с суровым лицом вмешалась в их разговор. Она бесцеремонно дотронулась до руки Эди.

— Работа не ждет, мисс, нужно много сделать до прилета вертолета. Я уже говорила, что мы не можем вынести их на крышу. Она разрушается. Их надо выносить во двор.

Эди высвободилась из рук Марка.

— Она права. Тут еще очень много дел...

И она направилась к девушкам, лежащим на полу или сидящим, прислонившись к стене.

— Мы израсходовали все свои запасы перевязочного

материала,— сказала Эди.— У нас уже нет никаких запасов. Ты ничего не прихватил с собой?

Посмотрев на пустые руки Марка и Гарри, она вздохнула.

— Ну ладно, обойдемся. Ведь осталось всего лишь каких-нибудь полчаса или немного больше.

Она опустилась на колени перед девушкой, которую оставила, бросившись к Марку. Девушка стонала, не открывая глаз, когда Эди начала менять окровавленную повязку на ее голове.

— У нее, кажется, сломана нога,— сказала Эди, указывая на другую девушку.

В течение следующего получаса они почти не проронили ни слова. Пожилая женщина заставила Гарри заняться поисками уцелевших вместе с другими добровольцами. Один из них появился еще до того, как Марк закончил наложение временной повязки последней из раненых.

— Мы никого больше не обнаружили,— сказал мужчина, устало прислонившись к двери. Его лицо было покрыто грязью, обсыпано известкой, с потеками от пота и дождя. Двое других мужчин вошли в зал. Одним из них был Гарри.

— Доктор, тварь уже здесь! Она снова в здании. Перекрыла все двери и окна, у нас нет отсюда выхода!

Марк посмотрел мимо девушки, которую он перевязывал, на оконный проем. По стеклу тянулось несколько тонких нитей. Он поднялся и выскочил к выходу. С верхней площадки лестницы опускались вниз тончайшие нити, словно кто-то ткал паутину. Рядом с ним появился Гарри.

— Вот как оно перекрывает все двери. И тут, доктор, и йод не поможет. Я уже попробовал. Теперь оно делает над ним мостик и перебрасывается через преграду. Как же так, доктор?

Что, тварь становится умнее, что ли?

А у них на руках было девятнадцать раненых девушек, няня, надзирательница и три добровольца-рабочих. И все они оказались в ловушке.

О том, чтобы отпугнуть тварь с помощью огня, не могло быть речи, потому что она уже усвоила метод, как преодолевать препятствия. Когда Марк повернулся к Эди, в ее глазах был ужас, а он не мог ничего сказать ей в утешение.

15 часов 30 минут

Ирэн Аппель говорила в микрофон спокойным голосом, не давая воли охватившему все ее существо страху. Вертолет пролетал над плотной толпой беженцев. Автомашины двигались по автостраде со скоростью пятнадцать миль в час. Создавалось впечатление, будто тронулись все машины, способные передвигаться. Все внизу представляло собой сплошной хаос, но в то же время в этом хаосе чувствовался какой-то внутренний порядок. Люди двигались как автоматы, и паника, которая ощущалась в городе, уступила место автоматизму.

Вертолет поднялся выше и набрал скорость, приближаясь к началу колонны, которая двигалась только в одном направлении, занимая всю проезжую часть улицы. Перед колонной, делая зигзаги, двигались патрульные мотоциклисты. Они обследовали все выходящие на магистраль улицы, останавливались для тщательной проверки перекрестков, затем снова трогались в путь.

Клон, как страшная зараза, проник в другие районы города. Легковые и грузовые машины, на которых люди пытались спастись, были косвенной причиной распространения клона. Прилипая к покрышкам, въедаясь в малейшие трещины и углубления резины, набрасываясь на нейлон, входящий в материал покрышек, клон отрывался от общей массы, но не бросал добычи. А оторвавшись от основного тела, он тем самым становился новым очагом своего распространения. Возник новый район поражения в дальнем северном конце города, другой — в пригороде.

Ирэн сделала пилоту знак повернуть обратно. Вертолет сделал круг и полетел навстречу новым партиям беженцев. Ирэн продолжала вести репортаж, рассказывая о людях, которых она видела внизу, и ее голос оставался ровным и бесстрастным. Они приземлились на аэродроме штаба Национальной гвардии. Капитан Рутерфорд, кивнув Ирэн, продолжал давать инструкции группе мужчин в военной форме.

— Вот этот район сейчас очищен,— говорил он, указывая на карту. Это был район шириной в шесть и длиной в пятнадцать кварталов. Капитан провел жирную черную линию по некоторым улицам.— Вот эти канализационные магистрали были перекрыты и действовать пока не будут. Что касается остальных, то у нас нет о них сведений. Наш план состоит в том, чтобы залить

весь этот район бензином и поджечь. Весь этот район выгорит, но в своем большинстве он уже и сейчас разрушен.

Ирэн сделала сообщение об этом плане, как единственном из известных крайних средств, рассчитанном на то, чтобы затормозить скорость распространения клона, приостановить его.

В 14 часов 10 минут Пит Лоренц с контрольной башни услыхал сообщение, что его жена почувствовала схватки, повторяющиеся через каждые десять минут. Он улыбнулся. Это было более двух часов тому назад, подумал он, снижаясь. Он видел, что посадочная полоса была укорочена и освещена, как новогодняя елка. Внезапно он весь напрягся. Что-то светилось переливчатым светом на взлетной полосе. Что-то слегка зеленоватого цвета, и это что-то двигалось. Он почувствовал приступ острого страха, а руки вцепились в штурвал. Это проникло и на аэродром Мидуэй!

Людей загоняли в самолет. Зеленоватое вещество было повсюду: его пленка извивалась на взлетной полосе и дальше, в стороне от летного поля, на погрузочных площадках. Он видел, что люди делали импровизированные огнеметы, используя бензовозы, из шлангов которых поливали огнем это вещество и сдерживали его продвижение.

В этот раз самолет стоял всего пять минут, времени не хватило даже для дозаправки горючим. В контрольной башне дежурную сменил какой-то мужчина, который ничего не знал о его жене и новорожденном. Как показалось Питу, мужчина на контрольной башне впал в истерику, это было слышно по его голосу.

— Это вещество уже проникло в здание! Боже мой! Оно в здании!

Потом передача прервалась, и уже другой, более спокойный голос заговорил, но, видимо, с большего расстояния.

— Уолли? Это ты, Уолли? — крикнул Пит.

— Да, Погрузился, Пит? Это последний полет, приятель. Получи подтверждение в Милуоки, хорошо?

С трудом поборов волнение, Пит произнес обязательные в таких случаях слова, Затем последовал короткий разбег и взлет. Он повел машину круто вверх, не обращая внимания на короткий выкрик, который он услышал в наушниках. Через секунду он снял их с головы,

прислушиваясь к крикам уже в самом самолете, словно они вторили тем, что он услыхал с контрольной башни. Он повернулся и увидел тонкую струйку воды, бегущую из-под двери.

— Только не в озере! — сказал он сам себе громко.— Эта тварь может жить в воде и расползаться дальше. Нет, мне нужно хорошенькое разрушенное здание, лучше, если оно уже горит....

И тут он увидел это здание — роскошный жилой дом. Он поднял самолет повыше, сделал круг, потом еще поднялся повыше, а затем круто опустил нос самолета вниз. Тонкая зеленоватая ниточка вползла в кабину пилота, и Пит с минуту смотрел на нее. Потом он закрыл глаза и стал молиться:

— Господи, пусть это будет мальчик! Дай мне погибнуть вместе с машиной, а не от этой гадины!

Самолет со страшным грохотом взорвался, когда он еще продолжал произносить свои мольбы.

Марк Кеннистон отчетливо представлял себе клон, перебирающийся через барьер из раствора йода, который они разбрызгали. Он отдавал себе отчет в том, что на этот раз у него нет практически ни одного способа перехитрить клон. Надзирательница стояла у двери и смотрела на выход к пожарной лестнице в глубине вестибюля.

— Вот оно,— произнесла она и Марк открыл глаза, сжав руку Эди, которая каким-то образом очутилась в его руке.

— Гарри, ты и другие мужчины, соберите все какие возможно простыни. Да побыстрее! — приказал Марк.

Гарри и двое других мужчин бросились внутрь помещения. Их топот гулко разнесся по разрушенному зданию.

— А вы,— обратился Марк к надзирательнице,— начинайте рвать простыни на полосы. Следите только, чтобы они не скручивались.

Он взглянул на девушек, прикидывая, кто из них сможет передвигаться самостоятельно, отделяя от тех, кто сделать этого не в состоянии. Гарри бросил в комнату две простыни и снова выбежал. Марк схватил одну из них и принялся раздирать ее на полосы шириной в шестнадцать дюймов.

— Мы должны,— сказал он, лихорадочно продолжая рвать ткань,— запеленать самих себя и всех остальных, как мумии.

Он принялся забинтовывать одну из девушек, окуты-

вая ее ноги таким образом, чтобы не видно было ни одного кусочка тела.

— Продолжай бинтовать,— сказал он Эди, а сам принялся за другую девушку.

— Только следите за тем, чтобы ни один кусочек тела не остался неприкрытым.— Он кинул взгляд на то, как идут дела у Эди, и одобрительно кивнул ей.— Все правильно. А теперь принимаемся за голову, закроем все: рот, глаза и так далее.— Он улыбнулся перепуганной девушке и, наклонившись к ней, сказал:

— Представь себе, что мы играем в слепых.

Эди прикрыла ее глаза лентой, и девушка кивнула своей забинтованной головой.

В комнате появилось еще шесть простыней, потом еще семь или восемь. После этого мужчина никуда не пошел.

— Там уже не пройти,— сказал один из них,— тварь покрывает пол.

— Хорошо,— ответил ему Марк,— рвите простыни шириной фута в полтора и тщательно обматывайтесь полосами, с большим запасом перекрывая витки.

Он закончил бинтовать одну девушку, потом принялся за другую. Пришли Гарри и второй доброволец, они принесли еще несколько простыней.

— Все доктор. Больше нет,— сказал Гарри Марку. Он захлопнул дверь и подоткнул в щель одну из простыней.— Это не остановит ее, но на какое-то время задержит.

Он принялся рвать простыни, и некоторое время в комнате было тихо. Вдруг надзирательница указала на бледно-зеленую нить, которая нашла трещину в штукатурке и теперь, извиваясь, раскачивалась вдоль стены, в сорока футах от того места, где они работали.

Они успели забинтовать девушек. Марк забинтовал Эди, а Гарри в это время трудился, бинтуя надзирательницу. Последним бинтовался Марк. В это время клон добрался до первой из девушек и начал ощупывать ее неподвижное тело. Она не сделала ни одного движения, и Марк надеялся, что она потеряла сознание. Он натянул себе на голову наволочку и перестал что-либо видеть, кроме слабого светлого пятна со стороны окна. Как можно туже он обмотал и затянул вокруг шеи полоску ткани, а потом завязал узел.

— Все готовы? — спросил он сдавленным голосом. В ответ послышалось глухое ворчание остальных.— Хо-

рошо. Тогда вперед пойдет надзирательница, она будет выводить нас. Все остальные должны взяться за руки и идти следом. Каждый мужчина понесет одну из девушек, которые не могут ходить, и...

— Я понесу Милли,— прервала его надзирательница.— Она легкая.

— Прекрасно,— сказал Марк.— В таком случае останутся только две девушки, за которыми мы должны будем вернуться.

Кто-то ойкнул, и послышался сдавленный вопль:

— Это ползает по мне. Я не могу, не могу!

— Это будет на всех нас! — крикнул Марк резко, отлично понимая, что паника может все погубить.— Тихо! Как только вы почувствуете это на себе, продолжайте идти ровным шагом, не торопитесь. Но не останавливайтесь и не дергайтесь. Эта штука будет тянуться за вами некоторое время, а потом отпадет, как только убедится, что имеет дело с несъедобной для него тканью. Где бы вас это ни застало, не впадайте в панику и не пытайтесь убежать.

Марк обнаружил, что уже различает кое-что через наволочку, и направился к первой из девушек, лежавшей на полу. Он помнил, что у нее сломана нога.

— Нужен один из мужчин,— сказал он.

Кто-то дотронулся до его руки, и он услыхал, как девушку подняли. Гарри взял другую девушку. Потом подошла надзирательница.

— Милли? — спросила она. В ответ послышался плач.— Тихо, тихо! Я постараюсь не делать тебе больно.

Марк взял следующую девушку и вдруг почувствовал, что другая поднимается на ноги.

— Пожалуйста, не оставляйте меня одну,— взмолилась она, снова падая на пол.— Я смогу передвигаться, честное слово, смогу, если кто-нибудь будет мне помогать, ну совсем чуть-чуть помогать.

Несколько девушек собрались вокруг двух оставшихся на полу.

— Мы не бросим вас,— сказал кто-то резко.— Вставайте, пошли!

Марк стиснул зубы, когда услышал, как ломается кость, и понял, что временная шина не удержала конечности и кость разошлась. Девушка вскрикнула и умолкла.

— Мы взяли ее,— сказал все тот же резкий голос.— Она, наверное, ходить не будет, но останется жива.

Остальные девушки подняли последнюю: она была без сознания. Вся группа начала двигаться к двери. Впереди шла надзирательница с Милли, лежавшей на ее широких плечах. Надзирательница ощупывала стену одной рукой. Мужчина, шедший за ней, держался за руку Милли и, в свою очередь, чувствовал, что кто-то еще держится за руку той, кого он нес сам.

Это было невероятно трудным путешествием, кошмаром, которому нет конца. К ногам Марка прилипал клон. Однажды он спутал ему ноги, и Марк должен был сменить малюсенькими шажками, перемещаясь буквально по сантиметрам. Но он не переставал двигаться, и наконец клон либо оборвался, либо отвалился. Надзирательница вела их, тщательно выбирая путь через обрушившиеся предметы.

Неожиданно Марк заметил, что говорит вслух, и сам поразился уверенности своего тона.

— Мы все идем вместе,— говорил он,— идем легко и спокойно. Никаких толчков, никаких остановок. Вы, возможно, почувствуете на себе это, но должны продолжать двигаться. Не пытайтесь сбросить с себя или вырваться.

Клон выбросил нить и коснулся его груди, потом двинулся вверх по наволочке, надетой на голову.

Марк почувствовал пот, побежавший по щеке, и сделал движение головой, чтобы ткань наволочки впитала его. Вторая лента клона начала ползать у него по спине. Он почувствовал, как усиливается давление на его лицо, что пятно света, видимое через ткань, уменьшилось. Он быстро закрыл глаза и немедленно почувствовал тяжесть клона на своих веках. Клон сбежал по щеке, и Марк плотно закрыл рот. Его трясозноб, мороз пробегал по телу, и Марк боялся, что его стошнит.

— Мы подошли к лестнице и начинаем спускаться,— услыхал он приглушенный голос надзирательницы.

Девушка, которую нес Марк, заплакала, и он крепче обнял ее. Клон сполз с его лица, сдавил наволочку на шее и переместился на грудь, а потом отстал совсем. Марк знал, что теперь он прилился за девушку. Она потеряла сознание. Марк слышал, что кто-то впереди начал плакать. Тогда он снова заговорил. И рыдания прекратились. Они прислушивались к его голосу, боялись потеряться, но все же слушали его голос. Для них его голос был тем же, чем для него страховочная веревка в тоннеле метро. Он продолжал говорить. Спускаясь по

лестнице, он думал об Эди, идущей впереди него, представляя себе, как она поддерживает девушку под руку, направляет ее, предостерегает от паники.

В некоторых местах клон был у них под ногами, и они двигались, как по слабо надутому матрасу.

— Не останавливайтесь. Двигайтесь, даже если вы будете перемещаться по сантиметру в минуту, только не останавливайтесь! — крикнул он.

— Он опутал меня всю: и бедра, и шею...— услыхал он голос надзирательницы.

Цепочка людей продолжала двигаться, правда, гораздо медленнее, и Марк почувствовал дополнительную тяжесть от массы клона, обволакивавшей все его тело. Стало невмоготу от возросшей тяжести от прикованной к Марку девушки. Каждый новый шаг давался ценой мучительных усилий, каждый вздох — пытка. Он уже не мог больше двигаться, обе его ноги оказались прижатыми друг к другу... Он передвинулся на несколько сантиметров, ощущение было такое, словно он двигался в море из смолы. Но вот он почувствовал, что с головы сползла тяжесть, и он облегченно и глубоко вздохнул и немедленно принялся говорить. Раздался истерический вопль одной из девушек.

— Помните,— повысил Марк голос,— оно не может проникнуть через хлопчатку. Продолжайте двигаться.

Девушка у него на плече всхлипывала. Тогда он шепнул ей:

— Успокойся. Он до тебя не доберется. Успокойся.

Она затихла, и шагов двадцать он нес ее и клон, но группа тоже продолжала двигаться. А Марк все говорил и говорил...

Еще ступени, и они уже идут по вестибюлю, потом почти останавливаются, потом чуть было не забрели в комнату, потом в другую, перебирались через завалы, которые надо было ощупывать, чтобы выбрать направление. Группа все двигалась и двигалась, пока неожиданно на них не подул свежий воздух. Марк ощутил на себе капли дождя, наволочка прилипла к лицу, и он закрыл глаза.

— Двор впереди прямо,— донесся до него голос надзирательницы. Марк споткнулся о столб или еще о что-то. Девушка крепче обхватила его за шею. Он потерял равновесие и, чтобы удержаться на ногах, оперся одной рукой о стену, почувствовав под рукой упругую подушку из клона. И тотчас клон начал двигаться под его

рукой. Марк отвел ее, ощущая, как тот вцепился в его руку. Он двинулся дальше, и клон отстал.

Дождь начал хлестать его изо всех сил. Марк продолжал держаться за руку девушки, которая была впереди, и шел, шлепая по огромным лужам, и почти наткнулся на девушку, когда она остановилась.

— Ну, вот мы и пришли,— сказала надзирательница.

Марк осторожно опустил свою ношу, но девушка еще несколько мгновений не отпускала его шеи. Он услыхал, как она прошептала:

— Спасибо, доктор. Большое спасибо.

Очень осторожно Марк снял с головы наволочку и осмотрел двор. Здесь клона нигде не было, и он сказал другим членам группы, что они могут снять свои капюшоны. Но предупредил, что нужно быть наготове и не снимать остальной хлопчатобумажной брони. Колпаки должны быть наготове, чтобы их надеть в любую секунду. Они присели в ожидании вертолетов, не обращая никакого внимания на дождь

16 часов 35 минут

Они сидели под проливным дождем во дворе, счастливые от сознания, что находятся там, и обменивались улыбками. Им было всем очень хорошо.

— Эй, там. С вами все в порядке? — раздался вдруг голос, покрывший шум дождя.

Они повернулись на голос. К ним шел пожарный с ранцевым распылителем. Когда он вышел из-под арки ворот, Марк тотчас узнал его. Это был один из тех водолазов, которые держали страховочные концы во время погружения в тоннель метро. При виде Марка пожарный воскликнул:

— Вот это здорово, доктор! А мы разыскиваем вас повсюду! Там хотят вас вызволить отсюда. Наш штабной автобус в четырех кварталах отсюда. Мы проводим вас туда.

Марк посмотрел на женщин и девушек, потом повернулся к пожарному. Тот следил за его взглядом.

— Хорошо, хорошо. Мы всех возьмем на буксир. У нас на улице стоит грузовик, а мы как раз собираемся уезжать. У нас кончается эта штука,— он указал на заплечный бак с раствором йода,— а достать тут его негде. Пошли, идите за мной, все идите!

Марк пропустил женщин вперед и пристроился в хво-

сте колонны. Все они несли на руках раненых, как и раньше. Когда они подошли к грузовику и погрузили всех, водитель сказал Марку:

— Доктор, пройдите вниз по улице до конца квартала и поверните налево. Через два квартала увидите — стоит один из наших грузовиков. Он стоит на перекрестке. Они вызовут для вас вертолет. Но потарапливайтесь.

Марк взглянул на Эди и Гарри.

— Садитесь,— сказал он им, показав на грузовик.— Я разыщу вас, как только освобожусь.

Эди и Гарри переглянулись. Потом посмотрели на Марка и отрицательно покачали головой, словно они предварительно сговорились после длительного обсуждения этого предложения.

— Мы решили остаться с тобой,— очень тихо сказала Эди,— поэтому не будем спорить. Нам лучше поторопиться. У нас не так много времени.

Марк начал было возражать, но у него не хватило слов, чтобы убедить их, и в душе у него все было переполнено теплым чувством. Он посмотрел на Эди и Гарри, на их смешные забинтованные фигуры и сказал водителю грузовика:

— А нет ли у вас здесь непромокаемых костюмов?

— Как не быть,— ответил он и показал в глубь кузова. Марк отвел Эди и Гарри к заднему борту машины, и они, порывшись, подыскали три подходящих по размерам костюма. Сорвав с себя все до белья, они натянули эти костюмы. Потом повернулись и пошли по улице, слыша вслед благодарственные восклицания женщин и напутственный возглас пожарного.

Они повернули за угол и остановились потрясенные: вся улица была заполнена клоном. Пленка вещества покрывала все вокруг. Она вздымалась, переливалась, ползла вверх и вниз по стенам еще не рухнувших зданий. На улицах высились груды рухнувших кирпичных стен, и конец квартала было трудно рассмотреть.

Гарри пожал плечами.

— Что делать? — сказал он.— Идти надо. Эта тварь не откатится назад, чтобы пропустить нас.

И он пошел вперед по улице. Не было слышно ни звука. Только капли дождя монотонно шелестели. Гарри обходил выступы клона, а когда обойти было невозможно, он осторожно наступал прямо на зеленоватое вещество и быстро поднимал каждую ногу, пока еще вздувающееся вещество не обволокло ее, Эди и Марк сле-

довали за ним. Уже подходя к концу квартала, Марк сказал им:

— А вы обратили внимание, как изменилось наше отношение к этой твари? Вот мы с вами идем по ней, словно всегда так и делали.

Эди обернулась к нему и улыбнулась.

— Именно в этом залог того, что мы победим его. Ах! — Отвернувшись, она прошла слишком близко от куска рухнувшей стены, из которой торчали обломки кирпичей с острыми краями. Сердце Марка оборвалось, когда он увидел, что она зацепилась за кирпич костюмом чуть выше правого колена. Костюм лопнул, и сквозь длинную прореху стало видно ее кожу. В одно мгновение все изменилось. Марк стал лихорадочно искать глазами, нет ли поблизости нитей клона, которые могли напасть на Эди. Он резким движением отбросил ее от стены, частично покрытой клоном, и сказал:

— Гарри, не видишь ли ты грузовика? Нам надо отсюда выбираться!

— Ничего не видно, доктор. Посмотрим, нет ли его за этим углом.

Они обошли угол. При ходьбе Эди сгибалась, прикрывая порванное место перчатками непромокаемого костюма. Они взглянули вдоль улицы. В конце ее была огромная куча рухнувших кирпичей, и из-за нее не было видно, что там дальше. Марк развел руками.

— Пошли дальше,— сказал он.

Они шли так быстро, как могли. Однажды им пришлось отбить нападение ленты клона, выбросившейся на них из окна второго этажа. Наконец они обошли груду кирпича и увидели грузовик. Он был почти весь покрыт слоем клона. Никого кругом не было видно.

— Видели, что случилось? — сказал Гарри.— Грузовик заблокировало рухнувшим зданием. Будем надеяться, что ребята успели смыться, но нам-то от этого не легче. Куда же нам теперь двигаться?

Они осмотрелись вокруг. Вид был пустынный: никаких следов живого человека, одни только развалины домов, заваленные и затопленные улицы. Улица, по которой они только что прошли, была покрыта слоем клона. Выхода у них не было — идти некуда.

Марк указал на многоэтажный гараж метрах в пятидесяти от того места, где они стояли. Подъездные эстакады были покрыты слоем клона, но этот слой был не очень толст.

— Давайте попробуем. Может быть, нам удастся добраться до крыши и нам повезет привлечь к себе внимание вертолетов.

Эди и Гарри смотрели туда с некоторым сомнением.

— Может быть, у вас есть другое предложение?

Они молча пожали плечами. Все трое преодолели расстояние до входа и стали подниматься вверх. Марк двигался справа от Эди, прикрывая ее ногу от возможного нападения нитей клона. Когда они осторожно ступали по ковру из клона, сверху иногда падали цементные плитки, отвалившиеся от одной из колонн. Падая на ближайшую эстакаду, они тут же тонули в зеленоватом слое.

Стальные конструкции здания над ними казались темно-красными в зареве пожаров, но, по крайней мере, там, наверху, не было клона. Они наконец добрались до того места эстакады, где клон уже сожрал весь бетон, и далее продвигались по сложному переплетению арматурного железа, когда-то находившегося внутри бетонных балок. Чем выше они поднимались, тем реже им попадался клон. И наконец, когда они выбрались на крышу, то увидели, что клон заметен здесь лишь отдельными пятнами. Но эти очаги клона почти полностью исчерпали имевшиеся запасы питательных веществ и теперь принялись выбрасывать во все стороны тонкие нити-щупальца.

Все трое взглянули на свинцово-серое небо, но не увидели ничего отрадного, кроме отягченных влагой туч.

— Думаю, что нам придется подождать,— сказал Марк,— и будем надеяться, они за нами скоро прилетят.

Выбрав себе место среди стальных ферм каркаса здания, они уселись у самого его края.

17 часов 30 минут

— Сколько же нам ждать?..— спросила Эди.

Они сидели на металлических конструкциях здания двенадцатого этажа, а внизу под ними улицы были затоплены водой. Собственно, улицу они и не видели, перед их взором плыла пелена тумана, пронизываемого струями дождя, да иногда они видели, как в воздухе взвивались зеленые ленты клона. На какую высоту способен клон выстреливать свои щупальца, Марк не знал.

— А сумеют ли они задержать эту тварь здесь? — спросила Эди через некоторое время.

Они должны сделать это. Вот если клон прорвется в озеро... Все озера почувствуют на себе его присутствие, все территории вокруг великих озер станут его жертвами, начнут гибнуть один за другим города, и по мере продвижения этой твари по земле может настать день, когда она прижмет людей к океанскому побережью, все разрастаясь и увеличиваясь в размерах.

Марк представил себе, какое количество органического вещества находится в глубинах океана, и у него засосало под ложечкой.

Эди внезапно крепко прижалась к нему, и он увидел раскачивающуюся в воздухе ленту клона, ищущую очередную жертву. Вот она дотронулась до ее руки, изогнулась и отпрянула от мокрой поверхности резинового костюма. Побег клона исчез за пеленой дождя.

Глядя поверх головы Эди, Марк видел дрожащее зарево пожаров, пятнами проступающее сквозь туман. Он ощущал запах пожарища и понимал, что если вертолет и пролетит, то это может оказаться слишком поздно. В этот момент он услыхал приближающийся рев двигателей. Гарри пытался криками привлечь к себе внимание летчика. Вертолет медленно плыл сквозь туман. Эта была та самая машина, на которой они прилетели в тюремную больницу, как догадался Марк. Баз Кингслей со своим неизменным микрофоном махал им приветственно руками.

Под дном вертолета, раскачиваясь по ветру, болтался веревочный трап. Марк и Гарри поймали его нижний конец и натянули, чтобы дать возможность Эди подняться. Эди поднялась, Гарри подтолкнул вперед Марка, а сам отступил на шаг. Стопло Марку встать на одну из первых ступеней трапа, как по его руке скользнула тонкая лента клона. Он тотчас же отпустил трап и, балансируя одной рукой, второй взялся за какую-то стальную балку каркаса и стоял так до тех пор, пока клон не оставил его и не скрылся. Вертолет, как только они отпустили трап, взмыл вверх футов на пятнадцать, а потом осторожно стал снова спускаться. На этот раз Марк успел подняться в машину. За ним быстро стал подниматься Гарри. Но до того, как они начали выбирать трап, в его нижний конец вцепился отросток клона и стал быстро подниматься по нему к вертолету. Бормоча проклятия, Гарри выхватил свой нож и одним ударом

перерубил веревку... Летчик круто поднял вертолет в воздух и повел его с предельным для машины набором высоты.

До сознания Марка с трудом доходило, что говорил Баз Кингслей, бубня в свой микрофон, да он и не старался вникать в смысл его репортажа.

Они приземлились, и, наверное, Баз сумел заранее передать сообщение об их прилете, потому что их встретил армейский «джип» с сидевшим в нем майором.

Во втором «джипе», следовавшем за ними, Ирэн Аппель и Мэри Купер. Ирэн, стоя на сиденье, махала рукой Базу.

— Мы тоже сели, Баз! Видимость нулевая. Больше полетов над городом не будет. На подходе самолеты-распылители.

Баз пересел к ней в «джип», и они уехали.

Майор представился. Его звали Том Арлингтон. Он повез их в штаб, который разместился в арсенале. Им дали сухую одежду, а потом накормили горячим супом и кофе, и тут же, без всякого перерыва, состоялось совещание, посвященное вопросу о том, как можно остановить распространение клона.

— Доктор, Кеннистон, вы специалист. Что нам теперь делать? Минут через десять мы ждем появления в воздухе самолетов-распылителей. Каждый из них в состоянии покрыть раствором две тысячи акров. Все самолеты заправлены раствором йода. Так вот, возникает вопрос: откуда лучше всего нанести удар? Откуда самолеты должны начать распылять раствор?

Марк отодвинул тарелку с супом и взглянул на карту, занимавшую всю стену комнаты. На ней был весь город с пригородами. Жирная красная линия охватывала почти весь город. Внутри ее был клон, он рос с каждой минутой и то тут, то там прорывался за черту, появляясь за мили от места его первоначального зарождения.

— Береговую линию нужно всю залить раствором. Нужно во что бы то ни стало не дать проклятой твари попасть в озеро, а если это случится, нас ничто уже не спасет,— сказал Марк.

Самолеты начали опрыскивание со стороны озера, поливая береговую линию сперва полосой в пятьдесят футов шириной, потом во втором заходе полоса увеличилась до ста футов, потом до полумили. Другие самолеты

начали операцию опрыскивания за несколько миль к западу, направляясь в глубь пораженного района, с каждым заходом расширяя полосу отравы. Скоро весь город был опоясан кольцом раствора йода шириной в милю. На это потребовалось два часа. Особенно много раствора сбрасывалось в реки.

Клон попытался выдвинуть отростки в тщетных попытках найти источники питания. Центр города уже не мог дать ему достаточное количество питательных веществ для поддержания жизнедеятельности всего организма. Лишенные бетонных оболочек, стальные конструкции вздымались высоко в небо, словно вехи, указывающие на те места, где когда-то стояли самые высокие здания города. А там, внизу, толстые слои клона покрывали буквально все вокруг. Распространяться он больше уже никуда не мог: по всему периметру огромной площади была создана преграда из раствора йода. Город был опустошен. Клон заполнил собой всю канализационную систему, все тоннели метрополитена и все подвалы зданий. Он проник во все сооружения, высасывая последние крупицы солей кальция там, где мог их найти. В лихорадочных поисках питательных веществ вся огромная масса клона пришла в движение и стала пульсировать еще яростнее. Из основной массы вещества вверх взлетали многочисленные ленты и жгуты, вспучивались мощные желваки. Было такое впечатление, будто воздух пронизывают ленты серпантина в новогодний праздник.

Вся колоссальная масса клона, раскинувшаяся на площади в сто квадратных миль, вздымалась, извивалась и взрывалась. Было впечатление, что город представлял собой нечто живое и сейчас бился в предсмертных муках. Насколько позволяла видимость, город представлял собой арену агонии клона. Он пытался перебраться через смертельный для него барьер из раствора йода по омертвевшим участкам своей собственной ткани, но и в этом терпел неудачу. Как только люди замечали уязвимое для прорыва клона место в йодном барьере, они без промедления устремлялись туда с новыми порциями раствора.

И вот настало время, когда клон уже не мог больше расходовать столько энергии, сколько ему требовалось для поддержания своей активности. Он умирал от голода. Перестали взлетать вверх зеленоватые ленты и жгуты, он прекратил метаться. Когда все ресурсы питатель-

ных веществ были исчерпаны, в его молекулярной структуре произошли новые изменения. Клон пытался приспособиться к изменившимся условиям.

Повсюду движение вещества клона внезапно прекратилось, и это неожиданное спокойствие производило такое же цепенящее действие, как и зрелище пульсирующей и дергающейся массы. Люди, наблюдавшие за поведением клона с самолетов, поняли, что клон готовится к каким-то новым действиям в изменившихся условиях. По радио полетели во все концы предупреждения быть готовыми ко всяким случайностям.

Клону потребовалось всего двадцать секунд для того, чтобы перестроить свою внутреннюю структуру, но извне, на первый взгляд, никаких признаков этих перемен обнаружить не удавалось. На тот раз наиболее способные к перестройке и приспособляемости молекулы организма клона нашли выход, гибельный для всей массы клона. Эти молекулы начали жить за счет поглощения остальной массы клона, он стал получать необходимую энергию, пожирая самого себя. Вскоре на поверхности массы клона стали появляться провалы и ямы. Их стали заливать и опрыскивать новыми порциями раствора йода, и процесс пошел еще быстрее.

К 22 часам люди поняли, что они укротили клон. Не было новых сообщений о прорывах вещества или его новых появлениях, а он сам уже был не в силах добраться до озера. С пожарами, бушевавшими в городе, вести борьбу было совершенно невозможно, и значительная масса клона погибала вместе с горящими зданиями. Деваться ему было некуда, яростное пламя пожарищ заставляло его метаться и корчиться, выбрасывать свои побеги в поисках спасения, но все было бесполезно, и он погибал в огне. Уцелевшее вещество клона усилило лихорадочные поиски питательных веществ и подбирало абсолютно все, что только могло превратить в свою ткань. Ослабленные предыдущими нападениями клона, здания не выдерживали увеличивавшейся под его весом нагрузки и рушились.

Город был затоплен, разрушен и во власти огня. Марк начал осознавать размеры битвы, ведущейся за город, смертельной битвы против твари, погубившей город. Он чувствовал в своей руке руку Эди. Город погиб, но люди выстояли. Они еще борются.

* * *

Под каждым большим городом и сейчас текут целые реки, в которых в изобилии находятся всевозможные минеральные и органические вещества. Они представляют собой богатый источник энергии, могущей дать толчок к возникновению практически любой химической реакции. В этих потоках есть измельченные питательные вещества любого рода, мыльные растворы и моющие вещества, красители и чернила, косметические препараты, помои и отбеливатели, смолы и катализаторы, ферменты и отходы жизнедеятельности человека и животных. Перемешиваясь в почти бесконечных вариациях и концентрациях при самых различных температурах и давлениях, эти вещества представляют собой тот химический котел, из которого может возникнуть что угодно...

СОДЕРЖАНИЕ

К. Педлер, Дж. Дэвис
Мутант-59
Перевод О. Битова
5

Майкл Крайтон
Штамм «Андромеда»
Перевод В. Тальми и О. Битова
229

Теодор Томас, Кейт Вильгельм
Клон
Перевод Н. Ситниковой
447

Литературно-художественное издание

ШТАММ «АНДРОМЕДА»

Ответственный редактор *А. Г. Белевцева*
Редактор *Н. И. Овчинникова*
Технический редактор *Л. П. Бирюкова*
Корректоры *В. И. Николаева, Е. В. Анурова*

ИБ № 8089

Сдано в набор 30.01.91. Подписано к печати 21.03.91. Формат 84×108/32. Бумага книжно-журнальная. Печать высокая. Гарнитура обыкновенная. Усл. печ. л. 29,4. Уч.-изд. л. 31,22. Тираж 52 тыс. экз. Заказ № 660. Цена 4 руб. 50 к.

Издательство «Мир», 129820, ГСП,
Москва, И-110, 1-й Рижский пер., 2.

Кооператив «ЭЯ», 277012, Кишинев, А/Я 148.
4-я типография издательства «Наука», 630077, Новосибирск,
ул. Станиславского, 25.

4 р. 50 к.

